

К-1948

ОТДѢЛЬНЫЙ ОТТИСКЪ ЮНЬСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА
„Всесмірныи Вѣстникъ“.

61927

24

ГЕОРГЪ КЕННАНЪ.

СИБИРЬ!

Пер. д-ра Генр. Руэ и д-ра Алекс. Вольфа.

Перепечатывается съ берлинскаго изданія.

ЗБМ.
ПЧ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерева и К^о), Фонтанка, 117.

1906.

Предисловіе къ переводу.

Есть книги, которыя нужно читать страницу за страницей, строку за строкой, чтобы дѣйствительно вынести изъ нихъ то впечатленіе, которое авторъ хочетъ произвести. Такія книги дѣйствуютъ не своимъ красивымъ, яркимъ изложеніемъ, не поражающей новизной мыслей; главное значеніе ихъ состоитъ въ томъ истинномъ, звѣрскомъ и неопровергаемомъ характерѣ сообщаемыхъ фактовъ, которому онѣ обязаны своимъ невольнымъ краснорѣчіемъ. Тотъ, котораго вниманіе она привлекаетъ только на короткое время, долженъ уже прислушиваться до послѣдняго слова; на краснорѣчивость эту можно такъ же мало не обращать вниманія, какъ и на силу самихъ фактовъ. Она убѣдительна, имѣетъ потрясающее дѣйствіе. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ и та, въ которой Георгъ Кеннанъ, извѣстный американскій писатель, описалъ Сибирь; сочиненіе это переведено почти на всѣ европейскіе языки. Описаніе самой стороны, и ея жителей имѣетъ второстепенное значеніе. Георгъ Кеннанъ, уже два раза передъ тѣмъ бывшій въ европейской и азиатской Россіи и владѣющій русскимъ языкомъ настолько, что можетъ изъясняться и писать на немъ, объѣздивъ въ 1885 г. Западную Сибирь съ твердымъ намѣреніемъ изслѣдовать систему ссылки на мѣстѣ. Съ этой цѣлью онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе министра внутреннихъ дѣлъ, имѣя къ нему рекомендательное письмо отъ министра иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Онъ никогда не получилъ бы этого позволенія, если-бы русское правительство не знало, что онъ публично выступилъ противникомъ нигилистовъ и революціонеровъ. Тогда въ С.-Петербургѣ безсомнѣнно надѣялись, что онъ возьметъ на себя защиту системы ссылки по окончаніи своего путешествія по Сибири и на этомъ основаніи предоставили исключительно ему осмотрѣть сибирскія тюрьмы и пріобрѣсти самыя точныя свѣдѣнія объ ихъ управленіи. Однако все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Сибири, исполнило его великимъ ужасомъ съ одной стороны, а съ дру-

гой — невыразимымъ чувствомъ сожалѣнія. Поэтому онъ представляетъ свои личныя наблюденія не какъ защитникъ, но какъ обвинитель русскаго правительства и съ страшной откровенностью настоящаго янки открываетъ всю тяжелую вину, которую русское правительство, начиная съ Петра Великаго, взяло на себя.

Какъ много ни писано о системѣ ссылки, и какъ ни потрясающе представленіе, которое имѣютъ о ней въ Россіи, однако всю истину впервые высказываетъ Георгъ Кеннанъ въ своемъ сочиненіи „Сибирь“, и истина эта такъ поразительна, такъ ужасна, что мгновенно становится понятнымъ, почему авторъ привелъ въ заголовкѣ своего произведенія слова Данте: „покиньте всѣ ваши надежды, лишь только вы переступили черезъ этотъ порогъ!“ Прежній руссофилъ отпирается въ своемъ „credo“, въ ужасѣ онъ узнаетъ связь, существующую между произволомъ, тяготѣющимъ надъ русскимъ народомъ, и не прекращающимися попытками революціонеровъ сбросить съ себя невыносимую тяжесть. Эта связь между произволомъ и нигилизмомъ нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ въ полной ужасахъ системѣ ссылки, въ наблюденіи правительственной безчеловѣчности и ея несчастныхъ, достойныхъ сожалѣнія жертвъ. Заслуживаютъ вниманія слова извѣстнаго американскаго литератора, который встрѣтился съ Георгомъ Кеннаномъ на обратномъ пути изъ Сибири. „Я говорилъ съ человѣкомъ, который былъ въ аду“, сказалъ онъ. И дѣйствительно, описанія невыразимыхъ бѣдствій, въ которыя ввержены ссылки, и которыя оканчиваются сумасшествіемъ или самоубійствомъ, — описанія эти представляются намъ, какъ бы порожденіемъ адской фантазіи. Но мы не приводимъ здѣсь картинъ, нарисованныхъ фантазіей, а представляемъ истинную безутѣшную дѣйствительность. Самодержавная бюрократія ввергаетъ ежегодно въ невыразимое бѣдствіе сотни, тысячи людей, мужчинъ и женщинъ, которые не только не совершили никакого преступленія, но принадлежатъ, напротивъ того, къ самымъ лучшимъ гражданамъ своего народа, или, которые, какъ изволилъ выразиться важный чиновникъ въ Семипалатинскѣ, по имени Павловскій, „могли бы въ другихъ отношеніяхъ оказать неоцѣнимыя услуги государству“. Самъ генералъ-губернаторъ Анучинъ называлъ въ своемъ донесеніи императорамъ жизнь политическихъ преступниковъ „невыносимой“, и Александръ III

собственной рукой написалъ: „Это грустная, но ни чуть новая картина!“ Георгъ Кеннанъ посвятилъ свое талантливое перо служенію гуманности. Онъ хочетъ поразить весь образованный міръ, въ надеждѣ, что этой „силѣ“ удастся облегчить немного положеніе достойныхъ сожалѣнія жертвъ страшнаго произвола и улучшить участь нашихъ бѣдныхъ собратьевъ въ Россіи. И его напоминающій и предостерегающій гласъ не долженъ былъ-бы остаться безъ вліянія, какъ „голосъ зовущаго на помощь въ пустынь“. Всѣ газеты, — за исключеніемъ русскихъ журналовъ, — раздобыли книгу „Сибирь“ и привели изъ нея цитаты. Также во всѣхъ государствахъ западной Европы сдѣланы переводы этого надѣлавшаго много шуму сочиненія. Нѣмецкій переводъ вышелъ въ свѣтъ изданнымъ такъ же, какъ и тотъ же самый русскій и выдержалъ до сихъ поръ до 13 изданій. Также различные государственные люди съ Гладстономъ во главѣ считали своимъ долгомъ обратить вниманіе своихъ единосемцевъ на безчеловѣчное обхожденіе съ политическими преступниками въ Сибири. Издатели и переводчики желаютъ изданіемъ перевода на русскій языкъ ясно представить русскому образованному міру состояніе Сибири и увеличить овладѣвающее нами чувство отвращенія къ системѣ, которая покрываетъ позоромъ наше столѣтіе. Намъ еще остается теперь выразить также и свое сердечное желаніе, чтобы это русское изданіе нашло тамъ, гдѣ слѣдуетъ, подобающій приѣмъ и вызвало благотворную перемѣну въ обращеніи русскаго правительства съ политическими преступниками.

Прессбургъ (Венгрія),
8 іюня 1891 г.

Переводчики.

Отъ автора.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію Сибири и изложенію той системы ссылки, которая практикуется до сихъ поръ въ Россіи, я долженъ упомянуть о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я предпринялъ мою поѣзду въ эту часть обширнаго русскаго государства, и, вообще, высказать мои взгляды на русскіе порядки, которые я въ то время имѣлъ. Уже въ 1879 г. возникла у меня мысль изслѣдовать наимѣнѣе извѣстныя части Сибири и въ то-же время изучить подробно пересыльную систему. Если судить по тѣмъ наблюденіямъ, которыя я сдѣлалъ втеченіе трехъ съ половиной лѣтъ моего пребыванія въ этой странѣ, а также во время моего путешествія отсюда въ С.-Петербургъ, изслѣдователя ожидало на этомъ поприщѣ чрезвычайно много интереснаго и до тѣхъ поръ не описаннаго. Конечно, Русскіе, обладающіе около трехсотъ лѣтъ этой страной, были сравнительно знакомы съ ней, но для Американца она была такая-же terra incognita, какъ Центральная Африка или Тибетъ.

Убіиство Александра II въ 1881 г. и ссылка значительнаго числа русскихъ революціонеровъ въ Забайкальскіе рудники усилили еще болѣе мой интересъ и возбудили во мнѣ желаніе не только изучить пересыльную систему, но и изслѣдовать само революціонное движеніе въ той части Россіи, гдѣ единственно можно было рассчитывать на какой-нибудь успѣхъ, т. е. на мѣстѣ самой ссылки.

Напрасно было-бы искать въ С.-Петербургѣ или Москвѣ нигилистовъ или разъясненіе интересовавшихъ меня социальныхъ явленій. Главные вожди революціоннаго движенія 1878—1879 гг. находились уже въ рудникахъ; найти-же тѣхъ немногихъ вожаковъ, которые ускользнули отъ бдительнаго взора императорской тайной полиціи, какъ и понятно, я не имѣлъ никакой надежды. Оставалось только

одно средство: вступить въ Сибири въ непосредственное сношеніе съ сосланными нигилистами и отъ нихъ получить ключъ къ разгадкѣ интересовавшихъ меня явленій.

Много обстоятельствъ, какъ-то, отсутствіе необходимыхъ средствъ, времени и т. д. мѣшали мнѣ привести въ исполненіе мою мысль, пока мнѣ въ 1884 г. не удалось заинтересовать въ пользу моего проекта издателя „Century Magazine“, который сдѣлалъ мнѣ предложеніе отправиться въ Сибирь и обнародовать въ его журналѣ результаты моихъ изслѣдованій.

Я предпринялъ предварительную поѣзду въ С.-Петербургъ и Москву, чтобы собрать матеріалы и удостовѣриться, не поставитъ-ли русское правительство мнѣ преградъ къ выполненію моего предпріятія. Въ октябрѣ я вернулся назадъ, вполне убѣжденный, что мой планъ выполнимъ, что русское правительство вовсе не имѣетъ въ виду скрывать настоящее положеніе дѣлъ въ Сибири, и что мое литературное прошлое, по скольку я таковымъ обладалъ, давало мнѣ надежду на любезность правительственныхъ лицъ и на тѣ облегченія, на которыя всякій путешественникъ, расположенный благосклонно къ существующимъ порядкамъ, можетъ рассчитывать.

Въ самомъ дѣлѣ, мое мнѣніе о каторгѣ и объ обращеніи русскаго правительства съ политическими преступниками я изложилъ открыто и ясно въ лекціи, читанной мною въ засѣданіи нью-іорскаго географическаго общества въ 1882 г., а также въ газетныхъ статьяхъ по поводу завязавшейся послѣ моей лекціи племики. Я былъ въ то время твердо убѣжденъ, что Степнякъ и князь Крапоткинъ съ злымъ умысломъ извратили дѣйствительное положеніе дѣлъ, что Сибирь вовсе не такая страшная страна, какъ воображали Американцы, а что, напротивъ, изображеніе рудниковъ, гдѣ работаютъ ссыльно-каторжные, и тюрьмы, находящееся въ сочиненіи священника Генриха Ланселля, вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Нигилистовъ, террористовъ и т. д. я считалъ за неразумныхъ, закоренѣлыхъ фанатиковъ на анархической подкладкѣ, а съ людьми этого пошиба мы въ Соединенныхъ Штатахъ въ то время какъ разъ сдѣлали не очень пріятное знакомство. Короче говоря, я былъ вполне на сторонѣ правительства и рѣшительнымъ противникомъ русскихъ революціонеровъ. Я дѣлаю особое удареніе на

этомъ обстоятельствѣ, не потому что мое мнѣніе имѣло особое значеніе, но потому что оцѣнку какого-нибудь изслѣдованія можно произвести только тогда правильно, когда читателю хорошо извѣстны склонности и предубѣжденія самого изслѣдователя. Кромѣ того, на мои симпатіи къ русскому правительству, которыя я питалъ въ то время, считаю долгомъ обратить потому особое вниманіе, что онѣ объясняютъ дружелюбное отношеніе ко мнѣ властей втеченіе всего моего пребыванія въ Сибири, полученіе мной позволенія осматривать рудники и тюрьмы и тѣ незначительныя и рѣдкія препятствія, которыя власти полагали мнѣ на пути достиженія моихъ намѣреній, даже тогда, когда мои сношенія возбудили вполне справедливо и основательно подозрѣніе мѣстныхъ сибирскихъ властей.

Сомнительно, дали-ли бы позволеніе путешественнику, который еще раньше не заявилъ себѣ рѣшительнымъ сторонникомъ существующей правительственной системы и который хотѣлъ-бы изучить пересыльное дѣло, пуститься по Сибири, и еще болѣе сомнительно, не рѣшились-ли бы власти причинить такому путешественнику серьезныя непріятности, если-бы онѣ открыли, въ какихъ интимныхъ отношеніяхъ этотъ путешественникъ стоитъ къ выдающимся политическимъ преступникамъ. Только письмо русскаго министра внутреннихъ дѣлъ обезпечивало меня при частыхъ столкновеніяхъ съ мѣстной полиціей или подозрительными чиновниками разныхъ вѣдомствъ въ отдаленныхъ сибирскихъ деревушкахъ, отъ опасности быть арестованнымъ, результатомъ чего было-бы немедленная конфискація моихъ замѣтокъ и документовъ и высылка подъ эскортомъ изъ предѣловъ царства. Письмо это, мой якорь спасенія въ нуждѣ и опасности, никогда не попало-бы въ мои руки, если-бы я не былъ извѣстенъ, какъ защитникъ русскаго правительства противъ его многочисленныхъ враговъ, или если-бы послѣднее не поддавалось предположенію, что личное самолюбіе и желаніе показать себя послѣдовательнымъ помѣшаютъ мнѣ сознаться въ моей ошибкѣ, если-бы состояніе тюремнаго и пересыльнаго дѣла было даже гораздо хуже, чѣмъ я ожидалъ. Насколько это предположеніе было основательно и насколько мои предубѣжденія соотвѣтствовали дѣйствительному положенію вещей, лучше всего покажетъ мой трудъ.

Прежде чѣмъ закончить предисловіе, я долженъ выска-

зать моимъ многочисленнымъ друзьямъ, знакомымъ и покровителямъ въ Россіи и Сибири, которые ободряли меня, помогали моимъ розыскамъ и доставили драгоценный матеріалъ для моего сочиненія, мою глубокую, сердечную признательность. Одни изъ нихъ — политическіе ссыльные, рискнувшіе всѣмъ своимъ будущимъ (!), которое еще ихъ ожидаетъ чтобы только доставить мнѣ свѣдѣнія объ ихъ житьѣ-бытьѣ; другіе — офицеры пересыльнаго вѣдомства, которые довѣрились моей чести и сообщили безъ утайки результаты своей долготѣйшей опытности. Были между ними честные, гуманные тюремные смотрители, которымъ надоѣли безконечныя и безплодныя жалобы на дурное состояніе мѣстъ заключенія, и которые хотѣли сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы обратить вниманіе правительства и всего свѣта на царящее въ тюремномъ дѣлѣ зло.

Большую частью я обязался не называть этихъ людей по имени. Хотя заслуги и характеръ этихъ людей даетъ имъ полное право на то, чтобы не быть забытыми потомствомъ, но, къ несчастью, они живутъ въ странѣ, правительствомъ которой считаетъ всякое честное, открытое мнѣніе доказательствомъ „неблагонадежности“, а стремленіе ихъ улучшить или исправить какое-нибудь ненормальное явленіе наказываетъ, какъ преступленіе. Упомянуть ихъ имена значило-бы передать ихъ на жертву ярости правительства и отнять у нихъ даже ту ограниченную возможность дѣлать добро, которой они обладаютъ. Только тѣмъ я могу выразить имъ мою признательность за ихъ довѣріе, доброту и помощь, что я воспользуюсь, согласно ихъ желанію, полученными свѣдѣніями въ интересахъ гуманности, свободы и добраго, разумнаго управленія. Къ Россіи и русскому народу я питаю самыя глубокія симпатіи; если-бы мнѣ удалось посредствомъ правдиваго, непреувеличеннаго изложенія результатовъ моего изслѣдованія ближе познакомить весь свѣтъ съ этой страной и ея обитателями, если-бы мнѣ удалось хоть немного облегчить страшную участь тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ „до Бога высоко, до царя далеко“, это было-бы для меня самой лучшей наградой за то полное лишеніе путешествіе и тѣ самыя страшныя открытія, которыя я когда-либо въ жизни сдѣлалъ.

Георгъ Кеннанъ.

Черезъ русскую границу.

Сибирская экспедиція, снаряженная издателемъ журнала „Century Magazine“, отправилась 2-го мая 1885 года изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль. Она состояла изъ двухъ участниковъ, бостонскаго художника Георга А. Фроста и автора этихъ очерковъ. Мы оба говорили по-русски, оба уже бывали въ Сибири; я посѣщалъ уже въ четвертый разъ владѣнія русскаго царя. Мое знакомство съ г. Фростомъ относится еще ко времени нашей совмѣстной службы въ русско-американскомъ телеграфномъ обществѣ. Продолжительное пребываніе на сѣверѣ Азіи подготовило насъ къ трудностямъ и лишеніямъ, сопряженнымъ съ поѣздкой по Сибири.

Составленный нами планъ дѣйствія получилъ полное одобреніе издателя „Century Magazine“, который выдалъ намъ полномочіе. Неограниченныя средства и полнѣйшая свобода дѣйствій въ выборѣ пути, времени и т. д. подавали надежду на полный успѣхъ предпріятія, хотя мы отлично сознавали всю трудность взятаго нами на себя дѣла.

Въ воскресенье, 10-го мая мы достигли Лондона, гдѣ пробыли до среды, 13-го мая. Изъ Лондона мы пустились дальше и черезъ Доверъ, Остенде, Кельнъ, Ганноверъ, Берлинъ и Эйткуненъ прибыли въ С.-Петербургъ. По случаю поздняго времени года намъ было чрезвычайно важно достигнуть какъ можно скорѣе Сибири, чтобы воспользоваться еще лѣтней погодой и удобными дорогами. Поэтому я рѣшилъ остаться въ С.-Петербургѣ только на пять дней, но на наше горе въ это время начался цѣлый рядъ церковныхъ праздниковъ, и изъ десяти дней нашего пребыванія въ столицѣ царя мы воспользовались лишь четырьмя, чтобы покончить наши дѣла.

Какъ только мнѣ удалось добиться аудіенціи у г. Влангалли, товарища министра иностранныхъ дѣлъ, я передалъ ему рекомендательныя письма и высказалъ ему открыто мои

намѣренія. Я говорилъ, что ссылка на каторжныя работы была до сихъ поръ выставлена въ самомъ дурномъ свѣтѣ предубѣжденными писателями, что правдивое изображеніе страны, тюремъ и каторги можетъ принести только пользу правительству, и что я, послѣ того какъ самъ защищалъ правительство, изъ опасенія прослыть лгуномъ, не могу публиковать фактовъ, опровергающихъ мои прежнія утвержденія. Слова эти, которыя выражали только мое глубокое убѣжденіе, произвели, повидимому, благопріятное впечатлѣніе на товарища министра. Пробесѣдовавъ со мною минутъ двадцать, онъ меня отпустилъ, увѣряя, что позволеніе отправиться въ Сибирь я получу во всякомъ случаѣ, и что онъ письменно сообщитъ губернаторамъ тѣхъ губерній, которыя мнѣ придется проѣзжать, о цѣли нашей поѣздки, для того, чтобы мы могли безпрепятственно продолжать нашъ путь; кромѣ того, что главнѣе всего, онъ обѣщалъ намъ доставить рекомендацію отъ министра внутреннихъ дѣлъ. На мой вопросъ, дастъ ли эта рекомендація намъ возможность посѣщать тюрьмы, г. Влангалли отвѣчалъ отрицательно, такъ какъ это зависитъ всегда отъ мѣстныхъ губернаторовъ. Но на вопросъ, позволятъ ли эти послѣдніе посѣщеніе мѣстъ заключенія, онъ отвѣтилъ уклончиво.

Изъ этого я заключилъ, что правительство не желаетъ снабдить насъ неограниченными полномочіями, а хочетъ держать насъ подъ извѣстнаго рода благосклоннымъ контролемъ, и, только судя потому, найдеть ли оно удобнымъ посѣщеніе того или другого тюремнаго замка, допускать эти посѣщенія. Хотя я и предвидѣлъ въ будущемъ много затрудненій, но считалъ неблагоразумнымъ добиваться дальнѣйшихъ уступокъ и, поблагодаривъ г. Влангалли за радушный пріемъ, удалился. Нѣсколько дней спустя, я получилъ обѣщанныя рекомендательныя письма. Еще раньше г. Влангалли выразилъ желаніе, чтобы я на пути въ Сибирь поговорилъ съ знаменитымъ редакторомъ-издателемъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковымъ. Я получилъ, кромѣ вышеуказанныхъ писемъ, поэтому, еще одно запечатанное письмо къ директору архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, барону Бюлеру, который долженъ былъ представить меня Каткову. Жизнь и дѣятельность великаго защитника царскаго самодержавія были мнѣ хорошо извѣстны, и мысль познакомиться съ этимъ выдающимся публицистомъ была мнѣ

пріятна, хотя, кажется, я угадалъ, какіе мотивы руководили Влангалли, когда онъ выразилъ желаніе, чтобы я повидался съ Катковымъ. Именно, выдающаяся личность русскаго писателя должна была еще болѣе укрѣпить мое мнѣніе о русскомъ правительствѣ, такъ какъ возможно было ожидать, что русскіе революціонеры, которыхъ я могъ въ Сибири встрѣтить, откроютъ мнѣ глаза на настоящее положеніе дѣлъ. Но эта предосторожность была въ то время совершенно излишня, такъ какъ мое мнѣніе о русскихъ революціонерахъ было вполне по сердцу русскимъ властямъ.

Я не могу упрекнуть себя въ неоткровенности или двоедушіи по отношенію къ русскому правительству и позволенія ѣхать въ Сибирь я добился не обманомъ или ложными увѣреніями. Не потому разнится теперь мое мнѣніе отъ того, которое я высказалъ г. Влангалли въ 1885 г., что я былъ не откровененъ съ нимъ, но только потому, что ужасающіе факты измѣнили самымъ кореннымъ образомъ мои когда-то столь твердые взгляды на этотъ предметъ.

Послѣ того какъ мы запаслись приборомъ для фотографическихъ снимковъ и достали около пятидесяти рекомендацій къ учителямъ, горнымъ инженерамъ и чиновникамъ въ разныхъ частяхъ Сибири, мы выѣхали послѣ обѣда 31-го мая изъ С.-Петербурга въ Москву. Русская столица отстоитъ отъ границъ Сибири приблизительно на 1.600 миль (2.570 километровъ). Какъ путешественники, такъ и партіи ссыльно-каторжныхъ пользуются одной и той же дорогой, которая ведетъ черезъ Москву, Нижній-Новгородъ, Казань, Пермь и Екатеринбургъ. Русская желѣзно-дорожная сѣть оканчивается въ восточномъ направленіи у Нижняго-Новгорода, по лѣтомъ пароходное сообщеніе по Волгѣ и Камѣ связываетъ Нижній съ Пермью. Совершенно изолированная желѣзнодорожная линія въ 180 миль длиной, которая перерѣзываетъ Уральскій хребетъ и соединяетъ бассейны Волги и Оби, ведетъ изъ Перми въ Екатеринбургъ¹⁾.

По пріѣздѣ въ Москву мы посѣтили барона Бюлера, которому передали запечатанное письмо. Я отправился вмѣстѣ съ барономъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ

¹⁾ Во время нашего пребыванія въ Сибири была закончена желѣзнодорожная линія до Тюмени, такъ что С.-Петербургъ былъ связанъ съ Семипалатинскомъ и Томскомъ какъ сухимъ, такъ и воднымъ путемъ.

намъ къ нашему сожалѣнію сообщили, что Катковъ на двѣ три недѣли уѣхалъ изъ Москвы. Такъ какъ мы не могли ожидать, пока онъ возвратится, то, не удерживаемые болѣе ничѣмъ, мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Нижній-Новгородъ, куда прибыли въ четвергъ утромъ, 4-го іюня.

Путешественникъ, который въ первый разъ видитъ Нижній, бываетъ пораженъ, даже испуганъ при видѣ города. Чистыя, хорошо вымощенныя улицы, длинные ряды массивныхъ зданій, бульваръ, усаженный тѣнистыми березами и тополями, каналъ съ граціозными, легкими мостами, переброшенными въ извѣстныхъ промежуткахъ, живописныя башни, величественный Александро-Невскій соборъ, биржа, театры, отели, базарныя площади—все это, повидимому, указываетъ на присутствіе въ многолюдномъ и торговомъ городѣ,—но нигдѣ не видно живой души, весь городъ какъ будто вымеръ; въ пустыхъ улицахъ растетъ трава, въ деревьяхъ, окаймляющихъ тѣнистый бульваръ, распѣваютъ птицы; безчисленныя лавки и торговые дома закрыты, колокольный звонъ не нарушаетъ тишины... Пораженный путникъ можетъ долго искать присутствія живого существа. Если такой путникъ вспомнить, что Нижній-Новгородъ знаменитъ своей ярмаркой, то онъ тогда сдѣлаетъ заключеніе, что эта вымершая часть города и есть какъ-разъ центръ Макарьевскаго торжища. Трудно удержаться отъ изумленія, когда подумаешь, что этотъ городъ живетъ только для одной преходящей цѣли, а въ остальное время кажется вымершимъ и это въ теченіи трехъ четвертей года.

Нижній-Новгородъ дѣлится на двѣ части: Старый городъ и Торговую сторону. Первая лежитъ на правомъ, крутомъ берегу Оки, поднимающемся въ видѣ террасы на 400 футовъ надъ поверхностью рѣки. Ярмарочная часть лежитъ на низкомъ полуостровѣ, образуемомъ обѣими рѣками Окой и Волгой, немного выше ихъ соединенія. Торговая сторона походитъ на огромный каравансарай, гдѣ ежегодно полмилліона купцовъ закупаютъ и продаютъ товары. Въ сентябрѣ народонаселеніе Нижняго достигаетъ почтенной для Россіи цифры 100.000 человекъ, а цѣнность скопленныхъ на ярмаркѣ товаровъ достигаетъ 75.000.000 долларовъ (175.000.000 рублей). Въ январѣ же, февралѣ и мартѣ все населеніе можетъ помѣститься въ самой маленькой мѣстной гостинницѣ, а всѣ находящіеся въ городѣ на лицо товары въ одномъ изъ

безчисленныхъ магазиновъ. Такимъ образомъ, въ этомъ городѣ господствуетъ родъ перемежающейся лихорадки, и ежегодно за пароксизмомъ напряженной, горячей дѣятельности слѣдуетъ долгій періодъ тишины и оцѣпенѣнія.

Невѣроятнымъ можетъ показаться тотъ фактъ, что городъ такихъ значительныхъ размѣровъ, съ театрами, торговыми площадями, банками, гостинницами, биржей, 7.000 лавокъ и столькими же жилыми домами служитъ для временныхъ нуждъ, а по минованіи таковыхъ, немедленно пустѣетъ. Когда я увидѣлъ этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ зимой 1868 г., въ ясную морозную ночь, то онъ представлялъ собой картину необыкновенно печальную. Мѣсяцъ освѣщалъ пустынные, покрытыя снѣгомъ улицы и проливалъ цѣлое море мягкаго свѣта на бѣлыя стѣны и куполы стараго собора; въ этомъ нѣжномъ свѣтѣ навѣянные снѣжные сугробы и покрытыя снѣгомъ крыши переливались милліонами искръ. Казалось, что городъ вымеръ, и духи предали его на жертву полярной пустынности и льду.

Осенью 1870 г. я едва узналъ этотъ городъ. Это было во время Макарьевской ярмарки. Цѣлый лѣсъ мачтъ окружалъ торговую часть Нижняго; безпрестанно раздавались пронзительные свистки пароходовъ въ душной и пыльной атмосферѣ. Въ лавкахъ и на берегу было навалено болѣе чѣмъ на 125 милліоновъ рублей товару; всѣ дома были биткомъ набиты; ежедневно до 60.000 народу переправлялось по наводному мосту изъ Ярмарочной части въ Старый городъ. На бульварѣ, передъ домомъ губернатора, оркестръ военной музыки игралъ мотивы изъ Оффенбаховскихъ опереттокъ, массы занятыхъ людей сновали по возставшимъ отъ долгаго сна улицамъ.

Лишь въ іюнѣ 1885 года пришлось мнѣ увидать вновь своего стараго знакома. Я его нашелъ такимъ же пустыннымъ, какъ и во время моего перваго посѣщенія, а въ прочихъ отношеніяхъ сильно измѣнившимся, и къ лучшему. Въмѣсто длинныхъ рядовъ деревянныхъ лавокъ возвышались массивные торговые ряды изъ кирпича; многія улицы были вымощены вновь, число складовъ значительно увеличилось, а на нижней части полуострова былъ выстроенъ громадный Александро-Невскій соборъ, самая выдающаяся постройка въ Ярмарочной части.

Опасенія, что съ постепеннымъ развитіемъ русской же-

лѣзнодорожной сѣти Макарьевская ярмарка будетъ все болѣе и болѣе терять свое значеніе, не оправдались. Съ 1868 до 1881 года цѣнность ежегодно привозимыхъ товаровъ съ 120 милліоновъ рублей достигла 246 милліоновъ, а число торговыхъ помѣщеній увеличилось съ 5738 до 6298. Ежегодный оборотъ ярмарки теперь достигаетъ въ теченіи только двухъ мѣсяцевъ 225 милліоновъ, а число лавокъ и торговыхъ домовъ достигаетъ 7000. Станція Московско-Нижегородской жел. дор. лежитъ въ торговой части города, а сообщеніе между Старой и Ярмарочной стороной поддерживается паровымъ плотомъ или по наводному мосту.

Видъ на Старый городъ съ его крѣпостью со стороны рѣки крайне живописенъ. Крутой берегъ поднимается непосредственно надъ водой на 400 футовъ высоты; улицы, ведущія къ верхней платформѣ, узки и пересѣкаются тамъ и сямъ такими же узкими террасами, и сквозъ разбитыя на нихъ рощицы просвѣчиваютъ бѣлыя стѣны многочисленныхъ храмовъ. И эти многочисленные церкви въ византійскомъ стилѣ, съ ихъ бѣлыми стѣнами, голубыми, зелеными, серебряными и золотыми куполами, пріятно отдающіяся на зеленомъ фонѣ листвы, окружающихъ ихъ деревьевъ, и склоны самой платформы, напоминающія зеленый коверъ, спущенный съ вершины холма къ рѣкѣ, и суда, расцвѣченные значками и флагами, все это въ теплый, ясный іюньскій день, производитъ на зрителя чарующее впечатлѣніе и трудно найти въ сѣверной Россіи виды, которые могли бы поспорить съ этой картиной, полной жизни и въ то же время поэтической прелести. На восточной, направленной къ теченію Волги, сторонѣ платформы возвышается Кремль, служившій когда-то крѣпостью для нижняго. Зубчатая стѣна его въ видѣ огромныхъ ступеней спускается къ рѣкѣ, а сводчатая крѣпостная ворота и круглая крѣпостная башня вполнѣ переносятъ зрителя въ средніе вѣка. 350 лѣтъ тому назадъ крѣпость эта считалась неприступной и цѣлое столѣтіе она была самымъ вѣрнымъ убѣжищемъ при нападеніяхъ казанскихъ татаръ. Окончательное покореніе казанскаго царства лишило нижегородскій Кремль всего его значенія, и крѣпость его стала приходить въ разрушеніе. Тринадцать башенъ ея, которыя первоначально имѣли почти 100 футовъ въ высоту, пришли въ полный упадокъ и представляютъ собою руины, и наврядъ ли отъ обширныхъ стѣнъ

остался бы хоть малѣйшій слѣдъ, если бы были онѣ не такъ необыкновенно толсты, массивны и на крѣпкомъ фундаментѣ. Онѣ производятъ впечатлѣніе большой крѣпости и прочности, чѣмъ даже стѣны знаменитаго Московскаго Кремля.

Съ вокзала мы направились въ верхнюю часть Старого города, заняли комнаты въ одной гостинницѣ, отослали наши документы въ полицію и отправились вдоль Крема къ берегу рѣки. Между крутымъ Холмомъ, на которомъ расположенъ Кремль, и рѣкой находится узкая полоса, такъ называемая „Нижній базаръ“. Въ красивомъ безпорядкѣ расположены здѣсь зданія самыхъ разнообразныхъ видовъ. Возлѣ величественныхъ современныхъ магазиновъ съ зеркальными стеклами и раззолоченными вывѣсками стоятъ мизерные, досчатые балаганы, банки, гостинницы, агентства пароходныхъ обществъ и рядомъ мелочныя лавки и старьевщики; на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, окруженные самымъ непочтительнымъ не внушающимъ благоговѣніе сосѣдствомъ, воздвигаются расписанныя самымъ фантастическимъ образомъ церкви прошлаго вѣка. Нижній базаръ переполненъ лавками всѣхъ разрядовъ, гдѣ можно найти и сушеные грибы, и церковные колокола, и деревянные гребни, и паровыя машины, и булавки. Такимъ образомъ я видѣлъ въ одной лавкѣ „Нижняго базара“ выставленными слѣдующія вещи: одинъ гарнитуръ столовой мебели, двѣ дѣтскія телѣжки изъ прутьевъ, дѣтскій стулъ, съ полдюжины старыхъ самоваровъ, колыбель, двѣ пилы, одну паровую машину, рога сѣвернаго оленя, три старыхъ котла, собраніе телескоповъ, желѣзный крестъ вышиною въ 4 фута, отъ шести до восьми часовъ, верхнія части телѣги, бинокли, цѣпи, гири отъ часовъ, наковальни, старую обувь, одинъ черкесскій кинжалъ, струги, бубенчики, пробочники, канаты, огнегасительные рукава, конскую упряжь, саблю, обухи, каретныя сидѣнія, позолоченные браслеты, желѣзные обручи, чемоданы, музыкальные ящики, четыре или пять суповыхъ кастрюль, наполненныхъ старыми винтами и гвоздями, ножъ для разрѣзыванія мяса, удочки, револьверы, старая сѣдла, подержанныя печныя трубы, ящики англійскихъ бисквитъ, ванну и т. д.

Этотъ списокъ, составленный на мѣстѣ, наврядъ ли обнимаетъ даже третью часть собранныхъ въ этой лавкѣ предметовъ самаго разнообразнаго характера, но у меня не было

времени составить полный списокъ всѣмъ вещамъ. Лавка эта была типомъ для большей части таковыхъ на нижнемъ базарѣ, самой характеристичной чертой котораго является полнѣйшее разнообразіе и зданій, и людей, и предметовъ торговли. Почти каждый часъ отправляются пароходы внизъ по Волгѣ, къ сибирской границѣ или къ отдаленному Каспію; большія черныя баржи разгружаются и нагружаются толпами татаръ-судорабочихъ; маленькія, одноконныя телѣги изъ грубаго дерева, имѣющія видъ бочекъ, перерѣзанныхъ пополамъ по длинѣ и поставленныхъ на колеса, увозятъ мѣшки, ящики и корзины съ мѣста разгрузки; по широкой пыльной улицѣ снуютъ цѣлый день купцы, разношники, мужики, богомольцы, нищіе, бродяги и прочій людъ.

Даже маленькія дѣти обьяты этимъ духомъ купли-продажи, который овладѣваетъ взрослыми всего города. Когда я наблюдалъ за сутолокой, царящей на берегу Волги, какой-то мальчикъ, лѣтъ девяти, съ нѣсколькими вязками сушеныхъ грибовъ въ рукахъ, сталъ протискиваться сквозь толпу и началъ продавать прохожимъ свой товаръ, выкрикивая тонкимъ дискантомъ: „Грибы, славные грибы! Поддержите коммерцію, господа, купите у меня грибовъ! Поддержите коммерцію!“

Разнообразие типовъ на Нижнемъ базарѣ въ іюнѣ, конечно, не такъ велико, какъ осенью, во время ярмарки, но покрой одеждъ такъ своеобразенъ, что каждая отдѣльная фигура въ толпѣ привлекаетъ вниманіе наблюдателя. Здѣсь взоръ останавливается на смугломъ татаринѣ въ круглой шапкѣ и длинномъ, свободномъ халатѣ; тамъ привлекаетъ наше вниманіе русскій крестьянинъ въ грязномъ полушубкѣ, съ лаптями на ногахъ; ноги его завернуты въ грубыя онучи и перевязаны веревками на крестъ. Подозрительнаго вида монахи съ длинными волосами и бородой просятъ Христа-ради на больницы или храмы, принимаютъ лепты на маленькихъ, обитыхъ чернымъ бархатомъ дощечкахъ и опускаютъ полученные деньги въ оловянные кружки, которыя они носятъ на шеѣ; здѣсь предлагаетъ разношникъ квасъ, медъ, шербетъ и другіе напитки соблазнительнаго цвѣта, тамъ одинъ расхваливаетъ достоинства поддѣльныхъ драгоценностей, другой предлагаетъ купить соленыхъ огурцовъ или грибовъ, третій разложилъ бумажные платки съ разными рисунками, между прочимъ, съ картой желѣзнодорожной сѣти

въ Россіи. Всюду снуютъ оптовые и розничные торговцы со всѣхъ частей приволжскаго края.

Что болѣе всего поражаетъ прїѣзжаго на границѣ юго-восточной Россіи, это природныя богатства и производительность края и та, дѣйствительно лихорадочная, торговая дѣятельность, которую приходится наблюдать на главныхъ путяхъ сообщенія. Американцы представляютъ себѣ юго-восточную окраину русскаго имперіи частью степной мѣстностью, частью воздѣланной подъ хлѣбъ, котораго родится достаточно для удовлетворенія потребностей полуцивилизованныхъ и немногочисленныхъ обитателей этой мѣстности, что же касается торговли, то уступающей въ этомъ отношеніи даже наименѣ развитымъ штатамъ нашего государства. Немалое изумленіе долженъ, поэтому, возбудить тотъ фактъ, что у Нижняго Волга на протяженіи 6—8 миль покрыта судами, что для надзора за судоходствомъ существуетъ специальная рѣчная полиція, что пристань находится въ вѣдѣніи чиновника отъ министерства торговли (?), которому въ помощь данъ цѣлый штатъ чиновниковъ низшаго разряда, что число судовъ и пароходовъ по Волгѣ и ея притокамъ превышаетъ численность судовъ на Миссиссипи, что цѣнность продуктовъ, которые сплавляются только по одному притоку Волги, Камѣ, достигаетъ 15 милліоновъ долларовъ (35 милліоновъ рублей), что по водной системѣ Волги отправляется ежегодно до 5 милліоновъ тоннъ всевозможныхъ товаровъ, чѣмъ заняты 200.000 судовщиковъ на семи тысячахъ судовъ.

Образованный американецъ долженъ это все знать, но я этого не зналъ; и видъ такого огромнаго развитія торговли крайне поразилъ меня.

Утромъ 6 іюня мы отправились на одномъ изъ пароходовъ общества братьевъ Каменскихъ, поддерживающихъ сообщеніе между Нижнимъ и Пермью, т. е. внизъ по Волгѣ и потомъ вверхъ по Камѣ.

Утверждаютъ, что Египетъ есть созданіе Нила. Съ одинаковымъ правомъ, но, конечно, въ иномъ отношеніи, можно утверждать, что юго-востокъ Россіи есть продуктъ Волги. Этнологическій составъ приволжскаго населенія по своей сущности обусловленъ этой рѣкой; вся исторія края стоитъ уже болѣе 1000 лѣтъ въ связи съ нею; характеръ и занятія всѣхъ юго-восточныхъ племенъ Россіи находятся въ пря-

момъ отношеніи къ существованію рѣки, и теперь благосостояніе, по крайней мѣрѣ, десяти миллионъ людей посредственно или непосредственно зависитъ отъ нея. Волга во всѣхъ отношеніяхъ самая важная рѣка Россіи. Она тянется отъ Валдайскаго плоскогорья до Каспійскаго моря на протяженіи 2.300 миль (3.700 километровъ), ширина ея ниже Царицына во время полноводія 30 миль (48 километровъ), такъ что судоходъ, отправляющійся отъ одного берега къ другому, теряетъ изъ виду оба и чувствуетъ себя какъ бы въ открытомъ морѣ.

Она орошаетъ девять губерній и областей, на ея берегахъ лежитъ 39 городовъ и до тысячи деревень и поселеній. Самая главная часть рѣки находится между Нижнимъ и впаденіемъ Камы; на этомъ пространствѣ обращается во время судоходства 450 пароходовъ. До колѣна, которое рѣка дѣлаетъ у Самары, поверхность ея усѣяна тысячами пароходовъ, судовъ, баржъ, лодокъ, баркасовъ, которые везутъ продукты съ востока Россіи, изъ Сибирскаго края и Средней Азіи.

Но и самъ приволжскій край доставляетъ продукты, которые уже сами по себѣ имѣютъ громадное значеніе для торговли края. Многія деревни между Казанью и Нижнимъ, мимо которыхъ проѣзжаютъ пароходы, и которыя издали кажутся маленькой группой избъ, отправляютъ ежегодно до семисотъ судовъ съ хлѣбомъ (Лысково, Балакино). Виды на верхнемъ теченіи Волги гораздо разнообразнѣе и живописнѣе, чѣмъ можно было бы предполагать, такъ какъ рѣка въ верхнемъ теченіи пересѣкаетъ крайне однообразную равнину. Лѣвый берегъ низокъ и неинтересенъ, но правый берегъ поднимается непосредственно надъ водой на высоту 400—500 футовъ и почти черезъ каждыя двѣ-три мили онъ какъ горный отрогъ выдается впередъ, въ середину рѣки, такъ что образуетъ маленькія, стоящія другъ съ другомъ въ связи, озера, на неподвижной поверхности которыхъ отражаются съ одной стороны темно-зеленая листва дѣвственнаго лѣса, а съ другой стороны смѣлая очертанія гористаго берега. Тамъ и сямъ путникъ видитъ бѣлыя стѣны и серебряные куполы уединеннаго монастыря, прилѣпившагося къ срединѣ холма и оттуда глядящагося въ прозрачную воду. Гористый берегъ тамъ и сямъ разступается и тогда видны глубокія, плодородныя долины, живописныя деревушки. Подъ

часть пароходъ скользитъ какъ разъ по срединѣ рѣки и тогда правый берегъ безконечной лентой убѣгаетъ назадъ, оставляя впечатлѣніе какой-то волшебной панорамы; вдругъ пароходъ уклонился въ сторону, чтобы избѣжать попутной скалы и вся панорама суживается въ маленькую картину съ ограниченнымъ кругозоромъ. Берегъ настолько близокъ, что можно видѣть черты лицъ деревенскихъ дѣвушекъ, которыя смѣются намъ и машутъ въ слѣдъ платками, или же мужиковъ, лѣниво развалившихся на лужайкѣ передъ церковью и носящихъ красныя рубашки и бархатные штаны. Они заговариваютъ съ нами, не возвышая даже голоса. Еще не удалось запечатлѣть хорошенько въ памяти всѣ детали этихъ оригинальныхъ русскихъ ландшафтовъ, какъ картина уже исчезла: пароходъ завернулъ за изгибъ, уже не видно человѣческой души, лишь дикія скалы на одной сторонѣ, да лѣсъ въ своей дѣвственной дикости на другой.

Очарованные несравненной красотой величественной рѣки и безпрестанно мѣняющимися видами, мы не замѣтили наступленія сумерекъ и оставили палубу лишь, когда вполне стемнѣло. Свѣжій воздухъ былъ полонъ благоуханій, поднимавшихся съ полей и лѣсныхъ полянокъ. Какъ расплавленная сталь, неслась рѣка между обоими берегами, которые были погружены въ глубокую темноту, тамъ и сямъ прерываемую лучами свѣта съ парохода. Гдѣ-то вдали замирала всѣмъ русскимъ судовщикамъ знакомая и дорогая пѣснь „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“..... Средину маленькой, но уютной каюты занималъ столъ; выпивъ душистаго чаю, мы вынули наши подушки и одѣяла, которыми запаслись на случай отсутствія постелей и, по обычаю русскихъ путешественниковъ, растянулись на длинныхъ, покрытыхъ кожей скамейкахъ, которыя занимаютъ на русскихъ пароходахъ большую часть всей каюты.

Пронзительный свистокъ разбудилъ меня... Было пять часовъ утра. Машина прекратила работу; бросили съ шумомъ сходни, и надъ моей головой сталъ раздаваться безпрерывный топотъ. Я угадалъ, что мы прибыли въ Казань, и отправился на палубу. Уже взошло солнце, и рѣка, какъ жидкое серебро, текла между пароходомъ и высокимъ западнымъ берегомъ, покрытымъ по склонамъ нѣжной, сочной муравой. На восточной сторонѣ находилась пристань; весело развѣвались въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ флаги на паро-

ходныхъ мачтахъ. Пovyше пристани, на песчаномъ, неплодородномъ берегу высился цѣлый рядъ деревянныхъ построекъ, лавокъ и домовъ съ пестро раскрашенными стѣнами и крышами. Въ непосредственной близи не было видно другихъ построекъ, но вдаль, на возвышеніи, увидалъ я стѣны, башни, минареты и сверкающіе куполы, что мнѣ живо напомнило видѣнную мною еще въ дѣтствѣ картину „Города Тщеславія“ въ книгѣ Буньяна: „Богомолье“. Это и былъ знаменитый и старинный городъ Казань, нѣкогда столица татарскаго царства. Когда то тотъ холмъ, на которомъ лежитъ казанскій Кремль, омывался у подошвы рѣкой Волгой, теперь, вслѣдствіе измѣненія русла, холмъ этотъ отстоитъ отъ рѣки на 3—4 мили.

Бѣглый взглядъ, который путникъ бросаетъ на городъ, дразнить его воображеніе и возбуждаетъ любопытство, не удовлетворяя его. Въ то время, какъ нашъ пароходъ стоялъ, я наблюдалъ, какое разнообразіе цвѣтовъ и оттѣнковъ представляетъ окраска русскихъ домовъ. Я не могу опредѣлить дѣйствія этого пель-меля красокъ и тоновъ на зрительный нервъ мѣстныхъ обитателей, но мнѣ ясно теперь, почему русское слово „прекрасно“ означаетъ собой собственно „очень красно“, и почему русскіе поэты, говоря о красивой дѣвушкѣ называютъ ее „красная дѣвица“, предполагая, что къ этому эпитету болѣе нечего прибавлять.

Когда я вспоминаю о казанской пристани, то я, откровенно говорю, пораженъ, почему въ русскомъ языкѣ не существуетъ понятія „красно-зеленая дѣвушка“, красно-голубая мелодія“, „красно-желто-коричневые стихи“. Не правда-ли, была бы особая, „красно-бѣло-голубая“ пріятность въ томъ, чтобы человѣкъ могъ выражать свое удивленіе посредствомъ красокъ и могъ бы употреблять всю скалу цвѣтовъ, чтобы выразить превосходную степень какого-нибудь качества.

Съ семи часовъ начали подъѣзжать пассажиры изъ города, въ восемь часовъ всѣ были уже на суднѣ. Капитанъ далъ знакъ къ отходу, канаты втащили на палубу, и мы опять поплыли. Было воскресное утро. Такъ какъ была теплая погода, то мы провели весь день на палубѣ, радовались солнцу и насъ одушевлявшему чувству, вызванному скорымъ движеніемъ судна; жадно мы вдыхали свѣжій, наполненный благоуханіями воздухъ, дѣлали замѣтки или эскизы оригиналь-

ныхъ баржъ, лодокъ и плотовъ, которые отъ времени до времени показывались, и которыхъ однихъ было бы достаточно, чтобы опредѣлить русскій характеръ рѣки, если бы этого даже не было видно при первомъ взглядѣ на берегъ. Сперва появился огромный буксирный пароходъ, который тянулъ за собой цѣлый рядъ громадныхъ, черныхъ баржъ, походившихъ на морскія суда безъ снастей, затѣмъ слѣдовала странная буксирная баржа, съ высокой кормой, рулемъ и канатной лебедкой по срединѣ судна; судно двигалось медленно вверхъ по рѣкѣ посредствомъ того, что судорабочіе забрасывали далеко впередъ якорь и потомъ натягивали посредствомъ лебедки прикрѣпленные къ якорю канаты; а вотъ мы проѣхали мимо плота шириной въ 100 футовъ и длиной въ 500 фт., который несъ на себѣ цѣлую русскую деревню, готовая изба съ хитро-вырѣзными коньками, для продажи въ безлѣсныхъ мѣстахъ по нижнему теченію Волги и по берегамъ Каспійскаго моря.

Обитатели этой пловучей колоніи, въ красныхъ рубахахъ и синихъ зипунахъ, простоволосые, развели огонь на одномъ концѣ плота и распивали чай. Зритель получалъ при видѣ этого плота такое впечатлѣніе, какъ будто-бы во время половодія цѣлая деревня оторвалась и пустилась по теченію вмѣстѣ со всѣмъ своимъ населеніемъ. Съ праваго берега неслись гармоничный звонъ колоколовъ, а въ безчисленныхъ, шестивесельныхъ лодкахъ крестьяне съ женами и дѣтьми, разодѣтые въ праздничныя платья, отправлялись къ богослуженію.

Въ этотъ день, около 11 часовъ утра, мы оставили широкую, величественную Волгу и вѣхали въ быструю и мутную Каму, которая беретъ начало въ Уралѣ, около сибирской границы и до впаденія своего въ Волгу, лишь 50—60 миль ниже Казани, течетъ все время въ югозападномъ направленіи. Не только люди, деревни, лодки, пристани выглядели иначе, но и сама страна носила совсѣмъ другой характеръ. Все казалось чужестраннымъ, первобытнымъ, такъ сказать, дикимъ. Берега были гораздо рѣже населены, но зато покрыты болѣе густыми лѣсами, чѣмъ волжскіе. Уже не видно было болѣе бѣлыхъ стѣнъ монастырей, сообщающихъ такой живописный характеръ Волгѣ между Нижнимъ и Казанью. Баржи съ деревянными перилами, съ позолоченными солницами на мачтахъ, окрашенныхъ въ красный и голубой

ходныхъ мачтахъ. Повыше пристани, на песчаномъ, неплодородномъ берегу высился цѣлый рядъ деревянныхъ построекъ, лавокъ и домовъ съ пестро раскрашенными стѣнами и крышами. Въ непосредственной близости не было видно другихъ построекъ, но вдаль, на возвышеніи, увидалъ я стѣны, башни, минареты и сверкающіе куполы, что мнѣ живо напомнило видѣнную мною еще въ дѣтствѣ картину „Города Тщеславія“ въ книгѣ Буньяна: „Богомолье“. Это и былъ знаменитый и старинный городъ Казань, нѣкогда столица татарскаго царства. Когда то тотъ холмъ, на которомъ лежитъ казанскій Кремль, омывался у подошвы рѣкой Волгой, теперь, вслѣдствіе измѣненія русла, холмъ этотъ отстоитъ отъ рѣки на 3—4 мили.

Бѣглый взглядъ, который путникъ бросаетъ на городъ, дразнить его воображеніе и возбуждаетъ любопытство, не удовлетворяя его. Въ то время, какъ нашъ пароходъ стоялъ, я наблюдалъ, какое разнообразіе цвѣтовъ и оттѣнковъ представляетъ окраска русскихъ домовъ. Я не могу опредѣлить дѣйствія этого пель-меля красокъ и тоновъ на зрительный нервъ мѣстныхъ обитателей, но мнѣ ясно теперь, почему русское слово „прекрасно“ означаетъ собой собственно „очень красно“, и почему русскіе поэты, говоря о красивой дѣвушкѣ называютъ ее „красная дѣвица“, предполагая, что къ этому эпитету болѣе нечего прибавлять.

Когда я вспоминаю о казанской пристани, то я, откровенно говорю, пораженъ, почему въ русскомъ языкѣ не существуетъ понятія „красно-зеленая дѣвушка“, красно-голубая мелодія“, „красно-желто-коричневые стихи“. Не правда ли, была бы особая, „красно-бѣло-голубая“ пріятность въ томъ, чтобы человѣкъ могъ выражать свое удивленіе посредствомъ красокъ и могъ бы употреблять всю скалу цвѣтовъ, чтобы выразить превосходную степень какого-нибудь качества.

Съ семи часовъ начали подъѣзжать пассажиры изъ города, въ восемь часовъ всѣ были уже на суднѣ. Капитанъ далъ знакъ къ отходу, канаты втащили на палубу, и мы опять поплыли. Было воскресное утро. Такъ какъ была теплая погода, то мы провели весь день на палубѣ, радовались солнцу и насъ одушевлявшему чувству, вызванному скорымъ движеніемъ судна; жадно мы вдыхали свѣжій, наполненный благоуханіями воздухъ, дѣлали замѣтки или эскизы оригиналь-

ныхъ баржъ, лодокъ и плотовъ, которые отъ времени до времени показывались, и которыхъ однихъ было бы достаточно, чтобы опредѣлить русскій характеръ рѣки, если бы этого даже не было видно при первомъ взглядѣ на берегъ. Сперва появился огромный буксирный пароходъ, который тянулъ за собой цѣлый рядъ громадныхъ, черныхъ баржъ, походившихъ на морскія суда безъ снастей, затѣмъ слѣдовала странная буксирная баржа, съ высокой кормой, рулемъ и канатной лебедкой по срединѣ судна; судно двигалось медленно вверхъ по рѣкѣ посредствомъ того, что судорабочіе забрасывали далеко впередъ якорь и потомъ натягивали посредствомъ лебедки прикрѣпленные къ якорю канаты; а вотъ мы проѣхали мимо плота шириной въ 100 футовъ и длиной въ 500 фут., который несъ на себѣ цѣлую русскую деревню, готовая избы съ хитро-вырѣзными коньками, для продажи въ безлѣсныхъ мѣстахъ по нижнему теченію Волги и по берегамъ Каспійскаго моря.

Обитатели этой пловучей колоніи, въ красныхъ рубахахъ и синихъ зипунахъ, простоволосые, развели огонь на одномъ концѣ плота и распивали чай. Зритель получалъ при видѣ этого плота такое впечатлѣніе, какъ будто-бы во время половодія цѣлая деревня оторвалась и пустилась по теченію вмѣстѣ со всѣмъ своимъ населеніемъ. Съ праваго берега неслись гармоничный звонъ колоколовъ, а въ безчисленныхъ, шестивесельныхъ лодкахъ крестьяне съ женами и дѣтьми, разодѣтые въ праздничныя платья, отправлялись къ богослуженію.

Въ этотъ день, около 11 часовъ утра, мы оставили широкую, величественную Волгу и вѣхали въ быструю и мутную Каму, которая беретъ начало въ Уралѣ, около сибирской границы и до впаденія своего въ Волгу, лишь 50—60 миль ниже Казани, течетъ все время въ югозападномъ направленіи. Не только люди, деревни, лодки, пристани выглядели иначе, но и сама страна носила совсѣмъ другой характеръ. Все казалось чужестраннымъ, первобытнымъ, такъ сказать, дикимъ. Берега были гораздо рѣже населены, но зато покрыты болѣе густыми лѣсами, чѣмъ волжскіе. Уже не видно было болѣе бѣлыхъ стѣнъ монастырей, сообщающихъ такой живописный характеръ Волгѣ между Нижнимъ и Казанью. Баржи съ деревянными перилами, съ позолоченными солнцами на мачтахъ, окрашенныхъ въ красный и голубой

цвѣтъ, избоблячи менѣе искусную руку. Одежды толпившихся на пристаняхъ крестьянъ были такого своеобразнаго покроя и такихъ яркихъ цвѣтовъ, что поневолѣ напрашивалась въ голову мысль, что все нивелирующая и отрезвляющая западная культура не проникла въ эти уголки. Положимъ, весь народъ былъ въ воскресномъ платьи, что можетъ отчасти разъяснить богатство красокъ, но навѣрное можно сказать, что нигдѣ въ Россіи мы не видали молодыхъ людей въ голубыхъ, ярко-красныхъ, пурпуровыхъ, розовыхъ и голубыхъ рубахахъ, а молодыхъ дѣвушекъ въ платьяхъ ярко-желтаго цвѣта, съ темнокрасными передниками, розовыми кофтами и лиловыми платками.

Въ теченіи четырехдневнаго путешествія нашего по Камѣ не произошло ничего особеннаго, но оно было, не смотря на это, крайне своеобразно и восхитительно. Погода была такъ хороша, какъ только можетъ быть гдѣ-либо хороша іюньская погода, виды приковывали на себя вниманіе своей дикостью и живописностью. Растущіе по обоимъ берегамъ тополи, осины и березки нарядились въ свѣжую листву подъ вліяніемъ ранняго лѣта. Вѣтви ихъ досигали палубы. Лѣсные просѣки и проталинки, мимо которыхъ пароходъ проходилъ на разстояніи 15—20 футовъ, были усыяны незабудками и другими лѣсными цвѣтами. Всюду, гдѣ мы приставали, крестьянскія дѣти продавали большіе букеты изъ подснежниковъ, колокольчиковъ, ландышей и другихъ весеннихъ цвѣтовъ, такъ что наша столовая была полна благоуханій, которыя разносили эти ароматическіе вѣстники весны. Ни погода, ни растительность, ни мелькавшіе мимо насъ виды,—ничто не указывало на близость Сибири. Климатъ по своей теплотѣ и по прозрачности воздуха напоминалъ калифорнійскій; безчисленные, разнообразные цвѣты распространяли свои ароматы, изъ прибрежныхъ лѣсовъ неслося пѣніе соловьевъ; еще долго послѣ захода солнца сидѣли пассажиры на палубѣ, съ наслажденіемъ вдыхая ночной воздухъ, распивая чай или куря, пока за холмами не исчезалъ послѣдній отблескъ этихъ своеобразныхъ арктическихъ сумерекъ, и не наступала полнѣйшая темнота. Поѣздка наша по Камѣ была такъ прекрасна, что мы съ чувствомъ искренняго сожалѣнія покинули палубу маленькаго парохода „Александръ“.

Пермь, главный городъ губерніи того же имени, лежитъ на лѣвомъ берегу Камы, приблизительно въ 125 миляхъ отъ

границы азіатской Россіи, и насчитываетъ 32.000 жителей. Здѣсь находится западная конечная станція уральской жел. дор., и вся сибирская торговля, очень значительныхъ размѣровъ, проходитъ черезъ этотъ городъ. По внѣшности своей Пермь ничѣмъ не отличается отъ другихъ русскихъ городовъ того же разряда; она чище и зажиточнѣе Нижняго Новгорода, но не обладаетъ такими значительными постройками и не такъ живописно расположена.

Въ Перми провели мы только одну ночь. Здѣсь произошло наше первое столкновеніе съ русской полиціей, и хотя инцидентъ этотъ самъ по себѣ не имѣетъ большаго значенія, но я его хочу все-таки рассказать, такъ какъ показываетъ, какой неограниченной властью обладаетъ полиція въ Россіи, если она, даже безъ малѣйшаго права и основанія, позволяетъ себѣ подвергнуть допросу всякаго, кого она пожелаетъ. Этотъ инцидентъ служитъ также иллюстраціей къ тѣмъ случайностямъ и „исторіямъ“, которыя приключаются на каждомъ шагу съ путешествующими по большому сибирскому тракту.

Подъ вечеръ г. Фростъ и я отправились къ одному расположенному на востокъ отъ города холму, чтобы съ вершины его набросить эскизъ города. Чтобы добраться до холма, намъ приходилось миновать тюремный замокъ, а такъ какъ это была первая тюрьма, которую намъ приходилось встрѣчать, и такъ какъ она, кромѣ этого, была на пути нашемъ въ Сибирь, то мы, конечно, съ большимъ интересомъ и вниманіемъ начали разсматривать ее. Когда мы, затѣмъ, хотѣли продолжать нашъ путь, мы замѣтили, что холмъ, къ которому мы направлялись, лежитъ гораздо дальше, чѣмъ мы предполагали, и такъ какъ было уже поздно, то мы рѣшили отложить нашу прогулку до слѣдующаго дня. Мы повернули назадъ и прошли, такимъ образомъ, еще разъ мимо тюрьмы. На другой день рано утромъ мы, наконецъ, привели въ исполненіе нашъ планъ. Г. Фростъ набросалъ на бумагу городъ съ его пригородами, и черезъ 1½ часа мы направились домой. На большой открытой полянкѣ, вблизи тюрьмы, попались намъ на встрѣчу два экипажа, въ которыхъ сидѣли четверо вооруженныхъ шашками и револьверами офицеровъ. Я замѣтилъ, что двое первыхъ особенно внимательно наблюдали за нами, но тогда я не былъ еще настолько знакомъ съ формой русскихъ полицейскихъ и жандармовъ, какъ теперь,

и поэтому я не могъ опредѣлить, къ какому вѣдомству относились сидѣвшіе въ дрожкахъ офицеры. Оба сидѣвшихъ во второмъ экипажѣ офицера вышли изъ него и, удалившись другъ отъ друга на 50—60 шаговъ, начали приближаться къ намъ по двумъ пересекающимся линіямъ. Первые двое также слѣзли съ дрожекъ, какъ я убѣдился, оглянувшись назадъ, и поступили такъ же, какъ и вторые.

Тогда у меня блеснула мысль, что всѣ четверо полицейскіе чиновники, подозрѣніе которыхъ мы чѣмъ-нибудь возбудили, и что намъ предстоитъ быть арестованными. Когда они насъ окружили, одинъ изъ нихъ, красивый жандармскій офицеръ лѣтъ тридцати, поклонился намъ и спросилъ: „Позвольте узнать, кто вы такіе?“ — „Мы американскіе туристы.“ — „Когда прибыли вы въ Пермь?“ — „Вчера.“ — „Откуда?“ — „Изъ Нижняго-Новгорода.“ — „Куда ѣдете вы?“ — „Въ Сибирь.“ — „Вотъ какъ, въ Сибирь? А зачѣмъ, позвольте узнать?“ — „Путешествовать.“ — „Туристы (съ презрѣніемъ въ голосѣ) не имѣютъ обыкновенія посѣщать Сибирь. Вы, должно быть, преслѣдуете особія цѣли. Что это за цѣли?“

Я объяснилъ ему, что американцы завзятые путешественники и ѣздятъ повсюду, что они при этомъ преслѣдуютъ только одну цѣль: познакомиться съ разными націями и ихъ нравами и обогатить, такимъ образомъ, свои свѣденія. Разъясненіе это не удовлетворило, повидимому, жандарма, и онъ продолжалъ осыпать меня вопросами, чтобы добиться отъ меня правды. Наконецъ онъ замѣтилъ: „Вы изволили проходить вчера мимо тюрьмы.“ — „Да“, отвѣчалъ я. — „Зачѣмъ?“ Я объяснилъ ему. — „Вы осматривали тюрьму съ особой тщательностью и интересомъ?“ Я подтвердилъ это. — „Почему поступали вы такъ?“ — Вторичное объясненіе съ моей стороны. — „Но вѣдь вы вовсе не взобрались на холмъ, а вернулись назадъ и опять съ тѣмъ-же интересомъ разсматривали тюремный замокъ. Сегодня утромъ тоже самое. Почему тюрьма привлекла ваше особое вниманіе?“

Здѣсь я не удержался и разсмѣялся прямо въ лицо жандармскому офицеру. Но такъ какъ нашимъ стражамъ было, повидимому, не до смѣха, а осмотръ тюремнаго замка былъ проступкомъ, по ихъ мнѣнію, очень серьезнымъ, я началъ снова разъяснять все происшествіе. Въ концѣ концовъ, жандармскій офицеръ, котораго мои слова нисколько не убѣдили, сурово потребовалъ наши документы. Когда онъ узналъ, что

они остались въ гостинницѣ, онъ объявилъ намъ, что мы арестованы, пока не будетъ удостовѣрено, что мы за люди, и какія дѣла привели насъ въ Пермь. Г. Фростъ подъ надзоромъ жандармскаго офицера сѣлъ въ одинъ экипажъ, а съ однимъ сѣдобородымъ чиновникомъ, который, должно быть, былъ полиціймейстеромъ, — въ другой, и въ такомъ видѣ мы отправились въ гостинницу. Повидимому, насъ приняли за политическихъ заговорщиковъ, имѣвшихъ намѣреніе освободить кого-нибудь изъ пермской тюрьмы.

Такъ какъ я пригласилъ вѣжливо нашихъ стражей зайти въ комнату, предложилъ имъ папирсы и чаю, пока они осматривали наши бумаги, то молодой, но подозрительный жандармскій офицеръ глядѣлъ на меня, какъ будто-бы я былъ типомъ совершенно новыхъ животныхъ, которыхъ еще не успѣли классифицировать и отъ которыхъ можно ожидать всего худшаго. Документы наши почему-то не удовлетворили его, но рекомендація министра внутреннихъ дѣлъ положила конецъ этой „комедіи ошибокъ.“ При чтеніи письма жандармскій офицеръ покраснѣлъ, затѣмъ сталъ шепотомъ совѣщаться съ полиціймейстеромъ. Поговоривъ съ нимъ, онъ, немного смущенный, подошелъ ко мнѣ и выразилъ надежду, что мы забудемъ объ этомъ „печальномъ недоразумѣніи“ и извинимъ его. Они приняли-де насъ за двухъ важныхъ нѣмецкихъ преступниковъ, которыхъ они искали, и думали исполнить только свой долгъ, арестовывая насъ. Въ знакъ нашего извиненія ихъ опреметчивости онъ просилъ позволить пожать намъ руку, и съ глубокими поклонами оба чиновника удалились изъ нашей комнаты.

Этотъ незначительный инцидентъ былъ для меня интересенъ, какъ образчикъ полицейской практики въ Россіи, но въ то-же время онъ наполнилъ меня опасеніемъ за будущее. Если насъ уже арестовали еще по сю сторону уральскаго хребта, и то только потому, что мы осмотрѣли снаружи тюрьму, что ожидало насъ при серьезномъ исполненіи нашего плана! —

Въ четвергъ вечеромъ, 11-го Іюня, въ половину десятаго отправились мы по уральской желѣзной дорогѣ изъ Перми въ Екатеринбургъ. Похожденіи наши за послѣдніе два дня до того насъ утомили, что мы проспали всю ночь напролетъ.

Когда я проснулся на слѣдующій день въ 8 часовъ утра, поѣздъ находился уже на уральскомъ возвышеніи, на станціи

Бизеръ. Солнце сіяло на безоблачномъ небѣ; свѣжій утренній воздухъ былъ наполненъ смолистымъ ароматомъ горной сосны и благоуханіемъ безчисленныхъ цвѣтовъ; изъ находившейся неподалеку березовой рощи раздавался крикъ кукушки,—однимъ словомъ, стояло начало лѣта во всей его прелести. Фростъ отправился на поиски за цвѣтами вдоль полотна дороги: тутъ были и альпійскія розы, и иванъ-да-марья и сотни другихъ, мнѣ незнакомыхъ цвѣтовъ. Послѣ ст. Бизеръ дорога дѣлается особенно извилистой и тянется все время среди невысокихъ холмовъ, покрытыхъ частымъ лѣсомъ; поѣздъ идетъ часто втеченіе цѣлаго часа по пихтовому лѣсу, гдѣ не видно слѣда человѣческой жизни, или мчится мимо золотыхъ приисковъ, гдѣ сотни мужчинъ и женщинъ промываютъ золото; часто встрѣчались просѣки, покрытыя нѣжнымъ дерномъ, какъ зеленымъ бархатнымъ ковромъ, съ группами серебристыхъ березокъ. Розы, фіалки, ромашка, дикая земляника, колокольчики росли во множествѣ вдоль полотна дороги, и всѣ луга были разукрашены самыми роскошными цвѣтами.

Не мало изумлены были мы, видя въ горной мѣстности, на крайнемъ востокѣ Европейской Россіи, хорошо выстроенную и отлично, даже роскошно обставленную желѣзную дорогу. Станціонныя зданія между Пермью и Екатеринбургъ принадлежатъ къ самому лучшему, что я видѣлъ въ этомъ родѣ въ Россіи. Полотно дороги было замѣчательной прочности, вагоны могли поспорить съ вагонами богатѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; все, что имѣло хоть малѣйшее отношеніе къ желѣзной дорогѣ, было въ полнѣйшемъ порядкѣ. Окрестности станціонныхъ зданій представляли особенно привлекательное зрѣлище, и, какъ видно, заботы по украшенію линіи простирались на всю длину ея, такъ, напримѣръ, поперечные столбы имѣли 3—4 фута въ поперечникѣ, а цифры, обозначающія разстоянія, были изъ разноцвѣтной красивой мозаики.

Станція Нижній Тагиль, уже на азіатской сторонѣ Урала, гдѣ поѣздъ стоитъ полчаса, чтобы дать пассажирамъ возможность пообѣдать, могла-бы служить украшеніемъ даже первоклассной желѣзной дороги. Массивное зданіе ея тянулось на сто футовъ и было снабжено во всю длину дебаркадеромъ въ 20 футовъ шириною. Окрашено оно было въ коричневый цвѣтъ и имѣло желѣзомъ крытую крышу. Во-

кругъ станціи былъ разбитъ цѣлый паркъ съ грядами благоухающихъ цвѣтовъ и съ покрытыми дерномъ лужайками; серебряное журчаніе фонтана, устроеннаго посреди этого парка-сада, пріятно дѣйствовало на слухъ усталого путника. Столовая имѣла дубовый паркетъ, стѣны были до половины фанированы дубомъ, а другая половина была обита кожаными обоями дубоваго цвѣта; потолокъ былъ украшенъ лѣпной работой. Стоявшій по срединѣ длинный обѣденный столъ былъ покрытъ бѣлоснѣжной скатертью; роскошные обѣденные приборы изъ фарфора изобличали изящный вкусъ выбравшаго ихъ, хрустальные подсвѣчники, цвѣты въ вазахъ и даже акваріумъ возбуждали въ насъ необычайное удивленіе. Кромѣ этого, въ комнатѣ находились рѣзной работы стулья, дорогіе часы и бронзированный каминъ. Лакеи были въ безупречной чистоты бѣлѣ и фракахъ, повара съ ногъ до головы въ бѣлоснѣжномъ платьѣ, съ четырехугольными, бѣлыми-же шапками на головѣ. Безъ преувеличенія я могу сказать, это была самая изысканная, роскошная и въ то же время уютная общественная столовая, которую я только видѣлъ на свѣтѣ, и когда я еще приступилъ къ прекрасно сервированному и приготовленному обѣду, я считалъ прямо невозможнымъ то, что я нахожусь въ неизвѣстномъ мнѣ до тѣхъ поръ ниже-тагильскомъ горномъ округѣ. Это было наше послѣднее прощаніе съ европейской роскошью: много мѣсяцевъ, тяжелыхъ, полныхъ лишенія, должны были миновать, пока намъ суждено было увидѣть снова желѣзную дорогу.

Въ пятницу вечеромъ 12-го іюня, прибыли мы, наконецъ, въ Екатеринбургъ, расположенный на восточномъ склонѣ Урала, въ 150 миляхъ отъ сибирской границы. Такъ какъ желѣзная дорога отъ Екатеринбурга до Тюмени не была еще закончена, то мы должны были продолжать наше путешествіе на лошадяхъ и такимъ образомъ мы изъѣздили въ теченіе 9 мѣсяцевъ восемь тысячъ миль (12,870 километровъ). Соединеніе между Екатеринбургъ и Тюменью въ то время поддерживалось почтой, такъ что путешественникъ въ двое сутокъ достигалъ Тюмени. Правительство передало концессию одному обществу, которое давало прямой билетъ до Тюмени и снабжало путешественника экипажемъ. Черезъ каждыя 18 миль перепрыгали лошадей, и такимъ образомъ путники добирались до цѣли поѣздки.

Экипажъ, который дается путешественнику лѣтомъ, называется тарантасъ. Послѣдній состоитъ изъ ладьеобразной главной части безъ сидѣнія, кожаного верха и завѣсы, посредствомъ которой въ бурную погоду закрывается доступъ наружнаго воздуха. Главная часть тарантаса покоится на двухъ и болѣе длинныхъ шестахъ, которые связываютъ переднюю ось съ задней и представляютъ собою родъ рессоръ, съ цѣлью ослабить силу толчковъ во время ѣзды по ухабистой дорогѣ. Путешественникъ помѣщается на дно тарантаса свой багажъ, покрываетъ его соломой, коврами и шерстяными покрывалами и садится сверху его, опираясь спиной о подушку. Кучеръ сидитъ на облучѣхъ, передъ ѣдущимъ, и править четырьмя вожжами тройку лошадей. По хорошей дорогѣ дѣлаетъ тройка въ часъ 8 миль (около 13 километровъ). Купивши билеты и выбравъ болѣе удобный тарантасъ, мы помѣстили, какъ могли, удобно наши вещи, причемъ чемоданъ г. Фроста служилъ намъ сидѣніемъ, и отправились 16-го іюня дальше. Нашъ сѣдобородый кучеръ взялся за вожжи, сдѣланные изъ старыхъ веревокъ, и прикрикнулъ на лошадей: „Ну, други!“ Раздался негармоничный звонъ бубенчиковъ, укрѣпленныхъ на дугѣ коренника, и мы поѣхали по широкимъ, немощеннымъ улицамъ Екатеринбурга, черезъ большой плацъ передъ казармой и межъ двухъ украшенныхъ двуглавыми орлами бѣлыхъ столбовъ за городъ, въ мрачный сосновый лѣсъ. Наконецъ-то мы выѣхали на большой сибирскій трактъ, тянуційся отъ Урала до Амура на протяженіи цѣлыхъ трехъ тысячъ миль (4830 килом.). Если мы когда-либо и считали Сибирь страной бѣдной и безплодной, то видъ тѣхъ безконечныхъ обозовъ, которые намъ постоянно попадались навстрѣчу и которые шли отъ сибирской границы въ Екатеринбургъ, служилъ доказательствомъ противнаго. Смѣло можно сказать, обозы эти служатъ необходимой принадлежностью зауральскаго ландшафта. Всякій обозъ состоитъ изъ ряда низенькихъ, четырехколесныхъ возковъ въ одну лошадь, неуклюжей формы, до верху нагруженныхъ сибирскими товарами и прикрытыхъ грубыми цыновками.

Каждая лошадь привязана посредствомъ длинной узды къ идущему впереди возу, такъ что образуется поѣздъ въ 50—100 возовъ. Это и есть обозъ. Менѣе чѣмъ въ два часа времени проѣхало мимо насъ 538 такихъ возовъ; за первый день нашей поѣздки я насчиталъ уже 1445 такихъ возовъ.

Я думаю, что лучшихъ доказательствъ того, что Сибирь не пустыня, не надобно. Изъ пустыни не вывозятъ ежедневно до 1500 тоннъ продуктовъ.

Такъ какъ къ полуночи дѣлалось все темнѣе и темнѣе, обозы останавливались для ночлега. Черезъ извѣстный промежутокъ времени мы наталкивались на живописные бивуаки, разбитые на опушѣхъ лѣса: возчики вокругъ огня, вкругомъ телѣги, стреноженные лошади, которые паслись, неуклюже прыгая съ одного мѣста на другое, мрачный хвойный лѣсъ, освѣщаемый массой костровъ; между тѣмъ верхушки сосенъ и елей еще дрожали въ слабомъ, невѣрномъ свѣтѣ сумерекъ. Красныя и черныя очертанія возовъ, фигуры распивавшихъ чай возчиковъ въ длинныхъ зипунахъ, красныхъ или синихъ рубахахъ, принимавшія фантастическія очертанія при свѣтѣ костровъ,—все это представляло оригинальную, чисто русскую картину съ Рембрандтовскими свѣтовыми эффектами.—Мы ѣхали всю ночь на довольно недурномъ шоссе, откладывая въ часъ по восьми миль и останавливаясь лишь для перемѣны лошадей. Солнце заходило лишь въ $\frac{1}{2}$ 10 и всходило уже въ $\frac{1}{2}$ 3, такъ что все время царили сумерки, и темнота была не такъ глубока.

Деревни, черезъ которыя мы проѣзжали, рѣдко бывали велики и почти всегда состояли изъ двухъ рядовъ деревянныхъ избъ, которыя коньками были обращены на улицу. Огороженные частоколомъ дворы отдѣляли одну избу отъ другой, но нигдѣ не было видно и слѣда растительности. Каждая изъ видѣнныхъ мною деревень представляла два ряда избъ, тянувшихся на протяженіи пяти миль и обращенныхъ переднею частью на улицу. Около каждой деревни находилось сельское пастбище, окруженное частоколомъ. Тамъ, гдѣ частоколъ скрещивался съ проѣзжей дорогой, находились ворота и хижина сторожа. Эти сторожа почти всегда старики, разбитыя существованія, въ Сибири, обыкновенно ссыльно-каторжные. Они должны слѣдить за скотомъ и отворять въ каждый часъ дня и ночи для проѣзжихъ ворота. Отъ деревенскаго общества получаютъ эти сторожа 3—4 руб. въ мѣсяцъ и живутъ они въ отвратительныхъ хижинахъ изъ вѣтвей и глины, которыя зимой и лѣтомъ отапливаются и наполняются ѣдкимъ дымомъ.

Въ тотъ день, когда мы покинули Екатеринбургъ, мы увидѣли въ первый разъ этапную тюрьму и встрѣтили тран-

спорты ссыльных на ихъ пути въ Сибирь. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правильное пароходное сообщеніе между Нижнимъ и Пермью, и окончена постройка уральской жел. дор., всѣ ссыльнокаторжные отправляются изъ мѣстностей, лежащихъ на западъ отъ Урала, т. е. Москвы, Нижняго-Новгорода и Казани, по желѣзной дорогѣ или водой въ Екатеринбургъ.

По ту сторону Урала вся партія ссыльнокаторжныхъ дѣлится на группы, и какъ мужчины, такъ и женщины должны итти пѣшкомъ на мѣсто назначенія въ Западной Сибири; только для людей, принадлежащихъ къ привелигированнымъ классамъ, дѣлается исключеніе: они такъ же, какъ больные и слабые, перевозятся на простыхъ телѣгахъ. Лишь когда я достигъ Томска, представился мнѣ случай ѣхать вмѣстѣ съ одной партіей ссыльнокаторжныхъ, а поэтому, я отложу изображеніе жизни колонны во время марша до другого раза.

Когда мы, на другой день отъѣзда нашего изъ Екатеринбурга, проѣзжали черезъ одинъ уже сильно опустошенный лѣсъ между деревнями Марково и Тугулинской, нашъ кучеръ остановилъ лошадей и сказалъ: „Вотъ граница!“ Мы поспѣшили выйти изъ тарантаса и увидели на дорогѣ четырехугольную колонну въ 10—12 ф. высотой, сложенную изъ кирпича; на одной сторонѣ былъ укрѣпленъ гербъ европейской губерніи, Пермской, на другой—сибирской губерніи, Тобольской. Это былъ сибирскій пограничный камень. Ни съ однимъ пунктомъ, отъ С.-Петербурга до Тихаго океана, не связано въ Россіи столько печальныхъ воспоминаній; ни одна мѣстность въ Россіи не имѣетъ для путешественника такого интереса, какъ эта маленькая лѣсная поляна и этотъ каменный столбъ, освященный печалью и людскимъ несчастьемъ. Сотни тысячъ человѣческихъ существъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, князей, дворянъ и крестьянъ, сказали здѣсь отечеству, родинѣ, друзьямъ и роднымъ последнее прощанье.

Ни одинъ пограничный столбъ въ мірѣ не былъ свидѣтелемъ такого горя, такихъ тяжелыхъ невзгодъ, какъ этотъ; безчисленные существа съ разбитыми сердцами миновали его. Съ 1878 г. прошли по этой дорогѣ 170.000 изгнанниковъ, а съ начала этого столѣтія до полумилліона. Такъ какъ столбъ этотъ находится почти на полпути между послѣднимъ европейскимъ этапомъ и первымъ сибирскимъ, то

съ незапамятныхъ временъ существуетъ обычай дать ссыльнымъ здѣсь отдохнуть и сказать послѣдній привѣтъ родинѣ. Простой русскій крестьянинъ, будь онъ даже самый закоренѣлый преступникъ, проникнуть самой горячей любовью къ родинѣ; не удивительно, что здѣсь часто разыгрываются самыя душераздирательныя сцены. Одни предаются вполнѣ обуравшему ихъ горю, другіе ищутъ утѣшенія въ слезахъ; третьи падаютъ ницъ и прижимаются лицомъ къ любимой родной землѣ или цѣлуютъ холодный каменный столбъ, какъ будто бы онъ былъ для нихъ символомъ всего дорогого, что они покинули.....

„Въ ряды стройся!“ раздается серьезная команда унтер-колоновожатаго: „Шагомъ маршъ!“ Ссылные и каторжники наскоро крестятся, и вся партія начинаетъ двигаться подлязгъ цѣпей черезъ границу Сибири.

До послѣдняго времени сибирскій пограничный столбъ испещренъ короткими надписями, именами и прощальными привѣтствіями преступниковъ, выскребленными на цементѣ, которымъ былъ облицованъ столбъ. Во время моего проѣзда цементъ уже пообвалился, и лишь мѣстами можно было найти какую-нибудь надпись. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, я прочиталъ: „Прощай на всегда, Маша!“ Для изгнанника начертившаго это послѣднее прощанье, Маша была самымъ дорогимъ существомъ въ мірѣ; перейдя черезъ границу, онъ долженъ былъ разстаться и съ отечествомъ, и съ родиной, и съ любовью. Мы нарвали цвѣтовъ, растущихъ у подножія колонны, сѣли въ нашъ тарантасъ и, подобно сотнямъ тысячъ раньше насъ, послали мы Европѣ нашъ прощальный привѣтъ.

Кучеръ пустилъ лошадей, и мы покатили уже по сибирской территоріи.

II.

Западно-сибирская равнина.—Тюрьмы.

Перейдя границу, отдѣляющую Пермскую губернію отъ Тобольской, мы попадаемъ въ ту часть русскаго царства, обширность и значеніе которой нигдѣ, кажется, въ достаточной степени не оцѣнена. Сибирь тянется съ сѣвера на югъ, отъ Семирѣченска до мыса Челюскина, на 30° широты, а съ

запада на востокъ, отъ Урала до Берингова пролива, на 130° долготы. Соединенные Штаты Сѣверной Америки отъ Мэна до Калифорніи и отъ Верхняго озера до Мексиканскаго залива вмѣстѣ съ Аляской и всѣ европейскія государства, вмѣстѣ взятые, кромѣ Россіи, могли бы умѣститься на этомъ пространствѣ, и тогда бы осталось еще мѣсто для половины Германіи.

Само собою разумѣется, что страна въ $5\frac{1}{2}$ милліоновъ квадр. миль (12 милліоновъ квадр. километровъ) не можетъ на всемъ своемъ протяженіи быть полярной пустыней и должна обладать разнообразнымъ климатомъ, топографіей и растительностью. Если мы посмотримъ на карту, то увидимъ, что значительная часть западной Сибири лежитъ южнѣ Ниццы, Венеціи и Милана, и что южная граница Семипалатинской области ближе къ экватору, чѣмъ Неаполь. Въ нѣкоторыхъ частяхъ якутской области средняя температура въ январѣ достигаетъ $45,5^{\circ}$ по Цельзію, между тѣмъ въ Семипалатинскѣ средняя температура въ іюлѣ достигаетъ 22° Ц., причемъ зной доходитъ иногда даже до 35° — 40° Ц. въ тѣни. На Таймурскомъ полуостровѣ почва оттаиваетъ въ самое жаркое лѣто лишь на нѣсколько дюймовъ, и тощая растительность состоитъ въ морощкѣ и мху, между тѣмъ какъ въ южной части Западной Сибири произрастаютъ въ изобиліи арбузы и дыни, на тысячахъ плантацій разводится табакъ, а хлѣба собирается до 50 милліоновъ бушелей. Ясно, что Сибирь вовсе не однообразная страна.

Въ общемъ, зима повсюду въ Сибири очень сурова, и такъ какъ какъ разница между одной крайностью и другой велика, то лѣто несоразмѣрно жарко. Въ плодородной и обработанной полосѣ, тянущейся вдоль центральной Азіи и Монголіи находится цѣлый рядъ городовъ, изотерма которыхъ выше, чѣмъ лондонская. Средняя лѣтняя температура Иркутска на 3° Ц. выше дублинской; Тобольска— $2,5^{\circ}$, чѣмъ Лондона; температура Семипалатинска соответствуетъ бостонской, и лѣто въ Вѣрномъ такъ же жарко, какъ и въ Чикаго.

Ничто не поражаетъ такъ сильно путешественника, который въ первый разъ переѣзжаетъ въ іюнѣ черезъ Уралъ, какъ сибирскій зной и необычайная красота, разнообразіе и ароматичность сибирской флоры. Хотя мы были уже отчасти подготовлены къ тому, что насъ ожидало, благодаря нашей поѣздкѣ вверхъ по Камѣ, но даже не смотря на это, по-

года, растительность и красота ландшафтовъ на порогѣ Западной Сибири возбудили нашъ полнѣйшій восторгъ. Ничто не напоминало намъ, что страна, которую мы проѣзжали, покрытая богатѣйшимъ ковромъ цвѣтовъ, обработанная и плодородная, принадлежитъ... къ арктическому поясу. Если бы мы внезапно были перенесены сюда, то мы ни за что не угадали бы, въ какой части земного шара мы находимся. Небо было ясно и прозрачно: деревья были покрыты ярко-зеленой листвою; пчелы жужжали, птицы распѣвали, качаясь на вѣтвяхъ придорожныхъ березокъ; въ воздухѣ разносился ароматъ цвѣтовъ и свѣжей травы, а іюньское солнце распространяло такое тепло, дѣйствовало такъ благотворно на человѣка, какъ это можетъ быть только гдѣ-либо въ умѣренномъ поясѣ.

Между станціями Черемисской и Сугацкой тянется открытая, плодородная и воздѣланная мѣстность. Значительныхъ лѣсовъ не было нигдѣ видно, но волнообразная мѣстность тамъ и сямъ пересѣкалась перелѣскомъ или березовой или тополевою рощицей; часто, насколько могъ только обхватить взоръ, тянулись исключительно нивы; рядомъ съ полосами ржи и пшеницы чернѣли свѣжевспаханные нивы или обширные луга съ пасущимися на нихъ коровами и овцами. И на этомъ зеленомъ фонѣ ярко выдавались занятые земледѣльческими работами мужчины и женщины въ ихъ пестрыхъ одеждахъ. Иногда мы въѣзжали въ прохладный лѣсъ, гдѣ раздавался крикъ испуганной кукушки, тарантасъ нашъ окунался снова въ море васильковъ и незабудокъ, и всюду опять цвѣты да цвѣты; буквально, безбрежное море цвѣтовъ. Травы не было вовсе видно: на далекое пространство степь выглядѣла желтымъ ковромъ, благодаря милліонамъ красивыхъ цвѣтовъ золотистаго тролліуса, похожихъ на розы, затѣмъ новая картина, и вмѣсто желтаго, разстилался блѣдно-голубой коверъ изъ незабудокъ; получалось впечатлѣніе, какъ будто бы голубое небо отразилось на поверхности воды, что насъ нѣсколько разъ, дѣйствительно, обманывало.

На всемъ пространствѣ отъ Екатеринбургa до Тюмени дорога въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ была усажена двумя или тремя рядами прелесныхъ серебристыхъ березъ, вышиною въ 70—80 фут., стоявшихъ такъ близко другъ отъ друга, что ихъ переплетающіяся вѣтви образовывали лиственный навѣсъ, непроникавшій перпендикулярныхъ лучей солнца.

Цѣлыя мили проѣзжали мы такимъ образомъ, находясь все время въ крытой колоннадѣ, колонны которой представляли бѣлые стволы, а крышу—вѣтви березъ, граціозно нависавшія надъ дорогой. Казалось, что находишься въ какомъ то выхоленномъ англійскомъ паркѣ, и взоръ невольно искалъ замокъ или виллу владѣльца этого чудеснаго парка. По преданію, императрица Екатерина приказала насадить эти березки, и по ея имени эта часть большого сибирскаго тракта носить названіе „Екатерининской аллеи“. Думала ли эта великая государыня облегчить ссылкой ихъ тяжкій путь или хотѣла она этимъ способствовать переселенію въ Сибирь, къ которой она питала особую любовь, мнѣ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, аллея эта сохранила неувядаемой память Екатерины уже въ теченіе вѣка, и тысячи усталыхъ путниковъ, которыхъ деревья охраняютъ отъ палящихъ лучей солнца, благословляютъ ежегодно ея имя.

Выдающаяся особенность западно-сибирскаго ландшафта, бросающаяся прежде всего въ глаза американцу, есть полное отсутствіе частоколовъ, оградъ и крестьянскихъ жилищъ. Поля разбиты на продолговатые квадраты, но безъ всякихъ оградъ, и на десятки миль не видно ни заборовъ, ни избъ. Ограды отсутствуютъ потому, что скотъ пасется на общинномъ выгонѣ. Отсутствіе же избъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что сибирскій крестьянинъ не есть собственникъ обрабатываемой имъ почвы, а поэтому не чувствуетъ никакой потребности поселиться прочно на одномъ мѣстѣ. Вся поземельная собственность Сибири принадлежитъ Царю. Деревенскія общины пользуются землей, но не имѣютъ никакихъ правъ на нее; они не могутъ обратить даже малѣйшей части ея въ свою собственность. Всѣ права деревенской общины заключаются въ томъ, что она распредѣляетъ известное количество земли на известное число лѣтъ между всѣми семействами, но все это „до востребованія“, что можетъ произойти каждую минуту. При каждой новой раздачѣ могутъ мѣняться владѣльцы, такъ что временный владѣлецъ, устроившійся прочно, можетъ ожидать, что его черезъ нѣкоторое, болѣе или менѣе короткое время выгонять изъ его-же собственнаго дома.

Другая особенность Западной Сибири есть бѣдность и запустѣніе деревень, что находится въ прямомъ противорѣчьи къ обработкѣ и плодородію почвы, указывающимъ на

благосостояніе края. Всякая сибирская деревня состоитъ изъ двухъ рядовъ одноэтажныхъ избъ, коньки которыхъ выходятъ на улицу, и которыя спереди не имѣютъ ни двора, ни дверей. Между каждыми двумя избами находится огражденный частоколомъ дворъ съ сараями, амбарами и гумномъ; со двора входятъ въ избу. Ворота и конекъ часто бывають украшены рѣзьбой, ставни пестро раскрашены, но въ общемъ, всѣ крестьянскія жилища представляютъ собой блокгаузы самаго примитивнаго вида, и многія изъ нихъ стары, обветшали и пришли въ упадокъ. Широкая улица не снабжена тротуарами и представляетъ собой, по большей части, море грязи. Во всей деревни не видно ни одного деревца или куста. Щетинистыя, грязныя свиньи валяются въ илѣ или разгуливаютъ, ища себѣ пищи; вся деревня производитъ тягостное впечатлѣніе безпомощности, нищеты и грязи. Къ счастью, впечатлѣніе это не соответствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ; не смотря на всю наружную нищету, здѣсь очень часто скрываются довольно значительное благосостояніе и зажиточность. Повидимому, сибирскій мужикъ не придаетъ большого значенія изящной внѣшности своего жилища и онъ ничего не предпринимаетъ, чтобы улучшить его. Ответственность и предприимчивость—качества здѣсь неизвѣстныя. Пока есть хоть малѣйшая возможность переносить какое-либо неудобство, никому и въ голову не придетъ устранить зло; поэтому, здѣсь и рѣчи не можетъ быть объ общественныхъ улучшеніяхъ. Въ значительной степени это равнодушіе къ собственному благу обусловливается парализующимъ вліяніемъ отеческаго, все регулирующаго правительства. Даже въ мелочахъ нельзя обойтись безъ позволенія офиціальнаго представителя правительственной власти, такъ какъ всякая попытка сдѣлать что-либо на общее благо сейчасъ-же встрѣчаетъ противодѣйствіе или въ видѣ бюрократическихъ „предписаній“, или въ видѣ капризовъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ; было, поэтому, крайне несправедливо бросить деревенскимъ жителямъ укоръ въ отсутствіи инициативы, ответственности и предприимчивости. Единственное, что крестьяне могутъ дѣлать,—это слушаться, ожидать приказовъ сверху и благодарить Бога за то, что положеніе дѣлъ не гораздо хуже, чѣмъ теперь.

Единственный признакъ вкуса и любви къ изящному—это цвѣты во всѣхъ окнахъ. Во всемъ поселеніи не увидишь

даже былинки, но за то во всѣхъ окнахъ красуются пѣтушья фуксіи, олеандры, кактусы, гераніи, чайныя розы и гвоздики. Цвѣтнѣе сибирскаго мужика можетъ сдѣлать честь даже оранжереямъ какого-нибудь любителя цвѣтовъ. Оконныя стекла, благодаря особенности изготовленія, отсвѣчиваютъ всѣми цвѣтами радуги. Окна, эти, переливающія всѣми радужными цвѣтами, представляютъ такой же разительный контрастъ съ старыми, обветшалыми домами, какой это рѣдкое богатство цвѣтовъ съ грязными, лишенными всякой растительности улицами.

Вблизи Тюмени исчезла открытая равнина; вмѣсто плодородной, обработанной земли потянулся болотистый лѣсъ съ почти непроницаемой чащей, въ которомъ было, кажется, столько же комаровъ, сколько цвѣтовъ. Дорога, которая до этихъ поръ была сравнительно очень удобна, здѣсь представляла собою какое-то море тины, ила и грязи, въ которомъ нашъ тяжелый тарантасъ увязалъ по ось. Благодаря этому, мы подвигались лишь очень медленно впередъ и проѣхали въ четыре часа всего 18 миль.

Замѣтны были попытки тамъ и сямъ помочь бѣдѣ тѣмъ, что погружали въ илистую почву громадныя, толстыя стволы деревьевъ, но какое сопротивленіе тяжести многихъ тысячъ до-верху нагруженныхъ воевъ могло оказать дерево; образовалось лишь больше ухабовъ, и предполагаемое улучшеніе прибавило къ старымъ неудобствамъ путешествія по этимъ мѣстамъ еще новое, невыносимую тряску. Когда намъ было уже больше не въ мочь, мы вышли изъ тарантаса и попробовали итти пѣшкомъ. Но солнце палило такъ невыносимо, а москиты были до того кровожадны, что мы черезъ 20 минутъ съ напухшими и окровавленными лицами поспѣшили скрыться въ нашемъ тарантасѣ; единственнымъ результатомъ нашей прогулки были большіе букеты цвѣтовъ, которые мы нарвали. Если бы Фростъ и я открыли эту страну, то мы назвали бы ее Флоридой или Кулексіей (страной комаровъ), потому что цвѣты и комары были, безъ сомнѣнія, самыми характерными и самыми значительными ея продуктами.

Еще не доѣзжая сторожки въ одной изъ послѣднихъ деревень передъ Тюменью, мы услышали звонъ колокольчика, что намъ живо напомнило аукціонъ. Когда мы остановились передъ деревенской околицей, къ намъ приблизился человѣкъ

съ колокольчикомъ, въ длинномъ черномъ одѣянніи, съ длинными, падавшими на плечи русыми волосами и съ оловянной кружкой, укрѣпленной на шеѣ. Онъ обратилъ наше вниманіе на одну темную картину въ когда-то позолоченной рамѣ, которая стояла около дороги. Это былъ, видно, образъ какого-то святого русской церкви, но почему онъ былъ здѣсь выставленъ, и чего отъ насъ желали, я не могъ понять. Наконецъ, человѣкъ въ черномъ одѣянніи, кланяясь и крестясь несчетно разъ, призывая на насъ благословеніе неба, попросилъ насъ подать Христа ради на храмъ святого, находившійся поблизости. Это соединеніе аукціоннаго колокольчика, иконы, таможни и церковнаго нищаго крайне развеселило Фроста, и онъ задалъ просителю вопросъ, принадлежит ли и дорога этому святому, и не взымаетъ ли онъ съ проѣзжихъ плату въ свою пользу. Сторожъ отвѣтилъ на это, что святой не имѣетъ никакого отношенія къ дорогѣ, но что церковь его очень бѣдна, и что благородные господа, проѣзжающіе мимо, обыкновенно помогаютъ ей своими добротными лептами и въ то же время не забываютъ и его, сторожа. Конечно, оба благородныхъ незнакомца съ искусанными фізіономіями, съ неприведенными въ порядокъ волосами, въ покрытыхъ грязью платьяхъ, которые въ полномъ достоинства видѣ возсѣдали на чемоданѣ, не могли противостоятъ обращенію къ ихъ благороднѣйшимъ чувствамъ. Мы дали сторожу нѣсколько мелкихъ монетъ съ указаніемъ половину всей суммы передать въ пользу церкви, и заплативъ, такимъ образомъ, двумъ великимъ русскимъ учрежденіямъ, церкви и кабаку, нашу дань, мы продолжали нашъ путь.

Когда мы въ четвергъ, 18-го іюня, уже подъ вечеръ выѣхали изъ лѣсу на открытую равнину, покрытую болотной растительностью, нашъ кучеръ указалъ намъ кнутомъ на горизонтъ, говоря: „Вотъ уже и Тюмень“. Мы увидали лишь рядъ пирамидальныхъ крышъ на горизонтѣ, перерываемый изрѣдка бѣлыми стѣнами какого-нибудь правительственнаго зданія или зеленымъ куполомъ православной церкви. Мы проѣхали мимо четырехугольной колонны изъ мрамора, поставленной жителями Тюмени въ память посѣщенія города въ 1868 г. великимъ княземъ Владиміромъ, затѣмъ мимо отряда солдатъ, упражнявшихся въ стрѣльбѣ въ цѣль, мимо ряда низкихъ амбаровъ, около которыхъ стояли бѣлыя по-

возки для перевозки слабыхъ и больныхъ ссыльныхъ, и наконецъ мы мимо знаменитой пересыльной тюрьмы, находящейся въ предмѣстьѣ.

Въ городѣ существуютъ двѣ или три гостиницы, но по совѣту нашего ямщика мы заѣхали къ нѣкому Ковальскому, который отдавалъ въ наемъ меблированныя комнаты въ свсемъ двухъ-этажномъ домѣ на берегу рѣки, въ восточной части города. Въ шесть часовъ вечера мы слѣзли съ нашего грязнаго тарантаса, проѣхавъ 204 мили (330 км.), перемѣнивъ 11 разъ лошадей и проведя 40 часовъ въ неудобной позѣ на чемоданѣ г. Фроста. Безпрерывная тряска разбила меня, какъ параличъ, и сообщила моимъ членамъ такую одеревенѣлость, что даже передъ самодержцемъ всероссійскимъ я не въ состояніи былъ бы сдѣлать поклона. Съ трудомъ поднялся я на второй этажъ и, удовлетворивъ голодь, заснулъ глубокимъ, продолжительнымъ сномъ.

Тюмень, откуда собственно начиналась наша поѣздка по Сибири и изслѣдованіе системы ссылки, имѣетъ около 19.000 населенія; городъ лежитъ на правомъ берегу Туры, выше впаденія ея въ Тоболъ, 1.700 миль (2.740 км.) восточнѣе Петербурга, и имѣетъ болѣе важное торговое значеніе, чѣмъ вообще думаютъ. Ужъ не разъ я видѣлъ недовѣріе на лицахъ моихъ слушателей, когда я рассказывалъ о сибирскомъ табакѣ, сибирскихъ орхидеяхъ, верблюдахъ и т. д. Даже подъ опасностью показаться скучнымъ, я долженъ привести здѣсь рядъ статистическихъ данныхъ, чтобы разсѣять ложныя представленія о Сибири, господствующія въ нашемъ обществѣ. Тобольская губернія, съ которой раньше всего знакомится пріѣзжающій изъ Европейской Россіи путешественникъ, тянется отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до сожженныхъ степей Семипалитинска и Акмолинска, отъ Урала до границъ Енисейской и Томской губ. и занимаетъ площадь въ 590.000 кв. м., изъ которыхъ 270.000.000 акровъ находится подъ хлѣбомъ. Она обладаетъ 8 городами съ населеніемъ отъ 3.000—20.000 жителей и сельскимъ населеніемъ въ 1.200.000 человекъ. По статистическимъ даннымъ за послѣдній годъ было собрано всего 30.044.880 бушелей хлѣба, 3.778.230 бушелей картофеля; скота было 2.647.000 головъ. Она экспортируетъ ежегодно въ Европ. Россію огромное количество сырыхъ продуктовъ, какъ то: кожи, сало, шетину, шкуры, мѣха, ленъ и пеньку; болѣе 2.000.000

фунтовъ масла идетъ ежегодно черезъ Ростовъ на Дону въ Константинополь, а въ г. Ирбитѣ, той-же губ., происходитъ ежегодно ярмарка съ оборотомъ въ 35.000.000 руб. Фабричная промышленность, еще слабо развитая, доставляетъ занятіе 6.252 человекамъ и производитъ товаровъ на восемь съ половиною миллионъ рублей. Кромѣ постоянно занятыхъ на фабрикахъ рабочихъ насчитывается еще до 27.000 механиковъ и ремесленниковъ. Также и кустарная промышленность достигаетъ почтенныхъ размѣровъ и производитъ ежегодно 50.000 ковровъ и одѣялъ, 1.500.000 нитокъ по 6 фут. каждая, рыбацьи сѣти, 2.140.000 ярдовъ полотна, 50.000 бочекъ, 70.000 телѣгъ и саней, кожъ на 2.500.000 руб., большое количество мѣховъ, чулокъ, рукавицъ, поясовъ, кружевъ и вышитыхъ простынь и полотенецъ. Объ съ притоками доставляетъ ежегодно 8.000 тоннъ рыбы; 3.000 тоннъ соли идетъ ежегодно для заготовленія рыбы въ прокъ. Тюмень, самый главный городъ губерніи, на судоходной Турѣ, стоитъ въ пароходномъ сообщеніи со всѣмъ пріобскимъ райономъ, т. е. съ болѣею частью Западной Сибири, отъ Семипалитинска и Томска до береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. 58 пароходовъ обращаются по Оби и ея притокамъ, болѣею частью, между Томскомъ и Тюменью; черезъ послѣдній городъ проходитъ ежегодно на 30—40 миллионъ товару.

На Макарьевскую ярмарку Сибирь отправляетъ на 16.000.000 руб. продуктовъ, а ввозъ мануфактурныхъ товаровъ изъ Европейской Россіи достигаетъ 300.000 тоннъ.

Въ день нашего пріѣзда погода доставила убѣдительное доказательство того, что иногда столь мягкой и пріятный климатъ Сибири очень измѣнчивъ и не постояненъ. Вѣтеръ, который началъ ночью дуть съ сѣверовостока, принесъ съ собою съ береговъ Ледовитаго океана и тундръ страшный холодъ, а проливной дождь обратилъ немощныя улицы Тюмени въ настоящія болота, такъ что не было никакой возможности, въ буквальномъ смыслѣ слова, поставить ногу на землю. Мы взяли извозчика и отправились на почту и назадъ. Чтеніе полученныхъ писемъ и отвѣты на нихъ наполнили остатокъ дня. Въ субботу мы воспользовались мгновеніями, когда погода прояснилась, чтобы осмотрѣть городъ, но игра не стоила свѣчъ. Грязныя немощныя улицы отличались тѣмъ отъ деревенскихъ, что были снабжены узень-

кими тротуарами изъ булыжника, а дома были тѣже деревянные избы, но немного побольше и съ большими претензіями на изящество. То же самое отсутствіе растительности, тѣ же огороженные дворы, то же отсутствіе дверей на улицу, развѣ только бѣлыя церкви съ зелеными крышами сообщали городу болѣе живой видъ, а то все остальное было слишкомъ примитивно и не интересно.

Единственная рекомендація, которую мы имѣли въ Тюмень, была дана намъ въ С.-Петербургѣ къ директору мѣстнаго реальнаго училища, Словцову; когда буря въ субботу послѣ обѣда немного улеглась, мы отправились къ г. Словцову, которому мы и передали рекомендательное письмо. Директоръ оказалъ намъ самый сердечный приемъ и предложилъ намъ осмотрѣть училище. Последнее находится въ самомъ большомъ и красивомъ во всемъ городѣ зданіи. Училище состоитъ изъ двухъ отдѣленій: одного, чисто научнаго, и другого техническаго. Въ последнемъ находятся паровая машина, станки и всѣ необходимыя орудія; въ чисто научномъ отдѣленіи физическій кабинетъ, богато снабженный всѣми нужными приборами, даже телефонами системы Беля, Эдиссона и Дольбира и фонографомъ, химическая лабораторія, которая обставлена съ такимъ совершенствомъ, какого я еще нигдѣ не видалъ, залъ для художественнаго и техническаго рисованія, прекрасная библіотека и отличный музей, въ которомъ, между прочимъ, замѣчательна коллекція 900 дикихъ цвѣтовъ изъ окрестностей Тюмени. Короче говоря, школа эта была бы украшеніемъ даже значительно большаго города, чѣмъ Тюмень. Зданіе училища построено однимъ богатымъ тюменскимъ купцомъ, проникнутымъ желаніемъ принести пользу обществу. Зданіе обошлось въ 85.000 долларовъ и принесено этимъ купцомъ въ даръ городу.

Г. Словцовъ далъ намъ адресъ одного Шотландца, г. Якова Р. Вардропперсъ, который живетъ уже болѣе двадцати лѣтъ въ Сибири по торговымъ дѣламъ. Такъ какъ мы были увѣрены, что г. Вардропперсъ будетъ радъ посѣтителемъ съ далекаго запада, то мы, недолго думая, отправились къ нему. Семья его приняла насъ съ такимъ радушіемъ и сердечностью, что мы скоро почувствовали себя какъ дома.

Въ Тюмени находятся самая значительная пересыльная

тюрьма и главное управленіе по ссылке на каторгу. Всѣ осужденные на поселеніе или ссылку на каторжные работы въ Восточной или Южной Сибири оставляются на нѣкоторое время въ тюменской центральной тюрьмѣ, управленіе которой обложено всѣми работами по составленію протоколовъ и статистики ссыльнаго дѣла.

Помня, какъ насъ въ Перми только за наружный осмотръ тюремнаго замка подвергли аресту, мы питали основательное сомнѣніе относительно удовлетворенія нашего желанія осмотрѣть этапную тюрьму. Г. Вардропперсъ не раздѣлялъ нашихъ опасеній и на слѣдующій день, въ воскресенье, проводилъ насъ къ г. Крассину, главному полицейскому чиновнику этого уѣзда. Я передалъ ему открытыя письма министровъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и былъ принятъ съ сердечностью, которая была такъ же пріятна, какъ неожиданна. Онъ предложилъ намъ позавтракать и сообщилъ, что онъ официальнымъ и частнымъ путемъ извѣщенъ изъ Петербурга о нашемъ намѣреніи объѣхать Сибирь, причемъ предоставилъ себя въ наше распоряженіе. Хотя онъ и выразилъ опасеніе, что тюрьма въ санитарномъ отношеніи произведетъ на насъ скверное впечатлѣніе, онъ все-таки безъ колебаній далъ свое согласіе на осмотръ зданія и предложилъ намъ на слѣдующій день посѣтить его совмѣстно.

Нездоровье помѣшало г. Крассину исполнить свое обѣщаніе на слѣдующій день, но во вторникъ мы получили отъ него рекомендательное письмо къ смотрителю тюрьмы. На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, мы оба, Вардропперсъ и г. Игнатовъ, бывшій членъ тюремнаго комитета, встрѣтились у воротъ тюрьмы. Само зданіе находится въ центрѣ огромнаго двора, окруженнаго бѣлой каменной стѣной, вышиной въ 12—15 ф., и выкрашено также въ бѣлый цвѣтъ. Оно представляетъ собою прямоугольникъ длиною въ 75 ф., шириною въ 40—50 ф. и имѣетъ три этажа. На каждомъ углу стѣны находится черно-бѣлая будка, снабженная рѣшетками; вдоль каждой стѣны идутъ часовые съ заряженными берданками. Направо отъ воротъ прислонилось къ стѣнѣ маленькое зданіе, въ которомъ помѣщается канцелярія, а передъ нимъ столбъ съ крышей, подъ которой укрѣпленъ колоколь. Около дюжины дѣвушекъ и старухъ сидѣли передъ тюрьмой, продавая ссыльнымъ ржаной хлѣбъ, холодное мясо, варенныя яйца, молоко и пироги съ рыбой. Тюменская

тюрьма была первоначально рассчитана на 500 арестантовъ, но потомъ пристроили нѣсколько бараковъ, такъ что она вмѣщала въ себѣ уже 800 преступниковъ. Въ день нашего посѣщенія въ ней находилось 1741 человекъ, какъ это было видно на черной доскѣ, укрѣпленной на двери канцеляріи. При входѣ насъ остановилъ часовой. Когда онъ услышалъ, что мы желаемъ быть впущенными, онъ крикнулъ черезъ квадратное окошко въ воротахъ: „Старшій!“ Показался сержантъ или капралъ съ саблей и револьверомъ за поясомъ, который взялъ наши рекомендаціи, чтобы передать ихъ смотрителю. Минуту спустя, намъ позволили войти въ тюремный дворъ. 50—60 ссыльныхъ блуждали безцѣльно передъ главнымъ зданіемъ или сидѣли праздно въ группахъ. Всѣ были одѣты съ головы до ногъ въ сѣрое. Одежда состояла изъ сѣраго круглаго картуза безъ козырька, рубахи и штановъ изъ грубаго полотна и длиннаго сѣраго халата, на спинѣ котораго находились одинъ или два бубновыхъ туза изъ черной или желтой матеріи. Почти всѣ были въ кандалахъ, звонъ которыхъ напоминалъ сотрясеніе безчисленныхъ связокъ ключей.

Первая камера или келья, въ которую мы вступили, находилась въ одноэтажномъ баракѣ, налѣво отъ воротъ, у стѣны, и была, должно быть, предназначена для приѣма сверхкомплектныхъ изъ главнаго зданія. Комната была длиною въ 35 ф., шириною въ 25 ф. и вышиною въ 12 ф.; сложенные изъ балокъ стѣны были когда-то выбѣлены, но теперь онѣ были покрыты сплошнымъ слоемъ грязи, такъ-же какъ и полъ; три снабженныхъ рѣшетками окна впускали свѣтъ. Въ серединѣ помѣщенія находились деревянные нары, длиною въ 30 ф., шириною въ 12 ф., укрѣпленные на крѣпкихъ столбахъ, вышиною въ два фута. Нары эти служили для спанья; благодаря тому, что онѣ были устроены къ концамъ покато, головы преступниковъ, спавшихъ въ двухъ діаметральныхъ рядахъ, тѣсно другъ около друга, лежали всегда на нѣсколько дюймовъ выше ихъ ногъ. Сибирская тюрьма не содержитъ болѣе никакой мебели, кромѣ наръ и большого деревяннаго ушата для нечистотъ. Арестанты не получаютъ ни подушекъ, ни одѣялъ, а прикрываются своими халатами и лежатъ на твердыхъ, какъ камень, нарахъ. Когда мы вошли въ камеру, арестанты живо встали, звеня цѣпами, сняли шапки и стояли молча, другъ возлѣ друга.

„Какъ поживаете, ребята?“ спросилъ директоръ. „Здравія желаемъ вашей милости!“ крикнули сотни голосовъ хоромъ. „Тюрьма крайне переполнена“, сказалъ намъ смотритель, „эта тюрьма, напр., имѣетъ лишь 35 ф. въ длину и 25 ф. въ ширину и вмѣщаетъ въ себѣ 35, много 40 человекъ.“ „А сколько спало здѣсь вчера ночью?“ обратился директоръ тюрьмы къ арестантамъ. „Сто шестьдесятъ“, крикнуло съ полдюжины сиплыхъ голосовъ. „Въ этой камерѣ находится въ четыре раза столько арестантовъ, на сколько она предназначена. И такое отношеніе существуетъ во всей тюрьмѣ“. Я оглянулся: нигдѣ не было видно даже и слѣда вентиляціи, воздухъ былъ настолько испорченъ, что я съ трудомъ могъ дышать.

Мы посѣтили шесть камеръ подрядъ, и вездѣ нашли одно и то-же; въ каждой было въ 3—4 раза болѣе, чѣмъ по плану было назначено, и въ 5—6 разъ больше, чѣмъ можно было помѣстить въ нихъ съ гигиенической точки зрѣнія. По большей части арестанты не имѣли на нарахъ достаточно мѣста, чтобы спать; они лежали подъ нарами, на грязномъ до отвращенія полу или же между нарами и стѣнами. Когда мы вступили въ одно отдѣленіе, изъ-подъ наръ выползли три-четыре арестанта съ блѣдными, печальными лицами, очевидно больные.

Осмотрѣвъ пристройки во дворѣ, мы направились къ главному зданію, гдѣ находятся мастерскія, кухня, больница, а также значительное число камеръ, обставленныхъ въ санитарномъ отношеніи еще отвратительнѣе, чѣмъ бараки. Г. Игнатовъ, который, какъ бывший членъ тюремнаго комитета, отлично зналъ ужасающіе порядки въ пересыльной тюрьмѣ, предпочелъ не провожать насъ.

По обѣ стороны мрачнаго, сырого и грязнаго корридора находилось значительное число тяжелыхъ деревянныхъ дверей, которыя вели въ келіи, имѣвшія 80—150 кв. ф. поверхности и служившія пребываніемъ для 6—30 арестантовъ. Нары были того-же характера, какъ и описанныя выше, маленькія окна были снабжены крѣпкими рѣшетками; не было видно даже малѣйшей попытки ввести вентиляцію. Въ одной изъ такихъ келій мы увидѣли 8—10 дворянъ, очевидно, людей образованныхъ, почему и смотритель счелъ нужнымъ снять шляпу. Были-ли это „политическіе“, я не знаю, но обыкновенно въ этой части тюрьмы держали только такихъ. Воздухъ

въ корридорахъ и камерахъ, въ особенности, во второмъ этажѣ, былъ отвратителенъ. Каждый кубическій футъ его былъ вдыхаемъ и выдыхаемъ, пока онъ содержалъ хотъ одинъ атомъ кислорода. Атмосфера была наполнена микроорганизмами, разносившимися изъ больницы, лишенной также вентиляціи, вонючими испареніями больныхъ человѣческихъ легкихъ и нечистоплотныхъ тѣлъ, и ко всему этому удущивая вонь изъ ушатовъ, предназначенныхъ для экскрементовъ и стоявшихъ въ концѣ каждаго корридора. Я удерживалъ, пока хватало силъ, дыханіе, каждый вздохъ отравлялъ легкія; но наконецъ мнѣ сдѣлалось дурно. Директоръ тюрьмы, замѣтивъ мою блѣдность, улыбнулся, „Вы, должно быть, не привыкли къ тюремному воздуху. Закурите папиросу, а потомъ въ аптекѣ мы попросимъ вина“. Я послѣдовалъ его совѣту, и мы продолжали нашъ обходъ. Прежде всего мы осмотрѣли мастерскія, двѣ камеры въ 8 кв. ф. каждая, находившіяся во 2-мъ этажѣ и вовсе не соответствовавшія той цѣли, къ какой онѣ были предназначены. Въ одной изъ нихъ трое или четверо арестантовъ занимались починкой сапоговъ, въ другой, видно, пробовали завести столарную, но безъ необходимыхъ орудій и указаній, такъ что смѣшно было слышать громкій титулъ: „мастерская“. Въ тюремной кухнѣ, темной и грязной, находившейся въ самомъ нижнемъ этажѣ главнаго зданія, нѣсколько полунагихъ мужчинъ пекли ржаной хлѣбъ и варили въ громадныхъ, желѣзныхъ котлахъ супъ. Я попробовалъ его въ покрытой жиромъ деревянной посудѣ, которую одинъ арестантъ поспѣшилъ для меня вытереть, набравъ полную руку грязнаго льна. Супъ я нашелъ довольно вкуснымъ, хлѣбъ былъ кисель и тяжелъ, но не хуже, чѣмъ тотъ, который обыкновенно ѣдятъ русскіе крестьяне. Ежедневный паекъ арестанта состоитъ изъ 2¹/₂ фунтовъ чернаго хлѣба, около 6 унцій варенаго мяса, двухъ-трехъ унцій грубой крупы или гречи и изъ стакана кваса утромъ и вечеромъ ¹⁾).

Послѣ того, какъ мы осмотрѣли мастерскія, кухню и большую часть камеръ въ первомъ и второмъ этажѣ, дирек-

¹⁾ Изъ отчета инспектора по транспорту ссыльных въ Сибирь въ 1884 г. видно, что содержаніе на каждаго арестанта въ тюменской тюрьмѣ обходится въ 7 коп. въ сутки; а арестанта привилегированныхъ классовъ, съ „политическими“ включительно, въ 10 коп. въ день. Конечно, пища не можетъ быть хороша при такихъ расходахъ.

торъ спросилъ насъ, не желаемъ-ли мы осмотрѣть также и больницу. „Конечно“, отвѣтили мы: „мы желаемъ видѣть все, что только можно“. Смотритель пожалъ плечами, недоумѣвая, что можетъ быть любопытнаго для туриста въ осмотрѣ тюремнаго госпиталя, но все-таки повелъ насъ безъ всякихъ замѣчаній въ третій этажъ, отведенный подъ больницу. Больничныя комнаты были больше и свѣтлѣе, чѣмъ всѣ до сихъ поръ нами осмотренныя въ главномъ зданіи, но, какъ и тамъ, здѣсь вполне отсутствовала вентиляція, а дезинфекціонныя средства были неизвѣстны. Воздухъ былъ зачумленъ. По моему убѣжденію, ни одинъ здоровый человѣкъ не могъ дышать болѣе недѣли въ этой атмосферѣ, чтобы не заболѣть; какимъ образомъ больные могли здѣсь выздоравливать, оставалось для меня покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Въ каждомъ отдѣленіи стояло 12—15 желѣзныхъ коекъ, которыя были уставлены у трехъ стѣнъ камеры, верхнимъ концомъ къ стѣнѣ, такъ что между ними было по 5 ф. разстоянія. Постель состояла изъ тонкаго матраца или, вѣрнѣе говоря, изъ сѣраго мѣшка, набитаго соломой, одной подушки и шерстянаго или нищенскаго стеганнаго одѣяла. Г. Фростъ утверждаетъ, что онъ видалъ на нѣкоторыхъ кроватяхъ простыни изъ грубаго, сѣраго полотна и даже наволочки на подушкахъ; я, по крайней мѣрѣ, не могу припомнить чего-либо подобнаго. Въ головахъ каждой койки помѣщалась черная доска, на которой была означена болѣзнь и день пріема больного на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Чаще всего попадались больные скорбутомъ, тифомъ, гастрическими лихорадками, острыми бронхитами, ревматизмомъ и сифилисомъ. Только одни тифозные больные помѣщались въ отдѣльной камерѣ; за однимъ этимъ исключеніемъ не было сдѣлано другихъ попытокъ раздѣлить больныхъ по роду ихъ заболѣванія. Мужчины и женщины лежали въ различныхъ помѣщеніяхъ, — вотъ и все. Никогда и нигдѣ я не видѣлъ такихъ блѣдныхъ опавшихъ лицъ; больные напоминали какихъ-то привидѣній; какъ мужчины, такъ и женщины, казалось, находятся не только въ безнадежномъ состояніи, но также живутъ съ разбитымъ сердцемъ. Могло быть развѣ иначе при видѣ этой отвратительной грязи, этого безграничнаго горя, при жизни въ зараженной атмосферѣ! Надъ входомъ въ больницу должны были-бы по-

мѣстить надпись: „Оставьте всякую надежду, входящіе сюда!“¹⁾.

Посѣтивъ еще родильную и тифозную палату, я рѣшилъ, что я уже достаточно насмотрѣлся и былъ проникнутъ только однимъ желаніемъ выйти на свѣжій воздухъ. Директоръ повелъ насъ въ нижній этажъ, гдѣ находилась аптека, предложилъ намъ подкрѣпиться и просилъ позволить ему обрызгать насъ растворомъ карболовой кислоты, чтобы предохранить насъ отъ всякой заразы.

Послѣ испорченной атмосферы тюрьмы уже это было настоящее освѣженіе. Но только на дворѣ я началъ жадно вдыхать свѣжій воздухъ съ чувствомъ глубокаго облегченія, которое чувствуетъ утопающій, когда онъ появляется на поверхности воды.

„Сколько арестантовъ умираетъ ежегодно въ больницѣ?“ спросилъ я директора.

„Около трехсотъ“, былъ отвѣтъ. „Почти каждую осень свирѣпствуетъ у насъ тифозная эпидемія. Да развѣ можно ожидать чего-нибудь другаго, когда въ зданіи, построенномъ на 800 чел., находится тысяча восемьсотъ? При такомъ переполненіи не можетъ быть и рѣчи о чистотѣ и опрятности. Вы, вѣдь, испытали на себѣ, что за воздухъ находится въ камерахъ. Осенью дѣло бываетъ часто гораздо хуже. Лѣтомъ можно, по крайней мѣрѣ, открыть окна и такимъ образомъ освѣжать помѣщенія, но если на дворѣ буря или морозъ, окна должны быть закрыты. Мы также страдаемъ, какъ и арестанты подъ вліяніемъ такихъ условій. Мой помощникъ лишь недавно оправился отъ тифа, которымъ онъ заразился во время исполненія своихъ обязанностей, и который держалъ его шесть недѣль прикованнымъ къ кровати. Мѣстные власти часто уже и довольно настойчиво просили правительство сдѣлать необходимыя распоряженія, чтобы здѣшняя тюрьма во время судоходства не была такъ переполнена, но дѣло ограничилось устройствомъ двухъ новыхъ деревянныхъ барачковъ²⁾.

¹⁾ Изъ вышеназваннаго отчета явствуетъ также, что уходъ за однимъ больнымъ въ тюменскомъ тюремномъ госпиталѣ обходился въ день въ 27 центовъ (40 коп.), а погребеніе одного умершаго въ одинъ долларъ 57 ц. (два руб. 70 коп.)!

²⁾ Въ 1884 г. тюменская тюрьма изъ 151 дня, во время которыхъ Объ была судоходна, была переполнена въ теченіи 133 дней (отчетъ тюремнаго инспектора за 1884 г.).

Директоръ говорилъ откровенно о вещахъ, общеизвѣстныхъ въ Тюмени, и которыхъ онъ не могъ отрицать даже по отношенію къ иностранцу, осматривающему эту тюрьму и госпиталь.

Изъ главнаго зданія мы отправились въ женскую тюрьму, которая лежала на другой сторонѣ улицы, въ глубинѣ большаго двора, который былъ окруженъ частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ. Внутри она немного отличалась отъ тѣхъ барачковъ, которые мы уже раньше осматривали. Кельи имѣли пространство въ 120—135 кв. ф., а число заключенныхъ колебалось между 3—40. Всѣ помѣщенія были чисты и свѣтлы, полъ и нары чисто вымыты; тамъ и сямъ лежали даже куски ковра. Женщины, какъ и мужчины, должны были спать на твердыхъ нарахъ, безъ подушекъ и одѣялъ, но за то камеры не были переполнены, и воздухъ въ нихъ былъ гораздо чище. Арестантки, изъ которыхъ только немногія имѣли порочное или преступное выраженіе лица, принадлежали большей частью къ крестьянскому классу, многія имѣли при себѣ дѣтей. Затѣмъ мы отправились въ тюрьму для ссыльныхъ поселенцевъ съ ихъ семьями, окруженную такимъ-же частоколомъ, какъ и женская тюрьма. Это былъ длинный (около 75 ф.) баракъ безъ особыхъ отдѣленій, въ которомъ находилось около трехсотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Нары были переполнены, и воздухъ испорченъ; десятки дѣтей кричали отъ голоду и лишеній, мужчины и женщины выглядѣли усталыми, истощенными и глубоко несчастными. Женщины, находившіяся здѣсь, послѣдовали добровольно за ихъ мужьями въ ссылку.

При этомъ основательномъ осмотрѣ тюремъ мы не замѣтили, какъ наступилъ часъ. Г. Фростъ, Вардропперсъ, Игнатовъ и я отправились завтракать. Такъ какъ нашъ любезный хозяинъ г. Игнатовъ былъ правительственнымъ контрагентомъ по транспорту ссыльныхъ воднымъ путемъ въ восточномъ направленіи и когда-то однимъ изъ выдающихся членовъ тюремнаго комитета въ Тюмени, то я спросилъ его, знаетъ ли правительство въ Петербургѣ о состояніи тюменской пересыльной тюрьмы. Я узналъ отъ него, что мѣстные власти, тюремный комитетъ и инспекторъ по транспорту ссыльныхъ въ Западную Сибирь каждый годъ отправляютъ въ столицу отчетъ о тюменскомъ тюремномъ замкѣ, и что состояніе послѣдняго вовсе не представляетъ какого-либо исключенія.

Устройство новыхъ тюремъ въ Европейской Россіи и Сибири есть неотложное дѣло, но правительство не имѣетъ для коренной реформы тюремнаго вѣдомства и устройства новыхъ тюремъ, на что потребуется, по крайней мѣрѣ, десять милліоновъ руб., необходимыхъ средствъ. (!) Онъ согласился съ нами, что состояніе тюменской тюрьмы, дѣйствительно, ужасно, и прибавилъ, что онъ выступилъ изъ тюменскаго комитета только потому, что правительство не желало ассигновать нужныхъ для постройки тюремной больницы денегъ.

Все, что я узналъ изъ бесѣды съ г. Игнатовымъ и директоромъ тюрьмы, подтвердили мнѣ и другіе обитатели Тюмени, а также чиновники тюремнаго вѣдомства. Изъ отчета медицинскаго отдѣленія Министерства внутреннихъ дѣлъ я увидѣлъ, что въ 1884 г. 28,4% ссыльных подверглись заболѣванію въ тюменской тюрьмѣ, т. е., почти третья часть всѣхъ заключенныхъ находилась на излѣченіи въ госпиталѣ. Если читатель приметъ въ соображеніе, что ежегодно 17—19.000 преступниковъ имѣютъ временную остановку въ стѣнахъ этой страшной темницы, и что тысячи больныхъ подвергаются лѣченію въ самихъ камерахъ, т. е., цифра ихъ въ отчетѣ вовсе не выставлена, то онъ можетъ себѣ сдѣлать приблизительное представленіе о томъ страшномъ бѣдствіи, театромъ котораго является эта тюрьма.

Чтобы вѣрно понять дѣль ссылки въ Сибирь и ту важную роль, которую играетъ въ ссыльной системѣ Россіи этапная тюрьма въ Тюмени, читатель долженъ припомнить, что въ Россіи не существуетъ смиренныхъ домовъ. Если преступникъ осужденъ менѣе чѣмъ на четыре года тюремнаго заключенія, то онъ отсидживаетъ наказаніе въ мѣстной тюрьмѣ, потому что отсылать его на такое короткое время въ Сибирь не выгодно; приговоренъ преступникъ болѣе чѣмъ на четыре года, его отправляютъ въ Сибирь. Въ 1823—1887 гг. было сослано 772.979 преступниковъ.

Отъ 1823—1832	=	98.725
" 1833—1842	=	86.550
" 1843—1852	=	69.764
" 1853—1862	=	101.238
" 1863—1872	=	146.380
" 1873—1877	=	91.257

въ году	1878	=	17.790
" "	1879	=	18.255
" "	1880	=	17.660
" "	1881	=	17.183
" "	1882	=	16.945
" "	1883	=	19.314
" "	1884	=	17.824
" "	1885	=	18.843
" "	1886	=	17.477
" "	1887	=	17.774

Всего ¹⁾. 772.979

Всѣ ссыльные по степени ихъ наказанія раздѣляются на три разряда: 1) преступниковъ, осужденныхъ на каторжные работы въ рудникахъ, или каторжниковъ; 2) сосланныхъ на поселеніе, или поселенцевъ и 3) просто ссыльныхъ. Я могъ-бы къ этимъ тремъ разрядамъ присоединить еще одинъ:—женщинъ и дѣтей, послѣдовавшихъ добровольно за ихъ мужьями и отцами въ изгнаніе. Преступники первыхъ двухъ классовъ лишены всѣхъ правъ состоянія и должны всю жизнь пробывать въ Сибири. Остальные сохраняютъ нѣкоторыя гражданскія права и имѣютъ право вернуться въ Россію послѣ того, какъ они отбыли свое наказаніе. Каторжники и поселенцы закованы въ кандалы все время, пока они находятся на пути къ мѣсту назначенія, кромѣ того имъ сбываютъ половину головы; просто ссыльные не имѣютъ кандаловъ, и имъ не обезображиваютъ головы. Въ третій классъ ссыльныхъ входятъ:

- 1) безпаспортные бродяги, не желающіе удостовѣрить своей личности;
- 2) лица, сосланные по судебному приговору;
- 3) лица, исключенныя изъ ихъ общества и сосланные по приговору общества;
- 4) лица, сосланные по приказу министра внутреннихъ дѣлъ.

Отношеніе между этими отдѣльными классами явствуетъ изъ таблицы за 1885 г., годъ моей поѣздки по Сибири.

¹⁾ Цифры эти заимствованы изъ официальныхъ источниковъ.

Разрядъ.	Мужч.	Женщ.	Всего.
1. Каторжники, осужденные окружными судами на работы въ руд.	1440	111	1551
2. Осужденные окружными судами на поселеніе	2526	133	2659
3. Ссылные			
а) бродяги	1646	73	1719
б) сосланные по судебному приговору	172	10	182
в) сосланные по приговору общества	3535	216	3751
г) административно-ссылные	300	68	368
4. Добровольно послѣдовавшіе въ ссылку	2068	3468	5536
Итого	11687	4079	15766

Изъ этой таблицы ясно видно, что самый значительный контингентъ ссыльныхъ рекрутируются изъ женщинъ и дѣтей (5536 изъ 15766), которые добровольно послѣдовали въ изгнаніе за главой семьи. Изъ отчета главнаго тюремнаго управленія за 1882—1885 гг. видно, какой процентъ всѣхъ ссыльныхъ составляли женщины и дѣти:

Годъ.	Общая цифра.	Женщ. и дѣт.	%
1882	16.945	5.276	31
1883	19.314	6.311	33
1884	17.824	6.067	34
1885	18.843	5.536	28
	72.926	23.190	31

Кромѣ того, изъ этой таблицы ясно видно, что изъ 10.230 сосланныхъ въ Сибирь за различныя преступленія только 4.392 осуждены окружными судами, а остальные 5.838, т. е. больше половины, сосланы административнымъ порядкомъ, т. е., по приказу министра внутр. дѣлъ. Отношеніе числа сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ къ числу административно-ссылныхъ подвержено лишь незначительнымъ колебаніямъ. Въ періодъ 1867—1876 гг. включительно было отправлено въ Сибирь 151.585 преступниковъ, изъ нихъ по судебному приговору только 48,80%, а остальные

51,20% административнымъ порядкомъ. Въ періодъ 1880—1886 гг. включительно были временно водворены въ тюменской пересыльной тюрьмѣ 120.065 ссыльныхъ, изъ нихъ были 64.513 или 53,7% сосланы по судебному приговору, а 55.552 или 46,3% по приказу министра. Александръ II назначилъ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ комиссію для реформы тюремнаго вѣдомства; изъ отчета ея видно, что среднимъ счетомъ ежегодно ссылается 45,6% по судебнымъ приговорамъ и 54,4% административнымъ порядкомъ.

Кромѣ всего этого изъ таблицы слѣдуетъ, что больше третьей части ссыльныхъ (3.751 изъ 10.230) изгоняется въ Сибирь по общественному приговору.

Каждый міръ или волостной сходъ въ Россіи имѣетъ право изгнать въ Сибирь каждаго члена своего, падающаго бременемъ на общество или пользующагося скверной репутацией; точно также имѣетъ міръ право воспротивиться принятію въ свою среду отбывшаго срокъ наказанія преступника. Такіе преступники, не принятые обществомъ, ссылаются административнымъ порядкомъ въ Сибирь.

Политическіе преступники, сосланные въ Сибирь, не образуютъ особаго класса, но раздѣляются между всѣми вышеназванными категоріями. Число ихъ гораздо меньше чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, и наврядъ-ли превышаетъ ежегодно цифру 150. Въ 1884 году прошли черезъ тюменскій тюремный замокъ 140 „политическихъ“, а въ 1885 г., во времени моего пріѣзда, т. е., въ іюнѣ, насчитывали ихъ лишь 60. Такъ какъ только въ послѣднее время начали въ официальныхъ и тюремныхъ отчетахъ употреблять названіе „политическій“, то трудно установить точное отношеніе ихъ къ общему числу сосланныхъ. Я думаю, что можно съ большимъ вѣроятіемъ принять 1%.

До тѣхъ поръ, пока я не посѣтилъ тюменской тюрьмы, я не видѣлъ ни одного „политическаго“ преступника, и, помня совѣты моихъ петербургскихъ друзей, я началъ съ величайшей осторожностью собирать справки о нихъ.

На другой день послѣ посѣщенія тюремнаго замка намъ представился случай присутствовать при отходѣ партіи ссыльныхъ въ Ялutorскъ. Когда мы приблизились къ тюрьмѣ, съ которой мы хотѣли снять фотографію, намъ бросилась въ глаза густая толпа народу: она состояла приблизительно изъ сотни женщинъ и дѣтей въ пестрыхъ ситцевыхъ пла-

тѣхъ и изъ 250 мужчинъ въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ; вся толпа была оцѣплена кордономъ солдатъ. Въ недалекомъ разстояніи 15—20 одноконныхъ телѣгъ, изъ которыхъ однѣ были нагружены сѣрыми мѣшками, заключавшими имущество ссыльныхъ, а въ другихъ сидѣли мужчины, женщины и дѣти, которыя или вслѣдствіе престарѣлаго возраста или какихъ-нибудь недуговъ и физическихъ недостатковъ не могли идти пѣшкомъ. Мнѣ вообще казалось непонятнымъ, какъ люди, проведеніе недѣлю въ этомъ тюремномъ замкѣ, могутъ еще держаться на ногахъ. Непрерывный гулъ голосовъ доносился до насъ, иногда съ телѣгъ раздавались стоны больныхъ дѣтей, или слышенъ былъ лязгъ цѣпей, когда каторжники, уставъ стоять, садились на землю. Командовавшій колонной офицеръ, высокій мужчина, съ рыжеватыми бакенбардами и свѣтлоглубыми глазами, съ жесткими, несимпатичными чертами лица, стоялъ около телѣгъ, окруженный женщинами и дѣтьми, умолявшими его позволить имъ ѣхать въ телѣгахъ.

„Сжальтесь надъ моей маленькой дѣвочкой и позвольте ей сѣсть въ телѣгу“, просила одна блѣдная женщина, когда я приблизился къ этой группѣ. „Ей еще нѣтъ десяти лѣтъ, и кромѣ того у нея одна нога разбита параличомъ; она ни въ какомъ случаѣ не можетъ пройти тридцати верстъ“. „Что у нея съ ногой?“ спросилъ офицеръ нетерпѣливо, бросивъ поверхностный взоръ на тонкія ноги ребенка. „Я не знаю, у нея болитъ нога“, отвѣтила мать: „Сжальтесь надъ нею ради Бога!“ „Невозможно, для нея нѣтъ вовсе мѣста“, продолжалъ офицеръ еще болѣе нетерпѣливымъ тономъ: „Дѣло должно быть не такъ скверно, да и кромѣ того дѣвочка выглядитъ гораздо старше. Иди, иди“, обратился онъ мрачно къ ребенку: „Ты можешь по дорогѣ рвать цвѣты“.

Мать и ребенокъ не отвѣтила ни слова. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ просьбъ, онъ скомандовалъ: „Въ ряды стройся!“ Наступила глубокая тишина, прерываемая лязгомъ цѣпей; солдаты взяли на плечо, ссыльные начали креститься на тюремную часовню. Раздалась команда: „Шагомъ маршъ!“ Вся колонна начала двигаться. Впереди гарцовали три или четыре казака въ темнозеленыхъ мундирахъ, мужчины и женщины слѣдовали въ нестройныхъ рядахъ, конвоируемые солдатами; затѣмъ слѣдовали телѣги со старцами, больными и малыми дѣтьми, сзади нихъ съ полдюжины казаковъ и

наконецъ четыре или пять телѣгъ съ багажомъ. Черезъ нѣсколько минутъ весь транспортъ исчезъ изъ виду; изрѣдка лишь доносились до насъ звонъ цѣпей и голоса казаковъ, убѣждавшихъ дѣтей оставаться въ рядахъ. Ссылные этого транспорта почти безъ исключенія были поселенцы или ссыльные по приговорамъ крестьянскихъ обществъ; цѣлью ихъ недобровольнаго путешествія были города и деревни въ южной части Тобольской губ.

Присутствуя разъ при отправленіи партіи ссыльныхъ сухимъ путемъ, мы отправились въ субботу послѣ обѣда на пристань, чтобы поглядѣть на отъѣздъ 700 ссыльныхъ въ Томскъ на транспортномъ суднѣ. Судно это, осмотръ котораго намъ дозволили, ничѣмъ не отличалось отъ морскихъ пароходовъ, развѣ только, что оно было плоскодонно и не имѣло никакого такелажа. Черный, желѣзный корпусъ его имѣлъ въ длину 220 ф., въ ширину 30 ф. и былъ снабженъ цѣлымъ рядомъ прямоугольныхъ оконъ, пропускавшихъ свѣтъ каюты. На палубѣ находились два большихъ желтыхъ павильона, на разстояніи 75 ф. другъ отъ друга. Въ одномъ изъ нихъ находились аптека и больница, въ другомъ помѣщеніе для офицеровъ, а также нѣсколько камеръ для арестантовъ привилегированныхъ классовъ. Пространство между обоими павильонами имѣло навѣсъ, а обѣ продольныя стороны были снабжены рѣшетками изъ крѣпкой проволоки, такъ что въ общемъ получалась клѣтка, имѣвшая въ длину 75 ф. и въ ширину 30 ф., внутри которой арестанты могли разгуливать и дышать свѣжимъ воздухомъ. Эта клѣтка, которая на языкѣ каторжниковъ получила кличку „курятникъ“, была раздѣлена рѣшеткой на двѣ неравныя части; меньшая была предназначена для женщинъ и дѣтей, большая для мужчинъ. Отсюда вели три или четыре лѣстницы въ ночлежныя каюты; всѣ были шириною въ 30 ф. и вышиною въ семь ф., между тѣмъ какъ ихъ длина колебалась между 30—60 ф. Одна изъ этихъ 3—4 каютъ была отведена для женщинъ и дѣтей, остальныя для мужчинъ. Вдоль каждой каюты тянулось двое двойныхъ нарѣ, на которыхъ лежали въ четыре ряда ссыльные. Вдоль бортовъ судна были также устроены лавки для сна, на которыхъ арестанты спали въ длину, по четыре-пять человекъ рядомъ, такъ что ноги одной группы касались головъ другой.

По возвращеніи изъ послѣдняго рейса судно было основательно вычищено и дезинфицировано, такъ что воздухъ

въ каютахъ былъ совершенно чистъ и свѣжъ. Судно лежало на якорѣ возлѣ пловучей пристани, подобной тѣмъ, которыя уже намъ и прежде часто встрѣчались на Волгѣ и Камѣ. Съ высокаго берега вели къ ней деревянные мостки, на которыхъ стояли унтеръ-офицеры на разстояніи 20 — 30 ф. другъ отъ друга. Партія ссыльныхъ, тѣснившихся на берегу, была окружена по обыменовенію конвоемъ солдатъ. Полковникъ Винокуровъ, главный инспекторъ по транспортированію ссыльныхъ въ Западную Сибирь, позволилъ намъ фотографировать ссыльныхъ и пароходъ, и, когда мы были готовы, раздалась команда: „Пустить ихъ на бортъ!“ Арестанты взяли свои пожитки на плечи и по-одиночкѣ направились по отлогому мосту къ пристани. Три четверти всѣхъ арестантовъ носили цѣпи, и въ теченіи цѣлаго часа слышенъ былъ только лязгъ цѣпей спускавшихся узниковъ. Одѣты были всѣ въ однообразную сѣрую одежду, но съ этнологической точки зрѣнія они представляли замѣчательное разнообразіе типовъ, такъ какъ тутъ были представители всѣхъ народностей, обитающихъ въ Россіи. Здѣсь были видны дикіе горцы, Дагестанцы и Черкесы, которые были осуждены на каторжную работу за кровавую месть, загорѣвшіе отъ солнечныхъ лучей Татары съ береговъ Волги, Турки съ крымскаго полуострова, красныя фески которыхъ ярко выдавались на сѣромъ фонѣ арестантскаго халата, лукаво выглядѣвшіе евреи изъ Подольской губ., осужденные за контрабанду и, наконецъ, крестьяне со всѣхъ концовъ матушки-Россіи. Лица арестантовъ были добродушны, и даже самые страшные изъ нихъ выглядѣли скорѣе глупо или чувственно, чѣмъ зло или жестоко.

Наконецъ всѣ были на суднѣ; двери „курятника“ были закрыты прочно на запоръ, и теперь начался самый правильный русскій базаръ: здѣсь молоденькая дѣвушка просовывала сквозь рѣшетку варенныя яйца, тамъ старушка лила молоко въ чайникъ черезъ трубу, который арестантъ держалъ по другую сторону рѣшетки; всюду мужчины покупали ржаной хлѣбъ, соленые огурцы и рыбу. Продавцы питали, повидимому, полнѣйшее довѣріе къ покупателямъ и передавали имъ съѣстные припасы, прежде чѣмъ еще получали деньги за нихъ. Часовые, все рослые, красивые парни съ свѣжими лицами, облегчали торговлю тѣмъ, что передавали во внутрь купленное, выносили продавцамъ деньги или же отворяли двери

кѣтки, чтобы пропустить большіе предметы, какъ, напр., цѣлый круглый хлѣбъ, который не прошелъ бы сквозь рѣшетку.

Пока мы наблюдали за этимъ зрѣлищемъ, явился русскій священникъ въ черномъ платьѣ и широкополой шляпѣ. Онъ поднялся на судно и вошелъ въ одинъ изъ павильоновъ, за нимъ слѣдовалъ дьячекъ съ ризами и молитвенникомъ. Нѣсколько минутъ спустя священникъ вышелъ въ полномъ облаченіи, съ дымящейся кадильницей въ одной рукѣ и съ раскрытымъ евангеліемъ въ другой, и направился въ женское отдѣленіе. Женщины молились набожно, крестились и преклоняли колѣна. Скороговоркой священникъ прочиталъ молитвы, махнулъ нѣсколько разъ кадильницей и направился затѣмъ въ мужское отдѣленіе. Богослуженіе возбудило здѣсь гораздо меньше интереса. Арестанты и солдаты сняли свои шапки, но очень немногіе приняли участіе въ молитвѣ, купля-продажа шла своимъ чередомъ. Пѣніе священника, лязгъ оковъ, крики продавцевъ, команда офицеровъ,—это все производило необычайное впечатлѣніе на насъ. По окончаніи богослуженія священникъ снялъ свое облаченіе и, пожелавъ счастливой дороги командиру барки, удалился между тѣмъ какъ г. Фростъ и я прохаживались по пристани, наблюдая за выраженіями лицъ арестантовъ. За нѣкоторыми исключеніями на всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ удалства, веселья и довольства; со всѣхъ сторонъ раздавались шутки, остроты, смѣхъ. Г. Фростъ сталъ набрасывать особенно характерныя лица и фигуры въ свою запасную книжку, что возбудило немедленно вниманіе арестантовъ. Со смѣхомъ и остротами начали они проталкивать впередъ тѣхъ арестантовъ, которыхъ они считали наиболѣе достойными быть увѣковѣченными карандашемъ художника, ставили модель въ всевозможныя позы, причесывали длинныя волосы на необритой половинѣ головы, надѣвали на голову феску или татарскую шапку и давали наставленія художнику. Они хохотали и шутили, какъ школьники во время каникулярной поѣздки; невозможно было даже подумать, что видишь передъ собою каторжниковъ, осужденныхъ на работы въ рудникахъ.

Сейчасъ послѣ захода солнца къ баркѣ приблизился пароходъ; отданъ былъ приказъ развязать канаты; каторжники тѣснились у рѣшетки, бросая прощальный взглядъ на Тюмень. Огромная, черножелтая тюрьма начала медленно двигаться по срединѣ рѣки, направляясь въ далекій путь.

III.

Степи Иртыша.

Обдумавъ зрѣло, я рѣшилъ отправиться въ Томскъ, черезъ иртышскія степи, Омскъ, Павлодаръ, Семипалатинскъ, Усть-Каменогорскъ и Барнаулъ. Путь этотъ, ведущій черезъ наиболѣе обработанныя и густо населенныя ссыльными поселенцами мѣстности Тобольской и Томской губерній, давалъ намъ возможность осмотрѣть магометанскій городъ Семипалатинскъ, познакомиться съ сильнымъ кочевымъ племенемъ Киргизъ и осмотрѣть части Алтайскаго горнаго хребта, лежащія на границѣ Монголіи, мѣстность крайне живописную, которую мнѣ одинъ русскій офицеръ съ энтузіазмомъ описалъ, какъ сибирскую Швейцарію. Было еще одно основаніе, побудившее меня держаться другого маршрута, чѣмъ тотъ, котораго обыкновенно держатся. Когда мы покинули Петербургъ, я былъ въ полной увѣренности, что изъ Тюмени намъ предстоитъ ѣхать въ Томскъ или пароходомъ или по большому сибирскому тракту. Министръ внутреннихъ дѣлъ держался того же мнѣнія, и поэтому, сообщилъ всѣмъ властямъ тѣхъ мѣстностей, которыя лежатъ на этомъ трактѣ, какого образа дѣйствія слѣдуетъ имъ держаться по отношенію къ намъ. На счетъ свойства этихъ мѣръ я никогда не могъ убѣдиться, но фактъ былъ тотъ, что предписанія, какихъ мѣръ должны мѣстныя власти держаться, съ замѣчательной точностью опережали всегда нашъ пріѣздъ въ какой-либо пунктъ на всемъ протяженіи отъ Тюмени до главнаго города Забайкальской области. Лишь въ Тюмени сдѣлалось мнѣ яснымъ, что мы стоимъ подъ официальнымъ надзоромъ, и, такъ какъ послѣднее обстоятельство грозило обратить въ ничто мои планы, особенно относительно изученія быта ссыльныхъ, то я принялъ рѣшеніе оставить большую дорогу и направиться черезъ мѣстности, власти которыхъ не были предупреждены о нашемъ прибытіи. Впослѣдствіи я былъ крайне радъ этому рѣшенію. Окольная дорога въ южномъ направленіи не только привела насъ въ ту часть Сибири, гдѣ „политическіе“ пользуются наибольшей „свободой“, и гдѣ легче всего съ ними вступить въ сношеніе, но и дала намъ случай познакомиться съ однимъ свободномыслящимъ и гуманнымъ губернаторомъ.

Послѣ того какъ мы сдѣлали наши прощальные визиты, купили себѣ удобный тарантазъ и достали себѣ подорожную, мы выѣхали изъ Тюмени въ Семипалатинскъ съ казенной почтой. Русская казенная почта, безъ сомнѣнія, наиболѣе обширная и лучше всего организованная во всемъ свѣтѣ, поддерживаетъ сообщеніе на всемъ протяженіи отъ южнаго конца Камчатки до отдаленнѣйшихъ деревень Финляндіи, отъ негостепріимныхъ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до знойныхъ песчаныхъ пустынь Средней Азіи. Когда путешественникъ беретъ въ Нижнемъ-Новгородѣ подорожную до Петропавловскаго Порта, на югѣ Камчатки, лежащаго отъ Нижняго на разстояніи семи тысячъ миль, то онъ можетъ быть всегда увѣренъ, что на этомъ огромномъ разстояніи на всякой станціи въ каждый часъ дня и ночи стоятъ наготовѣ лошади, сѣверные олени или собаки для дальнѣйшей поѣздки. Почтовые кареты въ Россіи совсѣмъ не извѣстны, каждый ѣздитъ въ своемъ экипажѣ или санихъ, въ которыя впрягаютъ на каждой станціи свѣжихъ лошадей. Путешественникъ можетъ по своему желанію сдѣлать остановку, гдѣ, когда и какъ онъ захочетъ; желаетъ онъ продолжать свой путь, ему стоитъ только приказать заложить; онъ можетъ проѣхать въ 38 час. 280 в. или же въ 280 час. 38 в. Въ какой бы части государства онъ ни находился, онъ посылаетъ на ближайшую станцію свою подорожную и двадцать минутъ спустя онъ уже въ дорогѣ, проѣзжаетъ по двадцати миль, (32 кил.) въ часъ и находитъ, имѣя подорожную въ карманѣ, всюду и вездѣ свѣжихъ лошадей. Плата за переѣздъ по почтовымъ дорогамъ Западной Сибири чрезвычайно дешева. Съ вознагражденіемъ для кучера включительно платятъ за лошадь и милю разстоянія $1\frac{1}{8}$ цента или за тройку $3\frac{3}{8}$ цента. Двое людей могутъ, имѣя собственный экипажъ, проѣхать на тройкѣ лошадей 20 милл. за 68 цент. (около 1 руб. 15 коп.). Мнѣ очень часто было чрезвычайно стыдно передавать кучеру, котораго разбудили изъ глубокаго сна, чтобы онъ заложилъ лошадей и повезъ насъ по грязной, можетъ быть, опасной дорогѣ въ бурную погоду, за его услуги это ничтожное вознагражденіе въ 68 цент. Какъ ни ничтожно и не соответствуетъ дѣйствительной стоимости это вознагражденіе, оно все-таки довольно привлекательно для многихъ сотенъ крестьянъ, которые конкурируютъ съ казенной почтой, снабжая путешественниковъ для переѣзда изъ одной

деревни въ другую „вольными“. Такъ какъ „вольныя“ лошади находятся, обыкновенно, въ лучшемъ состояніи и болѣе выносливы, чѣмъ переутомленные почтовые лошади, то часто гораздо выгоднѣе взять „вольныхъ“. При приближеніи къ какой-нибудь деревнѣ ямщикъ оборачивается и задаетъ вопросъ, подвезти ли васъ къ почтовой станціи или остановиться у дома его „друга“. Тотъ, кто выбираетъ послѣднее, имѣетъ еще ту выгоду, что онъ гораздо ближе знакомится съ жизнью сибирскаго крестьянина, чѣмъ если лошади мѣняются на казенной станціи.

Первая половина поѣздки нашей изъ Тюмени въ Омскъ была сравнительно не интересна. Дорога тянулась по болотистой равнинѣ, покрытой изрѣдка группой ивъ и ольхъ, маленькихъ березокъ и искривленныхъ елей и сосенъ, которые только мѣшали окинуть взоромъ мѣстность. Эта часть Тобольской губ. была, повидимому, въ сравнительно недавнюю геологическую эпоху дномъ моря, служившаго звеномъ между Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ съ одной стороны и Аральскимъ и Каспійскимъ морями съ другой, въ направленіи той впадины, по которой текутъ Обь и Иртышъ. Кучи песку, солончаки, пласты глины и болотистыя озера служили доказательствомъ того, что проѣзжаемая нами мѣстность была дѣйствительно морскимъ дномъ.

Приблизительно въ ста верстахъ отъ Тюмени, за деревней Заводо-Уковской, мы провели два часа въ имѣніи богатаго сибирскаго фабриканта Колмакова, къ которому одинъ изъ моихъ русскихъ друзей передалъ мнѣ письмо. Я былъ не мало пораженъ встрѣтить въ этомъ уголку, въ сторонѣ отъ цивилизованнаго міра, такъ много комфорта, вкуса и роскоши. Домъ представлялъ собою двухэтажную виллу, обширную и удобно расположенную и обставленную. Изъ оконъ открывался видъ на прудъ и тѣнистый садъ съ извилистыми дорожками, тѣнистыми бесѣдками, длинными рядами земляничныхъ и смородинныхъ кустовъ и душистыми влумами. На одномъ концѣ сада находилась оранжерея, полная гераній, вервены, гортензій, кактусовъ, лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, ананасовъ и другихъ видовъ тропическихъ и полутропическихъ растений, а сейчасъ же подлѣ нея теплица, полная огурцовъ и мускатныхъ дынь. Въ серединѣ его возвышался зимній садъ. Этотъ маленькій хрустальный дворецъ представлялъ собою рощицу изъ банановъ и молодыхъ

пальмъ, между которыми извивались тропинки, окаймленные куртинами цвѣтовъ; тамъ и сямъ среди этого волшебнаго сада стояла садовая скамейка или удобное кресло. Деревья, цвѣты и кустарники росли не въ горшкахъ, а прямо въ землѣ. Намъ казалось, что мы были перенесены въ тропическіе края. „Кто бы могъ подумать“, сказалъ г. Фростъ, опускаясь на скамейку, „что мы будемъ отдыхать въ Сибири подъ сѣнью банановъ и пальмъ“. Сдѣлавъ прогулку въ прелестный паркъ, примыкавшій къ саду, мы вернулись назадъ въ домъ, гдѣ насъ ожидалъ уже холодный ужинъ, состоявшій изъ икры, маринованныхъ грибовъ, дичи, бѣлаго хлѣба, пирожныхъ, земляники, водки, двухъ или трехъ сортовъ вина и чаю.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда, наконецъ, въ одиннадцать часовъ прибыли наши лошади. Мы простились съ радушными хозяевами, сѣли въ тарантасъ и покатили. Дорога которая, должно быть, никогда не была въ особенно блестящемъ состояніи, размякла до невѣроятности вслѣдствіе проливныхъ дождей. Нашъ ямщикъ немилосердно погонялъ свою четверку лошадей, тарантасъ летѣлъ съ головоломной быстротой по ухабистой дорогѣ, причиняя намъ немилосердные толчки и удары, такъ что мы всю ночь не могли закрыть глазъ и опасались каждую минуту быть выброшенными изъ нашего экипажа. Рано утромъ, усталые, разбитые непрерывной тряской и бессонницей, мы доѣхали до дер. Ново-Займской, вошли въ избу „друга“ нашего ямщика и бросились сейчасъ же на землю, гдѣ уже лежало съ полдюжины членовъ семьи „друга“. Такъ проспали мы три часа, какъ убитые, забывъ о боли въ позвоночномъ столбѣ.

На слѣдующій день мы продолжали наше путешествіе и ѣхали цѣлыя сутки безъ перерыва по отвратительной степной дорогѣ, не сомкнувъ ни на минуту глазъ. Въ четвергъ, въ шесть часовъ утра, доѣхали мы подъ проливнымъ дождемъ до уѣзднаго города Ишима. Только тотъ, который самъ ѣздитъ по сибирскимъ дорогамъ, да еще въ слякоть, можетъ имѣть понятіе о той боли, которую мы чувствовали во всемъ тѣлѣ. Въ 3½ час. мы проѣхали двѣсти миль, отдѣляющія Ишимъ отъ Тюмени, позволивъ себѣ лишь четырехчасовой отдыхъ. Мы съ трудомъ могли слѣзть съ нашего тарантаса, причѣмъ чувствовали боль въ каждомъ суставѣ.

Вслѣдствіе скверной погоды мы отказались отъ мысли

остановиться въ Ишимѣ и, напившись чаю въ одномъ домишкѣ на берегу Ишима, продолжали нашъ путь. Когда городъ уже остался позади насъ, мы замѣтили, что много мужчинъ, женщинъ и дѣтей направлялись въ томъ же направлении что и мы, тяжело переступая по грязи. Большею частью, это были обыкновенные мужики, которые шли, заткнувъ свои штаны въ сапоги, женщины были въ красныхъ и синихъ платьяхъ, съ бѣлыми платками на головахъ; но не было недостатка также въ пѣшеходахъ въ европейскомъ платьѣ, съ раскрытыми зонтиками, принадлежавшихъ очевидно къ лучшимъ классамъ общества.

Приблизительно миляхъ въ четырехъ отъ города показалась большая толпа мужчинъ и женщинъ; они несли большіе осьмиконечные кресты, разноцвѣтные хоругви и огромные фонари на черныхъ шестахъ. Когда она приблизилась къ намъ, я могъ замѣтить, что люди тѣснились больше всего по срединѣ дороги, гдѣ несли на длинномъ шестѣ нѣчто, выглядѣвшее какъ картина въ золотой рамѣ. Конецъ шеста былъ укрѣпленъ на квадратномъ постаментѣ, который имѣлъ на всѣхъ четырехъ концахъ ручки, и который несли шесть мужиковъ съ обнаженными головами. Массивная рама иконы изъ золота или позолоченнаго серебра, была, очевидно, очень тяжела, такъ какъ мужики обливались потомъ и тяжело кряхтѣли подъ своей ношей. Передъ иконою шелъ священникъ съ обнаженной головой, держа въ рукахъ раскрытую книгу; по обѣ стороны его четыре или пять дьяконовъ несли шелковыя хоругви, осьмиконечные позолоченные кресты и оригинальные церковные фонари. Попѣ, дьячки и всѣ шедшіе около иконы были съ непокрытыми головами и распѣвали какую то однообразную мелодію, а сотни людей непрерывно крестились, а иногда также присоединялись къ пѣнію. Многія крестьянки шли босикомъ по жидкой грязи; никто, казалось, не обращалъ вниманія на проливной дождь, который мочилъ ихъ и хлесталъ въ загорѣвшія лица. Толпа состоявшая сперва изъ 400—500 человекъ, изъ которыхъ болѣе половины были женщины, увеличивалась непрерывно группами пѣшеходовъ, мимо которыхъ мы проѣхали.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили на сибирскую территорию, мы не видали еще такого зрѣлища, напоминавшаго средніе вѣка. Воображенію представлялась христіанская община одиннадцатаго столѣтія, которая, подъ впечатлѣніемъ

фанатической проповѣди Петра Амьенскаго, отправлялась съ крестами и хоругвями въ крестовый походъ.

Когда за изгибомъ дороги скрылся послѣдній богомолецъ и затихло вдаль однообразное и хриплое церковное пѣніе, мнѣ удалось съ большимъ трудомъ добиться отъ кучера разъясненія всего происшествія. Въ одной изъ ишимскихъ церквей находится очень старый чудотворный образъ Божьей Матери. Чтобы и поселянамъ дать возможность помолиться чудесной иконѣ и насладиться благомъ ея присутствія, послѣднюю разъ въ годъ носятъ по главнымъ деревнямъ уѣзда. Всюду совершается въ честь ея присутствія особое торжественное богослуженіе, и сотни крестьянъ сопровождаютъ ее при перенесеніи изъ одного села въ другое. Теперь икона возвращалась послѣ такого странствованія уже назадъ въ Ишимъ или, какъ ямщикъ выразился коротко и ясно: „Матерь Божія возвращается во-свояси“.

Несмотря на непрерывные проливные дожди, мы безостановочно продолжали нашу дорогу, перемѣнивъ на станціяхъ Боровской, Тушнолобовской, Абацкой и Камышенкѣ лошадей, и ночь съ четверга на пятницу провели въ дер. Орлово, такъ какъ были совсѣмъ истощены бессонницей. Погода ночью прояснилась, и, когда мы на слѣдующее утро вышли изъ избы, солнце уже стояло высоко на безоблачномъ небѣ, а свѣжій утренній воздухъ былъ полонъ благоуханія.

Хотя дорога оставляла желать еще многого, но чѣмъ дальше направлялись мы впередъ въ юго-восточномъ направленіи, тѣмъ лучше выглядѣлъ край, и уже передъ обѣдомъ мы ѣхали по воздѣланной мѣстности, тянувшейся до самаго горизонта. Насколько могъ охватить взоръ, желтѣли нивы, изрѣдка лишь возвышалась купа березокъ или ольхъ. Степь была покрыта цвѣтами; только полосы свѣжежеспаханной земли да желтыя нивы указывали на то, что страна обитаема, но нигдѣ не было видно ни забора, ни гумна, ни домовъ; я искалъ все время глазами деревню, къ которой принадлежали эти поля. Моему любопытству суждено было скоро быть удовлетвореннымъ. Ямщикъ нашъ вдругъ натянулъ вожжи, сдѣланные изъ грязныхъ веревокъ, усѣлся поудобнѣе, махнулъ кнутомъ по лошадямъ и закричалъ высокимъ фальцетомъ: „Эхъ вы!“ Четверка помчалась стремглавъ, такъ что у меня захватило дыханіе; тарантасъ понесся по ухабамъ и рытвинамъ, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь,

такъ что мы не могли удержаться на мѣстѣ. — Лучшаго доказательства близости селенія и не требовалось. Сибирская почта нѣсколько верстъ передъ мѣстомъ назначенія показываетъ, на что она способна. Напрасно кричалъ я: „Стой, не такъ скоро!“ Ничто не помогало. И кучеръ, и лошади знали, что цѣль будетъ сейчасъ достигнута, и поэтому напрягали всѣ свои силы. Лошади заломили головы и неслись во весь галопъ, какъ будто убѣгая отъ пожара въ преріяхъ, а кучеръ съ страшной силой погонялъ ихъ. То и дѣло раздавалось: „Я васъ!...“ „Ай, дурачки!...“ „Ну-у-у!“ „Э-э-э-хъ вы!“ Не оставалось ничего другаго, какъ покориться своей участи. Копыта мчащейся четверки лошадей поднимали комья грязи, падавшей на тарантасъ; если бы я еще разъ высунулъ голову, чтобы прикрикнуть на кучера, то рисковалъ бы получить полный ротъ жидкой грязи. Наконецъ, увидѣли мы деревенскую околицу, которая тянулась на разстояніи мили вправо и влѣво. Тамъ, гдѣ она пересѣкала дорогу, находились ворота. Околица окружала деревенскій выгонъ. Тарантасъ пролетѣлъ сквозь ворота, возлѣ которыхъ мы замѣтили оригинальную, вросшую на половину въ землю хижину, которая была покрыта травой. Изъ хижины показался сторожъ, грязный, одѣтый въ лохмотья старикъ, съ воспаленными глазами и длинной бѣлой бородой, напоминавшій Рипъ-фанъ-Винкеля, возставшаго послѣ 20-лѣтняго сна. Въ то время, какъ онъ намъ поклонился и снялъ печальные остатки того, что нѣкогда было шляпой, мы промчались мимо него и скоро потеряли его изъ виду, искренно жалѣя, что намъ не удалось снять фотографію съ этого живописнаго въ своихъ лохмотьяхъ и сѣдинахъ воплощенія нищеты и лишеній. По ту сторону дороги стоялъ верстовой столбъ, на которомъ была сдѣлана надпись: Деревня Крутая, разстояніе отъ Петербурга 2.993 в., отъ Москвы 2.520 в., сорокъ два дома, 97 мужскихъ обывателей. Между околицей и деревней тянулся общественный выгонъ болѣе чѣмъ на триста сажень; на немъ пасся деревенскій скотъ, быки коровы и овцы. Тамъ и сямъ возвышались вѣтренныя мельницы, состоявшія изъ маленькаго дома на пирамидѣ, сколоченной изъ брусевъ, и четырехъ большихъ крыльевъ. За мельницами чернѣлъ рядъ обветшалыхъ избъ, которыя были покрыты соломой или досками, многія имѣли плоскія крыши съ слоемъ земли наверху и были покрыты представителями степной

флоры. Сквозь эту группу домовъ тянулась деревенская улица, по обыкновенію сибирскихъ деревень, безъ тротуара или мостковъ и канавъ, такъ что улица во всю длину и ширину представляла мелкое болото, черезъ которое нашъ кучеръ летѣлъ съ стремительной быстротой. Его крики и грохотъ нашего тарантаса привлекли къ окнамъ все населеніе, недоумѣвавшее, пріѣхалъ ли самъ генераль-губернаторъ или особый посланецъ государя. Передъ воротами своего „друга“ ямщикъ остановилъ фыркающихъ и покрытыхъ мыломъ лошадей и громко потребовалъ: „Давай лошадей!“ Тутъ стали подходить къ намъ праздношатающіеся и старики со всего села, все крайне интересныя и живописныя фигуры, съ изборожденными морщинами лицами, съ въющимися въ безпорядкѣ волосами и длинными сѣдыми бородами. Одни изъ нихъ были безъ головныхъ покрывовъ, другіе босикомъ, нѣкоторые носили сапоги и полушубки изъ овечьей шкуры или коричневыя зипуны, подпоясанные ремнемъ или грязнымъ поясомъ. Въ то время, какъ это разнохарактерное общество тѣснилось около нашего экипажа, желая присутствовать при закладѣ, нашъ кучеръ слѣзъ съ козелъ и началъ выпрягать лошадей. Владѣлецъ дома, передъ которымъ мы остановились, появился въ дверяхъ своей избы и спросилъ насъ, не желаемъ ли мы откушать чаю или предпочитаемъ ѣхать сейчасъ же дальше. Когда онъ услышалъ, что мы желаемъ немедленно продолжать нашъ путь, то обратился къ одному изъ своихъ сыновей: „Андрюшка, съѣзди на выгонъ и приведи лошадей“. Андрюшка сейчасъ же вскочилъ на неосѣланную лошадь, которую другой мальчишка вывелъ со двора, и помчался голопомъ на пастбище. Все это время собравшаяся толпа наблюдала за малѣйшимъ нашимъ движеніемъ, выражала свое мнѣніе на счетъ нашего новомоднаго экипажа и все старалась допытаться отъ кучера, кто мы такіе и куда и съ какою цѣлью ѣдемъ. Такъ какъ съ этой стороны они не могли добиться никакого толковаго отвѣта, то одинъ покрытый почтенными сѣдинами мужикъ обратился прямо ко мнѣ съ вопросомъ: „Баринъ, позвольте узнать, куда несетъ васъ Богъ?“ Я отвѣтилъ, что мы ѣдемъ въ Омскъ и Семипалатинскъ. „Ага!“ пробормотала вся толпа съ чувствомъ удовлетвореннаго любопытства. „А откуда изволили пріѣхать?“ продолжалъ разспрашивать старикъ. „Изъ Америки“, отвѣчалъ я. Въ толпѣ раздались опять возгласы въ

родѣ прежняго. „Скажите на милость, это русскій городъ?“ продолжалъ упорно развѣдывать старикъ. „Америка не городъ, а страна“, воскликнулъ красивый мальчикъ, стоявшій неподалеку. „Вся земля дѣлится на пять частей свѣта“, продолжалъ онъ машинально, повторяя нѣчто уже хорошо вызубренное: „Европа, Азія, Америка, Африка и Австралія. Россія занимаетъ двѣ третьихъ всей Европы и половину Азіи“. Высыпавши всѣ свои географическія познанія, мальчикъ смолкъ; изъ стариковъ, очевидно, ни одинъ не имѣлъ представленія объ Америкѣ. Одинъ молодой человекъ, бывшій случайно въ Омскѣ въ то время, когда черезъ этотъ городъ провозили трупы погибшихъ во время полярной экспедиціи „Жанетты“, взялся разъяснить своимъ сожителямъ, кто такіе „Американцы“. По его мнѣнію, это былъ самый мудрый народъ, который только создалъ Богъ, и единственный, осмѣлившійся отправиться въ Ледовитый океанъ. Одинъ старикъ, напротивъ того, утверждалъ, что и русскіе мореплаватели проникли въ Сѣверный океанъ, и что, можетъ быть, русскіе не такъ „мудры“, какъ Американцы, но на морѣ они имъ навѣрное не уступаютъ. Завязался горячій споръ о полярныхъ путешествіяхъ, во время котораго мальчикъ, посланный за лошадьми, вернулся съ пастбища, гоня ихъ передъ собой. Лошадей осѣдлали и заложили въ тарантасъ. Нашъ новый ямщикъ взлѣзъ на козлы и спросилъ, готовы ли мы. Раздалось громкое „Но-о-о“, лошади рванулись, раздался негармоничный звонъ колокольчиковъ, комья грязи стали взлетать направо и налево, еще одна минута и поселеніе скрылось изъ нашихъ взоровъ.

Подобнымъ же образомъ, за малыми исключеніями, происходили распряжка и закладка лошадей во всѣхъ деревняхъ между Тюменью и Омскомъ. Видъ всѣхъ этихъ деревень былъ крайне однообразенъ и печаленъ: ветхія избы, покрытыя моремъ грязи улицы, безъ тротуаровъ и водосточковъ, безъ деревца или кустика, все грязно, сѣро, непривѣтливо...

Съ чувствомъ глубокаго облегченія и искренняго удовольствія оставляетъ путникъ эти невзрачныя поселенія и спѣшитъ окунуться въ разстилающееся на огромныя разстоянія море цвѣтовъ, гдѣ благоуханіе миллионовъ дикихъ розъ, гіацинтовъ, темнокрасныхъ тигровыхъ лилій наполняютъ воздухъ. Когда мы проѣзжали между девнями Крутой и Калмаково, я не могъ сдержатъ своего восторга: я поспѣшно спрыгнулъ

съ тарантаса и бросился въ объятія этого безбрежнаго океана цвѣтовъ. Налево отъ дороги тянулась низина, оканчившаяся на горизонтѣ березовымъ лѣсомъ и вся покрытая травой въ ростъ человека. Только тамъ и сямъ сверкало на солнцѣ степное озеро, безчисленные стада скота паслись на привольномъ пастбищѣ. Направо отъ меня почва замѣтно поднималась и была покрыта чудеснымъ ковромъ изъ бархатнаго дерна съ безчисленными оранжевыми астрами, красными лиліями, бѣлой кашкой, гіацинтами, спиреями, ромашкой и какими-то своеобразными цвѣтами, которые росли въ видѣ очень длинныхъ, нѣжныхъ колосѣвъ и выглядѣли, какъ ракеты, пускаемыя феями этихъ степей. Теплый воздухъ былъ полонъ такого чудеснаго аромата, который я могу сравнить лишь съ вкусомъ дикаго меда. Царила глубокая тишина, прерываемая лишь жужжаніемъ пчелъ, стрекотаніемъ сверчковъ въ травѣ около меня да жалобнымъ крикомъ кобчиковъ, парившихъ надъ гнѣздомъ летучихъ мышей, пріютившихся въ травѣ. Трудно передать то чувство, которое я испытывалъ, лежа на этомъ коврѣ изъ цвѣтовъ, глядя въ голубое, безоблачное небо, прислушиваясь къ неяснымъ звукамъ и вдыхая полной грудью ароматическій воздухъ.

Такъ проѣхали мы цѣлую пятницу, находясь все время среди непрерывнаго цвѣтника или минуя деревни въ родѣ описанныхъ выше; тамъ и сямъ дѣлали мы привалъ, снимая виды, собирая букеты цвѣтовъ или бесѣдуя съ мужиками о ссылкѣ въ Сибирь. Изрѣдка только попадались путешественники въ тарантасахъ, направлявшіеся въ Тюмень, или партія ссыльныхъ въ сѣрыхъ халатахъ, окруженная конвоемъ; большей частью картина оживлялась телѣгами мужиковъ, ѣхавшихъ изъ одного села въ другое или осматривавшихъ свои поля.

Та часть Тобольской губ., черезъ которую приходится проѣзжать на пути изъ Тюмени въ Омскъ, гораздо плодороднѣе и зажиточнѣе, чѣмъ можно судить при поверхностномъ осмотрѣ большей части деревень. Четыре уѣзда, Тюменскій, Ялutorскій, Ишимскій и Тюкалинскій, черезъ которые пролегалъ нашъ путь, имѣютъ населеніе въ 650 тысячъ жителей и четыре миллиона акровъ воздѣланной земли. Крестьяне владѣютъ 1.500.000 головъ скота; $\frac{2}{3}$ собираемаго во всей губерніи въ количествѣ 30 миллионовъ бушелей

хлѣба доставляются этими четырьмя уѣздами. Ежегодно происходитъ на этой территоріи двадцать двѣ ярмарки, гдѣ крестьяне продаютъ предметы своего производства. Ярмарки Ялutorскаго уѣзда дѣлаютъ ежегодно на 2.000.000 долларовъ оборота, Ишимскаго уѣзда на 3¹/₂ милліона, а вообще во всей губерніи на 14.000.000 руб. Судя по этимъ статистическимъ даннымъ, наведеннымъ нами справкамъ и сдѣланнымъ нами наблюденіямъ, Тобольская губ. могла бы въ самое короткое время сдѣлаться самымъ цвѣтущимъ и зажиточнымъ русскимъ краемъ, если бы она управлялась честными и образованными чиновниками, и на ней не лежало бы проклятыя служить мѣстомъ ссылки для преступниковъ.

Въ пятницу послѣ обѣда мы пили въ Тюкалинскѣ чай и послѣ короткаго отдыха продолжали на четверкѣ вольныхъ нашъ путь. Все еще скверная и грязная дорога между Тюкалинскомъ и Бекишевымъ вела вдоль знаменитой Барабашской степи. Огромныя, сѣрыя мухи до того мучили насъ, что мы должны были одѣть толстыя перчатки, накрыть голову суконными башлыками и все время отмахиваться вѣтвями. Благодаря этимъ мухамъ и невыносимой тряскѣ, мы провели опять безсонную ночь; къ счастью, это была уже послѣдняя; въ субботу, въ 10¹/₂ утра нашъ тарантасъ въѣхалъ въ Омскъ. Какъ онъ, такъ и его владѣльцы были покрыты такимъ толстымъ слоемъ грязи, что, навѣрное, выдавшіе насъ при отъѣздѣ изъ Тюмени не узнали бы насъ. Мы были въ пути четверо сутокъ и сдѣлали за это время 430 миль (700 кил.), проспавъ всего 11 часовъ.

Омскъ имѣетъ около 30.000 населенія, есть главный городъ Акмолинской области и пребываніе управленія степнаго генераль-губернаторства. Это больше чиновничій, чѣмъ торговый или фабричный городъ; большая часть жителей служить въ различныхъ вѣдомствахъ. Къ числу немногихъ выдающихся зданій принадлежатъ кадетская школа, домъ генераль-губернатора, полиція съ живописной каланчой и цитадель; улицы очень широки, но не мощены, жилия помѣщенія почти всѣ изъ дерева, нѣтъ, конечно, недостатка въ соотвѣтственномъ количествѣ церквей съ синими, зелеными и позолоченными крышами. Если бы мнѣ пришлось схарактеризовать въ короткихъ словахъ Омскъ, то я сказалъ бы: Омскъ есть городъ съ 30 тысячнымъ населеніемъ, въ которомъ самое большое зданіе—кадетскій корпусъ, самое живо-

писное—полиція, въ которомъ не появляется ни одной газеты, не существуетъ публичной библіотеки, въ которомъ одна половина жителей облечена въ вицъ-мундиръ и занята разрѣшеніемъ задачи, какъ бы получше управлять другой половиной населенія. Отношеніе этой чиновной половины къ нечиновной лучше всего иллюстрируется той просьбой, съ которой одинъ почтенный и образованный, оказавшій намъ много услугъ житель Омска обратился ко мнѣ при разставаніи: „Г. Кеннанъ, прошу васъ, если вы найдете нужнымъ упомянуть въ вашей книгѣ мое имя, не говорите ничего хорошаго про меня“. „Скажите на милость, съ какой стати желаете вы это?“ „Ваша книга“, отвѣтилъ онъ: „не доставить особаго удовольствія нашему правительству; если вы меня станете хвалить, это навлечетъ на меня еще большую ненависть мѣстныхъ чиновниковъ, чѣмъ до сихъ поръ. Мое желаніе, пожалуй, звучитъ неестественно, но это единственное одолженіе, которое вы мнѣ можете оказать¹⁾“.

Въ Омскѣ мы не нашли ничего достопримѣчательнаго, за исключеніемъ маленькаго музея мѣстнаго географическаго общества, который намъ удалось посѣтить, благодаря любезности полковника Пѣвцова, и отвратительнаго загороднаго селенія несчастныхъ ссыльныхъ, которые жили въ низкихъ землянкахъ, выкопанныхъ по склонамъ крутого холма, находящагося на сѣверъ отъ р. Оми. Я спрашивалъ о мѣстонахожденіи тюрьмы, въ которой столько лѣтъ изнывалъ знаменитый русскій писатель Достоевскій, гдѣ его даже подвергли два раза сѣченію кнутомъ; но ее давно уже снесли до основанія. Меня нисколько не удивило, что правительство постаралось уничтожить этихъ безмолвныхъ свидѣтелей безчеловѣчныхъ истязаній и несчастій, изображенныхъ гениальнымъ писателемъ въ его „Запискахъ изъ мертваго дома“. Было еще одно зданіе въ Омскѣ, которое мнѣ хотѣлось посѣтить, тюрьма; но губернаторъ, которому мы во время нашего визита выразили это желаніе, отвѣтилъ на это такой грубостью, что мы, даже не присѣвши, поспѣшили оставить кабинетъ „его превосходительства“.

¹⁾ Это желаніе г. Х. выразилъ, когда мы зимой проѣзжали черезъ Омскъ, на обратномъ пути изъ Восточной Сибири и сообщили ему о результатахъ нашихъ изслѣдованій и наблюденій. Я съ удовольствіемъ упомянулъ бы при этомъ случаѣ также о тѣхъ формахъ, въ которыхъ проявилась эта „ненависть“, если бы это не грозило г. Х. опасностью.

Оправившись отъ всѣхъ невзгодъ послѣдней поѣздки и набравшись свѣжихъ силъ, мы выѣхали 8-го іюля изъ Омска; одинъ казакъ правилъ тройкой лошадей, запряженной въ нашъ тарантасъ. Ближайшей цѣлью нашей поѣздки былъ Семипалатинскъ. Дорога изъ Омска въ этотъ городъ идетъ все время по правому берегу Иртыша, на которомъ расположенъ цѣлый рядъ деревень, ничѣмъ не отличающихся отъ тѣхъ, которыя мы видали уже раньше, развѣ только, что въ нихъ обитаютъ казаки, а не мужики. Всякій разъ, когда русское правительство считало нужнымъ оградить какую-нибудь границу отъ вторженій или грабежей туземныхъ инородцевъ, оно заставляло переселиться въ эти мѣстности нѣсколько тысячъ казаковъ. Въ прошломъ столѣтіи основались такъ называемыя „линіи“, т. е. рядъ казацкихъ станицъ, вдоль Терека для отраженія нападеній и вторженій кавказскихъ горцевъ и по Иртышу, для острастки Киргизамъ. Уже давно русскимъ владѣніямъ не грозитъ ни малѣйшей опасности со стороны этихъ полудикихъ народовъ, но потомки казаковъ-переселенцевъ живутъ все еще тамъ, гдѣ должны были поселиться ихъ дѣды и отцы. Они обладаютъ всѣми качествами, присущими пионерамъ и обитателямъ военныхъ границъ: они находчивы, ловки, способны на всякое лугавство и отлично приспособляются ко всякой обстановкѣ. Между Омскомъ и Семипалатинскомъ находится 30—40 такихъ станицъ, между Семипалатинскомъ и Алтаемъ приблизительно столько же.

Уже вскорѣ послѣ того, какъ мы покинули Омскъ, видъ степи началъ измѣняться; цвѣты росли уже все больше по низовинамъ, на берегу рѣки; кое-гдѣ проѣзжали мы еще по зеленымъ лугамъ, но въ общемъ степь оставляла впечатлѣніе того, что вся зелень погибла подъ вліяніемъ невыносимаго зноя; окрашена была она въ цвѣтъ зрѣлой пшеницы на корню или старого золота. Купы березъ, которыя къ сѣверу отъ Омска придавали всей мѣстности характеръ парка, попадались все рѣже и рѣже, обработанныя поля становились также рѣдкостью: степь принимала характеръ средне-азиатской пустыни.

Проѣхавъ нѣсколько станцій отъ Омска, мы увидали и посѣтили въ первый разъ аулъ кочующихъ Киргизъ. Киргизы—туземные кочевники, которые съ своими стадами странствуютъ по равнинамъ Западной Сибири отъ Каспійскаго моря до

Алтая и составляютъ болѣе трехъ четвертей всего населенія Степного генераль-губернаторства. Аулъ состоялъ изъ трехъ-четырехъ круглыхъ юртъ изъ сѣраго войлока, которыя лежали немного въ сторонѣ отъ дороги, рядомъ другъ съ другомъ, посреди равнины, заросшей пожелтѣвшей травой и тянувшейся до самаго горизонта. Ни одна тропинка не вела къ лагерю; маленькія сѣрыя палатки казались мнѣ также изолированными и отрѣзанными отъ всего цивилизованнаго міра, отъ всѣхъ общечеловѣческихъ интересовъ, какъ утлыя суда въ Великомъ океанѣ.

Судя по тревогѣ, которую возбудило наше приближеніе, лагерь не часто посѣщался чужими. Смуглыя полунагія дѣти, игравшія на лужайкѣ, съ крикомъ бросились въ юрты, лишь только они примѣтили нашъ тарантасъ; женщины, выбѣжавшія изъ палатокъ, бросили на насъ бѣглый взглядъ и мигомъ скрылись обратно; даже мужчины, которые вышли намъ навстрѣчу, повидимому, не знали, что думать о нашемъ пріѣздѣ, и были даже немного испуганы. Нѣсколько словъ сказанныхъ по-киргизски нашимъ казакомъ, успокоили ихъ, и одинъ старикъ въ красно-желтой шапкѣ пригласилъ насъ войти въ одну изъ юртъ, что мы и поспѣшили сдѣлать. Юрта была совсѣмъ круглая, вышиною въ восемь футовъ, а въ поперечникѣ имѣла 15 ф. Корпусъ ея былъ куполообразной формы и сложенъ изъ почернѣвшихъ отъ дыма балоковъ, на которыхъ были укрѣплены тяжелые куски сѣраго войлока. Слегка выгнутыя стропила, образовывавшія крышу, выходили, на подобіе спицъ въ колесѣ, изъ деревяннаго кольца, находившагося въ центрѣ купола, и опирались на круглую деревянную рѣшетку, служившую стѣной юрты; въ этой рѣшеткѣ была вырублена дверь, державшаяся на петляхъ. Деревянное кольцо въ центрѣ купола охватывало отверстіе, черезъ которое входилъ свѣжій воздухъ и выходилъ дымъ. Какъ разъ подъ этимъ отверстіемъ былъ разложенъ огонь, на которомъ стояли нѣсколько горшковъ и котловъ. Бѣдная мебелировка юрты состояла изъ узкой кровати грубой работы, двухъ или трехъ дешевыхъ русскихъ сундуковъ, раскрашенныхъ въ голубой цвѣтъ, и изъ одного низкаго столика, разсчитаннаго, повидимому, для людей, которые сидятъ на корточкахъ. На этомъ столикѣ стояли и лежали грязныя деревянные миски, ложки, античная металлическая кружка, на стѣнѣ висѣла берестовая посуда, конская упряжь, кремневое

ружье, раскрашенное деревянное ружье, обложенныя серебромъ стрелы и сѣдельная сумка.

Первый долгъ гостепріимства у Киргизъ состоитъ въ томъ, чтобы предложить гостямъ кумысу. Едва усѣлись мы на войлокѣ, у огня, какъ одна изъ женщинъ подошла къ хранилищу кумыса—черному, грязному мѣшку изъ лошадиной кожи, который висѣлъ на стѣнѣ, начала энергично мѣшать ложкой и затѣмъ налила мнѣ въ грязный деревянный сосудъ цѣлую кварту киргизскаго національнаго напитка. Кумысъ не напоминаетъ настолько кислаго молока и содовой воды, какъ я ожидалъ; напротивъ того, онъ имѣетъ вполне пріятный вкусъ и былъ бы вполне удовлетворительнымъ освѣжающимъ напиткомъ, если бы онъ былъ чище и прохладнѣе. Чтобы угодить старому патріарху Киргизъ и выразить, насколько я цѣню ихъ гостепріимство, я выпилъ всю кружку. Но я не имѣлъ никакого представленія о томъ, какое количество этого напитка необходимо для достиженія вышеупомянутой цѣли. Едва выпилъ я первую кварту, какъ патріархъ приказалъ подать другую, и когда я сталъ увѣрять его, что я никогда не пью больше одной кварты за разъ, и предложилъ ему оставить вторую кружку для г. Фроста, то на лицѣ Киргиза выразилось такое огорченіе, что я, чтобы привести старика въ прежнее расположеніе духа, досталъ изъ тарантаса свою гитару и началъ пѣть ему одну англійскую пѣсню. Товарищъ мой старался увернуться отъ питья кумыса, утверждая, что онъ не можетъ въ одно и то же время пить и рисовать, а онъ хотѣлъ снять портретъ съ шестилѣтняго сына патріарха. Этотъ маневръ былъ очень удаченъ, но г. Фростъ ошибся въ расчетѣ. Едва онъ началъ набрасывать на бумагу черты лица ребенка, какъ вдругъ мать его, испуганная тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ г. Фростъ наблюдалъ за моделью, бросилась на одѣтаго въ лохмотья сынишку, начала его страстно цѣловать, какъ будто бы онъ подвергнулся опасности быть для нея навсегда потеряннымъ, и немедленно увела его съ глазъ „волшебника“. Этотъ инцидентъ возбудилъ маленькое неудовольствіе, котораго я не могъ разогнать даже моимъ вторичнымъ пѣніемъ: послѣ этого мы простились. Интересно было бы знать, что за рассказы курсировали въ той части Киргизской степи насчетъ двухъ, повидимому, любезныхъ, но, на самомъ дѣлѣ, коварныхъ гау-

ровъ, которые посѣтили палатки правовѣрныхъ: въ то время какъ одинъ игралъ на странномъ инструментѣ, другой бросалъ на дѣтей губительные взгляды и старался овладѣть ихъ душами, срисовывая ихъ тѣла.

Такъ прошло четверо сутокъ въ непрерывной ѣздѣ по безконечнымъ иртышскимъ степямъ; иногда рвали мы водяныя лиліи на берегу уединеннаго степнаго озера, поросшаго камышомъ, набрасывали эскизы киргизской могилы или распивали кумысъ съ гостепріимными номадами; дорога тянулась то по долинѣ Иртыша, то сворачивала въ сторону отъ рѣки и змѣилась по пустынной степи, гдѣ вся растительность сгорѣла подъ отвѣсными лучами почти тропическаго солнца; и среди этого безмолвнаго царства жгучихъ лучей иногда попадался оазисъ, расположенный у какого-нибудь маленькаго озера или источника и представлявшій собою богатѣйшій цвѣтникъ, гдѣ можно было найти розы, астры, гвоздики, колокольчики, пахучую кашку и массу другихъ цвѣтовъ.

Въ пятницу мы проѣхали мимо незначительнаго казачкаго города Павлодара. Жара достигала въ часъ дня 33° Ц. Когда мы сидѣли подъ растрескавшейся крышей нашего тарантаса безъ сюртуковъ и жилетовъ, задыхаясь отъ зноя, боролись съ громадными и крайне докучливыми зелеными мухами и все время ѣхали по нескончаемой степи съ дрожащей подъ палящими лучами солнца растительностью, мы не вѣрили самимъ себѣ, что находимся въ Сибири, а не гдѣ-нибудь подъ тропиками.

На этомъ пространствѣ было расположено много казачьихъ деревень, всѣ на самомъ берегу Иртыша, гдѣ почва была очень влажна и могла производить самую роскошную растительность. Благодаря этому обстоятельству, села эти были окружены тѣнистыми деревьями, садами и огородами. Проѣхавъ двадцать миль подъ ослѣпительными лучами тропическаго послѣобѣденнаго солнца, мы съ невыразимымъ наслажденіемъ вѣзжали въ эти оазисы, орошаемые рукавомъ Иртыша, который тихо катилъ свои волны подъ тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ; въ огородахъ произрастали въ изобиліи картофель, огурцы, арбузы и дыни, и свѣжая зелень ихъ листы пріятно гармонировала съ яркими цвѣтами мака, росшаго на многихъ грядкахъ. Казачки съ подоткнутыми подолами, стоя по щиколотку въ водѣ, мыли

бѣлье, въ то время, какъ ихъ дѣти нагишемъ плескались и ныряли въ прохладной водѣ.

Остальную часть пути до Семипалатинска намъ пришлось проѣзжать ночью; степь въ этихъ мѣстахъ была совсѣмъ лишена растительности, даже неприхотливая колючка не могла произрастать здѣсь, зато очень часто попадались наносныя кучи сыпучаго песку.

Около полуночи я заснулъ, и когда я пробудился, было уже три часа утра. Начало разсвѣтать, и при неясномъ освѣщеніи я замѣтилъ, что мы проѣзжали мимо большого бѣлаго зданія, въ которомъ я призналъ тюрьму. Дѣйствительно, это былъ семипалатинскій тюремный замокъ. Мы продолжали нашъ путь по улицѣ, покрытой глубокимъ, мягкимъ пескомъ, заглушавшимъ совершенно стукъ копытъ; нашъ тарантасъ скользилъ такъ же безшумно, какъ какая-нибудь гондола по лагунамъ Венеціи. Дома стояли съ закрытыми ставнями, и покатыя крыши ихъ мрачно высились въ сѣромъ утреннемъ воздухѣ. Нѣчто торжественное, таинственное лежало въ этой ночной ѣздѣ по опустѣвшему, какъ бы наполненному духами городу, улицы котораго были покрыты летучими песками и не оглашались ни однимъ звукомъ или другими признаками жизни; лишь трещотка ночного сторожа иногда прерывала эту гробовую тишину...

Ямщикъ подвезъ насъ къ двухъэтажному кирпичному зданію, оштукатуренному и окрашенному въ бѣлый цвѣтъ, которое нашъ вучеръ называлъ гостиницей „Сибирь“. Послѣ пяти минутъ бѣпкаго стука показался заспанный половой, которому мы выразили желаніе получить номеръ. Насъ отвели въ душную комнату съ затхлымъ воздухомъ, находившуюся во второмъ этажѣ. Мы сейчасъ же бросились на полъ и продолжали нашъ сонъ.

Городъ Семипалатинскъ, расположенный на правомъ берегу Иртыша, имѣетъ 15.000 населенія, состоящаго изъ Русскихъ, Татаръ и Киргизъ, и находится въ 480 миляхъ на югъ отъ Омска и въ 900 м. отъ Тюмени. Онъ есть мѣстопребываніе областного управленія и имѣетъ довольно большое значеніе въ торговлѣ, такъ какъ лежитъ на пути каравановъ въ Ташкентъ и Среднюю Азію. Характеръ этой области болѣе степной, чѣмъ полевой, такъ какъ изъ 547.000 жителей ея 497 тысячъ кочевники, которые обитаютъ въ 111.000 юртъ и обладаютъ 3.000.000 головъ

скота, между ними 70.000 верблюдовъ. Область производитъ между прочимъ 45.000 фунтовъ меду, 370.000 ф. табаку, 100.000 бушелей картофеля и болѣе 12 миллионъ бушелей хлѣба. На устраивающихся въ теченіе года одиннадцати ярмаркахъ производится на 2 миллионъ руб. обороту. Ежегодно до 40—50 каравановъ оставляютъ Семипалатинскъ, развозя въ различные пункты Монголіи и Средней Азіи товары на полмилліона руб.

Семипалатинскъ заслуживаетъ вполне названіе „чертовой песочницы“, данное ему русскими офицерами. Своимъ сѣрымъ, мрачнымъ видомъ онъ обязанъ какъ своимъ ветхимъ домамъ и отсутствію всякой растительности, такъ и сыпучимъ пескамъ, покрывающимъ его улицы. Во время нашей прогулки, длившейся полтора часа, мы не видали ни одной зеленой лужайки, ни одного деревца или куста; все время ноги наши по щиколотку увязали въ слоѣ песку, достигавшемъ 5—6 ф. въ глубину. Просто казалось, что находишься въ какомъ-нибудь магометанскомъ городѣ на берегу Сѣверной Африки. Впечатленіе это еще болѣе усиливало при видѣ татарскихъ мечетей съ ихъ высокими минаретами, длиннородыхъ мулъ въ бѣлыхъ тюбанахъ и двугорбыхъ верблюдовъ, на которыхъ Киргизы выѣзжали изъ города въ степь.

Въ понедѣльникъ утромъ я посѣтилъ начальника области, генерала Цеклинскаго, передалъ ему письма министровъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и убѣдился, къ моей радости, что онъ, повидимому, не получилъ еще никакихъ инструкцій относительно насъ и, вообще, ничего не зналъ о насъ. Онъ привѣтливо встрѣтилъ меня, далъ позволеніе осмотрѣть тюрьму и обѣщалъ предоставить въ наше распоряженіе мѣстнаго полиціймейстера для осмотра города и мечетей. Онъ упомянулъ также, что передастъ мнѣ открытое письмо ко всѣмъ подчиненнымъ своимъ въ Семипалатинской области.

Изъ дома губернатора я направился по его совѣту въ публичную бібліотеку, невзрачное зданіе посреди города, въ которомъ находятся антропологическій музей, удобная читальня со всевозможными русскими газетами и журналами и отличное собраніе книгъ, около тысячи томовъ. Съ изумленіемъ нашелъ я здѣсь сочиненія Спенсера, Бокля, Льюиса, Милля, Тэна, Лэббока, Тэйлора, Гэксли, Дарвина, Лайейлла,

Тиндалля, Алфреда Ресселя Валласа, Мэкензи Валласа и Генри Мэна, романы и повѣсти Скотта, Диккенса, Маріэтъ, Джоржъ Элліотъ, Мак-Дональда, Треллопа, Эркмана-Шатриана, Эдгара Аллэнъ Пое и Бретъ-Гарта. Научныя произведенія и сочиненія по политической экономіи находились въ особомъ изобиліи; выборъ книгъ дѣлаетъ вполне честь основателямъ библіотеки и пользовавшимся ими. Онѣ внушили мнѣ лучшее мнѣніе о Семипалатинскѣ, чѣмъ что-либо мною до сихъ поръ слышанное или видѣнное въ Россіи¹⁾.

Изъ библіотеки отправился я въ восточномъ направленіи, вдоль берега Иртыша, къ парому, поддерживающему сообщеніе между городомъ и киргизскимъ предмѣстьемъ на другой сторонѣ рѣки. Паромъ идетъ отъ одного лѣсистаго, лежащаго среди рѣки острова, котораго можно достигнуть или по сходнямъ или въ бродъ черезъ мелкій каналъ, на семипалатинской сторонѣ. Какъ разъ я увидалъ передъ собою нѣсколько Киргизъ съ тремя или четырьмя двугорбыми верблюдами, изъ которыхъ одинъ былъ запряженъ въ обыкновенную русскую телѣгу. Достигнувъ брода, Киргизъ выпрягъ верблюда и, взваливъ ему на спину пустую телѣгу колесами вверхъ, погналъ его черезъ бродъ. Бактрійскій верблюдъ съ своими двумя качающимися горбами, длинной шеей, презрительнымъ выраженіемъ своей морды всегда возбуждаетъ невольный смѣхъ, но никогда онъ мнѣ не казался комичнѣе, чѣмъ этотъ разъ, имѣя у себя на спинѣ телѣгу. Противоположный Семипалатинску берегъ Иртыша представляетъ собою край безконечной пустыни, тянущейся на югъ. Я пришелъ какъ разъ во-время, чтобы присутствовать при разгрузкѣ каравана верблюдовъ, которые прибыли изъ Ташкента съ грузомъ шелковыхъ матерій, ковровъ и другихъ произведеній Центральной Азіи на ярмарку въ Семипалатинскѣ.

¹⁾ Большею частью упомянутыя мною сочиненія были „очищенные“ русскія изданія. Почти каждая глава изъ соч. Лекки „Исторія рационализма“ была обезображена русскимъ цензоромъ; даже при бѣгломъ осмотрѣ замѣтилъ я пропуски въ 10—60 страницъ. Но даже и въ этомъ обезображенномъ видѣ и въ такомъ отдаленномъ углу Сибири книга эта была предметомъ страха для русскаго правительства и выдавалась съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ. Подъ такимъ же надзоромъ стояли соч. Спенсера, Милля, Льюиса, Лэббока, Гэскеля и Лайелля, хотя немилосердный карандашъ цензора вычеркнулъ все, что имѣло „опасную“ или „деморализующую тенденцію“.

Поздно послѣ обѣда вернулся я назадъ въ гостиницу, гдѣ я засталъ г. Фроста, который провелъ цѣлый день въ восточной или татарской части города, набрасывая виды и типы, встрѣчавшіеся ему. Вечеръ былъ горячъ и душливъ, такъ что мы еще въ одиннадцать часовъ вечера сидѣли у открытаго окна безъ шюртуковъ и вслушивались въ своеобразный шумъ, доносившійся до насъ изъ татарской слободки. Была послѣдняя ночь того мѣсяца Рамазана, во время котораго магометане постятъ въ теченіе цѣлаго дня и лишь ночью позволяютъ себѣ ѣсть: далеко за полночь все татарское населеніе было еще на ногахъ. Трепотки сторожей и жалобныя воззванія муэзиновъ, стоявшихъ на высокихъ минаретахъ, одни нарушали ночную тишину въ русской части города.

Когда мы на слѣдующій день проснулись, то замѣтили на улицахъ особое движеніе: Киргизы и Татары, разодѣтые въ праздничныя платья, сновали взадъ и впередъ. Начинаясь трехдневный праздникъ, слѣдующій за окончаніемъ Рамазана. Въ полдень явился полиціймейстеръ, чтобы, согласно желанію губернатора, познакомить насъ съ городомъ. Въ сопровожденіи его мы осмотрѣли главную магометанскую мечеть и сдѣлали визиты мулламъ и другимъ татарскимъ чиновникамъ. Затѣмъ начальникъ семипалатинской полиціи предложилъ намъ отправиться посмотреть на кулачный бой между Татарами и Киргизами. Мы съ удовольствіемъ приняли его предложеніе и отправились въ его экипажѣ на восточный конецъ города, гдѣ находилась арена.

Арена эта имѣла 20—30 ф. въ поперечникѣ и, какъ весь Семипалатинскъ, была усыпана пескомъ. Густая толпа Татаръ и Киргизъ окружала ее, причемъ внутренній кругъ зрителей состоялъ изъ магометанъ, сидѣвшихъ по восточному, т. е. поджавъ подъ себя ноги, въ трехъ концентрическихъ кругахъ; въ слѣдующихъ трехъ-четырехъ рядахъ люди уже стояли, а сзади нихъ толпа всадниковъ образовывала родъ галереи. Вся толпа, какъ мы сейчасъ же замѣтили, была раздѣлена на два лагеря: татарскій и киргизскій. Мы сидѣли на второй сторонѣ, напротивъ находились Татары. Въ центрѣ арены расхаживали четыре церемоніймейстера въ длинныхъ зеленыхъ халатахъ и съ камышевыми жезлами въ рукахъ. Оба татарскихъ церемоніймейстера выбрали борца изъ среды своихъ единоплеменниковъ, опоясали его ремнемъ и вывели

на арену, предложивъ киргизскимъ сановникамъ выставить своего бойца. Когда противникъ былъ найденъ, начали дѣлать приготовленія къ бою. Первыми выступили на арену красивый, молодой Киргизъ въ голубой шапкѣ и съ краснымъ поясомъ и рослый Татаринъ атлетическаго тѣлосложенія въ желтой шапкѣ и съ зеленымъ поясомъ. Одно мгновеніе оба противника измѣряли другъ друга вызывающими взглядами, затѣмъ они схватились. Держась одной рукой крѣпко за поясъ противника, другой рукой они старались схватить кисть руки, локоть или плечо соперника. Головы ихъ были тѣсно прижаты одна къ другой, тѣла образовывали прямой уголъ, а ноги были отставлены назадъ, чтобы не поскользнуться во время борьбы. Иногда, держа другъ друга за поясъ и плечо, они въ согнутомъ положеніи оббѣгали всю арену, зорко наблюдая за благопріятнымъ случаемъ, чтобы повалить соперника на песокъ; но ни одинъ не выигрывалъ лишняго шанса противъ другого. Вдругъ Татаринъ откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ и притянулъ къ себѣ Киргиза, и когда послѣдній, повидимому, потерялъ точку опоры, Татаринъ подставилъ ему ногу. Молодой Киргизъ не упалъ, но немного смутился, чѣмъ воспользовался Татаринъ, который освободился отъ противника и, схвативъ его поперекъ тѣла, перебросилъ черезъ голову. Несчастный Киргизъ треснулся съ такою силою о землю, что у него изъ носа и рта хлынула кровь; но все-таки онъ поднялся безъ посторонней помощи и, совсѣмъ смущенный, направился къ своимъ, провожаемый громкими криками торжествовавшихъ Татаръ.

Возбужденіе все росло, все новые и новые бойцы выступили на арену. Горячій воздухъ, насыщенный мелкимъ пескомъ, раздражалъ глаза; наши лица и руки горѣли какъ огонь; запахъ лошадей, поту, старыхъ и грязныхъ овчинъ, дыханіе многоголовой толпы вызывали головокруженіе, но развертывавшіяся передъ нами сцены были до того новы и интересны, что мы выдержали цѣлыхъ пятнадцать состязаній. Два городскихъ было отряжено для наблюденія за тишиной и порядкомъ, но они были совершенно лишни. Толпа держала себя очень спокойно; побѣжденные безъ раздраженія уходили съ поля битвы и часто даже сами смѣялись надъ своимъ пораженіемъ. Въ общемъ, Киргизы должны были признать себя побѣжденными; Татары были хоть и не силь-

нѣе, но проворнѣе и ловче, чѣмъ ихъ кочующіе противники, и въ трехъ случаяхъ выигрывали навѣрное два раза. Борьба еще далеко не была закончена, но мы поспѣшили уже въ пять часовъ оставить арену и отправились въ гостиницу, вымыть наши пылающія лица и руки.

IV.

Моя первая встрѣча съ политическими ссыльными.

Замѣчательно, что наша первая встрѣча съ политическими въ Сибири произошла при посредствѣ самого правительства. Между многими чиновниками, съ которыми мы познакомились въ Семипалатинскѣ, намъ особенно рекомендовали одного образованнаго и умнаго человѣка по фамиліи Павловскій (Само собою разумѣется, имя это выдуманно), какъ замѣчательнаго знатока Сибири вообще и Степного генералъ-губернаторства въ частности, могущаго, поэтому, сообщить намъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія объ интересующихъ насъ предметахъ. Г. Павловскій уже долгое время занималъ выдающійся постъ въ администраціи края и поэтому я, несмотря на благопріятное впечатлѣніе, сдѣланное уже съ самаго начала на меня этой высокообразованной, гуманной и либеральной личностью, не рѣшался разспросить его о „политическихъ“ ссыльныхъ. Я отлично помнилъ еще данный мнѣ въ Петербургѣ совѣтъ не изучать русскаго революціоннаго движенія и избѣгать знакомствъ съ политически-неблагонадежными, что возбудило бы противъ меня русское правительство; поэтому я считалъ необходимымъ тайкомъ отъ властей привести въ исполненіе мой планъ. Мнѣ никогда не могло впасть въ голову, что часто между правительственными чиновниками и политическими ссыльными существуютъ тайныя симпатіи, что съ помощью однихъ я могу свести знакомство съ другими. Въ бесѣдахъ своихъ съ г. Павловскимъ я тщательно избѣгалъ затронуть эту щекотливую тему и не далъ ему ни разу основанія предположить, что революціонное движеніе въ Россіи и русскіе социалисты возбуждаютъ мой особый интересъ.

Разъ послѣ обѣда мы разговаривали объ Америкѣ, какъ вдругъ г. Павловскій обратился ко мнѣ съ совсѣмъ неожиданнымъ вопросомъ:

„Г. Кеннанъ, не обратили ли вы особаго вниманія на значительный приливъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь?“

Я не сообразилъ сразу, что онъ думалъ этимъ сказать, и отвѣтилъ поэтому отрицательно, добавивъ, что вопросъ его не достаточно ясенъ для меня.

„Я говорю“, сказалъ г. Павловскій, „что значительное число образованныхъ молодыхъ людей пріѣзжаетъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь. Я предполагалъ, что вамъ это обстоятельство бросилось въ глаза“.

При этомъ онъ бросилъ на меня серьезный, многозначительный взглядъ, какъ бы желая проникнуть въ мои сокровенныя мысли. Во мнѣ начало возникать предположеніе, не намекаетъ ли онъ этимъ на ссыльных. Но я не забылъ, что имѣю передъ собой важнаго русскаго чиновника, и, поэтому, отвѣтилъ осторожно, что, дѣйствительно, я кое-что слышалъ объ этомъ движеніи, но еще не имѣлъ случая сдѣлать личныя наблюденія по этому поводу.

„Мнѣ кажется“, возразилъ онъ, смотря на меня пытливымъ взоромъ: „движеніе это представляетъ собой такое выдающееся социальное явленіе, что вполне достойно привлечь на себя особое вниманіе путешественника-иностранца“.

На это я отвѣтилъ, что, понятно, я интересуюсь всѣми общественными явленіями въ Россіи и, безъ сомнѣнія, и къ этому явленію, о которомъ онъ говорилъ, я отнесся бы съ большимъ интересомъ, если бы хоть немного больше былъ съ нимъ знакомъ.—„Многіе молодые люди, которые теперь пріѣзжаютъ въ Сибирь, обладаютъ выдающимся образованіемъ, а женщины замѣчательной стойкостью своего характера“.

„Я слышалъ то же самое; конечно, было бы чрезвычайно пріятно сойтись поближе съ такими людьми“, возразилъ я. Мой собесѣдникъ согласился съ этимъ: „Да, эти мужчины и женщины оказали бы при другихъ обстоятельствахъ неоцѣнимыя услуги своей родинѣ“.

Такъ пробовали мы оба, г. Павловскій и я, разузнать взгляды другъ друга на интересовавшій насъ предметъ, не обнаруживая въ то же время своихъ собственныхъ.

Мнѣ казалось, что я могу изъ всѣхъ словъ моего собесѣдника заключить, что „молодые люди, которые пріѣзжаютъ теперь въ Сибирь“, возбуждаютъ въ немъ самомъ большой

интересъ, но что онъ не хочетъ признаться мнѣ въ этомъ, пока не увѣрится въ моемъ полнѣйшемъ молчаніи и въ томъ, что на меня можно положиться. Я съ своей стороны былъ очень остороженъ, потому что опасался, не затѣялъ ли русскій чиновникъ этотъ разговоръ, чтобы выманить у меня признаніе на счетъ истинныхъ цѣлей нашей поѣздки. Услыхать отъ важнаго русскаго чиновника выраженія такихъ теплыхъ симпатій къ сосланнымъ врагамъ правительства было для меня такъ неожиданно, что во мнѣ, естественно, возникло сильнѣйшее недоверіе.

Когда эта „игра въ мнѣнія“ мнѣ надоѣла, я, наконецъ, сказалъ открыто: „Г. Павловскій, говорите ли вы о политическихъ ссыльных, это-ли тѣ молодые люди, на которыхъ вы намекаете?“ „Да“, послѣдовалъ отвѣтъ: „Я думаю, вы поняли меня. Изгнаніе такого значительнаго числа русскихъ молодыхъ людей въ Сибирь есть явленіе въ высшей степени любопытное“.

„Конечно, но какъ могу я узнать подробнѣе, въ чемъ состоитъ дѣло? Я не знаю, гдѣ находятся политическіе ссыльные и какъ свести съ ними знакомство; безъ сомнѣнія, правительство посмотреть недоброжелательно на сношенія чужестранцевъ съ русскими революціонерами“.

„Политическихъ“ всегда легко найти“ отвѣтилъ г. Павловскій. „Ихъ такъ много въ нашемъ краю. Что можетъ помѣшать вамъ познакомиться съ ними, если вы этого хотите? Въ одномъ Семипалатинскѣ ихъ около 30—40 чел., они идутъ по улицѣ, какъ и другіе смертные; развѣ вы не можете съ ними случайно встрѣтиться?“

Какъ только растаялъ ледъ взаимнаго недоверія, мы живо ознакомились другъ съ другомъ. Убѣжденіе мое, что симпатія Павловскаго къ политическимъ преступникамъ не были лицемерны, съ цѣлью вовлечь меня въ ловушку, вполне окрѣпло; онъ же былъ увѣренъ, что я обладаю настолько тактомъ и разсудкомъ, чтобы не высказать кому-нибудь его настоящаго образа мыслей на счетъ русскаго правительства. Онъ узналъ отъ меня, что я до сихъ поръ считалъ нигилистовъ за закоренѣлыхъ фанатиковъ, фантазеровъ и людей теоріи, которые, по моему мнѣнію, приготовляли всякому государству лишь неудобства и затрудненія.

Павловскій же познакомилъ съ настоящимъ характеромъ этихъ людей: это были спокойные, разсудительные люди, ко-

торые не возбуждали никакого неудовольствія, съ которыми самъ губернаторъ Изеклинскій обращался чрезвычайно хорошо и съ большимъ уваженіемъ. Изъ дальнѣйшей бесѣды я узналъ, что всѣ находившіеся въ Семипалатинскѣ административно-ссылные попали въ Сибирь безъ всякаго судебного слѣдствія, лишь по приказу министра внутреннихъ дѣлъ. Обыкновенно, ссылка эта продолжается 2—5 лѣтъ, и, если въ теченіе этого времени ссылные ни разу не приходятъ въ столкновеніе съ мѣстными властями, имъ позволено по истеченіи этого срока на свои собственные средства (!) вернуться въ Россію. Нѣкоторые изъ нихъ нашли себѣ въ Семипалатинскѣ занятіе и зарабатывали средства къ жизни, другіе получали вспоможеніе отъ родныхъ и друзей, остальные получали отъ правительства шесть (!) рублей въ мѣсяцъ, если они были дворяне, и 2 руб. 70 коп. (!), если принадлежали къ другимъ, непривилегированнымъ классамъ населенія, суммы, едва ли достаточныя, чтобы избѣжать голодной смерти.

„Конечно“, сказалъ г. Павловскій: „на эти деньги не можетъ существовать ни одинъ человѣкъ. Девяти копѣекъ въ день не хватаетъ даже на сухой хлѣбъ, не говоря уже о кровѣ, и если бы болѣе самостоятельныя не помогали своимъ товарищамъ по изгнанію, то нужда была бы огромна. Большая часть изъ нихъ люди образованные, и губернаторъ Изеклинскій, который знакомъ съ ихъ лишеніями и нуждой, позволяетъ имъ давать уроки, хотя по закону преподаваніе запрещено политическимъ ссылнымъ. Женщины, кромѣ того, зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба шитьемъ и вышиваніемъ. Политическіе ссылные имѣютъ право переписываться, читать дозволенные книги и газеты и, вообще, пользуются полнѣйшей личной свободой, хотя номинально они и состоятъ подъ надзоромъ полиціи“.

„За какое преступленіе были эти молодые люди сосланы? Были ли они заговорщиками на жизнь царя?“

„О нѣтъ!“ засмѣялся г. Павловскій: „Они были просто „неблагонадежны“. Одни изъ нихъ принадлежали къ запрещеннымъ обществамъ, другіе обладали или ввели запрещенныя сочиненія или состояли въ сношеніяхъ съ важными государственными преступниками, третьи принимали участіе въ университетскихъ беспорядкахъ. Большая часть изъ нихъ сослана административнымъ порядкомъ, т. е. министръ внутр.

дѣлъ изъ какихъ-либо основаній считалъ нужнымъ удалить ихъ съ родины въ такую часть государства, гдѣ они не могли бы приносить вредъ, и поставить ихъ подъ надзоръ правительства. Мужчинъ и женщинъ, которые принимали дѣйствительное участіе въ государственныхъ преступленіяхъ, ссылаютъ въ болѣе отдаленныя части Сибири или осуждаютъ на каторжныя работы въ рудникахъ; ссылка въ Степное генераль-губернаторство считается очень легкимъ наказаніемъ, и обыкновенно сюда ссылаются только „административные“.

Отвѣчая на мои дальнѣйшіе разспросы относительно „политическихъ“ преступниковъ, г. Павловскій увѣрялъ меня, что не знаетъ ничего такого, что бы говорило противъ нихъ. „Впрочемъ“, сказалъ онъ: „я готовъ познакомить васъ съ нѣкоторыми, чтобы вы могли сами сужденіе составить о нихъ“. Онъ предложилъ сейчасъ же посѣтить одного молодого ссылнаго, по фамилии Лобановскій, который былъ занятъ рисованіемъ занавѣса для городского театра.

„Онъ въ нѣкоторомъ родѣ художникъ и обладаетъ собраніемъ всевозможныхъ сибирскихъ эскизовъ. Вы, вѣдь, сами набрасываете виды и обладаете коллекціей таковыхъ; что можетъ быть естественнѣе желанія вашего осмотрѣть его собраніе?“

„Конечно!“ поспѣшилъ я согласиться: „Эскизы составляютъ мой конекъ; кромѣ того я недурной знатокъ театральныхъ занавѣсовъ, такъ что, несмотря на то, что художникъ ссыльный и нигилистъ, я долженъ рассмотреть его картины“.

Карета г. Павловскаго стояла у подъѣзда, и мы прямо направились къ тому дому, гдѣ работалъ Лобановскій.

Такъ какъ я цѣлый годъ находился въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ политическими ссылными, то мнѣ очень тяжело представить себѣ то мнѣніе, которое я имѣлъ о нихъ, пока не свелъ знакомства съ ними. Я только знаю, что они представляли для меня нѣчто особое, не похожее на тѣхъ образованныхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ порядочномъ обществѣ: при словѣ „нигилистъ“ передо мною вставалъ образъ мрачнаго, угрюмаго существа, съ нѣкоторымъ образованіемъ и малой дозой здраваго ума, но съ необычнымъ фанатизмомъ, безграничнымъ самопожертвованіемъ и съ самыми невообразимыми представленіями о правительствѣ и общественномъ строѣ. Я думалъ, что имѣю

съ ними столько же общаго, сколько, напр., съ анархистомъ Лудвигомъ Линггомъ, и хотя я имѣлъ твердое намѣреніе быть безпартійнымъ при разборѣ ихъ жалобъ, но предполагалъ, что окончательный результатъ моего изслѣдованія только подтвердить мое предубѣжденіе. Даже послѣ всего разговора съ г. Павловскимъ я предполагалъ встрѣтить въ молодомъ человѣкѣ съ палитрой юношу съ длинными волосами и вращающимися бѣлками, который будетъ осыпать насъ патетическими рѣчами противъ производимыхъ правительствомъ насилій, клеймить каждое правительственное ограниченіе, какъ жестокою тиранію, и требовать отъ насъ, чтобы мы признали убійство Александра II справедливымъ.

Домишко, въ которомъ имѣлъ свою мастерскую Лобановскій, не былъ болѣе нѣмъ обитаемъ, и мы вошли безъ доклада. Когда г. Павловскій открылъ дверь, я увидѣлъ передъ огромнымъ четырехугольнымъ холстомъ, занимавшимъ цѣлую стѣну, бѣлокурого молодого человѣка лѣтъ 30, одѣтаго въ костюмъ изъ коричневаго полотна и державшаго въ одной рукѣ кисть, а въ другой палитру съ свѣже-растертыми красками. Его крѣпкая фигура была хорошо сложена и статна, движенія изобличали человѣка образованнаго; онъ имѣлъ ясные, голубые глаза; густые бѣлокурые волосы, плохо подрѣзанные, падали на высокій лобъ; русая борода придавала лицу его мужественность и достоинство; съ своимъ открытымъ, добродушнымъ лицомъ онъ производилъ впечатлѣніе добросердечной и легковозбуждающейся, но въ то же время гармоничной личности съ сильнымъ характеромъ. Во всякомъ случаѣ, лицо это не соотвѣтствовало моему представленію о нигилистѣ и произвело на меня крайне пріятное впечатлѣніе.

Г. Павловскій представилъ меня какъ американскаго путешественника, который интересуется сибирскими видами, слышалъ о его наброскахъ карандашемъ и желаетъ посмотреть на нихъ. Г. Лобановскій привѣтствовалъ меня очень вѣжливо, но спокойно, досталъ свои рисунки, прося не отнестись строго къ его работамъ, такъ какъ рисунки были большей частью сдѣланы въ тюрьмѣ, на грубой бумагѣ, и представляли исключительно виды изъ тюремныхъ оконъ. Эскизы были работаны неопытной рукой, но рисовавшему ихъ все-таки нельзя было отказать въ природномъ дарованіи; наброски изображали внутренній видъ различныхъ этапныхъ тюремъ, портреты политическихъ ссыльныхъ и тѣ ланд-

шафты, которые разстилались передъ взорами заключеннаго изъ оконъ всѣхъ камеръ, въ которыхъ онъ только перебывалъ. Въ разговорѣ моемъ съ г. Лобановскимъ не былъ затронутъ ни одинъ политическій вопросъ. Онъ описывалъ свое путешествіе въ Сибирь, какъ будто бы онъ его совершилъ добровольно; ничто не напоминало въ его разговорѣ, что онъ нигилистъ и ссыльный, развѣ только упоминаніе о той или другой тюрьмѣ. Онъ держался спокойно, скромно и откровенно; съ тактомъ слѣдовалъ онъ за каждымъ оборотомъ разговора, и, хотя я наблюдалъ за нимъ очень пристально, я не могъ открыть ни малѣйшаго слѣда эксцентричности ни въ его жестахъ, ни въ его словахъ.

Онъ, должно быть, чувствовалъ, что я въ тайнѣ наблюдаю за нимъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, — но онъ не выказывалъ никакой неловкости, замѣшательства или самонадѣянности, а держался съ достоинствомъ и самообладаніемъ благовоспитаннаго джентльмена. При разставаніи послѣ получасовой бесѣды, г. Лобановскій пригласилъ меня и г. Фроста зайти къ нему вечеромъ на его собственную квартиру, куда должны были явиться нѣсколько друзей его. Я поблагодарилъ и общалъ притти.

„Ну-съ, что вы думаете объ этомъ политическомъ ссыльномъ?“ спросилъ г. Павловскій, когда мы были на улицѣ.

„О, этотъ произвелъ на меня очень благопріятное впечатлѣніе!“ отвѣчалъ я. „Похожи ли всѣ на него?“

„Ну, это нѣтъ, но они всѣ очень порядочные люди. Въ городѣ находится еще одинъ интересный ссыльный, съ которымъ вы должны непременно познакомиться: это г. Леонтьевъ. Онъ служитъ въ канцеляріи мирового судьи, г. Маковецкаго; оба занимаются антропологическими изслѣдованіями Киргизъ; насколько я знаю, они собираютъ теперь матеріалы для предполагаемой ими монографіи „Объ обычномъ правѣ у Киргизъ“¹⁾. Посѣтите какъ-нибудь г. Маковецкаго; онъ вамъ, навѣрное, представитъ г. Леонтьева; въ обоихъ вы найдете образованныхъ и развитыхъ людей“.

Я, дѣйствительно, направился къ г. Маковецкому, якобы для того, чтобы испросить у него позволенія срисовать киргизскіе орудія и снаряды, находившіеся въ публичной би-

¹⁾ Напечатана въ „Трудахъ“ западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

бліотекѣ, къ дирекціи которой онъ принадлежалъ. Г. Маковецкій былъ, видимо, очень радъ моей любознательности, далъ мнѣ просимое разрѣшеніе и представилъ мнѣ своего секретаря, г. Леонтьева, который „занимается спеціально изученіемъ киргизскаго племени и можетъ сообщить мнѣ всевозможныя свѣдѣнія объ этомъ племени“.

Г. Леонтьевъ былъ красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 25, немного ниже средняго роста, съ волосами и бородой каштановаго цвѣта, выразительными сѣрыми глазами и энергичнымъ выраженіемъ лица. Голова и лицо позволяли вывести заключеніе, что человѣкъ этотъ много занимается науками. Какъ я потомъ узналъ, г. Леонтьевъ былъ сынъ офицера, командовавшаго когда-то мѣстнымъ казачьимъ гарнизономъ. Мальчикъ получилъ свое первоначальное образованіе въ пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ. 18—19 лѣтъ отроду, онъ началъ слушать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ и на четвертомъ году своихъ занятій былъ арестованъ и высланъ административнымъ путемъ въ Сибирь на пять лѣтъ по подозрѣнію въ томъ, что поддерживалъ тайныя сношенія съ заключенными въ Петропавловской крѣпости.

И г. Леонтьевъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе, хотя онъ былъ сдержаннѣе, чѣмъ г. Лобановскій. Вернувшись послѣ полчасовой бесѣды въ гостиницу, я долженъ былъ согласиться, что, если всѣ нигилисты похожи на тѣхъ двухъ, съ которыми я познакомился въ Семипалатинскѣ, то мнѣ придется кореннымъ образомъ измѣнить свои взгляды на этихъ людей. По своему развитію и образованію они могли смѣло поспорить со всѣми мнѣ знакомыми молодыми людьми.

Ровно въ 8 час. вечера г. Фростъ и я постучались въ дверь квартиры г. Лобановскаго и сейчасъ же мы были впущены и радушно приняты. Г. Лобановскій жилъ недалеко отъ нашей гостиницы, въ деревянномъ домищѣ. Комната, въ которую мы вступили и которая служила въ одно и то же время и спальней и пріемной, была очень мала; въ ширину она имѣла 10 ф., а въ длину 14 ф. Стѣны и потолокъ были побѣлены, полъ изъ грубыхъ досокъ, безъ ковра. Направо отъ дверей стояла кровать изъ крашеннаго дерева; на треугольномъ столикѣ въ углу лежала куча книгъ, между прочимъ Герберта Спенсера „Нравственныя, политическія и эстетическія очерки“ и его же „Принципы психо-

логіи“. Въ противоположномъ углу находилась этажерка очень простой работы, на полкахъ которой лежали книги, гербарій изъ грубой оберточной бумаги, бинокль и Новый Завѣтъ англійскаго изданія. Между двумя маленькими окнами, выходившими во дворъ, стоялъ большой столъ грубой работы, безъ скатерти; на немъ лежала та книга, которую читалъ г. Лобановскій, когда мы явились: французскій переводъ сочиненія Бальфура: „Сохраненіе силы“.

Прочая мебель состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ стульевъ; все было замѣчательно чисто, но комната дѣлала такое впечатлѣніе, какъ будто бы владѣлецъ ея слишкомъ бѣденъ для того, чтобы пріобрѣсти больше самаго необходимаго.

Г. Лобановскій задалъ намъ нѣсколько вопросовъ о нашей поѣздкѣ и выразилъ свою радость, что имѣетъ случай привѣтствовать въ своемъ домѣ Американцевъ, добавивъ въ то же время: „Вы, безъ сомнѣнія, слышали въ Америкѣ самыя страшныя вещи про русскихъ нигилистовъ?“ — „Да“, отвѣтилъ я: „мы слышали о нихъ всегда въ связи съ бомбами и убійствами, и долженъ сознаться, я былъ всегда самаго сквернаго мнѣнія о русскихъ революціонерахъ. Нигилистъ обозначаетъ въ Америкѣ человѣка, который ни во что не вѣритъ и стремится къ уничтоженію всего существующаго“. — „Нигилистъ есть теперь уже старое наименованіе, которое, если когда-либо, то теперь, навѣрное, не идетъ къ русской революціонерной партіи. Я не думаю, чтобы вы нашли между ссыльными въ Сибири нигилистовъ въ томъ смыслѣ, какъ вы ихъ понимаете. Въ противоправительственной партіи находятся сторонники всевозможныхъ политическихъ убѣжденій, но мало такихъ, которые поклоняются политикѣ террора, которые признаютъ убійство съ политической цѣлью за нѣчто нормальное; но даже сами террористы не хотятъ уничтоженія всего существующаго. Каждый изъ нихъ охотно сложилъ бы оружіе, если бы согласились дать конституцію, свободу слова и печати и отказались бы отъ системы своевольныхъ арестовъ и ссылокъ или заключеній. Видали ли вы когда-нибудь письмо, которое русскіе революціонеры отправили Александру III при его восшествіи на престолъ?“ — „Нѣтъ, но я слышалъ о немъ“. — „Оно представляло изложеніе намѣреній и цѣлей революціонной партіи и содержало обѣщаніе воздерживаться отъ всякихъ насилій, если царь дастъ свободу слова и со-

зоветь національное собраніе. Людей, готовыхъ подчиниться такимъ условіямъ, невозможно считать разрушителями всего существующаго строя. Вы, должно быть, знаете, что послѣ убійства Гарфильда „Вѣстникъ Народной Воли“ (органъ русскихъ революціонеровъ въ Женевѣ) появился въ черной рамкѣ въ знакъ печали и симпатій, и въ горячей передовой статьѣ политическое убійство было осуждено, какъ нѣчто абсурдное въ странѣ съ свободой печати и судопроизводства, гдѣ правительство выбирается изъ среды самого народа“. — „Объ этомъ я не слыхалъ“, отвѣтилъ я. „Да, убійство Гарфильда считали тогда еще преступленіемъ политическимъ, и оно было все-таки вполне осуждено даже русскими террористами“.

Здѣсь бесѣда наша была прервана появленіемъ трехъ молодыхъ людей и одной дамы, которыхъ г. Лобановскій представилъ, какъ своихъ друзей. Внѣшность молодыхъ людей не имѣла въ себѣ ничего бросающагося въ глаза или замѣчательнаго. Одинъ изъ нихъ былъ похожъ на бравата студента, лѣтъ 24 отъ роду, оба другіе производили впечатлѣніе образованныхъ крестьянъ или ремесленниковъ съ ясно выраженнымъ русскимъ типомъ и съ печатью меланхоліи въ чертахъ лица. Видно было, что жизнь имъ не мать, а мачеха; они выглядѣли подавленными и раздраженными. Явившаяся вмѣстѣ съ ними дама имѣла живой, впечатлительный характеръ. Госпожа Дышескуло имѣла лѣтъ тридцать отроду; она была хорошо сложена; темные волосы ея мягкими кудрями спадали на шею; интеллигентныя и живыя черты лица ея нѣкогда, вѣроятно, чрезвычайной красоты, постарѣли не по годамъ и выглядѣли теперь тускло; сибирскія непогоды, вѣтры, тягостная жизнь по тюрьмамъ и острогамъ подѣйствовали на краску лица, которое было поразительной блѣдности. На ней было темное шерстяное платье съ кружевами на воротничкѣ и рукавахъ, которое очень шло ей, и когда ея лицо въ разговорѣ оживлялось, она дѣлалась очень привлекательной и интересной.

Въ ея обращеніи не было и слѣда той отваги, твердости и эксцентричности, которыя были, по моему мнѣнію, нераздѣльны съ представленіемъ о сосланной въ Сибирь по политическимъ причинамъ женщиной. Она говорила плавно и изящно, иногда сердечно смѣялась надъ эпизодами изъ своего сибирскаго „путешествія“, объяснила, почему она

носитъ короткіе волосы—ей остригли коротко волосы въ тюрьмѣ—и съ большимъ юморомъ рассказала пережитыя ею въ киргизскихъ степяхъ приключенія. Изъ способа передачи ею нѣкоторыхъ приключеній можно было заключить, что съ живымъ, впечатлительнымъ умомъ она соединяла глубокое чувство.

Такъ, напримѣръ, она была глубоко тронута, рассказывая, какъ камышловскіе крестьяне, въ знакъ своего сочувствія къ участи политическихъ преступниковъ, основательно вычистили мѣстную пересыльную тюрьму и украсили камеры зелеными вѣтвями и цвѣтами.

Въ девять часовъ г. Лобановскій принесъ кипящій самоваръ; г-жа Дышескуло приготовила чай, и мы сидѣли цѣлый вечеръ у большого еловаго стола, бесѣдуя о революціонномъ движеніи въ Россіи, о системѣ ссылки, литературѣ, искусствѣ, наукѣ, американской политикѣ, какъ будто бы мы не познакомились лишь нѣсколько часовъ тому назадъ, а знали другъ друга уже много мѣсяцевъ.

Полный достоинства и спокойный тонъ, въ которомъ велся самый серьезный разговоръ объ общественныхъ явленіяхъ, правительственныхъ формахъ и ихъ личныхъ опытахъ, отсутствіе всякаго раздраженія, горечи или преувеличеній произвели на меня самое лучшее впечатлѣніе. Ни одинъ не старался расписывать свои страданія съ цѣлью вызвать наше сочувствіе. У госпожи Дышескуло, напримѣръ, полиція при арестѣ отняла всѣ ея платья и цѣнныя вещи; она провела цѣлый годъ въ одиночномъ заключеніи при московской пересыльной тюрьмѣ, безъ всякаго суда была сослана въ одно ужасное поселеніе въ Акмолинской области и, наконецъ, переведена зимой, въ невыносимую стужу, на житѣ въ Семипалатинскъ; и несмотря на все это, она только вскользь упомянула въ разговорѣ о своихъ страданіяхъ и только съ особою любовью остановилась на поступкѣ камышловскихъ крестьянъ. Проведя такой пріятный и интересный вечеръ, мы разстались часовъ въ одиннадцать съ нашими новыми знакомыми и направились въ гостиницу.

На слѣдующій день г. Лобановскій, госпожа Дышескуло и мы оба отправились въ одну рощу, лежащую въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на берегу Иртыша, гдѣ 6—8 политическихъ ссыльныхъ проводили лѣто. На травѣ подѣ

деревомъ были разбиты киргизская юрта изъ войлока и одна маленькая полотнянная палатка; въ нихъ жили нѣсколько молодыхъ женщинъ и мужчинъ, чтобы избѣжать невыносимаго зноя, царящаго въ „чертовой песочницѣ“. Между женщинами мы замѣтили двухъ дѣвушекъ въ возрастѣ 17—18 лѣтъ, которыя должны были бы еще посѣщать школу, чтобы закончить свое образованіе; я не могъ себя представить, почему ихъ сослали въ Сибирь, такъ какъ онѣ, навѣрное, не могли грозить опасностью ни одному государству, никакому правительству и не могли „ниспровергнуть существующаго строя“. Когда я имъ подаль руку и увидѣлъ ихъ смущеніе и краску, покрывшую ихъ щеки, я въ первый разъ почувствовалъ презрѣніе къ русскому правительству. „Если бы я былъ правитель“, сказалъ я г. Фросту: „въ распоряженіи котораго находится цѣлая армія солдатъ и полицейскихъ, и я изъ боязни передъ подростками-дѣвушками не могъ бы все-таки спать, пока онѣ не сосланы въ Сибирь, то я лучше отказался бы отъ власти въ пользу болѣе мужественнаго и твердаго характера челоѣка, чѣмъ я самъ“. Одна мысль, что могущественное русское правительство не чувствуетъ себя въ силахъ иначе защищаться противъ этихъ дѣтей, какъ вырывая ихъ изъ семейнаго круга и ссылая ихъ въ великую азіатскую пустыню, вызвала глубочайше мое негодованіе.

Мы провели весь этотъ долгій жаркій день въ тѣни палатокъ. Г. Фростъ набросилъ видъ лагеря съ живописно разбитыми палатками, въ то время, какъ я болталъ съ молодыми людьми, прочиталъ одному, который учился по-англійски, изъ Ирвинга, отвѣчалъ на разспросы объ Америкѣ и разспрашивалъ, въ свою очередь, о Сибири и Россіи. Подъ вечеръ мы вернулись назадъ и отправились прямо къ г. Леонтьеву, пригласившему къ себѣ на вечеръ всѣхъ тѣхъ „политическихъ“, которыхъ мы еще не видали. Комната, въ которой мы были приняты, была значительно больше и лучше обставлена, чѣмъ у г. Лобановскаго; мое особое вниманіе привлекли портретъ Герберта Спенсера и письменный столъ г. Леонтьева. Все общество состояло изъ 15 ссыльныхъ съ г. Лобановскимъ, г-жей Дышескуло, докторомъ Богомолецъ — молодымъ врачомъ, супруга котораго была приговорена къ каторжнымъ работамъ въ карскихъ рудникахъ, — и сестрами Присѣдскими вклучительно. Общая бесѣда,

завязавшаяся сейчасъ же послѣ того, какъ мы ознакомились, была оживленна и непринужденна. Г. Леонтьевъ, которому я задалъ нѣсколько вопросовъ о мѣстной библіотекѣ, сказалъ мнѣ, что она не только доставляетъ большое удовольствіе ссыльнымъ, но и расширяетъ умственный кругозоръ мѣстныхъ обывателей. „Даже Киргизы“, сказалъ мнѣ г. Леонтьевъ: „охотно пользуются ею. Я знаю здѣсь одного стараго ученаго Киргиза, который читаетъ Бокля, Милля и Дрэпера“.

„Старый Киргизъ, читающій Бокля, и Дрэпера?!“ воскликнулъ одинъ студентъ.

„Да, да!“ возразилъ г. Леонтьевъ. „Когда я въ первый разъ встрѣтилъ его, онъ привелъ меня въ изумленіе просьбой объяснить ему разницу между индукціей и дедукціей; потомъ я узналъ, что онъ занимается англійской философій и прочиталъ уже произведенія названныхъ мною авторовъ въ русскомъ переводѣ“.

„Думаете ли вы, что онъ понялъ все прочитанное?“ спросилъ студентъ.

„Я экзэменовалъ его въ теченіе двухъ вечеровъ изъ „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ Дрэпера и долженъ откровенно сказать, что онъ обнаружилъ большія познанія“.

Я замѣтилъ, что мнѣ бросилось въ глаза то обстоятельство, что значительное число книгъ, особенно научныя англійскія сочиненія, запрещено, хотя русская цензура подвергла ихъ предварительному очищенію. „Какимъ образомъ понять тотъ фактъ, что книги одинъ разъ допущены къ обращенію, другой разъ изъяты изъ него?“

„Наша цензура очень капризна“, отвѣчалъ одинъ изъ ссыльныхъ: „Какимъ образомъ „Богатство народовъ“ А. Смита запрещено, а „Происхожденіе видовъ“ Дарвина дозволено? Последнее сочиненіе вѣдь гораздо опаснѣе, чѣмъ первое?“

„Говорятъ, что списокъ запрещенныхъ книгъ“, вмѣшался другой: „заключаетъ въ себѣ только тѣ сочиненія, которыя были найдены полиціей у политическихъ-неблагонадежныхъ. „Богатство народовъ“ было случайно найдено во время обыска у одного революціонера, слѣдовательно, это сочиненіе опасно“.

„Когда меня арестовали“, сказалъ г. Леонтьевъ, „полиція захватила даже „Исторію Франціи“, взятую изъ публичной библіотеки. При бѣгломъ просмотрѣ они нашли тамъ и сямъ

слово „революція“; этого было достаточно. Напрасно я старалась имъ доказать, что въ „Исторіи Франціи“ должна идти рѣчь о французской революціи. Они утащили съ собою также нехитрую модель паровой машины, которую сдѣлалъ мой младшій братъ, подъ предлогомъ, что это адская машина, даже цилиндры изъ стараго бинокля“. Всеобщій хохотъ сопровождалъ рассказъ этого и нѣсколько другихъ такихъ же анекдотовъ изъ дѣятельности русской полиціи. Бесѣда вскорѣ перешла на другіе предметы. Всѣ обладали болѣе чѣмъ поверхностными знаніями англійской и американской литературы и отлично ориентировались въ исторіи обѣихъ странъ и ихъ учреждений. Шекспиръ, Милль, Спенсеръ, Бокль, Бальфуръ, Стюартъ, Гейне, Гегель, Ланге, Ирвингъ, Куперъ, Лонгфелло, Бретъ-Гартъ и Гарріэтъ Бичеръ-Стоу, всѣ они были цитированы въ этотъ вечеръ. Всѣ знали имя новаго президента, разсуждали объ его реформѣ гражданской части, задавали очень подходящіе вопросы насчетъ успѣха ея, вообще, выказывали такое знаніе американскихъ порядковъ и положеній дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ этого даже и не предполагаютъ наши соотечественники.

Послѣ простого, но вкуснаго ужина съ отличнымъ караваннымъ чаемъ, ссыльные стали хоромъ пѣть русскія народныя пѣсни, полныя глубокой тоски; г. Фростъ и я въ свою очередь пропѣли нѣсколько американскихъ студенческихъ и военныхъ пѣсень, даже познакомили нашихъ слушателей съ негритянскими мелодіями. Было уже около полуночи, когда мы рѣшились проститься и отправиться въ гостиницу.

Понятно, что мнѣ невозможно передать даже въ главныхъ чертахъ сущности всѣхъ тѣхъ бесѣдъ о русскомъ правительствѣ и революціонномъ движеніи, которыя я велъ съ „политическими“ въ Семипалатинскѣ. Я только обязанъ резюмировать то впечатлѣніе, которое сдѣлали на меня эти прославленные нигилисты, которые, какъ вполне справедливо замѣтилъ г. Павловскій, „при другихъ обстоятельствахъ оказали бы родинѣ неоцѣнимыя услуги“. Если эти люди вмѣсто этого прозябаютъ и гибнутъ въ изгнаніи, то это происходитъ не потому, что они не обладаютъ любовью къ отечеству или гражданскими доблестями, но только потому, что русское правительство, которое имѣетъ дерзость думать и дѣйствовать вмѣсто русскаго народа, стоитъ въ полномъ противорѣчій къ духу времени.

Послѣ того какъ мы еще осмотрѣли городскую тюрьму и простились съ нашими друзьями, мы выѣхали въ субботу, 18-го іюля, на трехъ почтовыхъ лошадяхъ изъ Семипалатинска. Цѣлью нашей поѣздки было изслѣдованіе „сибирской Швейцаріи“. Дикая и величественная область сибирскихъ Альпъ, которую мы намѣревались изслѣдовать, начинается въ 500 км. восточнѣе Семипалатинска и въ 960 км. южнѣе Томска и тянется вдоль границъ Монголіи. Нѣмецкіе путешественники Финшъ и Бремъ изслѣдовали въ 1876 г. только край ея, но снѣжныя вершины Катунскаго горнаго хребта не были еще изслѣдованы иностранцами; лишь нѣсколько русскихъ взойшли на нихъ.

Мы проѣхали двѣсти верстъ вверхъ по теченію Иртыша, держась все время праваго берега. Мѣстность представляла собою волнообразную степь съ тощей, пожелтѣвшей растительностью. Тамъ и сямъ, гдѣ степь орошалась маленькой рѣченкой, впадавшей въ Иртышъ, она была покрыта дикими розами, сочевичникомъ, тысячелистникомъ, дикими кустами смородины и крыжовника. Но вокругъ тянулась безконечная, сожженная степь. Казацкія станицы немногимъ отличались отъ тѣхъ, которыя мы видали между Семипалатинскомъ и Омскомъ, только онѣ выглядели поновѣе и зажиточнѣе; любовь русскихъ къ яркимъ цвѣтамъ и здѣсь проявлялась въ одеждахъ женщинъ и дѣтей, и въ воскресенье, когда всѣ казаки несли праздничныя платья, въ улицахъ пестрѣли красные, синіе, желтые и зеленые наряды молодыхъ мужчинъ и женщинъ, которыя сидѣли на заваленкахъ, болтали, любезничали и щелкали подсолнухи; послѣ захода солнца начинались танцы подъ звуки скрипки или гитары.

Чѣмъ дальше подвигались мы вверхъ по Иртышу, тѣмъ жарче дѣлалось, тѣмъ безотраднѣе становился видъ степи, какъ будто бы мы были перенесены въ аравійскую или сѣвероафриканскую пустыню. Изъ дня въ день термометръ показывалъ 38—40° въ тѣни! Атмосфера была душная; насколько охватывалъ взоръ, виднѣлась безбрежная пустыня, безъ былинки, безъ деревца, лишь песчаные столбы въ 100—150 ф. вышиной величественно и медленно подвигались по раскаленной равнинѣ; слѣдъ Киргиза, ѣхавшаго верхомъ, виднѣлся на нѣсколько верстъ по облаку песку, вздымаемаго копытами его лошади. Я невыразимо страдалъ отъ зноя и жажды. Чтобы защититься отъ лучей солнца, я завернулся

весь въ сложенное вчетверо шерстяное одѣяло и положилъ на ноги большую пуховую подушку, что сейчасъ же произвело свое дѣйствіе: мнѣ сдѣлалось прохладнѣе. Я сидѣлъ на солнечной сторонѣ тарантаса и былъ въ концѣ-концовъ до того истощенъ, что я почувствовалъ себя близкимъ къ обмороку. Я принужденъ былъ попросить г. Фроста обмѣняться мѣстами; тогда онъ въ свою очередь завернулся въ одѣяло и положилъ пуховую подушку себѣ на ноги и выдержалъ счастливо пытку до самого вечера.

Одинъ русский офицеръ въ Омскѣ рассказывалъ мнѣ, что жара въ долинѣ р. Иртыша до того велика, что вызываетъ тошноту и обмороки; поэтому онъ мнѣ совѣтовалъ въ знойные и безоблачные дни отъ 11 ч. передъ обѣдомъ до 3 час. пополудни вовсе не трогаться съ мѣста и лишь послѣ трехъ часовъ продолжать свой путь. Мысль схватить въ Сибири солнечный ударъ казалась мнѣ чистымъ абсурдомъ, и я только посмѣялся надъ дружескимъ совѣтомъ, въ чемъ я и не замедлилъ раскаяться.

Среди этой знойной пустыни, неподалеку отъ почтовой станціи Вѣронинской, при сорокаградусной температурѣ въ тѣни разразился надъ нами песчаный штормъ, шедшій въ юго-западномъ направленіи. Раскаленный вѣтеръ пустыни вздымалъ цѣлыя облака песку и мелкой, горячей пыли на высоту 100 футовъ и гналъ ихъ съ невѣроятной скоростью впередъ. Хотя мы ѣхали въ томъ же направленіи, намъ въ теченіе двухъ часовъ приходилось дышать съ величайшимъ затрудненіемъ, и, когда мы прибыли на ст. Черемшанскую, по нашимъ лицамъ трудно было узнать, Киргизы ли мы или Американцы, принадлежимъ ли мы къ черному или бѣлому племени. Я выпилъ почти цѣлый литръ молока, и даже тогда моя жажда не была еще вполне удовлетворена; г. Фростъ умылся раньше и затѣмъ выпилъ семь стакановъ молока одинъ за другимъ, послѣ чего лишь у него сорвалось короткое замѣчаніе: „Ну, пусть кто-нибудь не повѣритъ тому, что въ Сибири „тепло“! Пошлите его тогда ко мнѣ!“

Около станціи Мало-Красноярской мы оставили Иртышъ по правую руку и уже больше не видали его. Послѣ обѣда показались первые отроги Алтая, и начался медленный подъемъ къ Алтайской станціи. Подъ вечеръ слѣдующаго дня мы уже ѣхали по прохладнымъ альпійскимъ равнинамъ, покрытымъ сочной зеленью, среди которой пестрѣли колокольчики, энціанъ

и гвоздики, между тѣмъ какъ горныя вершины надъ нашими головами были покрыты только что выпавшимъ снѣгомъ. Внезапный переходъ изъ горячей африканской пустыни по теченію Иртыша въ эту очаровательную альпійскую мѣстность дѣйствовалъ ошеломляющимъ образомъ. Я задавалъ себѣ только одинъ вопросъ: не снилась ли мнѣ только эта раскаленная, песчаная пустыня съ ея смерчемъ и движущимися песками, съ побѣлѣвшими костями, или, дѣйствительно, возможна такая перемѣна декорацій въ теченіи однѣхъ сутокъ? Моимъ глазамъ, изнуреннымъ постояннымъ видомъ степи, дорога къ Алтайской станціи, проходящая по такой живописной мѣстности, казалась восхитительной. Налѣво отъ насъ тянулась цѣпь холмовъ, склоны которыхъ были покрыты богатѣйшей растительностью, а проносившіяся надъ ними облака производили пріятную игру свѣта и тѣней; направо отъ дороги поднималась въ видѣ стѣны горная цѣпь съ смѣлыми, великолѣпными очертаніями; вершины ея вышиной въ 7—9.000 ф. были покрыты снѣгомъ и опоясаны вѣчнозеленымъ лѣсомъ. Дорога тянулась по очаровательной долинѣ, межъ двухъ рядовъ тѣнистыхъ сосенъ; иногда приходилось переѣзжать черезъ горные ручьи, спадавшіе прелестными каскадами съ каменныхъ уступовъ, или черезъ благоухающіе луга.

Наконецъ, въ шесть часовъ послѣ обѣда мы достигли Алтайской станціи или, по-киргизски, Котонъ-Карагай. Стоялъ прелестный, прохладный лѣтній вечеръ. Тотъ восхитительный видъ, который отерлся нашему взору, когда мы проѣхали благоухающую долину и, поднявшись вверхъ мимо живописнаго лагеря разноцвѣтныхъ киргизскихъ юртъ и палатокъ, остановились передъ деревенскими воротами, чтобы окинуть взоромъ разстилавшуюся у нашихъ ногъ картину, останется на всю мою жизнь незабвеннымъ. Я никогда не видалъ альпійской панорамы, которая могла бы сравниться съ этой по великолѣпію, грандіозности и красотѣ, хотя я извѣздилъ Сьерра-Неваду, весь горный хребетъ на Никарагуа, Камчатку и Кавказъ во всѣхъ направленіяхъ.

Сама станція есть казацкій форпостъ и состоитъ изъ деревянной церкви и 70—80 дворовъ, между которыми пролегаетъ широкая, опрятная дорога; но для путешественника, который невредимымъ спасся отъ бѣдъ и напастей, грозящихъ въ иртышскихъ степяхъ, даже это маленькое

поселеніе имѣть невыразимую прелесть. Передъ каждой избой находится маленькій садикъ, усаженный березками, серебристыми тополями и цвѣтущими кустами, и сквозь всѣ эти сады бѣжатъ по обѣ стороны дороги два холодныхъ и прозрачныхъ, какъ хрусталь, ручейка; всюду слышны журчаніе и переливы воды; но чтобы по достоинству оцѣнить эту очаровательную музыку, нужно пробыть съ мѣсяцъ въ русской Сахарѣ на берегахъ Иртыша. Маленькія горныя рѣченки, бурлящія и сверкающія на солищахъ, приносятъ, кажется, оттуда, гдѣ стоитъ ихъ колыбель, прохладу и освѣженіе; пусть термометръ утверждаетъ, что день зноитъ, а атмосфера удушлива, утверженіе это разбивается по всѣмъ пунктамъ рокотомъ волнъ, болтающихъ о вѣчныхъ снѣгахъ и глетчерахъ и убаюкивающихъ разсудокъ, который охотно внимаетъ этой болтовнѣ.

Въ продолженіе всего нашего пребыванія на Алтайской станціи мы совершали съ комендантомъ и его супругой поѣздки въ сосѣднія горы, посѣтили и фотографировали киргизское кочевье и наводили справки о восточной части Алтайскаго хребта, которую мы намѣревались изслѣдовать.

Въ понедѣльникъ 27-го іюля, мы хотѣли предпринять поѣздку верхомъ въ Катунскія горы или „Бѣлки“, самую высокую и дикую горную группу на всемъ протяженіи Алтая. Въ этотъ день какъ-разъ праздновались именины капитана Маевского, коменданта гарнизона; поэтому онъ, желая отпраздновать этотъ день и въ то же время проводить насъ хоть часть пути, пригласилъ цѣлое общество на пикникъ къ быстринамъ Бухтармы, верстахъ въ 15 отъ станціи. Мы отправились, такимъ образомъ, въ путь въ сопровожденіи супруговъ Маевскихъ съ дочерью, казацкаго атамана съ его женой, политическаго ссыльнаго, по фамиліи Завалишинъ, съ супругой и нѣсколькихъ другихъ дамъ и офицеровъ. Вся кавалькада — нарядныя женщины, офицеры въ формѣ, около 15 верховыхъ киргизъ въ бешметахъ съ серебрянымъ наборомъ — представляла, безъ сомнѣнія, крайне живописное зрѣлище, спускаясь въ полную цвѣтовъ долину Бухтармы. Еще рано утромъ капитанъ Маевскій отправилъ къ быстринамъ двѣ киргизскихъ юрты, ковры, подушки, кухонные снаряды и съѣстные припасы; когда мы прибыли на мѣсто, палатки уже были разбиты въ тѣнистомъ мѣстѣ, у самой рѣки; костры были уже разведены, и веселый ого-

некъ пылалъ; для дамъ были разложены ковры и подушки, и всѣхъ насъ ожидалъ уже ароматный чай. Отлично приготовленный обѣдъ состоялъ изъ супа, свѣжесваренной рыбы, жареной баранины, холодной дичи, пудинга, земляники и засахаренныхъ фруктовъ. Послѣ обѣда мы собирали растенія, ловили рыбу или стрѣляли; для разнообразія мы гонялись за бабочками, загадывали загадки или пѣли пѣсни.

Безспорно, этотъ пикникъ былъ самый удачный и пріятный, въ которомъ я только когда-либо принималъ участіе, и когда мы оба передъ вечеромъ стали прощаться съ веселымъ обществомъ, то каждый изъ насъ, навѣрное, питалъ тайное желаніе лучше провести цѣлую недѣлю здѣсь подъ палатками, чѣмъ отправиться на изслѣдованіе Катунской горной цѣпи.

Ночь провели мы въ казачьемъ пикетѣ Жингистай, который состоитъ изъ двухъ блокгаузовъ въ долинѣ Бухтармы; во вторникъ проѣхали мы живописную деревню Арулъ и достигли казацкой станицы Берель, откуда мы и хотѣли начать наше изслѣдованіе Катунскихъ Альпъ. Въ среду утромъ мы въ сопровожденіи двухъ казаковъ-путеводителей, захвативъ пять киргизскихъ лошадей и съѣстныхъ припасовъ на цѣлую недѣлю, покинули Берель и въ теченіе двухъ часовъ взбирались по крутой тропинкѣ, которой пользуются киргизы, и которая ведетъ къ гребню горы, расположенной позади деревни. Отдохнувъ немного въ киргизскомъ лагерѣ, разбитомъ на вершинѣ горы, 3000 ф. надъ поверхностью рѣки Бухтармы, мы затянули покрѣпче сѣдельные ремни и пустились дальше, въ самую глушь. Поздно пополудни, проѣхавъ съ величайшимъ трудомъ около 30 верстъ, мы спустились по головоломной крутизнѣ въ 3000 ф. въ долину Рахмановскихъ горячихъ ключей. Здѣсь въ котловинѣ мы нашли маленькое альпійское озеро и два необитаемыхъ блокгауза, въ которыхъ мы и расположились на ночлегъ.

На слѣдующій день пошелъ такой проливной дождь, что нечего было и думать о продолженіи нашей поѣздки. Лишь на третій день небо прояснилось; мы живо осѣдлали лошадей и отправились дальше.

Послѣднія шестьдесятъ верстъ пути представляли необычайныя трудности и опасности, такъ какъ приходилось то переваливать черезъ горныя кражи, то спускаться въ глубо-

кія котловины по отвѣснымъ горнымъ стѣнамъ, держась теченія горныхъ рѣчекъ; мы то перелѣзали черезъ покрытыя льдомъ поляны, то тащились по болотамъ или продирались сквозь непроходимую чащу кустовъ и лежавшихъ поперекъ, сломанныхъ бурей, лѣсныхъ великановъ. Спускъ въ долину иногда былъ до того крутъ, что приходилось съ величайшимъ трудомъ удерживаться въ сѣдлѣ. Наши лошади половину всего пути ползли на четверенкахъ, и камни, которые катились изъ-подъ ихъ ногъ, разбивались въ мелкіе дребезги въ бездонныхъ пропастяхъ; я имѣю довольно опытности въ туристикѣ, такъ какъ объѣздивъ верхомъ весь гористый полуостровъ Камчатку, три раза перебирался черезъ Кавказскій хребетъ, одинъ разъ даже на высотѣ 12000 ф., но признаться откровенно, не разъ, спускаясь въ долины Рахмановскаго края, Бѣлаго или Чернаго Берела или Катуні и чувствовалъ себя ужасно жутко. Только съ киргизскими лошадьми и возможно было предпринять такой переходъ; съ другими лошадьми это было бы невозможное дѣло. Одинъ разъ лошадь моя гранулась о землю, но я остался невредимъ.

Мѣстность, черезъ которую мы проходили, есть дѣйствительная глушь, черезъ которую отваживаются лишь „киргизы дикихъ скалъ“, замѣчательно богатая всякаго рода дичью; мы видѣли волковъ, аргали, каменныхъ барановъ и даже свѣжіе слѣды медвѣдей въ высокой травѣ у горныхъ подошвъ. Мы испугивали серъ и могли застрѣлить сотни куропатокъ, тетеревовъ, дикихъ утокъ, гусей, орловъ и журавлей. Растительность въ горныхъ долинахъ была также чрезвычайно разнообразна и роскошна. Многія растенія, которыя у насъ растутъ только при уходѣ за ними, произрастаютъ здѣсь на волѣ; напр., ревень, сельдерей, черная и красная смородина, малина, земляника, черника, вишни и абрикосы. Большой частью, ягоды уже были зрѣлы; смородина произросла въ такомъ изобиліи и была такъ крупна, какъ только можетъ быть въ саду любителя. Что же касается видовъ, то они, своимъ великолѣпіемъ далеко превосходили кавказскіе.

Въ субботу, 1-го августа, достигли мы подошвы послѣдняго горнаго гребня или водораздѣла, который отдѣлялъ насъ отъ главной цѣпи Катуни. Мы провели ночь въ высокой горной долині, на берегу Бѣлаго Берела, который бралъ свое начало изъ большого глетчера, въ нѣсколькихъ

миляхъ отъ нашей стоянки. Воздухъ былъ ясенъ и холоднѣй; мы зажгли огонь и провели довольно пріятную ночь.

На слѣдующій день утромъ взобрались мы на вершину послѣдняго горнаго края высотой въ 2.000 ф. и оттуда взглянули на полную дикой прелести долину Катуні, на краю которой поднимался Катунскій столбъ, высочайшая вершина русскаго Алтая. Я былъ, конечно, до извѣстной степени подготовленъ къ ожидавшей меня картинѣ, такъ какъ уже раньше бросилъ нѣсколько бѣглыхъ взглядовъ на рисовавшіяся въ ясномъ воздухѣ вершины; но видъ ихъ съ лежащихъ насупротивъ высотъ до того превзошелъ мои самыя смѣлыя ожиданія, что я былъ ошеломленъ и не могъ собраться съ мыслями. Только одно слово до сихъ поръ еще невольно выражается изъ устъ моихъ, когда я вспоминаю объ этомъ моментѣ: „Ужасно!“ Открывшійся моимъ глазамъ видъ не былъ красивъ или живописенъ, онъ имѣлъ въ себѣ нѣчто невыразимо-страшное, почти демоническое. Узкая долина р. Катуні, лежавшая почти у нашихъ ногъ, была глубиной въ 2.000—3.000 ф. и по другую сторону ея высоко возносилась въ ясномъ голубомъ небѣ бѣлоснѣжная шапка высочайшей вершины Катунскаго горнаго хребта¹⁾.

Снѣжное покрывало, покрывавшее всю цѣпь отъ подошвы до вершины, только изрѣдка прерывалось черной пропастью, крутой скалой или пикомъ. По сторонамъ вершины спускались семь огромныхъ глетчеровъ, изъ которыхъ самый большой тянулся отъ луки между двойной вершиной внизъ на 4.000 фут. Глетчеръ, находившійся на правой сторонѣ, представлялъ собою отвѣсно падавшую на глубину 1.500 фут. стѣну льда, и на лѣвомъ краю этой стѣны низвергался въ узкое ущелье на глубину 800 фут. водопадъ, разбивавшійся съ громовымъ гуломъ о тысячи утесовъ и выступовъ, пока не достигалъ dna ущелья. Крайнія оконечности высочайшихъ вершинъ были почти все время окутаны облаками, что еще болѣе увеличивало великолѣпіе панорамы, такъ какъ получалась полнѣйшая иллюзія того, что ледники спадали изъ неизвѣстныхъ высотъ, сквозь мчащіяся облака. Шумъ водопада примѣшивался къ грохоту отрывавшихся ледяныхъ массъ. Глазъ не могъ замѣтить ни малѣйшаго ихъ движенія, но непрерывное ска-

¹⁾ Я полагалъ высоту ея 15.000 ф., а капитанъ Маевскій въ 18.000 ф. надъ уровнемъ моря; цѣпь эта еще никѣмъ не была посѣщена и измѣрена; даже положеніе ея подошвы надъ уровнемъ моря мнѣ не извѣстно.

тиваніе и трескъ показывали, какія колоссальныя силы природы работаютъ здѣсь.

Налюбовавшись вдоволь этой великолѣпной горной панорамой, мы обратили наше вниманіе на долину съ цѣлью узнать, можно ли достигнуть подошвы ледника, изъ котораго беретъ свое начало Каяунъ. Г. Фростъ объявилъ, что спускъ не выполнимъ и выказалъ даже нетерпѣніе, когда я сталъ настаивать на томъ, чтобы нашъ проводникъ сдѣлалъ опытъ. „Каждый можетъ видѣть“, сказалъ онъ: „что склонъ горы ведетъ въ покатую бездну, и если даже наши лошади сумѣютъ спуститься, наверхъ онѣ не взберутся ни за что. Безуміе даже думать объ этомъ.“ Я имѣлъ такое большое довѣріе къ способности киргизскихъ лошадей лазить по горамъ, что я имѣлъ случай наблюдать до сихъ поръ, что хотя мнѣ самому спускъ казался также очень опаснымъ, я и слышать не хотѣлъ о невыполнимости предпріятія. Въ то время, какъ мы разсуждали объ этомъ предметѣ, нашъ проводникъ попробовалъ практически разрѣшить нашъ споръ. Онъ исчезъ изъ нашихъ глазъ; только изрѣдка слышали мы, какъ катился камень изъ-подъ ногъ его лошади и съ громкимъ трескомъ летѣлъ въ бездонную пропасть; наконецъ, казакъ появился на одномъ выступѣ, футовъ 600 ниже насъ, и крикнулъ намъ, видимо, довольный: „Спускайтесь безъ всякаго опасенія; здѣсь дорога такъ широка, что можетъ проѣхать даже телѣга“. Конечно, это была гипербола, но она имѣла, по крайней мѣстѣ, то дѣйствіе, что г. Фростъ взялъ свою лошадь подъ уздцы и осторожно послѣдовалъ за мной, въ то время какъ я по возможности ступалъ по слѣдамъ нашего проводника. Когда мы добрались до выступа, на которомъ проводникъ насъ ожидалъ, онъ затянулъ такъ крѣпко сдѣльные ремни, что лошадь застонала. Мнѣ казалось гораздо безопаснѣе спуститься на низъ верхомъ, чѣмъ вести лошадь подъ уздцы, потому что въ послѣднемъ случаѣ она все время грозила бы упасть на меня или пустить мнѣ между ногъ камень, который, навѣрное, опрокинулъ бы меня въ пропасть. Первые 400 фут. спуска были страшно тяжелы. Съ величайшимъ трудомъ можно было удержаться въ сѣдлѣ, одинъ разъ я чуть не перелетѣлъ кувыркомъ черезъ голову моей лошади. Наконецъ достигли мы покатаго, покрытаго травой склона, по истинѣ, похожаго на плотину, построенную титанами; съ крайне непріятнымъ чувствомъ на

душѣ, но безъ всякой опасности спустились мы съ нея въ долину р. Катуні. Чѣмъ больше приближались мы къ высокимъ горнымъ вершинамъ (мы слѣзли съ лошадей и начали взбираться на главный ледникъ), тѣмъ болѣе становилось намъ ясно, насколько мы ошибались въ дальности разстоянія и въ опредѣленіи высотъ горъ, наблюдая съ возвышеннаго пункта. Катунь, которая выглядѣла сверху, какъ тонкая, грязно-бѣлаго цвѣта лента, черезъ которую, казалось, могло перепрыгнуть даже малое дитя, оказалась шириной въ 30—40 фут. и до того стремительной и бурливой, что могла унести даже всадника съ конемъ. Главный ледникъ, ширину котораго я опредѣлилъ въ 300 ф., оказался шириной болѣе, чѣмъ въ 800 метр.; средняя прогалина, которая выглядѣла, какъ тонкая полоса чернаго песку, оказалась въ дѣйствительности навороченной массой гигантскихъ обломковъ скаль и утесовъ, которые покрывали площадь шириною въ 300—400 фут. и длиною болѣе, чѣмъ въ пять верстъ. Г. Фростъ опредѣлилъ ширину этого ледника въ 1000 фут., а высоту прогалины въ 100 фут.

Имѣя на себѣ аппаратъ для фотографическихъ снимковъ, я началъ карабкаться черезъ среднюю прогалину и черезъ 1½ часа былъ уже на 3 километра ближе къ манившему меня ледяному полю. Я долженъ былъ часто перепрыгивать черезъ широкіе разсѣлины, въ которыя низвергались потоки воды изъ глетчера; иногда я бросалъ въ такія разсѣлины камни съ цѣлью опредѣлить ихъ глубину по дохожденію звука ко мнѣ, и находилъ при этомъ часто цифру 100 и болѣе футовъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ 11 глетчеровъ, которые я насчиталъ съ вершины горнаго края, служащаго водораздѣломъ между бассейнами Оби и Иртыша. На обоихъ главныхъ вершинахъ ихъ было, во всякомъ случаѣ, семь.

Мы набрасывали виды, фотографировали и взбирались на горы и лишь вечеромъ вернулись въ нашу палатку на берегу бѣлаго Берела. Ночь на 2-ое августа была еще холоднѣе, чѣмъ предыдущая. Вода замерзла въ котелкѣ, а когда мы проснулись на слѣдующее утро шерстяныя одѣяла и подушки наши были покрыты инеемъ.

Въ понедѣльникъ мы совершили еще одну поѣздку на вершину горнаго края, откуда открывается видъ на долину р. Катуні; намъ удалось при безоблачномъ небѣ фотографировать высочайшія вершины Алтая. Аппаратъ нашъ могъ,

конечно, передать только незначительную часть великолѣпнаго ландшафта и только въ такомъ уменьшенномъ видѣ, что вся возвышенность и величественность этихъ колоссовъ пропала; но мы были все-таки рады обладать картиной, которая даже годы спустя напоминала бы намъ объ этой волшебной альпійской панорамѣ. Вечеромъ того же дня мы вернулись къ Рахмановскимъ минеральнымъ водамъ, а 5-го августа мы, послѣ десятидневнаго отсутствія, въѣхали въ Алтайскую станицу.

V.

Ссылка административнымъ порядкомъ.

Немногія страницы моего сибирскаго дневника возбуждаютъ во мнѣ столько пріятныхъ воспоминаній, какъ тѣ, въ которыхъ я описалъ мою поѣзду и пребываніе въ Алтайскихъ горахъ. Когда я перелистываю страницы, озаглавленные „Алтайская станція 5-го августа 1885 г.“, передо мною встаетъ съ малѣйшими подробностями живописная картина этого уединеннаго казацкаго поселенія; кажется, достаточно мнѣ закрыть глаза, чтобы я услышалъ музыкальное журчаніе ручейковъ, текущихъ вдоль деревенской улицы, или увидѣлъ покрытые ароматическими цвѣтами склоны холмовъ или снѣжныхъ великановъ, окружающихъ, какъ любимаго ребенка, эту живсписную станицу. Еслибы мы пріѣхали въ Сибирь ради удовольствія, то мы навѣрное провели бы все лѣто въ этомъ очаровательномъ уголку, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ нельзя было бы найти прелестнѣе мѣста, чтобы провести лѣто. Чистый горный воздухъ былъ какъ-составленъ изъ аромата цвѣтовъ и озона; красота и богатство растительности была источникомъ неизсякаемой радости (гербарій, который я составилъ за время моего пребыванія на Алтаѣ, обнималъ до тысячи представителей мѣстной флоры); прозрачныя горныя рѣчки кишмя кишѣли рыбой; страстному охотнику представлялась возможность богатѣйшей охоты въ безчисленныхъ оврагахъ, балкахъ и горныхъ долинахъ на волковъ, медвѣдей, лисицъ, дикихъ козъ и т. д.; конвой верховыхъ киргизъ былъ всегда къ нашимъ услугамъ, чтобы проводить насъ къ прелестному альпійскому озеру Марка-

Куль на границѣ Монголіи или въ дикія ущелья китайскаго Алтая; капитанъ Маевскій, гостепріимный комендантъ Алтайской станціи, старался посредствомъ общаній новыхъ и новыхъ поѣздовъ побудить насъ остаться на болѣе долгое время въ этихъ мѣстахъ; но видя, какъ скоро летитъ благопріятное для поѣздки по Сибири время года, мы не рѣшались остаться даже лишняго часу. такъ какъ непременно хотѣли достигнуть Кары еще до наступленія зимы. Уже были первыя числа августа, а отъ источниковъ Амура насъ отдѣляли еще 4000 километровъ (почти 3600 вер.).

Ближайшей цѣлью нашей поѣздки былъ Томскъ, лежащій отъ Алтая на разстояніи 1000 верстъ. Чтобы достигнуть этого города, мы должны были проѣхать часть того пути, который мы уже отложили, и вернуться назадъ въ долину Иртыша, до ст. Пьяно-Яровской. Здѣсь дорога изъ Семипалатинска раздваивается: одна часть ведетъ на югъ, къ Алтаю, другая на сѣверъ, къ Томску. Дорога на Томскъ проходитъ черезъ Алтайскій горный округъ и городъ Барнауль. На этомъ пути лежатъ два поселенія политическихъ ссыльныхъ: казацкая станица Ульбинскъ, въ 240 вер. отъ Алтайской станціи и Усть-Каменогорскъ; мы рѣшили пробыть нѣкоторое время въ обѣихъ колоніяхъ.

Въ четвергъ утромъ, 6-го августа, мы уложили наши вещи въ тарантасъ, послали за лошадьми и позавтракали въ послѣдній разъ съ кап. Маевскимъ и его супругой, доброта и сердечность которыхъ останутся навсегда незабвенными въ нашихъ сердцахъ. Послѣ того, какъ мы выпили здоровье всѣхъ нашихъ алтайскихъ друзей и сердечно простились съ ними, мы сѣли въ тарантасъ и выѣхали съ тяжелымъ сердцемъ изъ этого прелестнаго уголка.

Поѣздка наша по долинѣ р. Бухтармы и по иртышской степи носила тотъ же характеръ, что и три недѣли тому назадъ, только направленіе ея было иное: вмѣсто того, чтобы ѣхать изъ пустыни въ альпійскую мѣстность, мы пускались изъ Альпъ въ знойную пустыню. Въ пятницу, послѣ обѣда, въ 6 час. вечера, мы достигли села Бухтармы, гдѣ Иртыш прорѣзываетъ отроги Алтайской горной цѣпи; здѣсь дорога раздваивается; одна вѣтвь ея оставляетъ теченіе рѣки и направляется къ Усть-Каменогорску. На станціи не было свѣжихъ лошадей, надвигалась непогода; дорога въ Александровскую станицу была, по слухамъ, въ самомъ безотрадномъ

состояніи вслѣдствіе продолжительныхъ, проливныхъ дождей, поэтому намъ стоило величайшихъ усилій достать лошадей у какаго-нибудь мужика, который рѣшился бы пожертвовать и доставить намъ тяжелый экипажъ по крутой и невозможно-скверной дорогѣ, ведущей въ Александровское, да къ тому еще въ бурную и дождливую ночь, предстоявшую намъ. При помощи почтмейстера намъ удалось уладить все дѣло, и еще до наступленія сумерекъ мы покатали на четырехъ „вольныхъ“ по направленію къ Александровской станицѣ.

Мы скоро раскаялись, почему не послѣдовали совѣту нашего ямщика и не остались ночевать въ Бухтармѣ, чтобы днемъ переѣхать черезъ горы. Дорога была въ ужасномъ состояніи и, прежде чѣмъ мы пробѣжали половину пути, наступила ночь, и страшная гроза съ громомъ, молніей и проливнымъ дождемъ разразилась надъ нашей головой. Въ темнотѣ мы нѣсколько разъ блуждали въ сторонѣ отъ дороги и попадали въ рывину. Тарантасъ нашъ, наконецъ, застрялъ во рву, образованномъ стремительными горными потоками. Кучеръ кричалъ, ругался, хлесталъ по измученнымъ лошадямъ, между тѣмъ какъ мы оба жгли пучки соломы, чтобы разглядѣть мѣсто катастрофы и старались поднять нашъ экипажъ, пока силы не оставили насъ, и мы сами не промокли до нитки и не покрылись грязью.

Всѣ усилія были тщетны; мы не могли сдвинуть нашего тарантаса съ мѣста. Ямщики, которые немного спустя послѣ насъ оставили Бухтарму и теперь явились нашими избавителями изъ бѣды, помогли намъ вытащить тарантасъ на дорогу, вскорѣ легко нагруженные телѣги скрылись изъ виду, и, такъ какъ я опасался, что новое паденіе заставитъ насъ провести цѣлую ночь во рву, я началъ шагать впереди нашего экипажа, держа все время въ рукахъ бѣлый платокъ, чтобы кучеръ зналъ, каковаго направленія ему слѣдуетъ держаться. Такъ прошло $\frac{3}{4}$ часа, наконецъ, я усталъ служить въ этомъ кимерійскомъ мракѣ піонеромъ и развѣдчикомъ лужъ, скалъ и т. д.; я взобрался въ тарантасъ, завернулся въ мокрое одѣяло и предоставилъ судьбѣ устроить все остальное. Не прошло и четверти часа, какъ нашъ тарантасъ опять лежалъ на боку въ одномъ глубокомъ рву. Послѣ того какъ мы ощупью опредѣлили наше положеніе и признали его безнадежнымъ, мы рѣшили послать нашего кучера верхомъ въ ближайшую деревню за помощью, а самимъ остаться на

мѣстѣ и дожидаться утра. Было около 11 час.; вѣтеръ улегся, но дождь все еще продолжалъ лить, какъ изъ ведра; изрѣдка молнія прорѣзывала непроницаемый мракъ. Иззябшіе, усталые и голодные забрались мы въ нашу повозку, которая защищала насъ, по крайней мѣрѣ, отъ проливного дождя, и такъ промучились мы всю ночь, не закрывъ ни на минуту глазъ. На разсвѣтѣ нашъ кучеръ вернулся еще съ однимъ казакомъ изъ Александровскаго; они привезли съ собою веревокъ, фонари, рычаги и свѣжихъ лошадей; мы вытащили тарантасъ изъ оврага и направились въ Александровское, гдѣ мы напились чаю и проспали часа два на полу почтовой станціи. Изъ Александровскаго мы взяли восемь лошадей и трехъ ямщиковъ. Дорога изъ Александровскаго къ ст. Сѣверной ведетъ на протяженіи цѣлыхъ десяти верстъ по глубокому оврагу, пересекаетъ цѣлый рядъ горныхъ отроговъ и, наконецъ, спускается по крутой балкѣ въ Ульбинскую долину, по которой она уже тянется до самаго Усть-Каменогорска. Вышеупомянутые горные отроги Алтая не высоки, образуютъ живописныя группы и отдѣляются другъ отъ друга рядомъ чрезвычайно картинныхъ долинъ и овраговъ.

Вслѣдствіе сквернаго состоянія дороги и гористаго характера мѣстности, мы употребили 10 час., чтобы пробѣжать 27 вер. между Сѣверной и Ульбинскомъ, хотя мы вначалѣ ѣхали на восьми, а потомъ на пяти лошадяхъ. Если дорога шла въ гору, мы слѣзали съ тарантаса, собирали травы для гербарія или украшали нашъ тарантасъ осенними розами, козьею жимолостью, еловыми и сосновыми вѣтвями. Въ субботу вечеромъ, когда солнце уже сѣло за дальними холмами, мы рысью пробѣжали по длинному, живописному оврагу, ведущему въ долину Ульбы, и прежде чѣмъ наступила ночь, мы сидѣли въ уютной комнатѣ на почтовой станціи Ульбинскъ за ужиномъ, состоявшимъ изъ хлѣба, молока и малины.

Между прочими политическими ссыльными въ Ульбинскѣ находились въ то время Александръ Блокъ, студентъ-юристъ изъ Саратова, Аполлонъ Карелинъ, сынъ извѣстнаго фотографа въ Нижнемъ-Новгородѣ, Северинъ Гроссъ, также студентъ юридическаго факультета изъ Ковно и докторъ Витеръ изъ Варшавы. Г. Карелинъ послѣдовалъ за своей женой, посланной въ Сибирь, остальные всѣ, насколько я знаю, были холосты. Мои семипалатинскіе знакомые познакомили меня съ именами и положеніемъ своихъ ульбинскихъ товарищей,

и я по многимъ причинамъ желалъ увидать и познакомиться съ ними. Я былъ почему-то убѣжденъ, что „политическіе“ въ Семипалатинскѣ стояли въ отношеніи образованія и развитія выше средняго уровня ссыльных; что они были особо талантливы и выдающіеся представители своей партіи; мнѣ казалось весьма вѣроятнымъ, что въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ западной Сибири я встрѣчу между ними такихъ индивидуумовъ, которые близко подходят къ моему представленію о нигилистахъ.

Еще не прошло и часу времени, какъ двое ссыльных гг. Блокъ и Гроссъ явились къ намъ съ визитомъ. Г. Блокъ сейчасъ же овладѣлъ моими симпатіями. Это былъ мужчина 26—28 лѣтъ, средняго роста, но атлетическаго тѣлосложенія, съ темными волосами и глазами, безбородымъ лицомъ, черты котораго носили печать ума, серьезности и мужественности. Это было въ полномъ смыслѣ слова хорошее лицо, которое внушаетъ къ себѣ сейчасъ же полнѣйшее довѣріе и глубокую симпатію.

Маркъ Аврелій выражается гдѣ-то своимъ обычнымъ лапидарнымъ слогомъ: „Хорошій человекъ похожъ на человека, издающаго сильный запахъ: всякій, кто къ нему приближается, долженъ чувствовать его, хочетъ ли онъ или нѣтъ“ Честность и хорошія качества г. Блока были такого же рода: я почувствовалъ къ нему необычайную склонность и симпатію прежде даже, чѣмъ могъ отдать себѣ ясно отчетъ въ томъ, чѣмъ онъ вызванъ. Г. Гроссъ былъ красивый мужчина, лѣтъ 30, съ волосами, бородой и усами темнокаштановаго цвѣта, голубыми глазами и правильными чертами лица. Онъ говорилъ увлекательно и живо, обладалъ очень пріятнымъ и мягкимъ голосомъ и имѣлъ привычку, если его что-нибудь въ разговорѣ особенно интересовало, раскрывать широко глаза. Оба кончили курсъ университета, говорили по-французски и по-нѣмецки, Блокъ, кромѣ того, читалъ еще по-англійски; оба особенно интересовались политической экономіей, и по всему ихъ можно было бы принять за двухъ ученыхъ. Уже спустя короткое время послѣ начала разговора я былъ убѣжденъ, что эти оба „политическихъ“ нисколько не уступаютъ моимъ семипалатинскимъ друзьямъ, и что я долженъ искать нигилистовъ моей фантазіи еще дальше, чѣмъ въ Ульбинскѣ.

Мы бесѣдовали до девяти часовъ съ нашими новыми

знакомыми и потомъ отправились, по приглашенію г. Блока, посѣтить остальныхъ ссыльных, жившихъ въ Ульбинскѣ. Они все жили въ крайне бѣдныхъ избушкахъ, которыя они нанимали у казаковъ; вся обстановка указывала на лишенія и ограниченныя средства къ жизни; но видно было, что ссыльные съ рѣдкой выносливостью умѣли подчиняться гнету обстоятельствъ; ни разу не слыхалъ я отъ нихъ жалобъ, рассчитанныхъ на то, чтобы возбудить наше сочувствіе. Если они страдали, то они при этомъ выказывали достоинство и самообладаніе. Повидимому, все обладали цвѣтущимъ здоровьемъ, кромѣ г-жи Карелиной, которая была очень худа и блѣдна, и доктора Витерта, который три раза былъ уже въ ссылкѣ и десять лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ; не долго предстояло ему еще служить грозой для правительства, которое лишило его всего возможнаго на землѣ счастья: свободы и здоровья. Онъ весь сторбился, хотя ему было только 45 лѣтъ отъ роду, ходилъ, опираясь на палку и постоянно страдалъ ревматизмомъ, который онъ получилъ, благодаря сырмъ камерамъ въ сибирскихъ тюрьмахъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ ссыльных, которые мнѣ только встрѣтились въ Сибири и первый, который сообщилъ мнѣ о смерти генерала Гранта. Мы много разговаривали о Соединенныхъ Штатахъ, и онъ часто задавалъ мнѣ вопросы о междоусобной войнѣ; улучшеніяхъ, произведенныхъ въ конституціи, введенной по окончаніи войны, о реформахъ гражданской части, проектированныхъ президентомъ Кливлендомъ и т. д., что доказывало его болѣе, чѣмъ поверхностное знакомство съ нашимъ государственнымъ устройствомъ. У всехъ ссыльных, не смотря на нищенскую обстановку, были собственныя письменные столы, книги и періодическія изданія, какъ, напримѣръ, „Revue des deux Mondes“ или „Русскій Вѣстникъ“ и др.

Г. Блокъ обладалъ маленькой, но тщательно подобранной бібліотекой, въ которой кромѣ русскихъ книгъ находились стихотворенія Лонгфелло „Старое право“ и „Деревенскія общины“, Мэна, „Логика“ Бэна, Милля „Политическая экономія“, Лекки „Исторія раціонализма“ („исправленное“ русское изданіе), „Опыты“ Спенсера и его же „Принципы социологіи“, Мэна „Исторія англійской литературы“, „Исторія Соединенныхъ Штатовъ“ Лабулэ и довольно значительное число сочиненій по юриспруденціи и политической

экономіи. Лишне прибавить, что люди, читающіе подобныя сочиненія и, не смотря на всѣ невзгоды, претерпѣваемыя ими на пути въ Сибирь, не расстающіеся съ своими любимыми авторами, не могутъ быть ни дикими фанатиками, ни „невѣжественными сапожниками“, какъ ихъ мнѣ обрисовалъ одинъ русскій офицеръ. Если такіе серьезные, образованные и мыслящіе люди сосланы на житіе въ уединенную деревушку на границѣ Монголіи,—вмѣсто того, чтобы находиться на государственной или общественной службѣ, то—тѣмъ хуже для этого государства!

Мы провели почти цѣлую ночь и весь слѣдующій день въ бесѣдѣ съ политическими ссыльными. Интересъ, внушаемый ими, былъ такъ великъ, что я охотно провелъ бы съ ними даже цѣлую недѣлю, но поѣздка наша въ Катунскія горы отняла у насъ больше времени, чѣмъ мы назначили для этого, и намъ во что бы то ни стало нужно было добраться раньше наступленія зимы до Кары. Въ воскресенье послѣ обѣда мы отправились въ Усть-Каменогорскъ. Гг. Блокъ и Карелинъ сопровождали насъ верхомъ до переправы черезъ Ульбу. Съ сердечными пожеланіями намъ всего лучшаго, съ просьбой не забыть ихъ по возвращеніи въ „болѣе свободную и счастливую страну“ они сѣли на лошадей и ждали неподвижно, пока мы не достигли противоположнаго берега. Тогда они начали махать платками свое послѣднее прости, пока мы не скрылись изъ ихъ глазъ въ дремучемъ лѣсу. Если этимъ строкамъ суждено когда-либо попасть въ уединенныя жилища монаховъ ульбинскихъ друзей, пусть служатъ онѣ имъ самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, что мы не только не забыли ихъ въ „болѣе свободной и счастливой странѣ“, но всегда будемъ о нихъ вспоминать съ неподдѣльными симпатіями и величайшимъ уваженіемъ!

Въ сумерки того же дня прибыли мы въ Усть-Каменогорскъ и остановились въ станціонномъ зданіи. Городъ этотъ имѣетъ около 5.000 населенія и до 6—800 деревянныхъ домовъ; онъ лежитъ въ безлѣсной равнинѣ на правомъ берегу Иртыша, тамъ, гдѣ въ него впадаетъ Ульба. Кромѣ двухъ татарскихъ мечетей, двухъ или трехъ русскихъ церквей съ пестрыми куполами, въ городѣ находится еще острогъ, т. е. цитадель, окруженная четырехугольнымъ высокимъ валомъ и глубокимъ ровомъ, въ которой находится тюрьма, церковь и нѣсколько казенныхъ зданій. Мечети,

татарскіе мулы въ бѣлыхъ тюбанахъ, муэзины, призывающіе утромъ и вечеромъ къ молитвѣ правовѣрныхъ, верховые киргизы, верблюды, медленно ступающіе, съ выюками на горбахъ, все это сообщаетъ городу вполне восточный характеръ, какъ это мы имѣли уже случай наблюдать въ Семипалатинскѣ.

Въ то время какъ мы пили чай на станціи, растворилась дверь и вошелъ къ нашему пріятному изумленію г. Гроссъ, уже утромъ прискакавшій въ Усть-Каменогорскъ и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидавшій нашего прибытія. Едва онъ сѣлъ, вошла жена станціоннаго смотрителя и доложила о приходѣ одного офицера, и прежде, чѣмъ я успѣлъ спросить г. Гросса о характерѣ его отношеній къ русскимъ властямъ, нашъ новый гость вошелъ въ комнату. Я былъ въ большомъ затрудненіи. Объ офицерѣ я не зналъ ничего; очень возможно было, что онъ станетъ обращаться съ политическимъ ссыльнымъ, въ которомъ онъ увидитъ только преступника и „нигилиста“ такъ, какъ я этого не могъ бы допустить по отношенію къ моему гостю. Но опасенія мои были совершенно напрасны. Г. Шайтановъ, казакскій офицеръ, былъ благовоспитанный, тактичный господинъ и, чтобы онъ ни думалъ о присутствіи ссыльнаго въ моей комнатѣ немедленно по нашемъ пріѣздѣ, онъ не выказалъ ни изумленія, ни досады. Когда я ему представилъ г. Гросса, онъ вѣжливо поклонился, и черезъ пять минутъ они уже оживленно разсуждали о пчеловодствѣ, о разведеніи табаку и тутовыхъ деревьяхъ. Г. Шайтановъ упомянулъ о своихъ опытахъ культуры шелковичныхъ червей и разведенія табаку изъ Виржиніи и Кубы, которые онъ производилъ на своей плантаціи въ окрестностяхъ Усть-Каменогорска, и которые увѣнчались такимъ успѣхомъ, что онъ надѣялся съ слѣдующаго года замѣнить мѣстный скверный табакъ хорошимъ вестъ-индскимъ и американскимъ и развести большія плантаціи тутовыхъ деревьевъ. Г. Шайтановъ, вскорѣ удалился, а мы всѣ трое отправились навѣстить мѣстныхъ „политическихъ“. Увѣдомленные о нашемъ пріѣздѣ, они въ числѣ 15 собрались у одного изъ своихъ товарищей въ центрѣ города.

Я считаю излишнимъ приводить характеристики и біографіи всѣхъ ссыльныхъ, съ которыми мы познакомились при нашихъ остановкахъ въ городахъ и деревняхъ Сибири. Но

я все-таки хочу выразить въ общемъ то впечатлѣніе, которое они на меня произвели. Усть-каменогорскіе ссыльные отличались отъ ссыльных въ Ульбинскѣ развѣ большимъ разнообразіемъ положеній, которыя они раньше занимали въ обществѣ. Обѣ крайнія ступени соціальной лѣстницы имѣли здѣсь своихъ представителей: тутъ былъ одинъ деревенскій сапожникъ и одна кавказская княгиня, а между этими двумя представители всевозможныхъ классовъ и интересовъ: врачи, юристы, помѣщики, писатели, аптекари, журналисты, студенты, офицеры, и т. д. Большая часть изъ нихъ были дворяне или принадлежали къ привилегированнымъ сословіямъ; нѣкоторые обладали, дѣйствительно, изъ ряда вонъ выходящимъ образованіемъ, между ними нѣкій Коноваловъ, который хорошо читалъ по-англійски, но плохо говорилъ на этомъ языкѣ,¹⁾ г. Милиншукъ, смуглый грузинъ изъ Тифлиса, и Адамъ Бѣловескій, писатель и публицистъ изъ Полтавы, съ которыми я особенно близко сошелся. Г. Бѣловескій произвелъ на меня впечатлѣніе очень талантливаго человѣка, съ безпристрастнымъ взглядомъ на вещи, съ богатѣйшими знаніями русской литературы и права и съ не менѣе значительными свѣдѣніями по исторіи западныхъ литературъ. Свое несчастье этотъ выдающійся человѣкъ несъ съ мужествомъ и смиреніемъ, хоть онъ и былъ пессимистически настроенъ и причислялъ себя къ сторонникамъ Шопенгауэра. Мы разговаривали подробно о русскихъ порядкахъ, и его спокойное, безстрастное обсужденіе русскаго революціоннаго движенія и принимаемыхъ къ его искорененію русскимъ правительствомъ мѣръ произвело на меня самое лучшее впечатлѣніе. Изображеніе имъ русскаго общества, его нужды и желаній было свободно отъ всякаго преувеличенія и предубѣжденія, а его справедливый и безпристрастный приговоръ сдѣлалъ бы честь даже выдающемуся судѣ. Заклеймить такого человѣка кличкой „нигилистъ“ было глупо, а сослать его, какъ опаснаго члена общества, въ Сибирь, низко и безчестно. На всемъ земномъ шарѣ человѣкъ такихъ убѣжденій слылъ-бы за умѣреннаго либерала.

Усть-каменогорская колонія ссыльных была послѣдней, которую мы посѣтили въ Степномъ генералъ-губернаторствѣ,

¹⁾ Г. Коноваловъ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ нашего пребыванія въ Усть-Каменогорскѣ совершилъ самоубійство.

и прежде чѣмъ продолжать описаніе нашей поѣздки по Сибири, я долженъ въ короткихъ чертахъ передать суть того, что въ Россіи понимаютъ подъ „ссылкой административнымъ порядкомъ“.

Подъ „ссылкой административнымъ порядкомъ“ понимаютъ въ Россіи изгнаніе подозрительныхъ (въ политическомъ отношеніи) особъ изъ одной части государства въ другую, безъ соблюденія при этомъ какихъ-либо судебныхъ формальностей, которыя въ цивилизованныхъ странахъ обыкновенно предшествуютъ лишенію гражданскихъ правъ или наказанію. Сосланная такимъ путемъ личность не должна была фактически совершить какого нибудь преступленія; достаточно, если одному изъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ пребываніе этой особы въ районѣ его дѣятельности кажется „вреднымъ для общественнаго порядка“, чтобы человѣкъ этотъ былъ арестованъ и съ соизволенія министра внутр. дѣлъ отправленъ въ какой нибудь пунктъ обширнаго государства, гдѣ онъ поступаетъ подъ надзоръ полиціи, могущій длиться до пяти лѣтъ. Очень часто сосланный даже не знаетъ причины этого самосуда, а если она ему даже извѣстна, то онъ безсиленъ и ничѣмъ не можетъ помочь себѣ. Онъ не можетъ опровергнуть показаній, объявляющихъ его опаснымъ для спокойствія страны; онъ не можетъ поручить своимъ друзьямъ привести доказательства своей лояльности и благонадежности, такъ какъ это значило бы и на нихъ навлечь такое же несчастье. Онъ не можетъ потребовать судебного слѣдствія или допроса. Печать не можетъ ему открыть своихъ столбцовъ. Его отношенія со всѣмъ остальнымъ міромъ прерываются самымъ неожиданнымъ образомъ; часто даже его собственная семья не знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось, и гдѣ онъ находится. Онъ въ полномъ смыслѣ слова безпомощная жертва. Слѣдующіе два эпизода очень ясно характеризуютъ дѣятельность русской полиціи по охраненію „общественнаго спокойствія“.

Константинъ Станюковичъ, который въ свое время сопровождалъ великаго князя Алексѣя въ его поѣздкѣ по Соединеннымъ Штатамъ, былъ сынъ русскаго адмирала и самъ служилъ во флотѣ. Благодаря своимъ связямъ, онъ имѣлъ надежды на блестящую карьеру, но онъ, какъ человѣкъ либеральныхъ воззрѣній, предпочелъ выйти въ отставку и посвятилъ себя литературной дѣятельности. Онъ написалъ

цѣлый рядъ романовъ, повѣстей и драмъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ, но не пришедшихся по вкусу правительству. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ купилъ и началъ издавать журналъ „Дѣло“. Лѣтомъ 1884 г. онъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и вернулся подъ конецъ года въ Петербургъ, оставивъ въ Баденъ-Баденѣ жену и дѣтей. На русской границѣ, на ст. Вержболово, его арестовываютъ, отправляютъ съ жандармами въ Петербургъ и заключаютъ въ Петропавловскую крѣпость.

Не получая отвѣта на свои письма, встревоженная жена его телеграфируетъ въ редакцію „Дѣла“ и получаетъ извѣстіе, что ея мужа до сихъ поръ еще не видали въ Петербургѣ, такъ какъ всѣ думаютъ, что онъ находится еще въ Баденъ-Баденѣ. Г-жа Станюковичъ въ отчаяніи отправляется со всѣми дѣтьми въ Петербургъ, но не можетъ узнать ничего вѣрнаго на счетъ мѣстопробыванія своего мужа; въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль ни одинъ изъ его друзей не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій; короче говоря, г. Станюковичъ исчезъ самымъ таинственнымъ образомъ. По совету своихъ друзей г-жа Станюковичъ обращается къ генералу Оржевскому, прославленному начальнику императорской тайной полиціи, и узнаетъ отъ него, что ея мужъ заключенъ въ казематы Петропавловской крѣпости: уже давно полиція слѣдила за его корреспонденціей и изъ перехваченныхъ въ послѣднее время писемъ она узнала, что онъ находится въ перепискѣ съ однимъ извѣстнымъ русскимъ революціонеромъ въ Швейцаріи. Хотя переписка не заключала въ себѣ ничего предосудительнаго—дѣло шло о сотрудничествѣ въ журналѣ „Дѣло“,—но того обстоятельства, что человекъ, извѣстный за либерала, находился въ сношеніяхъ съ политическимъ эмигрантомъ, было достаточно, чтобы признать его пребываніе въ столицѣ опаснымъ для „общественнаго порядка“. Онъ былъ схваченъ и въ маѣ 1885 г. сосланъ административнымъ порядкомъ на три года въ Томскъ. Вслѣдствіе ареста и ссылки издателя, „Дѣло“ было, конечно, приостановлено, а г. Станюковичъ совершенно разоренъ. Если русское правительство осмѣливается поступать такимъ образомъ съ людьми выдающимися по связямъ, богатству и общественному положенію, то можно легко себѣ представить, какъ оно обращается съ врачами, студентами и мелкими помѣщиками, присутствіе которыхъ въ провинціи считается

почему-нибудь вреднымъ для „общественнаго порядка“ данной мѣстности.

Въ 1879 г. проживалъ въ Ивангородѣ, Черниговской губ., извѣстный врачъ по фамиліи Бѣлой. Хотя онъ держался либеральныхъ воззрѣній, но вовсе не былъ агитаторомъ и революціонеромъ, даже какъ это понимаетъ русское правительство. Однажды приходятъ къ нему съ рекомендаціями двѣ студентки-медики, высланныя изъ Петербурга якобы за политическую неблагонадежность въ среднюю Россію. Проникнутыя желаніями закончить свое медицинское образованіе, чтобы быть полезными своимъ согражданамъ, онѣ обратились къ д-ру Бѣлому. Такъ какъ онѣ пріѣхали въ мѣстность, гдѣ проживать имъ не было дозволено полиціей, то, по понятіямъ русскаго правительства, обязанность д-ра Бѣлаго, какъ вѣрноподаннаго, была выдать онѣхъ женщинъ въ руки мѣстныхъ жандармовъ, хотя онѣ обратились къ нему, довѣрая его честности. Но г. Бѣлой, великодушный и мужественный человекъ, вмѣсто того, чтобы быть предателемъ, представилъ ихъ своей женѣ и началъ преподавать имъ медицину. Въ 1879 г. революціонная партія въ Россіи проявила особенно горячую дѣятельность. Всюду были сдѣланы попытки убить высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, почему полиція во всѣхъ частяхъ Россіи была еще подозрительнѣе и осторожнѣе, чѣмъ всегда. Частые визиты молодыхъ дѣвушекъ въ домъ доктора Бѣлаго возбудили вниманіе ивангородскихъ властей. Начали слѣдить за онѣми и вскорѣ открыли, что одна изъ нихъ имѣла поддѣльный паспортъ, а другая была вовсе безъ бумагъ, и что онѣ за свою неблагонадежность уже высланы изъ Петербурга. Ихъ незаконное проживаніе въ Ивангородѣ и таинственные посѣщенія въ домъ доктора Бѣлаго были доказательствами существованія политическаго заговора, и 10-го мая 1879 г. онѣ дѣвушки и врачъ были сосланы административнымъ порядкомъ въ Сибирь.

Докторъ Бѣлой былъ сосланъ на житыѣ въ Верхоянскъ, дикое поселеніе на крайнемъ сѣверѣ Сибири подъ 60°20'; здѣсь видѣли его въ 1882 г. оставшіеся въ живыхъ участники полярной экспедиціи „Жаннеты“ инженеръ Мельвилль, лейтенантъ Даненговеръ и г. В. Г. Жильдеръ. Такъ какъ молодая и красивая супруга доктора готовилась въ скоромъ времени сдѣлаться матерью, то она не могла сопровождать

своего мужа въ ссылку. Какъ только она оправилась послѣ родовъ, она поспѣшила отдать ребенка на попеченіе родныхъ, а сама отправилась искать за 9.000 вер., по ту сторону полярнаго круга, своего несчастнаго мужа. Такъ какъ у нея не было средствъ совершить такую далеую поѣздку, то она обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой дозволить ей идти съ партіей ссыльныхъ. До самаго Томска въ Зап. Сибири преступники, какъ политическіе, такъ и уголовные перевозятся въ особу для этого устроенныхъ вагонахъ или судахъ. Изъ Томска уголовные преступники идутъ пѣшкомъ, а политическіе ссыльные доставляются на мѣсто назначенія въ телѣгахъ, причемъ они проѣзжаютъ въ недѣлю около 90 вер. и каждый третій останавливаются для отдыха въ этапныхъ тюрьмахъ. Путешествуя такимъ образомъ, госпожа Бѣлая имѣла надежду черезъ одинъ годъ и четыре мѣсяца увидѣть своего мужа, но ей не было суждено этого. Одна только надежда и любовь поддерживали ее въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ и давали ей силу переносить безъ жалобъ тряску телѣгъ, душливую пыль, жгучій зной, холодныя осеннія бури на открытой дорогѣ, скверное питаніе и зараженный тюремный воздухъ. Но и человѣческія силы имѣютъ извѣстный предѣлъ.

Всевозможныя лишенія въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, постоянный страхъ за здоровье мужа и ребенка, оставленнаго въ глубинѣ Россіи ради отца, подкосили ея здоровье и подѣйствовали на ея духъ. Съ приближеніемъ къ Иркутску она начала все больше и больше оживать, такъ какъ черезъ нѣсколько недѣль надѣялась достигнуть желанной цѣли. Она безпрестанно говорила о мужѣ и жила только въ ожиданіи поскорѣ увидѣть его. Не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Иркутска, она была ошеломлена извѣстіемъ, что ея мужъ находится не въ Верхотенскѣ, какъ она думала, а въ Верхоянскѣ, отъ котораго ее отдѣляли цѣлыхъ 4500 верстъ горъ, лѣсовъ и пустынь, и что ей придется еще много недѣль ѣхать одной на собакахъ и оленяхъ по полярнымъ пустынямъ сѣверо-восточной Азіи. Этого открытія не выдержала бѣдная женщина: она помѣшалась и нѣсколько мѣсяцевъ спустя скончалась въ иркутскомъ тюремномъ госпиталѣ, не увидавши своего мужа, ради котораго она рискнула своей молодой жизнью.

Я набросилъ въ самыхъ сжатыхъ чертахъ эту ужасающую

трагедію; но если бы читатель услышалъ ее изъ устъ ссыльныхъ, которые были съ г-жей Бѣлой въ той же партіи, видали, какъ понемногу исчезали въ ней проблески разсудка, и ухаживали за ней, когда она совсѣмъ помѣшалась, то онъ не удивился бы тому, что ссылка административнымъ порядкомъ дѣлаетъ людей террористами, а только недоумѣвалъ, что вся нація не обратилась еще до сихъ поръ поголовно въ нихъ¹⁾.

Я могъ бы наполнить цѣлыя страницы разсказами о томъ, сколько людей безъ тѣни основанія были изгнаны за эти десять лѣтъ административнымъ порядкомъ. Извѣстный русскій писатель Владиміръ Короленко былъ сосланъ въ 1879 г. по ошибкѣ, въ чемъ впослѣдствіи призналось само правительство, въ Восточную Сибирь. Благодаря вліянію своихъ могущественныхъ друзей, ему удалось убѣдить правительство въ ошибкѣ и онъ получилъ позволеніе вернуться изъ Томска. Возбѣшенный несправедливостью правительства и мученіями, которыя онъ претерпѣлъ въ пересыльныхъ тюрьмахъ и въ дорогѣ, онъ упорно отказывался принести присягу на вѣрность при вступленіи на тронъ Александра III, за что былъ сосланъ въ далекій Якутскъ²⁾.

Господинъ Бородинъ, извѣстный сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“ былъ сосланъ въ Якутскъ за „опасное“ и „вредное“ направленіе одной рукописи, найденной у него во время обыска. Манускриптъ этотъ былъ лишь копіей статьи, которую г. Бородинъ, авторъ ея, уже отправилъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“, но которая еще не появилась. Бородинъ шагаетъ въ сѣромъ халатѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ по Владиміреѣ. Четыре мѣсяца спустя, по прибытіи въ Якутскъ, онъ имѣетъ удовольствіе прочесть свою статью въ вышеназванномъ журналѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, сославъ автора „опасной“ и „вредной“ статьи въ ледяныя пустыни Восточной Сибири, а петербургская цензура

¹⁾ Источники, изъ которыхъ я черпалъ свои свѣдѣнія относительно этого предмета, трехъ родовъ: 1) одинъ выдающійся русскій земскій дѣятель, человѣкъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ и знавшій лично всѣ подробности ареста и ссылки доктора Бѣлого; 2) ссыльные той партіи, съ которой шелъ докторъ Бѣлой и 3) ссыльные того транспорта (одна изъ нихъ дама), съ которымъ направлялась безвременно погибшая супруга доктора Бѣлого.

²⁾ Описаніе первой ссылки г. Короленка помѣщено въ русской газетѣ „Земство“ за 1881 г. № 10, стр. 19.

нашла возможнымъ допустить безпрепятственно печатаніе этой статьи въ самомъ распространенномъ русскомъ журналѣ ¹⁾.

Нѣкій Очкинъ изъ Москвы былъ сосланъ въ 1885 г. административнымъ порядкомъ въ Сибирь, такъ какъ—вторяю выраженіе официальнаго документа—„онъ подозрѣвался въ намѣреніи присвоить себѣ чужое имя“. Но какъ могло возникнуть подозрѣніе, что онъ имѣетъ въ виду такое страшное „преступленіе“, осталось для него навсегда загадкой.

Одинъ мой хорошій знакомый И. былъ сосланъ за то, что онъ былъ связанъ дружбой съ Ц., который сидѣлъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ политическихъ конспираціяхъ и ожидалъ окончанія своего процесса. Судъ оправдалъ г. Ц., между тѣмъ какъ И., другъ невиннаго человѣка былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь!

А вотъ еще одинъ случай. Владиміръ Сидорскій, студентъ московскаго университета (я нарочно не называю настоящаго имени), былъ арестованъ по ошибкѣ, такъ какъ одно власть имущее лицо считало нѣкоего Виктора Сидорскаго опаснымъ для „общественнаго порядка“. Владиміръ Сидорскій увѣрялъ, что его зовутъ не Викторомъ, что онъ не знаетъ никакого Виктора, и что его арестъ произошелъ только по ошибкѣ. Но всѣ его протесты не помогали. Полиція должна была открывать преступленія и выслѣживать „неблагонадежныхъ“; развѣ она имѣла время заниматься удостовѣреніемъ личности какого-нибудь студента. Должно быть съ нимъ не все было въ порядкѣ, иначе бы его не арестовали. Когда командиръ транспорта прочитывалъ имена ссыльныхъ, Владиміръ еще разъ заявилъ, что онъ не Викторъ Сидорскій, что не онъ, а другой долженъ итти въ ссылку.

„Какъ твое имя“? спросилъ офицеръ.

„Владиміръ“.

„Значитъ, Владиміръ“, сказалъ хладнокровно офицеръ. „Разница не большая“. И вмѣсто одного имени онъ вписалъ въ реестръ другое.

Въ 1874 г. одинъ студентъ, по имени Егоръ Лазаревъ

¹⁾ „Земство“ 1881, № 10, стр. 19.—Факты этого рода, которые выставляютъ русское правительство въ его истинномъ свѣтѣ, конечно, проникаютъ крайне рѣдко въ русскую печать. Исторія ссылокъ Короленка и Бородина были обнародованы подъ конецъ царствованія Александра II, когда во главѣ правительства стоялъ либеральный Лорисъ-Меликовъ, и когда цензура сдѣлалась немного снисходительнѣе.

изъ юго-восточной Россіи, былъ арестованъ будто бы за тайную пропаганду и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и сидѣлъ подъ слѣдствіемъ въ „домѣ предварительнаго заключенія“ и въ одиночномъ заключеніи при Петропавловской крѣпости цѣлыхъ четыре года. Въ знаменитомъ процессѣ „193“ онъ былъ оправданъ. Кажется, подобное обращеніе съ невинными людьми можетъ изъ самаго мирнаго гражданина сдѣлать революціонера, если не террориста,—Лазаревъ, между тѣмъ, продолжалъ спокойно заниматься и сдѣлался адвокатомъ въ Саратовѣ, не будучи нисколько безпокоимъ мѣстной полиціей.—Однажды лѣтомъ 1884 г. къ нему является городской и проситъ его явиться къ губернатору. Г. Лазаревъ, который былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ начальникомъ губерніи, приходитъ въ его канцелярію, гдѣ ему объявляютъ, что онъ ссылается на три года въ Восточную Сибирь. Какъ громомъ пораженный, г. Лазаревъ задаетъ вопросъ: „Не можете ли, ваше превосходительство, сообщить причины“?

Самъ губернаторъ не зналъ ея; фактъ ему былъ просто сообщенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Вліятельные друзья выхлопотали несчастному адвокату двухнедѣльную отсрочку, чтобы онъ могъ привести въ порядокъ свои дѣла, послѣ чего его отправили въ Москву. Такъ какъ послѣдній транспортъ ссыльныхъ того года уже выступилъ изъ Москвы, Лазаревъ долженъ былъ до слѣдующей весны ожидать отправленія въ ссылку въ московской центральной тюрьмѣ. Отсюда онъ освѣдомился въ почтительной формѣ у начальника жандармскаго корпуса, за какое преступленіе онъ изгоняется въ Сибирь. Отвѣтъ былъ короткий и ясенъ: „Вы поступаете въ Восточной Сибири подъ надзоръ полиціи, потому что вы не прекратили своей прежней преступной дѣятельности“. Такимъ образомъ, онъ былъ сосланъ въ Забайкальскій край, потому что якобы не прекратилъ своей прежней „преступной дѣятельности“, между тѣмъ какъ судъ оправдалъ его!

Разъ нѣсколько „политическихъ“, подобно Лазареву ожидавшихъ отправленія въ Сибирь и сидѣвшихъ пока въ „централѣ“, стали передавать другъ другу, за какія преступленія каждый сосланъ: у одного нашли запрещенныя книги, другой занимался пропагандой, третій былъ членомъ тайнаго общества. Когда дошла очередь до г. Лазарева,

онъ объявилъ, что не знаетъ, за что онъ присужденъ къ ссылке.

„Какъ, вы не знаете почему?“ проговорилъ одинъ изъ присутствующихъ. „Скажите, не имѣлъ ли вашъ отецъ бѣлой коровы съ черными пятнами?“ „Очень возможно“, отвѣчалъ Лазаревъ: „такъ какъ онъ имѣлъ много коровъ“.

„Ну-съ, чего же вы больше хотите?“ воскликнулъ съ торжествомъ первый. „Развѣ этого недостаточно, чтобы сослать цѣлыхъ двадцать человѣкъ?“

10-го мая 1885 г. г. Лазаревъ оставилъ съ транспортомъ ссылныхъ Москву, а 10 октября этого же года, т. е. черезъ 22 недѣли, достигъ Читы, гдѣ я имѣлъ удовольствіе съ нимъ познакомиться.

Причины невѣроятной несправедливости, жестокосердой небрежности, возмутительныхъ „ошибокъ“ и „недоразумѣній“, украшающихъ на каждой страницѣ исторію ссылки административнымъ путемъ и придающихъ ей характеръ адскаго навожденія, слѣдуетъ искать въ системѣ русскаго самодержавія, которая не знаетъ никакого ограниченія исполнительной власти, никакой официальной отвѣтственности за несправедливое и незаконное веденіе дѣлъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ не руководится никакимъ закономъ, разъ дѣло идетъ о „политическихъ“, и такъ какъ нѣтъ никакой человѣческой возможности произвести ему одному разслѣдованіе всѣхъ политическихъ преступленій, которыхъ ежегодно бываетъ огромное число, то ему приходится поневолѣ перенести часть своей неограниченной власти на шефа жандармовъ, начальниковъ полицій, губернаторовъ, даже второстепенныхъ чиновниковъ своего министерства. Изъ подобныхъ же основаній всѣ эти прямые помощники министра переносятъ часть полученныхъ полномочій на своихъ подчиненныхъ, людей, часто крайне неразвитыхъ, безсовѣстныхъ и глупыхъ, и отъ этихъ зависятъ жизнь, свобода и благосостояніе русскаго человѣка. По теоріи министръ внутр. дѣлъ долженъ поручить рассмотреть всѣхъ актовъ по административной ссылкѣ особой комиссіи изъ трехъ чиновниковъ министерства внутр. дѣлъ и двухъ чиновниковъ вѣдомства министра юстиціи. (См. „Мѣры къ охраненію общественнаго спокойствія и порядка“, утвержденныя 14-го августа 1881 г., глава V, отд. 34). На дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ, и дѣйствительно, это рѣшительно невозможно по очень простой причинѣ,

такъ какъ у министра нѣтъ времени. Согласно газетѣ „Страна“, „III Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи“ занималось ежегодно разборомъ около 1500 политическихъ дѣлъ. (См. газ. „Сибирь“ отъ 31-го янв. 1882 г., стр. 5).

Значительная часть ихъ была покончена административнымъ порядкомъ, и, если бы министръ внутр. дѣлъ хотѣлъ посвятить каждому дѣлу половину, даже четверть того времени, которое потребно для яснаго пониманія его, то ему не хватало бы времени заниматься другими текущими дѣлами. И дѣйствительно, онъ не разсматриваетъ отдѣльных случаевъ, а просто подписываетъ бумаги, которыя докладываютъ его подчиненные. Конечно, онъ не подписалъ бы приказа о ссылкѣ г. Короленко въ Якутскъ, если бы онъ зналъ, что обвиненіе этого писателя основано на недоразумѣніи, также г. Бородинъ не направился бы за Уралъ, если бы министръ зналъ, что злополучная статья его пропущена петербургской цензурой. Подписавъ то, что разслѣдовали его многочисленные подчиненные, онъ исполнилъ лишь одну формальность. Какъ легко въ Россіи добиться подписи высокаго сановника подъ какой-нибудь бумагой, видно изъ слѣдующаго анекдота, который я имѣю много основаній считать совершенно правдивымъ. Одинъ столоначальникъ губернскаго правленія въ Тобольскѣ хвасталъ своимъ вліяніемъ на губернатора (умершаго нынѣ Лиссогорскаго) и держалъ пари, что онъ подпишетъ всякую бумагу, которую онъ ему подастъ. Секретарь написалъ на казенномъ бланкетѣ съ гербовой маркой „Отче нашъ“ въ формѣ обыкновенныхъ канцелярскихъ актовъ и... выигралъ пари. Губернаторъ подписалъ, несмотря „Отче нашъ“, какъ и всякую другую бумагу!

Какъ часто грѣшатъ въ Россіи, относясь такъ легкомысленно къ своей подписи, по отношенію къ политическимъ преступникамъ, можно заключить изъ того факта, что либеральный министръ Лорисъ-Меликовъ, когда онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ внутр. дѣлъ, счелъ необходимымъ назначить спеціальную комиссію подъ предѣлательствомъ генерала Черевина для вторичнаго размотра всѣхъ дѣлъ по ссылкѣ административнымъ порядкомъ или отдачѣ подъ надзоръ полиціи. Комиссія эта имѣла задачей по возможности исправить „ошибки“ и устранить „недоразумѣнія“, противъ которыхъ всякій разъ при назначеніи новаго министра

внутр. дѣль, отъ котораго можно было ожидать внимательнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, раздавались протесты со всѣхъ концовъ государства. Говорятъ, что число сосланныхъ административнымъ порядкомъ и отданныхъ подъ надзоръ полиціи достигало цифры 2800 ч. До 23-го января 1881 г. комиссія ген. Черевина рассмотрѣла 650 случаевъ и предложила 328 чел., т. е. больше половины, освободить немедленно. (См. официальное распоряженіе правительства, „Сибирь“ 31 янв. 1881 г., стр. 1).

Единственное средство положить конецъ такому ненормальному явленію — это отнять изъ рукъ неотвѣтственной полиціи производство слѣдствія по политическимъ дѣламъ и передать его обыкновеннымъ судамъ, предоставивъ обвиняемымъ право защиты. Но правительство и слышать не хочетъ объ этомъ. Московское дворянское собраніе, по предложенію одного изъ своихъ членовъ, г. Ю. Ф. Самарина, постановило послать царю вѣрноподданнической, но категорической адресъ съ просьбой дозволить всякому сосланному административнымъ порядкомъ требовать судебного разбора своего дѣла. Просьба не только была оставлена безъ послѣдствій, но даже... безъ отвѣта. („Земство“ 1881, № 10, стр. 21).

До 1882 г. права, преимущества и обязанности политическихъ ссыльныхъ, сосланныхъ административнымъ порядкомъ, опредѣлялись тайными циркулярами министра внутр. дѣлъ къ сибирскимъ губернаторамъ, появлявшимся отъ времени до времени. Но министры, а вмѣстѣ съ ними ихъ политика по отношенію къ политическимъ преступникамъ, сосланнымъ административнымъ порядкомъ, мѣнялись. Вслѣдствіе этого мѣры и предписанія часто другъ другу противорѣчили; возникали такіа крупныя недоразумѣнія, ошибки и неудовольствіе между ссыльными и мѣстными властями, городскими и деревенскими, что 12-го марта 1882 г. министръ издалъ цѣлый рядъ мѣръ и предписаній, имѣвшихъ цѣлю урегулировать весь бытъ административно-ссыльныхъ. Официальная копія этого закона лежитъ передо мной; она носитъ титулъ: „Распоряженія касательно надзора полиціи“. Что съ перваго же раза поразитъ читателя этого документа, это тотъ фактъ, что согласно этому закону административная ссылка и отдача подъ надзоръ полиціи не наказанія за совершенное преступленіе, но мѣры предо-

сторожности, имѣющія цѣлю предупрежденіе замышляемыхъ политическихъ преступленій. Первый отдѣлъ гласитъ: „Надзоръ полиціи (въ который входитъ также ссылка административнымъ порядкомъ) есть средство предупреждать преступленія, замышляемые противъ существующаго государственнаго строя (русскаго правительства), и можетъ быть распространенъ на всѣхъ лицъ, которыя являются опасностью для общественнаго порядка“. Но „опасностью“ являются не только поступки, но и убѣжденія, которыми обладаетъ данный субъектъ, и изъ которыхъ могутъ возникнуть когда-нибудь преступныя дѣянія. Поэтому ихъ-то и нужно искоренять и „пресѣкать“; по моему, къ этимъ распоряженіямъ лучше шель бы титулъ: „Мѣры касательно убѣжденныхъ, имѣющихся у русскіхъ подданныхъ“, потому что русская полиція руководится вышеупомянутымъ предписаніемъ министра лишь въ этомъ смыслѣ.

Утвержденіе, что административная ссылка не наказаніе, а лишь мѣра предосторожности, есть чистая игра словами. Если изгнаніе кого-нибудь на пять лѣтъ въ Якутскую область не „наказаніе“, то слово это въ русскомъ судебномъ законодательствѣ должно имѣть довольно ограниченный смыслъ. Для женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ ссылка въ Сибирь есть прямо смертный приговоръ вслѣдствіе необычайныхъ лишеній въ пути и во время пребыванія въ зараженныхъ этапныхъ тюрьмахъ — и все-таки русское правительство хочетъ убѣдить міръ, что ссылка въ Сибирь административнымъ порядкомъ не есть наказаніе!

Въ 1884 г. одна молодая и красивая дѣвушка, по фамилии Софья Никитина, учившаяся въ Кіевѣ, была сослана административнымъ порядкомъ въ одинъ отдаленный пунктъ Восточной Сибири. Зимой 1884 до 1885 г., пройдя уже 4.300 вер., она между Томскомъ и Ачинскомъ заболѣваетъ тифомъ, которымъ заразилась въ одной этапной тюрьмѣ. Транспорты ссыльныхъ не сопровождаются врачами, и „политическіе“, заболѣвшіе въ дорогѣ, должны тащиться, не взирая на состояніе погоды и фазисъ болѣзни, до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ какой-нибудь тюремной больницы. На разстояніи 1.500 вер. между Томскомъ и Иркутскомъ находится всего четыре госпиталя, такъ что больныхъ по недѣлѣ и по двѣ волокутъ въ телѣгахъ или въ саняхъ — т. е., если они еще не успѣли за это время умереть, —

пока, наконецъ, они не обрѣтутъ успокоенія, постели и врача. Какъ долго госпожа Никитина, больная, въ изнеможеніи, тащилась въ суровую сибирскую зиму по большой дорогѣ, пока не достигла Ачинска, я не знаю; знаю одно, что, спустя короткое время, по прибытіи туда, она скончалась въ тамошней тюремной больницѣ. Какое удовлетвореніе доставляло молодой мученицѣ, такъ безвременно умиравшей въ грязномъ тюремномъ госпиталѣ, много тысячъ верстъ отъ домашняго очага, то сознаніе, что „отеческое“ правительство наложило только въ ея личныхъ интересахъ на нее это ограниченіе, для того, чтобы она не подверглась искушенію совершить что-нибудь такое, что могло бы возбудить опасеніе за „общественное спокойствіе и порядокъ“ города Кіева.

Князь Александръ Крапоткинъ, человѣкъ высокообразованный, астрономъ и математикъ, былъ сосланъ въ Сибирь только потому, что князь Петръ Крапоткинъ, извѣстный революціонеръ, живущій въ Лондонѣ, его родной братъ. Послѣ того какъ Александръ Крапоткинъ промучался десять лѣтъ въ ссылкѣ, онъ покончилъ съ собой въ 1886 г.

Викторія Гуковская, четырнадцатилѣтній ребенокъ, послѣдовавшая еще школу, была сослана въ 1878 г. изъ Одессы въ Восточную Сибирь; въ 1881 г. она повѣсилась въ Красноярскѣ.

Одинъ административно-ссылный, по фамиліи Бохинъ, помѣщался въ 1883 г. въ дер. Амгѣ Якутской обл., убилъ свою жену и ребенка, а затѣмъ и самого себя.

И не взирая на всѣ эти мрачныя трагедіи и многія другія, о которыхъ я не могу рассказать, русское правительство осмѣливается еще утверждать, что ссылка административнымъ порядкомъ не наказаніе, а лишь мѣра предупрежденія замышляемыхъ преступленій.

Но если бы эти мѣры, по крайней мѣрѣ, отвѣчали своему назначенію, то, пожалуй, съ точки зрѣнія деспотической власти ихъ можно было бы оправдывать; но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Въ своемъ официальном отчетѣ министру внутреннихъ дѣлъ генералъ-маіоръ Барановъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее о достоинствахъ административной ссылки:

„Мои многочисленныя наблюденія привели меня къ убѣжденію, что ссылка административнымъ порядкомъ скорѣе портитъ характеръ, чѣмъ преобразовываетъ его. Переходъ отъ комфорта къ лишеніямъ, отъ общественности къ одино-

честву, отъ дѣятельности къ принужденному бездѣйствію имѣетъ столько губительныхъ послѣдствій, что ссылки часто лишаются разсудка или прибѣгаютъ къ самоубійству. Все это прямые послѣдствія тѣхъ ненормальныхъ условий, въ которыхъ живутъ въ ссылкѣ образованные люди. Еще ни разу не было случая, чтобы заподозрѣнный въ политической неблагонадежности или сосланный административнымъ порядкомъ примирился съ правительствомъ и вернулся изъ изгнанія полезнымъ членомъ общества и вѣрнымъ слугою престола. Съ другой стороны очень часто бываетъ, что попавшій въ Сибирь или по недоразумѣнію или ошибкѣ властей дѣлается лишь на мѣстѣ политически-неблагонадежнымъ, отчасти, благодаря знакомству съ дѣйствительными противниками правительства, отчасти, изъ отчаянія. Далѣе, въ томъ случаѣ, если какой-нибудь субъектъ уже проникнутъ антиправительственными идеями, то ссылка только превращаетъ его изъ теоретика въ практика, т. е. дѣлаетъ изъ него дѣйствительно опаснаго человѣка. Такимъ образомъ, люди только причастные революціонному движенію дѣлаются настоящими террористами, т. е. результаты, достигаемые ссылкой, совсѣмъ противоположны ожидаемымъ. Какъ бы ни была ограничена и регулирована ссылка административнымъ порядкомъ, въ умѣ ссылки она всегда возбуждаетъ ненависть противъ произвола чиновниковъ, а одного этого достаточно, чтобы помѣшать духовному возрожденію ссылки.“ („Юридическій Вѣстникъ“, октябрь 1883 г., стр. 332).

Болѣ глубокой правды не было еще никогда высказано ни однимъ русскимъ сановникомъ. Если бы мнѣ пришлось еще опровергать цѣлесообразность административной ссылки, то мнѣ достаточно было бы сослаться на гуманный отчетъ архангельскаго губернатора. Но можно еще обсуждать практикующуюся въ Россіи систему ссылки съ точекъ зрѣнія человѣчности, нравственности и справедливости, о чемъ мы поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ. Въ этомъ очеркѣ я старался дать вѣрное изображеніе того легкомысленнаго, равнодушнаго и несправедливаго образа дѣйствія русскихъ властей по отношенію къ русскимъ гражданамъ, которое ярче всего выражается въ способѣ ссылки за предѣлы Европейской Россіи. Въ послѣдующихъ главахъ я постараюсь по возможности точно и вѣрно изобразить образъ жизни, который ведутъ политическіе ссылки въ Сибири.

VI.

Пересыльная тюрьма въ Томскѣ.

Время быстро летѣло, а намъ предстояла еще продолжительная, трудная дорога. Поэтому, желая какъ можно больше воспользо­ваться стоявшей на дворѣ прекрасной по­годой и хорошимъ состояніемъ дорогъ, мы должны были по­нево­лѣ сократить наше пребываніе въ Усть-Каменогорскѣ, а между тѣмъ въ этомъ городѣ мы завязали знакомства, которыя имѣли громадное значеніе для успѣха нашего пред­прія­тія, даже почти обезпечивали его.

Гдѣ находятся политическіе ссыльные? Какъ вступить въ сношенія съ ними, не возбуждая подозрѣнія или недовѣрія властей? Уже часто думалъ я надъ разрѣшеніемъ этихъ во­просовъ. Вѣдь не могъ же я полагаться только на то, что случай будетъ насъ всюду наталкивать на гуманныхъ чи­новниковъ, которые отнесутся благосклонно къ нашему пред­прія­тію, а между тѣмъ я уже былъ достаточно опытенъ и зналъ, насколько важно знать навѣрное, куда слѣдуетъ сразу же направиться и кого нужно отыскивать.

Мы уже проѣхали съ подюжины городовъ и деревень и, если-бы мы имѣли представленіе о томъ, сколько ин­тересныхъ ссыльныхъ проживаютъ въ нихъ, мы навѣрное остановились-бы тамъ на болѣе продолжительный срокъ. Въ Усть-Каменогорскѣ мы получили не только массу чрезвы­чайно важныхъ указаній и полезныхъ совѣтовъ, но также рекомендаціи къ людямъ, которые могли быть намъ полезны, письма къ симпатизирующимъ съ „политическими“ чиновни­камъ, а самое главное, подробный списокъ 700 ссыльныхъ во всѣхъ частяхъ Сибири съ указаніемъ ихъ фамилій, за­нятія, возраста и мѣста ссылки. Обладая такимъ спискомъ, мы были увѣрены, что изслѣдуемъ до малѣйшихъ деталей русскую систему ссылки и политическое движеніе, развѣ только правительство помѣшало-бы намъ, изгнавъ насъ изъ изъ предѣловъ имперіи. Мы не блуждали болѣе въ потем­кахъ, не подвергались опасности раскрыть тайную цѣль нашей поѣздки людямъ, которые могли-бы насъ предать прави­тельству, а, напротивъ того, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ мы уже заранѣе знали то лицо, къ которому намъ

слѣдовало обращаться за необходимыми свѣдѣніями и кото­рому мы могли спокойно довѣрить нашу тайну.

Въ понедѣльникъ, 10-го Іюля, мы отобѣдали въ по­слѣдній разъ съ усть-каменогорскими ссыльными, проѣли имъ по ихъ просьбѣ нашу національную пѣсню „Звѣздное знамя“, а въ 6 час. вечера мы уже катили по дорогѣ въ Томскъ. До ст. Пьяно-Яровской мы ѣхали знакомыми мѣ­стами, такъ какъ уже разъ проѣзжали здѣсь на пути изъ Семипалатинска въ Алтайскія горы. Вся мѣстность казалась на этотъ разъ еще пустыньѣ, неплодороднѣе и печальнѣе, чѣмъ прежде; только тамъ и сямъ на влажныхъ мѣстахъ паслись большія стада овецъ съ курдюками, т. е. съ жир­ными хвостами, охраняемыя верховыми Киргизами, обгорѣв­шія лица которыхъ вооруженныя очками изъ конского во­лоса съ цѣлью предохранить зрѣніе отъ ослѣпительныхъ лучей солнца, имѣли въ себѣ нѣчто демоническое. Вокругъ деревень желтѣли поля подсолнуховъ, арбузовъ, дынь и тыквъ; но по большей части степь была не обработана. Погода была еще очень тепла, такъ что всюду на свѣжемъ воздухѣ играли нагія дѣти.

Возлѣ ст. Пьяно-Яровской мы свернули съ семипала­тинской дороги и оставили долину р. Иртыша позади. На­правившись въ сѣверномъ направленіи и пересѣкши низкій водораздѣлъ между Иртышемъ и Обью, мы достигли предѣ­ловъ Тобольской губерніи. Проливной дождь освѣжилъ атмо­сферу, но зато дорога сдѣлалась чрезвычайно грязной, а почтовые станціи кишѣли клопами, причемъ нельзя было достать ничего съѣстнаго. На станціяхъ Шеманаевской и Сашкиной я пробовалъ тщетно заснуть; я провелъ поэтому обѣ ночи, отвѣчая на корреспонденцію, полученную мной еще прежде, но мнѣ приходилось волей-неволей отрываться, чтобы уничтожать этихъ насѣкомыхъ, воспользовавшихся даже на столъ и бумагу, на которой я писалъ. Недостатокъ пита­тельной пищи, бессонница и постоянные толчки и сотрясенія нашего тарантаса привели меня въ такое изнуренное со­стояніе, что, когда мы въ пятницу, 14-го Августа, послѣ обѣда достигли Барнаула, я едва могъ держаться на ногахъ.

Барнаулъ имѣетъ около 17.000 чел. населенія; онъ слу­житъ мѣстопребываніемъ управленія Алтайскимъ горнымъ округомъ и обладаетъ значительнымъ числомъ зданій съ ко­лоннами и фасадами, имѣющихъ притязаніе на великолѣпіе,

но пришедшихъ почти въ полный упадокъ. Дома эти построены еще въ тѣ благодатныя времена, когда казенный горный чиновникъ получалъ 2—3000 руб. жалованія, а стороною кралъ до ста тысячъ руб. ежегодно, когда, какъ передаютъ мѣстные старожилы, французская гувернантка и заграничный поваръ такого чиновника получали вдвое большее жалованіе, чѣмъ ихъ господинъ на казенной службѣ.

Алтайскіе рудники составляютъ большей частью личную собственность русскаго императора. За 1870 до 1879 гг. было добыто 6.984 ф. золота, 206.964 ф. серебра, 9.639.620 ф. мѣди и 13.221.396 ф. свинца. Почти все золото и серебро были немедленно обращены тутъ-же въ Барнауль на слитки.

Съ достойнымъ удивленіемъ рвеніемъ г. Фростъ сталъ рыскать по городу и успѣлъ фотографировать базарную площадь, группу крестьянокъ, перевозившихъ на тачкахъ камни, и одно зданіе вблизи нашей гостинницы, сооруженное въ русско-дорическомъ стилѣ; безъ сомнѣнія, оно предназначалось подъ храмъ, но въ послѣднюю минуту было обращено въ тюрьму, такъ какъ, должно быть, здѣсь въ послѣдней ощущалась большая потребность. Если-бы я не чувствовалъ себя такъ скверно, я навѣрное принялъ-бы участіе въ его экспедиціи. Невѣроятно-огромное число клоповъ разгуливало по всей барнаульской гостинницѣ, почему я не рѣшался лечь въ кровать; чтобы избавиться отъ этихъ маленькихъ вампировъ и немного отдохнуть, я передвинулъ на середину комнаты столъ, длиной въ 4 фута и шириной въ 3 фута и устроилъ себѣ на немъ постель; но прималѣйшемъ моемъ движеніи столъ шатался, а я скатывался на землю; конечно, такой сонъ не могъ освѣжить моего уставшаго организма, и я оставилъ Барнаулъ въ состояніи, граничившемъ съ помѣшательствомъ.

Единственное пріятное воспоминаніе, которое связано у меня съ пребываніемъ въ этомъ городѣ, состоитъ въ томъ, что я здѣсь получилъ въ первый разъ со времени нашего отъѣзда изъ Тюмени цѣлыхъ 18 писемъ.

Во вторникъ, 18-го Августа, послѣ обѣда мы выѣхали въ Томскъ. Эта часть Западной Сибири имѣетъ волнообразную поверхность и очень плодородна, такъ что вполне напоминаетъ Южную Англію. Проѣзжаемая мѣстность отличается живописными, ласкающими взоръ видами, нигдѣ не принимающими дикаго характера; даже въ Августѣ луга покрыты

цвѣтами и мягкой, сочной травой, цвѣтъ которой благотворно дѣйствуетъ на зрѣніе, измученное безпрестаннымъ видомъ пожелтѣвшей чахлой растительности въ степяхъ по верхнему теченію Иртыша. На нашемъ пути находилось также извѣстное своимъ живописнымъ положеніемъ Колыванское озеро, берега котораго застроены вилами и лѣтними резиденціями томскихъ и барнаульскихъ богачей. Оригинальный плотъ, служащій для переправы черезъ Обь, состоитъ изъ помоста, положеннаго на двѣ лодки; онъ приводится въ движеніе колесомъ, находящимся на одномъ берегу и вращаемымъ двумя старыми бороатыми мужиками. По ту сторону Оби дорога не представляла ничего замѣчательнаго, да, кромѣ того, мое изнуреніе было такъ велико, что даже самая прелестная картина не могла-бы произвести на меня никакого дѣйствія.

Въ четвергъ, 20-го августа, въ 4 час. послѣ обѣда достигли мы Томска. Со времени нашего отъѣзда изъ Тюмени прошло 51 день, и въ это время мы проѣхали 1500 англійскихъ миль, осмотрѣли двѣ большихъ тюрьмы, познакомились съ тремя поселеніями административно-ссылныхъ и изслѣдовали самую дикую и глухую часть Алтайскаго хребта. Мы остановились въ „Европейской“ гостинницѣ; пообѣдавъ, мы сейчасъ же улеглись спать въ очень уютной и комфортабельной комнатѣ этой вполне „европейской“ гостинницы.

Томскъ, главный городъ губерніи того же имени, съ населеніемъ въ 31.000 чел., лежитъ отчасти на холмѣ, отчасти на низменномъ берегу Томи, немного выше ея впаденія въ Обь. По своей величинѣ и значенію это второй городъ Сибири, а по образованію и зажиточности жителей—первый. Онъ обладаетъ 8.000 жилыхъ домовъ и другихъ зданій, изъ нихъ 250 кирпичныхъ, 33 православными церквями, римско-католической церковью, тремя синагогами, мечетью, двадцатью шестью школами, насчитывающими 2.500 учащихся, очень большой публичной библіотекѣ и даже великолѣпнымъ зданіемъ университета, выстроеннымъ уже три года тому назадъ, но, не смотря на это, правительство не желаетъ открыть его изъ опасенія, что онъ сдѣлается средоточіемъ „вольнодумныхъ идей“ и „вредныхъ направленій“. По этой-же самой причинѣ три мѣстныхъ еженедѣльныхъ журнала приостанавливаются каждый годъ печатаніемъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ по распоряженію министра внутрен-

нихъ дѣлъ. Улицы лишены всякой мостовой и даже не вполне освѣщены, хотя онѣ во время нашего посѣщенія были въ сноскомъ состояніи. Въ общемъ городъ производитъ болѣе благоприятное впечатлѣніе, чѣмъ многіе города Европейской Россіи, имѣющіе съ нимъ одинаковое значеніе.

Томская губ. занимаетъ площадь въ 1.568 кв. миль; на этомъ пространствѣ расположены восемь городовъ, съ среднимъ населеніемъ въ 14.000 чел. каждый, и 2.719 деревень, въ каждой среднимъ числомъ по 366 чел. населенія, такъ что населеніе всей губерніи простирается до 1.100.000 чел., изъ коихъ почти три четверти туземцы, остальные — ссыльные всѣхъ родовъ. Южная часть губерніи очень плодородна, хорошо орошена и обладаетъ довольно значительными лѣсами, такъ что ея климатъ мягокъ. Ежегодно воздѣлывается 3.600.000 морговъ пашни, которые доставляютъ 30.000.000 бушелей зернового хлѣба, 4½ милліона картофеля, менѣе значительное количество табаку, конопли, льна; на общественныхъ выгонахъ пасутся 2½ милліона головъ скота.

Вышеприведенныя статистическія данныя лучше всего доказываютъ, что Томская губ., не взирая на скверное управленіе, ограниченную иммиграцію и растлѣвающее вліяніе огромнаго числа ссыльныхъ, довольно производительна и цивилизована; ея источники богатства не истощимы; одного недостаетъ ей: честнаго управленія и свободы, необходимой для безпрепятственнаго развитія частной промышленности. Но до тѣхъ поръ, пока деспотическое правительство, находясь въ отдаленномъ Петербургѣ, осмѣливается душировать печать, держать закрытымъ мѣстный университетъ, назначать по своему выбору учителей, предписывать имъ планъ занятій, запрещать чтеніе самыхъ лучшихъ книгъ, связывать по рукамъ и ногамъ мѣстное населеніе практикующейся теперь паспортной системой, назначать подкупныхъ и плохо оплачиваемыхъ чиновниковъ и наводнять ежегодно всю область цѣлымъ потокомъ преступниковъ, до тѣхъ поръ губернія эта останется многообѣщающимъ краемъ, развитіе и благосостояніе котораго начнется лишь по устраненіи невыносимой опеки „отеческаго“ правительства. Какъ разъ теперь правительство носится съ мыслью построить въ этихъ мѣстахъ желѣзную дорогу съ цѣлью лучшей эксплуатаціи природныхъ богатствъ этого края. Было бы гораздо лучше и благороднѣе предоставить народу большую свободу при обсужденіи въ мѣстной

печати нужды и потребностей туземнаго населенія, уничтожить паспортныя строгости, пріостановить ссылку преступниковъ, короче говоря — предоставить краю право самостоятельнаго развитія.

Раньше всего мы отправились къ мѣстнымъ „политическимъ“ и офицерамъ, къ которымъ у насъ имѣлись рекомендаціи, чтобы добыть необходимыя намъ свѣдѣнія. Мы узнали, что мѣстнаго губернатора г. Красовскаго въ то время не было въ городѣ, а что дѣлами по управленію краемъ заведывалъ г. Пѣтуховъ, начальникъ губернскаго правленія, котораго намъ обрисовали человѣкомъ образованнымъ, развитымъ и довольно либеральнымъ. Какъ только мнѣ позволило время, я отправился съ визитомъ къ г. Пѣтухову и былъ принятъ имъ чрезвычайно сердечно; причиной такого любезнаго пріема было то обстоятельство, что г. Пѣтуховъ читалъ мою книгу о Сѣверовосточной Сибири, которая ему очень понравилась. Такъ какъ я, съ своей стороны, слыхалъ о немъ только благоприятные отзывы, между нами сейчасъ же завязалась оживленная и пріятная бесѣда о Сибири и сибирскихъ дѣлахъ. Послѣ получасовой бесѣды онъ спросилъ меня, не можетъ ли онъ чѣмъ-нибудь служить мнѣ. Я ему сейчасъ же заявилъ, что былъ бы чрезвычайно благодаренъ ему, если бы онъ мнѣ позволилъ осмотрѣть пересыльный замокъ. Мнѣ показалось, что моя просьба привела его на минуту въ смущеніе, но такъ какъ я ему очень непринужденно рассказалъ о посѣщеніи тюремъ въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, онъ, не спрашивая даже о побудительныхъ причинахъ моей просьбы, далъ мнѣ просимое разрѣшеніе, причѣмъ обѣщалъ сопровождать насъ лично туда. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ замѣтилъ серьезнымъ тономъ: „Я боюсь, что наша мѣстная тюрьма покажется вамъ самой отвратительной во всей Сибири“. Я выразилъ надежду, что, вѣроятно, я не найду этого, что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть хуже пересыльной тюрьмы въ Тюмени. Онъ пожалъ плечами, какъ бы желая сказать: „Вы еще не знаете, что за вещь сибирская тюрьма“, и спросилъ меня, чего слѣдуетъ ожидать, когда въ тюрьмѣ находится вдвое болѣе узниковъ, чѣмъ она можетъ вмѣстить по плану. „Томская пересыльная тюрьма была построена на 1.400 арестантовъ“, сказалъ онъ: „Но въ ней находится теперь 3.000 чел., а транспортныя суда подвозятъ изъ Тюмени еженедѣльно 5—800 чел., между тѣмъ,

какъ мы сами отправляемъ дальше на востокъ лишь 400 чел. еженедѣльно. Съ каждымъ днемъ положеніе дѣлается все болѣе серьезнымъ, и такъ продолжается все лѣто. Помѣщенія страшно переполнены, и нѣтъ никакой возможности держать ихъ въ чистотѣ; тяжелый воздухъ вызываетъ массу заболѣваній, а въ госпиталѣ уже теперь больше тяжело-больныхъ, чѣмъ онъ можетъ вмѣщать съ санитарной точки зрѣнія“.

„Почему“, сказалъ я, „вы не посылаете усиленные транспорты ссыльныхъ въ Восточную Сибирь, чтобы такимъ образомъ предотвратить здѣсь скопленіе огромнаго числа арестантовъ? Одно изъ двухъ: или посылать транспорты большей численности, чѣмъ теперь, или отправлять еженедѣльно двѣ партіи“.

„Это невыполнимо!“ сказалъ начальникъ губерніи. „Пересыльноо управленіе Восточной Сибири утверждаетъ, что оно не въ состояніи размѣстить въ болѣе короткій срокъ прибывшихъ арестантовъ; кромѣ того, тамошнія этапныя тюрьмы крайне малы; отправлять же еженедѣльно двѣ партіи не мыслимо вслѣдствіе отсутствія большихъ конвойныхъ командъ. Мы сдѣлали одинъ разъ опытъ въ этомъ смыслѣ, но онъ рѣшительно не удался.“

„Знаютъ ли центральныя власти объ этихъ неурядицахъ?“ спросилъ я.

„Конечно! Ежегодно отправляется въ Петербургъ подробный отчетъ обо всемъ, что здѣсь происходитъ; кромѣ того, уже въ теченіе этого лѣта я отправилъ четыре телеграммы, прося пособить намъ и принять всѣ нужныя мѣры“.

„Каковы же были результаты вашихъ заявленій?“

„Заявленія мои не имѣли никакихъ послѣдствій. Число арестантовъ будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока не наступитъ конецъ навигаціи; въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ тюрьма станетъ понемногу освобождаться. Независимо отъ всего этого, тифъ будетъ свирѣпствовать по прежнему, и сотни больныхъ будутъ валяться по камерамъ, такъ какъ въ госпиталѣ для нихъ не будетъ мѣста. Прежде чѣмъ отправиться въ тюрьму, я вамъ совѣтую хорошо позавтракать и вовсе не думать о посѣщеніи больницы“.

Я поблагодарилъ г. Пѣтухова за его заботливость, говоря, что я не боюсь зараженія и, условившись о днѣ посѣщенія тюремнаго замка, я распрощался.

На пути домой повстрѣчался я съ самымъ старшимъ офицеромъ во всемъ округѣ, полковникомъ Ягодкинымъ, человѣкомъ очень образованнымъ, оказавшимъ намъ самый сердечный пріемъ, когда мы явились къ нему съ нашимъ первымъ визитомъ, и проявившимъ большой интересъ къ предпринятой нами поѣздкѣ. По его словамъ, онъ былъ у насъ въ гостиницѣ съ тѣмъ, чтобы сообщить, что утромъ того дня прибыла изъ Тюмени баржа съ партіей арестантовъ, которая бросила якорь у пристани, находящейся въ 2—3 миляхъ отъ города. Предполагая, что процедура разгрузки заинтересуетъ насъ, онъ хотѣлъ намъ сообщить, что мы можемъ присутствовать при этомъ и общалъ представить насъ начальнику мѣстнаго пересыльнаго управленія. Съ выраженіями признательности приняли мы его любезное приглашеніе, и черезъ десять минутъ мы всѣ трое лѣзли по грязнымъ улицамъ къ пристани. Не смотря на то, что мы гнали извозчика во всю мочь, когда мы прибыли, уже всѣ арестанты находились на пристани. Они стояли въ двухъ кучахъ на обѣихъ концахъ длиннаго деревяннаго сарая, окруженнаго дощатымъ заборомъ. Послѣ того какъ установили тождественность всѣхъ преступниковъ, ихъ пересчитали, и конвойный офицеръ передалъ ихъ официально смотрителю томскаго тюремнаго замка. Ко времени нашего пріѣзда около половины всѣхъ преступниковъ была уже передана смотрителю и стояла скучившись на восточномъ концѣ сарая, между тѣмъ, какъ другая половина ждала на западномъ концѣ своей очереди. Женщины, одѣтыя въ одежды крестьянокъ, съ цвѣтными платками на головѣ, стояли отдѣльной группой; лица ихъ выражали страхъ и озабоченность. Мужчины были одѣты въ рубахи и штаны изъ грубаго холста, а поверхъ нихъ имѣли сѣрые халаты; они были въ большинствѣ случаевъ закованы, а непокрытыя головы ихъ были наполовину обриты, другая же половина была покрыта всклокоченными волосами. Солдаты съ ружьями на плечахъ были размѣщены по всему сараю; въ отгороженномъ пространствѣ, занимавшемъ 10 кв. фут., находились командиръ конвоя, директоръ тюрьмы и главный врачъ томскаго тюремнаго госпиталя, начальникъ мѣстнаго пересыльнаго управленія и два или три офицера въ полной формѣ. Полковникъ Ягодкинъ представилъ насъ, какъ американскихъ путешественниковъ, желавшихъ увидать весь процессъ передачи прибывшихъ преступ-

никовъ въ руки мѣстнаго тюремнаго начальства; мы сейчасъ же получили приглашеніе занять мѣсто въ отгороженномъ пространствѣ.

Офицеръ, завѣдывавшій передачей преступниковъ, раскрылъ одну изъ многихъ сложенныхъ вчетверо бумагъ и прочиталъ громко: „Николай Кольцовъ!“ Хилый, блѣдный мужчина съ усталымъ и безнадежнымъ выраженіемъ лица, который стоялъ въ переднемъ ряду ссыльныхъ, поднялъ лежавшій подлѣ него на землѣ мѣшокъ изъ сѣраго грубаго холста и выступилъ медленно впередъ, звеня кандалами. Офицеръ сравнилъ внимательно его черты съ фотографіей, прикрѣпленный къ раскрытой имъ бумагѣ, чтобы удостовѣриться, не произошелъ ли тутъ обманъ именъ; въ это время казакъ-ординарецъ обыскалъ его съ головы до ногъ и началъ копаться въ его мѣшкѣ, чтобы узнать, не проданы ли преступникъ тайкомъ полученные имъ въ Москвѣ или Тюмени обозначенныя въ его „удостовѣреніи“ казенныя вещи. „Есть ли все?“ спросилъ офицеръ. „Все въ порядкѣ!“ отвѣтилъ казакъ. „Маршъ, впередъ!“ сказалъ поручикъ. Блѣдный преступникъ взялъ свой мѣшокъ и направился къ „принятымъ“ на восточномъ концѣ сарая.

„Фотографическія карточки это нововведеніе, имѣющее цѣлью предотвратить частый обмѣнъ именъ“, сказалъ мнѣ шепотомъ полковникъ Ягодкинъ: „но тюремное управленіе не обладаетъ еще фотографіями всѣхъ преступниковъ“.

„Но почему они мѣняются именами?“ спросилъ я.— „Если какой-нибудь осужденный на каторжныя работы преступникъ имѣетъ немного денегъ, то онъ пробуетъ купить тайнымъ образомъ у какого-нибудь бѣдняка-поселенца, не имѣющаго денегъ на водку или игру, его имя. Конвойный офицеръ не въ состояніи воспрепятствовать этому, такъ какъ ему нѣтъ никакой возможности запомнить 400—500 именъ и фizioномій. Если каторжнику удастся найти такого бѣднягу, который готовъ продать свое имя, то онъ вступаетъ на мѣсто поселенца и попадаетъ на житье въ деревню въ то время, какъ поселенецъ идетъ за него въ рудники. Такимъ образомъ сотнямъ осужденныхъ на каторжныя работы удается увернуться отъ наказанія“.

„Гассанъ Абдаллимовъ!“ произноситъ офицеръ. Никто не отзывается. „Гассанъ Абдаллисомъ!“ зоветъ вторично казакъ-ординарецъ. „Иди, кочерыжка, вѣдь это ты!“ воскли-

каетъ съ полдюжины ссыльныхъ вполголоса, проталкивая впередъ приземистаго, кривоногаго татарина, гладкое и смуглое лицо котораго выражало недоумѣніе и смущеніе. „Онъ не понимаетъ по-русски, ваше благородіе“, сказалъ почтительно одинъ ссыльный; „да, кромѣ того, онъ еще придурковатъ“.

„Подведи-ка его сюда!“ приказалъ офицеръ ординарцу.

Послѣ освидѣтельствованія татаринъ не отправился къ „переданнымъ“, а сталъ жестикулировать, дѣлать поклоны, бормоча что-то по-татарски, и его возбужденіе все росло.

„Что онъ говоритъ? Пришли солдата, говорящаго по-татарски“. Переводчикъ былъ скоро найденъ, и Гассанъ рассказалъ ему свою исторію. Переводчикъ передалъ, что, когда Гассана арестовали, у него конфисковали восемь руб., обѣщая возвратить ему ихъ, когда онъ будетъ въ Сибири. Теперь татаринъ просилъ немного денегъ, чтобы купить себѣ чаю. „Нѣтъ чаю!“ восклицалъ непрерывно татаринъ съ самой безутѣшной миной въ лицѣ. „Чортъ бы его побралъ! Какъ впало въ голову этому болвану задерживать насъ такими пустяками?“ закричалъ взбѣшенный офицеръ: „Когда онъ прибудетъ на мѣсто назначенія, онъ получитъ обратно свои деньги. Проваливай!“ Татарина препроводили на восточный конецъ сарая.

„Иванъ-Непомнящій—рыжеволосый!“ продолжалъ вызывать офицеръ.

„Это бродяга!“ прошепталъ мнѣ на ухо полковникъ, когда на середину выступилъ рыжеволосый, загорѣвшій дѣтина, скованный по ногамъ кандалами, съ чайникомъ укрѣпленнымъ на поясѣ: „Его схватили во время его скитаній по Западной Сибири, и такъ какъ онъ имѣетъ, должно быть, достаточно основаній скрывать свое прошлое, то онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы о происхожденіи, лѣтахъ и т. д. только одно: „Не могу знать“. Это довольно опасный разрядъ преступниковъ. Принадлежность къ фамиліи Иванъ-Непомнящихъ наказывается пятилѣтней каторжной работой“.

При бумагахъ Ивана-Непомнящаго—рыжаго не находилось никакой фотографіи; поэтому его личность была удостовѣрена лишь по числу недостававшихъ зубовъ и шраму надъ правымъ ухомъ.

Такъ прошли одинъ за другимъ всѣ ссыльные этого транспорта, причемъ каждый разъ удостовѣрялась личность преступника. Сосчитавъ всю партію въ послѣдній разъ, офи-

церь передалъ ее смотрителю томскаго тюремнаго замка, который выдалъ ему росписку въ приемѣ 551 арестанта, въ томъ числѣ 71 ребенка младше 15 лѣтъ, которые послѣдовали въ ссылку за своими родителями.

По окончаніи приѣма офицеры отправились обратно въ городъ; полковникъ же Ягодкинъ, Фростъ и я остались по-смотрѣть, какъ врачъ станетъ производить осмотръ больныхъ и инвалидовъ; кромѣ того, намъ хотѣлось увидать, въ какомъ состояніи находится послѣ такого путешествія баржа. Докторъ Оржешко, тюремный врачъ, занялъ мѣсто офицера, производившаго ревизію, и началъ поспѣшно и поверхностно осматривать длинный рядъ мужчинъ, изъ которыхъ одни были дѣйствительно больны, а другіе только притворились. Цѣлью этого осмотра было опредѣленіе цифры дѣйствительно больныхъ, чтобы доставить соотвѣтственное число телѣгъ. Первый арестантъ, до котораго дошла очередь, былъ худой, блѣдный, мужчина, который съ страшнымъ кашлемъ заявилъ врачу, что у него болитъ грудь, и что онъ лишь съ трудомъ можетъ дышать. Докторъ Оржешко пощупалъ у него пульсъ, приложилъ къ груди стетоскопъ и сказалъ коротко: „Можешь идти!“ Слѣдующій жаловался на то, что шиколотка у него напухла; очевидно было, что опухоль была вызвана оковами, которыя непрерывно раздражали больное мѣсто. Все время, пока врачъ осматривалъ опухшую ступню, преступникъ умоляющимъ взоромъ смотрѣлъ на него, какъ бы взывая къ его состраданію, но не проронилъ ни слова; когда докторъ объявилъ, что его жалоба основательна, и распорядился помѣстить его въ телѣгу, каторжникъ трижды набожно перекрестился, а губы его двигались, какъ бы произнося: „Слава Богу!“

Врачъ посвящалъ на осмотръ каждаго изъ 40 до 50 арестантовъ по одной минутѣ. Однихъ мучила лихорадка, другихъ ревматизмъ, третьихъ сушила тюремная чахотка, но всѣ безъ исключенія имѣли на мой взглядъ полное право требовать, чтобы ихъ везли къ телѣгамъ: такъ жалокъ и болѣзненъ былъ видъ всѣхъ этихъ изнуренныхъ лицъ; но опытный врачъ легко распознавалъ, кто притворяется, у кого нездоровье легче, и кто дѣйствительно сильно страдаетъ. Наконецъ, докторъ Оржешко объявилъ смотрителю тюрьмы, что 25 чел. ссыльныхъ не могутъ пѣшкомъ пройти разстоянія между пристанью и тюрьмой.

Послѣдовало распоряженіе доставить телѣги для больныхъ и женщинъ съ грудными дѣтьми. Когда всѣхъ ихъ усадили, раздалась команда: „Въ ряды стройся!“ Арестанты вышли изъ сарая и установились въ ряды; солдаты взяли на плечо и образовали цѣпь вокругъ всей партіи; г. Папелаевъ, начальникъ томскаго пересыльнаго управленія, всталъ на стулъ и громко заявилъ. „Не имѣете ли вы, дѣтки, сказать чего-нибудь или принести какой-нибудь жалобы?“

„Нѣтъ, ваша милость!“ раздалось въ отвѣтъ. „Ну, такъ съ Богомъ!“

Солдаты раскрыли настежь деревянные ворота, унтер-офицеръ скомандовалъ: „Шагомъ маршъ!“ и вся партія ссыльныхъ подъ непревѣнный лязгъ цѣпей начала молча и медленно двигаться по грязной дорогѣ.

Какъ только представился удобный случай, г-нъ Ягодкинъ поспѣшилъ представить насъ г. Папелаеву, который завѣдывалъ приѣмомъ и дальнѣйшимъ отправленіемъ ссыльныхъ, слѣдилъ за исправнымъ состояніемъ ихъ одеждъ и обуви, разбиралъ и подписывалъ всѣ бумаги, касавшіяся ссылки въ Восточную Сибирь. Г. Папелаевъ, высокій, худощавый мужчина съ жесткимъ, холоднымъ выраженіемъ лица, раскланялся съ нами очень вѣжливо, но, повидимому, наше появленіе не доставило ему особеннаго удовольствія, и онъ вовсе не казался селоннымъ дозволить намъ осмотръ баржи.

„Съ какой цѣлью желаютъ оба господина осмотрѣть баржу?“ спросилъ онъ довольно непривѣтливо. „Тамъ нечего смотрѣть, да и вообще теперь это не идетъ, такъ какъ женщины принялись уже за чистку судна“.

Но полковникъ зналъ, что я питалъ сильное желаніе увидать, въ какомъ состояніи находилась плавучая тюрьма послѣ того, какъ арестанты сошли на берегъ; поэтому онъ познакомилъ насъ съ начальникомъ конвоя, сопровождавшаго описанную выше партію преступниковъ, и передалъ ему наше желаніе осмотрѣть баржу; на этотъ разъ нашъ любезный покровитель имѣлъ большій успѣхъ, чѣмъ въ первый разъ: конвойный офицеръ не только далъ намъ свое разрѣшеніе, но и предоставилъ себя въ наше распоряженіе при осмотрѣ судна. Баржа, кажется, была та же самая, которую я видѣлъ два мѣсяца тому назадъ въ Тюмени, но тогда она была вполне опрятна, а воздухъ въ каютахъ былъ чистъ и свѣжъ; теперь же она напоминала клѣтку, въ которой пе-

ревозятся звѣри изъ одного города въ другой. Пожалуй, что она внутри не была грязнѣе, чѣмъ должно было ожидать; полъ былъ покрытъ нанесенной грязью и обѣдками, а нары какою-то вонючей слизью и клочками бумаги. При тускломъ освѣщеніи пасмурнаго дня эти темныя камеры съ ихъ перегородками, грязными полами, вонючими нарами и испорченнымъ воздухомъ рассказывали потрясающую исторію чело-вѣческаго горя.

Изъ цитированнаго мной уже раньше отчета главнаго инспектора пересыльнаго вѣдомства число транспортированныхъ на такихъ баржахъ достигло въ 1882 г. 10.244 чел., 279 изъ нихъ заболѣли во время дороги, 22 умерли, 80 были оставлены въ попутныхъ госпиталяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ заболѣванія происходятъ во время путешествія, продолжающагося въ среднемъ не болѣе десяти дней, но часто онѣ принимаютъ ужасныя размѣры; такъ, напримѣръ, въ 1876 г. только во время однихъ поѣздокъ изъ Тюмени въ Томскъ заболѣли 724 арестанта, изъ коихъ 51 умерли; въ 1871 г. изъ 9.416 перевезенныхъ преступниковъ подверглись заболѣваніямъ 1.140, изъ нихъ тутъ же на пути умерло 11 ч. При такой смертности деревня, состоящая изъ 4.000 чел., вымерла бы въ теченіе одного года. Изъ проведенной ниже таблицы видны цифры заболѣваній и смертныхъ случаевъ во время транспорта воднымъ путемъ въ періодъ 1870—84 гг. Цифры эти я самъ списалъ съ рукописей официальныхъ отчетовъ и могу поручиться за точность копій (см. таблицу на стр. 137).

Какъ изъ этой статистики видно, санитарныя условія на баржахъ улучшились, и цифры заболѣваній и смертныхъ случаевъ значительно уменьшились. Смертность господствуетъ большей частью среди дѣтей, которые не обладаютъ въ достаточной степени способностью переносить всѣ лишения и невзгоды, сопряженныя съ поѣздкой на транспортномъ суднѣ. Съ удовольствіемъ долженъ я при этомъ констатировать, что главный инспектор пересыльнаго вѣдомства и мѣстныя сибирскія власти дѣлаютъ все, что находится въ ихъ власти, чтобы сдѣлать поѣзду изъ Тюмени въ Томскъ болѣе сносно. Послѣ каждой поѣздки баржи приводятся въ опрятный видъ и выкуриваются, арестантамъ дается самая лучшая пища, которую только можно имѣть за тѣ небольшія деньги, которыя отпускаются русскимъ правительствомъ на содержаніе

Годъ.	Общая цифра ссыльныхъ:		Общая цифра заболѣваній:		Общая цифра смертн. случ.:		Сданы больными:	
	взрослые.	дѣти.	взрослые.	дѣти.	взрослые.	дѣти.	взрослые.	дѣти.
1870	7.444	1.492	—	—	85	—	—	—
1871	8.202	1.214	1.140	—	111	—	301	—
1872	7.246	1.098	486	—	30	—	70	—
1873	7.923	1.090	673	—	23	—	190	—
1874	8.068	1.269	574	—	21	—	196	—
1875	7.771	1.301	579	—	16	—	115	—
1876	8.878	1.455	492	121	2	19	119	24
1877	9.065	1.499	300	133	2	35	143	44
1878	8.749	1.688	193	151	2	27	216	38
1879	8.977	1.342	570	154	4	47	182	39
1880	8.844	1.425	391	138	2	23	85	21
1881	9.011	1.452	197	22	4	23	71	23
1882	8.832	1.413	202	77	4	18	62	18
1883	9.506	1.543	150	107	4	38	66	37
1884	9.004	1.688	103	113	1	28	67	55
127.520		20.969	2.598	3.452	1.016	25	286	258
148.489			7.066			569	2.182	

ссыльныхъ во время транспорта. Происходяція теперь заболѣванія происходятъ только вслѣдствіе непомѣрнаго переполненія этихъ баржъ, но противъ этого зла мѣстныя власти безсильны. Каждое лѣто прибываетъ въ сибирскія пересыльныя тюрьмы изъ Россіи 10—12,000 чел., и эту массу народа нужно переправить, пока открыта еще навигація, дальше на востокъ; для транспорта существуютъ лишь три баржи, которыя за навигацію дѣлаютъ въ общемъ не болѣе 18 рейсовъ, такъ что поневолѣ приходится каждый разъ отправлять по 600—800 чел.

Мы условились съ г. Пѣтуховымъ произвести осмотръ томской пересыльной тюрьмы въ среду, 26-го августа, но въ

последнюю минуту онъ далъ намъ знать, что не можетъ сопровождать насъ. Наше общество состояло изъ полковника Ягодкина, г. Папелаева, командира конвоя, г. Фроста и меня. На дворѣ былъ одинъ изъ тѣхъ пасмурныхъ, сырыхъ дней, которые такъ часты въ Западной Сибири подъ конецъ лѣта; свинцовыя облака висѣли неподвижно на небѣ; съ тундры дулъ пронизывающій до костей вѣтеръ, такъ что намъ пришлось одѣть пальто.

Уже при первомъ взглядѣ на томскую тюрьму мы замѣтили, что она по своему устройству рѣзко отличается отъ всѣхъ видѣнныхъ нами сибирскихъ тюремъ. Въмѣсто обыкновеннаго всюду громаднаго бѣлаго зданія въ три этажа съ узкими сводчатыми окнами и желѣзной крышей, мы увидели передъ собой нѣчто, напоминавшее укрѣпленный военный лагерь или деревню въ преріяхъ, жители которой окружили свое поселеніе въ защиту отъ нападеній краснокожихъ высокимъ полисадомъ изъ заостренныхъ кольевъ. Кромѣ сторожевыхъ будокъ да шагавшихъ мѣрно часовыхъ, ничто не напоминало тюрьмы. На открытой лужайкѣ возвышался огромный бревенчатый частоколъ, изъ-за котораго выглядывали пирамидальная колокольня тюремной церкви и 15—20 крытыхъ деревомъ крышъ. Но лязгъ цѣпей, который слышался при приближеніи къ деревяннымъ воротамъ полисада, немедленно разсѣялъ бы всякое сомнѣніе о характерѣ видимыхъ зданій, если бы мы таковое вообще питали.

Послѣ того какъ г. Папелаевъ велѣлъ доложить о насъ дежурному офицеру, явился самъ смотритель тюрьмы, молодой коренастый офицеръ, по фамиліи Иваненко, и приказалъ впустить насъ въ тюремный дворъ. Вокругъ церкви, стоявшей по срединѣ его, были разбросаны 12—15 одноэтажныхъ деревянныхъ домишекъ; у дверей послѣднихъ стояли по большей части часовые съ ружьями на плечахъ; по немощенному двору расхаживали сотни закованныхъ каторжниковъ и поселенцевъ, совершая свою обычную прогулку, или же они сидѣли группами на землѣ. Собственно тюремныя зданія состояли изъ одноэтажныхъ и сложенныхъ изъ бревенъ казармъ, длиною въ 75 фут., шириною въ 40 фут. и вышиною въ 12 фут. Такихъ казармъ было восемь, и всѣ онѣ были точнымъ снимкомъ одна съ другой; каждая была раздѣлена длиннымъ коридоромъ на двѣ камеры и каждая предназначена на 190 чел., такъ что на одного приходилось

по $4\frac{1}{2}$ куб. фут. воздуха. Первая камера, въ которую мы зашли, имѣла около 40 кв. ф. пространства, а число заключенныхъ въ ней доходило до 150 чел. Она была довольно свѣтла, но въ ней было чрезвычайно душно; температура здѣсь была, по крайней мѣрѣ, на 15—20° выше наружной. Два ряда двойныхъ наръ тянулось вдоль стѣнъ, но на нихъ не хватало мѣста даже для половины арестантовъ; остальные же лежали какъ попало на землѣ, безъ постелей, одѣялъ и подушекъ. Полъ былъ въ ожиданіи нашего прихода вымытъ, но смотритель рассказывалъ, что обыкновенно и, само собой разумѣется, въ дождливую погоду въ особенности, полъ покрытъ толстымъ слоемъ грязи, которую арестанты приносятъ со двора на подошвахъ своихъ сапогъ, и въ этой грязи проводятъ несчастные узники всю ночь. Многіе арестанты считали насъ за офицеровъ или инспекторовъ изъ Петербурга и, поѣтому, несмотря на присутствіе смотрителя, осмѣлились нарушить самый главный законъ тюремной дисциплины и начали жаловаться на духоту, невыносимый воздухъ и крайнее переполненіе тюрьмы, благодаря чему днемъ нельзя дѣлать свободныхъ движеній, а ночью спокойно спать. Я отъ души сожалѣлъ этихъ несчастныхъ, но могъ только сказать имъ, что мы не чиновники, и что не въ нашихъ силахъ облегчить ихъ участь.

Въ теченіе цѣлаго часа мы переходили изъ одной казармы въ другую, изъ одного отдѣленія въ другое, и всюду находили ту же невыносимую атмосферу, то же отсутствіе необходимыхъ для ночлега наръ, то же переполненіе помѣщеній. Послѣ осмотра всѣхъ казармъ, г. Папелаевъ, который съ самаго начала выказывалъ склонность какъ можно скорѣе покончить обходъ тюрьмы, заявилъ, что за исключеніемъ кухни и больницы не осталось болѣе ничего достойнаго осмотра; въ послѣдней же находились, по его словамъ, около 70—80 больныхъ тифомъ. Молодой начальникъ конвоя усердно поддерживалъ полковника Ягодкина въ его стремленіи показать намъ томскую тюрьму во всѣхъ ея деталяхъ; онъ спросилъ смотрителя тюрьмы, не найдетъ ли онъ возможнымъ показатъ намъ семейные лагери и балаганы.

„Конечно“, отвѣчалъ смотритель, „я покажу вамъ все, что вы только желаете увидѣть“.

О балаганахъ я еще ничего не слыхалъ, и г-нъ Папелаевъ, который, нибѣмъ не прошенный, взялся показать намъ

тюремный замокъ, видно, съ удовольствіемъ не допустилъ бы насъ къ осмотру ихъ, какъ это было уже съ баржей.

Балаганы, числомъ 3, были длинныя и низкія палатки, сколоченныя на скорую руку изъ еловыхъ брусевъ и по сторонамъ завѣшенныя тонкимъ холстомъ. Въ нихъ находились исключительно семьи ссыльныхъ и женщины съ грудными дѣтьми. Первая палатка, въ которую мы вошли была окружена рвомъ, наполненнымъ на половину грязью и нечистотами, вытекавшими изъ-подъ полотна палатки; оконъ въ ней не было, и свѣтъ проникалъ черезъ холстинныя стѣны. Болѣе жалкой сцены, чѣмъ та, которая представилась нашему взору при входѣ въ палатку, нельзя себѣ представить. Все помѣщеніе было переполнено блѣдными мужчинами съ впавшими щеками и глазами, похудѣвшими женщинами и кричавшими дѣтьми, которыя стояли и лежали во всевозможныхъ положеніяхъ на деревянныхъ нарахъ. Сквозь трещины въ потолкѣ было видно небо, а щели въ полу были переполнены нечистотами и грязной водой. Вонь увеличивалась еще болѣе благодаря присутствію значительнаго числа грудныхъ дѣтей, которыя были лишены необходимаго ухода; кромѣ того на всѣхъ перекладинахъ висѣло вымытое въ походныхъ котлахъ бѣлье. Въ узкихъ проходахъ валялись сѣрые мѣшки, домашняя утварь, узлы, подушки, и въ этомъ невообразимомъ хаосѣ сотни людей, которые не могли сдѣлать ни одного движенія, чтобы не толкать другъ друга, должны были проводить цѣлые мѣсяцы. Волоса вставали дыбомъ при мысли, что сотни совершенно невинныхъ женщинъ и дѣтей обречены на такую мучительную жизнь, благодаря тому, что онѣ изъ любви и привязанности къ своимъ мужьямъ, отцамъ или братьямъ рѣшились провожать ихъ въ ссылку.

Многіе изъ этихъ добровольныхъ мучениковъ осыпали насъ просьбами и жалобами.

„Ваша милость“, сказалъ одинъ блѣдный мужчина съ впавшими глубоко въ орбиты глазами, обращаясь къ смотрителю: „здѣсь нельзя сомкнуть глазъ ночью, до того здѣсь холодно; кромѣ того маленькія дѣти кричатъ всю ночь напролетъ. Неужели нельзя пособить этому горю?“ „Нѣтъ, братецъ“, отвѣчалъ смотритель: „я ничего не могу подѣлать. А вотъ скоро ты отправишься дальше, тогда уже тебѣ будетъ лучше“. „Дай Богъ!“ прошепталъ бѣднякъ, бросивъ

печальный взоръ на свою жену и дѣвочку, которыя сидѣли около него на нарахъ.

„Батюшка, благодѣтель ты мой! пусти ты насъ ночевать въ баню, а то замерзнетъ онъ у меня!“ завопила одна блѣдная женщина, указывая на маленькаго ребенка, котораго она держала на рукахъ: „я его не могу никакъ согрѣть.“

„Не могу я пустить тебя въ баню“, отвѣтилъ смотритель: „да ты тутъ и сохранишь будешь“. Многія женщины повторяли ту же просьбу, которая сопровождалась тѣмъ-же отказомъ. Наконецъ, я спросилъ у смотрителя, который выглядѣлъ человѣкомъ добрымъ, почему онъ не позволяетъ извѣстному числу женщинъ съ грудными младенцами ночевать въ банѣ, такъ какъ было уже довольно прохладно, а ночью даже холодно, тонкій-же холстъ не представлялъ никакой защиты отъ дѣйствія наружнаго воздуха. „Это невозможно!“ отвѣчалъ смотритель: „воздухъ въ банѣ очень тепелъ, но сыръ. Мы уже пробовали дѣлать такъ, но каждую ночь умирало по два—три ребенка, такъ что мы должны были отказаться отъ этой мысли“.

Когда мы вышли изъ балагана, мы натолкнулись на г. Папелаяева, разговаривавшаго очень серьезно съ однимъ ссыльнымъ, красивымъ мужчиной лѣтъ 35, съ русой бородой, на лицѣ котораго ясно можно было читать отчаяніе и упорство. „Уже нѣсколько мѣсяцевъ я ношу одну и ту же рубашку“, проговорилъ дрожащимъ голосомъ ссыльный: „такъ что она крайне грязна, виситъ клочьями и полна вшей“.

„Когда тебя отправятъ дальше“, отвѣчалъ начальникъ пересыльнаго управленія: „ты получишь свѣжую“. „Но когда же это будетъ?“ отвѣчалъ въ сильномъ возбужденіи ссыльный: „Можетъ быть, черезъ три мѣсяца!“—„Очень возможно!“ отвѣчалъ г. Папелаяевъ холодно, сдерживая гнѣвъ, такъ какъ онъ увидалъ, что мы прислушивались къ разговору. „Вы требуете, стало быть, чтобы мы несли рубаху до тѣхъ поръ, пока она не начнетъ падать кусками съ плечъ“. „Молчать!“ закричалъ г. Папелаяевъ, потерявши всякое самообладаніе: „Какъ осмѣливаешься ты говорить со мной въ такомъ тонѣ? Я прикажу тебя высѣчь! Рубаху получишь ты лишь тогда, когда тебя отправятъ дальше, а теперь проваливай!“ Краска гнѣва разлилась по лицу ссыльнаго, но онъ отвернулся, не сказавъ ни слова, и направился въ балаганъ. „До какихъ поръ должны будутъ оставаться женщины и

дѣти въ этихъ палаткахъ?“ спросилъ я у смотрителя. „До второго октября“, гласилъ отвѣтъ. „А куда помѣстятъ ихъ потомъ?“ Смотритель пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ¹⁾.

Отсюда направились мы въ семейныя казармы. Здѣсь господствовали тотъ же беспорядокъ и то же бѣдствіе, что и въ балаганахъ, съ тою только разницей, что стѣны этой казармы были деревянныя, а воздухъ, хотя и испорченъ, но тепелъ. Отъ верху до низу ютились здѣсь сотни мужчинъ, женщинъ и дѣтей, занимая каждый квадратный футъ пространства. Насмотрѣвшись вдоволь на эти картины нищеты и страданія, я обратился къ смотрителю съ просьбой проводить насъ въ больницу, двухъ-этажное зданіе возлѣ церкви. Въ дверяхъ тюремной больницы мы встрѣтили доктора Оржешко, широкоплечаго и добродушнаго мужчину, родомъ поляка.

Томская тюремная больница немногимъ отличалась отъ тюменской, развѣ только тѣмъ, что она находилась въ отдѣльномъ зданіи и, повидимому, содержалась въ болѣе опрятномъ видѣ. Она была построена на 50 кроватей, но вслѣдствіе переполненія тюрьмы пришлось поставить еще 100 лишнихъ кроватей, и при всемъ этомъ человѣкъ пятьдесятъ лежало еще на скамейкахъ или прямо на полу. Во время нашего посѣщенія въ больницѣ находилось 193 паціента, изъ которыхъ 71 были больны тифомъ. Несмотря на такое переполненіе, всюду господствовала чистота, постельное бѣлье было въ полномъ порядкѣ и отличалось опрятностью, воздухъ былъ значительно свѣжѣе, чѣмъ въ тюменскомъ госпиталѣ. Въ головахъ каждой койки была прикрѣплена дощечка съ обозначеніемъ рода болѣзни. Чаще всего попадались больные тифомъ, скорбутомъ, кровавымъ поносомъ, ревматизмомъ, малокровіемъ и бронхитомъ. Многія сидѣлки имѣли интеллигентныя черты лица и принадлежали, очевидно, къ лучшимъ классамъ общества, можетъ быть даже были студентки медицины.

Послѣ того какъ мы самымъ подробнымъ образомъ рассмотрѣли тюрьму, мы выразили смотрителю тюрьмы сердечную благодарность за его любезное и внимательное отно-

¹⁾ На обратномъ пути я узналъ, что въ концѣ октября около двухсотъ женщинъ и дѣтей были помѣщены въ одномъ специально для этого нанятомъ домѣ, а 1.000—1.500 другихъ преступниковъ были переведены изъ пересыльной тюрьмы въ два мѣстныхъ тюремныхъ замка вслѣдствіе необычайнаго развитія тифозной эпидеміи въ „пересыльной“.

шеніе къ намъ и вернулись обратно въ городъ. Долго не могъ я уснуть въ эту ночь, но и во снѣ не оставляли меня вынесенныя за день впечатлѣнія: мнѣ снились переполненные балаганы, мертвыя дѣти въ баняхъ и измученныя лица тюремныхъ больныхъ.

Такъ какъ я считаю своимъ долгомъ дать читателю вѣрное представленіе о тѣхъ безграничныхъ, ужасныхъ страданіяхъ, которыя испытываетъ значительное число человѣческихъ существъ, благодаря такой безсердечной системѣ ссылки, я долженъ поэтому сказать еще нѣсколько словъ о томъ состояніи, въ которомъ находился томскій тюремный госпиталь два мѣсяца спустя послѣ нашего посѣщенія.

Когда я въ февралѣ на обратномъ пути прибылъ въ Томскъ, я сдѣлалъ визитъ доктору Оржешко. Онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ нашего отъѣзда число ссыльныхъ въ мѣстной „пересыльной“ все больше и больше увеличивалось, что имѣло послѣдствіемъ ухудшеніе санитарнаго состоянія ея. „Вы не можете себѣ представить, что мы вытерпѣли въ ноябрѣ. За весь годъ мы имѣли 2.400 заболѣваній, одно время было 450 больныхъ и лишь 150 кроватей. Триста опасно больныхъ мужчинъ и женщинъ лежали рядами на землѣ, но даже и тогда имъ приходилось лежать такъ тѣсно другъ возлѣ друга, что не было никакой возможности проходить утромъ по палатѣ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ каплять или рвать, чтобы не запачкать себя или своего сосѣда. Воздухъ былъ до того испорченъ, что я нѣсколько разъ при утреннемъ посѣщеніи больницы падалъ въ обморокъ. Чтобы хоть отчасти провѣтрить палаты, мы должны были оставлять окна раскрытыми настежь, хотя на дворѣ уже стояла зима; поэтому, температура на полу, гдѣ лежали больные, никогда не превышала 6—7° Ц. Больше 25°/о арестантовъ бывали всегда больны, болѣе 10°/о больныхъ умирало.“¹⁾

¹⁾ Отчетъ главнаго инспектора пересыльнаго вѣдомства показываетъ очень ясно, какъ наряду съ переполненіемъ тюрьмы начала расти цифра заболѣваній.

1885 г.	Среднее число ежедневныхъ заболѣваній	Отношеніе къ наличному числу ссыльныхъ въ %
Іюнь	108	5,8
Іюль	170	6,9
Августъ	189	7,1
Сентябрь	242	9,6
Октябрь	356	15,4
Ноябрь	406	23,2

Цифра больныхъ возрастала втеченіе всей зимы, пока она въ мартѣ не

„Какъ долго,“ спросилъ я, „длятся уже такія неурядицы?“— „Я служу уже 15 лѣтъ въ Томскѣ,“ отвѣтилъ докторъ, „и въ теченіе всего этого времени такіе безпорядки повторяются съ большей или меньшей напряженностью каждый годъ“¹⁾.

„Знаетъ ли правительство въ Петербургѣ объ этомъ?“— „Конечно. Каждый годъ отправляется въ Петербургъ отчетъ; я попробовалъ однажды изложить въ одномъ отчетѣ мое мнѣніе, что зданіе томскаго тюремнаго госпиталя слѣдуетъ предать огню, такъ какъ оно насквозь пропитано заразой. Главное тюремное управленіе предложило намъ выслать планы и смѣту, во сколько обойдется постройка новаго госпиталя. Мы поступили такъ; спустя короткое время планы были присланы обратно для исправленія; и вотъ съ тѣхъ поръ о постройкѣ новой больницы ничего болѣе не слышно, и все осталось по прежнему“.

Это откровенное сообщеніе томскаго тюремнаго врача не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Цивилизація и гуманность могутъ, основываясь на немъ, свободно произнести свой приговоръ надъ русскимъ правительствомъ.

VII.

Политическіе ссыльные и уголовные преступники въ Томскѣ.

„Какъ удалось вамъ проникнуть въ сибирскія тюрьмы, свести знакомства съ политическими ссыльными, разсмотрѣть такое множество официальныхъ документовъ и отчетовъ? Знали ли мѣстныя власти о цѣли вашихъ розысканій, а если знали, почему онѣ не лишили васъ возможности производить ихъ или, по крайней мѣрѣ, не противопоставили вамъ большихъ препятствій?“ Такими и подобными вопросами осыпаютъ меня со времени моего возвращенія изъ

достигла maximum'a въ 40,7% всѣхъ заключенныхъ въ то время въ томской тюрьмѣ, т. е., почти половины! (Рукописи отчета глав. инспектора пересыльнаго вѣд., стр. 30).

¹⁾ Изъ отчета медицинскаго управленія министерства внутр. дѣлъ за 1882 г. Въ томскомъ госпиталѣ находилось на излѣченіи 1.268 больныхъ тифомъ и 1.311 другими заразительными болѣзнями.

Россіи. Дать на нихъ вполне удовлетворительные отвѣты я не могу, такъ какъ не знаю, какихъ мѣръ предписано было властямъ держаться относительно насъ, и съ какой точки зрѣнія смотрѣла на насъ сибирская полиція. Я могу только изложить тактику, которую мы преслѣдовали, и мѣры, принятія нами, чтобы отклонить отъ себя подозрѣнія мѣстной полиціи, а также указать на нѣкоторые основанія, почему сибирскіе чиновники не проявили по отношенію къ намъ никакой враждебности.

Во-первыхъ, я имѣю основаніе предполагать, что высокіе сановники, у которыхъ я просилъ разрѣшенія осматривать тюрьмы и изучать систему ссылки, размышляли слѣдующимъ образомъ: „Крайне неблагоприятно было бы съ нашей стороны не допускать иностранцевъ къ изслѣдованію Сибири. Европейцы и американцы не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не изслѣдуютъ нашей системы ссылки до мельчайшихъ деталей. Если мы не допустимъ ихъ въ глубь Сибири, всѣ заговорятъ, что мы боимся разоблаченій. Г. Кеннанъ относится благосклонно къ намъ и даже открыто защищалъ насъ и нашъ способъ ссылки въ одной лекціи, которую онъ держалъ въ засѣданіи американскаго географическаго общества, короче, онъ выказалъ себя противникомъ русскаго революціоннаго движенія. Главная цѣль его поѣздки заключается, повидимому, въ желаніи собрать матеріалы, которые могли бы еще болѣе подкрѣпить его доброе мнѣніе о насъ. Конечно, въ такомъ случаѣ отъ него нельзя ожидать пессимистическаго отношенія къ нашимъ порядкамъ. Если вообще ужъ нужно допустить кого-нибудь къ осмотру нашихъ сибирскихъ тюремъ, то пусть лучше отправится онъ чѣмъ кто-нибудь другой¹⁾. Г. Ланселль произнесъ въ общемъ благоприятный приговоръ о нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ, и мы имѣемъ

¹⁾ Г. Влангалли, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, знаетъ содержание моей лекціи, и онъ могъ свободно сдѣлать заключеніе, которое я ему приписываю, такъ какъ я открыто высказалъ въ ней мое глубокое убѣжденіе. Я ему не обѣщалъ взять на себя роль адвоката и принять защиту русскаго правительства передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ я только обѣщалъ ему не написать сенсаціонной книги. Я былъ въ то время твердо убѣжденъ, что многіе писатели съ злымъ умысломъ изображали ссылку въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и объявилъ г. Влангалли, что правдивое изображеніе Сибири крайне заинтересуетъ весь образованный міръ, а русскому правительству будетъ очень полезно. Это было мое глубокое убѣжденіе въ то время, и я говорилъ лишь сущую правду.

достаточно оснований предполагать, что г. Кеннанъ, который уже раньше высказалъ намъ свои симпатіи, поступить по своему примѣру. Сообщенія этихъ обоихъ иностранцевъ удовлетворяютъ западный міръ и положить конецъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, злостнымъ критикамъ и обвиненіямъ. Когда англійскій священникъ и американскій публицистъ, изслѣдовавшій всю систему ссылки на мѣстѣ ея дѣйствія, объявляютъ, что она не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго, свѣтъ спокойно долженъ повѣрить этому приговору. Поэтому, мы полагаемъ, что гг. Кеннану и Фросту можно спокойно позволить поѣздки по Сибири и даже дать имъ рекомендаціи, позволенія же осматривать тюрьмы они должны всегда испрашивать у мѣстныхъ властей; понятно, если въ нашемъ интересѣ лежитъ не допустить осмотра, то мы тайнымъ предписаніемъ можемъ всегда достигнуть этого. Конечно, возможно, что они въ своихъ странствіяхъ по Сибири не разъ повстрѣчаются съ „политическими“, но они предубѣждены противъ нигилистовъ, и это предубѣжденіе еще болѣе усилится, когда они поговорятъ съ Катковымъ, который настроитъ ихъ, какъ того требуютъ наши интересы. Если же ихъ отношенія къ нигилистамъ сдѣлаются черезчуръ интимными, то мы предостережемъ ихъ о послѣдствіяхъ, или если потребуется, поставимъ даже подъ надзоръ полиціи“.

Мое убѣжденіе въ томъ, что центральное правительство думало такъ, а не иначе, основано, конечно, только на догадкахъ, но оно не разъ подтверждалось на дѣлѣ. Мы видѣли, что дозволеніе осматривать тюрьмы всюду было предоставлено усмотрѣнію мѣстныхъ властей, и что мѣстные чиновники руководились при этомъ какими-нибудь побочными обстоятельствами, личными взглядами или впечатлѣніями. Поэтому, для насъ было дѣломъ первой важности пріобрѣсти расположеніе и довѣріе этихъ чиновниковъ и при нашихъ изслѣдованіяхъ въ области политической ссылки не навлечь на себя ихъ недовѣрчивости и подозрительности. Девять десятыхъ городовъ и деревень, въ которыхъ мы останавливались, были соединены телеграфомъ съ столицей. Если бы полиція открыла, что мы самымъ систематическимъ образомъ посѣщаемъ политическихъ ссылныхъ и привозимъ изъ одного поселенія въ другое рекомендательныя письма къ нимъ, то власти, безъ сомнѣнія, телеграфировали бы министру внутри. дѣль: „Кеннанъ и Фростъ вступаютъ всюду въ сно-

шенія съ административно-ссылными и государственными преступниками. Желательно ли правительству дозволить эти сношенія?“ Какой бы отвѣтъ послѣдовалъ на такую телеграмму? Очень возможно, мы получили бы офиціальное предостереженіе или попали бы подъ надзоръ полиціи; во всякомъ случаѣ, выполненіе нашихъ плановъ натолкнулось бы на большія препятствія. Наши рекомендаціи, конечно, ограждали насъ отъ непрошеннаго вмѣшательства мѣстныхъ властей въ наши дѣйствія, но мы ничѣмъ не были гарантированы, что эти власти не получаютъ изъ Петербурга по телеграфу приказа арестовать или обыскать насъ. Телеграфныя проволоки висѣли надъ нашей головой въ теченіе цѣлаго года, какъ электрическій Дамокловъ мечъ, грозившій ежеминутно сорваться и положить конецъ нашимъ изслѣдованіямъ.

До Усть-Каменогорска мы не имѣли никакихъ непріятностей съ полиціей, и сношенія наши съ „политическими“ не возбудили вниманія мѣстныхъ властей. Но такъ какъ мы съ теченіемъ времени собрали значительное число писемъ, и бумагъ, конфискація которыхъ причинила бы авторамъ ихъ и посредникамъ массу серьезныхъ непріятностей, мы считали долгомъ скрыть политическій интересъ, руководившій нашими изслѣдованіями, подъ всевозможными масками и въ то же время поддерживать самыя дружескія отношенія съ мѣстными властями. Избѣгать полиціи, какъ будто бы мы боялись ея или желали что-нибудь скрыть отъ нея, я считалъ неблагоразумнымъ. Чѣмъ спокойнѣе и самоувѣреннѣе держались мы, тѣмъ безопаснѣе, по моему мнѣнію, были мы, почему я и принялъ рѣшеніе сдѣлать въ каждой деревнѣ немедленно по пріѣздѣ визитъ исправнику и пока у него еще не могли возникнуть подозрѣнія, рассказать ему про наши планы, намѣренія и пережитыя приключенія. Благодаря нашему знакомству съ политическими ссылными, намъ было очень легко получить всѣ желательныя свѣдѣнія о прошломъ темпераментѣ и личныхъ качествахъ каждого чиновника, котораго мы намѣревались посѣтить, что давало намъ значительный перевѣсъ въ обращеніи съ ними. Онъ рѣшительно ничего не зналъ о насъ, долженъ былъ еще изучать насъ, въ то время, какъ мы знали всѣ подробности о немъ, соображались съ его вкусами и привычками, избѣгали нелюбимыхъ имъ темъ и заводили всегда такой разговоръ, который соотвѣтствовалъ нашимъ взаимнымъ убѣжде-

ніямъ; въ концѣ концовъ, онъ приходилъ къ убѣжденію, что мы добрые малые и даже чрезвычайно... прозорливые люди, — что постоянно и случалось. Мы поставили себѣ за правило отдавать визиты мѣстнымъ чиновникамъ изъ уваженія къ ихъ чину и должности всегда въ принятомъ въ обществѣ платьѣ; намъ приходилось часто пить водку всевозможныхъ сортовъ до тѣхъ поръ пока у насъ въ глазахъ не начинало все двоиться, ухаживать за женой необходимаго намъ представителя мѣстной власти, г. Фростъ рисовалъ портреты его дѣтей, и въ 9 случаяхъ изъ 10 мы стояли съ городскими или деревенскими властями въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ уже 48 час. спустя послѣ нашего знакомства.

Согласно нашему плану, мы для усыпленія подозрительности въ низшихъ полицейскихъ чинахъ какъ можно чаще появлялись въ обществѣ ихъ начальства; чтобы крестьяне могли себѣ хоть какъ-нибудь объяснить пребываніе двухъ иностранцевъ въ ихъ деревнѣ, мы посѣщали мѣстныя школы, дѣлали на глазахъ учениковъ замѣтки и просили у учителя статистическихъ данныхъ о народномъ образованіи. Выполненіе этой военной хитрости выпадало обыкновенно на мою долю, въ то время, какъ г. Фростъ приковывалъ общественное вниманіе тѣмъ, что онъ собиралъ цвѣты и растенія, рисовалъ, ловилъ бабочекъ или читалъ содержателямъ почтовыхъ станцій и мужикамъ лекціи по географіи или о движеніи небесныхъ свѣтилъ.

Послѣднее занятіе доставляло ему много удовольствія; кромѣ того, это было отличное средство удовлетворить любопытство народа и направить его на истинный путь. Народъ былъ вполне увѣренъ, что мы пріѣхали въ Сибирь ради научныхъ цѣлей и больше всего интересовались ботаникой, географіей, археологіей, искусствомъ и народнымъ воспитаніемъ. Усыпивъ подозрительность властей и угомонивъ любопытство народа, мы могли свободно посвящать каждый вечеръ часа 4—5 на бесѣду съ политическими ссыльными. Если крестьяне иногда видѣли насъ заходившими въ жилище какого-нибудь „политическаго“, то это не возбуждало ихъ особаго любопытства, такъ какъ многіе ссыльные были учеными людьми, а мы вѣдь ѣхали по Сибири съ „научной“ цѣлью. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ строже становился надзоръ за „политическими“; приходилось принаравливать нашу тактику къ измѣнявшимся условіямъ; но всюду и вездѣ мы дер-

жались самоувѣренно, старались завязать дружественныя отношенія съ начальствомъ и выставять особенно на показъ ту часть нашей жизни, которая не боялась внимательныхъ взоровъ властей, оставляя въ тѣни ту, которая могла повлечь за собой наше изгнаніе изъ предѣловъ Россіи. Конечно, совершенно скрыть своихъ сношеній съ „политическими“ мы не могли, хотя о дѣйствительныхъ размѣрахъ ихъ наврядъ ли кто имѣлъ вѣрное представленіе. Во всякомъ случаѣ, электрическій мечъ Дамокла пощадилъ насъ; даже „первое предостереженіе“ мы получили лишь въ Забайкальскомъ краѣ.

Нашъ трудъ былъ всюду облегчаемъ честными, образованными чиновниками, которые или были вообще противъ всякой ссылки или высказывались противъ ея настоящей формы. Часто казалось, что они крайне рѣды случаю разсказать иностранному наблюдателю о недостаткахъ и невыгодахъ ссылки, какъ средства наказанія, и о тѣхъ обманахъ, злоупотребленіяхъ и жестокостяхъ, которыя являются послѣдствіемъ ея. Этого я никакъ не ожидалъ: смѣлость и откровенность такихъ чиновниковъ, какъ только они убѣждались, что мнѣ можно довѣриться, приводили меня въ изумленіе.

„Пересыльное дѣло доставляетъ мнѣ средства къ существованію“, сказалъ мнѣ однажды одинъ важный чиновникъ тюремнаго вѣдомства: „и мнѣ нечего жаловаться ни на мое положеніе, ни на жалованіе, но я съ охотой отказался бы отъ того и другого, если бы нынѣшняя система ссылки была уничтожена. Она губитъ Сибирь, портитъ ссыльных и причиняетъ неисчислимые бѣдствія. Но что подѣлаешь? Если мы осмѣливаемся сообщить о чемъ-либо подобномъ въ Петербургъ, то начальство подвергаетъ насъ строгому дисциплинарному взысканію. Я поставилъ себѣ за правило дѣлать все, что отъ меня зависитъ, и молчать“.

„Мнѣ уже надоѣло писать одно и то же о царящей здѣсь неурядицѣ и злоупотребленіяхъ, совершающихся на каждомъ шагѣ“, сказалъ мнѣ другой чиновникъ: „Чего же я достигъ? Можетъ быть, что-нибудь произойдетъ, когда вы опишите здѣшніе порядки. Мѣстная тюрьма не годится даже для собакъ, не говоря уже о людяхъ; я уже нѣсколько лѣтъ подрядъ предлагаю построить новую тюрьму, и въ результатѣ отъ всѣхъ моихъ усилій получилась лишь огромная куча отношеній и справокъ“.

По крайней мѣрѣ, 20 чиновниковъ, занимавшихъ отвѣт-

ственные должности на государственной службѣ, дѣлали мнѣ однородныя сообщенія и подкрѣпляли ихъ статистическими и документальными данными.

Въ нашихъ изысканіяхъ въ области политической ссылки намъ много помогали частные люди, которые симпатично относились къ политическимъ ссыльнымъ и либеральному движенію. Правительство не имѣетъ никакого представленія о томъ, какъ сильно распространены эти симпатіи въ Сибири. Однажды вечеромъ я присутствовалъ на социалистическомъ собраніи, происходившемъ въ частномъ домѣ, въ одномъ сибирскомъ городѣ. Здѣсь находились нѣкоторые гласные городской думы, 6 — 8 офицеровъ и всѣ мѣстные ссыльные. Военные и ссыльные находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, бесѣдовали въ непринужденномъ либеральномъ тонѣ и пѣли пѣсни, признаваемые въ Россіи революціонными. И не разъ наталкивался я въ Сибири на такихъ „неблагонадежныхъ“; даже по возвращеніи моемъ изъ Азіатской Россіи, я находилъ въ Петербургѣ чиновниковъ, которые симпатизировали политическимъ преступникамъ и доставляли мнѣ копіи съ важныхъ актовъ и документовъ. Всякому должно сдѣлаться яснымъ, что изслѣдованіе системы ссылки не такъ трудно, какъ это кажется, если пользуешься намеками и указаніями чиновниковъ, желающихъ только содѣйствовать распространенію правды, гражданъ, преданныхъ втайнѣ борьбѣ за введеніе представительнаго образа правленія, политическихъ ссыльныхъ, обладающихъ богатѣйшимъ матеріаломъ этого рода.

Въ Томскѣ я въ первый разъ повстрѣчался съ осужденными за участіе въ революціонной пропагандѣ 1872 — 1875 гг., могущими по праву называться „революционерами“. Они не отличались замѣтно отъ ссыльныхъ въ Усть-Каменогорскѣ, Ульбинскѣ и Семипалатинскѣ, развѣ только, что они обладали большей опытностью вслѣдствіе болѣе продолжительнаго пребыванія въ ссылкѣ. Одинъ изъ нихъ, талантливый публицистъ лѣтъ 35, по фамиліи Чудновскій, рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ въ первый разъ арестованъ 19 лѣтъ, будучи еще студентомъ, и съ тѣхъ поръ непрерывно находился или подъ надзоромъ полиціи, или въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ. До суда надъ нимъ онъ 4 года и 3 мѣсяца просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи, изъ нихъ цѣлыхъ 20 мѣс. въ казематахъ Петропавловской крѣпости. За то, что онъ

мужественно протестовалъ противъ незаконнаго обращенія съ собой и упорно настаивалъ на своемъ правѣ требовать чернилъ, бумаги и перьевъ, чтобы написать жалобу министру внутреннихъ дѣлъ, его связали по рукамъ и ногамъ и одѣли въ смиренную куртку, употребляемую для обузданія горячечныхъ. Тогда онъ отказался отъ всякой пищи, пока тюремный докторъ не объявилъ его положеніе критическимъ. Комендантъ крѣпости, полковникъ Богородскій, принужденъ былъ волей-неволей уступить и предоставилъ въ его распоряженіе всѣ письменныя принадлежности. Онъ отправилъ прошеніе, но не получилъ никакого отвѣта на него. Наконецъ, въ происходившемъ въ 1878 г. процессѣ „193“ онъ, за „провозъ книгъ вреднаго направленія“, былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и присужденъ къ пятилѣтней каторгѣ. Но имѣя въ виду его продолжительное — 4 года и 3 мѣс. — предварительное заключеніе, судъ постановилъ просить царя о замѣнѣ каторжной работы пожизненной ссылкой въ Западную Сибирь (См. приговоръ по дѣлу „193“, стр. 5, 11, 16. Официальная копія этого документа находится въ моихъ рукахъ).

Четырехлѣтнее одиночное заключеніе и семилѣтняя каторга подкосили бы даже людей съ сильнымъ характеромъ, но они не могли сломить энергіи и духа Чудновскаго; не смотря на всѣ препятствія, онъ закончилъ свое образованіе, и ему даже удалось добиться извѣстности по всей Сибири. Онъ написалъ превосходную исторію развитія школьнаго дѣла въ Сибири, которая появилась въ „Официальномъ Ежегодникѣ“ Томской губ. за 1885 г.; по порученію западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества онъ предпринялъ двѣ научныхъ экспедиціи въ Алтайскія горы, въ то же время онъ неутомимо сотрудничаетъ во всѣхъ русскихъ газетахъ; книга его „Енисейская губернія, статистическое и политико-экономическое изслѣдованіе“ получила первую премію на конкурсѣ, объявленномъ красноярской городской думой. Г. Чудновскій оказалъ бы честь каждому свободному государству, но онъ имѣлъ несчастье родиться въ Россіи, и ему на долю достались лишь заключеніе и ссылка.

Къ самымъ интереснымъ явленіямъ въ мірѣ политическихъ ссыльныхъ въ Томскѣ принадлежалъ не задолго до нашего пріѣзда сосланный въ этотъ городъ Константинъ Станюко-

вичъ, издатель и собственникъ журнала „Дѣло“, исторію котораго я рассказалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Это былъ человѣкъ, одаренный тонкой наблюдательностью, превосходный знатокъ социальныхъ явленій въ жизни Россіи, талантливый писатель и драматургъ, короче, человѣкъ съ выдающимися способностями и необычайной энергіей. Супруга его, послѣдовавшая за нимъ въ изгнаніе, говорила отлично по-англійски и, судя по всему, была высокообразованная женщина. Кромѣ одной взрослой дочери, дѣвушки лѣтъ 17, очень красивой и образованной, они имѣли еще нѣсколько маленькихъ дѣтей. Въ ихъ уютной, маленькой квартирѣ мы провели наши лучшіе вечера въ Томскѣ. Мы часто до полуночи внимали дуэтамъ, которые распѣвала М-ше Станюковичъ съ княземъ Крапоткинымъ, бесѣдовали о русскомъ правительствѣ, ссыла въ Сибирь или же обмѣнивались впечатлѣніями о Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Нью-Йоркѣ и Санъ-Франциско. Станюковичи объѣздили Соединенные Штаты, и мы имѣли во многихъ городахъ общихъ знакомыхъ и много общихъ воспоминаній. Г. Станюковичъ зарабатывалъ литературнымъ трудомъ средства къ существованію всей семьи, и супруга его старалась облегчить ему борьбу за существованіе, давая уроки музыки, которую она знала въ совершенствѣ. Они были сосланы на три года, и если правительство не продолжило срока ссылки, они будутъ въ моментъ появленія этихъ строкъ уже на свободѣ.

Самымъ симпатичнымъ и привлекательнымъ изъ всѣхъ томскихъ ссыльныхъ былъ для меня русскій писатель Феликсъ Волховскій, который былъ осужденъ на пожизненную ссылку въ Сибирь по обвиненію въ принадлежности „къ тайному обществу, стремившемуся къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя“. Когда я познакомился съ нимъ, это былъ мужчина лѣтъ подъ 38, съ блестящимъ образованіемъ и съ благодарнымъ любящимъ сердцемъ. Онъ былъ недюжинный знатокъ англійской и американской исторіи и литературы и большой почитатель Лонгфелло, стихотворенія котораго онъ перевелъ на русскій языкъ. Вся жизнь этого самаго милаго человѣка, котораго я только встрѣчалъ въ своей жизни, была непрерывной цѣпью страданій. Продолжительное заключеніе въ Петропавловской крѣпости разрушило его здоровье и покрыло сѣдинами его голову; глубокая грусть лежала во взорѣ его карихъ глазъ. Когда я

на обратномъ пути изъ Восточной Сибири остановился въ Томскѣ, я еще разъ, послѣдній въ моей жизни, зашелъ къ нему проститься. Онъ обнялъ меня и покрылъ поцѣлуями: „Георгъ Ивановичъ“, сказалъ онъ мнѣ: „не забудь ты насъ! Вѣдь ты берешь съ собой часть моего существованія!“

Со времени моего возвращенія въ Америку я только разъ получилъ извѣстіе о г. Волховскомъ. Прошедшей зимой онъ написалъ мнѣ невыразимо печальное и трогательное письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня о самоубійствѣ своей жены. Самъ онъ лишился своихъ занятій, благодаря приостановленію либеральной „Сибирской Газеты“, издававшейся въ Томскѣ жена его, — слабую фигурку и блѣдное, печальное лицо которой я еще теперь могу себѣ ясно представить, — пробовала облегчить ему заботы о семьѣ, давая уроки и занимаясь шитьемъ. Горе и заботы сломили окончательно ея здоровье; больная душевно и тѣлесно, она считала себя скорѣе бременемъ для мужа и дѣтей, чѣмъ поддержкой; убѣжденная, поэтому, что ея дорогая семья вздохнетъ легче послѣ ея смерти, она пустила пулю себѣ въ голову. Мужъ чрезвычайно любилъ ее, и смерть ея была для него тяжкимъ ударомъ. Онъ упоминалъ въ своемъ письмѣ о стихотвореніяхъ Джемса Русселя Ловелля, которыя я ему выслалъ; особенно понравилось ему въ его теперешнемъ настроеніи, говорилъ онъ, стихотвореніе „Послѣ похороны“: „Оно еще разъ убѣдительно сказало мнѣ, что горе и печаль во всемъ мірѣ одни и тѣ же, что покинутый американскій супругъ испытываетъ тѣ же страданія, что и его русскій собратъ по несчастью“. Къ его письму была приложена маленькая кожаная спичечница, которую князь Петръ Крапоткинъ подарилъ своему сосланному брату Александру, послѣдній оставилъ ее въ знакъ памяти Волховскому, который передалъ ее своей женѣ не задолго до ея смерти. „Онъ убѣжденъ, писалъ онъ что она будетъ для меня имѣть нѣкоторую цѣнность, такъ какъ она была постепенно собственностью четырехъ знакомыхъ мнѣ „политическихъ“, изъ которыхъ одинъ живетъ, какъ политическій выходецъ въ Лондонѣ, другой ссыльный въ Томскѣ, а двое остальныхъ уже внѣ власти русскаго „правосудія“.

Я попробовалъ прочесть это письмо моей женѣ, но рыданія заглушили мой голосъ, когда я вспомнилъ объ этомъ благородномъ, глубоко любимомъ мною человѣкѣ, здоровье

котораго подбросили тюрьма и ссылка, и котораго еще поразили этотъ страшный ударъ.

Пусть правительство посылаетъ такихъ людей, какъ Волховскій, въ Сибирь или заключаетъ ихъ въ уединенные, неприступные казематы, но придетъ время, когда имена этихъ людей будутъ записаны золотыми буквами въ лѣтописяхъ родной земли, когда рассказы объ ихъ жизни и страданіяхъ будутъ возбуждать русскую молодежь, любящую свободу и родину, къ героическимъ подвигамъ.

Въ Томскѣ въ первый разъ почувствовали мы то нервное напряженіе, которое появляется при видѣ непредотвратимаго человѣческаго горя. Наше путешествіе по югозападной Сибири и въ Алтайскія горы происходило въ сторонѣ отъ той дороги, по которой идутъ транспорты ссыльныхъ: съ „политическими“, которыхъ мы видали въ Семипалатинскѣ, Ульбинскѣ и Усть-Каменогорскѣ, обращались, повидимому, довольно сносно, и имъ жилось недурно. Лишь въ Томскѣ раскрылась намъ вся трагичность положенія ссыльныхъ. Душевные волненія, которыя мы отъ самаго Томска до послѣдней минуты нашего пребыванія въ Сибири непрерывно испытывали, было часто гораздо труднѣе переносить, чѣмъ холодъ, голодъ и утомленіе. Кто могъ бы оставаться равнодушнымъ при видѣ подобныхъ людскихъ страданій, какія мы наблюдали въ томскихъ арестантскихъ балаганахъ и въ тюремномъ госпиталѣ; кто могъ бы безъ глубочайшаго волненія и негодованія внимать такимъ рассказамъ, какіе намъ приходилось слышать въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и др. изъ устъ политическихъ ссыльныхъ. Я живо могу еще припомнить одну блѣдную, слабую женщину, которая была сослана въ Восточную Сибирь и лежала тамъ при смерти. Она настоятельно желала рассказать мнѣ всю свою исторію, хотя я охотно отказался бы отъ удовольствія видѣть мученія этой несчастной жертвы при изображеніи всѣхъ перенесенныхъ ею мукъ; не значило ли это заставить еще разъ пережить ихъ? Но міръ долженъ былъ узнать черезъ меня, что приходится перетерпѣть русскимъ, прежде чѣмъ они дѣлаются террористами, и мнѣ пришлось выслушать полный драматизма рассказъ, прерываемый на каждомъ словѣ рыданіями. Могъ ли я послѣ такихъ встрѣчъ — а ихъ былъ цѣлый рядъ, — не волноваться и засыпать спокойнымъ сномъ? Эти непрерывныя душевные волненія, а также перенесенныя нами ли-

шенія и неудобства имѣли послѣдствіемъ то, что я въ Забайкальскомъ краѣ опасно заболѣлъ.

Еще прежде чѣмъ оставить Томскъ, я былъ уже окончательно излѣченъ отъ моихъ прежнихъ предубѣжденій противъ русскихъ нигилистовъ и отъ моихъ симпатій къ русскому правительству.

Въ Томскѣ и на пути въ Иркутскъ мы имѣли въ первый разъ случай познакомиться съ жизнью ссыльныхъ во время марша. Въ теченіе всего года еженедѣльно отправляется изъ Томска въ Иркутскъ партія ссыльныхъ въ количествѣ 3—400 чел. и употребляетъ на прохожденіе всего пути (1500 вер.) около 3 мѣсяцевъ. Черезъ каждыя 40—60 вер. находится этапный домъ съ конвойной командой, состоящей изъ одного офицера, 2—3 унтеръ-офицеровъ и 40 рядовыхъ.

Такъ какъ разстояніе между каждыми двумя этапами слишкомъ велико для того, чтобы скованные арестанты могли пройти его въ одинъ день, то для ночлега устроены еще промежуточные зданія. Партія ссыльныхъ должна пройти въ одинъ мѣсяцъ 500 вер., и каждыя третьи сутки посвящены отдыху. На каждомъ главномъ этапѣ конвой мѣняется. Каждый арестантъ получаетъ въ день 10 коп. на пропитаніе, которое онъ покупаетъ у мужиковъ. Лѣтняя одежда ссыльныхъ состоитъ изъ рубахи и пары штановъ, сдѣланныхъ изъ самаго грубаго холста, изъ такихъ же онучей вмѣсто чулокъ, изъ котовъ, или низкихъ башмаковъ, съ кожей на щиколоткѣ, чтобы предохранить послѣднюю отъ тренія цѣпей, изъ круглой шотландской шапки безъ козырька и изъ длиннаго сѣраго халата. Одежда женщинъ такова же, съ соответствующей полу перемѣной штановъ на юбку изъ того-же грубаго холста. Женщины и дѣти, которыя добровольно слѣдуютъ въ ссылку, имѣютъ право носить свои собственные платья и брать съ собою столько багажа, сколько входитъ въ сѣрый холстяной мѣшокъ. Между политическими ссыльными и уголовными каторжниками власти не дѣлаютъ никакого различія, за исключеніемъ денегъ на продовольствіе: всѣ „политическіе“, принадлежащіе къ дворянству или привилегированнымъ классамъ, получаютъ вмѣсто 10 к. 15 коп.; кромѣ того, какъ я уже выше упомянулъ, они перевозятся на мѣсто назначенія въ телѣгахъ ¹⁾.

¹⁾ Одно время „политическихъ“ отправляли въ Сибирь съ казенной почтой подъ надзоромъ жандармовъ, такъ что они прибывали на мѣсто

Вплоть до 1883 г. оба пола шли вмѣстѣ; въ 1883 г. сдѣлали попытку отдѣлять холостыхъ мужчинъ отъ семейныхъ и посылать ихъ отдѣльно, а съ семейными отправлять всѣхъ дѣтей и незамужнихъ женщинъ. Это нововведение уменьшило деморализацію, вполне естественную при совмѣстномъ пребываніи мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ переполненныхъ этапныхъ домахъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но развратъ достигаетъ еще довольно значительныхъ размѣровъ, такъ какъ и въ семейныхъ транспортахъ находится довольно большое число скверныхъ мужчинъ и парней.

По приглашенію капитана Гудима, начальника этапной команды, г. Фростъ и я отправились въ понедѣльникъ, 24-го августа, въ семь часовъ утра въ тюрьму, чтобы присутствовать при отходѣ транспорта. Было очень прохладно, но безоблачное небо обѣщало жаркій день. Приготовленія къ отходу еще не были закончены; поэтому мы рѣшили не заходить въ тюрьму, чтобы не помѣшать г. Гудиму.

Въ 8 часовъ къ тюрьмѣ подъѣхали телѣги, предназначенныя для слабыхъ и больныхъ. Унтеръ-офицеръ, который сидѣлъ съ нѣсколькими солдатами на скамейкѣ передъ тюрьмой, поднялся съ недовольной миной, зѣвнулъ во весь ротъ и направился къ тюремнымъ воротамъ; солдаты накинули ранцы и взяли за берданки; за стѣной началъ раздаваться звонъ цѣпей, указывавшій на то, что ссыльные строятся въ ряды. Черезъ нѣсколько минутъ появился тюремный кузнецъ, неся маленькій горнъ, наковальню, молотъ и нѣсколько цѣпей, которыя онъ равнодушно бросилъ на землю. Солдаты взяли на плечо и стали полукругомъ; одинъ унтеръ-офицеръ, съ указаніемъ примѣтъ каждаго преступника, другой съ кожаной сумкой, полной мѣдяковъ, стали по обѣ стороны воротъ. Раздался чей-то голосъ: „Готово!“ Преступники начали появляться одинъ за другимъ. Офицеръ вызывалъ каждое имя отдѣльно, кузнецъ съ помощью одного солдата производилъ осмотръ кандаловъ; второй унтеръ-офицеръ выдавалъ каждому арестанту по 20 коп. на двухдневное продовольствіе. Когда всѣ осужденные на каторгу преступники были въ сборѣ,

почти такъ же скоро, какъ частные путешественники. Но такой способъ ссылки обходился казнѣ очень дорого, почему приняли рѣшеніе отправлять „политическихъ“ съ партіями каторжниковъ и поселенцевъ. Такимъ образомъ, политическимъ ссыльнымъ приходится страдать еще нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, и въ результатѣ получается большая смертность.

они выстроились въ два ряда, чтобы ихъ легче было сосчитать, и сняли свои шапки для того, чтобы унтеръ-офицеръ могъ убѣдиться, что головы ихъ согласно предписанію побриты на одной сторонѣ. Затѣмъ той же процедурѣ подверглись поселенцы; солдаты, стоявшіе передъ тюрьмой, расширяли полукругъ по мѣрѣ того, какъ появлялись арестанты. Наконецъ, всѣ 350—400 человѣкъ были на улицѣ; каждый держалъ въ рукѣ сѣрый мѣшокъ съ своими пожитками; многие имѣли котелки, которые были прикрѣплены къ кожанымъ поясамъ, одинъ даже несъ на рукахъ свою маленькую собачку.

Еще разъ сосчитали всѣхъ преступниковъ, затѣмъ начали нагружать на возы арестантскія пожитки въ сѣрыхъ мѣшкахъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы начать бесѣду съ сильными. Одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ по-англійски:

„Кто вы такой?“ спросилъ я.

„Я бродяга“, отвѣчалъ онъ спокойно и серьезно.

„Какъ васъ зовутъ?“

„Иванъ-Непомнящій“, сказалъ онъ и прибавилъ, убѣдившись, что вблизи нѣтъ никого изъ начальства: „Мое настоящее имя Іоганнъ Андерсенъ, я родомъ изъ Риги“.

„Откуда вы знаете по-англійски?“ спросилъ я.

„Я англійскаго происхожденія; да кромѣ того я часто бывалъ въ качествѣ матроса въ англійскихъ портахъ“.

Тутъ подошелъ къ намъ капитанъ Гудимъ, почему мы и прекратили нашу бесѣду. Многіе изъ ссыльныхъ были бродяги и принадлежали къ фамиліи Иванъ-Непомнящихъ. Они были пойманы въ степяхъ Западной Сибири или же зимой выдали себя сами въ руки правосудія, чтобы избѣгнуть голодной смерти.

Капитанъ Гудимъ былъ убѣжденъ, что въ транспортѣ есть молодцы, которые разъ шесть убѣгали изъ рудниковъ и опять должны были отправляться гуда.

„Ребята!“ крикнулъ онъ, обращаясь къ толпѣ: „сколько изъ васъ идетъ уже въ шестой разъ на каторжные работы?“

„Очень многіе“, отвѣчало хоромъ нѣсколько десятковъ голосовъ. Напередъ выступилъ сѣдобородый, закованный въ кандалы каторжникъ и заявилъ, что онъ четыре раза убѣгалъ изъ каторги и теперь возвращается уже пятый разъ туда. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ прошелъ восемь разъ

разстояніе въ 2.900 вер., отдѣляющее Томскъ отъ карскихъ рудниковъ.

„Я самъ знаю бродягъ“, сказалъ капитанъ Гудимъ: „которые шестнадцать разъ совершили этотъ путь и шестнадцать разъ вернулись назадъ черезъ степи и лѣса. Какъ они умудряются это сдѣлать, знаетъ одинъ Богъ“.

Если читатель приметъ въ соображеніе, что пройти 32 раза по Восточной Сибири все равно, что обойти два раза вокругъ земного шара по экватору, то онъ получитъ представленіе о неукротимой энергіи этихъ людей и глубокой тоскѣ по родинѣ, которая овладѣваетъ ими. Въ 1884 г. въ Западной Сибири было поймано и отправлено въ Забайкалье 1.360 бѣглецовъ; сотни ихъ замерзли или умерли съ голоду въ тайгѣ. М. С. Орфановъ, русскій офицеръ, служившій много лѣтъ въ Восточной Сибири, рассказываетъ, что онъ, однажды, въ одной только Кайдаловской тюрьмѣ, находящейся между Читой и Нерчинскомъ, нашелъ 200 Иванъ-Непомнящихъ¹⁾.

Нѣкоторые изъ бѣглыхъ, съ которыми я говорилъ, были умные и образованные люди. Одинъ, который съ особымъ интересомъ разсматривалъ нашъ фотографическій аппаратъ и былъ во всемъ, что касается фотографіи, очень свѣдущъ, спросилъ меня, какъ обращаются съ арестантами въ американскихъ смиренныхъ домахъ, могутъ ли они зарабатывать посредствомъ усиленной работы немного денегъ, чтобы не быть принужденнымъ нищенствовать по отбытіи наказанія. Я отвѣтилъ, что у насъ въ Америкѣ это возможно.

„У насъ дѣло обставлено иначе“, возразилъ онъ: „Ничими вступаемъ мы въ рудники и въ такой же ничетѣ оставляемъ мы ихъ, а во время работъ насъ сѣкутъ, когда только смотрителю вздумается“.

„Ахъ, нѣтъ“, сказалъ капитанъ Гудимъ добродушно, „теперь ужъ этого больше не случается“.

„Конечно, случается, ваше благородіе“, сказалъ почти-тельно, но твердо бродяга: „Кто боленъ или слабъ и не можетъ выполнить своей задачи, получаетъ двадцать ударовъ кнутомъ“. Къ сожалѣнію, капитанъ Гудимъ положилъ конецъ разговору, предложивъ мнѣ посмотрѣть, какъ усаживаютъ слабыхъ и больныхъ на телѣги.

Телѣги, которыя служатъ къ перевозкѣ ссыльныхъ, представляютъ собою маленькіе одноконные возки, безъ рессоръ, съ сидѣніемъ для кучера и солдата. Болѣе жалкаго, неудобнаго экипажа нельзя себя представить. На днѣ каждой телѣги было положено немного травы, что должно было хоть отчасти ослабить толчки, и въ каждой такой телѣгѣ сидѣло по четыре больныхъ арестанта.

„Всѣ имѣющіе свидѣтельство о болѣзни пусть выступаютъ впередъ!“ приказалъ капитанъ Гудимъ. 25—30 человекъ выпустили изъ рядовъ прочихъ ссыльныхъ; одни изъ нихъ были дряхлые старики, другіе страшно истощены мучившими ихъ болѣзнями. Одинъ унтеръ-офицеръ собралъ всѣ свидѣтельства, просмотрѣлъ ихъ, и, когда все оказалось въ порядкѣ, больнымъ позволили взобраться на телѣги. Одинъ изъ больныхъ, очевидно, только притворялся, хотъ онъ и выглядѣлъ блѣднымъ и слабымъ, такъ какъ вся партія, увидя его на телѣгѣ, подняла страшные крики и ругательства¹⁾. Число арестантовъ, которые не могутъ итти пѣшкомъ, достигаетъ иногда довольно почтенной цифры. Въ 1884 г. потребовалось для перевозки „инвалидовъ“ 658 телѣгъ, а такъ какъ каждая телѣга вмѣщаетъ 4 человека, то, слѣдовательно, въ этомъ году болѣе 2.500 человекъ достигло Иркутска на лошадяхъ (Отч. главнаго инспектора перес. вѣд. за 1884 г., рукопись стр. 31). Конечно, это только естественный результатъ переполненія томской „пересыльной“.—Когда всѣ уѣли въ телѣги, капитанъ Гудимъ снялъ свою фуражку, перекрестился на тюремную церковь и скомандовалъ: „Впередъ, ребята! Счастливой дороги!“

„Шагомъ маршъ!“ приказалъ унтеръ-офицеръ, загремѣли цѣпи, и вся партія, окруженная конвоемъ, направилась за 2.300 вер., въ Забайкальскую область. Непосредственно за пѣшими каторжниками ѣхали телѣги съ „инвалидами“, 3—4 телѣги съ багажомъ, затѣмъ аррьергардъ конвоя и, наконецъ, самъ капитанъ Гудимъ въ тарантасѣ. Въ часъ партія дѣлала не болѣе трехъ верстъ; густое облако пыли, поднимаемой закованными арестантами, уже немедленно по выступленіи изъ города покрыло непроницаемой завѣсой весь транспортъ.

¹⁾ Нѣкоторые каторжники обладаютъ въ совершенствѣ искусствомъ притворяться больными, такъ что имъ иногда даже удается провести тюремнаго врача, имѣющаго уже большую опытность въ этомъ дѣлѣ.

¹⁾ „Въ дали“ М. С. Орфанова, стр. 226. Петербургъ, 1883 г.

Въ теплую и тихую погоду пыль эта является мученіемъ для всей колонны, въ особенности для больныхъ, женщинъ и дѣтей. Для человѣка съ пораженными дыхательными путями, что такъ часто приходится наблюдать въ арестантскомъ мірѣ, чистая пытка высидѣть 6—8 час., вытянувшись въ струнку, въ открытой телѣгѣ и глотать пыль, взбиваемую 350 парами ногъ идущихъ впереди арестантовъ. Можно прослѣдить за транспортомъ ссыльныхъ на 1¹/₂ вер. по облаку пыли, вздымаемой имъ.

Въ 5—6 миляхъ отъ Томска находится часовня съ рѣзнымъ распятіемъ. Здѣсь такъ же, какъ при отходѣ изъ Томска, двѣ трети всѣхъ преступниковъ обнажили голову и набожно перекрестились: русскій крестьянинъ можетъ быть разбойникомъ на большой дорогѣ и убійцей, и въ то же время онъ набожно крестится и горячо молится.

Въ десяти миляхъ отъ Томска, при входѣ въ одну маленькую деревню, былъ сдѣланъ первый привалъ. На одной лужайкѣ у проѣзжей дороги расположились со всевозможными съѣстными припасами, молокомъ и пивомъ съ дюжину дѣвушекъ и старухъ, которыя предлагали свои товары ссыльнымъ. При видѣ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ шедшіе во главѣ колонны бродяги радостно закричали: „Привалъ, привалъ!“ Это радостное извѣстіе быстро распространилось по всѣмъ рядамъ, пока не достигло телѣгъ съ больными, и всѣ ускорили шагъ. Пройти 10 вер. шуточное дѣло для здороваго человѣка, но для преступниковъ, сидящихъ по мѣсяцамъ въ тюрьмѣ, отвыкшихъ отъ ходьбы да имѣющихъ еще на ногахъ 5-фунтовые кандалы, безпрестанно путающихся между ногами, маршъ въ 10 вер. чрезвычайно утомителенъ. Едва раздался приказъ остановиться, какъ уже всѣ бросились на земю, чтобы отдохнуть; лишь послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха арестанты начали дѣлать покупки и принялись за завтракъ, состоявшій изъ ржаного хлѣба, пироговъ изъ рыбы, вареныхъ яицъ, молока или квасу. Въ два часа партія двинулась дальше.

Послѣобѣденный маршъ прошелъ безъ всякихъ приключеній. Бродяги разговаривали громкимъ голосомъ, чтобы слышать другъ друга, а новички прислушивались къ бесѣдамъ и задавали вопросы. Бродяга отлично знакомъ съ дорогой, онъ прекрасно изучилъ темпераментъ и характеръ всѣхъ конвойныхъ офицеровъ между Томскомъ и Карой.

Его приключенія въ сибирской тайгѣ выработали въ немъ силу воли и довѣріе къ самому себѣ, что дѣлаетъ его всегда главой партіи ссыльныхъ. Острогъ—отецъ его, а тайга—родимая мать, и часто проводитъ онъ всю свою жизнь, гостя то у одного, то у другого изъ своихъ родителей. Рѣдко удастся ему выбраться изъ Сибири, хотя иногда онъ съ полдюжины разъ бываетъ въ долинѣ р. Оби. Рано или поздно онъ опять попадаетъ или самъ предаетъ себя въ руки полиціи, принуждаемый къ этому голодомъ и стужей. Одинъ конвойный офицеръ замѣтилъ однажды бродягъ, который уже нѣсколько разъ попадался: „Степи царскія велики, и ты никогда не достигнешь ихъ границъ; въ концѣ концовъ тебя опять поймаютъ, конечно, если ты еще будешь въ живыхъ“.

Бесѣда бродягъ въ сопровождаемомъ нами транспортѣ вертѣлась преимущественно около геройскихъ подвиговъ и приключеній, пережитыхъ ими въ тайгѣ и въ рудникахъ; присутствіе конвоя нисколько не стѣсняло ихъ.

Первый этапъ отстоитъ отъ Томска на 27 вер.; на землю уже спустились сумерки, когда измученные арестанты завидѣли зубчатый палисадъ тюрьмы, въ которой имъ предстояло провести первую ночь по выходѣ изъ Томска.

Ночлежные этапы въ Сибири представляютъ собой оголенное пространство длиной въ 100 ф. и шириной въ 50—75 ф., на которомъ выстроены два или три деревянныхъ дома. Одинъ изъ нихъ предназначается для офицера, другой для конвоя, а третій, самый большой, для арестантовъ. Послѣдній окрашенъ, какъ и всѣ сибирскіе этапные дома, въ желтый цвѣтъ, низокъ, длиненъ и содержитъ большую русскую печь и двойной рядъ наръ. Какъ явствуетъ изъ отчета главнаго инспектора пересыльнаго вѣдомства, подтвержденнаго моимъ личнымъ опытомъ, „всѣ главные и ночлежные этапы между Томскомъ и Ачинскомъ не только крайне малы, но кромѣ того очень ветхи и нуждаются въ основательной починкѣ“. Какъ и во всѣхъ другихъ сибирскихъ тюрьмахъ, здѣсь является главнымъ зломъ крайняя тѣснота тюремныхъ помѣщеній. Они построены лѣтъ 30—50 тому назадъ, когда каждый транспортъ ссыльныхъ не превышалъ 150 чел., а теперь каждая партія обнимаетъ, по крайней мѣрѣ, 350—450 чел. Вслѣдствіе этого, какъ говорилъ главный инспекторъ пересыльнаго вѣдомства „въ хорошую погоду половина

преступниковъ спитъ подъ открытымъ небомъ на голой землѣ, а въ скверную погоду не только камеры, но и корридоры и кладовыя биткомъ набиты спящими“. При большей аккуратности и внимательности властей камеры могли бы содержаться гораздо чище и быть удобнѣе для ночлега. Но теперь онѣ всѣ безъ исключенія грязны, окна не могутъ быть открыты, и, хотя въ извѣстные періоды года переполненіе тюремъ достигаетъ невѣроятной степени, до сихъ поръ еще не сдѣлано попытки устроить цѣлесообразную вентиляцію¹⁾.

Когда нашъ транспортъ послѣ утомительнаго марша достигъ ночлежнаго этапа Семилужнаго, ссыльные должны были построиться передъ палисадомъ. Унтеръ-офицеры произвели тщательный счетъ, чтобы убѣдиться, что никто изъ нихъ не исчезъ. Затѣмъ деревянныя ворота палисада были широко раскрыты, и всѣ 300 арестантовъ въ тяжелыхъ оковахъ бросились, толкая другъ-друга, ко входу; началась невообразимая давка и борьба, такъ какъ каждый хотѣлъ быть первымъ, чтобы добыть себѣ мѣсто для ночлега. Каждый зналъ, что, если ему этого не удастся, то ему придется провести ночь или на грязномъ полу, въ корридорѣ или даже совсѣмъ подъ открытымъ небомъ. Много было и такихъ, которымъ было все равно, гдѣ имъ придется спать; такіе обезпечивали себѣ хорошее мѣсто и продавали его потомъ за нѣсколько копѣекъ своимъ болѣе разборчивымъ товарищамъ.

Наконецъ, шумъ улегся, и преступники приступили къ ужину. Конвойные приносили за 1½ коп. чайникъ горячей воды. Ссыльные, которые были въ состояніи позволить себѣ эту роскошь, приготавливали себѣ чай, другіе брали себѣ супъ изъ солдатской кухни или ужинали остатками завтрака. Ужинъ арестантовъ бываетъ часто крайне скуденъ, такъ какъ крестьянки иногда приносятъ недостаточно сѣбственныхъ припасовъ; пересыльные вѣдомство считаетъ свою обязанность исполненной, когда она выдаетъ ссыльнымъ по 10 коп. и позволяетъ конвойнымъ солдатамъ и мужикамъ производить

¹⁾ Извѣстный русскій писатель Максимовъ рассказываетъ, что въ одномъ такомъ этапѣ онъ однажды насчиталъ 512 арестантовъ („Сибирь и Каторга“ С. Максимова. Т. I., стр. 81, С.-Петербургъ 1871). Г. Орфановъ, служившій около десяти лѣтъ въ Сибири, въ своемъ сочиненіи „Въ дали“ (стр. 220 С.-Петербургъ 1883) говоритъ, что въ верхнеудинскомъ этапѣ, разсчитанномъ первоначально на 140 чел., находилось иногда до 500 и даже 800 каторжниковъ.

торговлю съ ссыльными. Когда наступаетъ дороговизна, ссыльному рѣшительно нѣтъ никакой возможности прожить на выдаваемые ему деньги. Доходило до того, что во время неурожая ссыльные на получаемыя имъ 10 коп. могли едва купить 1½ фунта ржаного хлѣба! Этапные офицеры жаловались мнѣ неоднократно, что правительство проявляетъ крайнее равнодушіе къ страданіямъ и лишеніямъ ссыльных, и открыто заявляли, что нечеловѣчно заставлять ссыльнаго, получающаго всего 1½ фунта чернаго хлѣба на цѣлый день, тащиться въ сильнѣйшую вьюгу цѣлыхъ 27 вер. ¹⁾. Послѣ ужина произвели опять провѣрку; по всѣмъ четыремъ угламъ двора разставили часовыхъ, въ камеры и корридоры внесли большіе деревянные ушаты безъ крышекъ для отправленія естественныхъ нуждъ, зажгли сальныя свѣчи и заперли ссыльных на замокъ.

Почти половина арестантовъ устроила себѣ ночлегъ на грязномъ полу, безъ одѣялъ и подушекъ; воздухъ за ночь былъ до такой степени зараженъ, какъ себѣ можетъ представить только тотъ, который присутствовалъ самъ при пробужденіи арестантовъ. Я рѣшительно не понимаю, какъ люди могутъ выдержать нѣсколько мѣсяцевъ эту адскую жизнь и прибыть живыми на Кару. Я имѣлъ однажды намѣреніе добиться отъ одного мнѣ хорошо знакомаго офицера позволенія провести ночь въ камерѣ, но когда я вдохнулъ въ себя утромъ убійственный воздухъ, наполнявшій ее, я поспѣшилъ отказаться отъ своей мысли.

Второй день марша партіи ссыльно-каторжныхъ, оставшихъ Томскъ 24-го августа, весьма мало отличался отъ перваго. Послѣ торопливо сѣдѣннаго завтрака произвели переключку, а затѣмъ колонна выступила въ путь. Передъ полуднемъ каторжники опять сдѣлали привалъ, а уже подъ вечеръ, партія достигла главнаго этапа, гдѣ мѣняется конвой, и гдѣ каторжники остаются на сутки отдохнуть.

¹⁾ Этотъ случай произошелъ въ Верхне-Удинскѣ Забайкальской обл. Какъ намъ передавали офицеры, фунтъ чернаго хлѣба самаго сквернаго качества стоилъ 6—7 коп.; а арестанты получали 11 коп. въ день. Такой порядокъ вещей длился втеченіе всей осени 1885 г. и съ приближеніемъ зимы положеніе арестантовъ дѣлалось все болѣе и болѣе критическимъ. На жалобы конвойныхъ офицеровъ не обращали никакого вниманія, хотя главное тюремное управленіе циркуляромъ № 10887 отъ 15-го декабря 1880 г. предписало губернаторамъ въ случаѣ наступленія дороговизны увеличивать ежедневный арестантскій паекъ.

Главный этапъ отличался отъ ночлежнаго по величинѣ и расположенію зданій. Дворъ былъ гораздо обширнѣе, и камеры больше. Но какъ и тамъ, зданія были ветхи и годились лишь на сломъ; мѣста хватало лишь для половины каторжниковъ, которые пришли съ этимъ транспортомъ. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири, генераль Анучинъ даетъ правдивое изображеніе сибирскихъ этаповъ, которые онъ при этомъ видѣлъ въ самомъ лучшемъ состояніи. Въ своемъ отчетѣ, который былъ предназначенъ непосредственно для императора, и съ котораго мнѣ посчастливилось достать копію, генераль Анучинъ говоритъ между прочимъ: „На моемъ пути въ Иркутскъ я осмотрѣлъ большое число мѣстъ заключенія и долженъ, къ сожалѣнію, заявить, что большая часть тюремъ и этаповъ находится въ ужасномъ состояніи, въ особенности послѣдніе. За немногими исключеніями, они все пришли въ ветхое состояніе и въ санитарномъ отношеніи невозможны: все зданія насквозь пропитаны миазмами и не представляютъ никакой преграды къ бѣгству“.

Мой приговоръ былъ нисколько не строже этого оффиціального. Когда мѣста заключенія, специально вычищенные и подновленные по случаю приѣзда начальника края, произвели такое впечатлѣніе на генерала Анучина, то читатель можетъ представить себѣ мое впечатлѣніе, которое я вынесъ, видя тюрьмы и этапы въ ихъ будничной обстановкѣ. Я долженъ, однако, присовокупить, что характеристика, сдѣланная генераломъ Анучинымъ, не приложима ко всемъ тюрьмамъ: въ дер. Итацкой, возлѣ Маріинска, я нашелъ тюрьму въ полнѣйшей чистотѣ и порядкѣ; возможно, что это не единственная въ своемъ родѣ тюрьма, и что ихъ довольно въ Сибири, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ мнѣніе генераль-губернатора соотвѣтствуетъ вполне дѣйствительному положенію вещей.

„Ужасное состояніе“ мѣстъ заключенія въ Сибири слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать подкупности и неспособности мѣстныхъ властей и, вообще, недостаткамъ, свойственнымъ во всемъ мірѣ бюрократическому правленію. На постройку и починку тюремъ были отпущены громадныя деньги, но больше половины ихъ пошло въ карманы плутовъ-подрядчиковъ и подкупныхъ чиновниковъ, по-братски подѣлившихся казеннымъ добромъ. Одинъ инспекторъ пересыльнаго вѣдомства, хорошо знавшій, гдѣ лежитъ корень зла, замѣ-

тилъ однажды мнѣ: „Если собрать вмѣстѣ все деньги, ассигнованныя до сихъ поръ на эти сгнившіе бараки, то на всемъ пути отъ Томска до Иркутска можно было бы построить цѣлый рядъ тюремъ изъ массивнаго серебра“. Въ вышеупомянутомъ отчетѣ своемъ генераль Анучинъ говоритъ: „На поправку этихъ зданій были уже отпущены огромныя суммы, а въ послѣднее время ассигновано опять 250.000 руб. на постройку новыхъ этапныхъ домовъ въ Забайкальскомъ краѣ. Но я сильно сомнѣваюсь, окажутся ли на этотъ разъ лучшіе результаты, чѣмъ прежде, и боюсь, чтобы новые этапы не раздѣлили участи своихъ братьевъ въ Енисейской и Иркутской губ.“.

Опасенія генераль-губернатора Восточной Сибири вполне оправдались; какъ инспекторъ по транспорту ссыльных въ Восточной Сибири, такъ и начальникъ главнаго тюремнаго управленія согласились со мной, что забайкальскіе этапные дома „рѣшительно никуда не годятся“.

Ночь на вторникъ ссыльные провели въ ночлежномъ этапѣ Халдеевскомъ при такихъ же условіяхъ, какъ и въ Семилужной. Половина всехъ ссыльных спала на полу, подъ нарами или въ корридорахъ и вдыхала всю ночь воздухъ, зараженный миазмами, поднимавшимся изъ ушатовъ для экскрементовъ. Въ среду былъ роздыхъ; арестанты бродили цѣлый день по двору или читали „Арестантскія Новости“ на стѣнахъ этапнаго дома. Въ каждой сибирской тюрьмѣ все стѣны покрыты надписями. Это или привѣтствія друзьямъ, намеки и совѣты бродягъ своимъ товарищамъ, замышляющимъ бѣгство, имена умершихъ каторжниковъ или убѣжавшихъ и опять поповшихся сотоварищей, загадочныя надписи на жаргонѣ бродягъ, короче,—стѣны сибирскихъ тюремъ представляютъ чисто арестантскую газету, и ея сообщенія имѣютъ особый интересъ для всехъ тѣхъ, которыхъ правительство отпустило „прогуляться по Владиміркѣ“. Опытный и знакомый со всеми тонкостями арестантскаго жаргона ссыльный спѣшитъ по приходѣ въ этапную тюрьму прежде всего разсмотрѣть стѣны ея въ надеждѣ найти нужныя ему указанія. Г. Галкинъ-Врасскій, главный начальникъ всего тюремнаго вѣдомства въ Россіи, отлично понимая значеніе этихъ надписей на стѣнахъ, приказалъ тщательно уничтожить ихъ. Имѣлъ ли этотъ приказъ желательный успѣхъ? Ссыльные умудряются всегда перехитрить тюремныхъ чиновниковъ; они

найдутъ для своей корреспонденціи такіе укромные уголки, о которыхъ тѣ не будутъ имѣть никакого представленія, но которые сейчасъ же найдетъ опытный арестантъ.

Въ четвергъ утромъ капитанъ Гудимъ съ своими солдатами вернулся въ Томскъ, между тѣмъ какъ транспортъ ссыльныхъ направился въ сопровожденіи новаго конвоя дальше на востокъ. Съ удовольствіемъ пропутешествовалъ бы я еще недѣлю вмѣстѣ съ партіей, чтобы еще основательнѣе ознакомиться съ жизнью ссыльныхъ въ дорогѣ, но я еще долженъ былъ покончить въ Томскѣ со многими дѣлами и поэтому я поспѣшилъ вернуться назадъ еще прежде, чѣмъ г. Гудимъ передалъ ввѣренныхъ ему арестантовъ новому конвойному офицеру.

Такъ однообразно тянется жизнь ссыльныхъ во время марша по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ стужу и зной, въ дождь и ведро, въ пыль и грязь медленно шагаютъ эти несчастные, все время держась восточнаго направленія, переправляются на паромахъ черезъ рѣки, взбираются въ проливные дожди на поросшія лѣсомъ возвышенности, увязаютъ по колѣно въ жидкой грязи болотистыхъ мѣстностей, спятъ каждую ночь въ пропитанныхъ міазмами этапныхъ помѣщеніяхъ и день за днемъ все ближе и ближе подвигаются къ своей конечной цѣли—страшнымъ забайкальскимъ рудникамъ.

VIII.

Жизнь на большомъ сибирскомъ трактѣ.

Наши обширныя знакомства съ правительственными чиновниками, съ одной стороны, и съ политическими ссыльными съ другой, приводили насъ иногда въ довольно затруднительное положеніе. Незадолго до нашего отъѣзда въ Иркутскъ у насъ сидѣли двое политическихъ ссыльныхъ, Волховскій и Чудновскій, какъ вдругъ служитель гостиницы постучалъ въ дверь и, широко растворивъ ее, доложилъ о приходѣ его превосходительства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника г. Пѣтухова, временнаго губернатора Томской губ. Душа ушла у меня въ пятки, какъ говоритъ русскій народъ. Я не зналъ, что за отношенія существовали между моими знакомыми и г. Пѣтуховымъ. Мы были нѣсколько разъ съ визитомъ у послѣдняго, но ни разу не упомянули ему о нашихъ сношеніяхъ съ „политическими“; вообще въ разговорахъ съ мѣстными правительственными чиновниками мы умышленно избѣгали заводить разговоръ о политической ссылкѣ, чтобы не вызывать лишнихъ разспросовъ и подозрѣній. И теперь самъ губернаторъ застаётъ за нашимъ письменнымъ столомъ двухъ самыхъ выдающихся „политическихъ“, занятыхъ писаніемъ писемъ. Было очень легко потерять на минуту присутствіе духа. Я едва успѣлъ спросить Волховскаго и Чудновскаго, желаютъ ли они, чтобы я ихъ представилъ г. Пѣтухову, какъ послѣдній уже стоялъ на порогѣ. При видѣ находившагося въ комнатѣ общества на его любезномъ лицѣ выразилось на мигъ недоумѣніе, но въ то время, какъ онъ снималъ пальто и галоши, онъ успѣлъ вполне овладѣть съ собой. Когда онъ подошелъ къ г. Фросту и ко мнѣ, чтобы поздороваться, на его лицѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшаго слѣда досады или замѣшательства. Съ такою же сер-

дечностью, какъ и намъ, онъ пожалъ руку обоимъ осужденнымъ на каторжныя работы нигилистамъ. Онъ началъ разговоръ, въ которомъ могли принять участіе оба нашихъ гостя, и черезъ пять минутъ бесѣда сдѣлалась общей, благодаря замѣчательному такту и вѣжливости, проявленнымъ начальникомъ губерніи. Наше общество во всякомъ случаѣ носило довольно разнообразный характеръ: одинъ американскій журналистъ, одинъ художникъ той же національности, два политическихъ преступника, которые уже испытали одиночное заключеніе, смиренную куртку и ссылку въ Сибирь, и, наконецъ, русскій губернаторъ, высшій мѣстный представитель того правительства, которое подвергло „политическихъ“ всѣмъ этимъ наказаніямъ; но здѣсь были забыты всѣ официальные отношенія, и бесѣда была такъ оживлена, какъ будто бы встрѣтились четверо старыхъ знакомыхъ, членовъ одного и того же клуба.

Я не знаю, сообщилъ ли г. Пѣтуховъ министру внутреннихъ дѣлъ о нашихъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ сосланными революціонерами; думаю, что онъ этого не сдѣлалъ. Онъ былъ вѣрнымъ слугою своего государя и, осуждая, какъ вѣрноподанный, революціонное движеніе, онъ все-таки признавалъ тотъ фактъ, что между революціонерами находились люди съ выдающимся образованіемъ и высокими нравственными принципами, которые должны были привлечь на себя вниманіе иностраннаго путешественника.

Число „политическихъ“, находившихся въ Томскѣ во время моего тамошняго пребыванія, достигало 30 чел., изъ нихъ 6—8 были женщины. Нѣкоторые изъ административно-ссылныхъ только что прибыли изъ Россіи, другіе были первоначально сосланы на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, но вслѣдствіе разстроеннаго здоровья они были переведены на житіе въ не столь отдаленныя мѣста, третьи были немногіе оставшіеся еще въ живыхъ участники процесса „193“, которые нѣсколько лѣтъ изнывали въ Петропавловскихъ казематахъ, пока они не были осуждены на ссылку въ Западную Сибирь.

Я былъ пораженъ, встрѣтивъ въ Томскѣ административно-ссылныхъ, которые провели нѣсколько лѣтъ своей ссылки въ полярной Якутской области и потомъ лишь вернулись въ Западную Сибирь.

„Скажите пожалуйста“, сказалъ я одному изъ нихъ:

„развѣ ссылаютъ административнымъ порядкомъ въ Якутскую область, эту самую ужасную часть Восточной Сибири? Я до сихъ поръ былъ того мнѣнія, что въ эту область ссылаютъ лишь самыхъ опасныхъ государственныхъ преступниковъ или-же взбунтовавшихся каторжниковъ изъ байкальскихъ рудниковъ“.

„Это не совсѣмъ вѣрно“, отвѣчалъ онъ. „Обыкновенно, сосланные административнымъ порядкомъ размѣщаются по городамъ и деревнямъ Западной Сибири, а въ послѣдствіи, въ видѣ наказанія ссылаются въ Якутскую область. Я самъ вначалѣ былъ сосланъ въ Западную Сибирь, но когда я въ 1881 году отказался принести присягу на вѣрность Александру III, меня выселили отсюда“.

„Развѣ правительство, которое осудило васъ за государственную измѣну, требуетъ отъ васъ присяги на вѣрноподданство?“

„Конечно, и такъ какъ я не могъ и не желалъ принести ея, меня сослали въ Якутскій улусъ“¹⁾.

„Но вѣдь это не только несправедливо, но даже бессмысленно!“ вскричалъ я: „Какъ можно требовать отъ политическаго ссыльнаго такой присяги?“

„Конечно, это было глупо, но это все таки было“, возразилъ онъ: „правительство не только не удовольствовалось этой присягой, но еще потребовало отъ меня, чтобы я высказалъ подъ клятвой все, что мнѣ извѣстно о революціонномъ движеніи, говоря иначе, чтобы я выдалъ всѣхъ моихъ друзей. Конечно, этого я не могъ исполнить, если бы ссылка даже и превратила меня въ вѣрноподданнаго“.

¹⁾ Улусами называются поселенія туземцевъ, которыя состоятъ изъ 1—2 покрытыхъ землей юртъ и которыя лежатъ въ дикой глуши, въ сотняхъ верстъ отъ ближайшей русской деревни и, по меньшей мѣрѣ, въ 7500 вер. отъ Петербурга. Господинъ, о которомъ я здѣсь упоминаю, былъ сосланъ въ одинъ улусъ, лежавшій въ Амгинскомъ округѣ, 5⁰ южнѣ сѣвернаго полярнаго круга, и въ жестокую полярную зиму долженъ былъ отправиться на мѣсто своего назначенія. Я имѣю списокъ 79 „политическихъ“, которые въ 1882 г. проживали въ такихъ якутскихъ улусахъ. Между ними находились извѣстный русскій писатель Владимиръ Короленко, г. Богдановичъ, бывший профессоръ химіи въ одномъ изъ галицкихъ университетовъ, и г. Линева, проведеншій нѣсколько лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ и бывший даже сѣверо-американскимъ гражданиномъ, далѣе 9 образованныхъ женщинъ, одинъ нѣмецъ и одинъ французъ. Насколько я знаю, послѣдніе двое тщетно апеллировали къ своимъ правительствамъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что въ 1881 г., при восшествіи на престолъ Императора Александра III, министръ внутреннихъ дѣлъ потребовалъ отъ всѣхъ административно-ссылныхъ, чтобы они присягнули на вѣрность новому императору. Этотъ фактъ былъ для меня совершенно новъ. Я былъ пораженъ, слыша, что правительство было на столько безумно, чтобы ожидать отъ людей, осужденныхъ за измѣну прошлому императору и перенесшихъ уже не одно наказаніе, присяги на вѣрность новому царю. Министръ или дѣйствительно питалъ эту надежду, или схитрилъ, желая воспользоваться представившимся случаемъ снова наказать „политическихъ“, которые уже долго ни въ чемъ не провинялись. Если какой-нибудь преступникъ рѣшительно отказывается сознаться, что онъ поступилъ неправо, то, конечно, онъ долженъ отбыть слѣдующее ему наказаніе, но это еще не даетъ права увеличить это наказаніе втрое. Если министръ внутр. дѣлъ не считалъ этихъ людей за измѣнниковъ трону, онъ не имѣлъ права ихъ сослать; если же онъ хорошо зналъ, что царь не имѣетъ въ нихъ вѣрноподданныхъ, то, съ его стороны, было въ высшей степени безчеловѣчно и несправедливо предоставить имъ на выборъ одно изъ двухъ: или совершить клятвопреступленіе или быть заживо погребенными въ якутскихъ улусахъ. Десятки мужчинъ и женщинъ были только потому отправлены изъ Западной Сибири въ сибѣрныя пустыни сѣверной Азіи, что они не желали быть клятвопреступниками и измѣнниками. Между ними находился также талантливый русскій писатель Владиміръ Короленко. Онъ въ третій разъ уже находился въ ссылке: въ первый разъ „по ошибкѣ“, во второй разъ, потому что не хотѣлъ быть предателемъ своихъ друзей и сопротивлялся поцѣловать желѣзную руку, которая ввергла его въ несчастіе, и которой присягнуть на вѣрность его принуждали. Для того, чтобы читатель не думалъ, что я преувеличиваю, называя ссылку въ якутскій улусъ погребеніемъ заживо, я постараюсь изобразить ее такъ, какъ ее описываютъ непредубѣжденные и хорошо знакомые съ нею русскіе писатели. Въ началѣ 1881 г., когда либеральный Лорисъ-Меликовъ предоставилъ русской печати минимальную долю свободы, извѣстный русскій публицистъ С. А. Приклонскій, бывшій когда-то чиновникомъ особыхъ порученій при олонекскомъ губернаторѣ,

обнародовалъ въ либеральной, вскорѣ приостановленной газетѣ „Земство“ длинную и прекрасно составленную статью „Ссылка административнымъ порядкомъ“. Въ этой статьѣ, носящей подпись автора, г. Приклонскій изображаетъ слѣдующимъ образомъ жизнь политическихъ ссыльныхъ въ якутскихъ улусахъ:

„Въ Якутской области практикуется одинъ родъ ссылки, болѣе суровый и варварскій, чѣмъ русское общество можетъ себѣ представить: это ссылка въ улусы. Политическихъ ссыльныхъ размѣщаютъ по якутскимъ юртамъ, далеко отстоящимъ другъ отъ друга, причемъ въ каждой помѣщаютъ только по одному человѣку. Въ № 23 „Русской Газеты“ помѣщено слѣдующее извлеченіе изъ одного частнаго письма, которое подробно рисуетъ ужасное положеніе образованнаго человѣка, заброшеннаго къ этимъ сѣвернымъ дикарямъ.“

„Козаки, провожавшіе меня изъ Якутска до мѣста назначенія, направились назадъ, оставивъ меня одного между якутами, не говорящими ни слова по-русски. Они непрерывно охраняютъ меня, потому что боятся лежащей на нихъ, въ случаѣ моего бѣгства, отвѣтственности передъ русскими властями. Едва я оставляю лежащую уединенно хижину якута, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ по моимъ слѣдамъ уже плетется какой-нибудь недовѣрчивый якутъ. Если я беру въ руки топоръ, чтобы вырубить себѣ палку, то якутъ посредствомъ пантомимы велитъ оставить его и вернуться назадъ въ юрту. Я повинуюсь и отправляюсь въ хижину; здѣсь передъ огнемъ сидитъ одинъ якутъ въ костюмѣ Адама до грѣхопаденія и занятъ охотой на вшей—какое возбуждающее умъ и душу зрѣлище! Якуты живутъ всю зиму подъ одной кровлей съ своимъ скотомъ въ одномъ единственномъ помѣщеніи. Скотскій навозъ, дѣгскіе экскременты, неописуемая неряшливость, безпорядокъ, грязь, гниющая солома, лохмотья, миллиарды клоповъ въ постелѣ, зараженный воздухъ, невозможность сказать русскаго слова—все это, вмѣстѣ взятое, можетъ привести къ умопомѣшательству. Пищу якутовъ едва можно ѣсть, она приготовляется неряшливо, безъ соли, изъ испорченныхъ продуктовъ, непривычный желудокъ не можетъ переварить ее и безпрестанно отрыгаетъ. Я долженъ ѣсть изъ общей чашки и не имѣю даже собственныхъ платьевъ. Нѣтъ никакой возможности вымыться, и въ теченіе восьми зимнихъ мѣсяцевъ я

грязень, какъ якутъ. Ближайшій городъ находится въ 200 вер., т. е. для меня недостижимъ. Черезъ каждыя шесть недѣль я перехожу на жительство къ другой якутской семьѣ; до меня не доходятъ ни книги, ни газеты; я рѣшительно не знаю, что дѣлается на свѣтѣ“.

Г. Приклонскій, комментируя это письмо, прибавляетъ, что болѣе жестокаго наказанія нельзя придумать; ссылка въ якутскій улусъ можетъ быть поставлена на ряду съ участью чловека, привязаннаго къ хвосту дикой лошади или прикованнаго къ разлагающемуся трупу и оставленнаго на произволъ судьбы. Умъ отказывается вѣрить, что чловеческое существо по одному только приказу исполнительной власти, не видѣвъ даже своихъ судей въ глаза, можетъ быть подвергнуто такимъ пыткамъ, такому наказанію, которое до того варварско, что европейская цивилизація вычеркнула его изъ своего свода законовъ, содрогаясь при мысли примѣнить что-либо подобное даже къ самому ужасному преступнику, изобличенному въ самыхъ невѣроятныхъ преступленіяхъ. И не взирая на все это, увѣряетъ корреспондентъ „Русской Газеты“, до сихъ поръ не произошло ни малѣйшаго улучшенія въ его участи; десять вновь прибывшихъ „административныхъ“ размѣщены по якутскимъ юртамъ, и со дня на день ожидаютъ еще новыхъ¹⁾.

1) Такъ какъ г. Приклонскій, мужественный и талантливый авторъ этой статьи, уже умеръ, такъ что мои разоблаченія ему уже не могутъ повредить, то я имѣю право сообщить, что онъ самъ лично передалъ мнѣ копію съ этой статьи вмѣстѣ съ массой другихъ матеріаловъ, касающихся ссылки административнымъ порядкомъ. Это былъ благородный чловекъ съ выдающимися способностями. Его „Очерки самоуправленія“ 1884 г. „Народная жизнь на сѣверѣ“ и цѣлый рядъ статей о мѣстномъ самоуправленіи и положеніи русскихъ крестьянъ, напечатанныхъ въ „Земствѣ“, „Недѣльи“ и „Русской Мысли“ создали ему извѣстность въ Россіи. Онъ вовсе не былъ революціонеромъ, и цитированная мною статья появилась не въ революціонной газетѣ, а въ „Земствѣ“, неофициальномъ органѣ русскаго земства, выходившемъ подъ редакціей извѣстнаго русскаго публициста В. У. Скалона. Я упоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы показать, что русское правительство не можетъ привести никакихъ оправданій въ пользу того, что оно до сихъ поръ не улучшило участи несчастныхъ ссыльныхъ въ Якутской области, такъ какъ не разъ обращали вниманіе его на неслыханныя муки люди, которые готовы были открыто защищать свои слова, граждане, патріотическія заслуги которыхъ давали имъ право на внимательное отношеніе къ ихъ заявленіямъ. Такъ какъ министръ внутр. дѣлъ до сихъ поръ продолжаетъ ссы-

Статья г. Приклонскаго подтверждается частными письмами, которыя я получилъ отъ сосланныхъ въ улусы, разсказами громаднаго числа ссыльныхъ, а также моимъ личнымъ опытомъ. Я самъ спалъ въ якутскихъ хижинахъ, крытыхъ землею, имѣя около себя домашній скотъ, самъ переносилъ нѣкоторыя изъ тѣхъ лишеній, которыя неразлучны съ этими жилищами дикарей; поэтому я знаю, какъ страшно для образованнаго чловека, въ особенности, для женщины, проводить цѣлые мѣсяцы, иногда даже годы, въ этой невыносимой средѣ. Я не желалъ при этомъ скрыть правды: ссыльные, которые имѣютъ право получать деньги отъ своихъ родныхъ, покупаютъ или строятъ себѣ отдѣльныя избы, и такимъ образомъ ихъ существованіе дѣлается немного сносно. Такъ проживали В. Короленко и многіе другіе „административные“, съ которыми я познакомился въ Томскѣ. Они даже имѣли право держать книги и два или три раза въ годъ писать своимъ роднымъ, конечно, подъ условіемъ передавать свои письма для просмотра полиціи. Но, не смотря на всѣ эти облегченія, лишенія и страданія „политическихъ“ въ Якутской области были еще довольно значительны. Г. Линева, проведеншій нѣсколько лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ и говорившій хорошо по-англійски, говорилъ мнѣ, что ему по мѣсяцамъ не приходилось видѣть хлѣба, такъ что онъ все время питался мясомъ и рыбой. Его здоровье было до того разстроено, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашего знакомства онъ умеръ въ одной этапной тюрьмѣ. Насколько жизнь сосланныхъ въ улусы политическихъ преступниковъ даже при всѣхъ облегченіяхъ не выносива, явствуетъ изъ цифры самоубійствъ. Изъ „политическихъ“, изнывавшихъ въ 1882 г. въ якутскихъ улусахъ, до моего пріѣзда въ 1885 г. покончили съ собой шестеро; сколько изъ нихъ наложило на себя руку послѣ моего отъѣзда, мнѣ неизвѣстно, но имена вышеупомянутыхъ шести „политическихъ“ я могъ бы назвать.

Равнодушіе, съ которыми русскіе революціонеры разсказывали мнѣ о самыхъ возмутительныхъ несправедливостяхъ и необыкновенныхъ страданіяхъ своихъ сотоварищей, при-

лать образованныхъ людей въ якутскіе улусы, то весь цивилизованный міръ можетъ вывести отсюда только одно заключеніе, что онъ съ злымъ умысломъ ссылаетъ мужчинъ и женщинъ въ Сибирь, не подвергая ихъ даже судебному слѣдствію.

водило меня въ изумленіе. Мужчины и женщины, сосланные въ полярныя пустыни за то, что сопротивлялись принести Александру III присягу на вѣрность, повидимому, не отдавали сами себѣ отчета въ необычайности пережитого ими. Конечно, иногда случалось, что краска гнѣва бросалась въ лицо „политическому“, когда онъ вспоминалъ о самоубійствѣ своей жены, не выдержавшей всѣхъ сладостей ссылки, и кулаки его тогда судорожно сжимались, или что мать, ребенокъ которой замерзъ у нея на рукахъ во время марша, не могла докончить своего печальнаго разсказа и раздражалась истерическими рыданіями, но въ общемъ ссыльные съ большой сдержанностью вспоминали о своихъ страданіяхъ, какъ будто бы они были нѣчто неизбѣжное въ ихъ жизни. Г. Х., прожившій въ изгнаніи въ К., показалъ мнѣ однажды цѣлое собраніе фотографическихъ карточекъ своихъ друзей и товарищей. Когда то или другое лицо особенно привлекало мое вниманіе или по красотѣ или по характерности своихъ чертъ, я его спрашивалъ объ этой особѣ.

„Это“, сказалъ г-нъ Х. спокойно: „г-жа А.; она была народной учительницей и умерла три года тому назадъ отъ чахотки, которую она схватила въ тюрьмѣ. Этотъ господинъ, съ окладистой бородой Б., былъ прежде мировымъ судьей въ Г., въ 1879 г. его повѣсили въ Петербургѣ; эта дѣвушка съ узкимъ лицомъ одна изъ такъ называемыхъ пропагандистокъ; она лишилась разсудка во время пребыванія въ предварительномъ заключеніи. Эта красивая женщина съ крестомъ на рукѣ — госпожа Д., бывшая въ послѣднюю русско-турецкую войну сестрой милосердія на театрѣ военныхъ дѣйствій; она присуждена къ двадцатилѣтней каторжной работѣ и находится въ настоящее время въ карскихъ рудникахъ. А вотъ эта дама на другой сторонѣ, г-жа Е., была курсисткой на Бестужевскихъ курсахъ; просидѣвъ два года въ одиночномъ заключеніи при Петропавловской крѣпости, она перерѣзала себѣ осколкомъ стекла горло“.

Въ такихъ короткихъ словахъ разсказывалъ г-нъ Х. трагедіи, героями которыхъ были подлинники находившихся у него фотографій, и при этомъ ни въ голосѣ, ни въ лицѣ его нельзя было замѣтить ни малѣйшаго волненія.

Слушая его, можно было подумать, что ничего необычайнаго не было въ томъ, что самые близкіе ему люди были осуждены на смертную казнь или на пожизненныя каторжныя

работы, что они лишались разсудка или въ отчаяніи перерѣзывали себѣ осколкомъ стекла горло. Но его спокойствіе не было ни безчувственностью, ни недостаткомъ симпатій къ своимъ друзьямъ; оно было только результатомъ его долготѣяго знакомства съ русскими наказаніями. Ко всему на свѣтѣ можно привыкнуть, а русскіе революціонеры испытывали на своемъ вѣку столько мученій, преслѣдованій и наказаній, что они безъ волненія могутъ говорить о явленіяхъ, которыя меня глубоко возмущали и волновали.

„Два раза въ жизни“, сказалъ мнѣ одинъ извѣстный русскій либераль: „мнѣ сдѣлалось яснымъ, что значитъ быть свободнымъ гражданиномъ. Первый разъ это было на русской границѣ въ 187—г., когда я возвращался изъ путешествія по Соединеннымъ Штатамъ. Какая разница была въ обращеніи пограничныхъ жандармовъ со мною и ѣхавшими вмѣстѣ со мной двумя англичанами. Второй разъ было какъ разъ теперь, когда я видѣлъ, какое впечатлѣніе произвела на васъ исторія г. Б. На вашемъ лицѣ можно было прочесть, насколько ужаснымъ и неправдоподобнымъ кажется вамъ все слышанное; на меня же это производитъ такое же впечатлѣніе, какъ будто бы кого-нибудь переѣхали на улицѣ. Наблюдая за мѣняющимся выраженіемъ вашего лица, я сталъ представлять себѣ всѣ эти вещи съ вашей точки зрѣнія и опять почувствовалъ въ глубинѣ души разницу между гражданиномъ свободного государства и русско-подданнымъ“.

Положеніе политическихъ ссыльныхъ въ Томскѣ было лучше, чѣмъ гдѣ-либо во всей Сибири. Князь Крапоткинъ жаловался на климатъ, но онъ не былъ суровѣе, чѣмъ климатъ на сѣверѣ Новой Англіи. Томскіе обыватели были образованы, въ городѣ была книжная торговля, прекрасная публичная бібліотека, театръ, либеральная газета, конечно, если она не была запрещена, и прекрасныя учебныя заведенія; власти не были такъ своевольны, какъ въ Тобольской губ.; политическіе ссыльные могли свободно сходитьсѣ другъ съ другомъ; корреспонденція по большей части не подлежала просмотру полиціи; вообще, вся жизнь въ Томскѣ была вполне сносною. Въ виду все этого можно отъ души пожалѣть, что на будущее время Томскъ не будетъ больше служить мѣстомъ ссылки. Русское правительство приняло недавно рѣшеніе открыть въ Томскѣ медицинскій факультетъ. Такъ какъ оно употребляетъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы

студенты не заразились „опасными идеями“, то наврядъ ли оно допустить приливъ молодежи въ городъ, интеллигенція котораго настолько проникнута „неблагонадежнымъ“ духомъ. Талантливая молодежь, познакомившись съ Чудновскимъ или княземъ Крапоткинымъ, могла бы подъ влияніемъ ихъ рассказовъ получить не совсѣмъ благоприятное мнѣніе о русскомъ правительствѣ, если оно уже такового не имѣла раньше. Если поэтому министръ внутреннихъ дѣлъ послѣ четырехлѣтняго колебанія рѣшился сдѣлать „опасный“ опытъ и далъ свое согласіе на открытіе университета, то слѣдуетъ опасаться, что „политическіе“ будутъ удалены изъ Томска. Простившись со всѣми „политическими“, полковникомъ Ягодкинымъ и другими офицерами, которые оказали намъ самое радушное гостепріимство, мы запаслись свѣжей подорожной, и 21-го августа тройка сильныхъ почтовыхъ лошадей помчала нашъ старый тарантасъ по дорогѣ, ведущей въ Иркутскъ. Губернаторъ Пѣтуховъ обѣщалъ дать намъ открытый листъ ко всѣмъ конвойнымъ офицерамъ, стоявшимъ подъ его командой, для того, чтобы мы могли имѣть свободный доступъ во всѣ этапныя тюрьмы, но онъ или забылъ свое обѣщаніе или раскаялся въ томъ, что далъ таковое, увидѣвъ у насъ въ гостяхъ „политическихъ“; короче говоря, мы должны были сами добиться доступа въ пересыльныя тюрьмы. На пути нашемъ въ Ачинскъ, первый восточно-сибирскій городъ, черезъ который намъ приходилось проѣзжать, не приключилось ничего особеннаго. Волнообразная мѣстность, тамъ и сямъ пересѣкаемая цѣпью холмовъ, была слабо населена и отчасти покрыта лѣсомъ, отчасти воздѣлана подъ хлѣбъ. Часто мы по цѣлымъ часамъ ѣхали по густому березовому, тополевому или хвойному лѣсу, видя только небо надъ собой и грязное шоссе передъ собой, затѣмъ дорога тянулась по лугамъ или долинамъ, окруженнымъ холмами, склоны и подшвы которыхъ были покрыты полями. Погода была прохладна, но ничто не напоминало еще приближенія осени: мухи кусали съ такой же яростью, какъ и въ серединѣ лѣта, луга были покрыты безчисленными цвѣтами. Мѣстность, тянувшаяся между ст. Итацкой и ст. Боготольской, приблизительно въ 70 вер. на западъ отъ Ачинска, была безспорно самой живописной и наилучше обработанной на всемъ пути нашемъ до Иркутска. Плодородная волнообразная равнина въ своемъ осеннемъ одѣяніи, группы березъ и тополей на

лужайкахъ, покрытыхъ множествомъ цвѣтовъ, на освѣщенныхъ солнцемъ склонахъ холмовъ, волнующіяся поля пшеницы—среди высокаго хлѣба мелькали фигуры жницъ, въ яркихъ платьяхъ,—все это было очень живописно и представляло массу благодарныхъ мотивовъ для кисти художника.

Деревни въ этой части Сибири были менѣе привлекательны. Онѣ состояли обыкновенно изъ двухъ рядовъ избъ, тянувшихся на двѣ-три версты вдоль грязной деревенской улицы, безъ всякаго признака растительности. Единственной зеленью была еловая вѣтка, висѣвшая надъ входомъ въ кабакъ. Кабаки эти, которые носятъ массу различныхъ названій, представляютъ для государства очень важный источникъ дохода, а мужиковъ доводятъ до сумы; они одни виной того запустѣнія и нищеты, бросающихся наблюдателю въ глаза при видѣ села на большомъ сибирскомъ тракѣ. Въ Западной Сибири приходится на одну школу 30 кабаковъ, а въ Восточной Сибири—даже 35. Въ странѣ, гдѣ между возможностью учиться и случаемъ напиться существуетъ такое отношеніе, нельзя требовать порядочности, опрятности и благосостоянія.

Кладбища восточно-сибирскихъ деревень были болѣе достойны вниманія, чѣмъ онѣ сами. Я могу до сихъ поръ еще припомнить одно кладбище въ этой части Сибири, на которомъ болѣе половины могилъ была украшена громадными черными крестами, а вокругъ каждой могилы былъ устроенъ палисадъ изъ желтыхъ, красныхъ, зеленыхъ и голубыхъ кольевъ. Нѣкоторые кресты имѣли надпись изъ трехъ буквъ: І. Г. С. (Должно быть, І. Х. Ц. І., примѣч. перев.), на другихъ Спаситель былъ сдѣланъ съ необыкновенно длинными ногами, которыя достигали до самаго основанія высокаго креста. Нельзя представить себѣ картины, наводящей большій ужасъ на неразвитаго поселенина въ сумеркахъ, чѣмъ эта фигура Христа, окрашенная въ ярко-бѣлый цвѣтъ на черномъ фонѣ креста, окруженнаго палисадомъ изъ разноцвѣтныхъ кольевъ. Любовь русскихъ къ яркимъ краскамъ преодолеваетъ даже смерть. Ни въ одной части свѣта, ни у одного народа я не видалъ на кладбищѣ такихъ яркихъ красокъ, какъ у русскихъ.

На всемъ пространствѣ отъ Томска до Ачинска уборка хлѣба была въ полномъ разгарѣ, и во многихъ деревняхъ все населеніе, кромѣ смотрителя почтовой станціи, было въ полѣ. Въ одной деревнѣ увидали мы маленькаго ребенка съ

бѣлыми какъ ленъ волосами, навязавшаго себѣ на шею коровій бубенчикъ и съ наслажденіемъ грызшаго рѣпу. Его рубашонка изъ грубаго полотна была вся покрыта грязью, въ которой онъ валялся.

Вблизи другого поселенія мы замѣтили спутанную по ногамъ лошадь, которая мирно паслась; мы вспомнили, что приближались къ поселенію ссыльныхъ. Я слыхалъ, что однажды русское правительство приказало одному строптивому колоколу вырвать языкъ, а затѣмъ сослало его въ Сибирь, такъ какъ онъ зазвучалъ, когда его переворачивали¹⁾. Но мысль, что русское правительство начинаетъ уже заниматься ссылкой „неблагонадежныхъ“ лошадей, все-таки привела меня въ изумленіе. Отъ смотрителя почтовой станціи я узналъ, что лошадь вовсе не „угрожала общественному порядку“ тѣмъ, что сопротивлялась заржать при восшествіи на престолъ Александра III, но что она привыкла убѣгать, почему владѣлецъ спуталъ ее арканомъ по ногамъ.

Между ст. Краснорѣчинской и Бѣлоярской, въ 27 вер. на западъ отъ Ачинска, мы переѣхали границу между Томской и Енисейской губ., означенную двумя кирпичными столбами съ гербами обѣихъ губерній. Начиная отсюда, приходилъ съ платить вмѣсто 1½ коп. съ лошади и версты 3 коп., такъ что наши расходы удвоились, а скорость ѣзды и неудобства остались прежнія. Причины возвышенія поперстной платы заключается въ дороговизнѣ средствъ къ жизни и фуража для людей, хотя правительство по отношенію къ ссыльнымъ не придерживается того же принципа. Въ Западной ли или Восточной Сибири, стоитъ ли фунтъ чернаго хлѣба 2 или 7 коп., ссыльный получаетъ въ день гривенникъ. Въ Западной Сибири онъ съ грѣхомъ пополамъ поддерживаетъ свое существованіе, въ Восточной Сибири и Забайкальѣ онъ почти постоянно голодаетъ.

Во вторникъ, 1-го сентября, проѣхали мы черезъ Ачинскъ. Отсюда началась самая тяжелая и утомительная часть нашей поѣздки. Характеръ страны сдѣлался сразу дикимъ и гористымъ. На протяженіи 90—100 вер. дорога тянулась по лѣсистымъ горнымъ хребтамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга рядомъ болотистыхъ овраговъ; безпрестанно шелъ дождь; пятерка лошадей съ величайшимъ трудомъ втаскивала

нашъ тяжелый тарантасъ на крутые скаты холмовъ и черезъ горныя долины, почва которыхъ состояла изъ размякшей глины. Даже тамъ, гдѣ почва была сравнительно тверже, тысячу тяжелыхъ возовъ образовали глубокія рытвины, и неудачный опытъ улучшить дорогу посредствомъ погруженія въ жидкое болото, въ которое обратилась дорога, огромныхъ стволѣвъ еще ухудшалъ наше положеніе. Въ первую ночь по выѣздѣ нашемъ изъ Ачинска я по крайней мѣрѣ разъ 3—400 ударился головой о крышу и стѣны тарантаса. Послѣ 20-часовой ѣзды, перемѣнивъ четыре раза лошадей, мы достигли ст. Ибрульской. Хотя мы проѣхали всего 72 вер., но я чувствовалъ себя ужасно скверно, благодаря толчкамъ, бессонницѣ и скверному питанію. Г. Фростъ выглядѣлъ до того плохо, что я сталъ сильно беспокоиться; но, несмотря на свое болѣзненное состояніе, онъ не хотѣлъ остановиться на почтовой станціи, биткомъ набитой проѣзжими. Поэтому мы сейчасъ же послѣ чаю отправились дальше въ Красноярскъ. Цѣлыхъ четверо сутокъ питались мы однимъ чаемъ и хлѣбомъ, такъ какъ лишь на одной почтовой станціи намъ удалось достать мяса. Въ своей жизни мнѣ не приходилось ѣхать по такой скверной дорогѣ, какъ та, которая лежитъ между Ачинскомъ и Красноярскомъ, и мы почувствовали извѣстнаго рода удовлетвореніе, когда узнали, что новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири графъ Игнатьевъ, который за нѣсколько дней до насъ проѣхалъ по этой дорогѣ, былъ до того взбѣшенъ, что приказалъ немедленно арестовать подрядчика, взявшаго на себя починку дороги. По крайней мѣрѣ, хоть одинъ разъ неограниченная власть была употреблена на пользу народа.

Въ среду, 2-го сентября, вечеромъ мы прибыли въ Красноярскъ. Съ самаго Томска мы проѣхали въ теченіе пяти сутокъ около 550 вер. Сытный ужинъ и продолжительный сонъ настолько возстановили наши силы, что мы на слѣдующій день могли сдѣлать визитъ г. Льву Петровичу Кузнецову, богатому золотопромышленнику, къ которому мы имѣли изъ Петербурга рекомендацію. Мы не воображали, въ какую пріятную семью, въ какія роскошныя палаты доставить намъ это письмо доступъ. Услуга, который открылъ намъ двери, проводилъ насъ въ самую красивую и изящную пріемную комнату, какую мы только видали въ Россіи. Она была длиною въ 50 ф., шириною 35 ф. и вышиною въ 20 ф.

¹⁾ Знаменитый углицкій колоколъ: онъ находится теперь въ Тобольскѣ.

Блестящій паркетный полъ былъ выложенъ восточными коврами; въ оконныхъ нишахъ, снабженныхъ богатыми гардинами, стояли группы пальмъ, папоротниковъ и другихъ цвѣтущихъ растений. Обширная комната выглядѣла еще больше, благодаря огромнымъ зеркаламъ, висѣвшимъ по всѣмъ стѣнамъ; въ роскошномъ мраморномъ каминѣ пылалъ огонь; по стѣнамъ были развѣшены картины знаменитыхъ русскихъ, французскихъ и англійскихъ художниковъ; возлѣ дорогаго рояля стояла рѣзная этажерка съ нотами и книгами; эlegantная мебель, старый фарфоръ, рѣзные вещицы изъ слоновой кости и тысяча различныхъ бездѣлушекъ, разложенныхъ и разставленныхъ по всѣмъ угламъ, дѣлали всю комнату еще уютнѣе и пріятнѣе.

Мы едва имѣли время прійти въ себя, какъ въ комнату вошелъ статный молодой человекъ съ блѣднымъ лицомъ и, представившись Инокентіемъ Кузнецовымъ, привѣтствовалъ насъ на изящномъ англійскомъ языкѣ, какъ гостей своей фамиліи, съ которой мы спустя недолго времени познакомились. Она состояла изъ трехъ братьевъ и двухъ сестеръ, которые всѣ вмѣстѣ обитали въ этомъ комфортабельномъ домѣ. Всѣ остальные члены семьи говорили также вполне свободно по-англійски. Они объѣздили Америку, подолгу пробыли въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи, Вашингтонѣ, Саратогѣ, Чикаго, столицѣ Мормонъ и въ Санъ-Франциско. Г. Инокентій Кузнецовъ зналъ Соединенные штаты лучше меня; онъ два раза вдоль и поперекъ объѣздилъ весь континентъ, охотился на буйволловъ въ преріяхъ Дальняго Запада, былъ знакомъ съ генераломъ Шериданомъ, Бэффало-Биллемъ, капитаномъ Джекомъ и другими пограничными знаменитостями и посѣтилъ даже далекій Еллоустонскій Паркъ и „Staked Plains“.

Читатель съ трудомъ можетъ себѣ представить, какъ намъ было пріятно послѣ грязныхъ почтовыхъ станцій и кишачихъ клопами гостиницъ попасть въ домъ, подобный кузнецовскому, быть окруженными цвѣтами, картинами, книгами и другими безчисленными доказательствами присутствія въ интеллигентной средѣ, слышать хорошую музыку и разговаривать съ развитыми мужчинами и женщинами, не рассказывающими мучительныхъ исторій про тюрьму и каторгу. Мы каждый день обѣдали въ семьѣ Кузнецовыхъ и находили тамъ всегда очень пріятное общество. Съ особымъ

удовольствіемъ вспоминаю я о г. Савенковѣ, директорѣ красноярскаго реальнаго училища, который незадолго до нашего пріѣзда вернулся изъ археологической поѣздки по верхнему теченію Енисея, изъ которой онъ привезъ много доисторическихъ памятниковъ и надписей, находящихся въ большомъ числѣ на „расписанныхъ скалахъ“ по всему теченію Енисея.

Г. И. Кузнецовъ раздѣлялъ интересъ г. Савенкова къ археологическимъ изслѣдованіямъ, и оба они обладали богатыми коллекціями вещей каменнаго и бронзоваго вѣка, найденныхъ при раскопѣхъ кургановъ и могильныхъ холмовъ въ различныхъ частяхъ Енисейской губ.

Въ четвергъ послѣ обѣда мы отправились въ одинъ лежащій въ 6 вер. отъ города монастырь, куда красноярскіе обыватели часто выѣзжаютъ лѣтомъ. Дорога эта есть гордость монастырской братіи, которые сами вырубili ее въ гранитныхъ скалахъ, окаймляющихъ по обѣ стороны теченіе Енисея; иногда приходится переѣзжать черезъ мосты, переброшенные съ передней части одной скалы на другую.

Со всякаго выступа открывается новый видъ на величественный Енисей, текущій между двумя рядами живописныхъ горъ и достигающій въ этомъ мѣстѣ почти полутора верстъ въ ширину. Неумоимо катитъ полярный великанъ свои холодныя волны, пока не достигаетъ Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Посредствомъ всевозможныхъ заманчивыхъ обѣщаній наши друзья старались побудить насъ остаться въ Красноярскѣ на болѣе долгое время, но на дворѣ стояла уже осень, и мы не могли при всемъ нашемъ желаніи остаться даже одного лишняго дня среди нашихъ друзей. Нелегко было намъ отказаться отъ предположенныхъ радушной семьей Кузнецовыхъ пикниковъ, поѣздокъ по Енисею и археологической экспедиціи вглубь страны, и одна мысль пуститься въ нашемъ старомъ тарантасѣ навстрѣчу новымъ лишениямъ, бессонницѣ, тряскѣ, толчеямъ и отсутствію маломальски сносной пищи наводила уже на насъ дрожь. Но что было дѣлать! Намъ непременно нужно было достигнуть еще до наступленія зимы Забайкальскаго края, для чего предстояло проѣхать болѣе 1.700 вер. по размытой осенними дождями дорогѣ. Въ субботу, 5-го сентября, послѣ обѣда мы заказали лошадей, запаслись провизіей и мелкими

деньгами, уложили наши вещи въ тарантасъ, котораго мы боялись, какъ какого то орудія пытки, и, переправившись на паромѣ черезъ Енисей, продолжали прерванное на нѣсколько дней путешествіе въ Иркутскую губ. Стояла ясная и теплая погода, хотя листья на деревьяхъ уже стали желтѣть. Тополи одѣлись въ красную одежду, а желтая листва березъ красиво отдѣлялась на свѣжезеленомъ фонѣ хвойныхъ деревьевъ. На поляхъ, расположенныхъ въ долинѣ Енисея, сотни мужчинъ и женщинъ были заняты уборкой хлѣба, жнецы и жницы срѣзывали серпами зрѣлую пшеницу, связывали ее въ снопы и устанавливали послѣдніе въ длинные ряды. Такъ ѣхали мы безъ всякихъ приключеній до самой ст. Камышецкой, гдѣ намъ пришлось отдать въ починку нашъ тарантасъ. Деревенская кузница находилась недалеко отъ почтовой станціи; когда мы подошли къ ней, кузнецъ подковывалъ съ помощью своей 18-лѣтней дочери, сильной крестьянской дѣвушки, лошадей. Судя по принятымъ мѣрамъ предосторожности, можно было подумать, что всѣ сибирскія лошади съ норовомъ, или что всѣ сибирскіе кузнецы крайне неискусны въ подковкѣ лошадей. Бѣдная лошадь подвѣшивается на двухъ широкихъ ремняхъ, такъ что ея ноги вовсе не прикасаются къ землѣ; три ноги привязываются къ столбамъ, такъ что отъ кузнеца не требуется большого мужества, чтобы подковать четвертую, свободную ногу. Такой способъ подковки лошадей практикуется во всей Сибири.

Въ то время, какъ мы ждали нашъ тарантасъ, насъ догнала московская почта. Почтовые посылки отправляются въ Россіи въ кожаныхъ сумкахъ, подъ прикрытіемъ вооруженнаго почтальона; на каждой почтовой станціи мѣняется телѣга, и перепрягаютъ лошадей. Насколько я знаю, извѣстнаго предѣла, за который не долженъ переходить вѣсъ посылки, не существуетъ—я самъ разъ отправилъ сундукъ вѣсомъ въ 40 ф.—вслѣдствіе этого почта требуетъ иной разъ двѣнадцать телѣгъ. Въ Иркутскѣ московская почта приходитъ каждый день, въ Москву же почта отправляется три раза въ недѣлю. Такъ какъ казенная почта имѣетъ преимущество передъ частными людьми, ѣдущими по своей надобности, то послѣдніе должны иногда по цѣлымъ часамъ дожидаться, такъ какъ почта забираетъ послѣднихъ лошадей. Та же участь постигла насъ на ст. Камышецкой: мы

прождали до двухъ часовъ послѣ обѣда, такъ какъ лишь къ этому времени явились свѣжія лошади. Отъ Камышецкой до Иркутска мы ѣхали непрерывно цѣлыя сутки, лишь иногда останавливаясь для осмотра этапа или партіи ссыльныхъ, которые подъ проливнымъ дождемъ медленно плелись въ Забайкальскій край. Нѣкоторые транспорты употребляли два мѣсяца, чтобы пройти разстояніе, которое мы проѣзжали въ недѣлю; и вообще всѣ партіи достигаютъ своей конечной цѣли уже подъ конецъ зимы. Было достаточно взглянуть на эти несчастныя лица, чтобы получить приблизительное представленіе о перенесенныхъ ими до сихъ поръ лишеніяхъ.

Трудно представить себѣ, съ какими мученіями и униженіями связанъ для ссыльныхъ маршъ по большому сибирскому тракту. На моемъ пути отъ Томска до Иркутска я много разъ имѣлъ случай наблюдать транспорты ссыльныхъ, осматривать этапныя тюрьмы, въ которыя ихъ, какъ скотъ, загоняютъ на ночь, посѣщать лазареты, въ которыхъ ссыльные часто по цѣлымъ недѣлямъ остаются безъ соотвѣтствующей врачебной помощи и ухода, и говорить съ развитыми тюремными чиновниками, отлично знакомыми со всѣми деталями пересыльной системы. Въ концѣ концовъ, я пришелъ къ заключенію, что во всемъ образованномъ мірѣ, кромѣ Россіи, преступниковъ не подвергаютъ такимъ мученіямъ, на какія обрекаетъ ихъ практикующаяся въ Россіи съ испоконъ вѣка система ссылки. Небрежность, равнодушіе и подкупность чиновниковъ, конечно, также виновны въ этомъ, но только отчасти; главной причиной зла остается все-таки эта варварская система. Единственное средство уничтожить зло въ корнѣ состоитъ въ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь и въ реформѣ устава о наказаніяхъ въ смыслѣ введенія вмѣсто ссылки на каторжныя работы пожизненнаго или долготѣннаго заключенія въ смиренныхъ домахъ, устроенныхъ въ Европейской Россіи. Не трудно прійти къ заключенію, что даже при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ 6—8,000 мужчинъ, женщинъ, и дѣтей не могутъ сдѣлать трехъ тысячъ верстъ по такой дикой странѣ, какъ Восточная Сибирь, безъ того, чтобы это не отозвалось самымъ тяжелымъ образомъ на ихъ здоровьѣ; уже одного физическаго утомленія достаточно, чтобы пошатнуть его; если къ этому прибавить еще недостаточное одѣяніе, северную пищу, переполненные

этапы, отсутствіе врачебной помощи, то меня не столько удивляетъ громадная смертность, сколько то, что еще столько несчастныхъ остаются въ живыхъ.

Тѣ транспорты, которые выходятъ изъ Томска въ іюль и августъ, еще задолго до прихода въ Иркутскъ начинаютъ терпѣть всѣ невзгоды, вообще связанныя съ маршемъ въ осеннюю погоду, да еще, кромѣ того, по сибирской дорогѣ. Теплая одежда еще не выдана, и холстяное нижнее бѣлье да арестантскій халатъ представляютъ единственную защиту отъ проливныхъ дождей, холодныхъ вѣтровъ и утреннихъ морозовъ. Пусть читатель представитъ себѣ партію ссыльных на пути изъ Ачинска въ Красноярскъ. Дуетъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ; проливной дождь, иногда сопровождаемый градомъ, хлещетъ путникамъ въ лицо; на промокшей и гниющей соломѣ, постланной на днѣ маленькихъ и неудобныхъ телѣгъ, дрожатъ отъ холода несчастныя женщины, прижимая къ груди своихъ маленькихъ дѣтей; больные тѣсно жмутся другъ къ другу, чтобы сохранить оставшуюся еще въ ихъ организмахъ животную теплоту. Иногда грязь достигаетъ по-колѣнно, и тогда телѣги дѣлаютъ лишь 2—3 вер. въ часъ. Закованнымъ арестантамъ дѣлается отъ ходьбы, не смотря на стужу, жарко, и, такъ какъ большая часть изъ нихъ уже успѣла потерять или сняла свои башмаки, то они бредутъ босикомъ, по щиколотку увязая въ глубокой грязи. Правительство, должно быть, изъ экономіи, выдаетъ ссыльнымъ лѣтомъ и осенью вмѣсто сапоговъ низкую обувь, называемую „коты“. Коты приготавливаются изъ самаго дешеваго матеріала и, согласно предписанію, они должны выдержать шесть недѣль, но на дѣлѣ они уже часто черезъ недѣлю никуда негодятся.

Одинъ чиновникъ тюремнаго вѣдомства рассказывалъ мнѣ, что онъ часто самъ наблюдалъ, какъ ссыльные, вышедшіе изъ Томска или Красноярска въ совершенно новыхъ котахъ, уже на второй этапъ приходили босикомъ, т. е. обувь ихъ не выдерживала даже двухдневнаго марша. Если-бы коты даже и могли выдержать цѣлыхъ 6 недѣль, все таки они не годятся тѣмъ, которые ихъ носятъ; такъ какъ ихъ нельзя хорошо укрѣпить на ногѣ, то они остаются на каждомъ шагѣ въ грязи и, благодаря тому, что они очень низки наполняются немедленно водою. Поэтому тамъ, гдѣ дорога принимаетъ такой характеръ, какъ между Ачинскомъ и

Красноярскомъ, арестанты предпочитаютъ снать коты и идти босикомъ по грязи, температура которой немного выше 0°.

Когда вся эта промокшая до послѣдней нитки, голодная и уставшая толпа приближается къ лежащей по дорогѣ деревушкѣ, староста, котораго партія выбираетъ для переговоровъ съ начальствомъ, обращается къ конвойному офицеру съ просьбой дозволить ссыльнымъ спѣть „молитвенную“. Офицеръ даетъ свое разрѣшеніе; партія выбираетъ арестантовъ, на которыхъ возлагается сборъ ожидаемыхъ подаяній; всѣ арестанты снимаютъ свои сѣрые шапки, медленно бредутъ они по деревнѣ, какъ будто-бы они больше не имѣютъ силъ тащиться, и начинаютъ пѣть свое печальное воззваніе къ христіанскому милосердію.

Я не забуду во всю свою жизнь, какое впечатлѣніе произвела на меня „молитвенная“ пѣсня, когда я услышалъ ее въ первый разъ. Въ непривѣтливый сырой осенній день сидѣли мы на грязной почтовой станціи и ждали лошадей какъ вдругъ до нашего слуха стали доноситься какіе-то глубокіе, вибрирующіе звуки, очевидно раздавшіеся изъ человѣческаго горла, но непохожіе ни на что до сихъ поръ нами слышанное. Мы вышли на крыльцо и увидѣли около ста каторжниковъ съ цѣпами съ сѣрыми шапками въ рукахъ, которые въ сопровожденіи конвоя медленно подвигались по деревенской улицѣ и протяжно распѣвали „молитвенную“. Они не дѣлали никакой попытки пѣть согласно или выговаривать одновременно слова; такъ какъ въ концѣ строфъ не происходило паузы, то было очень трудно усвоить ритмъ этой странной пѣсни. Вся пѣснь, кажется, состояла только изъ варіацій на главную тему; отличавшуюся медленнымъ, меланхолическимъ характеромъ, что живо напоминало канонъ, распѣваемый сотнею мужскихъ голосовъ, которые по очереди начинали одну и ту же мелодію. Текстъ пѣсни былъ приблизительно слѣдующій:

Смилостивьтесь надъ нами бѣдными!
Не забудь насъ бѣдныхъ путниковъ!
Вспомните о заключенныхъ!
Подайте намъ хлѣбушка, Христа ради!
Помогите бѣднягамъ немущимъ!
Окажите милость, батюшки!
Окажите милость, матушки!

За стѣнами и рѣшетками,
 Подъ замкомъ-запоромъ изнываемъ мы!
 Вдали отъ батюшки-матушки,
 Вдали отъ друзей-родственниковъ
 Страдаемъ мы, заключенные!
 Смилюсь надъ нами бѣдными!

Какъ ни безыскусственно и негармонично было это обращеніе къ состраданію крестьянъ, я въ своей жизни не слышалъ другой такой пѣсни; казалось, что все горе, всѣ страданія, отчаяніе, лишенія и слезы цѣлаго ряда поколѣній преступниковъ, пережитыя въ тюрьмахъ, на маршѣ, глубоко подъ землей, за рудникахъ, — все вылилось въ этихъ хватающихъ въ сердце звукахъ.

Въ то время, какъ преступники медленно двигались по деревенской улицѣ, четверо ссыльныхъ съ бритыми головами подходили къ избамъ и принимали въ мѣшки подаванія въ видѣ хлѣба, яицъ, вареной говядины, которыя выносили крестьянки или ихъ дѣти. Звонъ цѣпей и жалобный напѣвъ стали замирать въ дали, но когда я вернулся въ комнату, мнѣ было такъ тяжело на сердцѣ, какъ будто бы жизненные заботы еще съ большей тяжестью налегли на меня.

При первой остановкѣ собранные припасы раздѣляются между ссыльными, и, подкрѣпившись здоровой пищей, преступники бодро продолжаютъ свой путь. Поздно вечеромъ, измокшіе и усталые, достигаютъ они этапа, а затѣмъ ихъ затворяютъ, какъ животныхъ, въ вонючія камеры. Дрожа отъ холода и сырости, безъ теплаго платья и одѣяль, они ложатся на твердыя нары или грязный полъ и, прижавшись плотно другъ къ другу, чтобы хоть немного согрѣться, засыпаютъ эти несчастные. Иные, пожалуй, имѣютъ въ своемъ сѣромъ мѣшкѣ еще одну перемѣну платья, но и она подъ дѣйствіемъ дождя, льющаго 8—10 час. подрядъ, насквозь промокла. Если бы правительство принимало хоть немного ближе къ сердцу участь ссыльныхъ, оно приказало бы отпустить брезенты для покрытія багажныхъ телѣгъ въ дождливую погоду. Покупка брезентовъ немногимъ бы увеличила расходы по транспортированію ссыльныхъ, а между тѣмъ спасло бы жизнь сотнямъ людей, которые, пройдя болѣе 30 вер. подъ проливнымъ дождемъ, не имѣютъ сухого платья, чтобы переодѣться. Издержекъ на погребеніе сотенъ умирающихъ ежегодно отъ дифтерита, воспаленія легкихъ и

плеврита каторжниковъ, смерть которыхъ есть прямое послѣдствіе неимѣнія перемѣны сухого платья, хватило бы, чтобы купить на каждую телѣгу по брезенту—и все таки правительство этого не дѣлаетъ!

Если меня спросятъ, чему слѣдуетъ приписать это печальное явленіе, то я отвѣчу, что чиновники, которые хотѣли бы сдѣлать что-нибудь полезное, не имѣютъ никакой власти, а тѣ, которые имѣютъ власть, не имѣютъ никакой охоты заниматься такими „пустяками“. Такой отвѣтъ я получилъ всюду въ Сибири на мое „почему?“, вопросъ, непрерывно срывавшійся у меня съ устъ при видѣ русскихъ неурядицъ.

„Сколько разъ предлагалъ я,“ сказалъ мнѣ разъ одинъ важный чиновникъ, служившій въ тюремномъ управленіи: „чтобы арестантовъ отправляли на мѣсто назначенія на подводахъ и только лѣтомъ, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ идти цѣлый годъ пѣшкомъ. Разсчитавъ тщательно, я доказалъ, что отправлять арестантовъ только лѣтомъ и притомъ на лошадяхъ не только не гуманнѣе, но и значительно дешевле, что можно только на пищѣ и одеждѣ, не говоря уже обо всемъ другомъ, сберечь около 14 рублей съ человѣка, если поступить по моему предложенію.“ — „Почему же правительство не приняло его?“ — Въ отвѣтъ чиновникъ пожалъ только плечами.

„Я не разъ возмущался,“ сказалъ мнѣ другой: „противъ приѣма поставокъ, несоотвѣствующихъ представленнымъ образчикамъ, но все безъ успѣха. Вмѣсто хорошей обуви подрядчикъ доставляетъ такую, которая уже черезъ два дня обращается въ клочья, такъ что ссыльнымъ приходится идти босикомъ. Къ сожалѣнію, я имѣю только право обратить вниманіе моего начальства на это зло, но не болѣе“.

Во время моего пребыванія въ Иркутскѣ, я сдѣлалъ визитъ иркутскому губернатору Петрову и засталъ у него полковника Загарина, главнаго инспектора пересыльнаго вѣдомства въ Восточной Сибири. Полковникъ просилъ г. губернатора сравнить доставленную подрядчикомъ обувь съ тѣми образцами, которые приняло губернское правленіе. Г. инспекторъ протестовалъ противъ приѣма этой невозможной обуви и требовалъ назначенія слѣдствія. Обманъ былъ очевиденъ, тысячи бѣдныхъ арестантовъ должны были нести послѣдствія его, такъ какъ коты не могли выдержать даже

двухъ дней. Пять мѣсяцевъ спустя, когда я на обратномъ пути изъ Забайкалья остановился въ Иркутскѣ, я зашелъ къ полковнику Загарину и, между прочимъ, спросилъ его, какими послѣдствіями сопровождался его протестъ.

„Я не имѣлъ никакого успѣха!“ отвѣтилъ онъ.

„Такъ, стало быть, несчастнымъ ссыльнымъ дѣйствительно выдали эту обувь?“

„Да“, сказалъ онъ.

Я могъ бы привести безчисленные примѣры, какъ невыразимо страдаютъ ссыльные на пути къ мѣсту назначенія, благодаря этому официальному равнодушію и взяточничеству. Но къ чему это все? Пусть за меня говорятъ лучше больничные отчеты и статистическія данныя о смертности среди каторжниковъ. Сотни арестантовъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ заболѣваютъ ежегодно въ дорогѣ; по недѣлѣ и по двѣ больные валяются въ грязныхъ телѣгахъ, пока на пути не попадется тюрьма съ больницей. Конечно, жестоко и безчеловѣчно тащить больного тифомъ или воспаленіемъ легкихъ въ тачкахъ, какъ можно смѣло назвать телѣги, потому что онѣ не имѣютъ рессоръ, и подвергать ихъ дѣйствию непогоды; но что можетъ подѣлать конвойный офицеръ при господствующихъ порядкахъ? Оставить больныхъ въ этапномъ домѣ безъ ухода онъ не можетъ, самъ же онъ вмѣстѣ съ солдатами долженъ сопровождать ввѣренный ему транспортъ. Поневолѣ забираетъ онъ съ собою больного и подвергаетъ его всѣмъ неудобствамъ ѣзды въ телѣгѣ по ухабистой дорогѣ, пока не сдастъ его въ первый встрѣчный тюремный госпиталь.

Часто, когда я, вслѣдствіе невыносимыхъ мученій, готовъ былъ пасть духомъ, только одна мысль о тѣхъ сотняхъ несчастныхъ больныхъ, которые переносятъ несравненно большія неудобства и лишенія, всѣ помыслы которыхъ устремлены только на то, чтобы поскорѣе достигнуть какого-нибудь лазарета и хоть послѣднія минуты своей многострадальной жизни провести въ тишинѣ и безъ лишеній, поддерживала мою угасавшую энергію. Г. Галкинъ-Врасскій, начальникъ тюремнаго вѣдомства въ Россіи, въ своемъ докладѣ Министру внутрен. дѣлъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ состояніе больницъ между Ачинскомъ и Иркутскомъ:

„До 1885 г. постройка лазаретовъ для заболѣвшихъ въ дорогѣ преступниковъ еще не была предпринята, также не

было на лицо необходимаго контингента врачей и фельдшеровъ. По параграфу 5 отд. 363 „Свода узакон. о ссыльныхъ“ всѣ частные и военные врачи, по требованію конвойнаго офицера соотвѣствующаго участка, обязаны изслѣдовать и лѣчить заболѣвшаго ссыльнаго. Но частныхъ врачей въ этапныхъ деревняхъ вовсе нѣтъ, а военные врачи находятся только на Шерегульскомъ, Бирюзинскомъ и Тирецкомъ этапахъ. При этихъ трехъ этапныхъ тюрьмахъ находятся военные лазареты, на шесть кроватей каждый, для нижнихъ чиновъ мѣстныхъ этапныхъ командъ. Всѣ заболѣвшіе между Ачинскомъ и Иркутскомъ арестанты поступали до 1885 г. на излѣченіе въ эти этапныя тюрьмы, причемъ ихъ не помѣщали въ лазаретъ, а оставляли лежать въ камерахъ тюрьмы¹⁾. Здѣсь въ одномъ единственномъ помѣщеніи были собраны всѣ больные безъ различія пола, возраста и рода болѣзни, причемъ это помѣщеніе нискоимъ образомъ не соотвѣтствовало тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ современнымъ больницамъ; не доставало сидѣлокъ, необходимаго бѣлья, постелей, даже посуды (Отчетъ г. Галкина-Врасскаго, начальника тюремнаго управленія въ Россіи, за 1885 г.). Конечно, при такихъ условіяхъ для больного представляется мало надеждъ на выздоровленіе, смертность среди ссыльныхъ во время ихъ передвиженія между Томскомъ и Иркутскомъ обыкновенно достигаетъ 12—15%²⁾.

Очень понятно, что ссыльные часто пробуютъ посредствомъ бѣгства избавиться отъ этой жизни, полной нужды и страданій. Опытные бродяги или рецидивисты мѣняются именами съ ссыльно-поселенцами, которые должны скоро уже прибыть на мѣсто. Изрѣдка, когда партія находится въ густомъ лѣсу, нѣсколько особенно дерзкихъ и отважныхъ преступниковъ съ оглушительнымъ ура прорываются сквозь конвойную цѣпь и скрываются въ чащѣ. Конечно, солдаты, растерявшись, начинаютъ стрѣлять наудачу, и иногда аре-

¹⁾ Этапы эти отстояли другъ отъ друга на слѣдующемъ разстояніи: Бирюзинскій отстоялъ отъ Ачинска на 513 вер., Шерегульскій отъ Бирюзинскаго на 290 вер., Тирецкій отъ Шерегульскаго на 130 вер., Тирецкій отъ Иркутска на 200 вер. Въ недѣлю каждая колонна дѣлаетъ около 117 вер.

²⁾ Въ 1883 г. между Томскомъ и Ачинскомъ умерло за 3 недѣли 70 ссыльныхъ (Отчетъ главнаго инспектора пересыльнаго вѣд. въ Западной Сибири, 1884 г., стр. 32 и 33).

станты за свою отвагу расплачиваются жизнью. Какъ только бродяга нашелъ вѣрное убѣжище, онъ разбиваетъ оковы, и въ то время, какъ партія, къ которой онъ принадлежалъ, продолжаетъ медленно подвигаться на востокъ, онъ присоединяется къ толпамъ бродягъ, которые стремятся достигнуть Уральскаго хребта и поскорѣе оставить предѣлы Сибири.

IX.

Жизнь административно-ссылныхъ.

Въ своемъ очеркѣ „Ссылка административнымъ порядкомъ“ я привелъ рядъ фактовъ, чтобы иллюстрировать то, что въ Россіи понимается подъ административной ссылкой политическихъ преступниковъ; въ этомъ очеркѣ я намѣренъ изобразить жизнь административно-ссылныхъ въ мѣстахъ, указанныхъ имъ для проживанія.

Ссылка „неблагонадежныхъ“ русскихъ гражданъ безъ всякаго судебного разбирательства или предварительнаго слѣдствія, лишь по приказу исполнительной власти, т. е. министра внутреннихъ дѣлъ, начала въ особенно обширныхъ размѣрахъ практиковаться въ послѣдніе годы царствованія Александра II. Уже прежде правительство пробовало этимъ путемъ отдѣлываться отъ опасныхъ для „государственного строя“ лицъ, но лишь въ 1878 и 1879 гг., когда возгорѣлась ожесточенная борьба между русскими террористами и императорской тайной полиціей, ссылка административнымъ порядкомъ стала обычнымъ явленіемъ въ русской общественной жизни. Люди, извѣстные за сторонниковъ либеральныхъ идей или подозрѣвавшіеся въ симпатіяхъ къ русскимъ революціонерамъ, дюжинами ссылались безъ всякаго суда въ „отдаленныя мѣста“ Сибири. Если полиція находила у какого-нибудь молодого человѣка запрещенныя книги или номеръ „Народной Воли“, то этого уже было достаточно, чтобы изгнать его изъ Европейской Россіи. Если какой-нибудь студентъ, который принималъ близко къ сердцу участь простаго народа, отрывалъ въ одномъ изъ фабричныхъ участковъ Петербурга вечернюю школу для рабочаго люда, онъ наказывался за свою горячую любовь къ нему административной ссылкой. Если полиція заставала ночью нѣсколько молодыхъ

людей вмѣстѣ, то имена ихъ заносились въ списокъ „неблагонадежныхъ“; если жандармы накрывали ихъ еще разъ собравшимися вмѣстѣ, то правительство считало себя обязаннымъ въ „интересъ общественнаго спокойствія“ принять болѣе энергичныя мѣры и сослать въ Сибирь какъ опасныхъ заговорщиковъ, всѣхъ молодыхъ людей, которые, можетъ быть, собрались почитать Спенсера или Милля. Само собою разумѣется, что всѣ близкіе друзья и родственники сосланныхъ революціонеровъ подвергались той же участи. Еще задолго до смерти Александра II, было такимъ образомъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, отправлено въ Сибирь 600—800 молодыхъ людей обоюго пола и всѣхъ слоевъ общества. Въ концѣ 1880 г. въ Западной Сибири не было ни одной деревни, ни одного города, гдѣ-бы не проживали нѣсколько административно-ссылныхъ; въ Тарѣ, Тюкалинскѣ, Ишимѣ, Ялutorскѣ, Семипалатинскѣ, Кочетаевѣ, Акмолинскѣ, Курганѣ, Сургутѣ, Усть-Каменогорскѣ, Омскѣ, Томскѣ и Березовѣ образовались цѣлыя колоніи этихъ „злѣдѣвъ“.

Спеціального закона насчетъ обращенія съ „политическими“ правительство въ то время еще не издавало. Ссылка административнымъ порядкомъ была, такъ сказать, внѣзаконная мѣра, зависѣвшая отъ особыхъ соображеній министра внутреннихъ дѣлъ, который имѣлъ право сослать „неблагонадежнаго“ на одинъ годъ, на десять лѣтъ или даже совсѣмъ пожизненно, указать ему для мѣстожителства знойную равнину Иртыша или полярныя пустыни Якутской области; съ „политическимъ“ мѣстныя власти имѣли право обращаться по своему усмотрѣнію какъ съ малымъ ребенкомъ, и такъ какъ его положеніе по отношенію къ министру внутреннихъ дѣлъ не было опредѣленно никакимъ закономъ, то его участь была еще хуже, чѣмъ участь какого-нибудь каторжника. Послѣдній зналъ, по крайней мѣрѣ, за что онъ осужденъ и на какой срокъ; его гражданское положеніе было точно опредѣлено закономъ, который даже охранялъ его отъ произвола мелкихъ сибирскихъ чиновниковъ. Административно-ссылный не пользовался даже привилегіями каторжника; онъ стоялъ внѣ закона; срокъ его ссылки могъ быть по усмотрѣнію властей продолженъ, онъ не имѣлъ никакихъ правъ ни какъ невинный человѣкъ, ни какъ преступникъ, онъ никогда не могъ узнать не преступили ли мѣстныя власти границъ, указанныхъ имъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Единственнымъ руководствомъ для обращенія съ ссыльными служили появившіеся отъ времени до времени „тайные“ циркуляры; но такъ какъ каждый новый министр считалъ нужнымъ обезсмертить себя въ исторіи ссылки и издавалъ часто распоряженія, противорѣчившія прежнимъ, то мѣстные власти дѣйствовали большей частью, какъ они находили нужнымъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такой мудрой системы были страшный безпорядокъ и произволъ властей. Въ одномъ городѣ „политическіе“ должны были каждый день являться въ полицію, расписываться въ книгѣ и отдавать исправнику отчетъ о своей жизни; въ другомъ городѣ ихъ подвергали непрерывному унижительному надзору, простиравшемуся даже на спальныя комнаты сосланныхъ женщинъ. Одинъ исправникъ позволялъ имъ давать уроки или заниматься врачебной практикой, другой заключалъ ихъ въ тюрьму за преподаваніе музыки или за осмотръ больного. Одинъ ссыльный въ Усть-Каменогорскѣ имѣлъ право уходить на три-четыре мили отъ города, въ то время какъ другой былъ сосланъ въ якутскій улусъ за то, что безъ спросу отправился въ лежащій неподалеку отъ города лѣсъ. Всюду царили безпорядокъ и недоразумѣнія, что вызывало очень часто столкновенія ссыльныхъ съ мѣстными властями.

Такъ продолжалось дѣло до 1882 г. Въ этомъ году появилось знаменитое „Положеніе о полицейскомъ надзорѣ“, одобренное новымъ императоромъ. Я подробно рассмотрю это „Положеніе“ и на примѣрахъ укажу вліяніе новыхъ предписаній на жизнь административно-ссыльныхъ. Законы о надзорѣ за „политическими“, какъ сосланными такъ и состоящими подъ надзоромъ полиціи, т. е., находящимися въ Европейской Россіи, распадутся на 40 отдѣловъ. Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ законахъ, которые имѣютъ исключительно въ виду сосланныхъ административнымъ порядкомъ, ни разу не упоминаются слова: „ссылка“, „изгнаніе“ или „Сибирь“. Какъ видно, авторъ этихъ законовъ стыдился возложенной на него задачи, такъ какъ ему приходилось сочинять законы для людей, жестоко разлученныхъ съ самыми дорогими для нихъ существами и сосланныхъ безъ суда и слѣдствія въ отдаленнѣйшія мѣстности Сибири. Единственный намекъ на ссылку во всемъ „Положеніи“ заключается въ слѣдующемъ отрывкѣ: „Лица, которымъ указано правительствомъ опредѣленное мѣстожителство, состоятъ вслѣд-

ствіе этого распоряженія подъ надзоромъ мѣстной полиціи въ теченіе всего ихъ пребыванія въ указанномъ мѣстѣ“ (Отд. 2). Ничто въ этихъ безцвѣтныхъ словахъ не указываетъ, что это „опредѣленное мѣстожителство“ можетъ находиться за полярнымъ кругомъ, въ 6.750 вер. отъ Петербурга; незнакомый съ сущностью дѣла читатель могъ-бы выучить все „Положеніе“ наизусть, и никогда бы ему не пришло на умъ, что это документъ имѣетъ въ виду мужчинъ и женщинъ, которые безъ судебного слѣдствія сосланы въ мѣстности, лежащія на границѣ Монголіи или за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. Фокусъ, вокругъ котораго вертится вся суть „Положенія“, есть полицейскій надзоръ, а все остальное ступевывается на задній планъ.

Даже у русскихъ, привыкшихъ къ несправедливостямъ „отеческаго“ правительства, возмущилось бы нравственное чувство, если-бы авторъ назвалъ „Положеніе“ правильнымъ именемъ: „Предписанія о томъ, какъ должны вести себя сосланные безъ всякаго судебного слѣдствія, лишь по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ“. Простыя, неприкрашенные слова „сосланные безъ всякаго судебного слѣдствія“ тяжело поражаютъ нашъ слухъ; не правда ли, слова: „лицамъ, которыя угрожаютъ общественному спокойствію, административнымъ порядкомъ можетъ быть указано опредѣленное мѣстожителство“, звучать гораздо мягче и не могутъ возмутить впечатлительныхъ натуръ, какъ предыдущія.

При извѣстїи, что какой-нибудь русскій гражданинъ, не повинный ни въ какомъ преступленіи, схваченъ тайной полиціей и сосланъ по приказу исполнительн. власти на долготнее проживаніе въ глухой сибирской деревушкѣ, всякій задаетъ себѣ вопросъ: „Какую жизнь ведетъ онъ тамъ? Какъ обезпечиваетъ законъ его существованіе? Что ему позволено и что ему запрещено дѣлать? Какъ обращаются съ нимъ вообще?“ На всякій вопросъ мы находимъ подробный отвѣтъ въ „Положеніи о полицейскомъ надзорѣ“, и, такъ какъ официальнымъ отвѣтамъ на эти вопросы можно гораздо больше вѣрить, чѣмъ рассказамъ ссыльныхъ, то я хочу изложить здѣсь въ короткихъ чертахъ сущность „Положенія“, которое „политическіе“ называютъ своей конституціей или „биллемъ о правахъ“.

„Высшій срокъ ссылки административнымъ порядкомъ опредѣляется въ 5 лѣтъ“. (Отд. 3).

„Какъ только ссыльный пріѣхалъ на мѣсто назначенія, онъ долженъ передать мѣстнымъ властямъ свой старый паспортъ и получаетъ въ обмѣнъ другой документъ, въ которомъ обозначены имя, фамилія, титулъ и прежнее мѣстожительство даннаго лица, а также указаніе, что означенное въ этомъ документѣ лицо имѣетъ свое мѣстожительство въ деревнѣ Х“. (Отд. 5).

„Въ случаѣ крайней необходимости ссыльный можетъ получить дозволеніе удалиться изъ указанной ему для проживанія мѣстности на извѣстное время, конечно, только въ томъ случаѣ, если полиція довольна его поведеніемъ; если онъ хочетъ отправиться на нѣкоторое время въ другой округъ (уѣздъ) той же губерніи, онъ долженъ испросить на это особое разрѣшеніе мѣстнаго губернатора. Переходъ изъ одной губерніи въ другую допускается съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ“. (Отд. 8).

„Политическій ссыльный, получившій такое разрѣшеніе, долженъ быть снабженъ паспортомъ и подробнымъ маршрутомъ; онъ нигдѣ не имѣетъ права останавливаться; въ случаѣ болѣзни и невозможности продолжать путь онъ долженъ сейчасъ же объ этомъ заявить мѣстнымъ властямъ; во всякомъ городѣ или деревнѣ онъ долженъ заявить о своемъ пріѣздѣ мѣстной полиціи; если его поведеніе становится подозрительнымъ, то власти имѣютъ право во всякое время и со всякаго пункта, не смотря на полученное разрѣшеніе, вернуть его на указанное ему мѣстожительство“. (Отд. 9—16).

„Административно-ссылные должны являться по первому требованію полиціи“. (Отд. 17).

„Мѣстныя полицейскія власти имѣютъ право въ каждый часъ дня и ночи войти въ домъ или комнату административно-ссылнаго, произвести обыскъ и конфисковать все, что тамъ находится“. (Отд. 19).

„Административно-ссылные не имѣютъ права занимать какое-нибудь положеніе на государственной службѣ или въ обществѣ; для исполненія канцелярскихъ работъ въ городскихъ или какихъ-либо другихъ учрежденіяхъ требуется особое разрѣшеніе министра внутр. дѣлъ“. (Отд. 21).

„Административно-ссылные не имѣютъ права заниматься педагогическою дѣятельностью; имъ запрещено обучать другихъ какому-либо искусству или мастерству; имъ запрещено

читать публичныя лекціи, принимать участіе въ открытыхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, устраивать спектакли съ какой бы то ни было цѣлью; вообще, имъ запрещено проявлять какую бы то ни было общественную дѣятельность. Они не могутъ быть владѣльцами фотографій, литографій, печатень или библіотекъ для чтенія; они не могутъ также служить въ вышеназванныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ смотрителя, писца или рабочаго. Они не смѣютъ торговать книгами или другими печатными произведеніями, держать трактировъ или кабаковъ и вообще продавать спиртныхъ напитковъ“. (Отд. 24).

„Безъ особаго разрѣшенія министра внутр. дѣлъ административно-ссылные не имѣютъ права поступать въ казенныя, городскія и частныя учебныя заведенія“. (Отд. 25).

„Административно-ссылные не имѣютъ права появляться въ судахъ или брать на себя защиту самихъ себя, своихъ родителей, женъ и дѣтей; врачебная, акушерская и аптекарская дѣятельность можетъ быть позволена по усмотрѣнію г. министра внутр. дѣлъ“. (Отд. 26 и 27).

„Всѣ остальные, не подходящія въ вышеозначенныя рубрики занятія дозволены ссыльнымъ; мѣстный губернаторъ можетъ по своему усмотрѣнію запретить каждому административно-ссылному заниматься такимъ дѣломъ, которое дѣлаетъ возможнымъ достиженіе незаконныхъ цѣлей или подвергаетъ опасности общественную тишину и спокойствіе“. (Отд. 28).

„Министръ внутр. дѣлъ имѣетъ право задерживать всѣ адресованныя „административнымъ“ письма и телеграммы и вообще поставить всю корреспонденцію подъ надзоръ полиціи“. (Отд. 29).

„Поступающіе противно отд. 1—29 наказываются тюремнымъ заключеніемъ отъ 3 дней до одного мѣсяца. „Административные“, которые безъ разрѣшенія оставляютъ мѣсто ссылки, наказываются по отд. 63 свода уложеній о мир. судьяхъ“. (Отд. 32).

„Административно-ссылные безъ денежныхъ средствъ получаютъ отъ правительства опредѣленную сумму на пропитаніе какъ себя, такъ и своей семьи, если таковая добровольно послѣдовала за нимъ на мѣсто ссылки. Ссылные, которые вслѣдствіе сквернаго поведенія и лѣни не находятъ себѣ никакихъ занятій, теряютъ право на правительственную поддержку“. (Отд. 33—37).

„Въ случаѣ заболѣванія самаго ссыльнаго или какого-нибудь члена его семьи, больной помѣщается на казенный счетъ въ мѣстную больницу“. (Отд. 38).

„Административно-ссылнымъ, у которыхъ нѣтъ средствъ вернуться по окончаніи срока ссылки на родину, выдается, согласно императорскому указу отъ 10-го января 1881 г., правительственная субсидія, если министръ внутр. дѣлъ не намѣренъ примѣнить по отношенію къ такой личности особыхъ мѣръ строгости“. (Отд. 40).

Такова въ короткихъ чертахъ сущность русской „конституціи“. Двусмысленныя выраженія: „лица, состоящіе подъ надзоромъ полиціи“, „указаніе опредѣленнаго мѣстожителства“ и „мѣстожителство“ я всюду замѣнилъ выраженіями: „административно-ссылные“, „ссылка“ и „мѣсто ссылки“; благодаря этой замѣнѣ, достигается вполне ясное пониманіе „Положенія“. Русский законъ не знаетъ „ссылныхъ административнымъ порядкомъ“, почему онъ всюду и употребляетъ вышесказанныя благозвучныя выраженія. Неизвѣстно, легче ли становится матери, когда она узнаетъ, что ея сынъ не „сосланъ“, а получилъ лишь „опредѣленное мѣстожителство“ вблизи того мѣста, гдѣ капитанъ Делонгъ и матросы брига „Жаннета“ погибли отъ голода и стужи.

Когда какой-нибудь ссыльный, послѣ многодѣльнаго марша и пребыванія въ этапахъ, наконецъ, достигъ назначеннаго ему для проживанія сибирскаго города или деревни, его приводятъ въ мѣстное полицейское управленіе, гдѣ его снабжаютъ видомъ на жительство съ указаніемъ его примѣтъ и кромѣ того однимъ экземпляромъ „Положенія“. Затѣмъ ему сообщаютъ, что онъ не имѣетъ права оставлять деревню, что его корреспонденція будетъ состоять подъ контролемъ, что онъ въ извѣстные промежутки времени долженъ являться къ исправнику, или же что его будетъ посѣщать отъ времени до времени чиновникъ, которому порученъ надзоръ за нимъ. Главная забота только что прибывшаго ссыльнаго состоятъ въ томъ, чтобы пріискать себѣ квартиру. Онъ прячетъ свой новый видъ на жительство и полученный экземпляръ „Положенія“ и спѣшитъ въ городъ. Въ его видѣ на жительство не сказано, что онъ политическій ссыльный—но всякій знаетъ это, такъ какъ его видѣли пришедшимъ въ городъ въ сопровожденіи конвоя, и ни одинъ домовладѣлецъ не желаетъ сдать ему квартиры. Политическій преступникъ,

весьма вѣроятно, очень опасный человѣкъ и подвергается внезапнымъ визитамъ полицейскихъ чиновниковъ. Конечно, мужику вовсе не такъ пріятно ожидать постоянно посѣщеній полиціи, которыя могутъ повторяться даже съ полдюжины разъ въ день; кромѣ того онъ опасается получить отъ нея порученіе слѣдить за своимъ квартирантомъ и каждую минуту ожидать приглашенія въ полицію для справокъ. Въ виду всего этого онъ считаетъ болѣе разумнымъ избѣгать всякихъ сношеній съ лицомъ, которое состоитъ подъ надзоромъ полиціи. Такъ странствуетъ „политическій“ изъ дома въ домъ, вездѣ встрѣчая недоувѣрчивый и подозрительный пріемъ; тутъ ему въ первый разъ дѣлается яснымъ, почему ссыльно-поселенцы называютъ „свидѣтельство на право проживанія“—волчьимъ билетомъ.

Наконецъ, съ помощью другого „политическаго“, ему удается нанять жалко-меблированную комнату; онъ вынимаетъ свои вещи и начинаетъ знакомиться съ средой, въ которую забросила его судьба. Конечно, его первая мысль направлена на изысканіе средствъ къ жизни. Дома осталась необезпеченной вся семья, заботы о которой мучили его въ продолженіе всей дороги; теперь возникаетъ жгучій вопросъ, чѣмъ онъ будетъ самъ жить? Онъ обращается къ „Положенію“ и узнаетъ изъ отд. 33, что правительство выдаетъ ссыльнымъ вспомошествованіе, которое, какъ ему передаютъ, составляетъ въ общемъ 6 руб. въ мѣсяцъ. Онъ разспрашиваетъ дальше и къ своему ужасу узнаетъ, что этихъ 6 руб. не хватаетъ даже на предметы первой необходимости. Стало быть, онъ долженъ искать какую-нибудь работу. Конечно, въ уединенной сибирской деревушкѣ несравненно труднѣе найти подходящее занятіе, чѣмъ въ Петербургѣ или Москвѣ; онъ заранѣе уже отказывается отъ перспективы хорошаго вознагражденія за свой трудъ и готовъ взять на себя всякую работу, чтобы только поддержать свое брренное существованіе. Онъ обладаетъ университетскимъ образованіемъ, знаетъ три-четыре языка; можетъ быть, это такой опытный врачъ, какъ докторъ Бѣлой въ Верхоянскѣ, или фотографъ, какъ г. Карелинъ въ Усть-Каменогорскѣ, или журналистъ, какъ г. Бѣлоконскій въ Минусинскѣ; онъ имѣетъ хорошій слогъ и прекрасный счетоводъ, опытный преподаватель и порядочный музыкантъ. Онъ думаетъ, что даже въ Сибири онъ съ своими знаніями можетъ заработать рубль въ день, на 30 руб-

лей въ мѣсяцъ онъ можетъ жить довольно порядочно и даже съ нѣкоторымъ комфортомъ. Онъ перелистываетъ „Положеніе“ и находитъ, къ своему ужасу, что ему подъ страхомъ тюремнаго заключенія запрещено проявлять какую бы то ни было дѣятельность, будь это въ качествѣ учителя, врача, химика, фотографа, литографа, бібліотекаря, писца, издателя, композитора, журналиста, писателя, адвоката, актера или книгопродавца; онъ не имѣетъ права занимать какой-либо общественной должности. Какое занятіе остается еще для образованнаго человѣка? Всякое призваніе, къ которому онъ приготовленъ, запрещено ему; чтобы сдѣлаться плотникомъ, сапожникомъ или кузнецомъ, для этого у него недостаетъ необходимыхъ знаній; купцомъ или торговцемъ онъ не можетъ быть вслѣдствіе неимѣнія необходимыхъ капиталовъ; извозчикомъ онъ также не можетъ сдѣлаться, такъ какъ онъ не имѣетъ права покинуть безъ спроса назначенное ему для проживанія селеніе. Ему остается только одно — заняться земледѣліемъ; „Положеніе“ не запрещаетъ „политическому“ разводить картофель, капусту или рѣпу — вѣдь „государственному строю“ Россіи отъ этого не грозитъ никакой опасности; — онъ рѣшается земледѣльческимъ трудомъ добыть средства къ жизни. Но вся земля вблизи деревни принадлежитъ деревенскому обществу и она уже подѣлена между членами его. Въ пяти-шести верстахъ отъ села онъ, пожалуй, досталъ бы участокъ земли, но вѣдь онъ подъ страхомъ заключенія въ тюрьму не имѣетъ права переступить за предѣлы указаннаго ему для проживанія района. Въ этомъ отчаянномъ положеніи ему остается только одно: обратиться къ губернатору, генералъ-губернатору или къ самому министру съ просьбой признать за нимъ общечеловѣческое право зарабатывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

Въ 1883 г. нѣсколько „политическихъ“, проживавшихъ въ Акмолинскѣ, обратились къ генералу Колпаковскому, генералъ-губернатору степнаго пространства, съ просьбой дозволить имъ давать уроки музыки, такъ какъ на отпускаемые имъ правительствомъ 6 руб. нѣтъ никакой возможности существовать. Имъ представлялась возможность зарабатывать себѣ немного денегъ преподаваніемъ музыки, и они просили дозволенія на это. Кажется, это довольно скромная, естественная и разумная просьба; вѣдь въ фортепіано не лежитъ ничего „вреднаго для общественнаго спокойствія“, и сибир-

скимъ дѣтямъ не грозила вслѣдствіе обученія музыкѣ опасность сдѣлаться нигилистами. Генералъ Колпаковскій или думалъ, что просители могутъ склонить вѣрнопопавшихъ дѣтей акмолинскихъ жителей съ пути истины, уча ихъ революціоннымъ пѣснямъ, или считалъ лишенія и нужды за самыхъ лучшихъ спутниковъ ссылки, которые одни въ состояніи сдѣлать изъ людей „неблагонадежныхъ“, вѣрнопопавшихъ слугъ царя. Онъ возразилъ поэтому, что, согласно „Положенію“, всякое преподаваніе политическимъ ссыльнымъ запрещено; если же административно-ссылные, проживающіе въ Акмолинскѣ, такъ сильно нуждаются въ работѣ, то пусть они наймутся поденщиками въ киргизамъ, которые платятъ своимъ рабочимъ 10—15 коп. ежедневно. Приблизительно въ это же время политическіе ссыльные, проживавшіе въ Усть-Каменогорскѣ, обратились къ тому же Колпаковскому, прося дозволенія воспользоваться принадлежащимъ казнѣ участкомъ земли для занятія хлѣбопашествомъ. Они предлагали произвести всѣ необходимыя улучшенія, чтобы увеличить доходность почвы, платить извѣстную аренду и по окончаніи ссылки передать участокъ со всѣми произведенными улучшеніями въ собственность казны, не требуя никакого вознагражденія. На это разумное и выгодное для правительства предложеніе усть-каменогорскіе ссыльные получили таковой же отвѣтъ, какъ и акмолинскіе: почему они не нанимаются поденщиками къ казакамъ? ¹⁾

„Положеніе о полицейскомъ надзорѣ“ не выполняется съ одинаковой строгостью во всѣхъ частяхъ Сибири, недопущеніе ссыльныхъ къ тому или другому занятію зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія мѣстныхъ чиновниковъ. Генералъ Цеклинскій, губернаторъ Семипалатинской области, нынѣ умершій, обращался съ находившимися въ его вѣдѣніи „политическими“ очень гуманно, не потому, что онъ симпатизировалъ съ ними, но потому, что онъ былъ человѣкъ благород-

¹⁾ Объ этихъ примѣрахъ официальной жестокости и холодности сообщилъ мнѣ письменно одинъ проживавшій въ Семипалатинской области административно-ссылный, которому я безусловно довѣряю. Такъ какъ я не засталъ въ Омскѣ генерала Колпаковского, то я не могу поэтому высказать своего сужденія о немъ; но я познакомился съ акмолинскимъ губернаторомъ и нашелъ въ немъ человѣка, способнаго предложить генералъ-губернатору къ подписанію бумагу такого характера, какъ сообщенная выше. Въ Восточной Сибири я часто имѣлъ случай наблюдать еще болѣе невѣроятныя дѣянія высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ.

ный и добрый; съ той же похвалой я долженъ отозваться о г. Пѣтуховѣ, который былъ губернаторомъ въ Томскѣ во время моего пребыванія въ этомъ городѣ. Въ Тобольской губ., напротивъ того, мѣстное начальство обращается съ „политическими“ самымъ звѣрскимъ образомъ. Въ апрѣлѣ 1888 г. девятнадцать ссыльныхъ, проживавшихъ въ Сургутѣ, подали министру внутреннихъ дѣлъ письменный протестъ противъ жестокаго обращенія съ ними нынѣшняго губернатора Тобольской губ. Тройницкаго и объявили, что ихъ положеніе настолько скверно, что они больше не могутъ переносить его, и что отвѣтственность за всѣ могущія возникнуть недоразумѣнія и столкновенія падеть на губернатора. Насколько невыносимо было положеніе вещей въ Тобольской губ., слѣдуетъ изъ того, что многимъ изъ заявившихъ протестъ истекъ уже срокъ ссылки; еще короткое время, и они были уже на свободѣ. Но даже человѣческія страданія могутъ имѣть предѣлы, и ссыльные въ Сургутѣ испытали это. Появившаяся вскорѣ въ сибирскихъ газетахъ короткая замѣтка сообщаетъ о результатахъ этого протеста. По словамъ этой замѣтки, 19 „бесовѣстныхъ“ политическихъ ссыльныхъ „удалены“ изъ Сургута; кромѣ того губернаторъ Тройницкій объявляетъ официально сургутскому исправнику и тобольскому полицеймейстеру свою признательность за рвеніе и усердіе, съ которыми они произвели „удаленіе“ вышеназванныхъ преступниковъ.

Въ какую глушь были „удалены“ эти девятнадцать „бесовѣстныхъ“ политическихъ преступниковъ, надѣлавшихся въ своей простотѣ душевной тронуть сердце министра внутреннихъ дѣлъ графа Дмитрія Толстого, я не знаю. Одно извѣстно мнѣ, что только немногія „мѣстожителства“ въ Сибири могутъ сравниться по своей дикости съ Сургутомъ¹⁾: это, во-первыхъ, Березовъ на р. Оби, въ 4.000 вер. отъ Петербурга; во-вторыхъ, г. Туруханскъ, лежащій у сѣвернаго полярнаго круга и насчитывающій при 32 избахъ 181 человѣкъ обывателей; въ-третьихъ, описанные мною якутскіе улусы²⁾.

¹⁾ Городъ Сургутъ Тобольской губ. съ населеніемъ въ 1.300 чел. лежитъ на правомъ берегу Оби, 5° южнѣе сѣвернаго полярнаго круга, Расстояніе его отъ Тобольска 832 вер., отъ Петербурга болѣе 3.600 вер.

²⁾ Въ эти „мѣстожителства“ ссылаются „политическіе“, которые во время ссылки оказали сопротивленіе властямъ, иначе говоря, подавали министру внутр. дѣлъ „дерзкія, бесовѣстныя жалобы“ на скверное обращеніе съ ними.

Всякій административно-ссылный, который подлежитъ юрисдикціи подобнаго губернатора, какъ Тройницкій, по неволѣ долженъ просить министра внутреннихъ дѣлъ облегчить ему его участь. Въ самомъ дѣлѣ, собственныхъ средствъ у него нѣтъ, а на выдаваемые ему ежемѣсячно 6 руб. прожить рѣшительно невозможно; строгое выполненіе „Положенія о полицейскомъ надзорѣ“ исключаетъ всякую возможность заработать самостоятельно кусокъ хлѣба. При такихъ обстоятельствахъ ссыльный, возьмемъ хоть, врачъ, обращается къ его высокопревосходительству съ сообщеніемъ, что въ „указанномъ ему мѣстожителствѣ“ не находится ни одного врача, и просить позволенія практиковать тамъ. Ссылный живетъ иногда въ уѣздѣ съ 20.000-нымъ населеніемъ, гдѣ на сотни верстъ кругомъ нѣтъ ни одного врача, а между тѣмъ существуетъ крайняя нужда въ врачебной помощи¹⁾. Можно было бы подумать, что просьба позволить практиковать въ такой мѣстности будетъ не только разрѣшена, но даже принята съ благодарностью. Какъ же относится министръ внутреннихъ дѣлъ къ подобной просьбѣ?

Въ 1883 г. тверское медицинское общество, въ виду крайней нужды Сибири въ врачахъ, постановило обратиться вниманіе его высокопревосходительства г-на министра на значительное число докторовъ и студентовъ-медиковъ, проживающихъ въ Сибири въ качествѣ ссыльныхъ. Поэтому медицинское общество просило всеподданнѣйше освободить сосланныхъ административнымъ порядкомъ врачей и студентовъ-медиковъ отъ дѣйствія § 27 „Положенія“ и допустить ихъ къ врачебной практикѣ въ мѣстахъ, указанныхъ имъ для проживанія.

Казалось, что можетъ быть достойнѣе разсмотрѣнія такого гуманнаго предложенія, выходящаго, кромѣ того, изъ вполнѣ компетентнаго источника? Какой успѣхъ имѣло это

¹⁾ Въ своемъ тайномъ отчетѣ Императору за 1881 г. (копія его находится у меня) генералъ-губернаторъ Восточной Сибири говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Число врачей въ Сибири крайне недостаточно. Только въ городахъ возможно прибѣгнуть къ врачебной помощи. Въ деревняхъ же вовсе нѣтъ врачей, и населеніе гибнетъ отъ тифа, дифтерита, оспы и другихъ заразительныхъ болѣзней, носящихъ эпидемическій характеръ. Также не принимается никакихъ мѣръ къ борьбѣ съ эпизоотіями, подрывающими благосостояніе края“. („Тайный“, а потому до сихъ поръ еще не опубликованный, отчетъ генерала Анучина въ архивѣ медицинскаго отдѣленія министерства внутр. дѣлъ).

предложеніе, бывшее результатомъ сознанія общественныхъ нуждъ. Наказаніе послѣдовало немедленно: тверское медицинское общество было закрыто, и два члена его, бывшіе на казенной службѣ въ мѣстномъ госпиталѣ, исключены со службы.

Если такъ наказываютъ людей, сдѣлавшихъ лишь предложеніе разрѣшить сосланнымъ врачамъ заниматься практикой, то можно себя представить, какъ обращаются мѣстные власти съ врачами, осмѣливающимися фактически практиковать.

Въ 1880 г. проживалъ въ Харьковѣ студентъ-медики, по имени Нифонтъ Долгополовъ. Онъ закончилъ уже свое медицинское образованіе и былъ наканунѣ своего послѣдняго экзамена, какъ вдругъ въ Харьковѣ произошли студенческіе беспорядки, которые такъ часты въ Россіи. Вслѣдствіе особенно серьезнаго характера броженія, университетскія власти призвали на помощь войска; казаки живо очистили улицу. Г-нъ Долгополовъ не былъ революціонеромъ, даже не числился въ спискахъ „неблагонадежныхъ“ и не имѣлъ никакого отношенія къ возникшимъ беспорядкамъ. Онъ былъ случайнымъ зрителемъ всего происшествія, такъ какъ шелъ въ это время по улицамъ. Когда онъ увидалъ, что казаки бьютъ нагайками по беззащитнымъ студентамъ, онъ, возмущенный этой дикой расправой, обратился къ стоявшему около него чиновнику съ слѣдующими словами: „Стыдитесь, низко и безчестно бить беззащитныхъ людей нагайками“. Чиновникъ немедленно обратилъ вниманіе полиціи на г. Долгополова; его схватили и, какъ зачинщика беспорядковъ, посадили въ тюрьму. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, безъ суда и слѣдствія его отправили въ Западную Сибирь, въ г. Курганъ. Такъ какъ онъ отказался принести присягу на вѣрность Александру III, его отправили въ Тюкалинскъ. Исправникъ въ этомъ городѣ, по фамиліи Ильинъ, былъ горячій, безсовѣстный человекъ съ самыми звѣрскими наклонностями. Молодой докторъ уже вскорѣ по своемъ прибытіи имѣлъ съ нимъ столкновение. Произошло оно потому, что д-ръ Долгополовъ не держался строго § 27 „Положенія“. Онъ былъ не только свѣдущій врачъ, но и благородный человекъ и не могъ отказать себя часто въ желаніи принести помощь какому-нибудь страдальцу. Онъ не искалъ праетики и не смотрѣлъ на нее, какъ на источникъ дохода;

но если къ нему приходилъ крестьянинъ въ начальныхъ стадіяхъ тифа или съ бѣльмомъ на глазѣ, то онъ всегда давалъ нужный совѣтъ или производилъ операцію, все это бесплатно, только изъ чувства долга. Извѣстность д-ра Долгополова не понравилась исправнику. Онъ потребовалъ его въ полицію, напомнилъ ему въ оскорбительныхъ выраженіяхъ о содержаніи § 27 „Положенія“ и подъ страхомъ заключенія въ тюрьму запретилъ ему лѣчить за вознагражденіе или бесплатно больныхъ крестьянъ. Д-ръ Долгополовъ долженъ былъ повиноваться и прекратить свою врачебную практику, но отношенія его къ исправнику были по прежнему самыя натянутыя. Осенью 1883 г. сынъ тюкалинскаго городского головы Балахина, очень богатаго и выдающагося купца, ранилъ нечаянно свою мать въ ногу выстрѣломъ изъ ружья. Рана была очень опасна, и удаленіе пули требовало опытнаго хирурга. Призванный къ раненой городской врачъ Гуль, нервный и робкій человекъ, остановилъ кровотеченіе, но рѣшительно отказался вынуть пулю и совѣтовалъ пригласить д-ра Долгополова, очень опытнаго хирурга. Г. Балахинъ спѣшилъ къ д-ру Долгополову и просить его произвести операцію.

„Я не имѣю права практиковать“, возразилъ молодой врачъ.

„Но вѣдь дѣло идетъ о жизни и смерти“, возразилъ г. Балахинъ.

„Мнѣ очень жаль“, отвѣчалъ д-ръ Долгополовъ: „но я нахожусь съ исправникомъ въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ. Я имѣлъ уже разъ непріятности вслѣдствіе недозволеннаго выполненія врачебной дѣятельности, и мнѣ запрещено подъ страхомъ тюремнаго заключенія приняться опять за нее“.

„Васъ сослали въ Сибирь за ваши гуманныя воззрѣнія“, сказалъ въ отчаяніи г. Балахинъ: „неужели же у васъ хватитъ духу оставить умирающую женщину безъ вашей помощи, которая одна можетъ ее спасти?“

„Конечно нѣтъ, если вы ставите вопросъ въ такой формѣ. Я произведу операцію и буду ждать послѣдствій моего непослушанія“.

Д-ръ Долгополовъ нашель, что сей часъ г-жѣ Балахиной не угрожаетъ никакая опасность, и предложилъ телеграфировать губернатору Лиссогорскому, чтобы онъ дозволилъ произвести операцію, которую не хотѣлъ взять на себя

мѣстный врачъ. Черезъ часъ былъ полученъ отвѣтъ. Губернаторъ считалъ себя некомпетентнымъ въ этомъ случаѣ и совѣтывалъ городскому головѣ обратиться за позволеніемъ въ медицинское отдѣленіе внутреннихъ дѣлъ.

„Видите вы, какое значеніе имѣетъ человѣческая жизнь у вашего начальства?“ сказалъ съ презрѣніемъ докторъ Долгополовъ.

Онъ совершилъ операцію, удалилъ пулю, перевязалъ артерію и, такимъ образомъ, предотвратилъ всякую опасность для жизни г-жи Балахиной. На слѣдующій день молодой врачъ былъ арестованъ; исправникъ открылъ слѣдствіе по этому дѣлу, которое въ архивѣ тобольскаго губернскаго правленія озаглавлено слѣдующимъ образомъ: „Незаконное удаление административно-ссылнымъ Н. Долгополовымъ пули изъ ноги госпожи Балахиной“. Въ то время какъ судебное слѣдствіе, которое велось губернскимъ правленіемъ, затянулось на неопредѣленное время, д-ръ Долгополовъ сидѣлъ въ грязной окружной тюрьмѣ, гдѣ онъ заразился тифомъ.

Случай д-ра Долгополова возбудилъ въ маленькомъ городѣ всеобщее вниманіе, и, когда распространился слухъ объ его болѣзни, ему стали посылать въ тюрьму букеты цвѣтовъ и кушанья. Эти демонстраціи произвели впечатлѣніе даже на исправника, и онъ приказалъ освободить молодого врача и доставить его на его квартиру. Въ то же время онъ сдѣлалъ офиціальное сообщеніе губернатору Лиссогорскому, что обвиняемый въ одномъ преступленіи административно-ссылный Нифонъ Долгополовъ обладаетъ громаднымъ вліяніемъ на все тюкалинское населеніе, что грозитъ большой опасностью для „общественнаго спокойствія“ всего округа. Жители приносятъ ему въ тюрьму цвѣты и изысканную пищу, и симпатіи ихъ къ нему такъ велики, что они даже будутъ способствовать его бѣгству. При такихъ обстоятельствахъ онъ (исправникъ) слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность и проситъ его превосходительство распорядиться переводомъ означеннаго Долгополова въ Сургутъ или другую часть губерніи, гдѣ за нимъ будутъ строже слѣдить.

Что г. Долгополовъ лежалъ при смерти, исправникъ благо-разумно скрылъ, и губернаторъ, который не зналъ объ этомъ важномъ обстоятельстве, немедленно телеграфировалъ исправнику, чтобы тотъ выслалъ Долгополова этапнымъ порядкомъ въ Сургутъ. Исправникъ сообщилъ конвойному офицеру прика-

заніе губернатора и предложилъ ему немедленно исполнить его, отъ чего конвойный офицеръ, однако, отказался, такъ какъ онъ получилъ строгій приказъ не принимать отъ мѣстныхъ властей больныхъ ссыльныхъ. Д-ръ Долгополовъ опасно боленъ, можетъ, пожалуй, умереть по дорогѣ, и тогда его подвергнуть дисциплинарному взысканію за нарушеніе закона. Тогда исправникъ, который рѣшился во что бы то ни стало избавиться отъ ненавистнаго ему врача, приказалъ заложить крестьянскую телѣгу, выбралъ нѣсколько городскихъ въ качествѣ конвоя и отправился съ ними на квартиру д-ра Долгополова. Послѣдній лежалъ на постели и былъ до того слабъ, что не могъ даже привстать. Супруга его начала сопротивляться аресту мужа, за что была связана по рукамъ и ногамъ. Въ одной ночной рубашкѣ д-ръ Долгополовъ былъ вынесенъ на простынь и уложенъ въ телѣгу. Это произошло 24-го октября 1883 г. Была довольно холодная погода, и для г. Долгополова экспедиція эта могла кончиться печально, если бы одинъ сострадательный зритель всей этой сцены не набросилъ на него своей шубы. Въ тряской телѣгѣ, по отвратительной дорогѣ, исправникъ тащилъ свою несчастную жертву цѣлыхъ 180 вер., отдѣляющихъ Тюкалинскъ отъ уѣзднаго города Ишима, гдѣ въ то время находились одиннадцать ссыльныхъ, между ними извѣстный русскій писатель Мяттеть. Многие изъ нихъ знали д-ра Долгополова лично, и всѣ знали исторію его страданій; когда они увидали, въ какомъ состояніи находится молодой врачъ, они немедленно отправились къ ишимскому исправнику и заявили, что они всѣ рѣшительно сопротивляются дальнѣйшему транспорту молодого врача и, если до того дойдетъ, употребятъ насиліе. Они потребовали врачебнаго изслѣдованія, въ какомъ состояніи находится д-ръ Долгополовъ, предложили ишимскому исправнику составить протоколъ, послѣ чего они сдѣлали въ губернію запросъ по телеграфу, приказали губернатору тюкалинскому исправнику въ такое время года отправить умирающаго человѣка въ одномъ ночномъ бѣльѣ, на простой крестьянской телѣгѣ, за 180 вер. Немедленно послѣдовало распоряженіе губернатора передать больного Долгополова въ мѣстную больницу на излѣченіе, причемъ приказъ о ссылкѣ его въ Сургутъ отмѣнялся. Въ Ишимѣ рассказывали, что губернаторъ воспользовался случаемъ, чтобы содрать съ тюкалинскаго исправника взятку въ 500 руб.,

грозилъ ему, въ противномъ случаѣ, судомъ за нарушение закона о ссыльныхъ. Можетъ быть этотъ разсказъ былъ неоснователенъ, но вообще всѣмъ было извѣстно, что губернаторъ продавалъ должности, которыя были въ его распоряженіи, предлагавшимъ наивысшую плату, которую онъ заставлялъ себѣ платить, играя по-большой съ кандидатами на извѣстныя должности, имѣвшими почему-то „несчастіе“ всегда проигрывать ¹⁾.

Г. Долгополовъ пробылъ до своего полного выздоровленія въ ишимской больницѣ, послѣ чего онъ былъ отправленъ обратно въ Тюкалинскъ. Впослѣдствіи его перевели въ Семипалатинскую область, гдѣ его положеніе значительно улучшилось; когда я въ послѣдній разъ слышалъ о немъ, онъ былъ сильно занятъ антропологическими изслѣдованіями среди киргизъ ²⁾.

Это типическій случай, почему я такъ долго и остановился на немъ; онъ прекрасно иллюстрируетъ обращеніе русскихъ властей съ неблагонадежными и показываетъ насколько правы были сургутскіе ссыльные, заявляя, что власти обращаются съ ними безчеловѣчно. Одинъ „политическій“, по имени Левъ Ивановъ, былъ доведенъ систематическими придирками властей до смерти, а двое другихъ моихъ знакомыхъ находились въ такомъ ужасномъ состояніи, что съ минуты на минуту ожидали смерти; ихъ сослали вскорѣ послѣ того, какъ я ихъ видѣлъ, въ Березовъ, гдѣ они уже должно быть нашли вѣчный покой.

Если административно-ссылному удалось благополучно разрѣшить вопросъ о средствахъ къ существованію, лишь тогда представляется ему система полицейскаго надзора во

¹⁾ Во время моего пребыванія въ Сибири я встрѣчалъ исправниковъ, противъ которыхъ былъ возбужденъ цѣлый рядъ дѣлъ. Но имъ всегда удавалось, какими средствами, лучше всего знаютъ они и ихъ начальство, затормозить слѣдствіе и не довести дѣла до судебного разбирательства; я нисколько не сомнѣваюсь, что они еще до сихъ поръ находятся на государственной службѣ.

²⁾ Подробный отчетъ о дѣлѣ доктора Долгополова былъ помѣщенъ въ „Сибирской Газетѣ“, а отсюда перепечатанъ въ недѣльномъ изданіи „Times“ отъ 11 янв. 1884 г. въ отдѣлѣ „Россія“. Русскій цензоръ не хотѣлъ допустить, чтобы „Сибирская Газета“ сообщила, что жертва этихъ истязаній политическій ссыльный, такъ что и „Times“ этотъ фактъ не былъ извѣстенъ. Ближайшія причины, обусловившія эту катастрофу, проникаютъ въ печать лишь въ первый разъ.

всей ея низости. Чиновники, которымъ порученъ надзоръ надъ „политическими“, очень часто порочные люди, съ преступнымъ прошлымъ; многіе становые и большая часть секретарей полицейскихъ управленій набираются изъ уголовныхъ преступниковъ, отбывшихъ въ Сибири срокъ наказанія и вступившихъ подъ подложными именами на государственную службу. Въ либеральныхъ сибирскихъ газетахъ были разъ обнародованы начальныя буквы около 20 фамилій такихъ экс-разбойниковъ въ вицъ-мундирахъ, и указаны города, въ полиціи которыхъ они служатъ.

И такимъ людямъ довѣряетъ русское правительство во многихъ частяхъ Сибири здоровье, честь и жизнь сотенъ высокообразованныхъ людей, сосланныхъ административнымъ порядкомъ; конечно, нельзя удивляться, что они часто подвергаются звѣрскому обращенію и терпятъ поношенія со стороны этихъ бывшихъ каторжниковъ, облеченныхъ въ чиновничью форму. Даже въ такомъ городѣ, какъ Томскъ, пользуясь довольно сносною администраціей, исторія мѣстной полиціи богата массой фактовъ, показывающихъ, что и здѣсь, въ центрѣ областнаго управленія, было совершено не одно низкое насиліе. И здѣсь арестовывали сотнями невинныхъ жителей и заключали безъ всякаго суда въ тюрьму, и здѣсь процвѣтаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ взяточничество, совершаются оффиціальныя клятвopеступленія, употребляютъ негласно пытку и до-смерти сѣкутъ беременныхъ женщинъ.

Согласно „Томскимъ Губ. Вѣдомостямъ“, вновь назначенному томскому губернатору при его первомъ инспекціонномъ осмотрѣ городскихъ тюремъ было передано около 300 жалобъ не беззаконное заключеніе въ тюрьму, изъ коихъ двѣсти оказались основательными; просители были сейчасъ же выпущены на свободу ¹⁾. Власть исправниковъ и полицеймейстеровъ въ маленькихъ сибирскихъ городахъ такъ неограниченна, что между крестьянами сложилась пословица: „На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ Кохъ“. Сколько Коховъ находится между полицейскими чиновниками въ отдаленныхъ углахъ Сибири, извѣстно Богу, сибирскимъ мужикамъ и политическимъ ссыльнымъ. Способъ надзора за „политическими“ чрезвычайно разнообразенъ; но насколько могутъ разниться

¹⁾ „Полицейскій законъ въ Сибири“. Вост. Обзорѣніе, 13 окт. 1884 г., № 41, стр. 1.

другъ отъ друга взгляды сибирскихъ чиновниковъ на этотъ предметъ, ясно показываетъ извлеченіе изъ письма одного административно-ссыльнаго, помѣщенное въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, органѣ московскаго юридическаго общества:

„Надзоръ, которому подвергаетъ насъ мѣстная полиція, не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ формъ. Полицейскіе одинъ ревностиѣ другого въ отправленіи своихъ обязанностей по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ. Они по нѣскольку разъ въ день врываются въ наши квартиры и осматриваютъ всѣ комнаты, чтобы убѣдиться, что мы дома, и что у насъ нѣтъ никого въ гостяхъ. Постоянно шмыгаютъ они мимо нашихъ домовъ, заглядываютъ въ окна или прислушиваются у дверей. Ночью около нашихъ квартиръ стоятъ городовые на посту. Полиція принуждаетъ нашихъ хозяевъ и сосѣдей слѣдить за каждымъ нашимъ движеніемъ и доносить немедленно обо всемъ, что имъ покажется подозрительнымъ²⁾).

Одна молодая дама, которая была сослана въ Тунку, маленькую деревню въ Восточной Сибири, на границѣ Монголіи, рассказывала, что ей не въ рѣдкость застать по возвращеніи съ прогулки полицейскаго, спящаго въ ея кровати съ сапогами и шпорами. Боясь поношеній со стороны чиновъ мѣстной полиціи, ссыльные женщины должны поселиться вмѣстѣ съ сосланными мужчинами. Г-жа Дытескула жила на другой половинѣ дома, занимаемаго Лобановскимъ въ Семипалатинскѣ; г-жа Брежевская жила въ Селенгинскѣ рядомъ съ г. Самаринымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири это было прежде и теперь еще крайне необходимо. Между политическими ссыльными женскаго пола находятся беззащитныя дѣвушки 16—20-лѣтняго возраста, молодыя жены, мужья которыхъ сосланы въ другія части Сибири или работаютъ въ рудникахъ. Въ странѣ, гдѣ бродяги въ полицейскихъ формахъ имѣютъ право ворваться въ каждый часъ дня и ночи въ ихъ комнаты, женщины не могутъ жить отдѣльно.

Что „политическихъ“ такъ же или еще больше возмущаетъ, чѣмъ постоянный надзоръ, это контроль надъ корреспонденціей. Ссыльный, котораго корреспонденція стоитъ подъ надзоромъ полиціи, не можетъ послать письма даже

своей женѣ, не передавъ его раньше исправнику для просмотра. Исправникъ можетъ его по своему усмотрѣнію отправить на мѣсто назначенія, уничтожить или отослать министру внутреннихъ дѣлъ. Получаемыя письма передаются прямо съ почты тому же исправнику, который отрываетъ ихъ, читаетъ, вычеркиваетъ все, что ему кажется предосудительнымъ и, наконецъ, если ему это угодно, отдаетъ адресату. Если онъ хочетъ помучить или наказать ссыльнаго, который ему не нравится или который на его взглядъ былъ „безстыденъ“ по отношенію къ нему, онъ задерживаетъ его письма и оставляетъ его по мѣсяцамъ безъ всякихъ извѣстій о женѣ и дѣтяхъ, которыя, можетъ быть, остались въ глубокой нуждѣ въ Европейской Россіи. Исправникъ въ Тарѣ, Тобольской губ., имѣлъ обыкновеніе прочитывать получаемыя имъ для просмотра письма въ клубѣ, передъ своими друзьями, у которыхъ онъ спрашивалъ, какого они мнѣнія о томъ или другомъ мѣстѣ въ письмѣ. Читатель можетъ представить себѣ чувства бѣднаго ссыльнаго, когда онъ узнаетъ, что возвышенныя выраженія любви и нѣжности, освященные тысячами слезъ, которыя пролила его жена, самое дорогое для него существо на свѣтѣ, читаются и критикуются пьяными собутыльниками исправника. Если ссыльный даже узнаетъ какимъ-нибудь путемъ, что для него прибыло письмо, онъ еще не увѣренъ, что онъ его получитъ. Послѣ того, какъ исправникъ прочиталъ письмо въ клубѣ, онъ подозреваетъ, что это письмо содержитъ шифрованную тайну, почему онъ и считаетъ своимъ долгомъ не выдать его. Я видалъ письма, которыя чиновники подвергали дѣйствию жара или химическихъ веществъ, потому что они воображали, что между строками находятся еще слова, написанныя симпатическими чернилами. Иногда ссыльнаго требуютъ въ полицейское управленіе, и полицеймейстеръ начинаетъ подвергать его перекрестному допросу на счетъ письма, котораго „политическій“ еще въ глаза не видалъ. Такимъ образомъ обращается сибирская полиція съ частной перепиской человѣка, который никогда не былъ обвиненъ въ какомъ-либо преступленіи, который никогда не стоялъ передъ судомъ, который законнымъ образомъ не былъ лишенъ своихъ правъ и преимуществъ.

Другой источникъ непрерывныхъ страданій представляетъ ненормальное положеніе, въ которое ставятъ ихъ

²⁾ Обсужденіе новаго „Положенія о полицейскомъ надзорѣ“ „Юридическій Вѣстникъ“ 1882, декабрь, т. 14 № 12, стр. 561.

ссылка по приказу министра и оскорбительный надзоръ полиции. Они не пользуются защитой закона, какъ всякій другой гражданинъ, и не лишены ея съ правовой точки зрѣнія, такъ какъ не осуждены въ ссылку какимъ-нибудь судебнымъ учрежденіемъ. Политическій исполняетъ всѣ обязанности, налагаемыя закономъ на всякаго гражданина, и не пользуется даже правами самого опаснаго каторжника. Приведенный ниже документъ показываетъ очень ясно, какъ своеобразно положеніе административно-ссылнаго. Это „Мнѣніе“ было отправлено въ 1881 г. однимъ ссылкой на усмотрѣніе русскаго сената (высшаго апелляціоннаго суда). Проситель, конечно, былъ вполне увѣренъ, что его участь отъ этого нисколько не улучшится; напротивъ того, онъ былъ заранѣе подготовленъ къ тому, что онъ тяжело поплатится за свое „безсовѣстное“ поведеніе. Отъ него въ это время потребовали присяги на вѣрность, и онъ желалъ потѣшить свою душу въ полу-сатирическомъ прошеніи. Проситель мнѣ лично не знакомъ, и я считаю лишнимъ объяснить, откуда я получилъ копію съ этого „Мнѣнія“. За подлинность ея, а также за вѣрность сенатскаго рѣшенія я ручаюсь.

Курганъ, Тобольской губ., Зап. Сибирь,
31-го марта 1881 г.

Правительствующему Сенату Россійской имперіи!

Сего 28-го марта 1881 г. я (имя и фамилія) былъ приглашенъ въ полицейское управленіе г. Кургана для принесенія присяги на вѣрность нынѣ царствующему государю Александру Александровичу. Требованіе это стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ манифестомъ императора отъ 1-го марта 1881 г. Основаніемъ, почему отъ крестьянскаго населенія требовали принесенія присяги на вѣрность новому императору, былъ выставленъ тотъ фактъ, что вслѣдствіе уничтоженія крѣпостной зависимости крестьяне сдѣлались свободными гражданами и поэтому должны теперь подчиняться всѣмъ законамъ, дѣйствующимъ въ Россійской имперіи. Я питаю полное почтеніе къ высказанной здѣсь мысли и признаю вполне правильнымъ не только это умозаключеніе, но и всѣ изъ него выходящія. Такъ, напримѣръ, если бы русскіе крестьяне (вообще всѣ русскіе) не были свобод-

ными гражданами и не подлежали дѣйствію всѣхъ законовъ Россійской имперіи, они не были бы обязаны принести присягу на вѣрность. Манифестъ отъ 1-го марта 1881 г. требуетъ присяги только отъ свободныхъ гражданъ, подлежащихъ дѣйствію всѣхъ государственныхъ законовъ. Это заставляетъ меня задать себѣ самому вопросъ: „Что я такое? Могу ли я считать себя свободнымъ гражданиномъ?“ Мой отецъ былъ потомственный русскій дворянинъ, моя мать была обручена съ моимъ отцомъ по закону. По гражданскому уложенію я наслѣдую титулъ моего отца и, слѣдовательно, всѣ права свободного гражданина. Законъ гарантируетъ всякому свободному гражданину слѣдующихъ два самыхъ важныхъ права: „во-первыхъ, право личной свободы (пока онъ не совершилъ какого-нибудь преступленія), и, во-вторыхъ, право на защиту закономъ его семьи и собственности. У меня же отнята свобода, семья моя лишена опоры, мое имущество конфисковано третьимъ отдѣленіемъ, а мнѣ самому запрещено посвящать себя тому призванію, къ которому я подготовленъ. Я не имѣю права переступить за границы г. Кургана; я нахожусь въ 4300 вер. отъ моей семьи и не могу написать даже своей женѣ письма, чтобы не передать его передъ отсылкой на просмотръ постороннему человѣку. Все это показываетъ, что я ни дворянинъ, ни свободный гражданинъ.

Можетъ быть, я лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь на поселеніе? Когда я просматриваю тотъ отдѣлъ свода законовъ, который опредѣляетъ положеніе ссылно-поселенцевъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, я нахожу, что мое положеніе вполне соответствуетъ ихъ, съ однимъ только исключеніемъ. Ссылно-поселенецъ можетъ надѣяться съ теченіемъ времени пріобрѣсти обратно часть потерянныхъ имъ правъ; съ теченіемъ времени онъ можетъ добиться права свободного пребыванія во всѣхъ пунктахъ губерніи или области, въ которую онъ сосланъ, а потомъ даже во всей Сибири. Я же не могу питать даже такихъ надеждъ. Я заключенъ на неопредѣленное время въ Курганскъ. Стало быть, я не ссылно-поселенецъ, тѣмъ болѣе, что ссылка на поселеніе есть наказаніе за какое-нибудь преступленіе, постановленное по рѣшенію суда. Что же я такое на самомъ дѣлѣ? Если я не свободный гражданинъ и не преступникъ, то значить я стою внѣ юрисдикціи русскаго

закона, т. е. я свободный иностранецъ. Но если бы я былъ свободный иностранецъ, то я имѣлъ бы право оставить предѣлы Россіи и навѣрное считался бы во всякой странѣ честнымъ и лояльнымъ гражданиномъ; но я лишень этого права; значить, я военноплѣнный. Но къ какой націи я принадлежу? Гдѣ мое отечество? Въ какую войну я былъ взятъ въ плѣнъ? Если уже заключенъ миръ, почему меня не не отправили вмѣстѣ съ другими плѣнными на родину? На эти вопросы я не имѣю никакого отвѣта. Но положеніе военноплѣннаго невыносимо, и вотъ уже скоро пять лѣтъ, какъ я его терплю.

Я покорнѣйше прошу Правительствующій Сенатъ признать меня русскимъ подданнымъ и объявить меня свободнымъ гражданиномъ, подлежащимъ защитѣ закона. Если Сенатъ признаетъ за мной всѣ гражданскія права, я съ удовольствіемъ исполню свой гражданскій долгъ. Если же Сенатъ не хочетъ признать меня русскоподданнымъ, то прошу позволенія оставить Россію, чтобы искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ новую родину.

Я думаю, что присяга на вѣрноподданство не только возлагаетъ извѣстныя обязанности, но и даетъ извѣстныя права. Требованіе присяги на вѣрноподданство отъ меня равносильно признанію моихъ гражданскихъ правъ. Развѣ это не такъ? Я ожидаю отвѣта. Если Сенатъ, высшее судебное учрежденіе въ Россіи, докажетъ мнѣ, что я ошибаюсь, что я долженъ исполнять всѣ обязанности русскаго гражданина, не пользуюсь соответственными правами, то я долженъ буду подчиниться безропотно его рѣшенію, какъ военноплѣнный.

Василій Сидорацкій“.

(Рѣшеніе Правительствующаго Сената).

„По прочтеніи вышеозначенной петиціи Сенатъ постановилъ 4-го іюня 1881 г.:

Такъ какъ прошеніе не направлено на высочайшее имя и не составлено въ узаконенной формѣ (§ 205, отд. 2, т. X св. законовъ, изд. 1876 г.), то согласно § 225 того же отдѣла X тома свода законовъ, оное оставляется безъ по-

слѣдствій и возвращается просителю. Указъ въ этомъ смыслѣ будетъ препровожденъ Тобольскому губернскому правленію.

Секретарь: *Н. Бруд* (конецъ подписи неразборчивъ).

Помощн. секретаря: Баронъ *Буксевденъ*“.

Я не знаю, какими послѣдствіями для г. Сидорацкаго сопровождалось возвращеніе этого прошенія, и, вообще, находится ли онъ еще въ живыхъ, но надѣюсь по ту или сую сторону гроба онъ нашель, наконецъ, отечество.

Х.

Ссылные въ Иркутскѣ.

Наше путешествіе отъ Томска до Иркутска было во многихъ отношеніяхъ гораздо труднѣе и утомительнѣе, чѣмъ поѣздка изъ Тюмени въ Алтайскія горы. Продолжительный дождь размылъ дорогу и образовалъ еще больше ухабовъ; тряска нашего тарантаса причиняла намъ сильную головную боль и не давала ни на минуту сомкнуть глазъ; на почтовыхъ станціяхъ можно было лишь съ величайшимъ трудомъ достать мало-мальски сносную пищу; кромѣ того, мы еще не запаслись теплымъ платьемъ, такъ что ночью приходилось еще страдать отъ холода. Но что больше всего мучило насъ, это были паразиты, которыхъ мы получили въ нашихъ странствіяхъ по этапамъ и тюрьмамъ; голодъ, стужу, бессонницу, усталость, — все это я могъ перенести довольно мужественно, но сознаніе, что я не могу отдѣлаться отъ блохъ, вшей и клоповъ, было крайне унижительно для меня.

Этапные дома изъ прежнихъ годовъ кишѣли паразитами, такъ что послѣ cadaго осмотра такого зданія мы уносили на нашихъ платьяхъ цѣлую коллекцію этихъ насѣкомыхъ на своей одеждѣ. Они расплодись въ нашихъ одѣялахъ и подушкахъ, заползали въ трещины и щели нашего тарантаса, такъ что не было ни малѣйшей возможности избавиться отъ нихъ. Послѣ того, какъ я тщетно думалъ избавиться отъ нихъ, мѣняя часто мое платье, я отказался отъ всякой борьбы съ этимъ зломъ и подчинился неизбежному.

Почти четыре мѣсяца страдали мы отъ паразитовъ; когда я послѣ девятидневной поѣздки изъ Красноярска въ Иркутскъ переодѣлся въ первый разъ, мое тѣло было такъ искусано, какъ будто оно было покрыто злокачественной сыпью. Пусть читатель проститъ мнѣ эти неэстетическія детали, но я хотѣлъ только представить ему, что долженъ испытывать въ Сибири образованный человѣкъ, проживающій по цѣлымъ мѣсяцамъ въ этапныхъ тюрьмахъ.

Можетъ быть, невозможно уничтожить окончательно паразитовъ въ пришедшихъ въ ветхость этапныхъ тюрьмахъ, гдѣ каждый годъ временно останавливаются тысячи ссыльных изъ низшихъ слоевъ населенія; но вѣдь не трудно вычистить хорошенько этапныя помѣщенія и дать ссыльнымъ возможность посѣщать баню и мѣнять чаще бѣлье. Какъ равнодушно русское правительство къ судьбѣ ссыльных также и въ этомъ отношеніи, я покажу ниже, приведя одно официальное сообщеніе, которое было мнѣ сдѣлано въ Иркутскѣ.

Около середины сентября погода прояснилась, и на юго-восточномъ краю горизонта, въ большомъ отдаленіи отъ насъ, завидѣли мы снѣжную вершину горы Тунки, расположенной на южномъ концѣ Байкальскаго озера, около монгольской границы. Значитъ, мы были уже недалеко отъ Иркутска. Въ воскресенье, 13-го сентября, утромъ мѣстность приняла болѣе оживленный характеръ: мы проѣзжали долиной рѣки Ангарты, по прекрасной дорогѣ; по обѣ стороны ея тянулись обширныя поля, указывавшія на близость рынка. Въ два часа послѣ обѣда мы въ послѣдній разъ перемѣнили лошадей и въ пріятномъ ожиданіи, что, наконецъ, прекратятся на нѣкоторое время наши страданія, что мы въ состояніи будемъ перемѣнить бѣлье, отдохнуть и выспаться, зашли мы въ станціонную комнату; на одной стѣнѣ висѣла маленькая дощечка съ немногими, но, тѣмъ не менѣе, крайне важными цифрами: „Ст. Боковская, разстояніе отъ Петербурга 5061 вер., отъ Иркутска 13 вер.“ Никто не можетъ такъ понимать разницу между этими двумя цифрами, какъ тотъ, который самъ сдѣлалъ 5061 вер. по русскимъ дорогамъ и находится лишь въ 13 вер. отъ конечной цѣли.

Дорога отъ ст. Боковской до Иркутска ведетъ вдоль берега Ангарты; мы внимательно всматривались впередъ, ожидая каждую минуту завидѣть золотой куполъ и бѣлыя стѣны

иркутскаго собора. Со времени моего послѣдняго посѣщенія Иркутска прошло 18 лѣтъ; въ это время зданіе собора однажды сгорѣло до основанія, и я боялся, что новое зданіе не такъ поражаетъ зрителя своей красотой и оригинальностью, какъ сгорѣвшее. Въ пяти верстахъ отъ Иркутска находится Вознесенскій монастырь. Когда мы проѣзжали мимо него, то замѣтили у главнаго входа толпу оборванныхъ, грязныхъ богомольцевъ; вообще, вся дорога отъ монастыря до самаго Иркутска была усыяна солдатами, разносчиками, странниками и разными бродягами, причемъ почти всѣ въ болѣе или меньшей степени были пьяны. Мы переправились на паромѣ черезъ Ангарту, и вскорѣ нашъ тарантасъ загремѣлъ по иркутской мостовой. Издали городъ носить чистовосточный характеръ, но при приближеніи въ нему онъ оказывается, правда, зажиточнымъ и торговымъ, но мало привлекательнымъ русскимъ провинціальнымъ городомъ.

Немедленно по приѣздѣ въ гостиницу „Деко“, гдѣ, какъ намъ рассказывали, въ 1882 г. проживали лейтенанты Гарберъ и Шейце, отправлявшіеся для изслѣдованія устья Лены, мы взяли ванну и перемѣнили платье. Сейчасъ же послѣ ужина мы улеглись спать. На слѣдующее утро мы отправили въ полицію наши паспорта; г. Фростъ отправился на берегъ рѣки производить снимки, а я пошелъ отыскивать ссыльных, въ которыхъ имѣлъ рекомендательныя письма.

Иркутскъ лежитъ на правомъ, сѣверномъ, берегу Ангарты, въ 40 миляхъ отъ Байкальскаго озера, изъ котораго она вытекаетъ; населеніе его достигаетъ цифры 36.000 чел., т. е., Иркутскъ первый по населенію городъ Сибири. Во время нашего тамошняго пребыванія въ немъ издавалась г. М. В. Загоскинымъ прекрасная еженедѣльная газета „Сибирь“, которая находилась въ непрерывной борьбѣ съ мѣстной цензурой и, въ концѣ-концовъ, была приостановлена. Городъ обладалъ публичной библіотекой, недурнымъ театромъ и одиннадцатью школами; въ немъ существовало даже одно ученое общество, географическое. Торговые обороты Иркутска простирались до 11 милліоновъ рублей. Въ 1879 г. огонь почти окончательно разрушилъ городъ; сгорѣли 4.000 домовъ, 1.500 жителей остались безъ крова; весь убытокъ опредѣлялся въ 20 милліоновъ рублей. Во многихъ частяхъ города слѣды этого пожара видны еще до сихъ поръ; и даже тамъ, гдѣ они не наблюдались, новыя зданія были до того не-

прочны, что зрителю кажется, что онъ находится не въ городѣ, основанномъ въ 1652 г., а въ какомъ-нибудь пограничномъ поселеніи или центрѣ какого-нибудь горнопромышленнаго округа. На мой взглядъ городъ съ 1867 г. потерялъ всю свою привлекательность. Однимъ изъ самыхъ старыхъ и замѣчательныхъ зданій во всемъ городѣ, которыя остались нетронутыми разсвирѣпѣвшей стихіей, былъ пороховой магазинъ, земляная крыша котораго поросла травой; у стѣнъ его находился мѣстный базаръ, гдѣ цѣлый день толкались буряты, монголы, казаки и русскіе крестьяне, покупая и продавая всевозможные предметы, начиная съ пары сапоговъ и кончая тарантасомъ или телѣгой.

Посвятить часа 2—3 на осмотръ города и передавъ нѣкоторыя изъ имѣвшихся у меня рекомендательныхъ писемъ, я вернулся назадъ въ гостиницу. Въ коридорѣ встрѣтилъ меня слуга съ разстроеннымъ лицомъ и сообщилъ мнѣ, что тутъ только что былъ полиціймейстеръ, который приказалъ намъ немедленно явиться въ полицію. Въ комнатѣ я нашелъ на своемъ столѣ двѣ визитныя карточки съ именемъ Христофора Фомича Маковского, главнаго полицейскаго чиновника въ Иркутскѣ. Значить, намъ суждено было ближе познакомиться съ человѣкомъ, имя котораго тѣсно связано съ одной изъ самыхъ ужасныхъ трагедій въ исторіи политической ссылки—голодовкой въ иркутской тюрьмѣ. Насколько я могъ припомнить, въ нашемъ поведеніи съ самага пріѣзда въ Иркутскъ не было ничего подозрительнаго, и я терялся въ догадкахъ, зачѣмъ настѣ такъ настоятельно приглашаютъ въ полицію. Но такъ какъ я поставилъ себѣ за правило, какъ можно скорѣе исполнять требованія русскихъ властей, то уже черезъ десять минутъ мы направлялись къ квартирѣ полиціймейстера. Такъ какъ его не было дома, то мы оставили у него наши карточки и отправились въ полицейское управленіе. Здѣсь капитана Маковского также не было; мы вернулись въ гостиницу, и г. Фростъ опять отправился производить снимки. Черезъ полчаса коридорный постучалъ въ дверь и еще съ болѣе разстроеннымъ выраженіемъ лица, чѣмъ прежде, передалъ мнѣ карточку г. Маковского. Это второе посѣщеніе въ такой короткій промежутокъ времени поразило меня; конечно, я велѣлъ просить моего посѣтителя войти. Раздались скорые шаги и звонъ шпоръ, и въ комнату вошелъ въ полной формѣ капитанъ Маковский. Я ожидалъ непріятной сцены и

всталъ со стула, вполне увѣренный, что полиціймейстеръ объявитъ наши бумаги не въ порядкѣ или же захочетъ узнать отъ меня, съ какой цѣлью и какъ долго я нахожусь въ сношеніяхъ съ административно-ссылными. Пусть читатель представитъ себѣ мое изумленіе, когда я увидѣлъ красиваго офицера среднихъ лѣтъ, съ голубыми глазами, темной бородой, по-военному остриженными волосами. Съ сердечнымъ и радостнымъ выраженіемъ лица онъ протянулъ мнѣ обѣ руки и сказалъ: „Я Маковский, мѣстный полиціймейстеръ. Я имѣю удовольствіе знать васъ, такъ какъ я читалъ вашу книгу; если какой-нибудь знаменитый путешественникъ пріѣзжаетъ въ Сибирь, я считаю своимъ долгомъ предоставить себя въ полное его распоряженіе“.

Я былъ какъ громомъ пораженъ: такого привѣтствія я никакъ не ожидалъ. Мы болтали минутъ десять о дорогахъ, погодѣ, нашихъ сибирскихъ приключеніяхъ, о перемѣнѣ въ внѣшнемъ видѣ Иркутска; наконецъ, капитанъ Маковский сказалъ: „Насколько я знаю, вы интересуетесь между прочимъ сибирскими тюрьмами и системой ссылки. Я думаю, вы найдете мѣстную тюрьму въ довольно сносномъ состояніи; я вамъ пришлю одного чиновника, который вамъ покажетъ ее; для того, чтобы видѣли все въ будничной обстановкѣ, я не дамъ знать о вашемъ посѣщеніи“.

Эта личность правила мнѣ: „Вотъ если бы каждый сибирскій городъ имѣлъ такихъ чиновниковъ“, сказалъ я самому себѣ.

Обсуждая дѣйствующую нынѣ систему ссылки, капитанъ Маковский согласился, что она является бременемъ и зломъ для всей страны, но онъ не надѣялся на перемѣну въ близкомъ будущемъ. „Уже давно разбирался вопросъ о введеніи системы центральныхъ мѣстъ заключенія“, заявилъ г. Маковский: „но вся невыполнимость этого проекта заключалась въ отсутствіи необходимыхъ средствъ. На постройку двадцати новыхъ тюремъ потребуется 10 милліоновъ руб., чего не позволяетъ нынѣшнее финансовое положеніе Россіи“.

Во время нашей бесѣды вернулся г-нъ Фростъ; вскорѣ полиціймейстеръ распростился съ нами, взявъ съ насъ обѣщаніе посѣтить его запросто. Я не могъ пока еще составить себѣ мнѣнія о характерѣ капитана Маковского. Онъ былъ олицетворенная любезность; однако, во всемъ его обращеніи было много дѣланнаго, и его изысканная вѣжливость была

скорѣе политива, чѣмъ откровенность. Но развѣ я, поступавшій такимъ же образомъ, могъ сдѣлать ему упрекъ въ этомъ отношеніи?

Въ среду мы отдали г. Маковскому его визитъ, а въ четвергъ послѣ обѣда онъ зашелъ за нами, чтобы отправиться въ тюрьму. Обѣ мѣстныхъ тюрьмы, городская и пересыльная, находятся другъ подлѣ друга, за городской чертой, отъ которой онѣ отдѣляются мелкой рѣченкой Ушаловкой. Пересыльная тюрьма, которую мы по предложенію г. Маковского осмотрѣли раньше, находилась въ огромномъ, приходившемъ уже въ разрушеніе зданіи, которое отличалось отъ видѣнныхъ нами этапныхъ домовъ развѣ только по своимъ размѣрамъ и распределенію отдѣльныхъ камеръ. Съ перваго же взгляда было видно, что тюрьма содержится крайне скверно. Палисадъ, окружавшій тюремный дворъ, сталъ разваливаться, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колья совсѣмъ сгнили; во многихъ окнахъ не доставало стеколъ, а отверстія были заткнуты тряпками и старыми рогожами. Когда капитанъ Маковский увидѣлъ, что эти подробности не ускользаютъ отъ моего вниманія, онъ сказалъ, что уже давно не производили ремонта Иркутской пересыльной тюрьмы, такъ какъ правительство собиралось выстроить для нея новое зданіе ¹⁾.

Когда мы вступили въ главный коридоръ, дежурный офицеръ приблизился къ сопровождавшему насъ инспектору и скороговоркой, не переводя дыханія, отрапортовалъ: „Честь имѣю, ваше высокоблагородіе, доложить, что состояніе пересыльной тюрьмы сегодня, 5-го сентября, вполне удовлетворительно, и что въ ней находятся сегодня 271 заключенныхъ“. Инспекторъ кивнулъ головой, сказалъ „хорошо“, и мы продолжали нашъ осмотръ. Все зданіе находилось въ крайне печальномъ видѣ, хотя, въ общемъ, оно все же производило болѣе благоприятное впечатлѣніе, чѣмъ томская. Камеры не были такъ переполнены и содержались опрятнѣе, воздухъ былъ свѣжѣе; въ прочихъ отношеніяхъ она вполне напоминала западно-сибирскую „пересыльную“: тѣ же голыя нары, то же отсутствіе постельнаго бѣлья, одѣялъ и подушекъ, иногда только я замѣчалъ грязныя ситцевыя одѣяла, сшитыя изъ лоскутковъ. Мужчины были всюду отдѣлены

¹⁾ Съ тѣхъ поръ прошло три года, а Иркутскъ все еще ожидаетъ постройки пересыльной тюрьмы

отъ женщинъ и дѣтей, и камеры послѣднихъ содержались опрятнѣе.

Изъ этапной тюрьмы мы направились въ городской тюремный замокъ, состоявшій изъ большого двухэтажнаго зданія, построеннаго изъ кирпича и крытаго желѣзомъ. Онъ напоминалъ тюменскую пересыльную тюрьму и былъ снабженъ большимъ дворомъ: нѣсколько грядокъ цвѣтовъ и усыпанные пескомъ дорожки давали ему видъ сада, служившаго мѣстомъ отдохновенія для обитателей тюрьмы. Зданіе тюремнаго замка было выстроено въ 1861 г. и обошлось въ 62.000 р. оно по плану могло вмѣщать только 450 человѣкъ, но во время нашего посѣщенія тамъ находились 743 арестанта, и самъ инспекторъ сознавался, что цифра ихъ доходитъ иногда до 1.500 человѣкъ. По сообщенію г. Погова въ газетѣ „Сибирь“, доходило иногда до того, что въ помѣщеніи, построенномъ на 450 человѣкъ, проживали болѣе или менѣе долгое время около 2.000 человѣкъ, т. е., въ четыре раза съ лишнимъ больше законной цифры ¹⁾.

Послѣдствія такого переполненія я описалъ въ другомъ мѣстѣ. Воздухъ былъ хотя не такъ спертъ, какъ въ тюменской тюрьмѣ, но все-таки очень тяжелъ, и арестанты безпрерывно жаловались г. Маковскому и мнѣ, что имъ трудно дышать. Дѣйствительно, господствовавшая въ тюремномъ госпиталѣ атмосфера не поддается никакому описанію: хотя мы въ немъ пробыли самое короткое время, я все-таки почувствовалъ тошноту и головокруженіе ²⁾.

¹⁾ „Жизнь заключенныхъ въ Иркутскомъ городскомъ тюремномъ замкѣ“. С. С. Погова, „Сборникъ“ газ. „Сибирь“ за 1876 г. стр. 210.

²⁾ Въ ежегодномъ отчетѣ медицинскаго отдѣленія министерства внутр. дѣлъ за 1884 г. состояніе тюремъ и тюремныхъ госпиталей въ Томскѣ, Енисейскѣ и Иркутскѣ было изображено слѣдующимъ образомъ: „Изъ отчетовъ мѣстныхъ медицинскихъ управленій слѣдуетъ, что санитарное состояніе многихъ тюремъ, какъ въ губерніяхъ, такъ и въ областяхъ, крайне неудовлетворительно. Въ большинствѣ случаевъ онѣ очень малы и не могутъ вмѣстить наличнаго числа арестантовъ, лишены вентилляціи и отхожихъ мѣстъ; онѣ также крайне сыры и низки. Тюрьмы, которыя наименѣе отвѣчаютъ гигиеническимъ требованіямъ, лежатъ въ губерніяхъ: Енисейской, Иркутской, Томской и Забайкальскомъ краѣ. Во многихъ тюремныхъ госпиталяхъ часто недостаетъ предметовъ первой необходимости, нѣтъ врачей, фельдшеровъ и опытныхъ сидѣлокъ“. Затѣмъ

Господствующія здѣсь болѣзни тѣ же, что и въ другихъ сибирскихъ госпиталяхъ, т. е. тифъ, скорбутъ, малокровіе, ревматизмъ и бронхитъ, болѣзни, причину которыхъ слѣдуетъ искать въ отвратительныхъ гигиеническихъ условіяхъ.

Изъ госпиталя мы направились черезъ маленькій садикъ къ „тайнымъ“ кельямъ, гдѣ сидятъ осужденные на одиночное заключеніе. Полиціймейстеръ сообщилъ мнѣ, что онъ доставитъ мнѣ случай говорить съ однимъ „политическимъ“, сидящимъ въ одиночномъ заключеніи. О тюремной жизни русскихъ революціонеровъ я уже довольно слыхалъ, но видѣть лично одного изъ нихъ въ одиночномъ заключеніи мнѣ до сихъ поръ еще не приходилось. Въ концѣ двора мы вступили въ обширныя сѣны. Капитанъ Маковский, въ сопровожденіи сторожа, несшаго ключи, вступилъ черезъ закрытую на замокъ дверь, снабженную еще желѣзной рѣшеткой, въ длинный и узкій коридоръ, гдѣ расхаживалъ вооруженный часовой. По обѣ стороны коридора тянулись камеры, на массивныхъ деревянныхъ дверяхъ которыхъ висѣли огромныя висячіе замки.

Въ каждой двери было сдѣлано маленькое окошко для передачи пищи; кромѣ того, часовой могъ постоянно слѣдить черезъ нихъ за малѣйшимъ движеніемъ заключеннаго. Имя того политическаго заключеннаго, котораго мы хотѣли посѣтить, было Фердинандъ Лустигъ; судя по словамъ г. Маковского, онъ былъ прежде русскимъ офицеромъ; вскорѣ послѣ 1-го марта 1881 г. его арестовали и присудили къ четырехлѣтней каторжной работѣ. Онъ отбылъ срокъ своего наказанія и теперь былъ на пути въ Восточную Сибирь, куда онъ былъ сосланъ на поселеніе.

Сторожъ открылъ камеру № 6. Мы вошли въ узкую и длинную, мрачно выглядѣвшую келью, въ которой сидѣлъ на низенькой деревянной кровати красивый молодой чело-

приведенъ статистическій обзоръ санитарнаго состоянія тюремъ и тюремныхъ больницъ въ слѣдующихъ 4 губерніяхъ:

Губерніи.	Число больницъ.	Число кроватей.	Больные.	Умершіе.	% смертности.
Енисейская . . .	3	145	5176	168	3,2
Иркутская . . .	2	115	1620	99	6,1
Тобольская . . .	10	242	4648	303	6,5
Томская	3	230	1514	259	16,4

вѣкъ, съ коротко стриженными волосами и темной бородой. Онъ живо поднялся при нашемъ входѣ, какъ бы ожидая какой-то перемѣны въ своей участи. „Здравствуйте, г. Лустигъ“, сказалъ капитанъ съ сердечнымъ выраженіемъ въ голосѣ: „Мы пришли васъ немного развеселить. Эти господа американскіе путешественники, которые осмотрѣли тюрьму; я думалъ, что, можетъ быть, вамъ будетъ пріятно ихъ видѣть“. Выраженіе надежды, скользнувшее по лицу заключеннаго, исчезло; онъ протянулъ намъ порывисто руку и смутился, какъ будто бы онъ не зналъ, о чемъ говорить съ нами. Положеніе было не только для него, но и для насъ крайне непріятное, вслѣдствіе присутствія въ камерѣ капитана, сторожа и солдата; если бы мы были наединѣ съ ними, мы живо поняли бы другъ друга, но въ данномъ случаѣ я не могъ ему передать, что дѣлается у меня на душѣ; я зналъ хорошо, что я покажусь ему назойливымъ туристомъ, который съ такимъ же любопытствомъ разсматриваетъ заключеннаго нигилиста, съ какимъ разсматриваютъ какого-нибудь рѣдкаго звѣря въ зоологическомъ саду. Камера была длиною въ 20 ф., шириною въ 6 ф. и вышиной въ 12 ф. Свѣтъ проникалъ черезъ маленькое окошко, снабженное рѣшеткой и находившееся на противоположной входу стѣнѣ, на такой высотѣ, что я его не могъ достать. Передъ окномъ, на разстояніи нѣсколькихъ футовъ, былъ виденъ часоколъ, который заслонялъ даже видъ на небо, такъ что г. Лустигъ, если онъ смотрѣлъ наверхъ, едва ли могъ сказать, пасмурно или ясно, зима ли или лѣто на дворѣ. Хотя стѣны и потолокъ были окрашены въ бѣлый цвѣтъ, келья выглядѣла все-таки мрачной и была, какъ мнѣ казалось, довольно холодной. Вся мебель состояла изъ деревянной кровати съ тонкимъ шерстянымъ одѣяломъ сѣраго цвѣта и четырехугольнаго ящика для экскрементовъ. Заключенный не имѣлъ права имѣть ни стула, ни стола, никакихъ книгъ или письменныхъ принадлежностей; дневной свѣтъ не проникалъ къ нему снаружи, онъ не могъ ничего другого дѣлать, какъ сидѣть на кровати и думать безконечныя думы. Я спросилъ его, какъ долго находится онъ уже въ одиночномъ заключеніи, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что съ 1-го іюня, т. е. уже четыре мѣсяца. Его задержали здѣсь, потому что вопросъ объ его будущемъ мѣстожителствѣ не былъ еще рѣшенъ. Когда же послѣдуетъ это разрѣшеніе, не зналъ

никто, да это никого и не интересовало. Покамѣстъ несчастный узникъ чувствовалъ себя гораздо хуже, чѣмъ въ рудникахъ. Охотно спросилъ бы я его обо всемъ пережитомъ имъ въ карскихъ рудникахъ, но я зналъ, что въ присутствіи капитана Маковского это невозможно; я пожалъ ему руку, пожелалъ ему скорого освобожденія и удалился. Я не могъ согласиться съ убѣжденіемъ иркутскаго полиціймейстера, что мѣстная тюрьма находится въ „хорошемъ состояніи“, но такъ какъ онъ не спросилъ моего мнѣнія, то я не считалъ нужнымъ высказать его.

Прошло нѣсколько дней, пока я снова не увидалъ г. Маковского. Какъ разъ въ это время новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири графъ Игнатьевъ производилъ ревизію мѣстныхъ тюремъ. Во вторникъ на слѣдующей недѣлѣ г. Маковский зашелъ къ намъ и послѣ нѣсколькихъ незначущихъ фразъ онъ порывисто сказалъ мнѣ: „Скажите, пожалуйста, г. Кеннанъ, откровенно, какое впечатлѣніе произвела на васъ мѣстная тюрьма?“ Я ему откровенно отвѣтилъ, что сибирскія тюрьмы вообще производятъ на меня самое скверное впечатлѣніе, и что я могу только сказать, что иркутская тюрьма въ немного лучшемъ состояніи, т. е. не въ такомъ скверномъ, какъ тюменская или томская.

„Я потому задалъ вамъ этотъ вопросъ, что графъ Игнатьевъ и его супруга посѣтили только что мѣстный тюремный замокъ и остались очень недовольны видѣннымъ. Графъ находитъ тюрьмы грязными и переполненными, воздухъ невыносимымъ, вообще, все въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Конечно, я самъ это знаю, въ тюрьмѣ, постоянно стоитъ невыносимая духота, но развѣ можно ожидать чего-нибудь другого, когда въ помѣщеніи такой величины (тутъ онъ указалъ на комнату, въ которой мы жили), да еще безъ вентиляціи торчатъ 30 чел. Правда и то, что бѣлье арестантовъ грубо, но вѣдь на деньги, отпускаемые правительствомъ, нельзя пріобрѣсти болѣе тонкаго. Если заплатить въ гостиницѣ за обѣдъ два руб., то конечно, можно получить хорошую пищу, но что можно достать на 8—10 коп.? Говорятъ, что бѣлье грязно. Какъ же не быть ему грязнымъ, если правительство выдаетъ каждому арестанту въ 6 мѣсяцевъ лишь одну рубаху, и въ годъ одинъ халатъ. Въ этой одеждѣ онъ находится цѣлыя сутки и раздѣваетъ ихъ лишь въ банѣ.

„Какимъ же образомъ моютъ арестанты рубахи, когда у нихъ нѣтъ другой перемѣны? Развѣ они ходятъ все время въ немытой рубахѣ?“

„Если онъ идетъ въ баню“, отвѣчалъ полиціймейстеръ. „то онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы вымыть такъ же свое бѣлье, сушить его, если это позволяетъ время, и одѣваетъ его опять“.

Я упомянулъ о страданіяхъ ссыльных, которыхъ часто застигаетъ въ пути проливной дождь, и которые, не имѣя сухой перемѣны бѣлья, должны спать цѣлую ночь въ мокромъ платьѣ. „Неудивительно“, сказалъ я ему, „что всѣ тюремные госпитали биткомъ набиты пациентами“. Онъ согласился со мной и прибавилъ: „Дѣйствительно, жизнь ссыльных во время марша ужасна. Поскольку устройство тюрьмы зависитъ отъ меня, она такъ удобна, какъ только это можетъ быть; нигдѣ нѣтъ сору, а санитарныя условія, въ которыхъ она находится, благопріятнѣе, чѣмъ во многихъ частныхъ домахъ въ Иркутскѣ“.

Неудовольствіе графа Игнатьева кап. Маковский приписывалъ вліянію его супруги, которую онъ изображалъ добро-сердечной, но неопытной дамой.

„Графиня очень умная и наблюдательная женщина“, сказалъ я: „Одинъ изъ чиновниковъ тюремнаго вѣдомства, съ которымъ я вчера познакомился за обѣденнымъ столомъ, рассказалъ мнѣ, что она недавно при посѣщеніи тюрьмы, выразила желаніе попробовать арестантскую пищу. Инспекторъ принесъ ей супу въ чистой тарелкѣ; но она, твердо увѣренная, что эта порція супа приготовлена специально для нея, спросила, не осталось ли еще супа въ котлѣ, въ которомъ варится арестантская пища. Ей подали немного остатковъ; она попробовала и замѣтила: „Мнѣ очень пріятно, что вы по случаю моего прихода вымыли котелъ: уже давно пора было это сдѣлать“. Такая дама кое-что понимаетъ, и вы должны согласиться, что она обладаетъ проницательностью“.

„Проницательностью, пожалуй!“ сказалъ г. Маковский: „Она кромѣ того добрая, снисходительная дама, но ей недостаетъ опытности. Она думаетъ, что тюрьма можетъ быть организована, какъ институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Вы такъ же хорошо знаете, какъ и я, что это рѣшительно невозможно“.

Я ему замѣтилъ, что въ организаціи иркутской тюрьмы можетъ быть произведено еще много важныхъ улучшеній, причемъ она и тогда еще будетъ далеко отъ сравненія съ институтомъ.

Тутъ наша бесѣда была прервана появленіемъ новыхъ посѣтителей, и г-нъ Маковский удалился, страшно волнуясь при мысли о впечатлѣніи, вынесенномъ генераль-губернаторомъ отъ ревизіи ввѣренной ему тюрьмы.

При первомъ приѣмѣ у вновь назначеннаго генераль-губернатора, мы оба отправились представиться графу Игнатьеву. Мы увидали высокаго полного мужчину лѣтъ 45 съ толстой, лысой головой и соннымъ выраженіемъ лица. Онъ принялъ насъ вѣжливо, хотъ и натянуто, и сейчасъ же заговорилъ съ нами на англійскомъ языкѣ, на которомъ онъ выражался довольно хорошо, хотъ немного нерѣшительно. При первомъ удобномъ случаѣ я свернулъ разговоръ на нынѣшнюю систему ссылки и сообщилъ ему мои нѣкоторые наблюденія насчетъ состоянія тюремъ въ Томскѣ и Тюмени. Онъ безъ околичностей отвѣтилъ мнѣ, что ссылка крайне вредитъ развитію Сибири, и что система ея нуждается во многихъ улучшеніяхъ. Онъ думаетъ, что гораздо лучше было бы употреблять обыкновенныхъ ссыльныхъ для мѣстныхъ нуждъ. Въ Сибири есть еще много дѣла, такъ что непонятно, отчего власти не употребляютъ для казенныхъ работъ массу арестантовъ, сидящихъ въ сибирскихъ тюрьмахъ. Система принудительнаго труда полезна для обѣихъ сторонъ, чѣмъ бесплодное пребываніе за тюремными стѣнами.

Онъ объявилъ намъ, что сдѣлалъ уже въ этомъ отношеніи опытъ, предоставивъ городу 100 арестантовъ для ремонта иркутскихъ мостовыхъ. Онъ согласился съ нами, что состояніе сибирскихъ тюремъ ниже всякой критики. По его словамъ, правительство было серьезно занято мыслью отправлять ссыльныхъ только лѣтомъ и на подводахъ, а не пѣшкомъ. Это обѣщало большія сбереженія, такъ какъ дѣлало излишнимъ заготовленіе зимняго платья; кромѣ того этимъ значительно облегчались страданія ссыльных¹⁾.

¹⁾ Авторомъ этого проекта былъ полковникъ Загаринъ, главный инспекторъ пересыльнаго управленія Восточной Сибири. Со времени моей аудіенціи у графа Игнатьева прошло уже три года, но проектъ этотъ не приведенъ еще въ исполненіе. Правительство, должно быть, въ виду

Во время нашей бесѣды вошла графиня Игнатьева. Мы были ей представлены. Это была дама лѣтъ 30, средняго роста, съ сѣрыми глазами, добрыми, интеллигентными, но немного холодными чертами лица. Появленіе графини положило конецъ нашему разговору, который перешелъ на другіе предметы.

Въ теченіе нашего 12-дневнаго пребыванія въ Иркутскѣ мы завязали много интересныхъ и пріятныхъ знакомствъ, между прочимъ съ г. Адамомъ Буковскимъ, извѣстнымъ сибирскимъ горнопромышленникомъ, который хорошо говорилъ по-англійски и оказалъ намъ самое радушное гостепріимство, съ д-ромъ Писаревымъ, выдающимся мѣстнымъ врачомъ, къ которому мы имѣли изъ Петербурга рекомендацію, съ г. Бутинымъ, проживавшимъ прежде въ Нерчинскѣ, извѣздившимъ Соединенные Штаты вдоль и поперекъ и бывшимъ по своимъ убѣжденіямъ чистымъ американцемъ, наконецъ, съ г. Загоскинымъ, почтеннымъ издателемъ „Сибири“.

21-го сентября, недѣлю спустя послѣ нашего прибытія въ Иркутскъ, встрѣтились мы съ нашимъ землякомъ, лейтенантомъ Шейце, который отправлялся вглубь Иркутской губ. для раздачи по дорогѣ подарковъ, посланныхъ нашимъ правительствомъ всѣмъ тѣмъ, которые оказали помощь оставшимся въ живыхъ членамъ экспедиціи „Жаннеты“. Онъ выѣхалъ гораздо позже насъ изъ дому; трудно описать нашу радость при видѣ земляка, который намъ могъ сообщить самыя послѣднія новости изъ нью-іоркской жизни, и съ которымъ мы могли обмѣняться нашими впечатлѣніями о Сибири.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашей послѣдней бесѣды объ иркутскихъ тюрьмахъ я посѣтилъ г. Маковского и завелъ разговоръ о политическихъ ссыльныхъ. Онъ говорилъ про-нически, почти презрительно вообще о всѣхъ революціонерахъ и „нигилистахъ“, видѣлъ въ нихъ дикихъ фанатиковъ, враговъ не только существующей формы правленія, но и вообще всякой, которыхъ нужно поэтому держать въ „ежовыхъ рукавицахъ“. — „Но есть ссыльные, которые возбуждаютъ мое живѣйшее участіе; это, напримѣръ, молодые лю-

предстоящей постройки великой Сибирской жел. дор., откладываетъ съ году на годъ введеніе этой гуманной реформы, хотъ до окончанія постройки вышеназванной жел. дор. пройдетъ еще 10—15 лѣтъ.

ди, которые не совершили никакого политическаго преступленія, но которые находились въ перепискѣ съ дѣйствительными революціонерами или были съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Они должны страдать теперь за то, что находились въ дурномъ обществѣ. Затѣмъ есть между сосланными „политическими“ люди, которые изъ одолженія брали на храненіе письма или печатныя произведенія, содержаніе которыхъ имъ было совершенно неизвѣстно.

„Если полиція находитъ ихъ содержаніе революціоннымъ, то, не смотря на всѣ увѣренія въ своемъ незнаніи и невинности, такой другъ немедленно ссылается въ Сибирь. Также отправляются въ ссылку люди, которые одолжили революціонерамъ деньги, не зная, какое употребленіе изъ нихъ сдѣлаютъ ихъ знакомые. Наконецъ, существуетъ цѣлый рядъ молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 18—20 лѣтъ, пылкихъ энтузіастовъ, стремящихся работать на пользу родного народа. Они знаютъ недостатки нынѣшней правительственной системы и видятъ возможность улучшенія участи Россіи не путемъ революціи, а посредствомъ мирныхъ реформъ. Такихъ молодыхъ людей увлекаютъ въ тайныя общества; если полиція открываетъ таковое, то всѣ члены его, а также и эти молодые люди, ссылаются въ Сибирь, хотя эти честные юноши преслѣдуютъ самыя чистыя и благородныя цѣли. Такихъ несчастныхъ я жалѣю отъ всего сердца“.

Я привелъ эти слова капитана Маковского, потому что изъ нихъ явственно слѣдуетъ, что русское правительство въ ссылку не только отправляетъ цвѣтъ русской молодежи, но и много другихъ людей, которые никогда и въ помыслахъ не имѣли совершить политическое преступленіе. Мнѣ этотъ фактъ былъ уже давно знакомъ, но я никогда не слыхалъ, чтобы какой-нибудь полицейскій чиновникъ въ Россіи такъ откровенно высказался объ этомъ.

Во время нашего пребыванія въ Иркутскѣ тамъ находилось очень мало политическихъ ссыльныхъ. Найти ихъ представляло нѣкоторое затрудненіе, но все-таки это намъ удалось. Г. Маковский даже и не воображалъ, что я часто прямо изъ его квартиры отправлялся въ собраніе „политическихъ“ и часто просиживалъ съ ними до полуночи.

Самыми интересными личностями изъ міра ссыльныхъ въ Иркутскѣ были супруги Чернявскіе, сосланные въ 1878 г. административнымъ порядкомъ въ Сибирь. Я особенно близко

сошелся съ ними и питалъ къ нимъ, особенно къ госпожѣ Чернявской, величайшее уваженіе и искреннее состраданіе. Мало женщинъ, даже въ Россіи, могли указать на свою болѣе трагическую, исполненную величайшихъ страданій жизнь, чѣмъ г-жа Чернявская, имѣвшая всего 35 лѣтъ отъ роду. Въ началѣ 1878 г. г-жа Чернявская, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, была арестована въ Одессѣ и послѣ продолжительнаго заключенія въ мѣстной тюрьмѣ отправлена административнымъ порядкомъ въ Тобольскую губ. На пути въ ссылку она была интернирована на нѣсколько дней въ Кіевской „пересыльной“. Здѣсь ей пришлось пережить смерть ея самаго близкаго друга. Одинъ молодой человекъ англійскаго происхожденія, по имени Беверли, съ которымъ она была знакома уже съ дѣтства, былъ незадолго до того арестованъ по обвиненію въ томъ, что жилъ по фальшивому виду и занимался революціонной пропагандой и заключенъ въ кіевскую тюрьму. Въ ночь, предшествовавшую отъѣзду г-жи Чернявской, Беверли и еще одинъ „политическій“ по фамилии Избицкій, пытались устроить побѣгъ. Власти узнали объ этомъ планѣ, поставили взводъ солдатъ, и, когда бѣглецы появились, они были встрѣчены залпомъ изъ ружей. Смертельно раненый Беверли былъ dokonченъ тутъ же штыкомъ, а болѣе легко раненый Избицкій подвергнутъ страшнымъ побоямъ и перенесенъ назадъ въ тюрьму. Когда г-жа Чернявская на слѣдующій день со всей партіей выходила изъ тюремныхъ воротъ, взоръ ея упалъ на трупъ ея злополучнаго друга, который еще лежалъ передъ окнами тюрьмы на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ.

„Собственные муки“, сказала г-жа Чернявская, „я еще могу переносить, но эта сцена была ужасна“.

Послѣ страшныхъ мученій и страданій они прибыли въ назначенный имъ для проживанія городъ Тобольской губ. У нихъ родился ребенокъ, и они жили довольно сносно до восшествія на престолъ Александра III. Отъ г. Чернявскаго потребовали присягнуть на вѣрность новому царю, что онъ отказался исполнить. Ихъ сослали дальше, въ Красноярскъ; послѣ вторичнаго отказа ихъ отправили въ Иркутскъ. На дворѣ стояла уже глубокая зима, когда Чернявскіе съ 13-мѣсячнымъ ребенкомъ пустились въ путь. Не смотря на всѣ усилія, г-жѣ Чернявской не удалось спасти ребенка отъ дѣйствія сибирскихъ морозовъ, и на предпоследней

станции она держала въ рукахъ маленькій трупъ. Этого удара не могла вынести несчастная женщина и она лишилась разсудка: она убаюкивала своего мертвого ребенка, пѣла ему колыбельныя пѣсни, плакала, приходила въ ярость и проклинала Бога.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, г. Чернявскій, держа въ одной рукѣ трупъ ребенка, а другой удерживая свою сумасшедшую супругу, простоялъ еще полчаса въ 30° стужу, ожидая, пока очередь дойдетъ до него.

Г-жа Чернявская пролежала до своего полного излѣченія въ иркутскомъ тюремномъ госпиталѣ. Тогда эта несчастная чета была отправлена въ сопровожденіи жандарма въ Батурскій улусъ, лежащій въ Якутской обл., въ 250 вер. отъ ближайшаго русскаго поселенія, въ первобытной глуши. Тамъ проживали они въ невыносимыхъ мученіяхъ и лишеніяхъ вплоть до 1884 г. Въ этомъ году министръ внутр. дѣлъ дозволилъ имъ вернуться въ „мѣста, не столь отдаленныя“.

Когда я познакомился съ г-жей Чернявской, это была блѣдная, худенькая женщина. Уже втеченіи 7 лѣтъ она не получала никакихъ писемъ отъ своихъ родныхъ, отъ которыхъ ее отдѣляли тысячи верстъ; единственный близкій человѣкъ, который у нея остался, былъ ея мужъ, но и для него она не могла ничего сдѣлать вслѣдствіе своей болѣзности. Уже два мѣсяца она не переступала черезъ порогъ своей комнаты, и, когда я съ ней прощался, я былъ вполне увѣренъ, что не долго придется еще ей пользоваться жизнью. Ея участь трогала меня до глубины души, и въ первый разъ со времени моего дѣтства появились у меня на глазахъ слезы, когда она рассказала мнѣ свою исторію. Въ знакъ моего величайшаго уваженія къ ней я предложилъ ей принять на память мою фотографію, но она къ моему удивленію отклонила мое предложеніе. „Много лѣтъ тому назадъ у меня была фотографическая карточка съ одного изъ моихъ умершихъ дѣтей; эта была единственная реликвія, оставшаяся послѣ моего любимца. Однажды ночью жандармы произвели у меня обыскъ и забрали всѣ письма и фотографическія карточки, между ними и карточку моего мальчика. Я сказала имъ, что это единственная память о моемъ умершемъ ребенкѣ. Жандармскій офицеръ, производившій обыскъ, далъ мнѣ свое честное слово, что я получу ее назадъ, но я ее

больше уже не видала. Я дала себѣ клятву, что русскому правительству не удастся въ другой разъ совершить такой подлости, и съ тѣхъ поръ я не принимаю ни отъ кого фотографій“.

Я не знаю, жива-ли еще г-жа Чернявская; если она еще живетъ, то я желаю только одного, чтобы эти строки попали къ ней въ руки, и чтобы она узнала, съ какимъ чувствомъ хранятъ ея знакомые по ту сторону океана память о ней!

XI.

Русская полиція.

Нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, гдѣ бы полиція обладала такой неограниченной властью, гдѣ бы она играла такую важную роль, гдѣ бы она позволяла себѣ такъ безцеремонно обращаться съ личностью гражданина, какъ въ Россіи. Въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, которые управляются народными представителями, дѣятельность полиціи точно опредѣлена закономъ: она ограничивается предупрежденіемъ и раскрытіемъ преступленій и охраненіемъ порядка въ общественныхъ мѣстахъ. Въ Россіи, гдѣ народъ не принимаетъ никакого участія въ управленіи государствомъ, гдѣ онъ по отношенію къ правительству играетъ роль малаго ребенка, нуждающагося въ постоянномъ призорѣ, полиція занимаетъ совсѣмъ особенное положеніе.

Русское правительсто считаетъ своихъ подданныхъ неспособными не только завѣдывать общегосударственными или мѣстными дѣлами, но и вести собственное хозяйство, почему правительство признаетъ своимъ священнымъ долгомъ отъ того момента, когда русскій появляется на свѣтъ божій, до той минуты, когда онъ, разбитый жизненной борьбой, засыпаетъ вѣчнымъ сномъ, вести его, направлять, держать въ ежовыхъ рукавицахъ, угнетать, охранять, наблюдать, такъ что русскому человѣку приходится всю жизнь дѣлать то, что другимъ вздумается ему приказывать. Естественнымъ послѣдствіемъ такой теоріи „отеческаго“ управленія являются сосредоточеніе всей административной власти въ рукахъ немногихъ высокопоставленныхъ чиновниковъ и необычайное расширеніе сферы дѣятельности полиціи. То, что въ дру-

гихъ странахъ предоставляется усмотрѣнію отдѣльной личности или большинства гражданъ, въ Россіи зависитъ отъ воли министра внутреннихъ дѣлъ и его мѣстныхъ органовъ.—Русскій, который желаетъ издавать газету, долженъ испросить на это министерское разрѣшеніе¹⁾. Если онъ вздумаетъ открыть воскресную школу или какое-нибудь другое учебное заведеніе, будь то или въ глухомъ переулкѣ одного изъ Петербургскихъ предмѣстій или въ камчатской деревушкѣ, онъ непремѣнно долженъ имѣть на это разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

Устроители какого-нибудь концерта или спектакля съ благотворительной цѣлью, должны раньше всего испросить на это согласіе мѣстныхъ представителей министра внутр. дѣлъ; программа концерта или спектакля должна быть представлена на разсмотрѣніе и одобреніе мѣстнаго цензора, сборъ со всего представленія передается полицеймейстеру, который можетъ спокойно взять всю сумму себѣ или, если онъ честный человѣкъ, передать по назначенію.²⁾

¹⁾ Г. Иннокентій Кузнецовъ, одинъ изъ богатѣйшихъ сибирскихъ горнопромышленниковъ, съ которымъ я познакомился въ Красноярскѣ, уже нѣсколько лѣтъ подрядъ проситъ разрѣшить ему изданіе еженедѣльной газеты, но до сихъ поръ безуспѣшно. Нерчинскіе обыватели, со времени моего тамошняго пребыванія въ 1886 г., также напрасно старались основать газету. Нерчинцы располагаютъ необходимыми средствами, нѣтъ недостатка также и въ сотрудникахъ для будущаго изданія, но до сихъ поръ всѣ ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ, хотя въ Сибири существуютъ всего четыре газеты, и одна изъ нихъ лишь недавно была приостановлена на восемь мѣсяцевъ. Издатель „Сибирской Газеты“ въ Томскѣ рассказывалъ мнѣ, что онъ уже нѣсколько разъ добивался разрѣшенія издавать свою газету вмѣсто одного—три раза въ недѣлю, но до сихъ поръ ему отказывали въ этомъ. Почему? Объ этомъ исторія умалчиваетъ.

²⁾ Циркуляръ министра внутр. дѣлъ, изданный въ августѣ 1882 г. предоставляетъ полиціи право контроля надъ всѣми представленіями съ благотворительной цѣлью. Всѣмъ благотворительнымъ обществамъ было сообщено, что съ этихъ поръ представленія или концерты съ благотворительной цѣлью будутъ разрѣшаемы не иначе, какъ подъ условіемъ, что билеты будутъ продаваться специально для этой цѣли откомандированнымъ полицейскимъ чиновникомъ или, по крайней мѣрѣ, подъ его надзоромъ, и что весь сборъ будетъ препровождаться по назначенію самой полиціей. Основаніемъ этого распоряженія было выставлено то обстоятельство, что неблагонадежные люди подъ покровомъ благотворительности устраиваютъ концерты и спектакли, сборы съ которыхъ поступаютъ въ пользу революціонеровъ, политическихъ заключенныхъ

Желающій заниматься продажей газетъ долженъ имѣть на „сей предметъ“ узаконенное разрѣшеніе, быть занесеннымъ въ полицейскихъ спискахъ и нести на шеѣ мѣдную бляху величиною съ чайное блюдце. Таковое же разрѣшеніе полиціи надлежитъ испросить на открытіе аптекарскаго магазина, типографіи, фотографіи или книжной торговли. Студентъ, которому нужно прочесть „Основанія геологіи“ Лайалля или „Соціальное равновѣсіе“ Спенсера, долженъ обратиться за позволеніемъ къ мѣстному начальству. Если вы врачъ, то должны имѣть свидѣтельство на право врачебной дѣятельности; если вы не желаете дѣлать ночныхъ визитовъ, то должны добиться особаго разрѣшенія; если вы желаете прописывать также сильно-дѣйствующія лѣкарства, то не угодно ли вамъ подать еще разъ прошеніе!¹⁾

Крестьянинъ, желающій у себя на дворѣ построить баню, долженъ также просить дозволенія. Кто желаетъ молотить вечеромъ при освѣщеніи, или долженъ просить разрѣшенія или подкупаетъ нужнаго ему полицейскаго чиновника. Кто удаляется болѣе, чѣмъ на пятнадцать верстъ отъ черты своего постоянного мѣстожительства, долженъ имѣть на это разрѣшеніе.

Иностранецъ не имѣетъ права переступить русской границы, не имѣя консульскаго удостовѣренія, не можетъ покинуть Россіи, не имѣя отъ полиціи разрѣшенія на право выѣзда; вообще, иностранецъ не имѣетъ права проживать въ Россіи по своему паспорту болѣе шести мѣсяцевъ и обязанъ немедленно извѣстить полицію о всякой перемѣнѣ своего мѣстожительства. Короче, въ Россіи нельзя ни жить, ни

или административно-ссылныхъ. Извлеченіе изъ этого указа было помѣщено въ „Восточномъ Обзорѣнн“ отъ 26-го августа 1882 г. стр. 14. Даже ученые общества, какъ географическія общества въ Иркутскѣ и Омскѣ, подлежатъ болѣе или менѣе тягостному надзору. Всякій вновь избранный президентъ этихъ обществъ можетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей лишь по утвержденіи его въ должности всемогущимъ министромъ внутр. дѣлъ. Отчеты и работы общества подлежатъ предварительной цензурѣ мѣстныхъ губернаторовъ.

¹⁾ Полиція доставляетъ всѣмъ аптекарямъ и дрогистамъ списокъ всѣхъ врачей, которымъ разрѣшено прописывать сильно-дѣйствующія средства, яды и т. д. Если имя доктора не находится въ списокѣ, аптекаръ не смѣетъ отпустить по его рецепту какого-нибудь яда, который можетъ послужить террористамъ къ достиженію ихъ незаконныхъ цѣлей. См. „В. О.“, 30-го іюня 1883 г., № 27, стр. 15.

передвигаться съ одного мѣста на другое, не имѣя „установленнаго дозволенія“.

Полиція съ ея верховнымъ главой, министромъ внутреннихъ дѣлъ, контролируетъ посредствомъ паспортной системы передвиженіе и мѣстопробываніе всѣхъ русско-подданныхъ; она слѣдитъ за тысячами подозрительныхъ, сообщаетъ судамъ о величинѣ долговыхъ обязательствъ несостоятельныхъ должниковъ, производитъ продажу невыкупленныхъ вещей, удостоверяетъ пенсіонерамъ и другимъ лицамъ ихъ личность, слѣдитъ за исправнымъ содержаніемъ дорогъ и мостовъ, отряжаетъ чиновниковъ для присутствія на спектакляхъ, концертахъ, цензурируетъ театральныя и всякія другія афиши, собираетъ статистическія данныя, слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ санитарныхъ предписаній, производитъ обыски и аресты въ частныхъ домахъ, слѣдитъ за корреспонденціей „подозрительныхъ“ и „неблагонадежныхъ“, принимаетъ мѣры къ перевозкѣ пострадавшихъ при какомъ-нибудь несчастіи, обращается съ „усовѣщеваніями“ къ православнымъ, которые уже очень долго не причащались, короче—принуждаетъ къ повиновенію и исполненію тѣхъ многихъ тысячъ самыхъ разнообразныхъ предписаній и распоряженій, которыя должны способствовать народному благу и прочности государства. Полицейскіе законы обнимаютъ собой болѣе пяти тысячъ параграфовъ свода законовъ; безъ преувеличенія можно сказать, что въ деревняхъ, находящихся далеко отъ центровъ образованія, вездѣсущая и всемогущая полиція предписываетъ каждому его образъ жизни и играетъ, конечно, довольно неудачно, роль представителя божественнаго провидѣнія.

Чтобы дать читателю ясное представленіе о разнохарактерности дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію русской полиціи, я приведу заглавія циркуляровъ, разосланныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ теченіе 1880 до 1884 гг.

1. О преподаваніи Закона Божіаго въ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи мѣстнаго духовенства.
2. Мѣры къ пресѣченію конокрадства.
3. Списокъ драмъ, постановка которыхъ безусловно разрешена.
4. Запрещеніе продажи пилюль провизора Шиманскаго.
5. Воспрещеніе порубки молодыхъ березокъ для украшенія домовъ и церквей во время праздниковъ.

6. Предписаніе о контролѣ счетовъ частныхъ обществъ.
7. Отмѣна ограниченій по перевозкѣ сала.
8. О перечисленіи особыхъ примѣтъ въ документахъ мѣщанъ іудейскаго вѣроисповѣданія.
9. Объ отпускѣ минеральныхъ водъ для больныхъ и раненыхъ офицеровъ.
10. Предписаніе о продажѣ хлѣба не по мѣрѣ, а по вѣсу.
11. Указаніе обстоятельствъ и дней, когда дозволено ношеніе бѣлыхъ чашловъ на фуражкахъ.
12. О сборѣ пожертвованій на святыхъ мѣстахъ.
13. Объ отмѣнѣ употребленія длинной цѣпи, которою бывають скованы между собой каждые шесть арестантовъ во время слѣдованія на мѣсто назначенія.
14. О надписяхъ на папирсной бумагѣ.
15. Запрещеніе гласнымъ земскихъ собраній и городскихъ думъ высказываться о предметахъ, лежащихъ внѣ круга ихъ дѣятельности.
16. Запрещеніе диссидентамъ переселяться въ Закавказскій край.
17. Предписаніе о порядкѣ постройки новыхъ избъ въ селеніяхъ.
18. О надзорѣ за перевозкой костей.
19. О врачебныхъ заявленіяхъ случаевъ заболѣваній различными болѣзнями.
20. О запрещеніи продажи и употребленія учебныхъ пособій, неодобренныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и Св. Синодомъ.
21. О способахъ измѣренія ногъ при наборѣ новобранцевъ.
22. Объ учительскихъ сѣздахъ.
23. Предписаніе о порядкѣ разрѣшенія концертовъ, чтеній, театральныхъ представленій и другихъ общественныхъ увеселеній.
24. Распоряженіе о доставленіи содержателями типографій оттисковъ со всѣхъ печатаемыхъ у нихъ произведеній, какъ-то: газетъ, журналовъ, календарей.
25. О продажѣ недоброкачественнаго хинина.
26. О надзорѣ за печатаніемъ прейсъ-курантовъ, пригласительныхъ билетовъ и визитныхъ карточекъ.
27. Объ устройствѣ отхожихъ мѣстъ.

28. О надзорѣ за печатами, штемпелями и картами какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ.

29. О сборѣ пожертвованій на украшеніе церквей.

30. Правила продажи косметическихъ средствъ изъ аптекъ.

Подобные циркуляры во множествѣ рассылаются ежегодно министромъ внутреннихъ дѣлъ; они служатъ для полицейскихъ чиновниковъ единственнымъ руководствомъ при исполненіи ими своихъ обязанностей. Конечно, они не всегда и не вполнѣ приводятся въ исполненіе. Конечно, ни отдѣльная личность, ни цѣлый классъ полицейскихъ чиновниковъ не въ состояніи разобраться въ этихъ безчисленныхъ предписаніяхъ, циркулярахъ, распоряженіяхъ, отношеніяхъ и т. д., а, между тѣмъ, существованіе ихъ является помѣхою всякой личной инициативы, всякой свободной человѣческой дѣятельности.

Американцы не имѣютъ рѣшительно никакой возможности понять характеръ отношеній между правительствомъ и народомъ въ Россіи. Развѣ мыслимъ у насъ, напр., указъ нью-іоркскаго губернатора доставить ему для провѣрки всѣ находящіяся на лицо печати, штемпеля и визитныя карточки или распоряженіе генераль-почтмейстера о порядкѣ продажи косметическихъ средствъ изъ аптекъ? Вѣдь что-либо подобное показалось-бы въ глазахъ нашихъ согражданъ абсурднымъ и своевольнымъ и возбудило бы сомнѣніе въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей такого чиновника. Русскому все это не въ диковину, такъ какъ въ его отечествѣ полиція занимается еще болѣе несообразными вещами, чѣмъ надзоръ за продажей зубныхъ щетокъ и персидскаго порошка. У меня находится донесеніе одного полицейскаго чиновника, въ которомъ онъ извѣщаетъ своего начальника, что онъ, по полученному имъ приказу, отправился ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, фамиліи которыхъ перечислены, и увѣщалъ ихъ „подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ законнаго взысканія“ причаститься св. Тайнѣ. На первой страницѣ этого рапорта напечатано большими буквами: „По указу Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго.“ Газета „Сибирь“ въ номерѣ отъ 10-го іюля 1883 г. впервые сообщила неслыханный фактъ, что чины иркутской полиціи получили приказъ напомнить всѣмъ маневрирующимъ своими религіозными обязанностями о томъ, что имъ слѣдуетъ быть у причастія. Принуждать съ по-

мощью полицейской власти индифферентныхъ людей къ исполненію ими своихъ религіозныхъ обязанностей есть нынѣ вещь невозможная во всемъ остальномъ мірѣ, за исключеніемъ Россіи.

Въ этомъ очеркѣ я намѣренъ дать читателю ясное представленіе объ организаціи русской полиціи и иллюстрировать нѣсколькими примѣрами эту своеобразную правительственную систему.

Русская полиція распадается на четыре большихъ класса: во-первыхъ, сельскую полицію, которая состоитъ изъ назначенныхъ мѣстнымъ начальствомъ урядниковъ и избранныхъ сельскимъ обществомъ десятскихъ и сотскихъ; во-вторыхъ, обыкновенную городскую полицію, имѣющую тотъ же характеръ, что и во всѣхъ другихъ государствахъ; во въ-третьихъ, тайную или сыскную полицію и въ-четвертыхъ, политическую полицію или корпусъ жандармовъ. Подраздѣленіе это не совсѣмъ точно, такъ какъ существуетъ два или три рода жандармовъ, и сыскная полиція также отличается отъ политической тайной полиціи. Но для моей задачи выше сдѣланнаго подраздѣленія вполнѣ достаточно.

Тайная полиція, или корпусъ жандармовъ, находилась до послѣдняго времени въ вѣдѣніи „Третьяго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи“ и составляла вполнѣ самостоятельное отъ государственной полиціи учрежденіе: она занималась исключительно раскрытіемъ политическихъ преступленій. Но съ упраздненіемъ III Отдѣленія корпусъ жандармовъ поступилъ въ завѣдываніе министра внутр. дѣлъ, т. е. сдѣлался частью общегосударственной полиціи. Собрать достовѣрныя данныя о численности отдѣльныхъ классовъ русской полиціи рѣшительно невозможно, и не слѣдуетъ вѣрить никакимъ приблизительнымъ вычисленіямъ. По словамъ хорошо освѣдомленной русской газеты „Голосъ“, вся русская полиція обходится государству въ 12.000.000 руб. Если мы примемъ среднюю цифру жалованья каждаго полицейскаго въ 300 руб., то мы получимъ составъ полиціи въ 40.000 чел., но, безъ сомнѣнія, цифра всего персонала гораздо выше. Тою же трудностью сопровождается опредѣленіе цифры десятскихъ и сотскихъ. „Правительственный Вѣстникъ“ въ номерѣ отъ 1-го мая 1886 г. обнародываетъ полный списокъ всѣхъ городовъ, селъ и деревень въ Европейской Россіи, въ которыхъ допущена разрознительная

продажа питей; число ихъ достигало 268,928. На каждое поселеніе, гдѣ продаются спиртные напитки, приходится, по крайней мѣрѣ, по два полицейскихъ нижнихъ чина, что уже въ общемъ составляетъ болѣе полумилліона полицейскихъ. Число урядниковъ достигаетъ 5.000 — 6.000. Они распределены по станамъ и находятся подъ начальствомъ станovýchъ приставовъ. Въ каждомъ уѣздѣ находятся два или три стана, и всѣ вмѣстѣ они находятся въ завѣдываніи исправника. Въ административномъ отношеніи Сибирь раздѣлена также на станы, которые по пространству значительно превосходятъ станы по сую сторону Урала. Становые приставы называются здѣсь засѣдателями. Урядники носятъ форму и вооружены пашками и револьверомъ. Они получаютъ крайне малое вознагражденіе: урядникъ получаетъ въ годъ 100—200 руб., становой 400—600 руб. Конечно, при такомъ жалкомъ вознагражденіи правительству трудно найти на эту должность честныхъ и дѣльных людей, такъ что сельская полиція состоитъ изъ самыхъ низкихъ преступныхъ элементовъ народонаселенія. Большею частью это крайне невѣжественные и глупые люди; умные урядники, большею частью, большіе плуты и пользуются безчисленными, иногда крайне тягостными распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы выжимать изъ крестьянина послѣдніе соки, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Руководимый самыми лучшими намѣр-ніями, министръ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы крыши деревенскихъ избъ смазывались лѣтомъ составомъ изъ глины и воды въ видахъ уменьшенія опасности отъ падающихъ изъ печныхъ трубъ искръ. Становой, который обязанъ сообщить крестьянамъ объ этомъ распоряженіи министра, ждетъ, пока наступитъ самое горячее время для полевыхъ работъ, т. е., или весной, во время посѣва, или осенью, во время жатвы; тогда онъ велитъ всѣмъ собраться въ станъ, прочитываетъ крестьянамъ министерское распоряженіе и требуетъ немедленно привести его въ исполненіе. Крестьяне не могутъ прервать начатыхъ работъ и спрашиваютъ становаго, сколько онъ возьметъ съ человѣка. Становой сначала ничего слышать не желаетъ о деньгахъ, увѣряя всѣхъ и каждого, что, если онъ сдѣлаетъ малѣйшее послабленіе, то онъ рискуетъ головой, но въ концѣ концовъ его сердце смягчается при видѣ тяжелаго положенія въ которое поставило крестьянъ министерское распоряженіе, и онъ рѣшается пожертвовать

собою на благо бѣднаго крестьянскаго люда. Онъ даетъ крестьянамъ отсрочку до послѣ посѣва или жатвы, но требуетъ взаменъ того съ cadaго домовладѣльца по 20 коп., чтобы не умереть съ голоду, если начальство, провѣдавши объ его „снисходительности“, выгонитъ его со службы за неисполненіе правительственнаго предписанія. Крестьяне волей-неволей соглашаются и вынимаютъ кровныя денежки. Становой, собравъ контрибуцію, спѣшитъ въ кабакъ, чтобы отвести душу и придумать, какимъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ слѣдуетъ ему пользоваться, когда ему снова понадобятся деньги.

Но это не единственный примѣръ того, какъ русская полиція выжимаетъ послѣдніе соки изъ бѣднаго крестьянскаго населенія и убиваетъ въ зародышѣ всякое разумное предпріятіе. Во время нашего пребыванія въ Енисейской губ., нѣсколько крестьянъ вздумали зафрахтовать баржу и отправить на ней въ сѣверные уѣзды Енисейской губ., нуждающіеся въ хлѣбѣ, нѣсколько тысячъ четвертой пшеницы. Они желали обойтись при этомъ безъ всякихъ посредниковъ и войти въ непосредственныя сношенія съ потребителями, чтобы не дѣлиться съ нѣсколькими посредниками полученнымъ барышомъ. Планъ былъ выгоденъ какъ для продавцевъ, такъ и покупателей, но мужички упустили изъ виду полицію. Почти въ каждой русской деревнѣ находится такъ называемый кулакъ, христіанинъ или еврей, который съ помощью подкупной полиціи держитъ въ кабалѣ всю округу и разоряетъ весь сельскій міръ. Въ деревнѣ, о которой я рассказываю находился также одинъ капиталистъ или кулакъ. Какъ только онъ узналъ, что за предпріятіе замышляютъ крестьяне, онъ отправился къ мѣстному засѣдателю и, сообщивъ ему объ этомъ планѣ, сказалъ: „А что вы думаете, любезнѣйшій Иванъ Николаевичъ, нельзя-ли намъ сдѣлать дѣльца съ этой пшеницей“.

„Какимъ-же образомъ?“—спросилъ засѣдатель съ выраженіемъ любопытства.

„А вотъ какъ! — отвѣтилъ кулакъ. — Вѣдь мужики не имѣютъ права отлучаться дальше, чѣмъ на 30 верстъ отъ деревенской черты, безъ особаго полицейскаго разрѣшенія. Вѣдь можетъ случиться, что по какимъ-нибудь соображеніямъ, придумать которыхъ вамъ при вашей провицательности очень легко, вы считаете себя не въ правѣ дать просимое

разрѣшеніе. Положимъ, что появилось новое предписаніе о формахъ для разрѣшенія отлучекъ изъ черты осѣдлости, но что вы еще до сихъ поръ такого формуляра не получили, или что вы отослали новые документы этихъ крестьянъ къ исправнику для подписи, и они еще до сихъ поръ не получены обратно. Въ этомъ случаѣ мужики не могли бы привести въ исполненіе свой планъ, такъ какъ они на первой же станціи были бы задержаны за неимѣніе законныхъ документовъ. Имъ не оставалось бы ничего другаго, какъ продать хлѣбъ мнѣ по цѣнѣ, назначенной мною самимъ. Я въ компаніи съ вами сплаваю хлѣбъ по Енисею и продамъ его тамъ съ большимъ барышомъ, которымъ мы поровну и подѣлимся“.

Планъ понравился засѣдателю и, послѣ того, какъ всѣ детали его были выработаны міроѣдомъ-кулакомъ и мѣстнымъ представителемъ русскаго правительства, онъ былъ съ особою тщательностью приведенъ въ исполненіе. Подобное отношеніе властей къ крестьянскому люду вредно еще въ томъ отношеніи, что оно убиваетъ въ крестьянахъ всякую предприимчивость. Имѣетъ ли смыслъ работать съ ранняго утра до поздней ночи, если полиція не дастъ крестьянину возможности воспользоваться плодами его работы, заставляя его продавать за безцѣнокъ всѣ земледѣльческіе продукты кулаку, забирающему къ себѣ въ лапы все крестьянское населеніе Россіи. Сдѣлки, подобныя вышеописанной, совершаются сплошь да рядомъ, конечно, съ извѣстными варіаціями, въ Сибири, гдѣ чиновный людъ, благодаря огромности разстояній, находится еще подъ болѣе слабымъ надзоромъ центрального правительства, чѣмъ въ Россіи, и гдѣ среди чиновниковъ очень часто попадаютъ люди, имѣющіе интересъ старательно скрывать свое прошлое. Г. Крассинъ, любезный исправникъ, который такъ радушно принялъ насъ въ Тюмени, былъ вскорѣ послѣ нашего отъѣзда арестованъ по обвиненію въ вымогательствахъ и сосланъ въ Восточную Сибирь. Свидѣтели-крестьяне заявили передъ судомъ: „Всякій чиновникъ, будь то исправникъ или засѣдатель, считаетъ своимъ долгомъ содрать съ насъ что-нибудь. Мы къ этому уже привыкли, и, конечно, намъ бы и въ голову не пришло жаловаться, если бы все дѣло не раскрылось безъ нашего содѣйствія“. („Сиб. Газ.“ 7 дек. 1886 г., стр. 1477). Это свидѣтельское показаніе характеризуетъ наглядно все безсиліе крестьянъ по отноше-

нію къ чиновникамъ. Они привыкли къ угнетенію и вымогательствамъ и видятъ въ нихъ Божье наказаніе, противъ котораго ничего нельзя подѣлать. Никто не знаетъ, сколько заработанныхъ кровью и потомъ денегъ грабятъ ежегодно эти разбойники въ полицейской формѣ. Исправникъ К—бергъ въ Енисейскѣ хвастался, что „его мужички“ приносятъ ему ежегодно двадцать тысячъ руб. („Отеч. Зап.“, май 1882, стр. 160).

Въ одной маленькой сибирской деревнѣ около Иркутска мы свели знакомство съ мѣстнымъ писаремъ. Однажды мы бесѣдовали о царящей среди сибирскихъ чиновниковъ подкупности. Писарь, котораго назову хотъ Ивановымъ, замѣтилъ откровенно: „Г. Кеннанъ, я также беру деньги съ крестьянъ. Я знаю отлично, что это безчестно, но что остается мнѣ дѣлать? На мое жалованье нѣтъ никакой возможности существовать; мой непосредственный начальникъ, становой, беретъ взятки; начальникъ послѣдняго, исправникъ, также, а губернаторъ загребаешь, конечно, соотвѣтственно своему чину и званію, огромныя суммы; если я откажусь принимать взятки, то меня или арестуютъ, если заподозрятъ во мнѣ революціонера ¹⁾, или выгонятъ меня со службы, такъ какъ я имѣю дерзость быть честнѣе его превосходительства г. губернатора“.

Нѣкоторые чиновники чистые виртуозы въ искусствѣ вымогательства. Незадолго до нашего пріѣзда въ Тюмень, тамошній засѣдатель былъ извѣщенъ, что на опушкѣ лѣса, принадлежащаго одной изъ завѣдуемыхъ имъ деревень, найденъ трупъ мужчины съ признаками насильственной смерти. Въ такихъ случаяхъ засѣдатель обязанъ сейчасъ же отправиться на мѣсто преступленія, приказать перенести трупъ въ мѣстную „мертвецкую“ и ожидать осмотра трупа уѣзднымъ врачомъ. Засѣдатель сейчасъ же отправился въ деревню, оставивъ уѣздному врачу, который выѣхалъ въ уѣздъ на практику, приказаніе немедленно явиться для составленія

¹⁾ Послѣ того, какъ, такъ называемое, „хождение въ народъ“ потерпѣло полную неудачу, молодые люди, обладавшіе значительнымъ образованіемъ, стали добиваться подъ вымышленными именами мѣстныхъ писарей или уѣздныхъ писарей или уѣздныхъ секретарей, чтобы просвѣтить крестьянъ насчетъ ихъ законныхъ правъ и оградить ихъ хоть отчасти отъ эксплуатаціи кулака-міроѣда. Настоящіе цѣли этихъ „добровольныхъ“ секретарей и писарей были вскорѣ раскрыты, и они сами сосланы, только благодаря тому, что они не пили водки и не брали взятковъ. На этихъ революціонеровъ намекаетъ здѣсь г. Ивановъ.

протокола. Прибывъ на мѣсто преступленія, засѣдатель осматриваетъ трупъ и окружающую его обстановку и, не дождав- шись приѣзда врача, велитъ перенести убитого въ деревню. Уже въ Тюмени созрѣлъ въ его головѣ планъ воспользо- ваться трупомъ для того, чтобы раздобыть денегъ, такъ какъ онъ отлично зналъ, что въ деревнѣ нѣтъ „мертвецкой“. Крестьяне устроили изъ еловыхъ вѣтвей носилки и, положивъ на нихъ трупъ, направились, по приказанію засѣдателя, къ дому самаго богатого крестьянина. Подъ его окнами кре- стьяне сложили свою ношу. Засѣдатель объявилъ испуган- ному домовладѣльцу, что онъ долженъ до приѣзда доктора принять мертвое тѣло къ себѣ въ домъ.

„Господи, Боже мой!“, воскликнулъ мужикъ: „да какъ же я могу принять въ свой домъ на нѣсколько дней трупъ, когда у моей дочери послѣ завтра свадьба?“

Засѣдатель увѣряетъ его самымъ серьезнымъ образомъ, что ему крайне жаль, но что онъ до прибытія врача ни- чего не можетъ подѣлать. Преступленіе очень серьезно, трупъ не можетъ быть похороненъ до тѣхъ поръ, пока лич- ность убитого не будетъ удостовѣрена, и пока докторъ не составитъ протокола. Дѣло это можетъ надѣлать много не- пріятностей всему міру, и мужикъ долженъ благодарить Бога за то, что онъ такъ легко отдѣляется отъ всей исторіи.

Бѣдняга былъ въ отчаяніи. Онъ зналъ, что засѣдатель имѣетъ по закону право приказать перенести трупъ въ избу; онъ также зналъ, что „за сопротивленіе властямъ при исполненіи ими своихъ обязанностей“ его ждетъ долготѣнее тюремное заключеніе, можетъ быть, даже каторжная работа. Онъ умолялъ засѣдателя оказать ему величайшую милость и отмѣнить свой приказъ; онъ готовъ былъ заплатить 50 руб., только чтобы не откладывать свадьбы и избавить своихъ дѣ- тей отъ сосѣдства съ трупомъ убитого. Этого только и ожи- далъ полицейскій чиновникъ. Онъ началъ сдаваться на просьбы крестьянина, согласился, что присутствіе трупа въ домѣ пе- редъ свадьбой не можетъ быть пріятно и намекнулъ, что, если крестьянинъ сумѣетъ достойно оцѣнить его доброту, онъ прикажетъ перенести мертвеца въ другой домъ. Крестья- нинъ „сумѣлъ оцѣнить доброту“ своего начальника: онъ передалъ ему тридцать руб. Тогда засѣдатель приказалъ по- ложить трупъ подъ окнами другого богатого крестьянина, разыгралъ здѣсь ту же комедію, и здѣсь удалось ему тоже

вытянуть 15—20 руб. Такимъ образомъ убитый совершилъ путешествіе изъ одного конца деревни въ другой, остано- вливаясь передъ окнами зажаточныхъ крестьянъ и вымогая для засѣдателя болѣе или менѣе значительныя суммы въ видѣ откупа. Подъ вечеръ засѣдатель, вполне довольный результатами этой оригинальной экспедиціи, приказалъ при- нести трупъ въ старый заброшенный сарай.

Когда я впоследствии, уже на другомъ концѣ Сибири, рассказалъ знакомымъ крестьянамъ объ этомъ происшествіи, то они нисколько не казались изумленными. Напротивъ того, они мнѣ сообщили, что засѣдатели пользуются очень часто найденнымъ трупомъ, чтобы совершить вымогательство въ двухъ или трехъ деревняхъ. Вообще около сибирскихъ де- ревенъ находятъ часто трупы неизвѣстныхъ, умершихъ или насильственной смертью или отъ голоду и стужи; большей частью эти неизвѣстные принадлежатъ къ классу бѣглыхъ каторжниковъ. Въ одной деревнѣ крестьяне сообщили мнѣ, что, если имъ приходится найти на своей землѣ трупъ ка- кого-нибудь незнакомца, они никогда не заявляютъ объ этомъ начальству, такъ какъ это связано съ вѣчными кон- трибуціями въ родѣ вышеописанной; они или сами предають мертвеца землѣ или же подбрасываютъ его ночью тайкомъ своимъ сосѣдямъ. „Восточное Обозрѣніе“ сообщаетъ, что од- нажды въ занимаемую арестантами камеру одной изъ сибир- скихъ тюремъ былъ по приказанію смотрителя помѣщенъ трупъ, который оставался въ ней до тѣхъ поръ, пока со- сѣдство мертвеца сдѣлалось для живыхъ невыносимымъ, и арестанты были вынуждены уплатить смотрителю извѣстную сумму, лишь чтобы онъ приказалъ унести разлагавшійся уже трупъ. („В. О.“ 22 сент. 1883 г., № 38. стр. 12).

Не всѣ методы вымогательства такъ звѣрски, какъ выше- приведенная, но многія изъ нихъ крайне оригинальны. Мнѣ рассказывали однажды, что одинъ засѣдатель въ самый раз- гаръ жатвы приказалъ 30—40 крестьянамъ завѣдуемой имъ деревни явиться на слѣдующій день въ два часа въ станъ. Крестьяне и не думали ослушаться приказанія „начальства“ и ровно въ два часа явились въ станъ. Здѣсь они застали засѣдателя въ парадной формѣ за столомъ, покрытымъ че- тырьмя томами свода законовъ. Чиновникъ сообщаетъ явив- шимся мужичкамъ, что изъ Петербурга пришелъ приказъ, чтобы каждый засѣдатель познакомилъ мѣстныхъ жителей

съ русскими законами. Онъ раскрываетъ одинъ изъ четырехъ толстыхъ фоліантовъ и все послѣбѣдненное время проходить въ чтеніи законовъ, которыхъ крестьяне вовсе не понимаютъ; вечеромъ засѣдатель отпускаетъ несчастныхъ крестьянъ и велитъ имъ явиться на слѣдующее утро для продолженія своего „юридическаго образованія“; но уже короткое время спустя является къ нему депутація и проситъ объявить, на какихъ условіяхъ могутъ они быть освобождены отъ дальнѣйшаго изученія „Россійскаго Свода Законовъ.“ — Засѣдатель очень скромно въ своихъ требованіяхъ и за „бакшишъ“ въ двадцать коп. съ человѣка онъ объявляетъ своихъ слушателей докторами правъ.

Между всѣми „натуральными повинностями“ самой тягостной для сибирскаго крестьянина является дорожная, такъ какъ каждый обязанъ истратить на отправленіе ея нѣсколько рабочихъ дней. Во всей Сибири корыстолюбивые чиновники пользуются ею, чтобы выжимать послѣдніе соки изъ крестьянъ. Въмѣсто того, чтобы жители деревни А. исправляли ту часть почтоваго тракта, которая лежитъ возлѣ ихъ деревни, корыстолюбивый исправникъ посылаетъ ихъ за 50—100 миль отъ дому для ремонта участка дороги, который лежитъ возлѣ деревни Б., жители которой такимъ же порядкомъ отправляются на ремонтъ дороги въ окрестностяхъ деревни А. Опять приходится крестьянамъ покупать дорогою цѣною разрѣшеніе работать вблизи своей деревни, а не отправляться за тридевять земель въ незнакомую мѣстность. Если исправнику не удастся раздобыть нужной ему суммы этимъ путемъ, онъ приказываетъ мужикамъ ожидать, пока онъ самъ не осмотритъ исправленнаго участка. Часто поэтому приходится слышать, что десятки и сотни людей по недѣлѣ и по двѣ должны подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ въ разбитыхъ на скорую руку палаткахъ, хотя они уже давнымъ давно закончили свою работу. Чтобы освободиться изъ этой ничѣмъ необъяснимой и неоправдываемой неволи, несчастные поселяне должны опять прибѣгнуть къ подкупу „его высокоблагородія.“ И все это производится подъ покровомъ закона, и за всю русскую „справедливость“ приходится несчастному народу расплачиваться своими кровными грошами.

Политическіе ссыльные въ Сибири рассказывали намъ не одну забавную исторію, ясно рисовавшую намъ всю грубость

и невѣжество сельской полиціи. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ террористъ Дегаевъ убилъ жандармскаго офицера Судейкина, то по всѣмъ русскимъ городамъ были разосланы фотографическія карточки преступника. На оборотной сторонѣ карточки находилось печатное обѣщаніе правительства уплатить всякому, доставившему вѣрныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи Дегаева, 10.000 руб. На передней сторонѣ находилось шесть снимковъ съ фотографіи Дегаева въ фуражкѣ и безъ нея, съ бородой и безъ нея, съ усами и безъ нихъ. Вѣчно пьяный, невѣжественный становой въ одной западно-сибирской деревнѣ арестовалъ четырехъ совершенно невинныхъ путешественниковъ, которые имѣли болѣе или менѣе большое сходство съ Дегаевымъ, и заключилъ ихъ въ мѣстную тюрьму; затѣмъ онъ въ пьяномъ видѣ сталъ хвастаться въ деревенскомъ кабакѣ, что онъ уже арестовалъ четырехъ проклятыхъ Дегаевыхъ и будетъ ихъ держать въ заключеніи, пока и остальные два не попадутся ему въ руки, чтобы передать всѣхъ шестерыхъ тайной полиціи; онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что 10 тысячъ руб. будутъ у него въ карманѣ.

Другой такой же невѣжественный полицейскій арестовалъ одного ученаго, члена императорскаго географическаго общества, который отправился въ деревню заниматься своей любимой наукой, орнитологіей. Несчастный натуралистъ имѣлъ обыкновеніе каждый день заносить въ записную книжку имена птицъ, которыхъ ему удалось поймать или подстрѣлить. Прозорливый полицейскій чиновникъ находилъ почти на каждой страницѣ замѣчанія, которыя ему казались крайне опасными; напр., 13-го іюня: „Сегодня передъ обѣдомъ я застрѣлил красиваго бекаса“.—17-го іюня: „Сегодня *sylvia hortensis*“. Развѣ это не были отчеты нигилистическихъ убійствъ! Арестованный орнитологъ былъ препровожденъ подъ сильной охраной въ ближайшій уѣздный городъ и переданъ мѣстному исправнику; записная книжка служила доказательствомъ того, что въ руки полиціи попался кровожадный террористъ: развѣ могло существовать хоть малѣйшее сомнѣніе, что подъ бекасомъ здѣсь подразумѣвалась августѣйшая царская фамилія.

Почти каждый иностранецъ, желавшій изучить подробно русскую жизнь, бывалъ хоть однажды задерживаемъ сельской полиціей. Англійскаго мореплавателя Виггинса держали три дня въ тюрьмѣ, пока не была удостовѣрена его личность. (Сообщаемый мною фактъ до сихъ поръ еще никогда не по-

являлся въ печати; я узналъ его въ Сибири отъ одного „политическаго“). Мекензи Валласъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ, англійскій священникъ Ланселль — по обвиненію въ распространеніи революціонныхъ памфлетовъ, г. Фростъ и я — за то, что прошли случайно три раза мимо пермской тюрьмы.

Чины тайной полиціи и жандармы значительно превосходятъ сельскихъ полицейскихъ по своему развитію и вліянію. Русское общество знаетъ очень мало или, лучше сказать, не знаетъ ничего объ ихъ организаціи, численности и функціяхъ; извѣстно только то, что они состоятъ подъ непосредственнымъ начальствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, и что ихъ дѣятельность направлена преимущественно на предупрежденіе и раскрытіе политическихъ преступленій; между прочимъ они слѣдятъ за всѣми „неблагонадежными“, т. е. людьми, подозрѣваемыми въ сочувствіи къ революціонному движенію. Во время восшествія на престолъ Александра III въ Европейской Россіи состояло подъ надзоромъ полиціи около 3.000 „неблагонадежныхъ“ и около 1.500—2.000 чел. было уже въ прошлое царствованіе сослана въ Сибирь. Нужно замѣтить, что этотъ надзоръ носилъ оффиціальныя характеръ, т. е. былъ извѣстенъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя были заподозрѣны въ „неблагонадежности“; кромѣ этого явнаго надзора существуетъ еще негласный надзоръ полиціи, о которомъ и не вѣдаютъ жертвы его.

Въ Петербургѣ черезъ одного изъ моихъ знакомыхъ мнѣ удалось достать одинъ изъ тѣхъ печатныхъ бланковъ, графы которыхъ должны ежемѣсячно выполняться полицейскимъ чиновникомъ на котораго возложенъ надзоръ за „неблагонадежнымъ“. Вопросы, касающіеся образа жизни и привычекъ „неблагонадежнаго“, расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Отдѣленіе императорской полиціи. Формуляръ № 2; долженъ заполняться ежемѣсячно и быть сдаваемъ въ установленномъ порядкѣ.

1. Имя, отчество и фамилія состоящаго подъ надзоромъ полиціи лица?
2. Въ какомъ городѣ (деревнѣ), уѣздѣ, губерніи, участкѣ, улицѣ, домѣ, комнатѣ живетъ оно?
3. Живетъ ли оно на собственной квартирѣ или занимаетъ лишь комнату въ квартирѣ или домѣ другого? Въ послѣд-

немъ случаѣ необходимо сообщить имя, занятіе и прошлое хозяина квартиры или дома.

4. Живетъ это лицо одно или съ кѣмъ-нибудь другимъ? Въ послѣднемъ случаѣ сообщить имя, занятіе и прошлое товарища по квартирѣ.
5. Имѣетъ ли состоящее подъ надзоромъ лицо прислугу? Имена ихъ? Если нѣтъ никакой прислуги, кто убираетъ его комнату или квартиру?
6. Что находится въ комнатѣ? Кто стираетъ ему бѣлье? Имя и квартира прачки ¹⁾?
7. Когда и отъ кого получаетъ это лицо письма, простыя или денежныя?
8. Бѣтъ ли оно въ своей квартирѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?
9. Посѣщаетъ ли данное лицо публичныя бібліотеки и, если да, то какую? Какія книги онъ прочиталъ втеченіи мѣсяца?
10. Какъ проводить „неблагонадежный“ время, когда находится дома?
11. Откуда онъ беретъ средства къ жизни? Если онъ даетъ уроки, то у кого? Если онъ занимаетъ какую-нибудь должность, то какого характера она?
12. Когда и при какихъ обстоятельствахъ увидалъ его въ первый разъ завѣдующій надзоромъ чиновникъ? Знаетъ ли „неблагонадежный“ личность завѣдующаго надзоромъ чиновника?
13. Въ сколько часовъ онъ выходитъ изъ дому и когда возвращается назадъ?
14. Состоитъ ли „неблагонадежный“ въ связи съ какой-нибудь женщиной, или, если состоящее подъ надзоромъ полиціи лицо женщина, имѣетъ ли она любовника? Имя этой женщины или этого мужчины? Гдѣ происходятъ ихъ свиданія?
15. Кто посѣтилъ „неблагонадежнаго“ втеченіе всего мѣсяца и въ какое время дня или ночи? (Если можно, то обозначить имя, занятіе и квартиру этого лица).
16. Провелъ ли кто нибудь ночь въ его квартирѣ?

¹⁾ Предметы, обладать которыми запрещено по русскому закону, прежде проносились часто въ узлахъ съ бѣльемъ въ квартиры социалистовъ, а соучастники революціонеровъ выдавали себя за прачекъ.

17. Кто можетъ засвидѣтельствовать, что онъ сходилъ со всѣми вышеупомянутыми лицами?

18. Играетъ ли „неблагонадежный“ въ карты?

19. Видали ли его когда-нибудь въ нетрезвомъ видѣ?

Этотъ листъ выполняется и подписывается офицеромъ, на котораго возложенъ надзоръ за „неблагонадежной“ личностью, скрѣпляется подписью окружнаго инспектора тайной полиціи и передается въ „Отдѣленіе для охраны общественнаго порядка и спокойствія“.

Можно было бы подумать, что подобные мѣсячные отчеты даютъ начальнику императорской тайной полиціи возможность написать біографію всякаго „неблагонадежнаго“, но на самомъ дѣлѣ выглядит не такъ. Два состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи террориста, переодѣвшись торговцами сыромъ, сумѣли провести мину подъ мостовой на Мало-Садовой улицѣ, наполнить ее 80 ф. динамита, уставить батареи и снабдить мину зажигательнымъ шнуромъ Румкорфа. Эта лавка была за три дня до убійства Александра II подвергнута тщательному осмотру, а между тѣмъ мина осталась неоткрытой. По моему мнѣнію, русская тайная полиція незаслуженно пользуется такой громкой извѣстностью. Мнѣ самому удавалось нѣсколько разъ провести русскихъ жандармовъ, и я знаю лично 3—400 русскихъ революціонеровъ, которые уже много лѣтъ, какъ будто въ насмѣшку надъ всѣми усиліями жандармовъ арестовать ихъ, ускользаютъ изъ ихъ рукъ. Во всякомъ городѣ находятся десятки и сотни революціонеровъ, о существованіи которыхъ мѣстная полиція не имѣетъ никакого представленія, гектографическія изданія запрещенныхъ сочиненій въ тысячахъ экземпляровъ обращаются по всей Россіи, и за исключеніемъ Шлиссельбурга, нѣтъ ни одной крѣпости или тюрьмы во всей Европейской Россіи и Сибири, откуда бы революціонерамъ не удалось вступить въ переписку съ своими друзьями, находящимися на свободѣ.

Одинъ хорошо освѣдомленный корреспондентъ „New-York-Tribune“ сказалъ недавно о русской политической полиціи: „Я не думаю, что въ русскомъ царствѣ существуетъ какое-нибудь другое учрежденіе, о которомъ заграницей имѣютъ такое ложное представленіе, какъ о русской тайной полиціи. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ полиція не организована такъ недостаточно, такъ неспособна вы-

полнить лежащую на ней задачу, какъ тайная полиція русскаго царя“.

Это утвержденіе можетъ быть немного смѣло, но въ общемъ довольно вѣрно. Русская тайная полиція гораздо ниже, чѣмъ ея извѣстность.

Что за пользу приноситъ такая правительственная система поддерживаемая полиціей въ родѣ описанной въ этой главѣ?

Наблюдатель, который разсматриваетъ русскіе порядки съ американской точки зрѣнія, по неволѣ задаетъ себѣ вопросъ, почему царь, который, по слухамъ, обладаетъ добрымъ сердцемъ, не смѣнитъ деспотическаго министра внутр. дѣлъ графа Толстого (нынѣ умершаго) и не распуститъ пять шестыхъ тайной полиціи; если онъ желаетъ вести спокойную и счастливую жизнь, ему остается отмѣнить практикующуюся нынѣ систему ссылки и арестовъ и предоставить народнымъ представителямъ управленіе Россіей. Положеніе вещей не можетъ сдѣлаться хуже, чѣмъ оно есть теперь, и лишь одинъ конституціонный образъ правленія можетъ сдѣлать изъ Россіи богатую и сильную державу.

ХІІ.

Поѣздка черезъ Забайкальскій край.

Во вторникъ, въ девять часовъ вечера, мы вернулись изъ поѣздки въ находившійся недалеко буддистскій монастырь, а въ 11 часовъ мы снова приказали заложить лошадей, чтобы отправиться изъ Селенгинска въ Кяхту, пограничный китайскій городокъ, лежащій отъ Селенгинска на разстояніи 60 миль. По нашимъ расчетамъ, мы должны были прибыть въ Кяхту на слѣдующій день утромъ, но въ Сибири вообще и въ Забайкальѣ въ особенности приходится постоянно наталкиваться на неожиданныя препятствія. Около полуночи, въ шести верстахъ отъ Селенгинска мы подъѣхали къ рѣкѣ, черезъ которую переправляются на карбасѣ; послѣдній находился въ это время какъ разъ на противоположномъ берегу, а перевозчикъ, должно быть спалъ. Приходилось будить его, и мы изъ всѣхъ силъ стали хоромъ кричать: „Карба-а-а-съ!“ — „Карба-а-а-съ“ отдавалось слабо и

насмѣшливо съ другого берега, покрытаго утесами. Сонные, усталые, дрожа отъ холода, мы хотѣли уже повернуть обратно, какъ вдругъ замѣтили у подножія утесовъ на противоположномъ берегу неясныя очертанія лодки, скользившей по поверхности рѣки. Это былъ карбасъ, котораго мы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Черезъ полчаса мы уже ѣхали по южному берегу рѣки и въ три часа утра достигли почтовой станціи Поворотной. Новое препятствіе! — Здѣсь не было свѣжихъ лошадей. Станціонное зданіе было переполнено проѣзжими, ожидавшими своей очереди, которые спали, сидя на нарахъ или лежа на полу; намъ не оставалось ничего другого, какъ покориться своей участи. Мы улеглись въ углу, образуемомъ печью и стѣной, между двумя китайцами и связкой огромныхъ оленьихъ роговъ. Дорога изъ Селенгинска въ Кяхту ведетъ все время въ южномъ направленіи и проходитъ черезъ необитаемую мѣстность; тамъ и сямъ поднимаются цѣпи холмовъ, покрытыхъ по склонамъ хвойнымъ лѣсомъ или березовыми рощами. Изрѣдка попадался намъ навстрѣчу обозъ съ чаемъ или обгоняли насъ верховые буряты въ своихъ странныхъ шапкахъ и длинныхъ воричневыхъ кафтанахъ. Въ общемъ по этой дорогѣ, повидимому, рѣдко ѣздили; лишь изрѣдка попадались намъ навстрѣчу деревушки, выглядѣвшія очень бѣдно. Единственное, что на разстояніи 50 миль привлекло наше вниманіе, были груды камней на вершинахъ холмовъ, которыя служили алтарями для жертвоприношеній, совершаемыхъ бурятами, чтобы умиловить своихъ боговъ. На крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири употребляется для жертвоприношеній табакъ, который туземцы сыплютъ на землю съ вершины какой-нибудь скалы, отличающейся своими причудливыми формами. Буряты употребляютъ для этой же цѣли доскуты своихъ одеждъ, которые они вѣшаютъ на столбы и колья, укрѣпленные между камней.

Была очень холодная погода, все время бушевала снѣжная буря или лилъ потоками дождь. На почтовыхъ станціяхъ нельзя было достать теплой пищи, и еще прежде, чѣмъ наступилъ вечеръ, мы чувствовали себя совершенно истощенными, благодаря невольному посту втеченіе сутокъ. Съ восторгомъ привѣтствовали мы огоньки привѣтливо манившіе насъ изъ оконъ троицкосавскихъ домовъ.

Три города, Троицкосавскъ, Маймачинъ и Кяхта, лежа-

щіе въ ста миляхъ на юговостокъ отъ Байкальскаго озера, составляли одно цѣлое. Троицкосавскъ и Кяхта лежатъ сѣвернѣе, Маймачинъ южнѣе монгольской границы, причемъ послѣдній городъ отдѣляется отъ Кяхты полосой нейтральной земли, шириною въ 150 — 200 метровъ. Изъ всѣхъ трехъ городковъ самый большой и важный въ административномъ отношеніи Троицкосавскъ, самый извѣстный — Кяхта.

По совѣту одного молодого купца, съ которымъ мы познакомились на пароходѣ, перевозящемъ пассажировъ съ одного берега Байкальскаго озера на другой, мы, не заѣзжая въ Троицкосавскъ, проѣхали прямо въ Кяхту, гдѣ намъ слѣдовало найти нѣкоего Соколова, въ домѣ котораго мы могли остановиться. Когда мы послѣ долгихъ поисковъ нашли его, мы были не мало изумлены, найдя ворота закрытыми, а всѣ окна неосвѣщенными, хотя было еще очень рано. Громкимъ стукомъ и криками намъ удалось поднять со сна служанку, которая, повидимому, считала насъ за опасныхъ и подозрительныхъ людей. Понемногу намъ удалось убѣдить ее, что мы мирные путешественники, которые ищутъ ночлега. Тогда служанка объявила намъ, что г. Соколовъ иногда принимаетъ въ свой домъ путешественниковъ, но лишь тогда, когда они привозятъ съ собою рекомендаціи, но что онъ не можетъ пріютить у себя первыхъ встрѣчныхъ, о которыхъ онъ ничего опредѣленнаго не знаетъ. По ея мнѣнію, въ нашемъ положеніи было лучше всего вернуться обратно въ Троицкосавскъ. Такъ какъ рекомендацій у насъ не было, а дѣвушка не имѣла намѣренія продолжать съ нами пренія о ночлегѣ, намъ не оставалось ничего другого, какъ послѣдовать ея совѣту и повернуть обратно. Въ Троицкосавскѣ мы нашли одного ссыльнаго поляка, по имени Клембоцкій, который имѣлъ пекарню и стороной занимался отдачей въ наемъ меблированныхъ комнатъ, если они даже и не имѣли къ нему „рекомендаціи“. Такъ какъ было уже десять час. вечера, и мы не надѣялись найти лучшаго пріюта на эту ночь, то мы велѣли перенести наши вещи въ квартиру Клембоцкаго. Комнаты выглядѣли не очень уютно; полъ былъ сколоченъ изъ неотесанныхъ досокъ, а стѣны изъ четырехугольных брусевъ, между которыми находились широкія трещины, заткнутыя паклей. Еловый столъ, три такихъ же стула, узкая деревянная кровать составляли всю меблировку комнаты; о постельномъ бѣльѣ всякій пассажиръ долженъ былъ позабо-

титься самъ. Послѣ жалкаго ужина, состоявшаго изъ чая и хлѣба, мы улеглись спать на жесткомъ полу, но, по обыкновению, большая часть ночи прошла въ борьбѣ съ клопами и блохами, не дававшими ни на минуту покоя. Въ четвергъ послѣ обѣда мы поѣхали визитомъ къ одному богатому торговцу чаями, который проживалъ въ Кяхтѣ, и къ которому мы имѣли рекомендаціи отъ нашихъ иркутскихъ друзей.

Троицкосавскъ, Кяхта и Маймачинъ лежатъ въ плоской, довольно пустынной долинѣ, по которой протекаетъ мелкая рѣчка, впадающая въ Селенгу. Кяхта съ перваго взгляда производитъ на зрителя впечатлѣніе зажиточнаго села. Положимъ, что здѣсь имѣются нѣсколько красивыхъ домовъ, чего мы не видали даже въ самыхъ большихъ сибирскихъ селахъ, и двѣ—три церкви въ византійскомъ стилѣ, съ зелеными или раззолоченными куполами, но никто не можетъ принять ее за средоточіе восточно-сибирской торговли. Черезъ этотъ маленькій городокъ проходитъ ежегодно на 20—30 милліоновъ руб. товару изъ Россіи въ Монголію и изъ Китая въ Сибирь. Знаменитый караванный чай употребляемый во всей Россіи, и въ каменныхъ палатахъ и въ деревенскихъ хижинахъ, привозится изъ Сѣвернаго Китая черезъ Монголію въ Кяхту, гдѣ его тщательно зашиваютъ въ кожи и затѣмъ отправляютъ за 4.000 миль въ Петербургъ, Москву или на Макарьевскую ярмарку. Изъ Китая привозятъ также китайскій шелкъ, крепъ и кирпичный чай, который въ большомъ ходу среди сибирскихъ туземцевъ, а также среди бѣдныхъ сибирскихъ крестьянъ. Изъ Россіи вывозятся преимущественно предметы русскаго производства, олени рога, гинсенгъ, мѣха и драгоцѣнные металлы въ видѣ русскихъ, англійскихъ и американскихъ монетъ. Русскіе купцы, проживающіе въ Кяхтѣ, очень богаты; въ иной годъ кяхтинскій купецъ имѣетъ отъ торговли, особенно, чаемъ, 150—300.000 руб. чистаго барыша.

Г. Лушниковъ жилъ въ уютномъ двухъэтажномъ домѣ, находившемся въ центрѣ города; послѣ того, какъ мы представились ему, онъ принялъ насъ съ сердечностью и радушіемъ, которыя составляютъ отличительную черту русскаго человека отъ Берингова пролива до Балтійскаго моря. Сейчасъ-же послѣ нашего прихода былъ приготовленъ завтракъ, во время котораго разговоръ шелъ о Кяхтѣ и Маймачинѣ. Г-нъ Лушниковъ былъ того мнѣнія, что оба эти города не

представляютъ никакого интереса для путешественника. Маймачинъ могъ еще отчасти заинтересовать насъ, если мы никогда не видали китайскаго или монгольскаго города, но Кяхта нисколько не отличается отъ другихъ сибирскихъ городовъ того-же разряда.

Послѣ короткой паузы онъ спросилъ внезапно, какъ будто-бы ему пришла въ голову какая-то новая мысль: „Приходилось-ли вамъ когда-нибудь принимать участіе въ китайской трапезѣ?“

„Нѣтъ“,—отвѣчалъ я.

„Ну, теперь я знаю, по крайней мѣрѣ, нѣчто новое, съ чѣмъ я васъ могу познакомить. Послѣ завтра я устрою для васъ въ Маймачинѣ китайскій обѣдъ. Я знакомъ съ однимъ китайскимъ купцомъ, который имѣетъ хорошаго повара и, хотя, благодаря короткому промежутку времени, я наврядъ-ли успѣю устроить обѣдъ болѣе, чѣмъ изъ сорока блюдъ, но вы все таки будете имѣть представленіе о томъ, что ѣдятъ китайцы“. Мы поблагодарили его и заявили, что хотя съ самаго начала нашей поѣздки по Забайкальскому краю мы ничего не ѣли, кромѣ чая и хлѣба, обѣдъ изъ 40 блюдъ удовлетворитъ нашъ голодъ и наше любопытство.

Отъ г. Лушникова мы отправились къ пограничному комиссару г. Сульковскому, который жилъ неподалеку; г-нъ Сульковскій принялъ насъ такъ дружески, какъ будто мы были съ нимъ старые знакомые. Въ этихъ отдаленныхъ краяхъ намъ не разъ приходила въ голову мысль, что земля, собственно говоря, очень мала, такъ какъ всюду мы наталкивались на связь этихъ мѣстъ со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ и съ нашей собственной родиной. Въ домѣ г. Лушникова, напр., мы имѣли удовольствіе познакомиться съ одной образованной дамой изъ Шотландіи, мистрисъ Гамильтонъ. Г. Сульковскій былъ знакомъ съ многими офицерами „Жаннетты“, съ Даненговеромъ и Мельвиллемъ включительно, послѣдній посланный на поиски парохода „Роджерсъ“, зазимовавшій въ Беринговомъ проливѣ, и познакомился съ капитаномъ Бери (Berey) и корреспондентомъ „Herald'a“ Жильдеромъ (Gilder).

Намъ пришлось еще разъ отзавтракать у г. Сульковскаго, послѣ чего мы вернулись въ Троицкосавскъ; мы осмотрѣли мѣстный базаръ съ его оригинальными китайскими и монгольскими лавками. Въ одной изъ этихъ лавокъ мы нашли

подержанный экземпляр „Круглаго года“ Чарльза Диккенса. Какимъ образомъ могла попасть сюда эта книга? Но если въ Троицкосавскѣ находились произведенія англійской литературы, то неужели нельзя было въ нихъ найти какого-нибудь американскаго журнала или газеты, позабытой какимъ-нибудь путешественникомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ? Мое профессиональное и патриотическое самолюбие было задѣто. Послѣ долгихъ, утомительныхъ поисковъ я открылъ въ лавкѣ одного смуглаго Монгола произведеніе американской промышленности, которое хоть отчасти удовлетворило мой патриотизмъ, потому что оно служило доказательствомъ того, что Новая Англія задаетъ тонъ всему міру. Это были часы изъ Провиденса на Родъ-Айлендѣ. — Насколько я былъ разочарованъ, не найдя на троицкосавскомъ рынкѣ произведеній лучшихъ американскихъ писателей, настолько я былъ удовлетворенъ впоследствии, найдя въ одномъ еще болѣе глухомъ углу Забайкальскаго края сочиненіе Марка Туэна „Жизнь на Миссиссипи“ и русскій переводъ Бретъ-Гартова „Счастіе въ Рорингъ-Кампѣ“ (Roaring Camp).

Въ пятницу, 2-го октября, г. Фростъ и я отправились снова въ Кяхту и вмѣстѣ съ г. Сульковскимъ сдѣлали визитъ къ китайскому губернатору въ Маймачинѣ. По срединѣ нейтральной полосы, тянущейся между Кяхтой и Маймачиномъ, тянется пограничная линія обѣихъ великихъ державъ. Маймачинъ отдѣляется еще кромѣ того отъ Кяхты высокой деревянной стѣной и рядомъ зданій, напоминающихъ индусскія пагоды, которыя не даютъ проникнуть взору чужестранца въ маймачинскія улицы. Трудно представить себѣ болѣе внезапную и поразительную перемѣну, чѣмъ та, которая совершается на глазахъ путника, переходящаго вышеупомянутую нейтральную полосу. За минуту до того онъ находился въ русскомъ провинціальномъ городишкѣ съ его характеристичными лавками, домишками, храмами, солдатами, дрожками и типичными фizioноміями крестьянъ; миновавъ лишь деревянную стѣну, онъ находится уже въ Серединномъ царствѣ, словно коверъ-самолетъ въ одинъ мигъ перенесъ его черезъ весь азіатскій континентъ изъ сердца Россіи въ страну желтолицыхъ. Вдоль узкихъ, немощенныхъ улицъ тянутся въ два ряда сѣрые, одноэтажные дома, глиняныя стѣны которыхъ были лишены оконъ, но зато ихъ крыши были снабжены по угламъ богатѣйшей рѣзбой; неуклюжія двухколесныя арбы,

въ которыя Монголы запрягаютъ вмѣсто лошадей быковъ, замѣняютъ здѣсь русскія телѣги; китайскіе торговцы съ шапками, развѣвающимися одеждами, въ туфляхъ съ бѣлыми подошвами появляются въ дверяхъ лавокъ, вмѣсто русскаго купца въ высокихъ сапогахъ, разстегнутомъ жилетѣ и въ рубахѣ на выпускъ, котораго мы привыкли до сихъ поръ видѣть. Иногда по улицамъ мчится всадникъ въ темнооранжевомъ платьѣ, съ плоской шапкой, пріѣхавшій изъ своего далекаго стана, расположеннаго въ пустынь Гоби. Всюду, куда ни бросить взоръ, видишь, что Китай вступилъ вполне на мѣсто Россіи; на каждомъ шагѣ встрѣчаешься съ чуждыми нравами, съ незнакомыми типами.

Въ сопровожденіи переводчика мы отправились во дворецъ китайскаго губернатора, который отличался отъ прочихъ домовъ только тѣмъ, что передъ нимъ стояли два столба съ укрѣпленными на нихъ золочеными шариками. Г. Сульковский представилъ насъ его превосходительству, который немедленно распорядился подать чаю, печенія и „майгало“, или рисовой водки. Мы начали обмѣниваться съ губернаторомъ вопросами, о здоровьи, нашихъ дѣлахъ и т. п. мелочахъ, затѣмъ выпили три-четыре рюмки рисовой водки и отвѣдали засахаренныхъ плодовъ, послѣ чего мы послѣдовали за его превосходительствомъ въ храмъ, такъ какъ наступилъ часъ богослуженія. Губернаторъ молился передъ деревянными идолами, причемъ все время раздавался глубокий и протяжный колокольный звонъ, чтобы оповѣстить всему городу, что его превосходительство усердно молится въ этотъ моментъ за благоденствіе управляемаго имъ края. Когда мы всѣ вернулись изъ храма во дворецъ, г. Фростъ снялъ портретъ съ китайскаго сановника, воссѣдавшего въ величественной позѣ на тигровой шкурѣ. Послѣ того, какъ портретъ былъ снятъ, мы распростились съ губернаторомъ, который передалъ каждому изъ насъ изящный свертокъ съ орѣхами, печеніемъ и засахаренными фруктами, которые намъ были предложены, и до которыхъ мы не дотронулись.

Все послѣобѣденное время мы истратили въ безплодныхъ попыткахъ снять особенно оригинальные типы или интересныя группы, попадавшіяся на каждомъ шагѣ въ улицахъ Маймачина. Сорокъ или пятьдесятъ бурятъ, монголовъ и обитателей Гобійской пустыни, еще до сихъ поръ ни кѣмъ не описанныхъ, окружали насъ; мы поставили на землю нашъ

фотографическій аппаратъ и начали направлять его на ту или другую группу туземцевъ, но лишь только г. Фростъ покрылъ голову чернымъ сукномъ и открылъ крышку, какъ всѣ трусливые сыны Небесной имперіи бросились бѣжать, какъ будто на нихъ навели артиллерійское орудіе. Установки аппарата и появленія на головѣ г. Фроста черного сукна было достаточно, чтобы очистить улицу отъ одного конца до другого; я хотѣлъ подарить маймачинскому губернатору одинъ фотографическій аппаратъ для усмиренія мѣстныхъ бунтовъ. Съ помощью этого аппарата можно было бы гораздо легче и скорѣе подавить всякое возмущеніе, чѣмъ съ помощью цѣлой горной баттарей. Единственные живыя существа, съ которыхъ намъ въ этотъ день удалось снять фотографіи, были нѣсколько паръ монгольскихъ быковъ, да двое—трое нищихъ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ. Какъ и прежде не разъ, мы жалѣли, что не запаслись тайной камерой для снимковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда большой аппаратъ внушалъ туземцамъ страхъ, и одинъ видъ его обращалъ ихъ въ бѣгство.

Нашъ китайскій обѣдъ, устроенный въ субботу вечеромъ въ Маймачинѣ, былъ для насъ очень интересной новинкой. Онъ происходилъ въ домѣ одного китайскаго купца; приглашены были восемь дамъ и мужчинъ изъ знакомыхъ г. Лушниковъ, г. Фростъ и я. На столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, были разставлены совершенно на европейскій манеръ тарелки, чашки, блюда, ножи, вилки и т. д. Желаящимъ подали палочки изъ слоновой кости, но русскіе и американскіе гости пользовались ими рѣдко. Когда всѣ усѣлись за столъ, каждому изъ гостей поднесли бутылку съ темнымъ китайскимъ уксусомъ, и всякій налилъ немного этого уксуса на стоявшее у его тарелки блюдечко.

„Для чего служить этотъ уксусъ?“ спросилъ я г. Лушниковъ.

„Чтобы обмакивать въ немъ всѣ кушанья. Китайцы въ Маймачинѣ приправляютъ имъ всѣ блюда. Онъ довольно вкусенъ“.

Не имѣя рѣшительно никакого понятія о томъ, какія яства намъ подадутъ, я рѣшился быть сдержаннымъ и не высказывалъ пока своего мнѣнія. Черезъ нѣсколько минутъ подали первое блюдо. Я никакъ не могъ угадать, изъ чего оно было приготовлено. Въ моей записной книжкѣ находится

замѣтка: „колючая водоросль или какое нибудь сходное съ ней морское растеніе.“ Блюдо это было, кажется, варено, но я могу утверждать съ достовѣрностью только то, что оно было холодно и имѣло довольно непріятный видъ. Каждый изъ русскихъ гостей съѣлъ часть этого кушанья, обмокнувъ его предварительно въ уксусъ, если не съ удовольствіемъ, то всетаки съ героическою рѣшительностью и храбростью. Намъ оставалось только послѣдовать ихъ примѣру. Остальные девять блюдъ описаны по порядку въ моей записной книжкѣ слѣдующимъ образомъ:

1. Кусочки мяса въ студнѣ янтарнаго цвѣта.
2. Черные грибы, принадлежащіе къ неизвѣстному мнѣ виду.
3. Салатъ изъ тонкорѣзанной капусты.
4. Лишай съ березъ.
5. Кусочки какой-то свѣтлой, непривлекательнаго вида, колбасы; изъ чего состояла начинка мнѣ неизвѣстно.
6. Маленькіе кривые и квадратные кусочки вареныхъ яицъ, которые были такъ покрашены, что они выглядѣли какъ сафьянъ.
7. Жареные рачьи хвосты.
8. Водоросль съ длинными листьями яркозеленаго цвѣта.
9. Какое-то волокнистое растеніе, похожее на рубленную капусту.

Я не могу утверждать, что эти краткія замѣтки описываютъ съ научною точностью поданныя намъ кушанья. Я не знаю, изъ чего многія изъ нихъ состояли, такъ что эти замѣтки написалъ я по тому впечатлѣнію, которое они произвели на меня и назвалъ эти яства именами предметовъ, съ которыми они имѣли наибольшее сходство. Всѣ блюда подавались холодными и ихъ ѣли съ уксусомъ. На маленькой жаровнѣ, поставленной у стола, стоялъ какой-то сосудъ, наполненный горячей водой, въ которой находились три—четыре серебряныхъ кружекъ съ рисовой водкой или „майгало“. Послѣ каждого блюда слуга разносилъ одну изъ этихъ кружекъ и наполнялъ стоявшія у тарелокъ фаянсовыя чашечки горячей жидкостью.

Недавно я слышалъ анекдотъ объ одномъ русскомъ глупомъ мужикѣ, который полагалъ, что онъ нашелъ при раскопкѣ хорошо сохранившіеся остатки мамонта. Въ надеждѣ на щедрое вознагражденіе, онъ доложилъ исправнику о своей

замѣчательной находкѣ и прибавилъ, желая произвести на полицейскаго чиновника большое впечатлѣніе, что онъ нашелъ мясо животнаго съѣдобнымъ. Сейчасъ же произвели слѣдствіе; пріѣхалъ одинъ членъ иркутскаго географическаго общества и нашелъ, что эти остатки допотопнаго животнаго ни что иное, какъ большое скопленіе извѣстнаго сибирскаго минерала „горной кожи“. Разсерженный исправникъ, чувствуя, что онъ покажется иркутскимъ ученымъ смѣшнымъ, невѣжественнымъ человѣкомъ, призвалъ къ себѣ мужика и сказалъ ему въ сильномъ раздраженіи: „Развѣ ты мнѣ, дуракъ, не говорилъ, что ты отвѣдалъ этой дряни? Это вовсе не мамонтъ, а минералъ, который разрабатываютъ въ рудникахъ!“

„Ей Богу, баринъ, я ѣлъ его“, утверждалъ мужикъ: „да и чего нельзя съѣсть съ масломъ?“ прибавилъ онъ просто-душно.

Когда въ Маймачинѣ слуги подавали мнѣ черные грибы, раchy хвосты, лишай и водоросли, я вспомнилъ про этого мамонта и подумалъ: „Чего нельзя съѣсть съ уксусомъ и китайской водкой!“

Послѣ того какъ были поданы послѣднія холодныя блюда, слуги приняли со стола тарелки, наполнили снова блюдечки уксусомъ и начали подавать теплыя кушанья въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Варенныя клецки изъ рубленной телятины въ тѣстѣ. — Г. Фростъ утверждалъ, не знаю, на какомъ основаніи, что главная составная часть этихъ клецокъ — мясо молодыхъ собакъ, и упрямо отказывался познакомиться съ ними поближе, даже обмакнувъ ихъ предварительно въ уксусъ. Я упрекалъ его въ малодушіи и увѣрялъ, что подобные ни на чемъ не основанные предразсудки вовсе недостойны видѣвшаго такъ много на своемъ вѣку путешественника и изслѣдователя, который къ тому же прожилъ болѣе трехъ лѣтъ въ Россіи. Если бы я зналъ, что намъ еще предстояло, то я бы благо-разумно молчалъ.

2. Жаренныя клецки изъ тонкорубленнаго мяса.

3. Маленькіе паштеты изъ мяса.

4. Варенныя птицы въ густомъ, бѣломъ отварѣ съ большими улитками. При видѣ этого блюда я сложилъ оружіе. Улитки приняли отъ кипяченія совершенно черный видъ и походили, какъ двѣ капли воды, на варенныхъ червей. Хотя я надѣялся преодолѣть свое отвращеніе, выпивъ цѣлыхъ двѣ

чашки рисовой водки, мое воображеніе все-таки побѣдило мой разсудокъ, и я не могъ дотронуться до этого блюда.

5. Мягкіе и прозрачныя кусочки какого-то бѣлаго сала.

6. Жареный поросенокъ.

Это было рѣшительно самое лучшее блюдо изъ всего обѣда. Когда я его ѣлъ, пришла мнѣ на память извѣстная статья Карла Ламба, въ которой разсказывается, какъ дошли китайцы до великаго искусства жарить поросятъ, и я рѣшился, если нужно, тоже поджечь какой-нибудь домъ, чтобы доставить себѣ подобное наслажденіе.

7. Маленькіе кусочки баранины, поджаренные на длинныхъ желѣзныхъ прутикахъ.

8. Куриное мясо, разрѣзанное на длинныя полоски, въ мясномъ отварѣ.

9. Варенный рисъ.

10. Странные, твердые грибы или лишай въ коричневомъ соусѣ.

11. Тонкіе, прозрачныя и очень гладкіе макароны, приготовленные въ китайскомъ самоварѣ.

12. Пѣтушья голова съ частью шеи, и, наконецъ,

13—19. Различнымъ образомъ приготовленные сорта супа. Этимъ былъ собственно законченъ обѣдъ. Столъ убрали, унесли сосуды съ уксусомъ и чашки съ водкой, и слуги подали орѣхи, печенья разнаго рода, превосходный цвѣточный чай и французское шампанское. Угощеніе продолжалось три часа, и за это время каждый гость отвѣдывалъ каждаго изъ тридцати—сорока блюдъ, употребилъ отъ одной до трехъ чашекъ уксуса, выпилъ отъ пятнадцати до двадцати пяти чашекъ горячей, надушенной розовой водой рисовой водки, съѣлъ массу китайскаго печенья и осушилъ громадныя бокалы шампанскаго за здоровье хозяина.

Положительно слѣдуетъ приписывать какому-то чуду то, что мы безъ посторонней помощи смогли взлѣзть на наши дрожки, и что мы не умерли на слѣдующее утро отъ сильнаго расстройства желудка. Мое любопытство узнать, какъ китайцы обѣдаютъ, было вполне удовлетворено. Если они устраиваютъ ежедневно подобныя обѣды, то остается только удивляться, какъ эта раса еще не вымерла. Человѣкъ, пообѣдавшій подобнымъ образомъ позднюю осенью, можетъ про-спать, какъ медвѣдь въ своемъ логовищѣ, безъ всякаго пи-

танія всю зиму до слѣдующей весны, если предположить, что онъ еще раньше не умеръ вслѣдствіе несваренія.

Когда я поздно послѣ обѣда распростился съ хозяиномъ, я вовсе не думалъ, что это было моимъ послѣднимъ развлеченіемъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, и что мнѣ не суждено было болѣе увидѣть стараго монгольскаго города. Въ воскресенье утромъ у меня появился ознобъ, за которымъ послѣдовала сильная лихорадка, сопровождаемая головною болью и кашлемъ. Это было началомъ серьезной болѣзни, которая продолжалась двѣ недѣли, но отъ которой я совершенно оправился только черезъ три мѣсяца. Съ этой болѣзью началась собственно затруднительная и даже почти не выносимая часть моего сибирскаго путешествія. До этого времени у меня было, по крайней мѣрѣ, достаточно физическихъ силъ, чтобы выносить лишения, неизбежно связанные съ пребываніемъ въ этой странѣ. Съ этого времени поддерживали меня только сила воли, хининъ и возбужденіе. Излишне описывать страданія, которыми сопровождалась болѣзнь въ такомъ жалкомъ помѣщеніи, какъ комната при пекарнѣ Клембоцкаго, въ пограничномъ городѣ Троицкосавскѣ. Я не имѣю въ моей записной книжѣ замѣтокъ, относящихся къ этому тяжелому періоду моей жизни въ Сибири, только одно письмо, которое я послалъ домой, описываетъ слѣдующимъ образомъ мое положеніе: „Можно еще примириться съ болѣзью, если лежишь дома при хорошемъ уходѣ на чистой постели; но совсѣмъ нельзя переносить терпѣливо болѣзни, если лежишь, какъ собака, не раздѣвшись на твердомъ полу, и если при пароксизмахъ лихорадки тебя кусаютъ до потери сознанія клопы“. Кромѣ моего овчиннаго тулупа и какого-то грязнаго шерстяннаго одѣяла, у меня не было другого постельнаго бѣлья, и, хотя я въ видѣ опыта ложился на полъ или на столъ, я не могъ избѣгнуть блохъ и клоповъ. Сначала я лѣчилъ свою болѣзнь самъ съ помощью моей собственной дорожной аптечки; но такъ какъ я слышалъ, что въ городѣ живетъ русскій врачъ, то я послалъ за нимъ. Онъ мнѣ прописалъ большую дозу хинина, которая избавила меня, наконецъ, отъ лихорадки и черезъ двѣнадцать дней я могъ, несмотря на свою слабость, отправиться въ путь.

Во время моей болѣзни въ пекарнѣ Клембоцкаго сдѣлалось мнѣ въ первый разъ ясно, что долженъ перетерпѣть „политическій“, если онъ заболѣетъ по дорогѣ, въ какомъ-

нибудь этапѣ; но кромѣ страданій, подобныхъ моимъ, онъ еще долженъ удовольствоваться плохой пищей, вдыхать болѣе или менѣе зараженный воздухъ и лежать закованнымъ на твердыхъ деревянныхъ нарахъ. Г. Чарушина, одного изъ „политическихъ“, не освободили даже отъ оковъ во время его болѣзни тифомъ.

15-го октября отправился я съ г. Фростомъ изъ Троицкосавска въ Селенгинскъ. Я чувствовалъ себя утромъ очень слабымъ и боялся получить рецидивъ; но я подумалъ, что даже тряская телѣга подъ открытымъ небомъ болѣе удобное помѣщеніе для больного, чѣмъ кипящая насѣкомыми комната, въ которой я такъ долго жилъ; я рѣшился, пока у меня хватитъ силъ, продолжать путь. Въ этотъ день мы проѣхали 60 миль, переночевали на станціи Поворотной и достигли рано утромъ Селенгинска. Въ этой жалкой деревнѣ жили двое или трое интересныхъ „политическихъ“, съ которыми я хотѣлъ поговорить; мы остановились тамъ на цѣлый день, чтобы познакомиться съ ними. Это были: Константинъ Самаринъ, молодой студентъ изъ Екатеринбурга; г. Кардашевъ, родомъ Грузинъ; госпожа Брежковская, высокообразованная молодая замужняя дама изъ Кіева. Г. Кардашевъ и г-жа Брежковская отбыли уже срокъ своего наказанія въ Карѣ, и я хотѣлъ разузнать отъ нихъ, какъ слѣдовало мнѣ ѣхать, чтобы въ самый короткій срокъ достигнуть этого горнаго округа, и съ какими чиновниками придется намъ имѣть дѣло.

Г. Самаринъ, котораго я посѣтилъ раньше другихъ, былъ молодой, красивый мужчина лѣтъ 25, средняго роста, съ сдержаннымъ, учтивымъ обращеніемъ и открытымъ, честнымъ взглядомъ. Его исторія подаетъ намъ назидательный примѣръ того полнаго пренебреженія къ правамъ личности, которое характеризуетъ обращеніе русскаго правительства съ гражданами, которыхъ оно подозрѣваетъ съ основаніемъ или безъ основанія въ „политической неблагонадежности“.

Его арестовали, когда онъ еще былъ студентомъ, якобы по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи, держали въ заключеніи въ продолженіе 3-хъ лѣтъ въ укрѣпленныхъ казематахъ Трубецкаго бастіона въ Петропавловской крѣпости, и послѣ этого только онъ предсталъ предъ судомъ. Но показанія противъ него были настолько незначительны, что судъ приговорилъ его только къ двумъ мѣсяцамъ тю-

ремнаго заключенія. Держать человѣка цѣлыхъ три года въ предварительномъ одиночномъ заключеніи въ казематахъ крѣпости, для того, чтобы приговорить его къ двухмѣсячному аресту, — неслыханное беззаконіе.

Г. Самаринъ имѣлъ, конечно, право быть по истеченіи двухъ мѣсяцевъ освобожденнымъ, такъ какъ онъ отсидѣлъ срокъ наказанія, къ которому его приговорилъ судъ. Но правительство вмѣсто того, чтобы освободить его, выслало его административнымъ порядкомъ въ деревню Баргузино Забайкальской области, почти за 4000 миль отъ Петербурга. Лѣтомъ 1881 г. онъ попытался вмѣстѣ съ тремя другими „политическими“, въ томъ числѣ также съ г-жей Брежковской, бѣжать по направленію къ Тихому океану, гдѣ они надѣялись достигнуть какаго-нибудь американскаго корабля; но попытка эта не удалась. Его сослали въ одинъ якутскій улусъ, гдѣ съ нимъ познакомились члены американской экспедиціи, посланной на помощь оставшимся въ живыхъ изъ экипажа „Жаннеты“. Въ 1882 или 1883 гг. онъ былъ переведенъ на житье въ Селенгинскъ, и осенью 1884 г., когда истекъ срокъ его ссылки, онъ находился въ какой-то восточно-сибирской деревушкѣ, за 3000 миль отъ его родины, безъ всякихъ средствъ возвратиться на родину. Правительство не заботится вообще о возвращеніи на родину политическихъ ссыльныхъ, развѣ только они пристанутъ къ транспорту преступниковъ, возвращающихся домой. Последніе не всегда находятъ по прибытіи въ этапныя тюрьмы конвойныя команды, существующія собственно для транспорта преступниковъ, прибывающихъ изъ Россіи, почему они могутъ только крайне медленно продолжать свой путь. Полковникъ Загаринъ, инспекторъ пересыльнаго вѣдомства Восточной Сибири, сказалъ мнѣ, что возвращающіеся на родину ссыльные должны были употреблять иногда до десяти мѣсяцевъ для перехода отъ Иркутска до Томска, находящихъ другъ отъ друга на разстояніи 1000 миль. Очень немногіе изъ „политическихъ“ соглашались прожить цѣлый годъ въ зараженныхъ, кишачихъ паразитами этапныхъ тюрьмахъ, несмотря даже на свое страстное желаніе увидать родину, и, если кто нибудь изъ нихъ не скопилъ себѣ суммы, нужной для возвращенія на родину, и не имѣетъ тамъ родныхъ, которые могли бы ему выслать требующія на это деньги, то онъ предпочитаетъ остаться въ Сибири. Я помогъ

одному „политическому“ возвратиться домой, купивъ у него за сто рублей его коллекцію сибирскихъ растений. Охотно хотѣлъ бы я помочь также и Самарину собрать необходимыя деньги, но онъ занимался составленіемъ каталога всѣхъ официальныхъ бумагъ, накопившихся въ архивѣ Селенгинска за послѣднія сто тридцать лѣтъ, и надѣялся, что губернаторъ дастъ ему за эту работу вознагражденіе, достаточное, чтобы предпринять путешествіе на собственные средства. Переписка селенгинскихъ „политическихъ“ состоитъ подъ строгимъ полицейскимъ контролемъ; всѣ ихъ письма прочитываются и подлежатъ цензурѣ исправника. Когда срокъ ссылки г. Самарина истекъ, онъ сталъ *de jure* и *de facto* свободнымъ человѣкомъ. Онъ подалъ губернатору прошеніе, въ которомъ онъ просилъ его освободить его письма отъ контроля. Губернаторъ предоставилъ рѣшеніе исправнику, который, однако, отказалъ г. Самарину въ просьбѣ, такъ что втеченіе цѣлаго года всѣ его письма проходили черезъ руки полиціи, хотя срокъ его ссылки окончился и онъ пользовался по закону всѣми правами свободного гражданина. Пусть читатель представитъ себя на мѣстѣ этого человѣка, съ которымъ такъ подло поступали, и онъ пойметъ, что подобное безсовѣстное, циническое, почти презрительное пренебреженіе къ правамъ личности можетъ привести человѣка самолюбиваго въ отчаяніе.

Во время моего разговора съ Самаринимъ вошла въ комнату г-жа Брежковская, и онъ представилъ меня ей. Ей было лѣтъ тридцать пять; она имѣла энергичное, умное, хоть и некрасивое лицо, непринужденныя манеры и, какъ мнѣ показалось, теплое, поддающееся каждому доброму побужденію сердце. На ея лицѣ былъ виденъ отпечатокъ сильныхъ страданій, и много сѣдыхъ волосъ вились между ея густыми, черными волосами, которые были острижены въ тюрьмѣ; но ни ссылка, ни каторга не могли сломить ея гордаго, смѣлаго духа или поколебать ея убѣжденій относительно чести и обязанностей. Она получила, какъ я скоро замѣтилъ, отличное воспитаніе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ Цюрихѣ, говорила по французски, по-нѣмецки, по-англійски, получила также и музыкальное образованіе и произвела на меня вообще впечатлѣніе интересной во всѣхъ отношеніяхъ женщины. Дважды была она сослана на каторжныя работы, — во второй разъ за попытку бѣжать изъ Баргузина, въ За-

байкальѣ, куда она была сослана — и, по истеченіи срока ея ссылки, ее поселили въ этой бѣдной бурятской деревушкѣ, гдѣ она состояла подъ специальнымъ надзоромъ высшихъ полицейскихъ чиновниковъ. На сто миль въ окружности невозможно было найти другой образованной женщины; она получала еженедѣльно 1 $\frac{1}{4}$ доллара (2 р. 50 к.) на житье: ея корреспонденція подлежала полицейскому контролю; г-жа Брежковская была на всю жизнь разлучена съ семьей и друзьями; она казалось не ожидала ничего отъ будущаго, кромѣ нѣсколькихъ лѣтъ лишеній и страданій и наконецъ могилы на кладбищѣ при Селенгѣ, съ простымъ деревяннымъ крестомъ, на которомъ никогда не остановится взглядъ, полный участія. Непокоримое мужество, съ которымъ эта несчастная женщина смотрѣла въ глаза безнадежной будущности, ея горячая вѣра въ торжество свободы въ ея отечествѣ были трогательны и вызвали невольное удивленіе.

Прощаясь со мною она сказала мнѣ: „Мы умремъ въ изгнаніи, наши дѣти и внуки раздѣлять, должно быть, нашу участь, но это не пропадетъ даромъ.“ Съ этого дня я не видалъ болѣе г-жи Брежковской; но я не могу, вспоминая про ея послѣднія слова, не сознаться, что собственно эта женщина показала мнѣ, что такое храбрость, сила духа и геройское самопожертвованіе. Разговоры съ такими политическими ссыльными — а я видалъ ихъ много въ Забайкальскомъ краю — дѣйствовали на меня болѣе оживляющимъ образомъ, чѣмъ всѣ лѣкарства. Какими незначительными показались мнѣ моя болѣзнь, слабость, всѣ лишенія нашей жизни, которыя мы переносили въ то время, въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя съ такимъ геройствомъ переносили эти люди изъ за принципа, изъ за поработеннаго народа!

Въ пятницу, 16-го октября, въ четыре часа пополудни, выѣхали мы изъ Селенгинска и, проѣхавъ въ 24 часа 108 миль, достигли окружнаго города Верхнеудинска. Погода была, особенно ночью, очень холодна, и тряска въ поезде была мнѣ особенно непріятна, такъ какъ я не могъ еще окончательно оправиться послѣ моей болѣзни; свѣжій воздухъ оживилъ меня, и мнѣ не было по крайней мѣрѣ хуже, чѣмъ при отъѣздѣ изъ Троицкосавска, не смотря на то, что мы проѣхали впродолженіе двухъ сутокъ 170 миль. Въ Верхнеудинскѣ находились двѣ тюрьмы, которыя мы же-

дали осмотрѣть. И такъ я представился въ воскресенье утромъ исправнику, показалъ мои рекомендательныя письма, и мы уговорились встрѣтиться передъ обѣдомъ въ старой тюрьмѣ.

Зданіе, служащее городскимъ тюремнымъ замкомъ и въ то же время этапной тюрьмой — старая, ветхая изба, находящаяся на правомъ, возвышенномъ берегу Селенги, около мили ниже города. Она немногимъ отличается отъ деревянныхъ этапныхъ тюремъ стараго сибирскаго типа, развѣ только что она немного выше ихъ, и что при каждой камерѣ находится служащій вторымъ этажемъ балконъ, на который можно взобраться по крутой лѣстницѣ. Онъ былъ навѣрное пристроенъ лишь впоследствии, чтобы имѣть болѣе мѣста для наръ. Очевидно было, что тюрьму вычистили въ честь нашего посѣщенія. Половина арестантовъ находилась на дворѣ; всѣ окна и двери были растворены, чтобы впустить свѣжій воздухъ; полы въ корридорѣ были не особенно грязны. Хотя эту тюрьму выстроили только на 170 человекъ, въ ней содержалось тѣмъ не менѣе во время нашего посѣщенія 250 арестантовъ; исправникъ сообщилъ намъ, что часто, особенно осенью и зимой, въ этой тюрьмѣ находится до 700 арестантовъ. Несчастные тѣснятся тогда на полу, подъ нарами, въ корридорахъ и даже на дворѣ. Трудно представить себѣ, въ какомъ состояніи должны находиться эти семьсотъ несчастныхъ, лежащихъ въ помѣщеніи, устроенномъ на 170 арестантовъ, плотно прижавшись другъ къ другу, особенно зимой, когда нельзя растворить оконъ, такъ какъ лежащіе вблизи оконъ подвергаются въ этомъ случаѣ опасности замерзнуть. Такое бѣдствіе не поддается никакому описанію. Г. Орфановъ, извѣстный русскій офицеръ, который осматривалъ эту тюрьму нѣсколько лѣтъ сряду въ большихъ промежуткахъ, описываетъ ее въ книгѣ, которая прошла черезъ всѣ стадіи цензуры, слѣдующимъ образомъ.

„Первый острогъ Забайкальскаго края находится въ Верхнеудинскѣ, за городомъ, на крутомъ, возвышенномъ берегу Селенги. Съ берега, находящагося на разстояніи 5 саж. отъ острога, сбрасываются всѣ нечистоты, такъ что при приближеніи къ тюрьмѣ насъ поражаетъ прежде всего невыносимая вонь. Тюрьма представляетъ старую, двухъэтажную избу, построенную на сто сорокъ арестантовъ ¹⁾. Во

¹⁾ По показанію исправника на 170; во всякомъ случаѣ меньшая цифра болѣе вѣроятна.

время моего пребыванія въ Сибири я имѣлъ часто случай посѣщать эту тюрьму, но никогда не находилъ я въ ней менѣе 500, и часто болѣе 800 арестантовъ ¹⁾. Я вспоминаю объ осмотрѣ этой тюрьмы забайкальскимъ губернаторомъ, котораго я сопровождалъ. Это было зимой. Рано утромъ пришелъ онъ въ тюрьму, какъ разъ въ то время, когда отворяли дверь, ведущую въ корридоръ. Вонь, несшаяся ему на встрѣчу, была до того невыносима, что онъ отскочилъ назадъ, хотя онъ очень охотно скрылъ-бы отъ арестантовъ то обстоятельство, что его страшно поразило обращеніе съ ними тюремнаго начальства, напоминавшее обращеніе съ животными. Онъ приказалъ отворить противоположную дверь и вошелъ только тогда, когда сильный сквозной вѣтеръ провѣтрилъ камеру. Первый предметъ, попавшійся ему на глаза, была переполненная „параша“ ²⁾, а черезъ потолокъ просачивалось содержимое другой „параша“, находившейся во второмъ этажѣ. Въ этомъ углу спали шесть человѣкъ. Губернаторъ не могъ прийти въ себя отъ ужаса. „Какъ могутъ люди спать на такомъ полу, загрязненномъ нечистотами!“ воскликнулъ онъ. Онъ былъ въ величайшемъ негодованіи, бранилъ смотрителя и другихъ тюремныхъ чиновниковъ, но не могъ ничего подѣлать противъ ужаснаго состоянія тюрьмы“.

Нѣкоторые критики упрекнули меня, что я при описаніи сибирскихъ остроговъ и этапныхъ тюремъ употребляю самыя черныя краски, но вѣдь мое мнѣніе нисколько не строже, чѣмъ высказанное этимъ русскимъ офицеромъ въ вышеприведенной цитатѣ изъ его сочиненія, появившагося въ 1883 г. въ Москвѣ, не смотря на всѣ придирки цензуры. ³⁾

Черезъ эту тюрьму проходитъ ежегодно большое число образованныхъ „политическихъ“, сосланныхъ административнымъ порядкомъ въ Забайкальскій край; г-жа Брежковская была здѣсь четыре раза на пути въ карскіе рудники и обратно. Къ моей величайшей радости я могу сообщить, что старшій верхнеудинскій острогъ будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени оставленъ безъ употребленія. Уже во время нашего посѣщенія Верхнеудинска была выстроена

¹⁾ Напечатано въ книгѣ г. Орфанова разставкой.

²⁾ Такъ называется въ жаргонѣ каторжниковъ ушатъ для нечистотъ.

³⁾ „Въ дали“ М. И. Орфанова, стр. 220—222. Москва, тип. Кушнерева и Комп.

новая этапная тюрьма, и исправникъ сказалъ намъ, что, какъ только прибудетъ назначенная по штату тюрьмы конвойная команда, немедленно послѣдуетъ ея открытіе. Осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ старое зданіе тюрьмы, мы отправились къ новому. Это былъ большой четырехэтажный кирпичный домъ, съ двумя обширными флигелями, съ большимъ дворомъ и особеннымъ помѣщеніемъ для „политическихъ“ и конвойной команды. Камеры были обширны, свѣтлы и снабжены прекрасной вентиляціей. Изъ оконъ открывался видъ на окрестности. Корридоры были шириной въ 12—15 ф.; каменные лѣстницы украшены чугунными перилами, даже кельи для одиночнаго заключенія были довольно велики. Вентиляція и способъ отопленія всего зданія я нашелъ прекрасными. Весь домъ обошелся въ 200,000 р. и былъ построенъ на 440 арестантовъ. Я выразилъ исправнику свое удовольствіе и сказалъ ему, что во всемъ русскомъ государствѣ я не видалъ такой образцовой тюрьмы.

„Да“, сказалъ онъ: „пока она не переполнена, она кажется удобной; но если намъ приходилось принимать въ старомъ зданіи до семисотъ арестантовъ, то намъ придется помѣстить въ этой 3,000, и тогда будетъ то же самое и съ этимъ острогомъ“. Я не знаю, сбылись-ли опасенія исправника, но новая верхнеудинская тюрьма была послѣ петербургскихъ самой лучшей, которую только мы видали въ Россіи, и мы были рады наконецъ получить хоть одно доказательство, что русское правительство не относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ страданіямъ ссыльныхъ.

Въ понедѣльникъ, 19-го Октября, мы отправились изъ Верхнеудинска въ главный городъ Забайкальскаго края Читу, находящійся на разстояніи 300 миль отъ Верхнеудинска. Погода была холоднѣе обыкновеннаго, но снѣгъ еще не выпалъ; небо было ясно, и мы терпѣли, собственно говоря, только ночью холодъ. Дорога вела сначала вверхъ по неплодородной и неинтересной долинѣ Уды, между двумя почти параллельными рядами холмовъ. Деревья были голы, нигдѣ не было видно цвѣтка, кромѣ изрѣдка попадавшихся одуванчиковъ. Зима уже наступала. Мы ѣхали день и ночь, рѣдко останавливаясь, чтобы осмотрѣть какой нибудь буддистскій монастырь или тюремный замокъ. Правительство израсходовало еще 300,000—400,000 р. на устройство новыхъ этапныхъ тюремъ въ Забайкальѣ. Эти постройки очень малы и

вообще не нравятся чиновникамъ пересыльного вѣдомства; но мы ихъ нашли многимъ лучше этапныхъ тюремъ между Томскомъ и Иркутскомъ.

Въ четвертъ, 22-го Октября, переѣхали мы у почтовой станціи Домноглушевской, за 50 миль отъ Читы, черезъ высокій горный хребетъ. По восточному скату его достигли мы какого-то притока Амура. Мы перешли водораздѣлъ рѣчныхъ системъ Сѣвернаго Ледовитаго и Тихаго океана и почувствовали себя ближе къ Америкѣ, считая разстояніе до нея въ восточномъ, а не какъ раньше, въ западномъ направленіи. Въ деревенскихъ лавкахъ продавались привезенныя изъ Калифорніи американскія издѣлія, и, когда я видалъ американскую оловянную посуду, фонари и т. п. вещи и читалъ на коробкахъ съ компотомъ изъ персиковъ англійскія надписи, мнѣ казалось, что мы можемъ съ какого-нибудь высокаго холма увидать Санъ-Франциско съ его золотыми воротами.

Въ обѣденное время прибыли мы въ Читу, усталые и голодные, и остановились въ „Петербургской“ гостинницѣ, хозяиномъ которой былъ какой-то ссыльный Полякъ. Чита, главный городъ Забайкальскаго края и резиденція губернатора, имѣетъ 4,000 жителей и много разбросано лежащихъ домовъ. Въ Читѣ находятся публичная библіотека, одно большое зданіе, служащее иногда также и театромъ, и нѣсколько хорошихъ школъ; въ политическомъ и социальномъ отношеніи Чита важнѣйшій городъ области. Она играла также важную роль въ исторіи политической ссылки и заинтересовала поэтому насъ въ особенности. Отъ 1825 до 1828 гг. было сослано въ изгнаніе въ Читу большинство молодыхъ дворянъ, пытавшихся въ Декабрѣ 1825 г., по вступленіи на престолъ императора Николая, ввести въ Россіи конституціонный образъ правленія. Еще теперь существуютъ двѣ избы, въ которыхъ жили декабристы; въ одной изъ нихъ находится столярная мастерская, служащая также мѣстомъ сходки для „политическихъ“, послѣдовавшихъ примѣру декабристовъ и раздѣлившихъ ихъ участь.

Въ Читѣ находились во время нашего посѣщенія самые интересные „политическіе“, которыхъ мы встрѣчали въ Забайкальѣ. Мы принесли имъ рекомендательныя письма отъ ихъ товарищей въ другихъ частяхъ Сибири; насъ приняли тепло, радушно и съ полною довѣрчивостью; много длин-

ныхъ зимнихъ вечеровъ провели мы въ ихъ обществѣ въ верхней комнатѣ домика декабристовъ, бесѣдуя о революціонномъ движеніи въ Россіи, о Петропавловской крѣпости, харьковской центральной тюрьмѣ и о карскихъ рудникахъ. Я опишу въ другой разъ мое вторичное пребываніе въ Читѣ по возвращеніи моемъ изъ карскихъ рудниковъ, и тогда-же познакомлю читателя съ исторіей и нравами „политическихъ“, съ которыми мы проводили въ продолженіе двухъ недѣль каждый вечеръ и большую часть ночи въ верхней комнатѣ столярной мастерской.

Вслѣдствіе отсутствія губернатора, мы не могли получить дозволенія осмотрѣть тюрьмы и рудники; но адъютантъ губернатора, котораго я посѣтилъ, не имѣлъ ничего противъ того, чтобы мы попытались добиться отъ начальника тюрьмы разрѣшенія осмотрѣть ее. Онъ обѣщалъ телеграфировать ему и далъ мнѣ къ нему визитную карточку. Хотя мнѣ казалось очень невѣроятнымъ, чтобы одна визитная карточка открыла мнѣ ворота грозныхъ карскихъ тюремъ, но такъ какъ я не могъ ничего другого добиться, то мнѣ оставалось только собраться въ дорогу; 24-го Октября мы отправились на рудники, отстоящіе отъ Читы на разстояніи 300 миль.

XIII.

Карскіе рудники.

Въ обширной Забайкальской степи находятся на разстояніе 5.000 миль отъ Петербурга и 1.000 миль отъ Тихаго океана, въ непривлекательной, уединенной долинь, между двумя вѣтвями Яблоновыхъ горъ, нѣсколько тюремъ, золотыхъ приисковъ и поселеній ссыльныхъ, извѣстныхъ въ Россіи подъ именемъ карскихъ рудниковъ. Если въ газетахъ читаютъ, что царь соизволилъ помиловать нѣкоторыхъ приговоренныхъ къ смерти „нигилистовъ“ и замѣнилъ имъ смертную казнь каторжной работой въ рудникахъ, то подъ этимъ подразумѣваются карскіе рудники.

Я хочу рассказать о нашемъ посѣщеніи Кары въ концѣ осени и началѣ зимы 1885 года и описать съ точностью состояніе тамошнихъ тюремъ и участь политическихъ заключенныхъ. Хотя мнѣ невозможно говорить здѣсь съ должною подробностью объ этомъ важномъ предметѣ, но я хочу по крайней мѣрѣ описать въ главныхъ чертахъ поселеніе ссыльныхъ въ Восточной Сибири и дать читателю понятіе о томъ, что подразумѣвается въ Россіи подъ именемъ „каторги“.

Карскіе рудники находятся на разстояніи почти 300 миль отъ Читы, главнаго города Забайкалья. Путешественникъ долженъ проѣхать 200 миль по довольно хорошей почтовой дорогѣ, которая тянется сначала по долинь Ингоды, потомъ на сѣверномъ или лѣвомъ берегу Шилки, главнаго притока Амура. У маленькаго городка Срѣтенска, гдѣ Шилка становится судоходной, оканчивается внезапно почтовая дорога, и сношеніе съ колоніей ссыльныхъ въ Карѣ поддерживается, начиная съ этого мѣста, лѣтомъ на лодкахъ, зимой на саняхъ, по замерзшей рѣкѣ. Осенью, когда образуется ледъ, и зимою, когда онъ таетъ, карскіе рудники положительно отрѣзаны по цѣлымъ недѣлямъ отъ всего остального свѣта,

такъ какъ въ это время до нихъ можно добраться только по затруднительной и опасной дорогѣ, которая тянется отъ 70 до 80 миль параллельно рѣкѣ, черезъ рядъ крутыхъ, большею частью, лѣсистыхъ хребтовъ. Когда мы въ субботу вышли изъ Читы, мы надѣялись достигнуть Срѣтенска, пока еще ледъ не покрылъ Шилки. Погода сдѣлалась вдругъ холоднѣй; выпалъ снѣгъ, и, когда мы, наконецъ, въ среду слѣзли съ нашей телѣги, на сѣверномъ берегу Шилки, противъ Срѣтенска, на дворѣ стояла уже суровая зима; термометръ показывалъ до 19° С.; наши шубы и лошади были покрыты инеемъ, и быстрая Шилка была до того запружена льдинами, что по ней было совершенно невозможно проѣхать. Большой паромъ пытался переправиться изъ Срѣтенска на нашу сторону; на берегу собралось съ дюжину мужиковъ вокругъ маленькаго костра; они ожидали, пока плотъ причалитъ къ берегу, надѣясь, что имъ удастся упротисить паромщика перевезти ихъ на другой берегъ. Съ четверть часа глядѣли мы на борьбу плота со льдомъ, и намъ показалось очень рискованнымъ переѣхать на такомъ хрупкомъ суднѣ черезъ быструю загроможденную льдинами рѣку, шириной съ полмили. Мы рѣшились провести ночь у молодого мужика Зябликова, который предупреждалъ насъ, что намъ придется спать на полу, но мы были слишкомъ измучены нашей поѣздкой, чтобы быть очень разборчивыми; да и къ тому же мы такъ привыкли спать на голой землѣ, что удивились бы, нашедши болѣе удобный ночлегъ. Нашъ багажъ принесли въ домъ Зябликова, и полчаса спустя мы спокойно сидѣли за чаемъ въ первой приличной комнатѣ, которую мы встрѣтили послѣ нашего выѣзда изъ Нерчинска; мы обсуждали вопросъ, какъ можно въ это время года достигнуть карскихъ рудниковъ, и возможно ли теперь перебраться черезъ горы. Поѣздка внизъ по рѣкѣ была невозможна вслѣдствіе сильнаго ледохода, а у насъ не было ни времени, ни охоты ждать еще 2—3 недѣли; оставался только одинъ исходъ: добраться до Кары верхомъ по опасной горной дорогѣ. Зябликовъ сообщилъ намъ, что на другомъ берегу рѣки находилось нѣсколько лошадей, которыя, по его мнѣнію, были къ этому пригодны; ихъ владѣлецъ жилъ въ Срѣтенскѣ; слѣдовательно, оставалось только достать лошадей и сѣдла и нанять проводника. При настоящихъ обстоятельствахъ переѣхать черезъ Шилку было небезопаснымъ

предпріятіемъ, но Зябликовъ вызвался проводить меня съ нѣсколькими изъ своихъ людей. Въ четвергъ утромъ Зябликовъ перенесъ свою легкую лодку къ берегу, для того, чтобы сдѣлать попытку переправиться черезъ Шилку. Погода сдѣлалась лучше, но было все-таки еще очень холодно. По рѣкѣ плыли льдины и по краямъ ея образовался слой льда, шириной отъ 40—50 мет., который, чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ былъ тоньше; по этой предательской поверхности двигали мы осторожно нашу лодку, готовые прыгнуть въ нее, какъ только ледъ подломится подъ нашими ногами. На разстояніи 4—5 мет. отъ воды ледъ подался и съ сильнымъ трескомъ отдѣлился. Зябликовъ вскрикнулъ взволнованно: „Въ лодку, въ лодку!“ Челнѣ, когда мы выпрыгнули въ него, наклонился сперва въ одну сторону, потомъ въ другую, но въ счастію онъ не опрокинулся. Мигомъ понеслось наше хрупкое судно, окруженное гремящими льдинами внизъ по теченію. Зябликовъ умѣло правилъ рулемъ, но прежде чѣмъ мы могли достигнуть другого берега, насъ отнесло теченіемъ почти на цѣлую милю внизъ, и когда мы наконецъ достигли противоположнаго берега, оказалось, что пристать къ тонкому слою льда гораздо опаснѣе, чѣмъ спустить лодку въ воду. Пока мы пробовали уцѣпиться крючьями за ледъ, я ждалъ каждое мгновеніе, что тяжелыя льдины разобьютъ или опрокинутъ лодку; наконецъ намъ удалось пробраться довольно далеко вглубь ледяной полосы. Зябликовъ вспрыгнулъ на маленькую возвышенность и привязалъ лодку, между тѣмъ какъ я поскользнулся и очутился по колѣно въ водѣ. Такъ какъ это недобровольное купанье при такой холодной погодѣ могло имѣть для меня серьезныя послѣдствія, то я, предоставивъ Зябликову и его людямъ притащить лодку на берегъ, побѣждалъ въ весь опоръ къ первой попавшейся лавченкѣ; послѣ того какъ я обсушился и обогрѣлся, я телеграфировалъ г. Вэрстъ, секретарю посольства Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, чтобы извѣстить его о моемъ мѣсто-пребываніи, сторговался съ владѣльцемъ лошадей о платѣ за переѣздъ до первой деревни, лежащей внизъ по теченію рѣки, нанялъ стараго проводника Никифора, купилъ сѣдла и предпринялъ поздно послѣ обѣда вторично опасный переѣздъ черезъ рѣку.

Въ пятницу рано утромъ осѣдлали мы лошадей и отправились въ путь къ рудникамъ. Нашъ багажъ состоялъ изъ

одѣялъ, саквояжа съ провіантомъ, фотографическаго аппарата и около дюжины сухихъ пластинокъ. Погода стала теплѣе; термометръ показывалъ $+ 10^{\circ}$ С., но небо было пасмурно и мрачно, бушевала мятель, и, когда мы достигли вершины перваго высокаго хребта и передъ нашими глазами предстала дикая и уединенная горная страна, по которой намъ надо было путешествовать, я упалъ на одно мгновеніе духомъ: я еще не освободился отъ слабости, которая у меня осталась послѣ болѣзни въ Троицкосавскѣ, зима началась, и я боялся, что моего небольшого запаса силъ не достанетъ, чтобы совершить верхомъ 80 миль, да еще по невозможной горной дорогѣ. Такъ какъ мы предполагали спуститься внизъ по Шилкѣ, то мы не запаслись мѣховыми одѣялами; наши шубы изъ овчины не были достаточно длинны, чтобы защищать колѣна; мы не могли достать мѣховыхъ башлыковъ, и наши валенки были до того широки, что онѣ не могли влѣзть ни въ какое стремя, такъ что намъ надо было или совершить поѣздку безъ нихъ или отказаться отъ помощи стремени. Къ счастью горная тропинка была сначала довольно хороша, а погода не особенно холодна, и мы пріѣхали безъ большихъ неудобствъ 20 миль. Ночь провели мы въ маленькой деревнѣ Ломи, на берегу Шилки, спали въ мужицкой избѣ на полу, въ обществѣ двухъ взрослыхъ и пяти дѣтей, и въ субботу утромъ послѣ завтрака, который состоялъ изъ чая, чернаго хлѣба и холоднаго паштета, продолжали наше путешествіе съ свѣжими лошадьми и новымъ проводникомъ. Ночью погода стала яснѣе и холоднѣе и, когда мы сѣли на коней, термометръ показывалъ 22° С. ниже нуля. Лошади были покрыты инеемъ, а на ихъ ноздряхъ висѣли ледяныя сосульки; животные желали, казалось, съ такимъ же нетерпѣніемъ двинуться впередъ, какъ и мы. За дер. Ломи началась трудная часть нашего пути, которая извиваясь вела черезъ пустынные и крутыя горы, иногда отклонялась въ сѣверномъ направленіи, чтобы обогнуть пропасти и ущелья, или тянулась зигзагомъ вверхъ по крутымъ скатамъ громаднаго поперечнаго горнаго хребта; тамъ и сямъ вела она по узкимъ выступамъ горъ, высоко надъ мрачными, покрытыми льдомъ волнами Шилки, гдѣ малѣйшее паденіе лошадей могло бы привести нашу сибирскую экспедицію къ неожиданному концу. Это было дѣйствительно рѣдкое чудо, что съ нами въ эту поѣздку Кару не приключилось никакого несчастія.

Наши лошади не были порядочно подкованы, а дорога на многих мѣстахъ была покрыта льдомъ отъ замерзшихъ источниковъ и горныхъ рѣчекъ, на которомъ лежалъ легкій слой снѣга, такъ что при крутыхъ, опасныхъ скатахъ нельзя было даже послѣ тщательнаго осмотра навѣрное сказать, смогутъ-ли лошади благополучно спуститься. Въ продолженіе субботы и воскресенія мы шли большей частью пѣшкомъ, отчасти потому что, когда мы ѣхали, холодъ казался намъ невыносимымъ, отчасти потому, что мы не могли довѣриться лошадямъ на такомъ скользкомъ пути. Трехдневная поѣздка верхомъ и переходъ черезъ крутыя горы при температурѣ отъ 17—18° С. ниже нуля истощили мои послѣднія силы, и, когда мы, поздно вечеромъ, въ воскресенье, достигли деревни Шилкиной, слабое бѣеніе моего пульса показало, что я дошелъ до крайняго предѣла моей способности переносить всякія лишенія. Къ счастью самое худшее мы оставили уже позади. Усть-Кара, южнѣйшее поселеніе ссыльныхъ, находилось на разстояніи 10 — 12 миль отъ Шилкиной; дорога до Усть-Кары не представляла никакихъ затрудненій, и въ понедѣльникъ въ полдень мы въѣхали въ большую деревню при устьѣ Кары, съ трудомъ дотащились до дома одного богатаго мужика, который зналъ нашего проводника, и легли спать.

Карскіе рудники, которые составляютъ частную собственность русскаго царя и эксплуатируются въ его пользу, состоятъ изъ цѣлаго ряда золотопромывальнь, которыя расположены въ неравномѣрныхъ промежуткахъ вдоль быстрой рѣчки Кары. Она начинается въ Яблоновыхъ горахъ, течетъ отъ сорока до пятидесяти миль въ юговосточномъ направленіи и впадаетъ между Стрѣтинскомъ и устьемъ Аргуни въ Шилку. Имя „Кара“, происходящее отъ татарскаго прилагательнаго, которое значитъ „черный“, употреблялось сначала только по отношенію къ этой рѣкѣ, но теперь распространено на всѣ тюрьмы, рудники и поселенія ссыльныхъ, которыя разсѣяны по всей долинѣ Кары. Тюрьмы, рудники и поселенія ссыльныхъ имѣютъ кромѣ того особенныя названія и расположены, считая съ юга на сѣверъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: Усть-Кара, нижняя тюрьма, политическая тюрьма, нижняя золотопромывальня, Средняя Кара, Верхняя Кара и верхняя или Амурская тюрьма. Управление всего поселенія сосредоточивается въ нижней золотопромывальнѣ,

гдѣ живетъ смотритель тюремъ, для обыкновенныхъ преступниковъ; тамъ же находится поселеніе 200—300 ссыльныхъ и два или три батальона солдатъ. Это мѣстечко выбралъ я своей главной квартирой, отчасти потому что здѣсь жилъ смотритель, безъ котораго мы не могли ничего предпринять, отчасти потому, что отъ этого городка была только одна миля до политической тюрьмы, которая насъ особенно интересовала. Поэтому мы оставили нашего проводника въ Усть-Карѣ съ порученіемъ ожидать насъ тамъ, проспавъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда, а затѣмъ на телѣгѣ отправились къ нижней золотопромывальнѣ. Дорога вела вверхъ по плоской ложбинѣ, шириной съ полмили: эту ложбину окружали низкіе холмы съ молодыми лиственницами и соснами. Дно ея состояло изъ громаднхъ конусообразныхъ массъ кремней и песку, которыя много лѣтъ тому назадъ переверотили и перемыли въ поискахъ за золотомъ.

Мы достигли нижней золотопромывальни, когда уже смеркалось. Она оказалась обширной деревней съ разбросанными, низкими, выбѣленными хижинами, съ длинными деревянными казармами, офицерскими домиками, крытыми желѣзомъ, съ темнымъ, ветхимъ тюремнымъ замкомъ обычной въ Сибири архитектуры. Правительственныя зданія стояли въ довольно правильныхъ промежуткахъ, на открытыхъ обширныхъ площадяхъ и придавали центру села торжественный, офиціальныи характеръ, особенно поражающій наблюдателя, видѣвшаго тутъ же рядомъ обветшалые бараки и грубыя деревянныя помѣщенія для ссыльныхъ, которыя были расположены въ неправильныхъ кучкахъ въ концѣ поселенія по дорогѣ, ведущей въ Усть-Кару. На одной сторонѣ открытой площади, гдѣ находилась тюрьма и казарма, работали надъ починкой какого-то зданія 40—50 ссыльныхъ въ длинныхъ сѣрыхъ халатахъ съ желтыми суконными квадратами на спинѣ. Ихъ окружалъ взводъ казаковъ въ овчинныхъ тулупахъ, валенкахъ и мѣховыхъ шапкахъ, которые, опершись о свои берданки, неподвижно слѣдили за каторжниками. Въ нѣкоторомъ отдаленіи былъ разложенъ огонь, надъ которымъ висѣлъ чайникъ; вокругъ огня собралось около дюжины казаковъ, по видимому, свободныхъ отъ караула. Безутѣшную, подавляющую, картину представляли въ полусвѣтѣ холоднаго, мрачнаго осенняго дня эти ссыльные, безнадежно и потому равнодушно работавшіе на пустынной засыпанной снѣгомъ площади,

и эти казаки, которые ихъ сторожили, держа ружья наготовѣ.

Сперва мы поѣхали къ смотрителю тюремъ, чтобы спросить, гдѣ бы мы могли провести ночь. Маіоръ Потуловъ, высокій, статный мужчина, лѣтъ пятидесяти отъ роду, принялъ насъ очень радушно и сообщилъ намъ, что исполняющій должность начальника области въ Читѣ телеграфировалъ ему о нашемъ пріѣздѣ, но что онъ не ждалъ насъ, зная, что Шилка болѣе не судоходна. Совершенно невѣроятнымъ показалось ему, что иностранцы-путешественники выберутъ затруднительную и опасную дорогу черезъ горы. Онъ выразилъ свою радость увидѣть насъ и предложилъ намъ тотчасъ же къ услугамъ весь свой домъ. Я ему возразилъ, что мы вовсе не намѣрены были быть ему въ тягость, а только хотѣли просить его сообщить намъ, гдѣ бы мы могли достать себѣ пріютъ на ночь. Онъ засмѣялся добродушно и сообщилъ намъ, что въ Карѣ нѣтъ гостинницъ, кромѣ тѣхъ, которыя правительство предоставляетъ ворами, фальшивымъ монетчикамъ и убійцамъ; онъ просилъ насъ принять его предложеніе и устроиться у него, какъ намъ только будетъ удобно. Но это не входило въ наши намѣренія. Мы надѣялись найти квартиру, гдѣ бы мы были избавлены отъ постоянного оффиціального надзора; какъ могли бы мы познакомиться съ „политическими“, если бы мы согласились быть гостями смотрителя тюремъ? Но такъ какъ у насъ не оставалось никакого выбора, то мы приняли приглашеніе маіора Потулова и черезъ десять минутъ водворились удобно, въ его обширномъ богато-убранномъ домѣ; наши глаза наслаждались видомъ большихъ зеркалъ, мягкихъ ковровъ, удобныхъ креселъ и фортепіана, которыхъ мы были такъ долго лишены.

Во время нашего посѣщенія Кары въ мѣстныхъ тюрьмахъ и поселеніяхъ находилось всего тысяча восемьсотъ каторжниковъ¹⁾. Одна часть ихъ находилась въ строгомъ заключеніи, другая же жила въ баракахъ или въ маленькихъ хижинахъ, внѣ стѣнъ тюремнаго замка.

¹⁾ Согласно годовому отчету главнаго тюремнаго управленія находилось перваго января 1886 года въ тюрьмахъ и поселеніяхъ Кары—мѣсяца два послѣ нашего пребыванія въ этомъ городѣ—2.507 арестантовъ; въ томъ числѣ было, однако, 800 женщинъ и дѣтей, которыя добровольно послѣдовали на каторгу за своими мужьями и отцами. (См. отчетъ главнаго управленія тюремъ за 1886 г., стр. 46, 47. Петербургъ, изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. 1888 г.)

Срѣзь наказанія приговореннаго къ работѣ въ рудникахъ раздѣляется на два періода. Въ продолженіе перваго—заключенный находится подъ строжайшимъ надзоромъ; это, такъ сказать, время его испытанія. Если тюремное начальство довольно его поведеніемъ, то онъ освобождается по истеченіи этого времени отъ строгаго заключенія и вступаетъ въ организацію, называемую „свободной командой“. Онъ все еще тотъ же приговоренный къ каторжной работѣ арестантъ, онъ получаетъ все еще свой ежедневный паекъ изъ тюремнаго замка, онъ не можетъ переступить границъ поселенія безъ позволенія, но онъ имѣетъ право жить съ другими исправившимися преступниками въ арестантскихъ баракахъ, или со всей семьей въ собственной хижинѣ, онъ можетъ въ свободное время работать на себя и пользуется нѣкоторой степенью свободы. По истеченіи втораго періода исправленія, его посылаютъ ссыльно-поселенцемъ до конца его жизни въ какую-нибудь часть Восточной Сибири.

Въ то время принадлежали къ карскому поселенію ссыльныхъ семь тюремъ. Всѣ онѣ были разсѣяны вдоль берега Кары, на протяженіи 25 миль. Въ поискахъ за золотомъ приходилось удаляться постоянно, хоть и медленно, отъ нижней золотопромывальни и отъ усть-карскихъ тюремъ; скоро работы стали производиться такъ далеко, что обитатели этихъ заключеній не могли въ своихъ кандалахъ пройти два раза въ день разстоянія, отдѣлявшаго ихъ отъ золотопромывальни и они были принуждены оставаться въ недобровольномъ бездѣйствіи. Непосредственный надзоръ въ тюрьмахъ уголовныхъ преступниковъ былъ довѣренъ надзирателямъ, которые отдавали отчетъ маіору Потулову; караульную службу отправлялъ отрядъ казаковъ, численностью въ 1.000 человекъ. Двѣ политическихъ тюрьмы, одна мужская, при нижней золотопромывальнѣ, другая—женская въ Усть-Карѣ, состояли не подъ управленіемъ маіора Потулова, а жандармскаго капитана Николина, присланнаго нарочно для этой цѣли изъ Петербурга; онъ располагалъ очень старательно подобранной тюремной стражей, состоявшей изъ 140 жандармовъ. Политическая тюрьма также имѣла свою собственную „свободную команду“, которая состояла во время нашего посѣщенія изъ двѣнадцати или пятнадцати мужчинъ и женщинъ, окончившихъ время своего испытанія и жившихъ въ своихъ хижинахъ вблизи нижней золотопромывальни. Всѣ эти свѣдѣнія

имѣли мы еще передъ нашимъ приѣздомъ въ поселеніе, и мы сообразовали съ ними наши дальнѣйшіе шаги.

Прежде всего мы хотѣли осмотрѣть тюрьмы уголовныхъ преступниковъ и присутствовать при работѣ въ рудникахъ, потомъ познакомиться съ „политическими“, принадлежавшими къ „свободной командѣ“ и, наконецъ, сойтись съ „политическими“, находившимися въ заключеніи для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ бытомъ революціонеровъ, если ужъ намъ нельзя было съ ними лично говорить. Я вовсе не сомнѣвался въ удачѣ нашего перваго намѣренія; въ успѣхѣ второго я не былъ такъ увѣренъ, насчетъ третьяго было у меня мало надежды, но я все-таки рѣшился всѣми средствами достигнуть своей цѣли. Я не знаю, какія инструкціи получилъ Потуловъ насчетъ насъ, но онъ обходился съ нами сердечно и радушно, и, когда я просилъ его, на другой день послѣ нашего приѣзда, позволить намъ осмотрѣть тюрьмы и рудники, онъ далъ немедленно и безъ всякаго колебанія свое позволеніе, велѣлъ заложить лошадей и увѣрялъ насъ, что ему доставитъ большое удовольствіе насъ провожать.

Я не намѣренъ подробно описать всѣхъ тюремъ, которыя мы имѣли возможность осмотрѣть въ Карѣ; я хочу только коротко описать двѣ изъ нихъ, которыя мнѣ кажутся типическими, именно, одну изъ самыхъ худшихъ и одну изъ лучшихъ.

Усть-карская тюрьма въ санитарномъ отношеніи самая неблагопріятная изъ всѣхъ тюремъ въ долину Кары, построена на низменной, болотистой почвѣ, при впаденіи Кары въ Шилку и граничитъ съ поселеніемъ того же имени. Ее построили лѣтъ 50 тому назадъ, когда правительство начало употреблять ссыльных для разработки золотой руды. Если подойти къ этому зданію съ юга, то оно похоже на длинный низкій сарай, сколоченный изъ бревенъ, потемнѣвшихъ отъ времени. Тюрьма представляла со своимъ огороженнымъ дворомъ почти совершенно правильный четырехугольникъ, площадью въ 100 кв. ф., двѣ стороны его образуютъ тюремныя постройки, другія двѣ — частоколь, вышиной въ 25 ф., состоящій изъ толстыхъ, заостренныхъ кольевъ. Когда мы подошли къ воротамъ, казакъ, стоявшій на часахъ, взялъ на караулъ и крикнулъ: „Старшій!“ Казакскій капраль подбѣжалъ къ воротамъ, съ большой связкой ключей въ рукахъ, отомкнулъ маленькую дверь, находившуюся въ главныхъ

воротахъ, и впустилъ насъ во дворъ тюрьмы. Трое или четверо арестантовъ съ обритыми на половину головами бросились бѣжать черезъ дворъ, спѣша скрыться въ своихъ камерахъ. Поднявшись черезъ нѣсколько покрытыхъ на цѣлый вершокъ грязью и льдомъ ступенекъ, мы вошли черезъ массивную дверь въ длинный, низкій, очень темный коридоръ съ неровнымъ, мокрымъ, скользкимъ поломъ; воздухъ былъ душный и очень сыръ; всюду чувствовался тотъ острый, невыносимый запахъ, который мы находили во всѣхъ сибирскихъ тюрьмахъ. Если кто-нибудь хоть разъ въ жизнидохнулъ воздухомъ сибирской тюрьмы, то онъ никогда не забудетъ испытаннаго имъ при этомъ чувства; эта вонь непохожа ни на какую другую во всемъ свѣтѣ, такъ что я не знаю, съ чѣмъ ее сравнить. Пусть читатель представитъ себѣ сырой воздухъ, какъ въ погребѣ, котораго каждый атомъ побывалъ разъ двѣнадцать въ человѣческихъ легкихъ, такъ что онъ совершенно насыщенъ углекислотой, насыщенный, кромѣ того, аммоніаковыми испареніями долго немытыхъ тѣлъ, запахомъ сырого и гнилого дерева и вонью человѣческихъ экскрементовъ, — и читатель будетъ имѣть даже тогда лишь приблизительное представленіе объ этой атмосферѣ. Кто не привыкъ къ этому насыщенному грязью и зародышами заразныхъ болѣзней воздуху, тому онъ покажется совершенно невыносимымъ. Когда мы вошли въ коридоръ, скользя по мокрому, грязному полу, идохнули въ первый разъ этимъ воздухомъ, маіоръ Потуловъ отвернулся съ выраженіемъ отвращенія и воскликнулъ: „Отвратительная тюрьма!“ Капраль, шедшій впереди насъ, отворилъ тяжелую деревянную дверь первой камеры и крикнулъ: „Смирно!“ — обыкновенное обращеніе стражи къ арестантамъ, когда офицеръ заходитъ въ камеру.

Мы зашли въ комнату, длиною въ 24 ф., шириною въ 22 ф. и вышиною 8 ф., въ которой находилось 29 арестантовъ. Воздухъ былъ еще хуже, чѣмъ въ сѣняхъ, такъ что мнѣ сдѣлалось дурно. Два почти квадратныхъ, обнесенныхъ частой рѣшеткой, окна, которыхъ нельзя было отворить, пропускали свѣтъ въ камеру, при этомъ замѣчалось полное отсутствіе вентиліаціи. Даже кирпичная печь, которая согрѣвала комнату, получала необходимый для горѣнія воздухъ изъ корридора. Деревянные стѣны камеры были когда-то выбѣлены, но теченіемъ времени почернѣли и были покрыты

грязью, а мѣстами кровью убитых клоповъ. Хотя полъ недавно подмели, его покрывала все-таки цѣлая кора изъ затвердѣлой грязи. Отъ трехъ стѣнъ тянулись по направленію къ срединѣ камеры деревянныя нары, шириной футовъ съ шесть, на которыхъ лежали плотно другъ возлѣ друга арестанты, головой къ стѣнѣ, ногами по направленію къ срединѣ комнаты. Они не имѣли ни подушекъ, ни покрывалъ, и должны были ложиться ночью, не раздѣваясь, на эти скамьи употребляя свои сѣрые халаты въ качествѣ одѣялъ. Въ камерѣ не было другой мебели, кромѣ наръ, кирпичной печи и большого деревяннаго ушата. Если дверь ночью была закрыта, то каждый арестантъ пользовался для дыханія пятью кубическими футами воздуха. Я не могъ нигдѣ найти отверстія, черезъ которое могла бы пройти ночью хоть малѣйшая струя воздуха.

Мы пробыли въ первой камерѣ только двѣ или три минуты. Я думаю, что я вышелъ первымъ въ коридоръ, и еще живо въ моей памяти воспоминаніе о томъ, съ какимъ чувствомъ облегченія я глубоко, глубоко вздохнулъ. Какъ ни отвратителенъ показался мнѣ воздухъ въ сѣняхъ при входѣ въ тюрьму, всегда таки онъ былъ на столько лучше атмосферы въ переполненной камерѣ, что я его нашелъ, въ сравненіи съ ней, чистымъ и свѣжимъ. Быстро прошли мы семь другихъ камеръ; всѣ онѣ были похожи на вышеописанную и отличались отъ нея только величиной, видомъ и числомъ арестантовъ. Во всѣхъ былъ тотъ-же дурной воздухъ, и результаты продолжительнаго пребыванія въ немъ можно было увидѣть въ тюремной больницѣ, гдѣ главныя болѣзни были: скорбутъ, тифъ, малокровіе и легочная чахотка. Никто не думалъ въ Карѣ скрывать того факта, что причиной болѣзней этихъ являются грязныя, вѣчно переполненныя камеры. Тюремный врачъ сказалъ мнѣ: „Здѣсь господствуетъ круглый годъ скорбутъ. — Вы побывали въ тюрьмахъ и можете судить объ ихъ состояніи. Такая неоприятность и такое переполненіе должны вызывать болѣзни. Въ данную минуту находятся въ госпиталѣ 140 паціентовъ, весной бываетъ ихъ часто 250 ¹⁾“.

¹⁾ Когда въ 1857 г. извѣстный Разгильдѣевъ взялся добыть изъ карскихъ рудниковъ 100 пудовъ золота, то въ карскихъ тюрьмахъ заболѣло и умерло болѣе 1000 арестантовъ отъ скорбута, тифа и отъ истощенія силъ. Царемъ былъ тогда Александръ-Освободитель, и можно

Большинство этихъ болѣзней приходится на тюрьмы, содержащія менѣе чѣмъ 1000 человекъ, и въ отчетахъ больницъ обозначены далеко не всѣ больные карскихъ поселеній. Много больныхъ арестантовъ изъ „свободной команды“ остаются въ своихъ собственныхъ хижинахъ, а также валяются по камерамъ десятки больныхъ, которыхъ нельзя было перевести въ госпиталь, или потому, что ихъ состояніе не внушало особыхъ опасеній, или потому, что госпиталь былъ переполненъ. Часто случается, что арестантъ остается въ первой стадіи, скорбута цѣлыхъ 2 недѣли и заражаетъ своимъ дыханіемъ воздухъ, которымъ должны дышать его еще здоровые товарищи.

Осмотрѣвши всѣ камеры мужской тюрьмы, мы вышли опять на свѣжій, холодный воздухъ, перешли черезъ дворъ, вышли черезъ калитку въ частоколѣ и достигли женскаго отдѣленія. Это было маленькое деревянное строеніе, состоявшее изъ двухъ обширныхъ камеръ. Комнаты были хорошо вытоплены, свѣтлы, выше чѣмъ въ мужскомъ отдѣленіи и доставляли въ два раза больше воздуха на человека; но въ санитарномъ отношеніи онѣ были нисколько не лучше. И здѣсь воздухъ, благодаря примитивному устройству отхожихъ мѣстъ, былъ до того тяжелъ, что только съ величайшимъ отвращеніемъ я могъ принудить себя дышать имъ. Полъ былъ въ отвратительномъ состояніи; отъ гніенія въ немъ образовались широкія щели, въ которыя женщины вливали грязную воду и нечистоты. Я нагнулся, чтобы разглядѣть эти отверстія, но благодаря темнотѣ я ничего не могъ видѣть, но за то отлично чувствовалъ, что въ нихъ находится.

было ожидать, что такое бѣдствіе и такая смертность въ его собственныхъ рудникахъ возбуждаютъ его вниманіе и сочтутъ долгомъ употребить, по крайней мѣрѣ, часть этихъ денегъ, купленныхъ цѣною 1000 человеческихъ жизней, на улучшеніе этой убійственной системы наказанія. Ничего подобнаго не было сдѣлано. Прошло десять лѣтъ, и все еще въ карскихъ рудникахъ господствовалъ, если вѣрить Максимова, „тотъ же порядокъ вещей, можно было найти тѣ же самыя тюрьмы, тотъ же самый скорбутъ“. (См. „Сибирь и Каторга“ С. Максимова, 1-ый томъ, стр. 102. Петербургъ. А. Траншель, 1871). Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ; когда мы посѣтили въ 1885 г. карскіе рудники, отчетъ все еще гласилъ: „Скорбутъ господствовалъ здѣсь круглый годъ“.

Въ тюремномъ госпиталѣ и карскихъ больницахъ находилось въ 1886 г. 4208 больныхъ; ежедневно же среднимъ числомъ 117. (См. отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1886 г. стр. 46, 47).

Въ женской тюрьмѣ мы замѣтили то же отсутствіе всякой мебели, кромѣ наръ и „параши“; во всемъ помѣщеніи не было видно ни одной подушки, ни одного одѣяла. Всего въ женскомъ отдѣленіи помѣщалось 48 женщинъ и дѣвушекъ и шестеро грудныхъ дѣтей, выглядѣвшихъ болѣзненно, благодаря отсутствію необходимаго ухода и здоровой пищи.

На каждомъ шагѣ несчастные арестанты обращались къ маіору Потулову съ жалобами и просьбами. Одинъ въ нѣжномъ видѣ обмѣнялся именемъ съ каторжникомъ, угостившимъ его водкой, и теперь долженъ былъ работать въ рудникахъ, вмѣсто того, чтобы отправиться на поселеніе, почему онъ просилъ произвести нужное слѣдствіе; другой утверждалъ, что срокъ его „испытанія“ уже давно прошелъ, и что его слѣдуетъ перевести въ „свободную команду“; трое другихъ заявляли, что они уже два мѣсяца находятся въ тюрьмѣ, но не знаютъ, за какую вину сослали ихъ на Кару. Многие обращались съ своими заявленіями ко мнѣ, предполагая, что я присланъ изъ Петербуга для осмотра карскихъ тюремъ. Чтобы вывести маіора Потулова изъ неловкаго положенія и положить конецъ недоразумѣнію, которое грозило кончиться для арестантовъ очень печально, такъ какъ всѣ просители могли ожидать за свою дерзость строгаго наказанія, я поспѣшилъ объявить имъ, что мы вовсе не присланы правительствомъ для ревизіи карскихъ тюремъ, а осматриваемъ ихъ изъ простаго любопытства. Ужасное состояніе тюрьмы и жалобы арестантовъ совсѣмъ испортили расположеніе духа г. Потулова: онъ дѣлался все молчаливѣе и не пытался болѣе разъяснить, извинить или оправдать замѣченные нами неурядицы. Г. Потуловъ ни разу не спросилъ насъ, какое впечатлѣніе произвела на насъ усть-карская тюрьма: развѣ онъ не зналъ отлично, какое впечатлѣніе должна была сдѣлать эта тюрьма?

Возлѣ женскаго отдѣленія находилась тюрьма для женщинъ, сосланныхъ на каторжныя работы за государственныя преступленія, но маіоръ Потуловъ не могъ показать намъ ее безъ дозволенія жандармскаго капитана Николина. Судя по тому, что я слышалъ впослѣдствіи объ устройствѣ этой тюрьмы, я не сомнѣваюсь, что она содержалась опрятнѣе и была не такъ переполнена, какъ тюрьма для уголовныхъ преступниковъ, но въ отношеніи удобствъ она нисколько не была выше ея.

Во вторникъ послѣ обѣда мы осмотрѣли средне-карскую тюрьму, которая можетъ считаться самой лучшей во всей карской области. Она находилась отъ нижней золотопромышленни на разстояніи трехъ миль; дорога туда пролегала вдоль праваго берега Кары, по занесенной снѣгомъ долинь, на которой тамъ и сямъ чернѣли домики „свободной команды“, напоминавшіе собою скорѣе собачьи конуры, чѣмъ человѣческія жилища; я всегда удивлялся, какъ могутъ человѣческія существа прожить въ такихъ логовищахъ цѣлую зиму и не умереть отъ „сибирскихъ“ морозовъ.

Учрежденіемъ института „свободной команды“ правительство надѣялось достигнуть нравственнаго улучшенія каторжниковъ, но, на мой взглядъ, результаты не оправдали этой надежды: „свободная команда“ способствуетъ лишь большому развитію разврата, пьянства и другихъ пороковъ. Обычай дозволить женамъ и дѣтямъ каторжниковъ слѣдовать въ ссылку за главой семьи лишь способствуетъ деморализаціи. Онѣ или совершенно содержатся на счетъ казны или пользуются вспомошествованіемъ со стороны ея, такъ какъ правительство держится того мнѣнія, что семья въ состояніи лучше всѣхъ другихъ средствъ содѣйствовать улучшенію преступника. Въ поселеніяхъ ссыльных даже тѣ женщины и дѣвушки, которыя остались нетронутой порокомъ въ 2—300 переполненныхъ этапныхъ тюрьмахъ, начинаютъ предаваться разгульной и развратной жизни. Было бы большою ошибкой предполагать, что каторжникъ, попавши въ „свободную команду“, начнетъ дѣйствительно исправляться и устроится по семейному. Онъ знаетъ, что каждый день можетъ послѣдовать распоряженіе отправить его на житье въ какую-нибудь деревню, и поэтому считаетъ лишнимъ обзавестись хозяйствомъ. Сотни и тысячи арестантовъ страстно стремятся перейти въ „свободную команду“, такъ какъ пребываніе въ ней открываетъ для каторжника перспективу посредствомъ бѣгства избавиться отъ тяжелой неволи. Какъ только потеплѣетъ, часть „свободной команды“ отправляется на работы въ сосѣдній лѣсъ. Цѣлый потокъ бѣглецовъ устремляется тогда изъ дикой Кары къ Байкальскому озеру. Такъ какъ этотъ періодъ всеобщаго бѣгства совпадаетъ обыкновенно съ появленіемъ кукушки, то на языкѣ каторжниковъ сложилось выраженіе „получить приказъ генерала Кукушки“, что равносильно выраженію „совершить побѣгъ“. Ежегодно болѣе 300

человѣкъ „свободной команды“ пристають къ арміи „генерала Кукушки“, а вообще до 3000 каторжниковъ и арестантовъ во всѣхъ частяхъ Сибири совершаютъ ежегодно побѣги изъ мѣстъ своего заключенія, такъ какъ они не дерзаютъ послушаться приказанія этого оригинальнаго офицера. Многие изъ солдатъ его арміи возвращаются уже въ началѣ зимы обратно въ карскія тюрьмы, но уже подъ другимъ именемъ; но каторжники не тужатъ объ этомъ: вѣдь имъ все-таки удалось подышать въ теченіе цѣлыхъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ свѣжимъ степнымъ воздухомъ и вполне насладиться свободой. У нѣкоторыхъ каторжниковъ страсть къ скитаніямъ по тайгѣ, или дремучему сибирскому лѣсу, обращается прямо въ какую-то манію. У нихъ имѣется очень мало надеждъ на удачный исходъ бѣгства; они знаютъ, что имъ придется питаться лишь ягодами и корешками, спать на сырой землѣ, переносить безчисленные страданія и лишения, на каждомъ шагѣ ожидать встрѣчи съ дикими туземцами, но, не смотря на все это, лишь только раздастся веселый первый крикъ кукушки, какъ какая-то страстная тоска охватываетъ все существо стараго бродяги, и онъ стремится снова окунуться въ полную дикой прелести жизнь авантюриста.

Одинъ чиновникъ тюремнаго вѣдомства, проживавшій въ Карѣ, передалъ мнѣ слѣдующій интересный случай: „Я однажды взялъ въ услуженіе одного каторжника, проживавшаго уже въ „свободной командѣ“ и совершавшаго уже не разъ побѣги лишь потому, что жизнь бродяги была ему особенно по душѣ. Онъ долженъ былъ вѣчно переносить страшныя лишения и, не смотря на все, ему ни разу не удалось выбраться изъ предѣловъ Сибири; рано или поздно онъ возвращался обратно на Кару и подвергался всякій разъ жестокому наказанію, но это не могло отбить у него охоты совершать ежегодно свой обычный побѣгъ. Онъ уже поставилъ и посѣдѣлъ въ ссылкѣ, но все еще не могъ равнодушно слышать перваго крика кукушки. Однажды онъ приходитъ ко мнѣ—дѣло было весной—и заявляетъ: „Баринъ, сдѣлайте милость, прикажите заключить меня въ тюрьму!“ (Онъ проживалъ въ то время въ „свободной командѣ“.) „Въ тюрьму? Съ какой стати? Развѣ ты опять что-нибудь надѣлалъ?“ — воскликнулъ я. „Нѣтъ, я не совершилъ никакого преступленія, но вѣдь вы знаете, что я старѣйшій бродяга“,

отвѣтилъ онъ: „я уже не разъ совершалъ побѣги, и, если вы не прикажете помѣстить меня въ тюрьму, я и теперь попытаюсь сдѣлать то же самое. Я уже въ такихъ лѣтахъ, что не могу болѣе перенести всѣхъ лишеній, сопряженныхъ съ жизнью въ тайгѣ, но если „генералъ“ позоветъ меня, я не удержусь и послѣдую его зову. Окажите мнѣ милость и заключите меня въ тюрьму!“—„Я исполнилъ его желаніе“, добавилъ чиновникъ: „и продержалъ его большую часть лѣта въ тюрьмѣ“. Когда его опять перевели въ „свободную команду“, онъ былъ очень доволенъ, что самъ отрѣзалъ себѣ дорогу къ бѣгству.“

Исторія стараго бродяги глубоко тронула меня. Подобно тому, какъ Одиссей велѣлъ привязать себя къ мачтѣ корабля, чтобы не поддаться пѣнію сиренъ, старѣйшій бродяга просилъ, какъ милости, быть заключеннымъ въ тюрьму, такъ какъ онъ боялся, что у него не хватитъ силы воли противостоять первому крику кукушки, съ которой у него было связано представленіе о свободной и счастливой жизни въ сибирской тайгѣ.

Среднекарская тюрьма лежитъ въ поселеніи того же имени; одноэтажное деревянное зданіе ея по своему внѣшнему виду и внутреннему устройству ничѣмъ не отличается отъ усть-карской тюрьмы, развѣ только, что оно недавно построено. Когда мы осматривали его, арестанты находились въ верхней золотопромывальнѣ, такъ что я не могъ узнать, бываетъ-ли тюрьма ночью переполнена. Майоръ Потуловъ заявилъ мнѣ, что въ ней заключены 170 арестантовъ. Лишь немногіе были освобождены отъ работъ въ золотопромывальнѣ: одни, потому что были больны, другіе, потому что были оставлены для уборки камеръ и изготовленія обѣда. Воздухъ въ камерахъ былъ душенъ, но несравненно чище и лучше чѣмъ въ усть-карской тюрьмѣ; по крайней мѣрѣ, здѣсь можно было свободно дышать. Всюду надъ нарами висѣли свѣжія еловые вѣтви, имѣвшія, очевидно, назначеніемъ сдѣлать не столь чувствительнымъ своеобразный запахъ сибирскихъ тюремъ. Въ нѣкоторыхъ камерахъ я замѣтилъ между еловыми вѣтвями карты, шириною въ 12 дюймовъ и длиною въ 20 дюймовъ, на которыхъ были напечатаны цитаты изъ Священнаго Писанія, между прочимъ: „Придите ко мнѣ всѣ страждущіи и обремененніи, и Азъ утѣшу вы“. Я не знаю, какъ попали сюда карты съ такими надписями, но помню,

что меня особенно сильно поразило рѣзкій контрастъ между мрачными тюремными стѣнами и вѣчнозелеными еловыми вѣтвями, вносившими хоть немного радости и жизни въ эти непривѣтливныя камеры, между кишѣвшими паразитами, нарами и этимъ изреченіемъ изъ Священнаго Писанія: „Придите ко мнѣ всѣ страждущіи и обремененніи, и Азъ утѣшу вы“. Спокойный сонъ есть единственное благодѣяніе, на которое имѣютъ право измученные „каторжнымъ“ трудомъ арестанты, но и этого благодѣянія лишены заключенные въ сибирскихъ тюрьмахъ; среднекарскіе каторжники сдѣлали попытку устроить изъ разныхъ лоскутовъ нѣчто въ родѣ матрацовъ и покрыть ими свое твердое, какъ камень, ложе, но эти „матрацы“ были до того тонки, что они не могли сдѣлать нары хоть немного удобнѣе для почлега. Я считаю крайне жестокимъ то обстоятельство, что русское правительство не даетъ этимъ несчастнымъ даже соломы, чтобы они могли устроить себѣ мало-мальски сносное ложе. Образованные люди не въ состояніи отказать въ связкѣ соломы даже больной собакѣ; русское же правительство заставляетъ арестантовъ работать до истощенія силъ цѣлыхъ 12 час. въ день и взамѣнъ этого даетъ имъ твердое, какъ камень, ложе и утѣшаетъ ихъ цитатами въ родѣ вышеприведенной. Мы осмотрѣли въ Забайкальскомъ краѣ очень подробно десять тюремныхъ замковъ, но ни въ одномъ изъ нихъ, исключая новой центральной тюрьмы въ Верхнеудинскѣ, мы не нашли ни подушекъ, ни одеялъ, ни матрацовъ. Всюду арестанты спятъ на деревянныхъ нарахъ, прикрываясь своими сѣрыми халатами, вездѣ они страдаютъ отъ всевозможныхъ паразитовъ и вездѣ они дышатъ воздухомъ, въ которомъ нѣтъ ни одного атома кислорода. Читателей, полагающихъ, что я преувеличиваю, я отсылаю къ описанію тюрьмы въ нижней золотопромывальнѣ, помѣщенному въ соч. Максимова „Сибирь и Каторга“ (т. 1, стр. 100—103) или къ описанію старой верхнеудинской тюрьмы, находящемуся въ соч. Орфанова „Въ дали“ (стр. 220—222 и, вообще, къ описанію всѣхъ восточносибирскихъ тюремъ и тамошняго тюремнаго управленія, находящемуся во второмъ томѣ его сочиненія.

Я не первый осуждаю тюремныя неурядицы въ Сибирѣ; уже раньше меня писали про нихъ такіе знатоки русской тюремной системы, какъ оба вышеназванные писатели. Я

повторяю здѣсь эти вещи не потому, что онѣ нравятся мнѣ, но потому что о нихъ должно такъ много и часто говорить, пока русское правительство не рѣшится принять всѣ мѣры къ устраненію зла.

Осмотрѣвъ камеры, мы направились въ кухню. — Ежедневный паекъ каторжника состоитъ изъ трехъ фунтовъ ржаного хлѣба, четырехъ унцій мяса вмѣстѣ съ костями, немного крупы, которую обыкновенно варятъ съ мясомъ, чтобы получить супъ, и немного кирпичнаго чая. При случаѣ арестантамъ удается достать картофелю или капусту, но эти „лакомства“ они должны купить на собственные деньги. Единственнымъ недостаткомъ арестантской пищи является ея крайнее однообразіе. Хлѣбъ, который я попробовалъ, ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго крестьянскаго, но онъ былъ сыръ и плохо выпеченъ. Мясо выглядело очень неаппетитно; оно походило на тѣ куски жира, которые употребляются для производства свѣчъ или простого мыла. — Всякое утро, послѣ переключки, арестантамъ приносятъ въ камеру завтракъ, состоявшій изъ кирпичнаго чаю и ржаного хлѣба. Послѣ этого рабочіе отправляются пѣшкомъ въ золотопромывальню. Здѣсь рабочіе завтракаютъ во второй разъ; подъ открытымъ небомъ, въ какую-бы погоду ни было, разводится огонь, и въ котелкахъ арестанты варятъ себѣ вторично чай. Подъ вечеръ лишь возвращаются ссыльные обратно въ тюрьму, и тогда происходитъ обѣдъ: подается горячій супъ, мясо, хлѣбъ и чай. Послѣ вечерней переключки арестанты запираются на замокъ. — Одежда карскихъ арестантовъ состоитъ или должна по закону состоять изъ грубой холстинной рубахи, такихъ же штановъ и сѣраго халата, фуражки, теплыхъ штановъ, полшубка, который выдается разъ въ два года, изъ одной пары бродней, выдаваемыхъ каждые $3\frac{1}{2}$ мѣсяца и одной пары котовъ, которыя выдаются черезъ каждыя три недѣли. Каковы должны быть качества пищи и одежды, доставляемыхъ казной, можно судить по тому, что содержаніе каждаго арестанта въ карскихъ тюрьмахъ обходится въ 100 руб. въ годъ.

Осмотрѣвъ подробно среднекарскую тюрьму, мы отправились на золотопромывальню.

Золотоносный песокъ лежитъ здѣсь подъ слоемъ глины, кремней и камней глубиною въ 10—20 фут. Каторжная работа состоитъ въ удаленіи этого слоя и перевозкѣ золото-

носнаго песка къ громаднымъ желѣзнымъ воронкамъ, куда всыпаютъ привезенный песокъ и пускаютъ въ воронку непрерывную струю воды. Изъ воронки вода вмѣстѣ съ пескомъ выпускается въ цѣлый рядъ желобовъ, въ которыхъ „черный песокъ“ и частички золота осѣдаютъ на днѣ или на низкихъ планкахъ, положенныхъ поперекъ желобовъ спеціально для этой цѣли. Около сорока арестантовъ подъ приглядомъ десятка вооруженныхъ казаковъ работали въ глубокомъ рву, служившемъ нѣкогда рѣчнымъ русломъ. Почти всѣ преступники носили на ногахъ короткія цѣпи; они работали съ самымъ равнодушнымъ видомъ, какъ будто они были крайне утомлены и не могли дожидаться наступленія ночи, которая должна была принести желанный покой. Глубокое молчаніе лишь изрѣдка прерывалось лязгомъ оковъ, короткимъ приказаніемъ надзирателя или звономъ кирки, попадавшей на камень. Не было слышно никакого разговора; лишь порою слышался говоръ солдатъ, которые старались на покрытой снѣгомъ землѣ развести огонь и сварить себѣ чай. Съ четверть часа глядѣли мы на эту печальную картину, производившую подавляющее впечатлѣніе, затѣмъ мы вернулись обратно къ нижней золотопромывальнѣ. Въ карскихъ рудникахъ работа начинается лѣтомъ въ 5 час. утра и кончается въ 7 час. вечера, зимою же она начинается въ 7 час. утра и прекращается съ наступленіемъ сумерекъ. Большая часть дня тратится лишь на двукратное прохожденіе разстоянія, отдѣляющаго золотопромывальню отъ тюремъ, въ которыхъ арестанты ночуютъ. Ежегодно добывается въ карскихъ рудникахъ около 400 фунтовъ золота.

На самомъ дѣлѣ добыча золота гораздо значительнѣе, такъ какъ много каторжниковъ, находящихся въ „свободной командѣ“ занимаются тайнымъ промываніемъ золота, которое они потомъ подъ именемъ „золотой пшеницы“ продаютъ спеціальнымъ торговцамъ, которые его перепродаютъ китайцамъ. Добываніе „золотой пшеницы“ очень строго преслѣдуется закономъ, но выгоды отъ торговли золотымъ пескомъ настолько значительны, что мелкіе торговцы, не смотря на всю опасность, угрожающую имъ, все таки занимаются ею. Каторжники тоже рады случаю добыть денегъ; они утверждаютъ, что все золото принадлежитъ Богу и отсюда выводятъ заключеніе, что они имѣютъ право промывать его,

если имъ не грозитъ опасность быть открытыми. Маіоръ Потуловъ заявилъ мнѣ, что содержаніе карскихъ рудниковъ обходится казнѣ въ полмилліона руб. ежегодно. Сколько тратитъ на содержаніе карскихъ рудниковъ царь, которому одному принадлежитъ все добытое на Карѣ золото, изъ своего собственнаго кармана, я никогда не могъ узнать. Всѣ его рудники въ Восточной Сибири, извѣстные подъ именемъ „кабинетскихъ“, ежегодно доставляютъ русскому императору въ общей сложности 3.600 фунтовъ чистаго золота, не говоря уже о другихъ драгоцѣнныхъ металлахъ.

XIV.

„Свободная команда“ на Карѣ.

Главной цѣлью нашей поѣздки на Кару было подробное изученіе быта „политическихъ“, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ. Преступниковъ, осужденныхъ на каторжные работы за уголовныя преступленія, мы видѣли во всѣхъ частяхъ Сибири, съ бытомъ сосланныхъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ за политическую неблагонадежность мы успѣли уже довольно хорошо ознакомиться. Оставались лишь политическіе преступники, приговоренные къ каторжнымъ работамъ. „Политическіе“ каторжники находятся исключительно на Карѣ, и единственно здѣсь могли мы закончить наше изслѣдованіе быта русскихъ политическихъ преступниковъ. Чтобы достигнуть нашей цѣли, мы должны были добиться безпрепятственнаго входа въ обѣ тюрьмы, въ которыхъ содержались „политическіе“ и войти въ сношенія съ кружкомъ нигилистовъ, отбывшихъ срокъ „испытанія“ и проживавшихъ подъ строгимъ надзоромъ жандармовъ въ „свободной командѣ“. Мы знали, что наше предпріятіе сопряжено со многими трудностями, но мы уже не были больше тѣ неопытные, довѣрчивые туристы, которые полагались лишь на рекомендаціи и благосклонность властей. Въ теченіе прожитыхъ нами въ Сибири шести мѣсяцевъ мы отлично научились усыплять подозрительность полицейскихъ чиновниковъ и жандармскихъ офицеровъ и получили столько наставленій и указаній отъ нашихъ друзей въ разныхъ частяхъ Сибири, что мы довольно увѣренно могли рассчитывать на удачный

исходъ нашего предпріятія. Я считалъ въ нашемъ положеніи самымъ лучшимъ раньше всего ознакомиться хорошенько съ общественными и официальными условіями, господствовавшими въ карской колоніи, всячески скрывать тайную цѣль посѣщенія нами карскихъ рудниковъ и—ждать удобнаго случая, чтобы познакомиться съ „политическими“, такъ какъ малѣйшій необдуманный шагъ могъ повести къ неприятому столкновенію съ мѣстными властями. Мы осматривали тюрьмы, въ которыхъ проживали уголовные преступники, рудники, въ которыхъ они работали, поддерживали самыя сердечныя отношенія съ мѣстными чиновниками, которые часто посѣщали насъ, и, въ особенности, старались оказать тысячи мелкихъ услугъ и одолженій г. Потулову и его супругѣ, чтобы добиться ихъ полнаго расположенія. Я вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что мѣстное начальство ни за что не допуститъ осмотра тюрьмы, въ которой содержались „политическіе“, и что намъ оставалось лишь тайнымъ образомъ свести знакомство съ интересовавшими насъ „политическими“ каторжниками. Большая часть изъ нихъ была уже мнѣ знакома по имени, и я уже давно желалъ познакомиться съ этими людьми, которые были достойны лучшей участи, чѣмъ то существованіе, на которое обрекло ихъ русское правительство. Я имѣлъ къ одной „политической“, госпожѣ Наталіи Армфельтъ, рекомендательное письмо отъ ея друзей, снабдившихъ меня также планомъ нижней золотопромывальни, на которомъ была означена изба, служившая жилищемъ г-жѣ Армфельтъ и ея матери. Но какъ могъ я посѣтить ее или вступить съ нею въ тайныя сношенія, находясь въ маленькой деревушкѣ, кипѣвшей солдатами и жандармами, гдѣ появленіе иностранца возбуждало цѣлую сенсацию. Но это еще не было самой большой неприяностью. Я скоро сдѣлалъ крайне неприятое открытіе, что майоръ Потуловъ ни на шагъ не отпускалъ насъ однихъ. Съ момента нашего пріѣзда на Кару, майоръ Потуловъ сталъ манкировать своей службой и посвящать все свое время исключительно намъ. Если мы оставались цѣлый день дома, онъ также не выходилъ никуда. Какъ только мы брались за шляпу, онъ предлагалъ намъ сопровождать насъ. Одного взгляда, брошеннаго мною на пальто, было достаточно, чтобы вызвать у него вопросъ: „Куда вы хотите итти?“ и если я отвѣчалъ, что мнѣ хочется немного подышать свѣжимъ воздухомъ, онъ говорилъ: „Подождите немного, я прой-

дусъ вмѣстѣ съ вами“. Что оставалось намъ дѣлать? Видно было, что онъ хотѣлъ скрыть отъ насъ многіе безпорядки, творившіеся въ карской области. Я понималъ его положеніе, но я рѣшилъ всѣми средствами, которыя не шли въ разрѣзъ съ понятіемъ о чести и приличіи, добиться правды. Гостепріимство, которое оказалъ намъ г. Потуловъ, возлагало на насъ извѣстныя обязанности. Наше нравственное чувство возмущалось, когда мы думали о томъ, что, скрывая истинныя цѣли нашего пребыванія въ карской области, мы совершаемъ обманъ по отношенію къ человѣку, гостепріимствомъ котораго мы пользовались. Но если бы мы сообщили майору Потулову, что мы желаемъ изучить бытъ „политическихъ“ каторжниковъ, то, безъ сомнѣнія, онъ не счелъ бы себя въ правѣ дать намъ желаемое разрѣшеніе, и мы, какъ гости его, не могли бы поступить вопреки его желанію.

Я нѣсколько дней ломалъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этой дилеммы; наконецъ, я рѣшился посѣтить „политическихъ“, прежде чѣмъ майоръ Потуловъ могъ бы помѣшать исполненію нашего намѣренія; конечно, всю отвѣтственность за мой поступокъ я бралъ на себя, такъ что на майора Потулова не могло пасть ни малѣйшаго подозрѣнія въ сочувствіи къ моимъ планамъ. Оставалось ожидать, пока представится удобный случай; но вскорѣ моя задача сдѣлалась еще труднѣе, благодаря знакомству съ жандармскимъ капитаномъ Николинымъ, завѣдывавшимъ тюрьмами и „свободной командой“ политическихъ каторжниковъ. Онъ слыхалъ о нашемъ пріѣздѣ и пріѣхалъ познакомиться съ нами, чтобы разузнать, что привело насъ на Кару. Майоръ Потуловъ принялъ жандармскаго офицера съ холодностью, граничившей почти съ презрѣніемъ; первое впечатлѣніе, которое сдѣлалъ на меня пріѣхавшій, было неблагоприятно. Намъ сразу стало ясно, что оба офицера не въ ладахъ другъ съ другомъ, но меня удивляло, что капитанъ Николинъ, зная, какой пріемъ ожидалъ его въ домѣ Потулова, все-таки рѣшился отправиться къ своему врагу и подвергнуться оскорбительному пріему. Но русскіе жандармскіе офицеры могутъ перенести всякое оскорбленіе, разъ они желаютъ достигнуть намѣченной цѣли. Капитану Николину хотѣлось свести знакомство съ американскими путешественниками, и онъ, не взирая на оскорбительный пріемъ, который оказалъ ему хозяинъ дома, былъ веселъ и мягокъ, какъ ясный майскій день. Я былъ намѣренъ обо-

тись съ Николинымъ радушно и любезно, насколько позволяли это наши отношенія къ Потулову. Я не только хотѣлъ разсѣять подозрѣнія жандарма, но и приобрести его расположение. „Даже жандармскому офицеру должно льстить, что иностранцы обращаются съ нимъ радушно и любезно, въ то время, какъ его сотоварищъ по оружію оскорбляетъ его безъ всякаго стѣсненія“, думалъ я: „Какъ гости г. Потулова, мы должны были бы послѣдовать его примѣру. Но мы этого не сдѣлали, и капитанъ Николинъ никогда не забудетъ намъ того теплаго приѣма, который мы ему оказали“. Я никогда не имѣлъ основанія думать, что я сдѣлалъ ложное умозаключеніе. Наша любезность очевидно произвела на г. Николина самое лучшее дѣйствіе. При прощаніи онъ пожалъ намъ крѣпко руку и выразилъ надежду, что скоро снова увидится съ нами. Онъ не осмѣливался въ присутствіи маіора Потулова пригласить насъ къ себѣ, мы же не считали нужнымъ высказать ему, что намѣрены въ скоромъ времени посѣтить его. Нашъ хозяинъ былъ настолько тактиченъ, чтобы не проронить ни слова о жандармскомъ капитанѣ; какъ я впослѣдствіи узналъ, отношенія между обоими офицерами были крайне натянуты, и всѣ военные считали Николина шпиономъ и доносчикомъ.

„Онъ доноситъ въ Петербургъ о малѣйшемъ мѣстномъ происшествіи,—сказалъ мнѣ одинъ офицеръ,—но я его не боюсь; въ послѣдніе три года на Карѣ перемѣнилось 4—5 жандармскихъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ настолько низокъ, какъ этотъ“.

То, что я слыхалъ объ отношеніяхъ между нашимъ хозяиномъ и Николинымъ, ставило насъ въ еще болѣе затруднительное положеніе. Если бы я вздумалъ познакомиться съ политическими преступниками и передать имъ письма отъ ихъ друзей, то это сейчасъ же сдѣлалось бы извѣстнымъ Николину. Онъ немедленно сообщилъ бы о своемъ открытіи министру внутреннихъ дѣлъ и воспользовался бы случаемъ, чтобы dokonать своего ненавистнаго врага Потулова. Такимъ образомъ, я оказался бы предателемъ человѣка, гостепріимствомъ котораго я пользовался. Но это было бы еще не все. Какъ я узналъ, капитанъ Николинъ былъ ярымъ противникомъ „свободной команды“ и не разъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ ея. Мое посѣщеніе политической „свободной команды“ дало бы ему возможность еще убѣдительнѣе представить всю

непригодность ненавистнаго ему учрежденія. Онъ могъ бы отослать министру отчетъ подобнаго содержанія: „На сколько я знаю, правительство желаетъ совершенно изолировать опасныхъ государственныхъ преступниковъ, почему даже ихъ переписка съ родными подлежитъ строгому контролю тайной полиціи. Но я не вижу никакой возможности выполнить требованія правительства, разъ политическіе преступники имѣютъ право проживать внѣ тюрьмы, гдѣ ихъ могутъ посѣщать иностранцы. Путешествія по Сибири входятъ все больше и больше въ моду, и Кара сдѣлается въ ближайшемъ будущемъ доступнѣе и извѣстнѣе, чѣмъ прежде. Если мѣстные офицеры, въ родѣ маіора Потулова, имѣютъ дерзость не только не препятствовать, но еще способствовать знакомству иностранныхъ путешественниковъ съ самыми опасными государственными преступниками, то правительству остается или уничтожить „свободную команду“ и перевести каторжниковъ назадъ въ тюрьмы, или же навсегда отказаться отъ намѣренія изолировать революціонеровъ отъ всего остального свѣта“.

Не трудно было предвидѣть послѣдствія такого письма. Мое посѣщеніе „свободной команды“ могло повлечь за собой уничтоженіе ея, и я сдѣлался бы виновникомъ того, что всѣхъ политическихъ каторжниковъ перевели бы обратно въ тюрьму и снова заключили бы въ оковы. Мысль, что я ввергну столько благородныхъ людей въ такое бѣдствіе, была невыносима, но я считалъ своимъ священнымъ долгомъ познакомиться съ ними и я, не взирая на всѣ послѣдствія моего поступка, рѣшился посѣтить ссыльныхъ, какъ только я избавлюсь отъ вѣжливой, но непрерывной бдительности маіора Потулова.

Я пять дней прожилъ на Карѣ и за все это время мнѣ нельзя было сдѣлать даже шагу безъ вѣдома г. Потулова. На шестой день маіоръ былъ принужденъ отправиться въ Усть-Кару, гдѣ въ то время происходило слѣдствіе по поводу пожара, уничтожившаго до основанія казенный складъ муки¹⁾.

¹⁾ Этотъ пожаръ выставяетъ въ истинномъ свѣтѣ всю испорченность и безнравственность сибирскихъ чиновниковъ. Во время пожара въ магазинѣ должны были находиться 20.000 пудовъ муки для продовольствія карскихъ каторжниковъ, а на мѣстѣ пожарища было найдено 20—30 пуд. муки, принадлежавшей одному мѣстному жителю; мука была такъ мало попорчена, что три четверти были вполне годны къ употребленію. Отъ казеннаго же запаса не было найдено ни одной пылинки;

Прощаясь съ нами, онъ въ шутку замѣтилъ, что оставляетъ насъ на попеченіе своей супруги. Не прошло еще и часу послѣ его отъѣзда, какъ я распоролъ подкладку моей тяжелой шубы, вложилъ туда нѣсколько мелкихъ вещей, которыя я обѣщался передать мѣстнымъ политическимъ каторжникамъ, затѣмъ сунулъ предназначенныя для нихъ письма, которыя я до тѣхъ поръ носилъ зашитыми въ поясѣ, въ карманъ моего сюртука, взялъ планъ поселенія и отправился по дорогѣ къ политической тюрьмѣ. Было около двухъ часовъ. Г. Потуловъ предполагалъ вернуться лишь на слѣдующій день вечеромъ, такъ что мы были избавлены отъ его бдительности, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя сутки. Я имѣлъ въ виду посѣтить капитана Николина, разсѣять послѣднюю тѣнь подозрѣнія, которое онъ могъ еще питать насчетъ нашего пребыванія на Карѣ, а затѣмъ, при наступленіи сумерекъ, отправиться изъ его дома прямо къ г-жѣ Армфельтъ, политической ссыльной, родомъ изъ Кіева, къ которой я имѣлъ рекомендацію. Мой визитъ къ г. Николину имѣлъ двойную цѣль. Я предполагалъ, что жандармскій офицеръ навѣрное знаетъ объ отъѣздѣ Потулова и почувствуетъ себя польщеннымъ, что мы воспользовались первой свободной минутой, чтобы возвратить ему визитъ, хотя отлично знали о враждебныхъ отношеніяхъ между ними. Кромѣ того я предполагалъ, что мое посѣщеніе „свободной команды“ возбудитъ меньше подозрѣній, если я туда отправлюсь прямо изъ квартиры коменданта, чѣмъ изъ моей собственной, такъ какъ въ первомъ случаѣ всякій могъ думать, что я отправляюсь къ „политическимъ“ съ вѣдома коменданта; вообще я былъ того мнѣнія, что открытая отвага приведетъ меня вѣрнѣе къ цѣли, чѣмъ политика выжиданія и нерѣшительности.

Капитанъ Николинъ былъ старый и опытный жандармскій офицеръ. Онъ служилъ еще подъ начальствомъ генерала

слѣдствіе обнаружило, что вся мука была украдена, и что для сокрытія слѣдовъ преступленія воры сочли нужнымъ предать складъ огню. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда слѣдствіе еще не было закончено, домъ, въ которомъ жилъ майоръ Потуловъ, и гдѣ для большей безопасности хранились всѣ акты, относившіеся къ этому дѣлу, былъ такимъ же таинственнымъ образомъ подожженъ и сгорѣлъ до тла. Цензура ни разу не дозволила обнародовать результаты слѣдствія, и я не знаю, удалось ли даже найти виновнаго. Въ большинствѣ случаевъ, высшее начальство имѣетъ особый интересъ въ томъ, чтобы слѣдствіе затянулось на цѣлыя годы или, вообще, прекратилось за „отсутствіемъ улики“.

Муравьева, прозваннаго „палачомъ Польши“. Это былъ плотный коренастый мужчина, лѣтъ 55, съ лысой головой, съ тонкими губами, придававшими злобное выраженіе его лицу, съ холодными, сѣрыми глазами. Онъ обладалъ изящными манерами, свойственными жандармскимъ офицерамъ, но то неблагоприятное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня въ первый разъ, только усилилось при болѣе близкомъ знакомствѣ. Я нашелъ его въ будничной формѣ; онъ попробовалъ придать своимъ чертамъ выраженіе любезности и привѣтствовалъ насъ такъ радушно, какъ онъ только могъ, но я видѣлъ по этимъ глазамъ, что владѣльцу ихъ незнакомо чувство искренней сердечности, что подъ этой любезной маской скрывалась холодная, безстрастная душа, не способная ни на какое благородное побужденіе. Насколько я могъ разгадать его характеръ, онъ имѣлъ только одну слабость: онъ крайне гордился тѣмъ, что занималъ такой важный и отвѣтственный постъ; на него, простого жандармскаго капитана въ Петербургѣ, палъ выборъ правительства, искавшаго подходящаго человѣка для заведыванія этой самой важной политической тюрьмой въ Россіи; онъ не подлежалъ контролю мѣстныхъ властей и имѣлъ важную привилегію переписываться непосредственно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Я извинился передъ капитаномъ Николинымъ за то, что уже раньше не отдалъ визита, и намекнулъ, что только нѣкоторые стороннія обстоятельства помѣшали мнѣ сдѣлать это. Онъ поклонился и заявилъ, что понимаетъ вполне, въ какомъ положеніи я находился. Солдатъ внесъ кипящій самоваръ, и Николинъ просилъ оказать ему честь откушать вмѣстѣ съ нимъ чаю. Мы закурили папиросы и усѣлись въ удобныхъ креслахъ, чтобы поболтать часокъ-другой. Я началъ рассказывать такъ занимательно и живо о нашихъ приключеніяхъ въ Сибири, какъ только могъ, упомянулъ между прочимъ, что я членъ сѣверо-американскаго географическаго общества, указалъ на мои прежнія отношенія къ русско-американскому телеграфному обществу, описалъ наши поѣздки по тундрамъ, жизнь кочующихъ туземцевъ на крайнемъ сѣверо-востоцѣ Сибири, не забывъ также сообщить, какое пріятное воспоминаніе оставила во мнѣ бесѣда съ г. Влангалли, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, чтобы показать ему, что я не тайкомъ отправился въ Сибирь, а получилъ на это дозволеніе одного изъ вліятельнѣйшихъ русскихъ чиновниковъ. Онъ съ видимымъ

удовольствіемъ слушалъ мой разсказъ, и такимъ образомъ я разсказалъ ему про мою жизнь вплоть до 1885 г. Онъ спросилъ меня, намѣренъ ли я описать мое путешествіе, на что я отвѣтилъ утвердительно, такъ какъ состоялъ сотрудникомъ „Century Magazine“ и уже ранѣе обнародовалъ въ этомъ журналѣ цѣлый рядъ очерковъ о Сибири. Последнее обстоятельство, повидимому, заинтересовало его. Я не применилъ разсказъ ему, какого развитія и процвѣтанія достигла пресса въ Америкѣ, сообщилъ, какую сумму хочетъ истратить издатель „Century Magazine“ на иллюстрацію моихъ сибирскихъ очерковъ, и выразилъ сожалѣніе, что его незнаніе англійскаго языка лишаетъ его возможности читать американскіе газеты и журналы. Николинъ спросилъ меня, можно ли ожидать перевода моихъ очерковъ на русскій языкъ. Я отвѣтилъ, что это легко можетъ случиться, такъ какъ моя первая книга о Россіи пережила два изданія. Я не помню всего, что я ему наболталъ въ этотъ вечеръ; одно могу сказать, что въ своей жизни я никогда такъ много не занимался своей особой, такъ много не распространялся о своихъ личныхъ дѣлахъ, какъ въ этотъ вечеръ, передъ этимъ жандармскимъ офицеромъ.

Моя ребяческая откровенность произвела въ концѣ-концовъ желанное дѣйствіе. Капитанъ Николинъ сдѣлался непринужденнымъ, веселымъ, наливалъ мнѣ одну чашку чаю за другой, освѣдомлялся, не желаю ли я подлить рому; видя, что я не только занимательный разсказчикъ, но и внимательный слушатель, онъ сдѣлался разговорчивѣе и началъ въ свою очередь посвящать меня въ свои дѣла. Онъ описалъ мнѣ организацію жандармскаго корпуса, разсказалъ, какую школу должны пройти жандармскіе офицеры, сообщилъ всю свою біографію, упомянулъ, какъ часто и за какія услуги онъ былъ производимъ въ слѣдующіе чины, сколько у него имѣлось орденовъ и какое жалованіе онъ получалъ; съ особенною гордостью онъ указывалъ на то обстоятельство, что онъ былъ единственный во всей Сибири офицеръ, который имѣлъ право сноситься непосредственно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Разговоръ скоро перешелъ на русскую систему ссылки, и къ моему величайшему изумленію капитанъ Николинъ въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ сталъ осуждать ее, назвалъ состояніе этапныхъ тюремъ ужаснымъ и невыносимымъ, а ссылку уголовныхъ преступниковъ въ Сибирь не

только вредной для ссылаемыхъ, но и для всей страны. Этого оборота въ разговорѣ я вовсе не ожидалъ и, поэтому, не зналъ, что мнѣ сказать. Разыгрывалъ ли онъ только изъ себя филантропа?—Говардъ въ жандармской формѣ былъ во всякомъ случаѣ нѣчто совсѣмъ новое для меня; хотѣлъ ли онъ поймать меня на удочку, чтобы узнать, что я думаю о практикующейся въ Россіи системѣ ссылки? Я рѣшился также заговорить объ этомъ предметѣ, не обнаруживая, на сколько я былъ посвященъ въ настоящее положеніе дѣлъ. Съ особымъ удареніемъ сталъ я описывать благоприятное состояніе нѣкоторыхъ осмотрѣнныхъ мною тюремъ. Я сожалѣлъ о переполненіи и антигигіеническомъ состояніи нѣкоторыхъ другихъ тюремъ, и прибавилъ, что, повидимому, правительство серьезно думаетъ объ улучшеніи участи несчастныхъ ссыльныхъ, въ доказательство чего я привелъ постройку новой центральной тюрьмы въ Верхнеудинскѣ. Безъ всякихъ съ моей стороны къ тому побужденій, капитанъ Николинъ началъ говорить о политическихъ каторжникахъ. Онъ увѣрялъ, что ихъ жизнь въ общемъ гораздо сноснѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, они жили, по его словамъ, въ свѣтлыхъ, просторныхъ помѣщеніяхъ; ихъ не принуждали къ работѣ, они имѣли къ своимъ услугамъ хорошую бібліотеку, могли получать отъ своихъ родныхъ или друзей деньги и, по истеченіи срока „испытанія“, имъ предоставлялось селиться въ собственныхъ домахъ и обрабатывать маленькіе сады, находившіеся при нихъ. Я выказалъ мое изумленіе. „Значитъ, политическіе ссыльные вовсе не обязаны работать на пріискахъ?“ спросилъ я.

„Работать?!“ — воскликнулъ онъ: „Конечно, нѣтъ. Ихъ ни къ чему не принуждаютъ; если они того желаютъ, они могутъ спокойно сидѣть въ своихъ помѣщеніяхъ, просторныхъ и хорошо освѣщенныхъ, и заниматься чтеніемъ или науками“

„Дозволено ли „политическимъ“ находиться въ перепискѣ съ родными и друзьями, находящимися въ Европейской Россіи?“

„Конечно! Моимъ первымъ долгомъ по пріѣздѣ сюда было позволить „политическимъ“ переписываться съ родными и знакомыми. Понятно, я обязанъ прочитывать каждую написанную имъ строчку, но, несмотря на это, они могутъ писать столько, сколько имъ вздумается“.

„Вотъ какъ! А въ Америкѣ всѣ того мнѣнія, что государственные преступники должны работать глубоко подъ землей, да еще часто прикованными къ тачкѣ, и я самъ

былъ до сихъ поръ того мнѣнія, что политическіе каторжники ведутъ полную лишеній жизнь и страдаютъ неимоверно“.

Нѣсколько мгновений онъ смотрѣлъ на меня съ легкой усмѣшкой въ лицѣ, и прибавилъ, что онъ самъ былъ прежде того же мнѣнія о жизни каторжниковъ въ карскихъ рудникахъ и былъ такъ же пораженъ, какъ и я, узнавъ настоящее положеніе дѣлъ.

„Да“, сказалъ онъ: „если бы вы теперь заглянули въ камеру, гдѣ содержатся „политическіе“, то вы застали бы ихъ всѣхъ за большимъ столомъ занятыми чтеніемъ или писаніемъ, какъ будто бы они находились въ библіотекѣ“.

Я замѣтилъ, что это зрѣлище должно быть очень интересно и дало бы мнѣ матеріалъ для цѣлаго очерка; я спросилъ его, имѣетъ ли онъ что-нибудь противъ того, чтобы я зашелъ какъ-нибудь вечеромъ въ политическую тюрьму.

„Я не уполномоченъ, сказалъ онъ нерѣшительно: „дозволить кому-нибудь осмотрѣть тюрьму, но я могу достать вамъ изъ библіотеки нѣсколько книгъ, даже англійскихъ“.

Онъ позвалъ деньщика и послалъ его въ тюрьму достать нѣсколько англійскихъ книгъ и журналовъ. Вскорѣ солдатъ вернулся съ томомъ стихотвореній Шелли однимъ номеромъ „Punch'a“. Капитанъ Николинъ съ торжествомъ протянулъ ихъ мнѣ, какъ доказательство того, что „политическіе“ имѣютъ библіотеку, снабженную даже англійскими произведеніями“.

„Недавно, продолжалъ онъ: „они устроили въ тюрьмѣ спектакль и издавали одно время маленькую писаную газету для своего развлечения“.

Затѣмъ г. Николинъ принесъ свои книги, чтобы показать, сколько денегъ получили „политическіе“ въ теченіе всего года. Сумма въ общей сложности достигала 6.044 руб. ¹⁾.

¹⁾ Во время моего второго посѣщенія Иркутска я познакомился съ однимъ чиновникомъ мѣстной контрольной палаты, которому были доступны всѣ отчеты по управленію карскихъ рудниками. Я попросилъ его посмотрѣть для меня, сколько получили карскіе политическіе преступники за первые десять мѣсяцевъ 1885 г. отъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Вскорѣ я опять встрѣтилъ его, и онъ мнѣ сообщилъ, что среднимъ числомъ каждый „политическій“ получаетъ въ мѣсяцъ отъ своихъ родныхъ по 37½ центовъ, т. е. въ общемъ 375 долларовъ. Кап. Николинъ показалъ мнѣ фальшивые отчеты, чтобы показать, что „политическіе“ получаютъ въ годъ помимо казенныхъ денегъ 3—4000 долл., т. е. живутъ сравнительно довольно роскошно. Я убѣжденъ, что отчетъ моего иркутскаго знакомаго соответствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Что получаемыя „политическими“ деньги не могутъ превосходить указанной имъ суммы, я докажу въ другомъ мѣстѣ.

„Могутъ ссыльные по своему усмотрѣнію располагать полученными деньгами?“

„Они ихъ не получаютъ на руки, но могутъ свободно располагать и покупать все, что дозволено тюремнымъ уставомъ“.

Какою радостью наполнила меня эта очаровательная, нарисованная гуманнымъ, обладавшимъ добрымъ сердцемъ офицеромъ картина жизни счастливыхъ государственныхъ преступниковъ, жившихъ въ свѣтлыхъ и просторныхъ помѣщеніяхъ, обладавшихъ цѣлой библіотекой, снабженной даже англійскими произведеніями, издающихъ для собственного развлечения еженедѣльную газету и устраивающихъ иногда даже... театральныя представленія. Но какъ я былъ моментъ спустя возмущенъ, когда услышалъ, что эти преступники, съ которыми обращались съ такой добротой и кротостью, оказывались рѣшительно недостойными такого обращенія и платили самой черной неблагодарностью за всѣ милости и благодѣянія этого чисто отеческаго правительства.

„Вы не имѣете никакого представленія“, сказалъ г. Николинъ: „насколько безсовѣстны эти люди, какъ они изощрены въ искусствѣ скрывать запрещенныя вещи, получать и передавать письма. Что сдѣлали бы вы, если бы вамъ пришлось обыскать самымъ тщательнымъ образомъ каковаго-нибудь политическаго преступника?“

Я отвѣтилъ, что я раздѣлъ бы его и рассмотрѣлъ бы тщательно платье.

„Только?“ сказалъ онъ съ изумленной миной.

Я отвѣчалъ, что въ данный моментъ я не могу придумать ничего другого.

„Искали-ли бы вы у него въ ушахъ?“

Нѣтъ, сказалъ я: „мнѣ бы это не пришло въ голову.“

„А во рту?“

Я отвѣтилъ опять отрицательно.

„Осмотрѣли-ли бы вы у него всѣ пустые зубы?“

Я торжественно заявилъ, что никогда не рѣшился-бы искать чего-нибудь запрещеннаго въ такомъ мѣстѣ.

„Ну“, сказалъ онъ съ торжествомъ: „а я такъ не разъ находилъ въ ушахъ и во рту исписанные куски шелковой бумаги, а однажды въ одномъ пустомъ зубѣ нѣкоторое количество яду, причемъ отверстіе было заклеено воскомъ. Да-съ, они хитры“, проговорилъ, потирая себѣ руки, жандармскій капитанъ, „но вѣдь и я не промахъ!“

Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ, когда я вспомнилъ, что у меня въ подкладкѣ шубы находилась такая масса вещей. Я раздѣлъ шубу въ передней; можетъ быть, этотъ недоверчивый офицеръ, вытягивающій, какъ фокусникъ, письма изъ ушей и ядъ изъ полыхъ зубовъ, уже распорядился произвести тщательный осмотръ моей шубы? Какъ могъ-бы я объяснить нахождение въ подкладкѣ моей шубы предметовъ, мѣсто которыхъ было вовсе не тамъ. Я ожидалъ съ минуты на минуту входа ординарца со всѣми подарками, полученными мною для передачи карскимъ „политическимъ“. Но катастрофа не разразилась, и кап. Николинъ продолжалъ свое „правдивое“ описаніе жизни „политическихъ“ на Карѣ. Даже правда выходила изъ устъ г. Николина до того искаженной, что я непременно повѣрилъ-бы ей, если бы я былъ тотъ легковѣрный, поверхностный изслѣдователь, за котораго принималъ меня нашъ хозяинъ. Я былъ знакомъ почти такъ-же подробно и основательно съ политической тюрьмой, какъ нашъ хозяинъ, могъ-бы описать ему положеніе всякой вещи въ каждой камерѣ, зналъ, что за пищу получаютъ они, какую одежду выдаетъ имъ казна, какъ проводятъ они свободное время. Мнѣ было также извѣстно, что четверо изъ нихъ были нѣсколько лѣтъ подрядъ день и ночь прикованы къ тачкѣ, короче, я могъ-бы рассказать ему исторію карскихъ „политическихъ“ за послѣднія пять лѣтъ съ такими подробностями, которыя привели-бы его въ изумленіе. Но я долженъ былъ сидѣть тихо, притворяться, выказывать чувства, которыхъ я не питалъ, разыгрывать изъ себя легко-вѣрнаго туриста, который не можетъ удержаться, чтобы не выболтать первому встрѣчному своихъ самыхъ интимныхъ дѣлъ, котораго поражаетъ и приводитъ въ восторгъ отертыіе, что политическіе „каторжники“ не гниютъ въ сырыхъ рудникахъ, а что „высокообразованный и гуманный“ комендантъ обращается съ ними съ трогательной добротой.

Я не знаю, что за впечатлѣніе произвелъ я на г. Николина, но я имѣлъ полное основаніе думать, что въ этотъ вечеръ мнѣ удалось провести самого хитраго, проницательнаго и безсердечнаго жандармскаго офицера во всей Сибири. Можетъ быть, этого и совсѣмъ не было, но если кап. Николинъ предполагалъ провести меня, то этого онъ не достигъ, и всѣ его усилія были напрасны. Конечно, съ моральной точки зрѣнія мое поведеніе не совсѣмъ безупречно, но дѣло

шло о существованіи многихъ, и я долженъ былъ во что бы то ни стало употреблять дипломатическія хитрости, чтобы усыпить подозрительность г. Николина. Въ моемъ багажѣ, на мнѣ самомъ находились подпольныя изданія, тюремные планы, копія съ официальныхъ документовъ, письма отъ и къ политическимъ ссыльнымъ и 10—15 записныхъ книжекъ, содержаніе которыхъ могло разбить десятки существованій. Если бы я возбудилъ недоверіе, и тайная полиція произвела бы обыскъ въ моихъ вещахъ, то это не только погубило бы многихъ чиновниковъ въ разныхъ концахъ Сибири, но и весь собранный мною цѣной такихъ страданій и опасностей матеріалъ пропалъ-бы для меня и послужилъ-бы русскому правительству для цѣлей какъ разъ противоположныхъ. Единственнымъ оправданіемъ моего лицемерія можетъ служить лишь критическое положеніе, въ которомъ я находился, и долгъ совѣсти по отношенію къ невиннымъ людямъ, довѣрившимся моему благоразумію и чести.

Уже было темно, когда я, распростившись съ кап. Николинымъ, вышелъ на улицу и направилъ свои шаги къ дому г-жи Армфельтъ, который находился на полпути между домомъ г. Потулова и политической тюрьмой, на границѣ нижней золотопромывальни. Мои нервы были крайне напряжены; я чувствовалъ, какъ росли мои силы, такъ какъ я былъ твердо увѣренъ въ успѣхѣ моего предпріятія.

М-ле Армфельтъ, исторія которой была уже мнѣ извѣстна, была дочь выдающагося русскаго генерала Армфельтъ и сестра г-жи Федченко, супруги извѣстнаго русскаго ученаго и изслѣдователя. Фамилія Армфельтъ была очень богата и принадлежала къ русской аристократіи. Какъ М-ле Армфельтъ, такъ и ея мать были очень дружны или, по крайней мѣрѣ, хорошо знакомы съ знаменитымъ русскимъ писателемъ графомъ Л. Н. Толстымъ. М-ле Армфельтъ говорила по французски, по нѣмецки и по англійски, хорошо рисовала и вообще была очень образованная дама¹⁾.

¹⁾ Мнѣ крайнѣ жаль, что я не могу рассказать подробнѣе біографіи М-ле Армфельтъ. Одинъ русскій революціонеръ, у котораго я просилъ свѣдѣній насчетъ ея жизни, отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Я зналъ Армфельтъ лично и могъ составить себѣ о ней лишь одно мнѣніе. Біографическихъ данныхъ я вамъ не могу сообщить—подобныя вещи нисколько не интересуютъ насъ, когда мы заняты „дѣломъ“. Я знаю только, что отецъ ея былъ генералъ, ея сестра, довольно извѣстная писательница,

Она была арестована въ Кіевѣ 11-го февраля 1879 г., въ одномъ соціалистическомъ собраніи. Полиція нагрянула поздно ночью; присутствовавшіе мужчины оказали жандармамъ сопротивление и начали стрѣлять въ нихъ. Произошла свалка, во время которой одинъ жандармъ и два революціонера были убиты и съ обѣихъ сторонъ много ранено. Всѣ присутствовавшіе были арестованы и заключены въ тюрьму. М-ле Армфельтъ, какъ членъ революціонерной партіи, была осуждена за участіе въ тайномъ обществѣ и за вооруженное сопротивленіе властямъ была осуждена на 14 лѣтъ и 10 мѣс. каторжной работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Во время нашего пребыванія на Карѣ она уже отбыла срокъ „испытанія“ и жила въ „свободной командѣ“ съ своей матерью, старушкой лѣтъ 60, послѣдовавшей добровольно за дочерью въ Сибирь.

Солнце уже давно зашло, и наступала уже ночь, когда я достигъ бѣлой избушки, которая была означена на моемъ планѣ. Я постучалъ въ деревянную дверь; послышался скрипъ отодвигаемаго засова, и на порогѣ избы появилась молодая женщина.

„Здѣсь-ли живетъ г-жа Армфельтъ?“ спросилъ я.

„Мое имя Армфельтъ“ заявила молодая женщина.

„Мое имя Георгъ Кеннанъ. Я американскій путешественникъ и пріѣхалъ въ Сибирь, чтобы ознакомиться съ русской системой ссылки. Я познакомился со многими вашими друзьями и имѣю къ вамъ рекомендацію отъ г-жи N“.

Прошла цѣлая минута, пока М-ле Армфельтъ пришла въ себя и попросила меня войти въ комнату. Я послѣдовалъ за нею черезъ маленькія темныя сѣни и вошелъ въ отвратительную каморку, длиною въ 10 ф. и шириною въ 8 ф., съ некрашеннымъ, сколоченнымъ изъ грубыхъ досокъ потолкомъ, съ такими же деревянными стѣнами, въ которыхъ находились два маленькихъ четырехугольных окна.

была замужемъ за русскимъ изслѣдователемъ Федченко, который погибъ недавно въ Швейцаріи при восхожденіи на одну высокую гору. Наталія Армфельтъ не бросалась такъ въ глаза, какъ Петровская или Бердина. Она принадлежала къ классу скромныхъ „работниковъ“ отличительными чертами которыхъ являются преданность нашему дѣлу и самопожертвованіе. Эти обѣ добродѣтели дѣлаютъ „работниковъ“ способными на геройскіе подвиги. Въ Сибири вы, безъ сомнѣнія, видали много такихъ „работниковъ“. Трогательная симпатія, съ которой вы всегда отзываетесь о нихъ въ вашемъ сочиненіи, служитъ лучшимъ доказательствомъ этого.“

Меблировка комнаты состояла изъ стола и трехъ стульевъ еловаго дерева и узенькой кровати съ грубымъ шерстянымъ одѣяломъ. По обѣ стороны двери были устроены полки, на которыхъ была разставлена вся кухонная утварь, какъ то: тарелки, чашки, ножи, вилки, самоваръ и т. д. Кромѣ всего этого въ комнатѣ находилась еще большая корзина и чемоданъ, лежавшій подъ кроватью. Все находилось въ самомъ опрятномъ видѣ, но комната производила впечатлѣніе крайней нужды. Я скинулъ свою тяжелую шубу и готовъ былъ уже передать М-ле Армфельтъ рекомендательное письмо отъ г-жи N., какъ вдругъ она схватила меня за руку: „Остановитесь! Обождите, пока я притворю ставни и двери“. Дрожащими руками зажгла она свѣчу, притворила ставни, закрыла на засовъ наружную дверь и, войдя обратно въ комнату, она сказала: „Вы не привыкли къ атмосферѣ опасеній и заботъ, въ которой намъ приходится постоянно жить. Вѣдь васъ могли замѣтить въ тотъ моментъ, когда вы хотѣли передать мнѣ письмо“. Взявъ письмо въ руки, она стала молча разсматривать его, и выраженіе изумленія, появившееся на ея лицѣ въ тотъ моментъ, когда я ей представился, ни на моментъ не покидало его. Все еще не рѣшаясь открыть письмо, которое она вертѣла въ рукахъ она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „Какимъ образомъ могли вы пробраться на Кару въ это время года?“

Я отвѣтилъ ей, что я переѣхалъ верхомъ черезъ горы. „Но какъ-же вы добились позволенія явиться въ „свободную команду“?“ спросила снова г-жа Армфельтъ.

„Я ни у кого не просилъ его; никто не знаетъ, что я нахожусь здѣсь. Около недѣли я нахожусь уже на Карѣ, и лишь теперь представилась мнѣ возможность посѣтить васъ“.

Я рассказалъ ей о томъ, какъ созрѣло во мнѣ рѣшеніе отправиться въ Сибирь и ознакомиться на мѣстѣ съ пересыльной системой, что я пережилъ въ Сибири и т. д. Долго смотрѣла на меня несчастная узница. Наконецъ, она въ первый разъ заговорила со мной по англійски: „Извините меня, что я такъ пристально гляжу на васъ, и простите меня за то, что я вамъ не оказала болѣе радушнаго пріема. Я такъ взволнована и изумлена, что я едва знаю, что говорю и дѣлаю. Мнѣ кажется, что это все сонъ. Вы первый иностранецъ, котораго я вижу съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ ссылкѣ, и появленіе ваше есть такое важное со-

бытіе въ моей жизни, что я совершенно подавлена. Должно быть, то же самое чувствовалъ Левингстонъ, когда Стэнли напелъ его въ Центральной Африкѣ. Какъ пришла вамъ въ голову мысль отправиться въ Сибирь!"

Я отвѣчалъ на ея вопросъ по англійски, какъ вдругъ слабый голосъ, раздавшійся изъ за печи, спросилъ по русски: „Кто тутъ, Наталія? Съ кѣмъ ты говоришь?"

„Это одинъ американскій путешественникъ, матушка, который сумѣлъ найти насъ даже въ карскихъ рудникахъ“, отвѣчала М-ше Армфельтъ.

Г-жа Армфельтъ, которая спала за печкой, и которую нашъ разговоръ разбудилъ, подошла къ намъ, чтобы привѣтствовать меня. Это была старушка лѣтъ 60, съ мягкими сѣдыми волосами, съ кроткими чертами лица, на которомъ отразились всѣ пережитыя страданія и заботы. Черные круги подъ глазами и опухшія вѣки ясно доказывали, что не одну бессонную ночь провела несчастная старушка, оплакивая участь своей дочери. Никогда я не видалъ еще такого выраженія глубокой печали на лицѣ, и я сразу почувствовалъ величайшую симпатію къ этой невинной жертвѣ русскаго правосудія.

Я оставался въ домѣ М-ше Армфельтъ съ полчаса и общался вернуться позже; М-ше Армфельтъ сказала, что къ этому времени у нея соберутся всѣ ея друзья, живущіе въ „свободной командѣ“. Пылая отъ нервнаго волненія, я поспѣшилъ домой, гдѣ меня уже давно ожидали къ обѣду. Г-жа Потулова бросала на меня изрѣдка взоръ, полный любопытства, какъ бы желая попытаться, что со мной произошло, но, очевидно, она не могла рѣшиться предложить мнѣ вопросъ, и, такимъ образомъ, мнѣ не пришлось взять на совѣсть лишній грѣхъ.

Въ семь час. веч. я вернулся обратно къ М-ше Армфельтъ, гдѣ я засталъ политическаго ссыльнаго по имени Куртѣвъ и одну даму, которую мнѣ представили, какъ г-жу Колѣнкину. Эта дама была замѣшана въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью убійства генерала Мезенцева, шефа жандармовъ, и за то была сослана на каторжныя работы. Я былъ удивленъ, какъ это уже часто прежде со мной случалось, увидѣвъ передъ собой слабую, нѣжную женщину съ блѣднымъ худымъ лицомъ. Женщины, которыя принимали за послѣднія 15 лѣтъ такое дѣятельное участіе въ страшныхъ трагедіяхъ,

театромъ которыхъ были главные русскіе города, высказавшіе такую выносливость и силу воли, которой можетъ позавидовать любой мужчина, были въ большинствѣ случаевъ, слабыя дѣвушки въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, которыхъ а считалъ учительницами воскресныхъ школъ или трусливыми институтками.

Понемногу стали приходить всѣ политическіе, жившіе въ свободной командѣ. Каждый разъ раздавался слабый стукъ въ ставни, М-ше Армфельтъ подходила къ двери и спрашивала, кто былъ у дверей и, если это былъ ея сотоварищъ по изгнанію, она отворяла дверь и впускала его въ избу. Маленькая слабоосвѣщенная комната, томительная тишина, царившая въ комнатѣ, таинственный стукъ въ ставни, оживленная бесѣда, которая велась втихомолку, эти группы блѣдныхъ мужчинъ и женщинъ, которые смотрѣли на меня, какъ будто бы я былъ не отъ міра сего, — все это производило на меня необычайное впечатлѣніе. Ничто не напоминало здѣсь о будничной жизни, и когда каторжники стали рассказывать о страшныхъ жестокостяхъ властей, о страданіяхъ, безуміи и массовыхъ самоубійствахъ въ рудникахъ, то я себя чувствовалъ такъ же, какъ будто я перешагнулъ порогъ той двери, надъ которой виситъ Дантова надпись: „Оставьте всякую надежду, входящіе сюда!“

Часовъ въ девять, какъ разъ когда я вынулъ записную книжку и собирался занести все слышанное за этотъ вечеръ, раздался сильный стукъ въ ставни. Г-жа Колѣнкина произнесла шепотомъ: „Это жандармы! Не впускай ихъ! Скажи имъ, кто здѣсь находится, можетъ быть они удовольствуются этимъ“. Наступила глубокая тишина, мнѣ казалось, я слышалъ бѣшеніе моего сердца, въ то время, когда М-ше Армфельтъ съ достойнымъ удивленія самообладаніемъ заявила жандармамъ: „Мы всѣ здѣсь, я, моя мать, Куртѣвъ, Колѣнкина... другихъ именъ я не могъ разобрать. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ жандармы удалились, а М-ше закрывъ дверь на засовъ, вернулась въ комнату и объявила, что жандармы не настаивали на томъ, чтобы осмотрѣть комнату. Она сказала мнѣ по англійски: „Жандармы посѣщаютъ насъ три раза въ день, чтобы узнать, чѣмъ мы занимаемся, и удостовѣриться, что мы еще не скрылись. Но теперь ихъ посѣщенія ограничиваются лишь распросами и они не всегда требуютъ быть впущенными“.

Прерванная на минуту бесѣда снова оживилась, одинъ разсказъ смѣнялъ другой, много новаго узналъ я про жизнь ссыльныхъ на маршѣ, въ этапныхъ тюрьмахъ и въ рудникахъ; „политическіе“ осыпали меня вопросами о состояніи дѣлъ въ Россіи, о развитіи революціоннаго движенія и т. п. Уже нѣкоторое время я обратилъ свое вниманіе на одного блѣднаго мужчину лѣтъ тридцати съ большими, выпуклыми голубыми глазами, который сидѣлъ на низенькой скамейкѣ какъ разъ противъ меня и не сводилъ съ меня глазъ. Въ разговорѣ наступила пауза. Вдругъ блѣдный человѣкъ беззвучнымъ, протяжнымъ голосомъ проговорилъ: „Мы—имѣемъ здѣсь—собственное—кладбище.— Хотите—осмотрѣть—его?“

Его голосъ и содержаніе вопроса до того поразили меня, что я не могъ найтись, что отвѣтить. У меня блеснула мысль, что я вижу передъ собой сумасшедшаго. Какъ Дю Кенси увѣряетъ, что стукъ въ двери послѣ совершенія Макбетомъ убійства еще болѣе усиливаетъ ужасъ, вызванный предыдущими событіями, такъ и этотъ странный, непосредственно ко мнѣ обращенный вопросъ, напоминавшій о смерти и безуміи, придавалъ еще болѣе мрачный колоритъ слышаннымъ мною исторіямъ и еще болѣе усиливалъ ужасъ, внушенный мнѣ каторжными работами.

Около полуночи я распростился съ „политическими“ и поспѣшилъ домой. Даже холодная атмосфера сибирской осенней ночи не могла охладить моей разгоряченной крови. Всѣ покоились уже глубокимъ сномъ, кромѣ г. Фроста, который съ безпокойствомъ ожидалъ моего прихода. Я бросился на диванъ и попробовалъ заснуть, но все слышанное и видѣнное мною въ этотъ вечеръ до того возмутило меня, что я долго не могъ успокоиться и лишь на разсвѣтѣ впалъ въ тревожный сонъ.

XI.

Государственные преступники въ карскихъ рудникахъ.

Рано утромъ на слѣдующій день мы посѣтили г-жѣ Армфельтъ. Вечеромъ долженъ былъ пріѣхать майоръ Потуловъ; такъ какъ я зналъ, что съ его пріѣздомъ я не буду поль-

зоваться прежнею свободой, то я желалъ извлечь изъ тѣхъ 12 — 14 часовъ свободы, которые у меня еще оставались, возможно большую пользу. Власти должны были рано или поздно узнать про мои сношенія съ „политическими“, и я только надѣялся, что мнѣ еще удастся собрать довольно свѣдѣній, прежде чѣмъ произойдетъ неизбежное столкновение съ полиціей. Конечно, было очень рискованно зайти среди бѣлаго дня въ домъ „свободной команды“, но я далъ М-ше Армфельтъ слово посѣтить ее до обѣда, если меня какое-нибудь непредусмотрѣнное обстоятельство не задержитъ дома, и поэтому я отправился къ ней. Черезъ четверть часа ходьбы я достигъ квартиры г-жи Армфельтъ. При дневномъ освѣщеніи я нашелъ эту маленькую избушку съ плоховѣленными деревянными стѣнами еще непривѣтливѣе, чѣмъ въ мое первое посѣщеніе. Бѣдная обстановка комнатки бросалась еще болѣе въ глаза при видѣ стоявшаго посреди комнаты большого мольберта съ какой-то картиной безъ рамы. Это соединеніе искусства съ каторгой, роскоши съ крайней нищетой показалось мнѣ до того неестественнымъ, что я невольно бросилъ на нее вопросительный взглядъ. Она поняла мой нѣмой вопросъ, повернула картину лицевой стороной и сказала: „Я попробовала нарисовать портретъ моей матери. Она должна возвратиться въ этомъ году въ Россію, такъ какъ материнскій долгъ зоветъ ее къ оставшимся въ Европейской Россіи дѣтямъ. Я ее, конечно, больше не увижу: она слишкомъ стара и слаба, чтобы предпринять еще разъ путешествіе въ Восточную Сибирь, и я хотѣла-бы имѣть какое-нибудь воспоминаніе о ней. Я знаю, что этотъ портретъ не красивъ, и я стыжусь почти показать вамъ его; но я имѣю къ вамъ просьбу: у меня мало красокъ, другихъ-же я не могу достать; можетъ быть, г. Фростъ дастъ совѣтъ, какъ мнѣ поступить?“

Съ теплымъ, сердечнымъ участіемъ, глядѣлъ я, молча, на портретъ, который, не смотря на плохую, вѣрнѣе, отвратительную работу, имѣлъ все таки нѣкоторое сходство съ оригиналомъ; онъ былъ написанъ на грубомъ холстѣ, самыми простыми, твердыми красками; видно было, что художницѣ пришлось бороться съ непреодолимыми трудностями въ родѣ отсутствія хорошихъ красокъ, сноснаго полотна, хорошихъ кистей и т. д.

Жаль было видѣть, какъ старалась эта добрая дочь написать портретъ матери, которую она должна была такъ

скоро потерять, чтобы остаться въ изгнаніи одной съ этимъ безжизненнымъ, бездушнымъ портретомъ.

Погрѣбности въ портретѣ бросались въ глаза уже при первомъ взглядѣ, но у меня не хватило духу критиковать эту картину, написанную съ такимъ трудомъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

Предоставивъ г. Фросту поправить портретъ, я спросилъ мать М-ле Армфельтъ, какъ у нея хватило духу отправиться въ ужасный путь отъ Петербурга до карскихъ рудниковъ.

„У меня не оставалось никакого другого исхода“, сказала она: „Богъ знаетъ, какъ здѣсь обращались съ этими бѣдными людьми. Солдаты били Наталію ружейными прикладами. Другіе умерли съ голода. Къ намъ въ Петербургъ доходили неопредѣленные, противорѣчивые слухи объ этомъ варварствѣ. Я не могла оставить Наталію одну среди этихъ жестокихъ людей.“

„Когда это случилось?“ спросилъ я.

„Въ 1882 и 1883 гг.“ отвѣтила она. „Въ маѣ 1882 г. бѣжали съ Кары 8 ссыльных; въ отместку за это власти такъ старались „усладить“ жизнь карскихъ „политическихъ“, что они предпочли ей голодную смерть и не принимали цѣлыхъ 13 дней никакой пищи.“

Во время нашего разговора вошли въ комнату Викторъ Косюрянъ, г-жа Колѣпкина и 2—3 другихъ „политическихъ“. М-ле Армфельтъ налила намъ всѣмъ чаю, и такъ какъ всякій имѣлъ что-нибудь рассказать, то скоро завязался общій разговоръ. Я хотѣлъ-бы описать читателю жизнь въ карскихъ рудникахъ со всѣми подробностями, которыя мнѣ пришлось услышать въ этотъ день въ домѣ М-ле Армфельтъ, но я долженъ пока ограничиться моими собственными наблюденіями и могу лишь въ короткихъ словахъ рассказать про жизнь карскихъ политическихъ каторжниковъ за 1880 до 1885 г.

Черезъ сутки послѣ моего первого визита я сдѣлалъ г-жамъ Армфельтъ второй и послѣдній визитъ. Я зналъ, что не увижу болѣе этихъ несчастныхъ женщинъ, также онѣ знали, что имъ предстояло въ послѣдній разъ поговорить съ человѣкомъ, отправлявшимся въ цивилизованный міръ, гдѣ онъ могъ встрѣтиться съ ихъ родными и друзьями. Я обѣщаль имъ описать ихъ жизнь и положеніе гр. Льву Тол-

стому¹⁾, далъ имъ свой адресъ и получилъ отъ нихъ письма къ ихъ роднымъ въ Европейской Россіи.

Многіе читатели могутъ подумать, что я напрасно подвергалъ себя опасности, передавая по назначенію письма сибирскихъ политическихъ каторжниковъ, что въ Россіи считается преступленіемъ; я хорошо зналъ, что если это „преступленіе“ откроютъ и, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, препроводятъ по конфискаціи нашихъ бумагъ, за границу имперіи, но, не смотря на это, я не могъ отказаться принять письма для передачи по назначенію. Предположите, любезный читатель, что вы политическій ссыльный въ карскихъ рудникахъ, и что у васъ есть въ Европейской Россіи жена или мать, которымъ вы цѣлые годы не имѣли права писать, и что я, американскій путешественникъ, пришелъ къ вамъ съ просьбой довѣриться и рассказать мнѣ все, что вы вытерпѣли, и что я отказался-бы послѣ всего этого передать вашей женѣ или матери письмо отъ васъ; вы назвали-бы меня или подлымъ трусомъ или совершенно безсердечнымъ человѣкомъ. Мнѣ не оставалось другого исхода. Иногда я предлагалъ самъ свои услуги, хотя я отлично зналъ, что подвергалъ себя этимъ многимъ непріятностямъ.

Вечеромъ я распростился съ господами Армфельтъ и другими „политическими“, принадлежавшими къ „свободной командѣ“, и обѣщаль, если мнѣ это удастся, посѣтить ихъ еще разъ, но я не скрылъ отъ нихъ, что это мнѣ казалось совершенно невыполнимымъ. Потуловъ пріѣхалъ лишь поздно ночью, такъ что я встрѣтился съ нимъ уже на другой день при завтракѣ. Онъ поздравствовался со мной вѣжливо, но сухо и не пожалъ мнѣ руки, я сейчасъ-же замѣтилъ перемѣну въ его обращеніи; онъ сидѣлъ угрюмо, не говоря ни слова. Я предвидѣлъ это и составилъ себѣ уже планъ дѣй-

¹⁾ Я сдержалъ свое обѣщаніе и сообщилъ ему о положеніи, въ которомъ находились г-жа Армфельтъ, но онъ не хотѣлъ ничего слышать о страданіяхъ политическихъ ссыльныхъ въ Восточной Сибири и сказалъ мнѣ, что не смотря на то, что ему жаль нѣкоторыхъ „политическихъ“, онъ не можетъ имъ помочь и симпатизировать. „Они употребили насилие“, такъ говорилъ гр. Толстой, „и должны поэтому также страдать отъ насилия“. Въ Москвѣ я слышалъ, что г-жа Успенская, супруга одного „политическаго“ просила у него вспомошествованія для облегченія участи политическихъ ссыльныхъ въ карскихъ рудникахъ, но получила отъ него отказъ. Графъ не желалъ, повидимому, даже помочь людямъ, принципамъ которыхъ онъ не одобрялъ.

ствія. Маіоръ Потуловъ внушалъ мнѣ искреннее уваженіе; онъ принялъ насъ очень радушно, и я желалъ поговорить съ нимъ честно и открыто, такъ какъ сознавалъ, что я привелъ его въ очень непріятное положеніе.

Поэтому я прервалъ молчаніе и сказалъ ему, что я во время его отсутствія свелъ знакомство съ политическими арестантами, принадлежавшими къ „свободной командѣ“.

„Да,“ отвѣтилъ онъ, смотря въ сторону, „я ужъ слышалъ объ этомъ, и мнѣ остается лишь замѣтить вамъ, что вы очень неосторожно поступили.“

„Почему?“ спросилъ я.

„Потому что иностранцы, которые сводятъ тайкомъ знакомство съ политическими преступниками, навлекаютъ на себя подозрѣніе правительства,“ сказалъ онъ. „Вступать въ сношенія съ ними запрещено, и вы можете подвергнуться серьезнымъ непріятностямъ.“

„Но мнѣ вѣдь никто не сказалъ, что это запрещено,“ продолжалъ я; „откуда мнѣ, иностранцу, знать, что я не имѣю права говорить съ людьми, которыхъ я могу встрѣтить всегда на улицѣ? Принадлежащіе къ „свободной командѣ“ — всѣ на свободѣ и говорятъ со всѣми другими, какъ могло мнѣ впасть въ голову, что только мнѣ съ ними нельзя говорить?“

„Я получилъ телеграмму отъ губернатора Барабаша,“ (начальника Забайкальской области), отвѣтилъ мнѣ серьезно Потуловъ, „извѣщающаго меня, что вамъ запрещено посѣщать политическія тюрьмы, и само собою разумѣется, что онъ не желаетъ также допустить сношеній съ „политическими“.“

„Но вы мнѣ этого не сказали; если-бы мнѣ было это извѣстно, то я бы поступалъ, соображаясь съ предписаніемъ; но я не могу вспомнить, чтобы вы мнѣ даже намекнули, что мнѣ запрещено посѣщать „политическихъ.““

„Я совсѣмъ не думалъ, что вы замышляли что-либо подобное. Вы никогда не говорили про это. Впрочемъ, это касается лишь капитана Николина: „политическіе“ подлежатъ его надзору. Но я могу васъ только предостеречь и увѣрить, что вы поступили неблагоразумно и подвергали себя очень большой опасности“.

Я объяснилъ маіору Потулову откровенно, почему я не сообщилъ ему ничего о моемъ намѣреніи и выбралъ какъ разъ то время, когда онъ былъ въ отлучкѣ, чтобы привести

его въ исполненіе. Я сознался, что хотѣлъ избѣгнуть всякаго вмѣшательства и освободить его отъ подозрѣнія въ сообщничествѣ. „Васъ никто не можетъ обвинять, что вы причастны этому дѣлу. Васъ тогда не было дома, и каждый подумаетъ, что я только ожидалъ вашего отъѣзда, чтобы привести свой планъ въ исполненіе“.

Мои увѣренія, казалось, подѣйствовали на него, и онъ впалъ мало-по-малу въ свой прежній дружескій тонъ со мною, но повторилъ еще разъ свое предостереженіе.

Черезъ часъ послѣ завтрака явился капитанъ Николинъ, начальникъ политическихъ тюремъ, желавшій поговорить съ маіоромъ о важныхъ дѣлахъ; они сидѣли болѣе полчася въ кабинетѣ маіора Потулова. Въ это время я находился на другомъ концѣ дома и приводилъ въ порядокъ записанныя мною замѣтки, между тѣмъ какъ г. Фростъ рисовалъ въ смежной съ кабинетомъ гостиной. По уходѣ капитана Николина пришелъ ко мнѣ г. Фростъ и сообщилъ мнѣ, что разговоръ Потулова съ капитаномъ Николинымъ не предвѣщалъ ничего хорошаго; говорили про мои сношенія съ „политическими“; капитанъ Николинъ считалъ необходимымъ конфисковать всѣ мои бумаги и замѣтки, между тѣмъ какъ маіоръ Потуловъ защищалъ насъ и старался его убѣдить, что лучше избѣгнуть скандала, который неминуемо повлечетъ за собой жандармскій обыскъ. Бесѣда закончилась замѣчаніемъ Николина, что если насъ не обыщутъ въ Карѣ, то обыщутъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ Сибири. Мы оба были сильно взволнованы. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы мы подверглись какому нибудь насилію въ домѣ маіора Потулова; но я боялся, чтобы онъ при случаѣ не сказалъ мнѣ: „Георгій Ивановичъ, капитанъ Николинъ узналъ, что вы провели разъ большую часть ночи съ „политическими“ и подозреваетъ, что вы получили отъ нихъ нѣсколько писемъ. Поэтому онъ предложилъ мнѣ обыскать ваше имущество. Такъ какъ вы мои гости, то я вступился за васъ, и мнѣ удалось убѣдить его отказаться отъ этого намѣренія. Вы должны дать мнѣ честное слово, что у васъ нѣтъ такихъ писемъ“. Въ этомъ случаѣ я долженъ былъ или солгать своему хозяину или выдать довѣрившихся мнѣ людей, къ которымъ я питалъ глубокое состраданіе. Оба эти исхода были для меня одинаково не выносимы, просто немыслимы, — и я все-таки долженъ былъ выбрать одинъ изъ нихъ; каждая

минута была дорога; я зналъ, что если у меня найдутъ письма, полученные мной отъ мѣстныхъ политическихъ, то М-ше Армфельтъ и ея товарищей лишатъ свободы и доставятъ тѣмъ г-жѣ Армфельтъ еще болѣе горя и печали; я зналъ также, что за этимъ открытіемъ послѣдовала-бы немедленная конфискація моихъ бумагъ; такимъ образомъ, моя неосторожность привела-бы на край гибели до сотни ссыльныхъ и чиновниковъ во всѣхъ частяхъ Сибири, которые содѣйствовали моему изученію русской пересыльной системы. Не зная, что предпринять, мучимый опасеніями я старался какъ можно рѣже попадаться на глаза маіору Потулову, избѣгалъ систематически случая остаться съ нимъ наединѣ; сославшись на головную боль, я легъ очень рано спать, но отъ волненія я не могъ ни на минуту сомкнуть глазъ. Наконецъ, рано утромъ, я принялъ рѣшеніе уничтожить письма. Я не могъ конечно испросить на это позволенія моихъ довѣрителей, но я былъ увѣренъ, что они въ такомъ безысходномъ положеніи поступили бы не иначе. Мнѣ было крайне жаль уничтожить эти письма, съ которыми были связаны столько надеждъ, — письма имѣвшія для многихъ отцевъ, матерей, братьевъ и сестеръ въ Европейской Россіи неизмѣримую цѣну, но я не могъ ничего другого сдѣлать.

Оставалось только разрѣшить вопросъ, какимъ образомъ уничтожить письма. Послѣ того, какъ мои тайныя сношенія съ „политическими“ сдѣлались извѣстными, я попалъ подъ очень строгій надзоръ. Въ моей комнатѣ не было ни дверей, ни оконъ, она была отдѣлена только портьерами отъ сѣней и квартиры маіора Потулова. День и ночь стоялъ у дома вооруженный часовой, который видѣлъ черезъ большое окно въ портьеръ все, что дѣлалось въ моей комнатѣ. Если-бы я разорвалъ письма, то могли бы сложить лоскутки; если-бы я бросилъ ихъ въ огонь, то меня бы выдалъ запахъ горячей бумаги; кромѣ того меня могъ-бы застать при этомъ маіоръ Потуловъ, который часто заходилъ ко мнѣ безъ доклада. Черезъ полчаса послѣ того, какъ я всталъ, деньщикъ маіора Потулова затопилъ большую изразцовую печь, находившуюся въ моей комнатѣ; тогда мнѣ пришла счастливая мысль дожидаться момента, когда маіоръ Потуловъ будетъ занятъ разговоромъ съ г. Фростомъ, а часовой будетъ вдали, чтобы бросить письма въ печь. Я вышелъ въ сѣни, чтобы удостовѣриться, что съ этой стороны мнѣ не угрожало никакой опас-

ности, затѣмъ вернулся назадъ, отворилъ безъ всякаго шума желѣзную дверцу печки и удостовѣрившись, что часовой не былъ свидѣтелемъ этой сцены, я бросилъ злополучныя письма въ огонь. Черезъ 5 минутъ отъ нихъ остался только пепелъ. Послѣ этого ауто-да-фе я выскоблilъ изъ моей записной книжки много именъ, другія написалъ шифрами и ждалъ съ спокойнымъ сердцемъ предстоявшаго мнѣ обыска.

Вспоминая о моей жизни въ Карѣ, я не могу не сожалѣть о двухъ поступкахъ, которыхъ не могу уже болѣе поправить. Одинъ изъ — ихъ уничтоженіе этихъ писемъ. Я не видалъ болѣе этихъ поселенцевъ и не могъ имъ объяснить, что побудило меня къ такому образу дѣйствія. Теперь эти объясненія придутъ для многихъ слишкомъ поздно. М-ше Наталія Армфельтъ умерла годъ спустя отъ тюремной чахотки, и сожженные мною ея письма были, навѣрное, послѣдними, которыя пришлось ей писать. Въ концѣ-концовъ никто не потребовалъ отъ меня честнаго слова, никто не произвелъ у меня обыска, и я могъ-бы спокойно передать эти письма по назначенію, какъ это я дѣлалъ въ послѣдствіи много разъ.

Второй оплошностью съ моей стороны было то, что я не посѣтилъ д-ра Веймара, одного изъ выдающихся „политическихъ“ свободной команды, который находился въ послѣдней стадіи тюремной чахотки. Это былъ врачъ изъ богатаго знатнаго рода, лѣтъ подл 35; онъ жилъ на Невскомъ проспектѣ въ Петербургѣ и былъ личнымъ другомъ нынѣшней государыни. Во время русско-турецкой войны 1877-78 г., когда подл его начальствомъ находился полевой лазаретъ ея имени, онъ получилъ за отличную службу орденъ св. Анны, три или четыре креста за храбрость на полѣ битвы и пользовался искреннимъ расположеніемъ ген. Гурко, подл начальствомъ котораго онъ порешелъ Балканы. Одною совершенно неосновательнаго подозрѣнія было достаточно, чтобы признать его революціонеромъ; послѣ годового заключенія въ Петропавловской крѣпости онъ былъ сосланъ въ карскіе рудники. По окончаніи этого процесса въ „Times“ появилась слѣдующая передовая статья:

„Нашъ петербургскій корреспондентъ сообщаетъ намъ въ телеграммѣ, которая напечатана въ сегодняшнемъ номерѣ, приговоръ, произнесенный въ послѣднемъ политическомъ процессѣ. Западноевропейскій человѣкъ видитъ въ этихъ политическихъ процессахъ лишь позорную пародію на справед-

ливый судъ. Этотъ процессъ еще разъ доказываетъ, какъ легко царствовать съ помощью осаднаго положенія. Военному правосудію обыкновенно ставится въ заслугу, что оно строго и быстро, но система русскаго военнополового суда совершенно нелогична, разбирательство дѣлъ въ немъ страдаетъ крайнею медлительностью, его приговоры ужасны...

Между обвиненными, которыхъ осудили находился д-ръ Веймаръ, человѣкъ, которымъ отечество должно было бы въ высшей степени гордиться. Какъ врачъ онъ употреблялъ все свое знаніе и время на благо своихъ страждущихъ соотечественниковъ. За свои заслуги на полѣ битвы онъ награжденъ (или, вѣрнѣе говоря, былъ до сегодняшняго дня награжденъ, такъ какъ онъ теперь ничто иное, какъ простой невольникъ въ ужасныхъ карскихъ рудникахъ) многими русскими и румынскими орденами. Онъ совершилъ геройскій подвигъ, перейдя съ войсками генерала Гурко черезъ Балканы. Въ этомъ процессѣ судьи обнаружили такую несправедливость, какую можно найти лишь въ сатирахъ Бенъенса и Рабле...

Всѣ свидѣтели, которыя должны были показать о характерѣ и нравственности д-ра Эдуарда Веймара, высказались въ его пользу. Но это было обвинителямъ не на руку. Если обвиненія противъ д-ра Веймара даже основаны на истинѣ, то ясно, что этотъ выдающійся гражданинъ не имѣлъ болѣе никакихъ надеждъ на улучшеніе участи своего отечества, если вошелъ въ сношенія съ Соловьевымъ и принялъ участіе въ заговорѣ нигилистовъ.

Втеченіе всего процесса не было приведено улики, которая говорила бы противъ д-ра Веймара или, по крайней мѣрѣ, могла бы доказать, что похвалы, расточаемыя въ его пользу, имъ совершенно незаслужены. Тогда поднялся государственный прокуроръ и сказалъ: „Господа, я могъ бы привести большое число свидѣтелей, которые показали бы совершенно противное, но, къ несчастію, всѣ они находятся въ отсутствіи“. Этого было достаточно, чтобы рѣшить участь обвиняемаго... Этотъ процессъ рисуется въ настоящемъ свѣтѣ ужасное состояніе русскаго „правосудія“. Остается предположить, что или деспотизмъ заставилъ этого выдающагося гражданина принять участіе въ этомъ заговорѣ, или д-ра Веймара осудили несправедливо. Какъ бы то ни было, этотъ процессъ былъ возмутительною низостью, которой нельзя было ожидать даже отъ русскаго „военнаго суда“.

Принцесса Дагмара, теперешняя императрица была увѣтуна въ невинности д-ра Веймара, завѣдывавшаго въ русско-еррецкую войну госпиталемъ ея имени; но и она не была въ состояніи спасти его. Сейчасъ же по вступленіи на престолъ она послала на Кару полковника Норда, чтобы освободить д-ра Веймара, если онъ обяжется честнымъ словомъ не предпринимать ничего противъ нынѣшняго образа правленія. Д-ръ Веймаръ отвѣтилъ, что не можетъ связать себя честнымъ словомъ, не зная положенія дѣлъ при новомъ царѣ (Александрѣ III). „Если правительство мнѣ позволитъ“, сказала онъ полковнику Норду, „возвратиться подъ конвоемъ въ Петербургъ, чтобы удостовѣриться въ положеніи государства, то я дамъ свой окончательный отвѣтъ“. Напрасно старался полковникъ отговорить его отъ этого рѣшенія: онъ былъ непоколебимъ.

Когда мы приѣхали на Кару, д-ръ Веймаръ былъ уже на свободѣ, но дни его были ужъ сочтены: онъ находился въ послѣдней стадіи тюремной чахотки. Нѣсколько „политическихъ“ хотѣли въ ту ночь, которую я провелъ въ домѣ г-жѣ Армфельтъ, повести меня къ нему; онъ былъ до того слабъ, что каждую минуту ожидали его смерти. Но если мое внезапное появленіе у г-жѣ Армфельтъ произвело на нихъ и другихъ „политическихъ“ такое впечатлѣніе, какъ подѣйствовалъ бы мой визитъ въ 12 часовъ ночи на умирающаго человѣка? Впослѣдствіи я глубоко сожалѣлъ о томъ, что не посѣтилъ его. Д-ръ Веймаръ умеръ, не увидѣвши меня, 6 мѣсяцевъ спустя; когда я былъ уже въ Петербургѣ, ко мнѣ пришла молодая, красивая дѣвушка, съ которой д-ръ Веймаръ былъ помолвленъ передъ своей ссылкой. Она слыхала, что я былъ въ карскихъ рудникахъ, когда ея возлюбленный умиралъ, и пришла ко мнѣ въ надеждѣ получить отъ меня письмо или послѣдній привѣтъ своего жениха. Въ ноябрѣ прошлаго года она собиралась въ Сибирь, чтобы выйти замужъ за д-ра Веймара, какъ вдругъ капитанъ Ниголинъ извѣстилъ ее телеграммой объ его смерти. Прошло 6 мѣсяцевъ; она не получала болѣе никакихъ извѣстій. Даже передъ смертью д-ру Веймару не позволили написать своей невѣстѣ, его друзьямъ было также запрещено писать ей; у нея оставалась единственная надежда на меня; читатель можетъ себѣ представить, какъ я страдалъ, рассказывая, что я былъ въ поселеніи, но что мнѣ не пришлось посѣтить

ея возлюбленнаго. Много нерадостнаго пережилъ я въ Россіи, но это свиданіе оставило во мнѣ самое тяжелое воспоминаніе.

Я провелъ разъ въ домѣ этой дѣвушки цѣлый вечеръ. Она мнѣ рассказала исторію геройской жизни своего жениха, прочитала мнѣ письма, которыя онъ ей посылалъ съ поля битвы въ Болгаріи и показала, наконецъ, рыдая, драгоценное воспоминаніе о немъ, — ручную работу, сдѣланную имъ самимъ въ камерѣ карской тюрьмы и посланную имъ ей тайкомъ въ знакъ любви.

Это былъ лоскутокъ грубаго холста, изъ котораго изготовляютъ арестантамъ рубахи, длиной въ 50 ф., шириной въ 3 дюйма; на немъ были вышиты самыми простыми цвѣтными нитками правильныя геометрическія фигуры.

„Какія чувства волновали его, когда онъ вышивалъ это рукодѣлье!“ воскликнула она, напрасно сисясь удержать свои слезы.

Послѣ послѣдняго нашего визита у г-жѣ Армфельтъ, мы остались на Карѣ еще 5 дней; все это время мы состояли подъ бдительнымъ надзоромъ, и поэтому не могли ничего болѣе предпринять. Я постараюсь теперь привести всѣ мои личныя наблюденія въ систематическій порядокъ и познакомлю въ слѣдующей главѣ читателя съ нѣсколькими страницами изъ длинной и ужасной исторіи карскаго поселенія ¹⁾.

¹⁾ Все, что я сообщу на слѣдующихъ страницахъ основанно на официальныхъ данныхъ и тщательно проверено мною. Можетъ быть тамъ и сямъ вкралась маленькая ошибка, но я могу доказать даже передъ русскимъ судомъ, что вся исторія, одинъ отдѣлъ которой я привожу здѣсь, въ главныхъ чертахъ совершенно соотвѣствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Факты относительно полк. Кононовича и его отношеній къ карскимъ тюрьмамъ и рудникамъ, я узналъ отчасти отъ „политическихъ“, отчасти отъ мѣстныхъ чиновниковъ, отчасти отъ ихъ товарищей въ Читѣ, Иркутскѣ и Петербургѣ. Письмо, въ которомъ полк. Кононовичъ просить быть уволеннымъ отъ должности начальника карскаго поселенія, находится, еще въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; всѣ обстоятельства, сопровождавшія эту отставку, извѣстны не только „политическимъ“, но такъ же и многимъ чиновникамъ. Я сожалею только, что осторожность и другія соображенія запрещаютъ мнѣ указать на тѣ источники, изъ которыхъ я почерпнулъ всѣ свои свѣдѣнія. Мой рассказъ произвелъ бы несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, если-бы я позволилъ себѣ привести имена всѣхъ тѣхъ высокихъ чиновниковъ, которые лично сообщили мнѣ большую часть изложенныхъ здѣсь фактовъ, и которыхъ извѣстность и высокая честность вполне гарантируютъ достовѣрность сказаннаго ими.

Русское правительство уже съ начала семидесятыхъ годовъ стало ссылать государственныхъ преступниковъ, въ видѣ особеннаго наказанія, на работы въ карскихъ рудникахъ, но въ обыкновеніе это вошло лишь съ 1879 г. До этого времени большая часть политическихъ преступниковъ содержалась въ одиночномъ заключеніи при Петропавловской крѣпости или въ харьковской центральной тюрьмѣ. Когда же революціонное движеніе въ Россіи достигло необычайныхъ до того времени размѣровъ, и тюрьмы въ Европейской Россіи стали переполняться государственными преступниками, министр внутреннихъ дѣлъ приказалъ ссылать болѣе опасныхъ изъ нихъ на Кару, гдѣ ихъ помѣщали въ тюрьмахъ, назначенныхъ собственно для уголовныхъ преступниковъ ¹⁾.

Въ Декабрѣ 1880 г. содержалось въ карскихъ тюрьмахъ до 50 „политическихъ“; прочіе девять отбыли уже „сроки испытанія“ и жили относительно свободно въ своихъ маленькихъ хижинахъ. Большая часть „политическихъ“ мужескаго пола работала вмѣстѣ съ уголовными въ золотопромывальнѣ. Число рабочихъ часовъ не переходило за предѣлы разумнаго, такъ что „политическіе“ считали особеннымъ удовольствіемъ выйти изъ душныхъ зараженныхъ камеръ и проработать 6—8 часовъ на свѣжемъ воздухѣ.

Начальникомъ карскаго поселенія ссыльныхъ былъ полк. Кононовичъ, человѣкъ въ высшей степени образованный и гуманный, оставившій по себѣ самую добрую память въ восточносибирскихъ государственныхъ преступникахъ. Онъ не былъ либераломъ и питалъ отвращеніе къ революціи, но онъ не выпускалъ изъ виду того факта, что между „политическими“ находилось много благородныхъ людей, которыхъ несправедливость и поработеніе привели въ отчаяніе; онъ зналъ, что мотивы, побудившіе ихъ сдѣлаться революціонерами безкорыстны; поэтому онъ облегчалъ ихъ тяжелую участь и обращался съ ними хорошо, хотя и находилъ ихъ образъ дѣйствій неразумныхъ. Между прочимъ въ это время

¹⁾ Политической тюрьмы тогда еще не существовало и „политическихъ“ заключали въ такъ называемыя „Секретныя камеры“. Черезъ нѣкоторое время ихъ перевели въ какое-то зданіе въ Средней Карѣ, гдѣ они жили всѣ въ одной большой камерѣ. Съ ними обращались какъ и съ уголовными преступниками, т. е. они работали каждый день въ золотопромывальнѣ, а по истеченіи „срока испытанія“ ихъ выпускали изъ тюрьмы и они вступали въ „свободную команду“.

въ карскихъ рудникахъ находились нѣсколько государственныхъ преступниковъ, прикованныхъ къ тачкамъ¹⁾.

Полк. Кононовичъ не могъ видѣть, какъ подвергали высокообразованныхъ людей такому унижительному наказанію: онъ приказалъ, хотя не имѣлъ на это права безъ позволенія свѣше, чтобы всегда, когда онъ будетъ осматривать тюрьмы, ихъ освобождали отъ этого позорнаго наказанія.

Эта гуманность и вообще участіе къ нуждамъ „политическихъ“ лучше всего характеризуютъ личность этого офицера. Лорисъ Меликовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ въ концѣ 1880 г. цѣлый рядъ предписаній съ цѣлью лишить „политическихъ“ тѣхъ привилегій, которыми они пользовались до этихъ поръ. Прежде всего имъ запретили состоять въ перепискѣ съ родными. Это ничѣмъ неоправдываемое запрещеніе причинило ссыльнымъ, имѣвшимъ въ Россіи близкихъ родственниковъ, много страданій. Кромѣ того онъ запретилъ имъ работать въ золотопромывальнѣ и лишилъ ихъ тѣмъ единственной возможности выйти на свѣтъ божій и подышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Наконецъ, губернаторъ приказалъ въ 1880 году уничтожить „свободную команду“, заключить всѣхъ принадлежавшихъ къ ней „политическихъ“ въ тюрьму, заковать ихъ и обрить имъ голову²⁾.

¹⁾ Это наказаніе допускается еще до нынѣ; ему подвергаютъ однако только осужденныхъ на пожизненную каторгу. Ссыльнаго приковываютъ къ тачкѣ желѣзной цѣпью, которая въ свою очередь прикрѣплена къ его кандаламъ. Эта цѣпь лишаетъ его свободы движенія и не снимается съ него даже ночью. Въ карской тюрьмѣ были подвержены четверо „политическихъ“ этому наказанію: Попеко, Березникъ, Ѳомичевъ и Щедринъ, послѣдняго лишь въ 1884 г. освободили отъ этого ужаснаго наказанія.

²⁾ Всѣ эти предписанія были изданы „либеральнымъ“ министромъ Лорисъ-Меликовымъ, и я не могъ никогда себя объяснить противорѣчіе обращенія его съ либеральной партіей и съ сосланными государственнымими преступниками. Одни изъ сибирскихъ чиновниковъ, которыхъ я просилъ объяснить мнѣ это противорѣчіе, утверждали, что министръ хочетъ сдѣлать жизнь „политическихъ“ невыносимой; другіе полагали, что министръ не былъ хорошо знакомъ съ бытомъ „политическихъ“ и издалъ эти предписанія, предполагая, что теперешніе государственные преступники не заслуживаютъ лучшаго обращенія, чѣмъ декабристы 1825 г. Многіе изъ ссыльныхъ, съ которыми я говорилъ по этому поводу, считали симпатіи министра къ либеральной партіи лицемѣрными; по моему мнѣнію, онъ не обдумалъ хорошо всѣхъ послѣдствій своихъ предписаній.

Полк. Кононовичъ, считая этотъ указъ совершенно излишнимъ и слишкомъ безчеловѣчнымъ, старался добиться его отмены, но безуспѣшно. Тогда онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ членовъ „свободной команды“, прочелъ имъ предписаніе и прибавилъ, что всѣ его старанія облегчить ихъ участь остались безплодными. Послѣ этого онъ далъ въ ихъ распоряженіе еще 3 дня, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла, взявъ на себя всю отвѣтственность за послѣдствія своей снисходительности. Утромъ 1-го Января они должны были всѣ явиться въ тюрьму. Это извѣстіе было новымъ, неожиданнымъ ударомъ для членовъ „свободной команды“. Они прожили цѣлыхъ два года въ собственныхъ домищахъ, пользуясь относительной свободой; нѣкоторые „политическіе“, перейдя въ „свободную команду“, немедленно призывали изъ Европейской Россіи женъ и дѣтей; черезъ три дня они должны были распрощаться съ семьей и возвратиться въ тюрьму. Одни должны были оставить своихъ женъ и дѣтей безъ всякаго призора въ поселеніи ссыльныхъ: другіе, изнуренные болѣзнями, знали навѣрное, что идутъ навстрѣчу вѣрной смерти. Къ „свободной командѣ“ принадлежалъ также вѣкій молодой юристъ Евгенийъ Семеновскій, сынъ извѣстнаго кievскаго врача. Этотъ благородный и одаренный блестящими способностями молодой человѣкъ былъ уже присяжнымъ повѣреннымъ, какъ вдругъ однажды жандармы арестовали его за то, что онъ былъ якобы въ какихъ-то отношеніяхъ съ революціонной газетой „Впередъ“. Военный судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ. Четыре года тюремнаго заключенія подорвали его здоровье до того, что его должны были причислить къ „свободной командѣ“, не смотря на то, что „срокъ испытанія“ еще не окончился. На послѣдней сходкѣ „политическихъ“ наканунѣ Новаго Года, Семеновскій былъ очень унылъ и въ сильномъ волненіи распрощался съ своими товарищами. Въ эту ночь г. Чарушинъ, одинъ изъ „политическихъ“, жившій съ Семеновскимъ въ одномъ домѣ, былъ разбуженъ выстрѣломъ изъ ружья. Онъ бросился въ комнату Семеновскаго и нашелъ его лежащимъ на землѣ съ прострѣленной головой. Несчастный молодой человѣкъ былъ еще живъ, но не пришелъ болѣе въ себя. На столѣ лежали два письма, одно къ отцу, другое къ Чарушину; онъ просилъ своего товарища передать первое письмо по назначенію. Я приведу его дословно:

„Канунъ Нового Года.

Дорогой отецъ! Я пришелъ только что отъ своихъ товарищей, съ которыми я провелъ послѣднюю ночь 1880 г. Новый Годъ наступаетъ для насъ при очень дурныхъ предзнаменованіяхъ. Ты, навѣрное, получилъ письмо отъ жены одного моего товарища, которую я просилъ передать тебѣ, что намъ запрещено писать даже родителямъ. Какъ ни бессмысленно, ни безчеловѣчно было это запрещеніе, насъ ожидало нѣчто худшее, чего я не предвидѣлъ, когда писалъ тебѣ въ прошлый разъ. Дней десять тому назадъ намъ объявили, что мы всѣ должны возвратиться въ тюрьму. Насъ деватеро: Шишео, Чарушинъ, Квятковский, Успенскій, Союзовъ, Богдановъ, Терентьевъ, Тевдуль и я; мы всѣ прожили послѣдніе два года относительно свободно. Съ того момента, когда Лорисъ-Меликовъ запретилъ намъ писать роднымъ письма, я не ожидалъ ничего пріятнаго. Уже въ этомъ предписаніи я видѣлъ намекъ, что насъ не оставятъ въ покоѣ. Завтра мы должны возвратиться въ тюрьму. Если-бы не поле. Кононовичъ, то намъ пришлось-бы перейти на житье въ тюремный замокъ тотчасъ-же по полученіи указа. Но онъ далъ намъ отсрочку на нѣсколько дней, чтобы привести въ порядокъ наши дѣла. Мы воспользовались въ послѣдній разъ нашей свободой, чтобы встрѣтить Новый Годъ. Я не воспользуюсь ей съ другой цѣлью. Не значить-ли это злоупотребить довѣріемъ поля. Кононовича?! Впрочемъ, даже тогда я долженъ привести мой планъ въ исполненіе.

Многіе могутъ, узнавъ, что мы возвращаемся въ тюрьму, сравнить насъ съ овцами, покорно идущими подъ ножъ мясника, но подобное сравненіе было-бы грубой ошибкой: единственное средство избавиться отъ этой невыносимой жизни—бѣгство: но какъ и куда намъ бѣжать при морозѣ въ 35°, безъ всякихъ средствъ къ жизни?

Почему мы уже раньше не сдѣлали этой попытки, ты узнаешь изъ письма, которое я написалъ тебѣ въ концѣ Августа.

Если-бы указъ о возвращеніи въ тюрьму пришелъ весной, то я бѣжалъ-бы, такъ какъ въ это время года у меня была-бы по крайней мѣрѣ надежда на успѣхъ. Но случилось не такъ, какъ я предполагалъ. Я чувствую, какъ угасаютъ мои послѣднія силы, я знаю, что физическая сла-

бость повлечетъ за собою и умственную, что я рано или поздно сдѣлаюсь идиотомъ, даже если останусь на волѣ. Что же сдѣлается со мной въ тюрьмѣ? Единственное, что могло-бы привязать меня къ жизни,—это надежда на то, что я когда-нибудь вернусь въ Россію и опять приму участіе въ движеніи, которому я посвятилъ свою жизнь, но чѣмъ можетъ послужить святому дѣлу человѣкъ, разбитый физически и нравственно?

Поэтому я пришелъ къ результату, что моя жизнь совершенно безцѣльна, и что я имѣю право положить предѣлъ бесполезнымъ и безцѣльнымъ мученіямъ. Я давно ужъ усталъ, усталъ до смерти. Только мысль о родинѣ удерживала меня отъ самубійства; я знаю, что причиню тебѣ, дорогой Сапа¹⁾ и всѣмъ тѣмъ, которые меня любятъ, ужасное горе, но развѣ вы всѣ не настолько любите меня, чтобы простить самубійство человѣку, доведенному до отчаянія?

Поймите-же, что меня буквально замучили до смерти за послѣднія нѣсколько лѣтъ. Я умоляю васъ, во имя всего того, что вамъ дорого, простить мнѣ. Вы знаете, что я жилъ бы дольше, если-бы имѣлъ еще на это силы, только для того, чтобы избавить васъ отъ горя, но мои силы истощены. Безуміе или смерть! Я стою передъ страшной дилеммой и вижу, что только одна смерть можетъ положить конецъ моимъ страданіямъ.

Будь счастливъ, мой дорогой, горячо любимый отецъ! Прощай мой милый Сапа! и ты, мой младшій братъ, котораго я едва зналъ.

Помните, что лучше умереть даже такой смертью, какая предстоить мнѣ, чѣмъ жить безъ чести и убѣжденій.

Прощайте еще разъ навсегда! Не поминайте зломъ вашего сына и брата, который даже въ несчастіи ищетъ себѣ утѣшенія.

Евгеній“.

Смертные останки Евгенія Семеновскаго покоятся на восточно-сибирскомъ кладбищѣ политическихъ преступниковъ, на одномъ уединенномъ холмѣ, называемомъ „Головой Преступника“. Простой деревянный крестъ, находящійся на его могилѣ, придетъ скоро въ ветхость, и никто не будетъ знать,

¹⁾ Братъ Семеновскаго.

гдѣ находится прахъ этого талантливаго, высокообразованнаго человѣка, который могъ-бы оказать громадные услуги отечеству, если-бы въ немъ не царилъ такой грубый произволъ.

Полковникъ Кононовичъ былъ крайне огорченъ смертью Семеновскаго, но это самоубійство было лишь началомъ цѣлаго ряда трагическихъ событій, которые повлекли за собой мѣры правительства противъ „политическихъ преступниковъ“.

Вскорѣ послѣ смерти Семеновскаго покончилъ съ жизнью также и г. Родинъ, одинъ изъ его товарищей, выпивъ растворъ спичекъ. Г. Успенскій повѣсился въ банѣ, а г-жа Ковалевская, сестра одного извѣстнаго русскаго экономиста¹⁾, сошла съ ума, и ее должны были заключить въ смиренительную куртку.

Эти ужасныя проявленія людскихъ страданій произвели на полковника Кононовича такое потрясающее впечатлѣнiе, что онъ рѣшился просить увольненія отъ должности начальника карскаго поселенія ссыльныхъ. Онъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ откровенное письмо, въ которомъ онъ осуждалъ мѣры правительства противъ „политическихъ“. „При подобныхъ жестокихъ предписаніяхъ необходимо послать на мою должность палача, но я не палачъ и не могу заставить себя повиноваться приказаніямъ, которые нахожу несправедливыми; мнѣ остается только просить увольненія“. Его отставка была принята, и онъ переселился въ Петербургъ; на пути въ столицу онъ имѣлъ разговоръ съ генералъ-губернаторомъ Анучинымъ, въ которомъ послѣдній полупрезрительно замѣтилъ г. Кононовичу: „Человѣкъ съ вашими убѣжденіями не годится не только на должность начальника карскихъ рудниковъ, но и вообще на государственную службу“. „Хорошо“, отвѣтилъ полковникъ, „въ такомъ случаѣ я покину и эту“.

Вскорѣ по своемъ прибытіи въ Петербургъ онъ имѣлъ разговоръ съ г. Дурново, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ²⁾; г. Кононовичъ между прочимъ сказалъ ему: „я никогда не поступалъ противъ закона, всегда старался заста-

¹⁾ Г. В. Вовецовъ, авторъ извѣстной книги: „Будущность капитала въ Россіи“. Онъ написалъ также много экономическихъ статей, печатавшихся въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы“, „Отеч. Запискахъ“ и „Русской Мысли“.

²⁾ Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ.

вить уважать его и никогда не позволялъ себѣ малѣйшаго нарушенія дисциплины. Если вы хотите содержать карскія тюрьмы въ порядкѣ, то вы должны посылать на Кару людей съ моими убѣжденіями. Что я не руководился въ моихъ поступкахъ эгоистическими побужденіями, вы можете видѣть изъ того, что мой образъ дѣйствій подвергалъ меня самого большой опасности. Вы навѣрное получали часто отъ многихъ чиновниковъ на меня доносы. Но я не боюсь ни доносовъ, ни враговъ, я слушаюсь только голоса своей совѣсти. Но при теперешнихъ предписаніяхъ правительства я не могу болѣе съ спокойной совѣстью отправлять своей службы и просилъ, поэтому, отставки“. Дальнѣйшая исторія карскаго поселенія, которую я расскажу въ слѣдующей статьѣ, не разъ заставитъ г. Дурново вспомнить о словахъ г. Кононовича. Очень немного чиновниковъ пользуются въ Сибири репутаціей честныхъ и образованныхъ людей; поэтому, мнѣ очень пріятно сообщить, что всѣ „политическіе“, всѣ честные и дѣльные чиновники, всѣ незапятнанные граждане сходились во мнѣнiи, что полковникъ Кононовичъ гуманнѣйшій и добрый человѣкъ и интеллигентнѣйшій, неподкупнѣйшій чиновникъ. Почти всѣ улучшения, введенныя за послѣднія 25 лѣтъ въ карскомъ поселеніи, состоялись только благодаря г. Кононовичу. Поэтому мнѣ искренно жаль, что онъ былъ положительно вытѣсненъ изъ Сибири безсовѣстными и подкупными товарищами по службѣ. Они называли его „слабымъ, сентиментальнымъ социалистомъ, симпатизирующимъ государственнымъ преступникамъ“. Нерчинскій исправникъ объявилъ даже публично, что въ его власти сослать полковника Кононовича съ желтымъ тузомъ на спинѣ въ Якутскую область. Какъ охотно вѣрили даже высшіе чиновники доносамъ на г. Кононовича, можно себѣ представить изъ слѣдующаго анекдота: За годъ до его отставки былъ сосланъ на Кару нѣкій Вибиновъ, еще совершенно молодой человѣкъ. Дурное обращеніе съ нимъ на пути до карскаго поселенія озлобило его до того, что онъ совершенно одичалъ. Подозрительный отъ природы, молодой человѣкъ считалъ теперь каждаго чиновника своимъ личнымъ врагомъ. Полковникъ Кононовичъ принялъ его очень хорошо, прислалъ ему свѣжее бѣлье и старался увѣрить молодого арестанта, что его никто не думаетъ обидѣть. Изумленный подобнымъ пріемомъ Вибиновъ далъ въ одномъ письмѣ къ роднымъ слѣдующій

отзывъ о полковникѣ Кононовичѣ: „Меня очень радуетъ, что, познакомившись съ г. Кононовичемъ, я могу констатировать, что русскій полковникъ не долженъ быть обязательно хищнымъ звѣремъ“. Это письмо было перехвачено полиціей; министръ внутреннихъ дѣлъ отослалъ его генералу Ильяшевичу, губернатору Забайкалья, который его въ свою очередь отослалъ г. Кононовичу съ просьбой дать ему объясненіе относительно этого письма, такъ какъ его считали доказательствомъ „незаконнаго“ отношенія начальника карскаго поселенія къ „политическимъ“. Г. Кононовичъ оставилъ это письмо губернатора безъ всякаго отвѣта. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полковнику привелось быть въ Читѣ, и генералъ Ильяшевичъ спросилъ его, получилъ ли онъ это письмо.

„Да“, отвѣтилъ полковникъ. „Но я не понимаю какого объясненія желали вы? Развѣ я долженъ былъ извиняться за то, что меня кто-то принялъ за человѣческое существо, а не за хищнаго звѣря?“

Генералъ, не ожидавшій подобнаго отвѣта, былъ сильно сконфуженъ, и сказалъ, что его секретарь, навѣрное, невѣрно выразился; послѣ этого онъ постарался замять это дѣло.

Послѣ того, какъ полк. Кононовичъ отказался отъ поста начальника карскихъ тюремъ, онъ перенялъ команду надъ забайкальскими казаками въ Нерчинскѣ. Здѣсь онъ узналъ, что нѣсколько офицеровъ въ сообщничествѣ съ исправникомъ освобождали за вознагражденіе въ 200—300 рублей рекрутовъ отъ воинской повинности. Онъ рѣшился привлечь мошенниковъ къ отвѣтственности, но они имѣли въ Иркутскѣ вліятельныхъ друзей, послали на него нѣсколько доносовъ и составили изъ своихъ же сообщниковъ слѣдственную комиссію. Такимъ образомъ врагамъ г. Кононовича едва не удалось, какъ хвастался исправникъ, отправить его съ желтымъ тузомъ на спинѣ въ Якутскъ, но къ счастью г. Кононовичъ имѣлъ въ Петербургѣ очень вліятельныхъ друзей. Онъ телеграфировалъ имъ и министру внутреннихъ дѣлъ и добился того, что составили другую комиссію; результатомъ слѣдствія было то, что исправникъ и его сообщники сами попали въ тюрьму. Тогда эти мошенники сговорились поджечь поздно ночью домъ полковника, гдѣ лежали собранные г. Кононовичемъ документы, свидѣтельствовавшіе объ ихъ виновности. Г. Кононовичъ выбѣжалъ въ одной рубашкѣ и, убѣ-

дившись, что его семьѣ не грозило болѣе опасности, бросился назадъ, чтобы спасти хоть часть обвинительнаго матеріала, но это ему не удалось, и всѣ улики противъ него даявъ сгорѣли. Тогда онъ покинулъ Сибирь, такъ какъ не хотѣлъ болѣе жить въ странѣ, гдѣ честный человѣкъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей, не рискуя головой. Въ Петербургѣ его опредѣлили на должность представителя забайкальскихъ казаковъ въ генеральномъ штабѣ; въ 1888 г. г. Кононовичъ былъ произведенъ въ генералы, и ему поручили управленіе самымъ большимъ и важнымъ поселеніемъ ссыльныхъ въ Сибири,—островомъ Сахалиномъ.—Это назначеніе дѣлаетъ честь русскому правительству и свидѣтельствуется такъ же, какъ и постройка новой тюрьмы въ Верхнеудинскѣ, о томъ, что царь не совсѣмъ такъ равнодушенъ къ участи сибирскихъ ссыльныхъ и арестантовъ. Пока сахалинскіе рудники будутъ находиться подъ управленіемъ генерала Кононовича, можно быть увѣреннымъ, что ихъ управленіе будетъ безупречно.

Послѣднимъ актомъ гуманной дѣятельности г. Кононовича въ карскомъ поселеніи была постройка новой политической тюрьмы при нижней золотопромывальнѣ. Капитанъ Николинъ не позволилъ мнѣ осмотрѣть эту тюрьму. Снаружи она не отличается ничѣмъ отъ обыкновенныхъ тюремныхъ замковъ, но говорятъ, что она свѣтлѣе и обширнѣе и вообще лучше другихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ больницы въ ней находятся четыре камеры; въ каждой камерѣ три окна, большой столъ, изразцовая печь и нары для 25 человѣкъ. Постели можно найти лишь въ лазаретѣ, постельное бѣлье ссыльные покупаютъ на собственные деньги. Сначала тюрьма не была окружена со всѣхъ сторонъ частоколомъ, и изъ всѣхъ оконъ открывался видъ на долину Кары. Генералъ-губернатору Анучину не понравилось такое устройство тюрьмы; онъ цинично замѣтилъ: „Тюрьма вовсе не дворецъ“ и приказалъ обвести тюрьму частоколомъ изъ длинныхъ, толстыхъ кольевъ, такъ что полисадъ закрываетъ арестантамъ видъ на окрестности. Ясно, что этотъ чиновникъ желалъ сдѣлать „политическимъ“ жизнь совершенно невыносимой. Во всякой тюрьмѣ на Карѣ имѣются окна, изъ которыхъ открывается видъ на Кару или на поселеніе; каждый разбойникъ или фальшивый монетчикъ во всемъ поселеніи можетъ изъ своей камеры видѣть окрестности

тюрьмы. Политическіе же арестанты не заслуживаютъ, по мнѣнію генераль-губернатора, жить во „дворцѣ“, изъ оконъ котораго они могли-бы смотрѣть на зелень деревьевъ и наслаждаться восходомъ солнца. Они совершенно отрѣзаны отъ другихъ людей; къ нимъ не можетъ проникнуть черезъ желѣзную рѣшетку окна свѣжій воздухъ; они не видятъ другихъ людей, кромѣ смотрителя тюрьмы. Я часто желалъ, чтобы его высокопревосходительство, господина генераль-губернатора Анучина заключили на годъ въ политическую тюрьму на Карѣ, чтобы онъ наслаждался втеченіи 365 дней видомъ на ветхіе колья, чтобы онъ втеченіи 365 ночей спалъ на голыхъ, кишачихъ клопами нарахъ, каждую ночь въ продолженіе 52 недѣль вдыхалъ вонь отъ непокрытой „параши“. Тогда бы только онъ понялъ, сколько низости лежитъ въ фразѣ: „Тюрьма не дворецъ“.

XVI.

Исторія политической тюрьмы на Карѣ.

Послѣ того, какъ полковникъ Кононовичъ былъ отставленъ, въ 1881 г., отъ должности начальника карскихъ поселеній, на его мѣсто былъ призванъ маіоръ Потуловъ. Вскорѣ послѣ того, какъ г. Потуловъ вступилъ въ должность, всѣ „политическіе“, которыхъ было около сотни, были переведены въ построенную при нижней золотопромывальнѣ тюрьму, раздѣленную на четыре камеры, такъ что на каждую приходилось по 25 чел. Жизнь ихъ была безконечная цѣпь страданій, какъ это видно изъ писемъ ихъ къ друзьямъ и роднымъ¹⁾. Но не смотря на это, она не была такъ ужасна, какъ вообще полагаютъ. Они могли совершать прогулки по тюремному двору, получать отъ друзей небольшія суммы денегъ, обладали маленькой библіотекой; для разнообразія они могли заниматься столярными и кузнечными работами въ

¹⁾ Я обладаю цѣлымъ собраніемъ такихъ писемъ, и много фактовъ сообщаемыхъ мною на этихъ страницахъ, почерпнуты изъ этого источника. Хотя мнѣ, пожалуй, возразятъ, что эти письма написаны слишкомъ пристрастно, но вѣдь авторы ихъ не рассчитывали возбудить къ себѣ сочувствіе русскаго общества, такъ какъ они не предназначали своихъ писемъ гласности.

маленькой мастерской, находившейся на дворѣ. Санитарныя условія, въ которыхъ они проживали, были не одинаковы для всѣхъ „политическихъ“: одни изъ нихъ были скованы по рукамъ и ногамъ, другіе прикованы къ тачкѣ; тѣ, которые находились еще въ полномъ обладаніи умственными способностями, должны были постоянно выслушивать всякій вздоръ, который болтали ихъ помѣшавшіеся товарищи по ссылке; ихъ однообразная жизнь не нарушалась, какъ прежде, работами въ золотопромывальнѣ; они уже не обладали болѣе привилегіей по отбытіи срока „испытанія“ переходить на житье въ „свободную команду“ и переписываться со своими родными и друзьями. Весь міръ для нихъ заключался въ четырехъ камерахъ и тюремномъ дворѣ, обнесенномъ палисадомъ. Даже самый равнодушный тюремный чиновникъ соглашался съ тѣмъ, что участь „политическихъ“ невыносима. Въ своемъ тайномъ отчетѣ за 1882, предназначенномъ непосредственно для императора, генераль Анучинъ, изображая положеніе дѣлъ въ Восточной Сибири, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Заключая эту часть моего отчета (о тюрьмахъ и тюремномъ управленіи), я не могу не обратить всеподданнѣйше вниманія Вашего Императорскаго Величества на государственныхъ преступниковъ, проживающихъ въ Восточной Сибири. Къ 1-му января 1882 г. въ Восточной Сибири находилось 430 государственныхъ преступниковъ, изъ нихъ:

а) по судебному приговору сослано въ Сибирь и при- суждено	
1. въ каторжнымъ работамъ	123
2. „ поселенію	49
3. „ жительству, въ мѣстахъ, указанныхъ правительствомъ	41
б) административнымъ порядкомъ	
Всего	
430 ¹⁾ .	

Охрана тюрьмы, въ которой заключены карскіе политическіе каторжники, поручена ротѣ забайкальскихъ казаковъ, состоящей изъ 200 чел. Немыслимо заставить полити-

¹⁾ Тотъ официально признанный фактъ, что изъ 430 „политическихъ“ 217, т. е. больше половины, сосланы безъ всякаго судебного разбирательства, заслуживаетъ особеннаго вниманія сторонниковъ русско-американскаго договора о выдачѣ преступниковъ.

ческих преступниковъ работать вмѣстѣ съ уголовными¹⁾. Отдѣлять же во время работъ одинъ классъ преступниковъ отъ другаго также неудобно по многимъ причинамъ, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе отсутствія соотвѣтствующаго конвоя, невозможности найти подходящее мѣсто; въ общемъ, всѣ политическіе преступники не годны къ тяжелому физическому труду. Если я еще прибавлю, что тяжелыя непродуцируемыя работы, къ которымъ принуждаетъ арестантовъ тюремное начальство въ другихъ странахъ, чтобы они не проводили праздно время своего заключенія въ тюрьмѣ, вовсе не въ обычаѣ у насъ, то остается прійти только къ одному заключенію, что не существуетъ ни одного вида каторжныхъ работъ, къ которому были-бы пригодны политическіе каторжники. Мѣстныя власти, на которыя возложенъ надзоръ за ними, и которыя привлекаются къ строгой отвѣтственности даже въ случаѣ произведенной однимъ изъ нихъ попытки къ бѣгству, видятъ себя вынужденными держать „политическихъ“ подъ строгимъ карауломъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выпускать ихъ на прогулку по тюремному двору или употреблять ихъ для какихъ-нибудь легкихъ работъ. Но подобныя занятія не имѣютъ характера каторжныхъ работъ, а служатъ единственно для поддержанія здоровья. Освобожденіе отъ каторжной работы не облегчаетъ еще участи политическихъ каторжниковъ; напротивъ того, жизнь въ своемъ тѣсномъ кругу, непрерывное отчужденіе отъ остальнаго человѣчества дѣлается для нихъ скоро невыносимымъ.

..... Не разъ прибѣгали уже карскіе поселенцы къ самоубійству, и лишь недавно одинъ изъ нихъ, Позенъ, спустя короткое время послѣ заключенія въ карскую политическую тюрьму, лишился разсудка. Другіе же близки къ тому состоянію, которое граничитъ съ безуміемъ. По соглашенію съ г. министромъ внутр. дѣлъ я распорядился, чтобы всѣ душевно-больные, по возможности, помѣщались въ спеці-

¹⁾ Генераль-губернаторъ не разъясняетъ, почему эта совмѣстная работа немыслима, и почему въ то время, когда во главѣ управленія карскими рудниками стоялъ полк. Кононовичъ, „политическіе“ допускались къ работѣ въ золотопромывальнѣ, и, не смотря на это, втеченіи всего времени не произошло ни одной попытки къ бѣгству и не было замѣчено никакихъ вредныхъ послѣдствій такого гуманнаго отношенія къ „политическимъ“.

ально для этой цѣли нанятомъ домѣ въ г. Читѣ¹⁾, такъ какъ во всей Сибири не существуетъ ни одного (!) дома умалишенныхъ, а всѣ больницы подобнаго рода въ Европейской Россіи переполнены до невозможности²⁾.

Не слѣдуетъ забывать того факта, что единственнымъ виновникомъ „невыносимой“ жизни политическихъ ссыльныхъ является русское правительство. Анучинъ приказалъ выстроить передъ стѣнами тюрьмы высокій палисадъ, который совершенно закрывалъ видъ на окрестность и обратилъ тюрьму въ какой-то огромный сундукъ, а министръ внутр. дѣлъ уничтожилъ „свободную команду“ и приказалъ „какъ можно больше обособить“ несчастныхъ ссыльныхъ, что повлекло за собой цѣлый рядъ самоубійствъ и помѣшательствъ. Во то время, когда карскіе рудники находились подъ управленіемъ полковника Кононовича, жизнь политическихъ ссыльныхъ была довольно сносна; положеніе ихъ сдѣлалось „невыносимымъ“ лишь по изданіи распоряженій, повлекшихъ за собой отставку этого гуманнаго администратора.

Странно было бы ожидать, чтобы молодые, энергичные люди несли покорно это тяжелое иго, которое даже само правительство считало „невыносимымъ“. Въ Апрѣлѣ 1882 г., спустя годъ послѣ отставки г. Кононовича, когда еще не

¹⁾ Три съ половиной года спустя послѣ этого отчета, т. е., во время нашего тамошняго пребыванія, „соглашеніе“ это еще не было выполнено. Помѣщавшіеся преступники все еще проживали вмѣстѣ съ своими товарищами и еще болѣе отравляли имъ жизнь своимъ видомъ. Вообще въ восточно-сибирскихъ тюрьмахъ не было замѣтно никакого ухода за душевно-больными арестантами. Не одинъ разъ, когда мы осматривали забайкальскіе рудники, бросались на насъ помѣшавшіеся арестанты, издавая дикіе крики или раздражаясь истерическимъ смѣхомъ. Причины такого безотраднaго явленія указаны отчасти въ отчетѣ генерала Анучина. Во всей странѣ нѣтъ ни одного дома умалишенныхъ, да и кромѣ того гораздо дешевле и удобнѣе, если за умалишеннымъ ходятъ его товарищи по заключенію, чѣмъ если приходится нанять отдѣльный домъ и приставить къ больному особаго сторожа для ухода за нимъ. Для образованныхъ политическихъ арестантовъ, которые боятся безумія больше смерти, нѣтъ картины тяжелѣе, чѣмъ видъ ихъ несчастныхъ со товарищей, служащихъ для нихъ постояннымъ напоминаніемъ о томъ, что и ихъ жизнь можетъ закончиться такимъ образомъ.

²⁾ Отчетъ генераль-губернатора Анучина императору Александру III, глава V, отд. 3 подъ заглавіемъ: „Ссылка, каторга и тюрьма“. Копія этого отчета находится у меня и я намѣренъ его обнародовать впослѣдствіи in extenso. На подлинникѣ находятся слѣдующія замѣчательныя слова, написанныя рукой императора: „Грустная, но не новая картина!“

прошло и мѣсяца со времени отправленія Анучинымъ своего „тайнаго“ отчета, нѣсколько самыхъ отважныхъ и храбрыхъ политическихъ ссыльныхъ предприняли попытку бѣжать, для чего они, съ неимоверными усиліями, произвели подкопъ подъ тюремныя стѣны. Подкопъ не былъ открытъ, но вслѣдствіе болотистаго характера почвы, на которой была построена тюрьма, проходъ началъ наполняться водой, и ссыльные должны были прекратить дальнѣйшія работы. Тогда одинъ ссыльный предложилъ спрятаться на цѣлый день въ мастерской, находившейся въ глубинѣ двора, какъ только наступитъ ночь, спуститься по палисаду. Главное затрудненіе представляла переключка. Каждый вечеръ послѣ ужина производилась повѣрка арестантовъ; конечно, дежурный офицеръ сейчасъ же замѣтилъ бы отсутствіе тѣхъ, которые спрятались въ мастерской, еще прежде чѣмъ они были-бы въ состояніи сдѣлать малѣйшую попытку къ бѣгству. Тутъ должны были помочь куклы, сдѣланные изъ лохмотьевъ. Обыкновенно тѣхъ, которые еще до ужина уходили спать, не будили со сна. Дежурный чиновникъ сосчитывалъ ихъ и, такъ какъ онъ стоялъ на порогѣ камеры, освѣщенной весьма скудно, политическіе считали невозможнымъ, чтобы онъ не ошибся и не принялъ куколъ за людей, которые лежали лицомъ къ стѣнѣ. Если бы эта хитрость удалась, ссыльные были намѣрены добраться по Амуру до Великаго океана и на какомъ-нибудь американскомъ суднѣ переѣхать въ Соединенные Штаты. При всякой переключкѣ оставшіеся товарищи должны были класть на нары куклы и стараться, какъ можно дольше, скрывать совершившееся бѣгство, для того чтобы бѣглецы могли достигнуть береговъ океана, еще прежде чѣмъ устроятъ погоню за ними. Въ одинъ апрѣльскій день, послѣ обѣда двое политическихъ ссыльныхъ—Мышкинъ и Хрущевъ спрятались въ мастерской, а на нарахъ красовались двѣ искусно изготовленныхъ куклы въ арестантскихъ платьяхъ. Дежурный чиновникъ не замѣтилъ ничего подозрительнаго, и оба бѣглеца выползли изъ своего убѣжища, взобрались на крышу и спустились по палисаду на землю, не возбудивши вниманія часового; обоимъ удалось достигнуть неузнанными сосѣдняго лѣса и скрыться въ немъ. Нѣсколько дней спустя, двое другихъ послѣдовали примѣру двухъ первыхъ бѣглецовъ; двѣ недѣли спустя, на нарахъ лежали уже шесть куколъ, а шестеро бѣглецовъ усиленными

переходами старались достигнуть океана. Въ теченіе третьей недѣли число нѣмыхъ узниковъ достигло восьми, и уже четвертая пара ссыльныхъ старалась избавиться отъ „гостепріимства“ русскаго правительства. Къ несчастью одинъ изъ нихъ, соскочивши съ палисада, попалъ въ наполненный водой ровъ; стоявшій по близости часовой услышалъ плескъ воды; онъ немедленно выстрѣлилъ и сдѣлалъ тревогу; черезъ десять минутъ уже вся тюрьма была на ногахъ. Тщательная повѣрка арестантовъ обнаружила отсутствіе восьми человѣкъ. За нѣсколько дней до этого начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій и начальникъ Забайкальскаго края Ильшевичъ произвели инспекцію карскихъ тюремъ и находились уже на обратномъ пути, когда они получили извѣстіе о случившемся побѣгѣ. Они немедленно вернулись обратно на Кару и стали лично руководствовать преслѣдованіемъ бѣглецовъ. Во всѣ порты Тихаго океана, во всѣ пріамурскіе города были отправлены телеграммы, всѣ полицейскіе чиновники были снабжены примѣтами и фотографіями бѣглецовъ; было отдано распоряженіе задерживать всѣхъ подозрительныхъ и неизвѣстныхъ, а толпы туземцевъ, которымъ правительство обѣщало большое вознагражденіе, рыскали по всѣмъ лѣсамъ Забайкальскаго края. Конечно, противъ такого систематическаго преслѣдованія люди, здоровье которыхъ было ослаблено продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ, которые были вовсе незнакомы съ страной, не имѣли въ своемъ распоряженіи ни путеводителей, ни картъ, ни компаса, не могли долго устоять. Двое изъ нихъ, Мышкинъ и Хрущевъ прошли уже болѣе тысячи миль и достигли Владивостока, но, въ концѣ концовъ, всѣ были схвачены, закованы по рукамъ и ногамъ и отправлены обратно въ карскіе рудники ¹⁾.

А между тѣмъ тюремное начальство дѣлало приготовленіе къ тому, чтобы „задать бѣглецамъ урокъ“ ²⁾ на будущее

¹⁾ „Политическіе“, устроившіе этотъ неудавшійся побѣгъ, были: Мышкинъ, Хрущевъ, Болонецъ, Левченко, Юрковскій, Диковскій, Крыжановскій и Минаковъ.

²⁾ Это выраженіе употребилъ майоръ Потуловъ, рассказывая о событіяхъ, послѣдовавшихъ за открытіемъ побѣга. Многіе „политическіе“ держатся того мнѣнія, что въ интересахъ тюремнаго начальства лежало разжечь страсти, чтобы съ одной стороны имѣть право прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, съ другой стороны, вызвать тюремный бунтъ, ко-

время“ и „возстановить порядокъ въ тюрьмѣ“. Этого оно думало достигнуть тѣмъ, что оно отняло у политическихъ ссыльныхъ всѣ дарованныя имъ до тѣхъ поръ права, конфисковало деньги и книги, отняло носильное и постельное бѣлье, лишило ихъ даже тѣхъ правъ, которыми обладаютъ уголовные преступники и распредѣлило всѣхъ политическихъ преступниковъ по тюрьмамъ, занимаемымъ уголовными преступниками самого низкаго сорта, въ Усть-Карѣ, Средней и Верхней Карѣ, объявивъ ихъ на „карцерномъ положеніи“¹⁾.

Ильяшевичъ и Галкинъ-Врасскій, ожидавшіе сопротивления противъ этихъ мѣръ или, по крайней мѣрѣ, показывавшіе видъ, что ожидаютъ его, сочли нужнымъ отрядить въ нижнюю золотопромывальню шесть сотенъ казаковъ. Въ теченіе десяти дней не происходитъ ничего особеннаго, начальство желаетъ совершенно успокоить „политическихъ“; вдругъ въ одиннадцатую ночь казаки получаютъ приказъ атаковать тюрьму. Это ничѣмъ невызванное нападеніе вооруженной силы на безоружныхъ и спящихъ арестантовъ извѣстно въ исторіи карской политической тюрьмы подъ именемъ „погрома 11-го мая“. Триста или четыреста казаковъ подъ начальствомъ подполковника Руденка вторгаются съ ружьями на перевѣсъ въ тюремный дворъ, а затѣмъ въ корридоръ и врываются одновременно во всѣ четыре камеры, стаскиваютъ сонныхъ узниковъ съ наръ, съ безчеловѣчной грубостью обыскиваютъ ихъ, срываютъ съ нихъ платье и бѣлье, отнимаютъ у нихъ всю частную собственность и вытаскиваютъ ихъ въ однѣхъ рубашкахъ на дворъ. Нѣкоторые изъ „политическихъ“ пробуютъ защищаться досками, которыя они оторвали отъ наръ, но казаки безъ всякой пощады бьютъ ихъ ружейными прикладами, пока несчастные не лишаются сознанія. Сильнѣе всего были избиты Волошенко, Родіоновъ, Кобылянский, Бодоховъ и Орловъ. Я считаю излиш-

который отвлекъ-бы вниманіе министра внутр. дѣлъ отъ небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ тюремныхъ чиновниковъ, способствовавшихъ совершенію побѣга.

¹⁾ Арестантъ, находящійся на „карцерномъ положеніи“, не имѣетъ права носить свое бѣлье, у него отнимаютъ всѣ книги, деньги, табакъ и др.; онъ не выпускается даже на дворъ для прогулокъ и не смѣетъ находиться въ сношеніяхъ съ посторонними; его пища состоитъ изъ ржаного хлѣба и воды, изрѣдка онъ получаетъ порцію овсянаго супа, извѣстнаго подъ названіемъ „баланды“.

нимъ привести всѣ подробности этого страшнаго насилия достаточно того факта, что утромъ 11-го мая у „политическихъ“ отняли все ихъ имущество, бѣлье и обувь, купленные на ихъ собственные деньги, разбили ихъ на три партіи и, не давъ имъ даже позавтракать, погнали пѣшкомъ въ смиренныя дома (арестантскія роты), находившіеся въ Усть-Карѣ, среднемъ и Верхнемъ поселеніяхъ. Партія арестантовъ, направлявшаяся въ Усть-Кару (между ними находился одинъ прикованный къ тачкѣ) просила сдѣлать по дорогѣ привалъ, такъ какъ ссыльные въ этотъ день еще не завтракали, а имъ предстояло пройти еще цѣлыхъ 15 вер. Казаки, которые въ количествѣ 50—100 чел., конвоировали каждую партію и которые получили отъ ген. Ильяшевича приказаніе не жалѣть ружейныхъ прикладовъ, рѣшительно отказались исполнить просьбу ссыльныхъ и начали ихъ толкать штыками впередъ. Тогда тѣ арестанты, которые не были скованы по рукамъ, стали бросать въ конвойныхъ камнями. Завязалась неравная борьба, въ продолженіи которой казаки избили нѣкоторыхъ ссыльныхъ, оказавшихъ особенно упорное сопротивленіе, до крови, затѣмъ бывшимъ до сихъ поръ свободными связали назади руки. Избитые, усталые, голодные достигли они лишь подъ вечеръ Усть-Кары и, послѣ того какъ ихъ снова подвергли тщательному осмотру, они были заключены въ „секретныя камеры“¹⁾, по-двое въ каждую; они

¹⁾ „Секретныя камеры“ въ сибирскихъ тюрьмахъ предназначены для одиночнаго заключенія преступниковъ, совершившихъ какое-нибудь особенно тяжкое преступленіе. Намъ никогда не показывали этихъ камеръ; только одинъ разъ полковникъ Маювскій дозволилъ намъ осмотрѣть „секретныя камеры“ иркутской тюрьмы. Въ нихъ не было ни кроватей, ни наръ, вообще, не содержали ничего, кромѣ „парашъ“. Заключенные принуждены были спать на голомъ каменномъ полу, и на немъ же сидѣть или стоять. Въ иркутской тюрьмѣ я видѣлъ людей, которые уже были заключены въ такія камеры, хотя ихъ дѣло еще не было рассмотрѣно судомъ. Если-бы я могъ призвать въ свидѣтели чиновниковъ петербургской слѣдственной тюрьмы, то я могъ-бы даже передъ русскимъ судомъ доказать, что и въ этой „парадной“ тюрьмѣ существуютъ „секретныя камеры“, которыя лишены даже парашъ, и въ которыхъ заключенные совершаютъ естественныя отправленія прямо на каменный полъ. Конечно, гг. Галкинъ-Врасскій и Коковцевъ, завѣдывающіе тюремнымъ управленіемъ въ Россіи, не знаютъ о такихъ безпорядкахъ, но это фактъ, если не предположить, что чиновники и „политическіе“, сообщившіе мнѣ объ этомъ, умышленно солгали. Государственный преступ-

растянулись на сыромъ полу, радуясь, что этотъ день испытаній уже прошелъ для нихъ.

Остальныя двѣ партіи достигли безъ всякихъ приключеній Амурской и Средне-Карской тюрьмы. Такимъ образомъ г. Галкинъ-Врасскій и Ильяшевичъ уладили этотъ „опасный“ бунтъ, который могъ бы возникнуть, если бы заключенные проснулись, задали „урокъ“ „вожакамъ“ и доказали министру внутр. дѣлъ, какъ успѣшно могутъ его подчиненные подавлять возмущенія спящихъ людей. Въ тюрьмѣ былъ снова восстановленъ полнѣйшій „порядокъ“. Это былъ такой же „порядокъ“, какой нѣкогда господствовалъ въ Варшавѣ...

Такъ прошло два мѣсяца. „Политическіе“ провели все это время въ строгомъ одиночномъ заключеніи, не получая никакихъ свѣдѣній другъ о другѣ. Испорченный воздухъ, скверное и недостаточное продовольствіе и т. п. не замедлили отразиться на здоровьи узниковъ; въ „секретныхъ камерахъ“ сталъ свирѣпствовать съ страшной силой скорбуть, жертвой котораго вскорѣ сдѣлался одинъ изъ „политическихъ“, Тихоновъ. Многіе ослабѣли до того, что не могли болѣе держаться на ногахъ, когда имъ приходилось при переключѣ вставать. Несмотря на то, что въ рукахъ тюремнаго начальства находились деньги, принадлежавшія политическимъ ссыльнымъ, имъ не дозволяли пріобрѣсти постельное бѣлье и покупать болѣе питательную пищу. Маіоръ Халтуринъ, безсердечный жандармскій офицеръ, замѣстившій маіора Потулова по управленію карскими тюрьмами, позволилъ „политическимъ“ лишь тогда купить себѣ матрацы

никъ Дышескуло за участіе въ тюремномъ бунтѣ, послѣдовавшемъ за истязаніями Боголюбова, былъ заключенъ въ такую камеру. Само собою разумѣется, что мнѣ не удалось проникнуть въ карскія секретныя камеры, но нѣтъ никакого основанія предположить, что онѣ находятся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ изображенныя мною камеры петербургской или иркутской тюрьмы. Но я въ то же время долженъ оговориться, что не вездѣ въ Россіи „секретныя камеры“ находятся въ такомъ ужасномъ состояніи, и что главное тюремное управленіе всегда знаетъ о царящихъ въ русскихъ тюрьмахъ безпорядкахъ. Единственная цѣль, которую я преслѣдую, описывая состояніе русскихъ тюремъ, состоитъ въ томъ, чтобы показать всему образованному міру, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ должны влечить свое существованіе русскіе государственные преступники.

и подушки, когда скорбуть грозилъ принять эпидемическій характеръ.

Положеніе дѣлъ въ женской тюрьмѣ было немногимъ лучше. Само собою разумѣется, что женщины вовсе не были посвящены въ готовившійся побѣгъ и не принимали никакого участія въ тюремномъ „бунтѣ“; но, несмотря на все это, онѣ также должны были нести послѣдствія его. Новый комендантъ, маіоръ Халтуринъ считалъ привилегію женщинъ носить собственныя платья сентиментальнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ послабленіемъ тюремной дисциплины. Онъ приказалъ политическимъ арестанткамъ прекратить ношеніе собственной одежды и замѣнить ее обыкновенной арестантской. Нѣкоторыя политическія преступницы были крайне изнурены цынгой и не могли перемѣнить одежды, другія не хотѣли даже допустить мысли о томъ, что ихъ принудятъ силой исполнить приказаніе коменданта и поэтому сопротивлялись перемѣнить одежду. Но ничто не помогало; смотритель приказалъ казакамъ исполнить возложенное на нихъ порученіе. Сцены, которыя при этомъ разыгрались, не поддаются описанію; слѣдствіемъ ихъ была попытка на самоубійство одной изъ заключенныхъ, г-жи Лешернъ.

Въ нижнемъ поселеніи проживало нѣкоторое число женщинъ, которыя добровольно послѣдовали за своими мужьями въ эту ужасную мѣстность.

До побѣга и погрома 11-го мая эти женщины имѣли право видѣться раза два въ недѣлю съ своими мужьями, отъ которыхъ онѣ получали средства къ жизни. Послѣ того, какъ начальство рѣшилось восстановить „порядокъ“ въ тюрьмѣ и заключило „политическихъ“ въ секретныя камеры, эти свиданія были запрещены, и, такъ какъ всѣ деньги политическихъ ссыльныхъ были конфискованы, то несчастныя женщины и дѣти ихъ очутились въ самомъ отчаянномъ положеніи и чуть не умерли съ голоду. Вѣра Рогачева, супруга молодого артиллерійскаго поручика Димитрія Рогачева, осужденнаго на каторжныя работы, не выдержавши обрушившейся на нее нужды, пустила себѣ пулю въ лобъ.

Шестого Іюля 1882 г. восьмеро политическихъ ссыльныхъ, которыхъ правительство считало наиболѣе опасными, были отправлены обратно въ Петербургъ; по рѣшенію министра внутреннихъ дѣлъ они были впослѣдствіи переведены

изъ Петропавловской крѣпости въ знаменитый Шлиссельбургскій замокъ ¹⁾).

Нѣсколько дней спустя, въ серединѣ Іюля, всѣ политическіе ссыльные были переведены обратно въ тюрьму; въ то время, какъ прежде все помѣщеніе тюрьмы было раздѣлено на четыре камеры, теперь каждая камера была, въ свою очередь, раздѣлена перегородками на три кельи, на 7—8 чел. каждая. Все пространство въ такой маленькой келии занимали нары; въ промежуткѣ между нарами и стѣной нельзя было стоять даже двумъ заключеннымъ; несчастнымъ, лишеннымъ всякой возможности предаться какому-бы то ни было труду, оставалось лишь лежать или сидѣть на нарахъ. Чтобы еще больше увеличить ихъ страданія, въ эти кельи были поставлены ушаты для экскрементовъ, вонь отъ которыхъ дѣлала пребываніе въ безъ того душной комнатѣ совершенно невыносимымъ. Единственный отвѣтъ, который ссыльные получали отъ Халтурина на свои жалобы, состоялъ въ совѣтѣ вести себя спокойно, если они не хотятъ подвергнуться сѣченію розгами. Чтобы показать, что онъ дѣйствительно приведетъ въ исполненіе свою угрозу, онъ прислалъ въ тюрьму врача, который долженъ былъ освидѣтельствовать состояніе одного „политическаго“, котораго онъ хотѣлъ раньше всѣхъ предать экзекуціи. Тогда несчастные рѣшились прибѣгнуть въ послѣднему средству, голодовкѣ. Они послали маіору Халтуруину ультиматумъ, требуя болѣе человѣчнаго обращенія и угрожая, въ противномъ случаѣ, затѣять голодовку, чтобы избавиться отъ этой жизни, полной страданій. Маіоръ Халтуринъ не обратилъ никакого вниманія на это заявленіе, но ссыльные сдержали свое обѣщаніе: съ одного момента никто не дотрагивался до пищи, которую имъ приносили въ камеры. День проходилъ за днемъ; во всемъ зданіи царила глубокая тишина; голодавшіе лежали рядомъ на нарахъ, не издавая ни одного звука; раздавались лишь шаги часового да бредъ безумныхъ. На пятый день въ тюрьмѣ появился маіоръ Хал-

¹⁾ Эти „опасные“ государственные преступники были: Геллисъ, Волошенко, Буцинскій, Павелъ Орловъ, Малавскій, Поповъ, Шедринъ и Кобылянский. На счетъ ихъ дальнѣйшей судьбы не существуетъ никакихъ извѣстій. Г-жа Геллисъ, съ которой я познакомился въ Забайкальѣ, рассказывала мнѣ, что ее не допустили даже проститься съ мужемъ, и что она съ тѣхъ поръ уже болѣе ничего не слыхала о немъ и не знаетъ даже, живъ-ли онъ еще.

туринъ, увидѣвшій, что дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ себѣ представлялъ, чтобы узнать, на какихъ условіяхъ ссыльные согласны положить конецъ голодовкѣ. „Политическіе“ отвѣтили, что они до тѣхъ поръ будутъ продолжать стачку, пока „параши“ не будутъ удалены изъ камеръ, и имъ не возвратятъ конфискованныхъ книгъ и денегъ, чтобы они могли купить лучшую пищу, чѣмъ та, которая отпускалась казной. Кромѣ того, они потребовали, чтобы Халтуринъ далъ честное слово не подвергать ихъ тѣлесному наказанію. Комендантъ сталъ увѣрять, что слухъ о тѣлесномъ наказаніи совершенно неоснователенъ, объ этомъ онъ никогда серьезно не думалъ; онъ заявилъ, что, если они прекратятъ стачку, то онъ посмотритъ, что можно сдѣлать для улучшенія ихъ участи. Такъ какъ онъ не далъ никакихъ положительныхъ обѣщаній, то ссыльные рѣшили продолжать голодовку. На десятый день положеніе сдѣлалось крайне критическимъ. Графъ Толстой, которому сообщили о голодовкѣ, телеграфировалъ Халтуруину, чтобы тотъ внимательно слѣдилъ за всѣми симптомами въ состояніи стачечниковъ и немедленно сообщалъ о всякой перемѣнѣ ¹⁾).

¹⁾ Для меня было всегда непостижимо, почему русское правительство, которое такъ скверно обращается съ политическими ссыльными не даетъ имъ умереть, чтобы хоть такимъ образомъ избавиться отъ своихъ противниковъ. А между тѣмъ, каждый разъ, когда государственные преступники прибѣгали къ голодовкѣ, власти выказывали немалое беспокойство и, въ концѣ концовъ, всегда уступали. Это одно изъ безчисленныхъ противорѣчій, характеризующихъ русскую правительственную систему. Въ одномъ случаѣ русское правительство обнаруживаетъ особое участіе къ положенію преступниковъ, въ другомъ выказываетъ необыкновенную жестокость и безсердечіе. Оно очень гордится тѣмъ, что смертная казнь не примѣняется къ уголовнымъ преступникамъ, а съ другой стороны военноокружные суды приговариваютъ ежегодно къ смертной казни цѣлый рядъ невоенныхъ лицъ. Оно de jure отмѣнило тѣлесныя наказанія, но de facto подвергаетъ многихъ преступниковъ сѣченію плетью, ста ударовъ которой достаточно, чтобы убить человѣка. Оно приходитъ въ ужасъ, если нѣсколько государственныхъ преступниковъ желаютъ покончить съ собой, прибѣгнувъ къ голодовкѣ, но въ то же время бевъ всякаго милосердія заставляетъ изнывать сотни преступниковъ въ мрачныхъ казематахъ Шлиссельбургской и Петропавловской крѣпости. Каждому здравомыслящему человѣку ясно, что, если бы русское правительство производило массовыя смертныя казни, это не такъ возмущало бы весь образованный міръ, какъ безчеловѣчное обращеніе съ государственными преступниками, голодовки, самоубійства, помѣшательства и другія доказательства безотрадной жизни, которую ведутъ политическіе каторжники въ рудникахъ.

Каждый день навѣщаль стачечниковъ тюремный фельдшеръ; онъ щупалъ пульсъ и констатировалъ температуру голодавшихъ. На тринадцатый день майоръ Халтуринъ сообщилъ женамъ политическихъ ссыльныхъ, что онъ позволяетъ имъ повидаться съ мужьями — въ первый разъ послѣ двухмѣсячной разлуки — подѣ тѣмъ условіемъ, что онѣ подѣствуютъ на своихъ мужей и убѣждать ихъ отказаться отъ голодовки. Несчастныя женщины съ радостью согласились исполнить требованіе Халтурина, и немедленно поспѣшили въ тюрьму, куда направился также Халтуринъ. Комендантъ далъ свое честное слово, что онъ сдѣлаетъ все, что только находится въ его власти, чтобы облегчить ихъ невыносимое положеніе, если они согласятся покончить голодовку. Мольбы женъ и общаніе Халтурина поколебали рѣшимость стачечниковъ, и они согласились принять пищу. Такъ закончилась первая и самая упорная голодовка карскихъ политическихъ каторжниковъ, продолжавшаяся цѣлыхъ тринадцать дней и не имѣющая себѣ подобной даже въ исторіи русскихъ каторжныхъ работъ.

Въ то время, какъ на Карѣ разыгралась эта трагедія, одна замужняя женщина лѣтъ 24, которая была присуждена одесскимъ военнымъ судомъ за социалистическую пропаганду къ каторжнымъ работамъ и отбыла уже свое наказаніе, была сослана на поселеніе въ деревню Аксу, въ южной части Забайкалья, на монгольской границѣ. Она была свидѣтельницей того варварства, съ которымъ Потуловъ и Руденко, возстановили „порядокъ“ въ карской тюрьмѣ для политическихъ преступниковъ, присутствовала при „урокахъ“, который задали казаки „бунтовавшимъ“ ссыльнымъ, сама испытала униженіе и оскорбленія, которыя побудили ея подругъ — Лешнеръ и Рогачеву къ самоубійству; причины и исторія карской голодовки были ей также хорошо извѣстны: возмущенная до глубины души, она рѣшилась застрѣлить начальника Забайкальскаго края ген. Ильяшевича, чтобы обратить вниманіе всего цивилизованнаго міра на жестокости, которымъ подвергались „политическіе“ по его приказанію. Она знала отлично, что ей придется поплатиться жизнью за свой поступокъ, можетъ быть, даже погубить своего ребенка, такъ какъ она надѣялась скоро быть матерью; но все испытанное и видѣнное ею на Карѣ до того потрясло ее, что она твердо рѣшилась выполнить свое намѣреніе, надѣясь, что

наряженное правительствомъ слѣдствіе обнаружитъ всю несправедливость и всѣ жестокости, которыя позволяли себѣ власти по отношенію къ карскимъ политическимъ узникамъ. Собравши необходимую для поѣздки въ Читѣ сумму и купивши у одного ссыльно-поселенца револьверъ, эта рѣшительная женщина скрылась изъ деревни, наняла по дорогѣ лошадей и направилась въ Читѣ, гдѣ находится резиденція забайкальскаго губернатора. Такъ какъ въ этой части свѣта не въ обычаѣ, чтобы молодыя женщины ѣхали однѣ, то неудивительно, что мужики изумленно глядѣли на эту отважную путешественницу. Недалеко отъ Читы одинъ урядникъ арестовалъ ее, но она убѣдила его отправиться вмѣстѣ съ нею въ Читѣ, гдѣ она должна была, по ея словамъ, переговорить съ исправникомъ. Когда урядникъ привезъ ее въ Читѣ къ исправнику, она объявила послѣднему, что удалась изъ Аксу не затѣмъ, чтобы бѣжать, а только потому, что желала добиться аудіенціи у ген. Ильяшевича. Исправникъ отправился съ нею къ губернатору, и, оставивъ ее въ пріемной, пошелъ доложить генералу Ильяшевичу о желаніи прибывшей переговорить съ нимъ.

— Обыскали ли вы ее? — спросилъ недоувѣрчивый генералъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ исправникъ: — я объ этомъ не подумалъ.

— Ничего не значить! замѣтилъ губернаторъ.

— Что можетъ сдѣлать мнѣ женщина? Съ этими словами генералъ Ильяшевичъ вышелъ въ пріемную, гдѣ г-жа Кути-тонская ожидала его, держа револьверъ, завернутымъ въ платокъ. Когда Ильяшевичъ подошелъ къ ней, она выстрѣлила въ него съ словами: „Вотъ тебѣ за 11-е мая!“ Раненый въ грудь Ильяшевичъ упалъ на полъ; сбѣжавшіеся слуги вынесли его изъ пріемной, а исправникъ отнял у г-жи Кути-тонской револьверъ и велѣлъ ее немедленно отправить въ мѣстную тюрьму. Она была заключена въ сырую, грязную „секретную камеру“, которая, по выраженію уѣзднаго архитектора, „была едва достаточна, чтобы лежать, и слишкомъ низка, чтобы стать во весь ростъ“. Съ нея сняли ея частныя платья и одѣли въ кишѣвшій паразитами арестантскій халатъ. Она находилась на карцерномъ положеніи и должна была цѣлыхъ три мѣсяца спать на голомъ каменномъ полу. Когда она, вслѣдствіе всѣхъ этихъ лишеній, заболѣла и попросила сторожа принести ей соломы, смотритель тюрьмы Мельниковъ велѣлъ ей передать, что „для нея нѣтъ соломы“.

Если бы уголовные преступники не снабжали ее тайкомъ пищей, она умерла бы отъ голода еще раньше, чѣмъ закончилось бы слѣдствіе. Послѣ того, какъ она промучилась такимъ ужаснымъ образомъ цѣлыхъ три мѣсяца, послѣдовалъ приговоръ военнаго суда по ея дѣлу. Г-жа Кутитонская была осуждена на смертную казнь. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ, прежде чѣмъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и не одну бессонную ночь провела за это время г-жа Кутитонская, обдумывая вопросъ, слѣдуетъ ли ей открыть властямъ свое настоящее положеніе. Она знала, что въ этомъ случаѣ казнь будетъ отложена до ея выздоровленія или совсѣмъ замѣнена пожизненной каторгой; съ другой стороны, она уже больше ничего не ждала отъ жизни; если бы она въ ея положеніи была подвергнута смертной казни, то медицинское изслѣдованіе ея трупа обнаружило бы фактъ беременности; это обстоятельство сдѣлалось бы извѣстнымъ во всей Россіи и возбудило бы во всѣхъ гуманнѣхъ и благороднѣхъ людяхъ еще большую ненависть къ русскому правительству. Но больше всего мучила ее мысль сдѣлаться убійцей своего еще народившагося ребенка и неизвѣстность, останется ли ребенокъ въ живыхъ. Въ началѣ января 1883 г. царь помиловалъ ее и замѣнилъ смертную казнь пожизненной каторгой, хотя правительство не знало о беременности г-жи Кутитонской, которая рѣшилась умолчать объ этомъ и подвергнуться казни¹⁾.

Съ первымъ транспортомъ ссыльныхъ, въ страшную стужу, безъ полубубка и валенокъ, отправилась несчастная женщина въ Иркутскъ; она навѣрное замерзла бы по дорогѣ, если бы простые каторжники не сжалились надъ ней, и не снабдили ее теплой одеждой. Когда она прибыла въ Иркутскъ, она была до того истощена, что ее на рукахъ вынесли изъ саней. Вслѣдствіе пережитыхъ ею душевныхъ потрясеній она родила мертваго ребенка. Когда мы, въ 1886 г., выѣхали изъ Сибири, она еще жила. Все, что я о ней слышалъ съ тѣхъ поръ, было то, что она умерла. Когда одинъ изъ моихъ знакомыхъ

¹⁾ Изъ достовѣрнаго источника я узналъ, что это „смягченіе“ приговора военнаго суда произошло по ходатайству самого Ильшевича. Почувствовалъ ли онъ состраданіе къ несчастной женщинѣ, заговорила ли въ немъ совѣсть или онъ только разыгралъ изъ себя великодушнаго, чтобы заставить русское общество думать, что слухи о производящихся на Карѣ жестокостяхъ преувеличены, сказать съ достовѣрностью я не могу.

увидалъ г-жу Кутитонскую въ первый разъ, это была еще беззаботная, наивная дѣвочка, посѣщавшая школу; никто не могъ въ то время предвидѣть, что эта слабая дѣвушка черезъ десять лѣтъ обратится въ энергичную женщину съ такой силой воли, такимъ самообладаніемъ и мужествомъ, но такіе плоды возвращаетъ только деспотическая система угнетеній и одиночнаго заключенія.

Все рассказанное здѣсь, я почерпнулъ изъ бесѣдъ, которыя я велъ съ участниками знаменитаго „бунта“, а также изъ трехъ совершенно самостоятельныхъ рукописей, имѣвшихъ предметомъ побѣгъ, погромъ и голодовку. Покушеніе на убійство Ильшевича и жизнь г-жи Кутитонской рассказаны въ ея собственныхъ письмахъ, которыя она писала изъ Иркутска. Все, что сообщено здѣсь о душевныхъ пыткахъ, которыя пережила г-жа Кутитонская за цѣлый мѣсяцъ, протекавшій со дня приговора до отбѣны смертной казни, мнѣ передала одна дама, которая не разъ бесѣдовала съ нею въ иркутской тюрьмѣ, и съ которой я впослѣдствіи познакомился. Въ общемъ вся эта печальная исторія извѣстна всѣмъ сибирскимъ ссыльнымъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ ее рассказывали въ шести мѣстахъ. Всѣ попытки добиться официальныхъ данныхъ насчетъ покушенія на убійство генерала Ильшевича остались тщетными. Чиновники, которыхъ я разспрашивалъ объ этомъ дѣлѣ, съ такой неохотой и принужденностью отвѣчали на мои вопросы, что я всегда считалъ нужнымъ прекратить разговоръ объ этомъ предметѣ; другіе пытались обмануть меня насчетъ настоящей причины поступка г-жи Кутитонской. Одинъ молодой тюремный врачъ въ Иркутскѣ, котораго я спросилъ при случаѣ о г-жѣ Кутитонской, былъ до того испуганъ, что постарался, какъ можно скорѣе, избавиться отъ меня, и не возвратилъ мнѣ даже визита. Нерчинскій исправникъ, который сопровождалъ нѣкоторыхъ изъ попавшихся бѣглецовъ обратно на Кару, изображалъ мнѣ ихъ „ловкими мошенниками“, не заслуживающими ни состраданія, ни уваженія, называлъ ихъ поповичами и семинаристами. Подполковникъ Новиковъ, командовавшій въ теченіе трехъ лѣтъ слишкомъ карскимъ гарнизономъ, увѣрялъ меня, что политическіе ссыльные сплошь да рядомъ „мальчишки“, безъ опредѣленныхъ цѣлей и убѣжденій; изъ ста пятидесяти политическихъ каторжниковъ, которыхъ онъ зналъ, лишь трое или четверо обладали основательнымъ образованіемъ; покуше-

ніе на жизнь Ильяшевича онъ считалъ сумасброднымъ поступкомъ. Всякій читатель можетъ легко представить себѣ, что я не затруднялся выборомъ между этими нелѣпыми утвержденіями и ясными, связными и подробными рассказами политическихъ ссыльныхъ. Если моя исторія карской тюрьмы для политическихъ преступниковъ одностороння, то виновны въ этомъ лишь мѣстныя власти, которыя или отказывались давать мнѣ какія-либо свѣдѣнія или были до того ограничены, что не считали нужнымъ придать своимъ рассказамъ даже тѣнь правдоподобія.

Чтобы показать, какъ мало довѣрія заслуживаютъ утвержденія мѣстныхъ чиновниковъ насчетъ характера политическихъ преступниковъ, я считаю необходимымъ привести здѣсь біографіи 3—4 мужчинъ и женщинъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ описанныхъ мною событіяхъ или же стоявшихъ въ какомъ-либо отношеніи къ карской тюрьмѣ. Одна изъ самыхъ способныхъ и выдающихся изъ нихъ была Анна Павловна Корба. Она родилась въ 1849 г. въ Тверской губ. Получивъ подъ руководствомъ своей образованной и набожной матери тщательное образованіе, она 18 лѣтъ отъ роду вышла замужъ за проживавшаго въ Россіи швейцарца Виктора Корба. Ея красота и образованіе сдѣлали ее скоро царицей мѣстнаго общества; ея мужъ, очень богатый человѣкъ, гордился ея успѣхами въ обществѣ. Одно время она была исключительно свѣтской дамой, но такая пустая жизнь не могла долго тянуться, и въ 1869 г., двадцати лѣтъ отъ роду, г-жа Корба перестала выѣзжать въ свѣтъ, подъ вліяніемъ совершившагося въ ея характерѣ переворота, и начала заниматься своимъ дальнѣйшимъ образованіемъ. Въ Петербургѣ въ то время былъ учрежденъ институтъ для высшаго образованія благородныхъ дѣвицъ; г-жа Корба немедленно записалась на эти высшіе курсы, надѣясь впослѣдствіи закончить свое образованіе въ Парижѣ и Цюрихѣ. Въ 1870 г. ея мужъ обанкротился, и она должна была по этому отказаться отъ мысли отправиться за границу, вскорѣ г. Корба нашелъ мѣсто въ Минскѣ, и вся семья переселилась туда. Здѣсь она впервые выступила на поприщѣ общественной дѣятельности, основавъ общество для распространенія просвѣщенія въ народѣ и вспомошествованія недостаточнымъ учащимся. Война 1877—1878 гг. открыла новое поле дѣятельности для этой благородной женщины. Сначала

она ухаживала за ранеными солдатами, которые доставлялись въ минскій военный лазаретъ, а затѣмъ поспѣшила на театръ военныхъ дѣйствій въ Болгарію, въ качествѣ сестры милосердія. Тотъ, кто видѣлъ картины Верещагина, можетъ представить себѣ приблизительно, что пережила г-жа Корба во время этой войны. Жизнь на театрѣ военныхъ дѣйствій оставила на ея характерѣ неизгладимое впечатлѣніе. Она лишь здѣсь научилась любить и удивляться русскому мужику, на усталыхъ плечахъ котораго держится все русское государство, котораго на каждомъ шагу обманываютъ, угнетаютъ, грабятъ, хотя онъ проливаетъ свою кровь за безопасность Россіи. Г-жа Корба рѣшилась съ этихъ поръ посвятить себя эмансипаціи и образованію этого класса русскаго народа. Когда былъ заключенъ миръ, г-жа Корба вернулась на родину, но вскорѣ опасно заболѣла тифомъ, которымъ заразилась еще въ Болгаріи, въ переполненномъ ранеными госпиталѣ. Оправившись отъ своей болѣзни, она энергично принялась за выполненіе своего рѣшенія. На каждомъ шагу она наталкивалась на затрудненія и препятствія, которыя противопоставляли ей власти; вскорѣ г-жа Корба пришла къ заключенію, что, прежде чѣмъ улучшить положеніе крестьянъ, нужно свергнуть настоящее правительство. Она вступила въ ряды революціонной партіи „Впередъ“ и принимала самое дѣятельное участіе во всѣхъ попыткахъ, которыя были направлены къ ниспроверженію самодержавія въ Россіи въ теченіе 1879—1882 гг. Пятаго іюня 1882 г. она была арестована и заключена въ Петропавловскую крѣпость, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ она предстала передъ русскимъ сенатомъ по обвиненію въ принадлежности къ террористической партіи. Когда производившій слѣдствіе судья спросилъ ее, что она можетъ сказать въ свое оправданіе, она отвѣтила:

„Я не признаю себя виновной, хотя я не могу скрывать, что принадлежу къ террористической партіи „Народной Воли“, вѣрю въ ея принципы и раздѣляю ея воззрѣнія. Что же касается партіи, стремящейся путемъ кровопролитія достигнуть своихъ цѣлей, то о существованіи такой партіи я слышу въ первый разъ. Пожалуй, что такая партія можетъ народиться съ теченіемъ времени, но я, если еще доживу до этого времени, никогда не вступлю въ нее. Если партія „Народной Воли“ вздумаетъ обратиться къ террору, то это случится потому лишь, что ее толкаетъ, на эту до-

рогу процессъ политическаго развитія русскаго народа“. Печальныя слова, которыя обѣщаютъ въ будущемъ много тяжкихъ ударовъ для Россіи.

„Господа сенаторы, вы знаете основныя законы русскаго государства. Вы знаете хорошо, что никто не имѣетъ права добиваться перемѣны существующей въ Россіи формы правленія. Даже коллективныя петиціи къ императору запрещены,—а вѣдь страна растетъ, народъ развивается; условія соціальной жизни все болѣе и болѣе усложняются, и скоро наступитъ тотъ мигъ, когда русскій народъ освободится отъ узъ, наложенныхъ на него“.

Первоприсутствующій перебилъ ее со словами: „Это ваши личные взгляды“.

Г-жа Корба продолжала: „Партія „Народной Воли“ поставила себѣ задачей добиться независимости и свободы русскаго народа. Только отъ правительства зависитъ, какія средства употребитъ партія для достиженія своихъ цѣлей. Мы не держимся вовсе такъ упорно терроризма. Ни одна рука не поднимется, чтобы нанести ударъ существующей правительственной системѣ, если само правительство откажется отъ своей политики арестовъ и ссылки; наша партія обладаетъ въ достаточной степени самоотверженіемъ и патріотизмомъ, чтобы отказаться отъ мести за еще свѣжія раны, нанесенныя ей рукой правительства; но если она хочетъ остаться вѣрной своему знамени и русскому народу, она не имѣетъ права положить оружія до тѣхъ поръ, пока не исполнить лежащей на ней задачи и не освободитъ русскій народъ отъ порабощенія. Изъ письма русскихъ революціонеровъ къ императору Александру III, которое было составлено вскорѣ послѣ 1-го марта 1881 г., вы можете убѣдиться, что преслѣдуемые нами цѣли носятъ совершенно мирный характеръ, и что мы требуемъ только реформъ, но реформъ коренныхъ и цѣлесообразныхъ“.

Г-жа Корба не могла смягчить сердца своихъ судей, но она этого не ожидала. Ее признали виновной и присудили къ двадцатилѣтней каторжной работѣ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и къ ссылке, по отбытіи срока наказанія, на поселеніе, безъ права покинуть когда-либо предѣлы Сибири. Когда я въ послѣдній разъ получилъ письма изъ карскихъ рудниковъ, она еще была въ живыхъ, но ея здоровье было совершенно разстроено продолжительнымъ пребываніемъ

въ сырыхъ, отвратительныхъ сибирскихъ тюрьмахъ; безъ сомнѣнія, въ данную минуту она уже свела всѣ свои счеты на землѣ и покоится въ какомъ нибудь глухомъ углу, на кладбищѣ политическихъ преступниковъ въ Восточной Сибири. Изъ политическихъ каторжниковъ на Карѣ Ипполитъ Мышкинъ привлекъ мое особое вниманіе. Въ 1864 г. извѣстный писатель и экономистъ Чернышевскій, романъ котораго „Что дѣлать?“ былъ недавно переведенъ на англійскій языкъ, былъ арестованъ въ Петербургѣ и сосланъ въ Сибирь. Сначала онъ былъ заключенъ въ Александровскую центральную тюрьму близъ Иркутска, а затѣмъ переведенъ на житье въ Вилюйскъ Якутской обл., гдѣ онъ состоялъ подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи. Съ 1870 г. революціонное движеніе въ Россіи начало принимать необычайные до того времени размѣры. Русская молодежь считала своимъ священнымъ долгомъ освободить Чернышевскаго и способствовать его бѣгству за границу для того, чтобы онъ могъ продолжать свою благотворную дѣятельность. Всѣ попытки освободить Чернышевскаго окончились неудачно, и русскіе революціонеры отказались отъ этой мысли, какъ отъ невыполнимой. Въ 1875 г. студентъ петербургскаго технологическаго института, Ипполитъ Мышкинъ рѣшился попытать счастья. Онъ намѣревался представиться вилюйскому исправнику жандармскимъ офицеромъ, командированнымъ изъ Петербурга для того, чтобы перевезти Чернышевскаго въ шлиссельбургскій замокъ. Въ то время было не въ рѣдкость, что „политическихъ“ возвращали изъ Сибири въ Европейскую Россію, гдѣ они заключались въ казематы военныхъ крѣпостей. Мышкинъ былъ твердо увѣренъ въ удачѣ своего предпріятія. Онъ отправился въ качествѣ частнаго человѣка въ Иркутскъ; провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, добился приѣма въ жандармскій корпусъ и черезъ нѣкоторое время оказалъ такія важныя услуги русскому правительству, что былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Тогда онъ раздобылъ нужные формуляры, написалъ на нихъ полномочіе министра внутреннихъ дѣлъ, который возлагалъ на жандармскаго офицера Мышкина порученіе сопровождать ссылнаго Чернышевскаго въ Петербургъ, поддѣлалъ подписи, приложилъ нужныя печати, приобрѣлъ себѣ форму жандармскаго капитана и, затѣмъ, подъ предлогомъ домашнихъ дѣлъ, требовавшихъ его присутствія въ Европейской Россіи, выступилъ

изъ жандармскаго корпуса и выѣхалъ изъ Иркутска. Проживъ въ Россіи, сколько того требовало благоразуміе, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній недовѣрчивыхъ жандармовъ, онъ направился прямо въ Вилюйскъ. Мышкинъ былъ настоящимъ заговорщикъ, обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и пріятной наружностью. Исправникъ принялъ его подобострастно; не доставало лишь одного, что Мышкинъ упустилъ изъ виду, и что погубило весь планъ, выполненіе котораго началось при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Мышкинъ явился безъ всякаго конвоя. Вообще въ Сибири еще не въ обычаѣ, чтобы офицеры ѣхали по дѣламъ службы безъ денщика или ординарцевъ, но въ данномъ случаѣ это еще болѣе бросалось въ глаза, что Мышкину поручено было сопровождать такого выдающагося государственнаго преступника, какъ Чернышевскій.

Чѣмъ болѣе недовѣрчивый исправникъ размышлялъ надъ этимъ обстоятельствомъ, тѣмъ подозрительнѣе казалась ему вся исторія. На слѣдующій день за завтракомъ исправникъ заявилъ Мышкину, что онъ не можетъ выдать такого важнаго ссыльнаго, какъ Чернышевскій, безъ соизволенія своего непосредственнаго начальника ген. Черняева. Онъ предложилъ, поэтому, отослать бумаги Мышкина въ Якутскъ и дѣйствовать согласно инструкціи начальника области.

„Хорошо, сказалъ хладнокровно Мышкинъ: „Я не зналъ, что приказы императорской тайной полиціи нуждаются въ подтвержденіи мѣстныхъ властей, но если это такъ, то я самъ отправлюсь заявить о моемъ порученіи ген. Черняеву“.

Исправникъ предоставилъ въ его распоряженіе двухъ казаковъ, отъ которыхъ онъ не могъ отказаться, если не желалъ обончательно выдать себя, и которые получили строгій приказъ ни на минуту не выпускать его изъ глазъ. Немедленно по отъѣздѣ Мышкина исправникъ написалъ письмо генералу Черняеву, начальнику Якутской области, въ которомъ онъ сообщилъ о своемъ подозрѣніи и отправилъ съ этимъ письмомъ гонца, поручивъ ему во что бы то ни стало достигнуть Якутска раньше Мышкина и передать письмо по назначенію. Вѣстовой догналъ Мышкина и проболтался сопровождавшимъ его казакамъ, что везетъ письмо отъ исправника къ губернатору. Казаки передали объ этомъ Мышкину, который увидѣлъ, что дѣло пропало. При первомъ представившемся случаѣ, онъ скрылся въ лѣсу. Казаки,

сопровождая его, бросились за нимъ, онъ ранилъ одного изъ нихъ выстрѣломъ изъ револьвера и забрался въ самую чащу тайги. Едва живой, истощенный голодомъ и лишеніями, онъ былъ схваченъ разосланными на поиски казаками и, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ иркутской тюрьмѣ, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Почти три года просидѣлъ онъ въ одиночномъ заключеніи въ казематахъ Трубецкаго бастіона. Все, что я рассказываю здѣсь объ его жизни, я узналъ отъ одного ссыльнаго въ Сибири, который занималъ сосѣднюю съ нимъ камеру. Этотъ „политическій“ передавалъ мнѣ, что Мышкинъ часто приходилъ въ неистовство вслѣдствіе лихорадки, возбужденія и одиночнаго заключенія; онъ часто слышалъ его крики, когда на него надѣвали смиренную куртку или привязывали его къ кровати.

Дѣло Мышкина разбиралось въ процессѣ „193“. Всѣ политическіе преступники, которые предстали тогда передъ судомъ, требовали гласнаго судопроизводства и собственныхъ стенографовъ. Оба требованія были отвергнуты; почему всѣ обвиняемые отказались отъ защиты. Когда въ концѣ процесса предсѣдатель спросилъ Мышкина, не желаетъ-ли онъ сказать что нибудь въ свою защиту, Мышкинъ произнесъ пламенную рѣчь, въ которой онъ порицалъ судебное разбирательство при закрытыхъ дверяхъ, увѣрялъ судей, что ни одинъ изъ нихъ не добивается и не ожидаетъ оправданія, но что всѣ они того мнѣнія, что имѣютъ право требовать гласнаго судопроизводства и обнародованія ихъ процесса въ русской печати. Когда Мышкинъ началъ нападать на русское правительство, первоприсутствующій запретилъ ему продолжать свою рѣчь, а когда обвиняемый сталъ настаивать на своемъ правѣ защищаться, предсѣдатель приказалъ жандармамъ удалить его изъ зала засѣданія. Его послѣднія слова были: „Этотъ судъ хуже непотребнаго дома: въ то время, какъ въ послѣднемъ торгуютъ лишь тѣломъ, здѣсь поносятъ честь, справедливость и законъ!“ За свое преступленіе и выходку противъ суда Мышкинъ былъ приговоренъ къ десятилѣтней каторгѣ и къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и немедленно переведенъ въ харьковскую центральную тюрьму. Даже сжатое описаніе мученій узниковъ въ этой, пользующейся самой печальной славой во всей Россіи тюрьмѣ, заняло бы слишкомъ много мѣста. Онѣ описаны однимъ „политическимъ“, находившимся долгое время въ заключеніи въ харьковской

„централкѣ“ и изданы подъ заглавіемъ „Послѣднія слова надъ гробомъ Александра II“. Я надѣюсь обнародовать въ послѣдствіи эту брошюру; теперь я долженъ ограничиться лишь заявленіемъ, что мнѣ извѣстны имена шести преступниковъ, въ самомъ короткомъ времени лишившихся разсудка отъ испытанныхъ ими страданій. Мышкинъ былъ заключенъ въ маленькую келію въ нижнемъ этажѣ, въ которой нѣкогда содержался знаменитый социалистъ князь Циціановъ. Энергичный и смѣлый, Мышкинъ вскорѣ началъ помышлять о побѣгѣ; еще не прошло и года со времени его заключенія въ харьковскую тюрьму, какъ онъ съ помощью рукъ и маленькой доски прорылъ ходъ подъ тюремныя стѣны, а получавшуюся при этой работѣ землю складывалъ подъ полоть. Князь Циціановъ, человѣкъ образованный, обладалъ нѣсколькими большими ландкартами, которыя, съ прочимъ хламомъ были брошены на печку. Мышкинъ отдѣлилъ бумагу отъ полотна, на которомъ были наклеены карты, и сдѣлалъ изъ него рубаху и пару штановъ, которые онъ хотѣлъ одѣть передъ побѣгомъ. Онъ сдѣлалъ уже всѣ нужныя приготовленія и ждалъ лишь благопріятнаго случая, какъ вдругъ однажды въ камеру вошелъ въ необычное время тюремный надзиратель. Мышкинъ былъ занятъ работой въ прокопанномъ имъ тунелѣ, а на его кровати лежала кукла, имѣвшая задачей заставить часового думать, что преступникъ спокойно спитъ. Чиновникъ сейчасъ же открылъ хитрость, забилъ тревогу; подземный ходъ былъ открытъ, и Мышкина вытащили изъ него, какъ крысу изъ норы. Его сейчасъ же перевели въ другую камеру, изъ которой побѣгъ былъ невозможенъ. Будучи не въ состояніи вынести такой жизни, онъ рѣшился на поступокъ, который долженъ былъ повлечь за собой смертную казнь. Онъ добился позволенія отправиться въ воскресенье въ церковь, протолкался до губернатора, и, когда послѣдній прикладывался къ кресту, подданному ему священникомъ, Мышкинъ ударилъ его изо всей силы по лицу. По закону за такое преступленіе полагается смертная казнь; но какъ разъ въ то время правительство обратило особенное вниманіе на огромную смертность и частыя умопомѣшательства среди заключенныхъ въ харьковской центральной тюрьмѣ и отправило петербургскаго проф. Доброславина для изслѣдованія причинъ этого печальнаго явленія. Проф. Доброславинъ назвалъ въ своемъ

отчетѣ харьковскую центральную тюрьму „рѣшительно негодной для заключенія въ ней арестантовъ“ и совѣтовалъ перевести, по крайней мѣрѣ политическихъ преступниковъ, въ другую тюрьму, если правительство не желало повторенія случаевъ помѣшательствъ. Правительство изъ этого отчета вывело заключеніе, что Мышкинъ совершилъ свое преступленіе въ припадкѣ безумія, и оставило это дѣло безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Спустя короткое время послѣ этого инцидента, Мышкинъ съ другими сотоварищами былъ отправленъ на Кару. Одинъ изъ ссыльныхъ, по имени Левъ Дмоховскій, не достигъ карскихъ рудниковъ: смерть настигла его еще въ Иркутскѣ. При отпѣваніи тѣла Дмоховскаго, Мышкинъ почувствовалъ потребность произнести прощальный привѣтъ своему умершему единомышленнику. Онъ упомянулъ о высокой честности и благородствѣ помысловъ и убѣжденій покойнаго, приобрѣвшихъ ему всеобщую любовь его товарищей по ссылкѣ, привелъ одинъ стихъ изъ Некрасова и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Изъ праха этого мученика и многихъ другихъ, ему подобныхъ, расцвѣтетъ дерево свободы для всей Россіи“. Тогда присутствовавшій при отпѣваніи полицейскій чиновникъ приказалъ ему замолчать и велѣлъ стражѣ отвести Мышкина обратно въ камеру. За такую революціонную рѣчь, произнесенную въ „храмѣ Божьемъ“ передъ „иконами святыхъ“ срокъ наказанія Мышкина былъ увеличенъ съ 10 на 25 лѣтъ. Нѣкоторые „политическіе“, хорошо знавшіе Мышкина, отзывались о немъ, какъ о замѣчательномъ ораторѣ, но лишь два раза въ жизни пришлось ему воспользоваться своимъ даромъ слова: за первую рѣчь онъ былъ наказанъ десятью, за вторую пятнадцатью годами каторжной работы. Самъ Мышкинъ заявлялъ, что онъ жалѣетъ только объ одномъ, именно, о надгробной рѣчи, которую онъ произнесъ въ Иркутскѣ. До русскаго общества его рѣчь не дошла, и, поэтому, не принесла никому пользы; она удовлетворила лишь его тщеславіе, но, въ то же время, навсегда лишила его возможности продолжать служеніе тому дѣлу, которому онъ былъ преданъ всей душой.

Мышкинъ былъ первый изъ тѣхъ восьми заключенныхъ, которые предприняли побѣгъ изъ карской тюрьмы въ Апрѣлѣ 1882 г.; и злополучный Мышкинъ находился уже во Владивостокѣ, когда побѣгъ былъ обнаруженъ, и примѣты бѣг-

лецовъ сообщены во все города Сибири. Въ 1883 г. его вмѣстѣ съ другими „опасными“ государственными преступниками перевели въ Шлиссельбургъ; въ 1885 г. онъ былъ переданъ военному суду и присужденъ къ разстрѣлянію за то, что избилъ тюремнаго врача.

Въ Январѣ 1882 г., т. е., за три мѣсяца до побѣга 8 государственныхъ преступниковъ изъ карской тюрьмы, изъ иркутской пересыльной тюрьмы бѣжали двѣ замужнія женщины, Ковальская и Богомолецъ, осужденныя на каторжныя работы въ карскихъ рудникахъ. Обѣ женщины были арестованы нѣсколько часовъ спустя и подверглись обычному обыску. Послѣдній производился постоянно солдатами, но, не смотря на это, дамамъ никогда не приходилось особенно страдать отъ ихъ грубости. На этотъ разъ обыскомъ руководилъ адъютантъ генераль-губернатора полковникъ Соловьевъ, пользовавшійся скверной славой въ городѣ; онъ не только сталъ осыпая женщинъ ругательствами, но и велѣлъ снять съ нихъ всю одежду. Послѣ этого онъ имѣлъ еще настолько безстыдства зайти въ камеру мужчинъ и сталъ хвастаться своимъ геройскимъ поступкомъ. Между прочимъ онъ позволилъ себѣ слѣдующее замѣчаніе: „А вѣдь ваши „политическія“ женщины вовсе не красивы“! Одинъ изъ находившихся въ камерѣ „политическихъ“, по имени Щедринъ, взбѣшенный наглою насмѣшкой Соловьева, бросился въ изступленіи на этого негодя, назвалъ его трусомъ и лжецомъ и далъ ему пощечину. За оскорбленіе офицера и за попытку къ бѣгству, совершенную вскорѣ по прибытіи на Кару, Щедринъ былъ прикованъ къ тачкѣ, а въ 1882 г. вмѣстѣ съ другими товарищами, признанными „опасными“, отправленъ въ шлиссельбургскую крѣпость. Даже въ дорогѣ онъ оставался прикованнымъ къ тачкѣ, но путь былъ въ ужасномъ состояніи, и непрерывные толчки тачки невыносимо мучили несчастнаго. Наконецъ онъ былъ освобожденъ отъ этого орудія пытки. Подполковникъ Винокуровъ, инспекторъ пересыльнаго вѣдомства Западной Сибири, рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ видѣлъ Щедрина съ его тачкой, когда транспортъ, съ которымъ онъ шелъ, находился въ Тобольской губ.

Послѣ голодовки жизнь заключенныхъ сдѣлалась немного сносна. Имъ было позволено имѣть книги, бѣлье и деньги и ежедневно совершать моціонъ въ тюремномъ дворѣ. Но

санитарныя условія остались тѣ же, и въ общемъ смертность между арестантами не уменьшалась¹⁾.

За періодъ 1881—1885 гг. на Карѣ перемѣнилось, семь комендантовъ²⁾; управленіе тюрьмой принимало каждый разъ другой характеръ, смотря по капризамъ чиновника, стоявшаго въ данный моментъ во главѣ управленія. Такъ, на примѣръ, перегородки, раздѣлявшія каждую большую камеру на три келіи меньшаго размѣра и устроенныя въ 1882 г., были въ 1884 г., по приказанію новаго коменданта, разобраны; „свободная команда“, уничтоженная въ 1881 г., была снова восстановлена въ 1885 г. Каждый новый комендантъ находилъ распоряженія своего предшественника нецѣлесообразными и считалъ своимъ долгомъ отмѣнить ихъ; законъ сдѣлался фикціей, и на его мѣсто вступили грубый произволъ и капризы. Самымъ лучшимъ комендантомъ, по свидѣтельству ссыльныхъ, былъ Бурлей. Халтуринъ былъ грубъ и жестокъ, Шубинъ безхарактерная личность, а Менаевъ не только горькій пьяница, но и воръ, утаивавшій письма къ ссыльнымъ и растратившій тысячу девятьсотъ руб., присланныхъ родными и друзьями политическихъ преступниковъ. Все эти офицеры принадлежали иркутскому жандармскому управленію. Распоряженіемъ министра внутр. дѣлъ отъ 16-го Января 1884 г. карская тюрьма для государственныхъ преступниковъ поставлена подъ непосредственный надзоръ императорской тайной полиціи, а въ началѣ 1885 г. начальникомъ ея назначенъ капитанъ Николинъ.

Все, сказанное полковникомъ Кононовичемъ, насчетъ управленія карскими рудниками, въ разговорѣ съ товарищемъ министра внутр. дѣлъ Дурново, въ 1881 г., оправдалось на дѣлѣ. Правительство заставило честнаго и гуманнаго чело-

¹⁾ Я никогда не могъ достать полной таблицы смертныхъ случаевъ, самоубійствъ и помѣшательствъ происшедшихъ за 1879—1886 гг. Мнѣ лично извѣстны слѣдующіе случаи: Ишутиновъ, Кривошеинъ, Жуковъ, Попекко, г-жа Лисовская, Тихоновъ, Рогачевъ, д-ръ Веймаръ, М-лле Армфельтъ и г-жа Кутитонская—все, за исключеніемъ одного, умерли отъ чахотки. Самоубійство совершили: Семеновскій (застрѣлился), Родинъ (отравился) и Успенскій (повѣсился), и лишились разсудка: Матѣевичъ, Зубковскій, Позенъ и г-жа Ковалевская, (послѣдняя выздоровѣла). Во время нашего пребыванія на Карѣ изъ 11 женщинъ были больны восемь.

²⁾ Кононовичъ, Потуловъ, Халтуринъ, Бурлей, Шубинъ, Менаевъ, Бурлей (вторично) и Николинъ.

вѣрка подать въ отставку, переѣхало въ теченіе самаго короткаго промежутка болѣе полдюжины комендантовъ, большей частью людей жестокихъ и недобросовѣстныхъ, и неизбѣжными результатами такой политики была трагедія за трагедіей, возмущеніе за возмущеніемъ; но, не смотря на все это, правительство продолжаетъ идти тѣмъ же путемъ; результаты должны быть тѣ же.

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ пустились мы 12-го Ноября въ обратный путь! Когда мы, въ сопровожденіи маіора Потулова, выѣзжали изъ нижней золотопромывальни, насъ увидали два политическихъ ссыльныхъ въ длинныхъ арестантскихъ халатахъ, направлявшихся на разстояніи 2—300 шаговъ отъ проѣзжей дороги въ сторону тюрьмы. Когда мы проѣзжали, они остановились, сняли свои шапки и низко поклонились. Это былъ послѣдній привѣтъ, который они посылали путешественникамъ, выказавшимъ имъ свои симпатіи.

Эту ночь мы провели въ домѣ тюремнаго смотрителя въ Усть-Карѣ и на слѣдующій день мы были опять на верховыхъ лошадяхъ, чтобы направиться въ обратный путь. Когда мы усаживались въ сѣдлахъ, маіоръ Потуловъ раскрылъ бутылку бѣлаго крымскаго вина, наполнилъ три бокала и чокнулся съ нами, пожелавъ намъ: „Счастливаго возвращенія въ Америку!“ Мы осушили стаканы въ полной надеждѣ на радостное возвращеніе въ отечество, выразили маіору Потулову нашу сердечную благодарность за радушный пріемъ и, обѣщавъ ему телеграфировать изъ Срѣтенска, поскакали по направленію къ горахъ.

Мѣстность по Шилѣ по сосѣдству съ Карой пустынна, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки раскинуто кочевье полудикихъ номадовъ-орочоновъ. Они признаютъ верховную власть Россіи, платятъ подати и считаются номинально христіанами; но они рѣдко появляются въ русскихъ поселеніяхъ и то лишь затѣмъ, чтобы обмѣнять мѣхъ убитыхъ ими звѣрей на табакъ, котлы, ножи и прочую утварь.

За эти два дня, которые мы провели въ горахъ, намъ пришлось много выстрадать отъ стужи, голода и усталости. На третій день мы добрались до дер. Боти, откуда были наши лошади; мы застали большую часть поселянъ занятыми молотьбой хлѣба . . . на ледяной поверхности рѣки. Крестьяне казались очень обрадованными, увидя насъ, такъ какъ они думали, что съ нами приключилось въ горахъ что-ни-

будь неладное. Душевные потрясенія, которыя мнѣ пришлось вынести во время моего пребыванія на Карѣ, а также эта двухдневная поѣздкомъ верхомъ черезъ дикія горныя цѣпи до того изнурили меня, что я едва могъ держаться въ сѣдлѣ. Къ счастью рѣка была покрыта толстой ледяной корой, такъ что мы могли продолжать нашъ путь въ саняхъ. Поздно ночью 16-го Ноября, уставши и замерзши, мы достигли Срѣтенска. Въ маленькомъ домикѣ крестьянина Зябликова, у котораго мы оставили большую часть нашего багажа, ожидали насъ радушный пріемъ, сытная пища и желанный покой.

XVII.

На серебряныхъ пріискахъ Восточной Сибири.

Г. Фростъ и я были до того утомлены, что, прибывъ на возвратномъ пути изъ Карскихъ рудниковъ въ Срѣтенскъ, мы нуждались въ совершенномъ покоѣ. Душевные волненія, лишенія всякаго рода, недостаточная пища при продолжительномъ и сильномъ холодѣ до того истощили мои силы, что я не могъ пройти и ста шаговъ или одѣть шубы, чтобы не почувствовать себя утомленнымъ и не усилить біенія моего пульса. Мнѣ казалось неразсудительнымъ, въ такомъ состояніи предпринимать путешествіе въ 600 миль на простыхъ телѣгахъ, по дикой уединенной мѣстности, въ которой находятся нерчинскіе серебрянные пріиски. Поэтому мы остановились для трехдневнаго отдыха въ избѣ молодого крестьянина Зябликова, на берегу Шилки. Мы ѣли столько, сколько могли достать, спали такъ долго, какъ это возможно было, и по временамъ подкрѣпляли себя хининомъ и мяснымъ экстрактомъ Либига.

Когда я, въ воскресеніе утромъ, почувствовалъ себя нѣсколько бодрѣе, я отправился черезъ рѣку въ Срѣтенскъ и зашелъ къ засѣдателю, чтобы достать себѣ лошадей. Въ большей части Нерчинскаго округа нѣтъ постоянныхъ и правильныхъ почтовыхъ дорогъ, но губернаторъ уполномочилъ насъ телеграммой нанимать лошадей при посредствѣ полиціи; кромѣ того, маіоръ Потуловъ снабдилъ меня рекомендательными письмами ко многимъ полицейскимъ чиновникамъ. Засѣдатель принялъ меня вѣжливо, распорядился на

счетъ лошадей, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ мнѣ нерадостную вѣсть, что на всемъ протяженіи между Срѣтенскомъ и рудниками свирѣпствуетъ оспа, и что небезопасно спать ночью въ крестьянскихъ избахъ или вообще заходить туда. Поѣздка къ рудникамъ, такимъ образомъ, должна была быть сопряжена для насъ, даже въ самомъ лучшемъ случаѣ, со множествомъ лишеній: вѣдь не шутка же въ самомъ дѣлѣ не имѣть возможности, при температурѣ ниже -20° С., получить въ какой-нибудь избушкѣ кровъ и пищу, не подвергаясь при этомъ опасности заразиться этой страшной болѣзью. Мнѣ очень хотѣлось ѣхать прямо въ Нерчинскъ и съ этой стороны добраться до рудниковъ, но тогда пришлось бы сдѣлать слишкомъ большой кругъ, и такъ какъ г. Фростъ не боялся зараженія, то я рѣшилъ остаться при своемъ первоначальномъ планѣ поѣздки. Въ воскресенье послѣ обѣда, мы нагрузили нашимъ багажемъ малую плоскую телѣгу привязали сзади ея мѣшокъ съ замерзшимъ хлѣбомъ, на который мы не могли сѣсть, и съ парой лошадей и невзрачнымъ, одѣтымъ въ лохмотья кучеромъ, тронулись въ путь по направлению къ Александровскому заводу и Алгашскимъ рудникамъ.

Нерчинскіе серебряные рудники не лежатъ, какъ можно было-бы думать, недалеко отъ города того же имени, но тянутся по дикой, угрюмой и гористой мѣстности, на пространствѣ 1000 кв. миль слишкомъ. Съ юга послѣдняя граничить съ Монголіей и занимаетъ большую часть треугольника, образуемаго соединеніемъ Шилки и Аргуни до впаденія въ Амуръ. Существованіе серебряныхъ и свинцовыхъ рудъ было извѣстно еще въ доисторическую эпоху туземнымъ обитателямъ, и первые русскіе изслѣдователи страны находили слѣды ихъ первобытной разработки рудниковъ невдалекѣ отъ Аргуни. Въ 1700-мъ году находившіеся на русской службѣ греческіе горные инженеры положили начало систематической разработкѣ нерчинскихъ рудниковъ возлѣ монгольской границы, и къ концу прошлаго столѣтія были уже на 20 различныхъ мѣстахъ устроены шахты, и вмѣстѣ съ тѣмъ было построено 8 плавильныхъ заводовъ. Сначала разработка рудки производилась крестьянами, которыхъ стогнали съ различныхъ частей Сибири и заставляли селиться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нихъ нуждались для работы; но съ 1772 года они были замѣнены преступниками, которыхъ

собирали изъ тюремъ Европейской Россіи. Съ этого времени разработка руды производилась частью крестьянами, частью простыми, приговоренными къ каторжной работѣ преступниками. За исключеніемъ Поляковъ и нѣсколькихъ декабристовъ, заговорщиковъ 1825 г., политическіе преступники не ссылались въ нерчинскіе серебряные рудники. Послѣ злополучнаго возстанія въ 1863 году ¹⁾ тысячи польскихъ инсургентовъ были транспортированы туда: но съ тѣхъ поръ политическихъ преступниковъ ссылаютъ обыкновенно въ карскіе рудники.

Ближайшей цѣлью нашей поѣздки былъ Александровскій заводъ, находящійся приблизительно въ 125-ти миляхъ къ югу отъ Стрѣтинска. Доменные печи, которымъ эта мѣстность частью обязана своимъ именемъ и своимъ значеніемъ, давно уже не дѣйствуютъ и находятся въ совершенномъ упадкѣ, но селеніе влечетъ еще свое существованіе и имѣетъ незначительную тюрьму. Такъ какъ мы желали ее осмотрѣть, и такъ какъ Александровскій заводъ представлялъ собой самое удобное мѣсто, откуда можно было легко добраться до нѣкогда знаменитыхъ, но теперь оставленныхъ уже рудниковъ Акатуй, то мы рѣшили здѣсь остановиться. При нашемъ отъѣздѣ была холодная погода, небо облачно и все время дулъ пронзительный сѣверовосточный вѣтеръ. Холмы, между которыми намъ пришлось проѣзжать, были покрыты тонкой пеленой снѣга, но дорога была суха, и мы скоро были покрыты пылью, которую поднимали колеса нашей телѣги. Проѣхавъ разстояніе въ 20 миль, мы почувствовали страшный голодъ и утомленіе, но деревня, въ которой мы мѣняли нашихъ лошадей, казалась совершенно пустой, оставалось предположить, что здѣсь свирѣпствовала оспа, почему мы не рѣшились сойти съ нашей телѣги. Несомнѣнно, голодъ и холодъ слѣдовало предпочесть заразѣ. Нашъ кучеръ старался насъ успокоить, увѣряя, что болѣзнь вовсе не такъ злокачественна, но г. Фростъ замѣтилъ, что это тоже самое, что и сибирскіе паразиты, которые считаются туземцами

¹⁾ По свидѣтельству Максимова, которому были доступны официальные отчеты, число сосланныхъ въ Сибирь Поляковъ между 1863-мъ и 1866-мъ годомъ простиралось до 18.623. Изъ нихъ 8.199, въ число коихъ вошло 4.252 дворянина, было сослано въ Восточную Сибирь, а 7.109 на каторжные работы, большею частью въ нерчинскіе серебряные рудники (Максимовъ „Сибирь и каторга“ Т. III, стр. 80 и 81, Петербургъ 1871).

безвредными, но которые иностранцамъ все таки могутъ причинить смерть. Когда мы прибыли на вторую станцію, сумерки уже наступили и температура пала до 20° С.; я до того иззябъ, что едва могъ двигать моими окоченѣвшими членами.

„Я не могу уже выдержать“, сказалъ я г. Фросту. „Это дѣйствительно представляетъ собой заманчивую альтернативу: заразиться оспой или замерзнуть! Я теперь постучусь въ дверь этого дома и спрошу, больны-ли здѣсь люди этой злокачественной болѣзнью; если нѣтъ, то я вхожу, чтобы согрѣться и кое-что закусить“.

Я постучался, и блѣдная исхудалая женщина отворила дверь.

„Скажите пожалуйста, боленъ-ли кто-нибудь въ этомъ домѣ оспой“, спросилъ я.

„Да“, — раздалось въ отвѣтъ.

Я не ожидалъ подробностей, — поспѣшилъ обратно въ телѣгѣ и сообщилъ г. Фросту, что, такъ какъ мы теперь находимся межъ двухъ огней, то мѣшокъ съ хлѣбомъ есть единственный источникъ помощи для насъ. Новое несчастье! Хлѣбъ былъ замороженъ и кромѣ того совершенно покрытъ пескомъ и пылью, которую поднимали колеса нашей телѣги и которая проникла черезъ неплотную ткань мѣшка. Я далъ г. Фросту кусокъ хлѣба, взялъ себѣ и мы такъ просидѣли $\frac{3}{4}$ часа въ полумракѣ, дрожа отъ холода и глода замороженный хлѣбъ, въ ожиданіи свѣжихъ лошадей.

Чтобы впредь нашъ хлѣбъ не подвергался дѣйствию полярнаго холода и пыли, я предложилъ помѣстить его въ сидѣніе телѣги. Такъ и было сдѣлано, но мы впоследствии раскаялись въ этомъ.

Наконецъ прибыли лошади, и мы, послѣ продолжительной, холодной и въ высшей степени непріятной поѣздки дотащились наконецъ въ 9 часовъ вечера до уютной станціи Шелапугино, на почтовомъ трактѣ между Нерчинскомъ и Нерчинскимъ заводомъ. Я чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ перенести еще больше въ этотъ день и, такъ какъ станціонный смотритель увѣрялъ, что на станціи не было ни одного случая заболѣванія оспой, то мы приказали перенести нашъ багажъ въ домъ, напились чаю и растянулись, какъ обыкновенно, на полу комнаты, подстлавъ подъ себя шубы. Послѣ хорошо проведенной ночи, подкрѣпивъ

себя чаемъ, свѣжимъ хлѣбомъ и жирнымъ супомъ, продолжали мы въ понедѣльникъ утромъ наше путешествіе въ Александровскій заводъ. Дорога вела цѣлый день по плоскимъ равнинамъ, лежащимъ между безлѣсными, пустынными холмами. Небо было ясно; солнце сіяло, но термометръ показывалъ 25° С. ниже нуля; лошади наши были покрыты бѣлымъ инеемъ, тряска телѣги не позволяла укутаться теплѣе въ шубы, и мы ужасно страдали отъ холода. Около $\frac{1}{2}$ 7-го вечера остановились мы, чтобы напиться чаю въ одной деревнѣ, имя которой „Кавикучига-замурская“ содержитъ, кажется, больше буквъ, чѣмъ она сама жителей. Здѣсь мы встрѣтились съ однимъ молодымъ техникомъ изъ Петербурга, который былъ посланъ на рудники, чтобы научить каторжниковъ употребленію динамита, и возвращался уже обратно. Онъ намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ очертилъ жизнь въ серебряныхъ приискахъ. Онъ призналъ тюрьмы „самыми свѣрными во всемъ царствѣ“, а чиновниковъ „жестокими и неспособными“. „Съ преступниками обращаются безчеловѣчно; каждый позволяетъ себѣ ихъ заслужено и незаслужено бить; даже когда они больны ихъ принуждаютъ къ работѣ и часто убиваютъ взрывчатыми матеріалами, такъ какъ надсмотрщики слишкомъ несвѣдущи и легкомысленны, чтобы обращаться съ ними съ нужной осторожностью“, сказалъ онъ; о начальникахъ рудниковъ онъ отзывался съ горечью, какъ будто его личныя отношенія къ нимъ носили на себѣ не совсѣмъ пріятный характеръ. Въ виду этого я счелъ болѣе удобнымъ отнестись къ его сообщеніямъ съ нѣкоторой осторожностью: „Вѣдь ихъ можно будетъ сравнить съ моими собственными дальнѣйшими наблюденіями“, думалъ я.

Во вторникъ въ 12 часовъ ночи мы прибыли въ селеніе Макарово, находящееся въ 112 миляхъ отъ Стрѣтинска, и провели ночь на земской квартирѣ, — избушкѣ, занимаемой крестьянскимъ семействомъ, гдѣ всѣ проѣзжающіе чиновники имѣютъ право останавливаться. Тотчасъ послѣ чаю мы улеглись спать. Г. Фростъ легъ на полу, а я на скамьѣ у окна. Въ комнатѣ было ужасно жарко; еловое дерево стѣнъ распространяло сильный запахъ смолы; воздухъ былъ до того спертъ и душенъ, что я долгое время не могъ уснуть. Едва мнѣ это удалось (какъ я, по крайней мѣрѣ, думалъ), какъ вдругъ меня разбудило громкое кудактаніе. Я началъ доиски-

ваться причины этого страннаго феномена и открылъ, что пустое мѣсто подъ моей скамьей было превращено при помощи рѣшетки въ курятникъ. Огромный пѣтухъ, предчувствуя скорое наступленіе дня, просунулъ свою голову черезъ рѣшетки и кричалъ мнѣ буквально въ уши. Веселый крикунъ не хотѣлъ успокоиться. Въ короткихъ промежуткахъ въ теченіе всей ночи раздавались его крики, такъ что я, хотя и искалъ убѣжища въ другомъ концѣ комнаты на полу, на самомъ дѣлѣ имѣлъ въ эту ночь лишь очень мало покоя. Мнѣ приходилось уже спать въ сибирскихъ избахъ вмѣстѣ съ жеребятами, собаками, коровами, овцами, но бдительный домашній пѣтухъ можетъ въ маленькой комнатѣ причинить больше безпокойства, чѣмъ цѣлый ковчегъ четвероногихъ.

Въ вторникъ утромъ въ 10 часовъ прибыли мы на Александровскій заводъ. Эта сибирская деревня въ полномъ смыслѣ слова; она расположена среди пустой степи, число ея жителей доходитъ до 200 — 300 человекъ, съ ветхимъ мостомъ на переднемъ планѣ и съ низкими обнаженными, покрытыми лишь снѣгомъ горами въ отдаленіи, тюрьма, въ которую насъ ввелъ директоръ г. Фоминъ, оказалась какимъ-то убѣжищемъ для инвалидовъ, которое предназначалось для состарившихся и неспособныхъ къ работѣ преступниковъ изъ другихъ частей нерчинскихъ рудниковъ. Главное зданіе, одноэтажная изба, содержала во время нашего посѣщенія 137 арестантовъ. Тюрьма эта стояла уже полстолѣтія, и въ гигиеническомъ отношеніи, какъ можно было того ожидать, оставляла желать еще многого. Полы были грязны, воздухъ тяжелъ и испорченъ, а въ корридорахъ распространялось зловоніе изъ отхожихъ мѣстъ и оставленныхъ безъ очистки „парашъ“. Въ двухъ камерахъ мы нашли психически больныхъ между здоровыми арестантами. Больница при тюрьмѣ мала, но не была переполнена и находилась въ довольно хорошемъ состояніи. Грубое постельное бѣлье было грязно, но больничный сторожъ увѣрялъ, что это не по его винѣ, такъ какъ здѣсь вообще слишкомъ скупы на бѣлье. Онъ повидимому былъ очень доволенъ, когда я сказалъ ему, что, хотя больница мала, но по моему мнѣнію, она самая чистая и наилучше содержимая во всемъ Забайкальѣ.

Послѣ осмотра тюрьмы мы съ г. Фростомъ возвратились въ уютный домикъ г. Фомина, гдѣ мы нашли исправника Нерчинскаго завода, который производилъ ревизію въ своемъ

уѣздѣ. Это былъ высокій, стройный мужчина красивой наружности, приблизительно лѣтъ подъ 40. Онъ былъ очень занимателенъ и разговорчивъ, толковалъ съ нами откровенно о нерчинскихъ рудникахъ и признавалъ завѣдываніе рудниками для правительства тяжелымъ и убыточнымъ. По его мнѣнію было-бы для страны лучше, если-бы весь округъ серебряныхъ приисковъ былъ отданъ въ частныя руки. Многие казенные инженеры подкупны, неспособны, и доходъ съ рудниковъ сравнительно слишкомъ незначителенъ. Какъ примѣръ существующаго хозяйства, онъ разсказалъ мнѣ о двухъ золотыхъ рудникахъ въ его уѣздѣ, которые по изслѣдованіи инженерами ¹⁾ были признаны безцѣнными и вслѣдствіе этого проданы частнымъ предпринимателямъ, получившимъ изъ нихъ 600 пудовъ чистаго золота. Исправникъ не высказалъ этого, конечно, такъ открыто, но онъ далъ понять, что инженеры были въ соглашеніи съ покупателями и дѣлили съ ними доходъ. Для меня это стоить внѣ всякаго сомнѣнія. Чиновники, которымъ царь довѣряетъ управленіе своей собственностью въ Сибири, постоянно подводятъ и грабятъ его.

Послѣ хорошаго обѣда, состоявшаго изъ супа, рыбы, жареныхъ тетеревовъ, овощей и компота изъ фруктовъ, при водкѣ и трехъ сортахъ вина, которыми г. Фоминъ угостилъ своихъ гостей, мы, т. е. исправникъ, директоръ, г. Фростъ и я отправились къ рудникамъ Акатуй, отстоявшимъ всего на 12 миль отъ Александровскаго завода. Рудники эти, положимъ, давно уже были оставлены правительствомъ и успѣли наполниться водой, но мнѣ особенно любопытно было ознакомиться съ ихъ мѣстоположеніемъ частью потому, что они были нѣкогда однимъ изъ ужаснѣйшихъ мѣстъ ссылки, частью потому, что правительство намѣревалось переселить туда всѣхъ политическихъ преступниковъ изъ карскихъ рудниковъ.

Дорога отъ завода пролегала на разстояніи 6—8 миль по однообразной степи, вплоть до подошвы низкой горной

¹⁾ Почти всѣ рудники въ тѣхъ мѣстахъ Забайкалья составляютъ личную собственность царя и извѣстны подъ именемъ „Кабинетскихъ“. Какимъ образомъ царь приобрѣлъ ихъ, я не знаю. Одинъ мой знакомый, очень образованный человекъ, началъ было сочиненіе подъ заглавіемъ: „Начало богатства Романовыхъ“, которое должно было выйти въ свѣтъ за границей, но онъ былъ сосланъ въ Сибирь, прежде чѣмъ окончилъ свои изслѣдованія.

цѣпи, а отсюда по плоской долинь, ограниченной безплодными холмами, вышиною въ 1000 футовъ, коихъ склоны, покрытые снѣгомъ, закрывали отъ взора наблюдателя всю окрестность. Долина становилась все уже и уже, пока, наконецъ, въ $1\frac{1}{2}$ или двухъ миляхъ за деревней не оканчивалась невыразимо печальнымъ оврагомъ, въ которомъ единственнымъ признакомъ жизни были уродливые, безлиственные кустарники, одни нарушавшіе однообразіе снѣжнаго покрова холмовъ. Мнѣ казалось, что я еще никогда не видѣлъ такого одинокаго, непривѣтливаго, изолированнаго отъ прочаго свѣта мѣста на землѣ. Можно было подумать, что находишься среди ледяныхъ горъ и полей Гренландіи, у сѣвернаго полюса.

„Здѣсь старая „политическая“ тюрьма“, сказалъ исправникъ, когда мы остановились возлѣ оригинальной полуразвалившейся избушки, которая нѣкогда была оштукатурена и по срединѣ имѣла высокія сводчатые ворота. Въ сторонѣ отъ этой тюрьмы и въ 40—50 шагахъ отъ нея находились двѣ тюрьмы изъ кирпича — одна уже безъ крыши, обѣ въ состояніи крайней обвѣтшалости. Повидимому эти тюрьмы были прежде окружены заборомъ, а изба съ воротами предназначалась для караула. Заборъ давно исчезъ, желѣзныя рѣшетки оконъ пропали и поверхностный наблюдатель могъ бы лишь съ трудомъ по уцѣлѣвшимъ развалинамъ опредѣлить цѣль, для которой эти постройки служили раньше. Я слѣзъ съ телѣги и вошелъ въ тюрьму, по правую сторону караула, въ надеждѣ найти по крайней мѣрѣ какую-нибудь надпись на стѣнѣ одного изъ заключенныхъ несчастныхъ узниковъ, или открыть одно изъ желѣзныхъ колецъ въ стѣнѣ, къ которымъ были прикованы строптивые преступники. Но каждая частица желѣза, которая еще была пригодна, исчезла; полъ сгнилъ, штукатурка обвалилась — ничего не осталось, что могло-бы представить воображенію ненаписанную исторію тюрьмы или свидѣтельствовать о жестокостяхъ и трагедіяхъ, которыя составили Акатую такую печальную славу. Тюрьма по лѣвую сторону караулки была въ далеко лучшемъ состояніи, и осмотръ ея былъ-бы, конечно, интересенъ, но окна были наглухо заперты, на тяжелыхъ дверяхъ висѣли замки; директоръ увѣрялъ, что онъ не знаетъ, гдѣ ключи, такъ что намъ невозможно было проникнуть туда. Входъ въ акатуйскіе рудники находился на холмѣ, 500—600 ф. выше уровня равнины. Въ сумѣркахъ мы могли различить небольшой са-

рай и отверстія шахты. Если-бы дѣло было раньше, еще днемъ, я бы, пожалуй, предложилъ осмотрѣть его, но ночь уже наступила, въ воздухѣ чувствовался сильный холодъ а, исправникъ съ директоромъ желали возвратиться на заводъ, такъ что я долженъ былъ удовлетвориться поверхностнымъ наружнымъ осмотромъ тюремъ. Лунинъ, одинъ изъ декабристовъ 1825 года, жилъ и умеръ здѣсь въ каторгѣ, и по сосѣдству съ нимъ нашли свой послѣдній покой многіе польскіе патріоты, которые, послѣ возстанія 1863 года, были сосланы въ Акатуй. Я не могъ открыть ихъ могилъ. Русское правительство, понятно, вовсе не старается сохранить память о политическихъ преступникахъ, которыхъ оно до смерти мучить въ сибирскихъ тюрьмахъ, и надъ бранными остатками большинства не возвышается даже малый холмикъ. Со времени моего возвращенія изъ Сибири воздвигнута уже въ угрюмой равнинѣ Акатуя новая тюрьма, въ которую должны были быть переведены всѣ политическіе преступники съ Кары. Правительство намѣрено осушить оставленные рудники и заставить политическихъ преступниковъ работать въ сырыхъ шахтахъ. Безъ сомнѣнія, эта перемѣна означаетъ ухудшеніе ихъ положенія; если въ Сибири есть еще болѣе одинокій, угрюмый оставленный Богомъ край, чѣмъ Кара, та это снѣжная котловина Акатуя.

Поздно вечеромъ во вторникъ возвратились мы на Александровскій заводъ и въ среду около полудня, послѣ продолжительнаго отдыха и прекраснаго завтрака, мы отправились къ Алгашскимъ рудникамъ, находящимся приблизительно въ 22 миляхъ отъ Александровскаго завода. Мѣстность, по которой мы проѣзжали, была крайне однообразна; ряды безплодныхъ низкихъ холмовъ слѣдовали одинъ за другимъ, какъ волны въ океанѣ, почти безъ всякихъ признаковъ жизни; въ долинахъ только было сложено очень много стоговъ сѣна. Съ вершины послѣдняго поперечнаго хребта, черезъ который намъ пришлось проѣзжать, прежде чѣмъ мы добрались до Алгашей, окрестная мѣстность, открывавшаяся отсюда взору на 30 миль въ окружности, походила на безбрежное море, внезапно обратившееся въ ледъ подъ дѣйствіемъ страшнаго урагана. Далеко ниже, въ снѣжной лощинѣ, между двумя холмами, мы увидѣли незначительную группу избъ; кучеръ нашъ утверждалъ, что это и есть горное поселеніе Алгаши. На сколько глазъ могъ увидѣть, нигдѣ не было ни дерева,

ни вообще какого-нибудь темнаго предмета, который нарушалъ-бы однообразную бѣлизну безбрежнаго океана снѣжныхъ горъ; даже маленькая деревенька производила впечатлѣніе дровяного плота, который остановился неподвижно посреди моря въ тотъ моментъ, когда страшныя волны внезапно обратились въ снѣгъ и ледъ. Мы спустились съ крутого склона горы по каменной дорогѣ и вѣхали на длинную, грязную, покрытую соломой улицу деревни; тамъ мы встрѣтили нѣсколько стадъ скота, который гнали молодые парни въ овчинныхъ полшубкахъ изъ степи домой, и остановились, наконецъ, окруженные толпой любопытныхъ, у земской квартиры, гдѣ мы намѣрены были переночевать. Было уже 5 часовъ вечера, такъ что мы должны были сегодня уже отказаться отъ осмотра тюрьмы и рудниковъ. Перенесши нашъ багажъ въ избу и давъ ея обитателямъ нужныя свѣдѣнія о насъ, мы собрались поужинать. Наши запасы провизіи не допускали большого выбора, но хозяйка подала намъ кипящій самоваръ и немного молока и масла. Г. Фростъ торжественно вынулъ банку варенья изъ калифорнскихъ персиковъ, которое онъ „на всякій случай“ купилъ въ Срѣтинскѣ, и мы принялись отогрѣвать нашъ замороженный и покрытый пескомъ хлѣбъ на открытомъ, весело пылавшемъ огнѣ. Ужинъ мы нашли до того прекраснымъ, что г. Фростъ позабылъ совѣтъ, что нѣтъ свѣжаго хлѣба; въ 9 часовъ мы, согрѣтые, сытые, счастливые, уютно улеглись спать.

Въ среду утромъ, послѣ завтрака, мы сдѣлали визиты горному инженеру Нестерову и подполковнику Зальштейну, директору тюрьмы. Г. Нестеровъ принялъ насъ съ обычнымъ у русскихъ гостепріимствомъ; онъ настоялъ на томъ, что бы мы съ нимъ еще разъ позавтракали и подливалъ намъ каждый разъ водки, крымскаго вина и бостонскаго лимонаду. Подполковникъ Зальштейнъ, занимавшій большое уютное помѣщеніе, наполненное цвѣтущими олеандрами, гераніями и пр., принудилъ насъ тоже распить съ нимъ бутылку вина и въ третій разъ закусить, такъ что былъ уже 2-й часъ въ началѣ, когда мы направились къ тюрьмѣ и рудникамъ. Подполковникъ Зальштейнъ, финъ по происхожденію, говорилъ по русски съ нѣмецкимъ произношеніемъ; онъ показался мнѣ очень честнымъ и достойнымъ довѣрія человекомъ, говорилъ обо всемъ откровенно и даже съ нѣкоторымъ юморомъ.

„Я боюсь“, сказалъ онъ, когда мы проѣзжали по улицѣ деревни, „что наша тюрьма покажется вамъ самой скверной, которую вы только видали. Она стара и въ дурномъ состояніи, но я могу сдѣлать для ея улучшенія лишь очень мало: мы слишкомъ далеко отъ Петербурга“.

Я замѣтилъ, что она, по всей вѣроятности, не хуже Усть-Карской тюрьмы и прибавилъ при этомъ, что я уже въ достаточной степени ознакомился съ этимъ дѣломъ, чтобы понимать трудности, сопряженныя съ тюремной реформой. Онъ ничего не возразилъ и недовѣрчиво покачалъ головой, желая какъ бы этимъ сказать, что осмотръ тюрьмы въ Алташахъ значительно увеличить мои свѣдѣнія въ этомъ отношеніи. Вскорѣ мы остановились около высокаго частокола. Часовой тюрьмы взялъ на караулъ и дежурный офицеръ ввелъ насъ въ просторный дворъ, по срединѣ котораго находилась тюрьма. Это было длинное и низкое четырехугольное зданіе изъ обтесанныхъ брусевъ, съ простой досчатой крышей, съ малыми сѣнями и цѣлымъ рядомъ оконъ, снабженныхъ крѣпкими желѣзными рѣшетками. Въ общемъ тюрьма произвела на меня впечатлѣніе зданія, готоваго каждую минуту развалиться. Одна изъ продольныхъ стѣнъ такъ подалась впередъ, что уклонилась отъ вертикальной линіи, по крайней мѣрѣ, на 2 фута, и она давно бы уже рухнула, если бы ее во всю длину не подперли крѣпкими бревнами. Всѣ стѣны нѣкогда были оштукатурены и выбѣлены, теперь уже большіе куски штукатурки отпали, что придавало зданію запущенный видъ. Подполковникъ Зальштейнъ не могъ сказать, сколько лѣтъ этому зданію, но полагалъ, что, по всей вѣроятности, оно построено въ 1817 году, когда были открыты рудники. Мы вступили въ темный, вонючій корридоръ, который тянулся во всю длину зданія. Какъ разъ у входа, направо, находилась аптека, а примыкающая къ ней камера служила лазаретомъ. Тамъ стояло 8 или 10 низкихъ кроватей, на которыхъ лежало столько же больныхъ или раненыхъ преступниковъ, покрытыхъ грязными, даже частью испачканными кровью, одѣялами. Лица этихъ несчастныхъ были до того блѣдны и исхудалы, что они скорѣе походили на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей, и я долженъ сознаться, что въ жизни моей мнѣ еще не приходилось видѣть больныхъ въ такомъ ужасномъ состояніи. Надсмотрщикъ рассказалъ, что нѣкоторые изъ нихъ

ранены въ рудникахъ во время взрыва динамита. Воздухъ въ лазаретѣ былъ до того испорченъ и невыносимъ, что я былъ очень радъ, когда, послѣ послѣдшаго осмотра, мы снова вышли въ корридоръ. Первая камера, въ которую мы затѣмъ вступили, занимала около 22 кв. футовъ и была въ 7 или 8 футовъ вышиною; въ ней было 2 окна; огромная кирпичная печь стояла въ углу ея, а нары помѣщались вдоль 3-хъ ея стѣнъ. О вентиляціи, конечно, и помину не было; воздухъ былъ такъ же невыносимъ, какъ и въ самыхъ отвратительныхъ усть-карскихъ камерахъ.

Я старался по возможности меньше дышать. Когда мы вошли въ камеру, мое вниманіе привлекла широкая, грязная полоса, краснаго цвѣта, которая въ родѣ карниза тянулась надъ нарами по нѣкогда бѣлой стѣнѣ. Подполковникъ Зальтштейнъ, замѣтивъ, что я внимательно разсматриваю эту полосу, замѣтилъ въ свойственномъ ему полуюмористическомъ полуциническомъ тонѣ, что заключенные пытались было окрасить въ красный цвѣтъ стѣны камеры.

При болѣе близкомъ разсмотрѣніи можно было замѣтить, что красная полоса состояла изъ множества малыхъ пятенъ крови и еще не отпавшихъ отъ стѣны клоповъ, раздавленныхъ заключенными, которыхъ они мучили во снѣ. Съ какого времени велось это ожесточенное „кровопролитіе“, сколько тысячъ несчастныхъ заключенныхъ принимало участіе въ попыткѣ „выкрасить стѣны въ красный цвѣтъ“—этого я не могу сказать, но я самъ достаточно настрадался въ Сибири отъ этихъ паразитовъ, чтобы вполне оцѣнить значеніе этой красной полосы.

Лишнее дѣло описывать прочія камеры этой тюрьмы, каждую въ отдѣльности: онѣ совершенно походили на первую, но отличались другъ отъ друга лишь по величинѣ. Всѣ были переполнены, всѣ кишѣли паразитами и воздухъ во всѣхъ былъ въ высшей степени спертый. Во время нашего посѣщенія тюрьма заключала 169 преступниковъ, т. е. чуть ли не въ 2 раза больше, чѣмъ она должна была-бы заключать по количеству куб. футовъ воздуха въ ней.

При первомъ удобномъ случаѣ я сказалъ полковнику Зальтштейну: „Мнѣ положительно непонятно, какъ вы можете допускать существованіе подобной тюрьмы. Вы имѣете 169 преступниковъ, изъ нихъ 40—50 человекъ работаетъ въ рудникахъ. Всѣ остальные сидятъ въ этихъ камерахъ

безъ дѣла. Почему бы вамъ не заставить ихъ нарубить бревенъ въ сосѣднемъ лѣсу, притащить ихъ въ деревню и такимъ образомъ построить себѣ новую тюрьму изъ этого матеріала. Они сами согласятся на это очень охотно. Расходы были-бы незначительны и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы имѣли-бы здѣсь зданіе, которое по крайней мѣрѣ годилось бы для пребыванія въ ней человѣческихъ существъ“.

„Милостивый государь“¹⁾, возразилъ онъ, „я не могу безъ особаго приказанія высшаго начальства, посылать арестантовъ въ лѣсъ. Если нѣкоторые изъ нихъ, что болѣе, чѣмъ вѣроятно, совершаютъ побѣгъ, то я тогда дѣлаюсь отвѣтственнымъ за это и, пожалуй, могу лишиться должности. Я не имѣю права ничего предпринимать безъ приказанія начальства, а начальство въ Петербургѣ прекрасно знакомо съ состояніемъ тюрьмы; я каждый годъ посылаю объ этомъ отчеты. Послѣ того, какъ я 5 лѣтъ сряду настоятельно добивался разрѣшенія построить новую тюрьму, я получилъ наконецъ приказаніе снести съ уѣзднымъ архитекторомъ и составить планъ и смѣту расходовъ для постройки новой тюрьмы. Я все это исполнилъ; но вѣдь вы уже, я думаю, знаете, какъ у насъ обставлены подобнаго рода дѣла. Письма отсюда въ Петербургъ идутъ 2—3 мѣсяца. Если наши планы и смѣты расходовъ благополучно прибыли туда, то они передаются въ главное тюремное управленіе. Тамъ они лежатъ вмѣстѣ съ сотнями другихъ документовъ изъ сотенъ другихъ тюремъ различныхъ частей государства, пока до нихъ не дойдетъ очередь. Такъ проходятъ цѣлые мѣсяцы; наконецъ бумаги эти прочитываются, разсматриваются, и относительно ихъ принимается какое-нибудь рѣшеніе. Но если, напримѣръ, постройка требуетъ болѣе или менѣе значительныхъ издержекъ, то все дѣло должно быть представлено на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ, причемъ оно, обыкновенно, отлагается до составленія бюджета слѣдующаго года. Во всякомъ случаѣ проходитъ не менѣе 12 мѣсяцевъ, пока относительно его будетъ принято какое-нибудь положительное рѣшеніе. Безъ сомнѣнія вѣмъ-нибудь будетъ еще сдѣлано возраженіе или относительно плана, или относительно требуемой суммы, и

¹⁾ Если рѣчь подполковника Зальтштейна и не передана дословно, то содержаніе во всякомъ случаѣ вполне вѣрно.

документы намъ возвращаются „для измѣненія“ по указанію человѣка, который и понятія не имѣетъ, конечно, о здѣшнихъ нуждахъ и порядкахъ. Мы стараемся, при измѣненіи этихъ документовъ, придерживаться возрѣній высшаго начальства и, измѣнивъ ихъ такимъ образомъ, отправляемъ ихъ опять въ Петербургъ. Между тѣмъ персоналъ нашего вѣдомства въ Петербургѣ успѣлъ измѣниться за это время. Новые чиновники поступили на мѣсто старыхъ, господствуютъ новые взгляды на тюрьмы и тюремныя реформы, а потому планы и смѣты, которые могли удовлетворить начальство 1880 года, въ 1882 году кажутся неполными и недостаточными. По истеченіи 16 или 18 мѣсяцевъ мы во второй разъ получаемъ бумаги для новаго просмотра и измѣненія; и эта исторія повторяется изъ года въ годъ. Съ 1880 года планы и смѣты о постройкѣ новой тюрьмы въ Алгашахъ все время путешествуютъ отсюда въ Петербургъ и обратно. Теперь они уже въ 3-й разъ въ столицѣ. Что же тутъ дѣлать? Даже въ томъ случаѣ, когда все уже принято, постройка все таки идетъ медленно. Вотъ уже 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ правительство начало строить новую тюрьму въ Горномъ Зерентуѣ, а между тѣмъ, на зданіи нѣтъ еще даже крыши, а о полахъ и рѣчи быть не можетъ. „Но вѣдь это нѣчто невѣроятное!“ замѣтилъ я: „Подобное управленіе есть совершенная бессмыслица. Къ чему переписываться цѣлые годы съ равнодушными чиновниками въ Петербургѣ по дѣлу, которое каждый губернаторъ или даже каждый исправникъ можетъ рѣшить въ 24 часа? Во всей Восточной Сибири мнѣ приходилось видѣть жалкія, запущенныя, ветхія деревянныя тюрьмы, и въ нихъ очень много здоровыхъ арестантовъ, которые проводятъ время въ праздности. Страна богата строевымъ лѣсомъ, работа не будетъ ничего стоить, вѣдь каждый русскій крестьянинъ умѣетъ построить хижину, почему бы вамъ не заставить вашихъ ничѣмъ не занятыхъ арестантовъ построить новую тюрьму?“

„У насъ здѣсь мало стражи, чтобы слѣдить за арестантами въ лѣсахъ“, возразилъ директоръ, „они могутъ совершить побѣгъ“.

„Это не основаніе“, прибавилъ я, „правительство могло бы безъ всякихъ затрудненій увеличить здѣсь гарнизонъ во время рубки лѣса. Ну, а если даже нѣкоторые арестанты и

совершать побѣгъ! По моему мнѣнію, было бы лучше дать половинѣ возможность бѣжать, чѣмъ содержать ихъ здѣсь, въ такой тюрьмѣ, безъ всякаго дѣла!“ Директоръ пожалъ плечами и прекратилъ разговоръ. Я не имѣлъ никакого основанія измѣнить свое мнѣніе объ алгашской тюрьмѣ. Позоръ для цивилизованнаго государства помѣщать въ такое мѣсто даже самыхъ отчаянныхъ преступниковъ, а та небрежность, равнодушіе, неспособность, которыя правительство обнаруживаетъ по отношенію ко всѣмъ этимъ печальнымъ фактамъ, совершенно непростительны.

Поблагодаривъ подполковника Зальтштейна и простившись съ нимъ, мы, т. е. я, г. Фростъ и г. Нестеровъ отправились къ рудникамъ, которые лежатъ приблизительно въ одной милѣ отъ деревни, на сѣверномъ скатѣ одной изъ цѣпей холмовъ, окаймляющихъ долину. День былъ ясенъ, но холоднѣе; все вокругъ было покрыто снѣгомъ. Въ нѣсколькихъ метрахъ за деревней мы замѣтили темные предметы, которые тянулись по бѣлому склону холма.

„Я, право, думаю“, сказалъ г. Фростъ, который началъ внимательно всматриваться, „что это верблюды“.

„Верблюды“, воскликнулъ я недоувѣрчиво. „Верблюды въ нерчинскомъ горномъ округѣ! Это было-бы дѣйствительно не слышано! Какъ они могутъ жить въ такомъ климатѣ?“

Когда мы ближе подошли, то уже нельзя было сомнѣваться, что это дѣйствительно были верблюды на переднемъ фонѣ этого пустыннаго, угрюмаго полярнаго ландшафта грызли замерзшіе, поднимавшіяся изъ подъ снѣга стебли травы.

Если бы мы ожидали найти въ алгашскихъ рудникахъ зданія, паровыя машины, краны и толчеи американскихъ рудниковъ, то намъ пришлось бы глубоко въ этомъ разочароваться. Во всемъ поселеніи не было другихъ зданій, кромѣ порохового склада, погреба для сохраненія динамита, одного или двухъ бараконъ, малой избы для храненія орудій, которая въ то же время служила кузней и мѣстомъ для сортировки руды и, наконецъ, караульни. Въ послѣдней 6 арестантовъ, въ томъ числѣ 2 женщины, были заняты раздробленіемъ и сортировкой руды; одинъ надсмотрщикъ точилъ на старой точильнѣ буравъ и 2—3 солдата валялись на низкой лавкѣ, гдѣ находились ихъ берданки. Техника разработки руды была самая примитивная, какую я только въ первый разъ встрѣчалъ.

Г. Нестеровъ не имѣлъ повидимому охоты сопровождать насъ въ рудники и передалъ эту обязанность одному преступнику, который долженъ былъ намъ показать все, что было достойно вниманія. Проводникъ нашъ далъ каждому изъ насъ по сальной свѣчѣ, обернутой въ кусокъ бумаги, запасся самъ подобной свѣчей, набралъ въ пазуху своего овчиннаго полушубка 6 динамитныхъ патроновъ, такъ что длинныя бѣлыя зажигательныя шнуры ихъ висѣли наружу и объявили, что онъ готовъ. Мы послѣдовали за нимъ, опустились на нѣсколько сотъ шаговъ во внутренность горы и вступили черезъ узкую деревянную дверь въ низкую горизонтальную галерею, которая съ обѣихъ сторонъ была подперта деревянными балками, и по всему наклону которой были положены грубыя шпалы. Зажегши наши свѣчи, мы въ согнутомъ положеніи ощупью пошли впередъ. Нашъ проводникъ спотыкался каждый разъ о плохо прикрѣпленныя шпалы, и я начиналъ бояться, что онъ упадетъ и подожжетъ, чего добраго, зажигательные шнуры динамитныхъ патроновъ, такъ что мы всѣ взлетимъ на воздухъ. Приблизительно въ 150 футахъ отъ входа зіяло темное отверстіе главной шахты, изъ котораго выдавался конецъ старой лѣстницы. Съ привычнымъ проворствомъ спустился по ней нашъ проводникъ, причемъ предупредилъ насъ осторожно ставить ноги на ступеньки лѣстницы, такъ какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало; при этомъ онъ прибавилъ, что лѣстницы косо прикрѣплены другъ къ другу, такъ что, подойдя къ нижнему концу одной, нужно сдѣлать большой шагъ въ сторону, чтобы попасть на другую. Но мы вовсе не боялись сдѣлать въ этомъ отношеніи ошибку, — главное, чего мы сильно опасались, — это быть взорванными динамитомъ. Въ моемъ воображеніи предстали вдругъ лица тѣхъ несчастныхъ, которыхъ я видѣлъ въ тюремномъ лазаретѣ, и чѣмъ чаще я смотрѣлъ въ глубину на моего проводника и видѣлъ свѣтъ мелькающимъ то здѣсь, то тамъ, около самыхъ зажигательныхъ шнурковъ, то мной овладѣвала все больше и больше мысль, какъ я себя буду чувствовать, когда мнѣ придется подвергаться хирургической операціи на одной изъ тѣхъ грязныхъ коекъ, или, еще болѣе, умирать на ней.

По мѣрѣ того, какъ мы частью по лѣстницамъ, частью по скользимъ, неровнымъ брусамъ медленно спускались въ глубину рудника, мы стали чувствовать какой-то особенный

непріятный запахъ, который я приписалъ происшедшему въ сосѣдней галереи взрыву динамита. Свѣчи наши, горѣвшія синимъ огонькомъ, наконецъ потухли окончательно; спички тоже не загорались въ этомъ воздухѣ, и мы среди глубокой тьмы, ухватились за какую то поломанную лѣстницу, стоявшую надъ бездонной пропастью, въ томительномъ ожиданіи, долго-ли мы сможемъ еще дышать въ этомъ воздухѣ, который повидимому былъ очень бѣденъ кислородомъ. Стѣсненія въ груди мы во всякомъ случаѣ не чувствовали, такъ что, собственно говоря, большой опасности не было. Но мы почувствовали большое облегченіе когда, уничтоживъ безчисленное множество спичекъ, ощупью спустились еще на двѣ или три лѣстницы и наконецъ добрались до отверстія новой галереи, гдѣ наши свѣчи продолжали горѣть. По этой галереи мы прошли около 100 шаговъ впередъ, при чемъ намъ приходилось перелѣзать черезъ кучи блестящей руды, которую каторжники сносили со всѣхъ сторонъ въ корзинахъ. Температура стояла ниже нуля, и кристаллы льда на стѣнахъ переливались какъ тысячи брилліантовъ. Пройдя цѣлый лабиринтъ низкихъ и узкихъ ходовъ, мы добрались, наконецъ, до другой шахты и спустились по испорченнымъ, мерзлымъ лѣстницамъ въ самыя глубокія части рудниковъ. Здѣсь работало 6 или 8 мужчинъ при помощи самыхъ примитивныхъ орудій и приспособленій, которыя вызвали бы одну презрительную улыбку на лицѣ рудокопа изъ Невады. Воздухъ въ этихъ нижнихъ частяхъ содержалъ очень мало кислорода и былъ до того испорченъ взрывчатыми веществами, что наши свѣчи каждый разъ потухали; здѣсь не было никакихъ приспособленій для притока свѣжаго воздуха. Единственный вентиляторъ состоялъ изъ желѣзнаго круглаго вѣера, приводимаго въ движеніе однимъ арестантомъ посредствомъ грубой деревянной рукоятки. Эта машина производила лишь большой шумъ и, такъ какъ для отвода испорченнаго и притока свѣжаго воздуха не было никакихъ каналовъ, то она была совершенно бесполезной. Она только приводила въ движеніе окружающій ее испорченный воздухъ, и я думаю, что арестантъ могъ-бы для этой же цѣли съ неменьшимъ успѣхомъ вертѣть хоть какой-нибудь точильный камень.

Осмотрѣвъ въ различныхъ мѣстахъ серебряныя жилы, набравъ всякаго рода руды и посмотрѣвъ, какъ работаютъ каторжники въ своихъ овчинныхъ полушубкахъ, мы возвра-

тились наконецъ въ главную шахту и, вскарабкавшись по 30—40 лѣстницамъ, вышли на свѣтъ Божій.

Холодный, пронзительный вѣтеръ дулъ по пустыннымъ холмамъ, и группа изъ 12—15 арестантовъ, дрожавшихъ всѣмъ тѣломъ отъ холода и успѣвшихъ окончить свою дневную работу, стояла у мастерской и просила г. Нестерова разрѣшить имъ возвратиться въ тюрьму, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, могли бы согрѣться. Г. Нестеровъ сурово отвѣчалъ, что добытая масса еще не вполне сортирована, и что поэтому они должны еще подождать, и эти несчастные, не имѣвшіе съ утра ничего во рту, должны были простоять еще 1½ часа подъ открытымъ небомъ, на холодномъ, пронзительномъ вѣтрѣ, пока сортировщики не кончили своей работы. Эта жестокость и хладнокровіе подтвердили отзывы молодого техника изъ Петербурга. Г. Нестеровъ былъ такъ раздраженъ этой вполне понятной просьбой полузамерзшихъ арестантовъ, какъ будто она была признакомъ ихъ безстыдства и неповиновенія.

Посмотрѣвъ еще нѣкоторое время, какъ дробится и сортируется руда въ мастерской, мы поѣхали къ Покровскимъ рудникамъ, которые находились въ четырехъ миляхъ на сѣверо-западъ отсюда, у другого безлѣснаго горнаго хребта. Мѣстность между этими двумя хребтами была въ высшей степени пустынна и угрюма. Нигдѣ не видно было ни дерева, ни кустарника, а волнообразныя, покрытыя снѣгомъ, горы напоминали своими очертаніями волнуемое бурнымъ вѣтромъ море. У входа въ рудники находились слѣдующія зданія: домъ для орудій, похожій на такое же зданіе въ Алгашахъ, магазинъ съѣстныхъ припасовъ, нѣсколько хижинъ, изъ которыхъ одна, повидимому, была недавно построена. На вершинѣ хребта, какъ разъ надъ зданіями, находились двѣ караульни, и въ каждой изъ нихъ стоялъ часовой. Г. Фростъ, который былъ утомленъ и не имѣлъ уже охоты продолжать осмотръ рудниковъ, сѣлъ на снѣгъ и началъ дѣлать наброски въ свою памятную книжку, насколько ему это позволяли его окоченѣвшіе пальцы въ толстыхъ перчаткахъ, между тѣмъ какъ г. Нестеровъ и я, въ сопровожденіи арестанта, спустились въ главную шахту. Покровскіе рудники отличались отъ Алгашскихъ только тѣмъ, что они не были такъ глубоки и обширны. Воздухъ въ нихъ былъ сырой и сравнительно теплый; вода капала съ крышъ галлерей и собиралась въ маленькія лужи, а лѣстницы въ главной шахтѣ были скользки

отъ накопившейся на нихъ грязи. Почему именно здѣсь таяло, а въ отстоявшихъ всего на 4 мили Алгашскихъ рудникахъ мерзло, этого я не могъ понять; г. Нестеровъ также не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго объясненія этого явленія. Въ Алгашскихъ рудникахъ галлерей часто на глубинѣ 75—100 футовъ были покрыты кристаллами льда; въ Покровскихъ же рудникахъ съ стѣнъ и потолка галлерей непрерывно капало; воздухъ былъ здѣсь чистъ, такъ какъ наши свѣчи горѣли вездѣ ярко. Нѣсколько мужчинъ было занято тѣмъ, что тянуло вверхъ ушаты съ рудой при помощи каната и первобытнаго ворота. Я взбирался по нѣсколькимъ грязнымъ лѣстницамъ, пока я весь не испачкался, лазилъ согнувшись по низкимъ галлереймъ, пока у меня спина не заболѣла, а затѣмъ мы, утомленные и покрытые потомъ, возвратились въ мастерскую. Арестантъ, который насъ сопровождалъ, потушилъ свою свѣчу и положилъ ее съ еще глѣющимъ фитилемъ на деревянный ящикъ, который между прочимъ содержалъ и динамитные патроны. Не будучи отъ природы ни трусливымъ, ни нервнымъ, я все-таки считъ нужнымъ на этотъ разъ остаться на дворѣ на нѣкоторое время. Когда, по моимъ расчетамъ, фитиль долженъ былъ уже потухнуть, я возвратился въ мастерскую, вымылъ свои грязныя руки въ корытѣ точильнаго камня, просмотрѣлъ наброски г. Фроста и задалъ г. Нестерову цѣлый рядъ вопросовъ о рудникахъ.

Серебряныя жилы въ Алгашскихъ и Покровскихъ рудникахъ достигаютъ въ толщину отъ 12 дюймовъ до 6 футовъ. Блестящая руда состоитъ изъ серебра и свинца въ отношеніи 1:100, съ большей или меньшей примѣсью „цинковой обманки“, какъ выражаются русскіе рудокопы. Такъ какъ этотъ металлъ гораздо труднѣ плавится, чѣмъ свинецъ, то онъ причиняетъ много затрудненій при плавлѣ, вслѣдствіе чего руда разбивается на мелкіе куски и тѣ изъ нихъ, которые содержатъ наиболѣе цинку удаляются. Дробленіе и сортированіе руды производится слабѣйшими изъ каторжниковъ и женщинами, и считается самымъ легкимъ родомъ каторжной работы. Эта работа соотвѣтствуетъ по своей трудности приблизительно дробленію камня для шоссе, при помощи короткихъ тяжелыхъ молотковъ. Алгашскіе и Покровскіе рудники, самые прибыльные въ цѣломъ округѣ, доставляютъ ежегодно 400 тоннъ руды, которая послѣ плавленія даетъ 1440

фунтовъ серебра на сумму 40.000 рублей и 144.000 фунтовъ свинца. Свинецъ почти не имѣетъ значенія, за отсутствіемъ рынка для сбыта и за дороговизной пересылки. Во время нашего посѣщенія были сложены въ Кутомарскомъ Заводѣ, гдѣ уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ плавится руда изъ этихъ рудниковъ, до 2000 тоннъ свинца. На каждомъ изъ этихъ заводовъ работаетъ среднимъ числомъ 220 каторжниковъ и каждый добываетъ въ годъ 3600 фунтовъ руды, т. е. чуть-ли ни 10 фунтовъ въ день. Эти числа одинъ уже показываютъ, какъ нерадиво и нецѣлесообразно производится разработка руды. До 1886 года арестанты отправлялись работать въ шахтахъ ежедневно, за исключеніемъ большихъ церковныхъ праздниковъ; теперь же имъ разрѣшаются 2 дня въ мѣсяцъ для отдыха: 1-го и 15-го числа. Они получаютъ опредѣленную работу, которую здоровый, трудолюбивый человѣкъ можетъ окончить въ 8 или 10 часовъ. Количество и качество получаемой здѣсь преступниками пищи тоже самое, что и въ карскихъ приискахъ; содержаніе каждого стоитъ правительству приблизительно 80 рублей въ годъ, т. е. нѣсколько больше 20 коп. въ день. Какъ мѣсто наказанія, я нашелъ нерчинскіе рудники вовсе не такими ужасными, какъ ихъ описывали. Безъ сомнѣнія, не пріятно работать 8 или 10 часовъ въ день въ сырыхъ и мерзлыхъ галлерейхъ, 300 футовъ подъ землею; но даже и такое занятіе, по моему мнѣнію, менѣе вредно здоровью, чѣмъ постоянное сидѣніе въ грязной, биткомъ набитой, вонючей тюрьмѣ. Рудники, пожалуй плохо вентилируются, и газы, выдѣляемые при взрывахъ, вредны, но вѣдь здѣсь нѣтъ смертельныхъ паровъ вредныхъ рудъ, какъ на примѣръ, киновари, которые такъ вредятъ здоровью рабочихъ; опытъ показалъ, что смертность между преступниками, которые каждый день работаютъ въ рудникахъ, нисколько не превышаетъ смертности между арестантами, проводящими цѣлые дни въ бездѣйствіи и дышащими испорченнымъ воздухомъ тюремныхъ камеръ. Если бы мнѣ предстоялъ выборъ между абсолютной праздностью въ тюрьмѣ, подобной алгашской или усть-карской, и правильной ежедневной работой въ рудникахъ, я не колеблясь выбралъ-бы второе. Насколько я могъ узнать изъ разспросовъ арестантовъ, то никого не принуждаютъ проводить день и ночь въ рудникахъ, и я думаю, что рассказы объ этомъ, сообщенные въ различныхъ изданіяхъ, суть простыя басни. Каторж-

ники дѣлятся на работающихъ днемъ и работающихъ ночью и посылаются въ рудники попеременно, но ни отъ кого еще не требовали, чтобы онъ оставался тамъ 24 часа. Въ настоящее время даже не работаютъ по ночамъ, и всѣ каторжники возвращаются въ тюрьмы съ наступленіемъ сумерокъ или, какъ, на примѣръ, зимою, не поздно вечеромъ. Жизнь русскихъ каторжниковъ въ нерчинскихъ рудникахъ нелегка. Я себѣ даже не могу представить болѣе страшнаго и безнадѣжнаго существованія, чѣмъ жизнь этихъ людей, работающихъ цѣлый день въ сырыхъ галлерейхъ покровскихъ рудниковъ, а ночь проводящихъ въ грязныхъ, кишачихъ паразитами тюрьмахъ, въ родѣ алгашской. Такая жизнь куда хуже жизни выгнанной собаки, но все-таки не такъ ужасное, какъ существованіе изображеннаго Гренвиллемъ Мурей преступника, который день и ночь живетъ подъ землей, спитъ въ углубленіи скалы, работаетъ въ безвыходныхъ мукахъ подъ кнутомъ суроваго надзирателя, и медленно умираетъ отъ дѣйствія ртутныхъ паровъ. Подобныя исторіи могутъ имѣть мѣсто лишь въ сенсационной драмѣ, — но на самомъ дѣлѣ это не правда. Самое ужасное въ жизни сибирскихъ преступниковъ, это не каторга, а состояніе тюремъ.

Когда г. Фростъ, г. Нестеровъ и я возвратились съ Покровскихъ рудниковъ въ Алгаши, начинало уже темнѣть, и деревенскія дѣвушки поили коровъ и наполняли свои ушаты водой изъ огороженнаго источника, вблизи земской квартиры. Мы подъѣхали къ дому г. Нестерова, гдѣ плотно пообедали, поговорили еще часокъ—другой, а остальную часть вечера посвятили нашимъ путевымъ замѣткамъ и наброскамъ. Въ пятницу утромъ, 20-го ноября, мы простились съ г. Нестеровымъ и подполковникомъ Зальтштейномъ и отправились на неудобной телѣгѣ, запряженной двумя лошадьми, въ деревню и рудники Кадайша, отстоящую отъ Алгаши на 90 миль. Погода стояла очень холодная; дорога вела черезъ скучные, однообразные, покрытые снѣгомъ холмы, и два дня сряду мы не видѣли и не слышали ничего интереснаго. Въ пятницу вечеромъ мы добрались, утомленные, голодные и полузамерзшіе, до деревни Доно, находящейся въ 24 миляхъ отъ Алгаши. Въ субботу послѣ обѣда мы проѣхали мимо Кутомарскаго завода, гдѣ мы остановились на нѣсколько часовъ, чтобы посѣтить плавильныя мастерскія, а въ воскресенье на разсвѣтѣ, проѣздивъ всю ночь на пролетъ при страш-

номъ холодѣ, мы прибыли въ жалкую одинокую деревню Кадайшу, остановились въ земской квартирѣ и, согрѣвшись чаемъ, мы легли спать, г. Фростъ, на большой кирпичной печи, а я на полу.

Около 10-ти часовъ утра, въ воскресенье, мы встали свѣжими и подкрѣпленными и послѣ поспѣшнаго завтрака мы вышли на широкую пустынную деревенскую улицу, г. Фростъ, чтобы набросать мѣстность, а я, чтобы увидѣть „улавщика“.

Кадайшскіе рудники, самые старыя и обширныя изъ серебряныхъ приисковъ въ нерчинскомъ округѣ, лежатъ у крутой горы съ округленной вершиной; гора эта находится въ 300 шагахъ отъ деревни и возвышается надъ ней на 200—300 футовъ. Здѣшніе рудники разрабатываются уже больше столѣтія и нѣкогда были очень прибыльны, но теперь уже богатѣйшія рудныя жилы истощены, и доходъ съ нихъ далеко уступаетъ доходу въ алгашскихъ и покровскихъ рудниковъ.

„Улавщикъ“, котораго я нашелъ у избы при рудникахъ за работой, и который мнѣ показался интеллигентнымъ, образованнымъ человѣкомъ, принялъ меня очень любезно и изъявилъ готовность показать мнѣ все, что я пожелаю увидѣть, и черезъ 10 минутъ мы отправились въ рудникамъ. Въ мастерской я одѣлъ верхнее платье одного арестанта, которое, какъ я скоро замѣтилъ, было полно паразитовъ, а „улавщикъ“ набросилъ на себя длинный грязный халатъ и старую форменную фуражку, на руки онъ одѣлъ толстыя кожанныя рукавицы; запасшись сальными свѣчами, мы спустились по 10 и 12 лѣстницамъ, въ шахту и очутились въ просторной камерѣ на глубинѣ приблизительно 120 футовъ. Изъ этой камеры выходили 3—4 горизонтальныя галлерей, которыя были шире и выше видѣнныхъ мною въ алгашскихъ и покровскихъ рудникахъ. Земляной полъ былъ покрытъ на 3—4 дюйма водой, и со всѣхъ стѣнъ капало. На глубинѣ 200 футовъ была новая платформа, и мы направились отсюда въ очень высокую и широкую галлерей, которая вела къ центру горы. Въ этой части рудника былъ недавно произведенъ взрывъ, и такъ какъ мы шли впередъ въ наполненной порохомъ дымомъ галлерей, я абсолютно ничего не могъ видѣть, кромѣ слабого мерцанія свѣчи „улавщика“. За этой путеводной звѣздой слѣдовалъ я по неровному полу галлерей, спотыкался нѣсколько разъ или шле-

паль по грязнымъ лужамъ и боялся каждую минуту провалиться въ старую оставленную шахту. На одномъ мѣстѣ мы прошли мимо большой пещеры, изъ которой, какъ мнѣ сказалъ „улавщикъ“, въ серединѣ прошлаго столѣтія добывалось огромное количество руды. Оставленные здѣсь балки были такъ черны, что ихъ трудно было принять за дерево и уже такъ сгнили, что я растиралъ ихъ пальцами въ порошокъ. „Улавщикъ“ считалъ эту часть рудниковъ очень опасной и выразилъ мнѣніе, что было-бы неразумительно идти дальше. Съ того мѣста, откуда мы рѣшили возвратиться, можно было видѣть неправильныя пещеры, которыя простирались во всѣ стороны и по всѣмъ направленіямъ: вверхъ, горизонтально, внизъ въ какую-то темную пропасть. Очевидно, здѣсь вездѣ искали руду и старались это сдѣлать дешево и скоро, не считая нужнымъ принять какія-либо мѣры предосторожности. Никогда еще я не вступалъ въ рудникъ, который грозилъ-бы большей опасностью, чѣмъ этотъ.

Изъ этихъ большихъ пещеръ временъ Екатерины II мы направились въ самую глубь рудника, спустившись въ шахту, высѣченную въ скалѣ приблизительно подъ угломъ въ 45° и не снабженную ни одной лѣстницей. Мы держались за тяжелую ржавую цѣпь, которая была прикрѣплена крюками въ скалѣ, и подвигались осторожно впередъ, находясь все время по щиколотку въ водѣ, стекавшей подъ нашими ногами на дно шахты, гдѣ каторжники прокладывали новую галлерей. По вертикальной скользкой лѣстницѣ, вышиною въ 300—400 фут. мы перебрались въ сосѣднюю шахту, откуда поднялись на поверхность. Все мое платье было покрыто грязью и мокро, а я самъ былъ до того утомленъ, что едва могъ держаться на ногахъ.

XVIII.

Приключенія въ Восточной Сибири.

Осмотрѣвши темный рудникъ и жалкую деревянную тюрьму въ Кадайшѣ, мы отправились черезъ длинный рядъ покрытыхъ снѣгомъ горныхъ хребтовъ въ Горному Зерентую, поселенію, лежащему въ обширной безлѣсной долинѣ, миль за сорокъ на сѣверъ отъ Кадайши и въ 30 миляхъ отъ монгольской границы. Мы достигли этого поселенія поздно

ночью, разбудили сторожа земской квартиры и, напившись чаю, улеглись по обыкновенію на голомъ, кишѣвшемъ наѣкомыми полу. Въ понедѣльникъ утромъ мы посѣтили капитана Демидова, коменданта поселенія; насъ повели по нашей просьбѣ въ тюрьму, которая состояла изъ двухъ старыхъ, ветхихъ избъ и не отличалась ничѣмъ отъ прочихъ восточно-сибирскихъ тюремъ. Въ ней содержались 180 арестантовъ, и почти столько-же ссыльныхъ составляли „свободную команду“. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этой тюрьмы строился уже цѣлыхъ десять лѣтъ новый кирпичный тюремный замокъ; но, благодаря подкупности и корыстолюбію мѣстныхъ чиновниковъ, постройки не могли до сихъ поръ привести въ желанному концу, и навѣрное пройдетъ еще пять-шесть лѣтъ прежде, чѣмъ закончатъ это зданіе. Во время нашего посѣщенія еще даже не начали укладку крыши. До того-же времени, когда новая тюрьма будетъ готова, до двухсотъ человѣкъ подвергнутся медленной смерти въ зараженномъ воздухѣ старой тюрьмы¹⁾.

¹⁾ Возвратившись въ Петербургъ, я говорилъ съ г. Галкинымъ-Враскимъ, начальникомъ русскаго тюремнаго управленія, и обратилъ его вниманіе на состояніе тюремъ въ горномъ участкѣ Нерчинска и на незаконченный тюремный замокъ въ Горномъ Зерентуѣ. Онъ мнѣ сообщилъ, что уже въ 1872 г. чувствовалась крайняя нужда въ новыхъ тюрьмахъ, и поэтому былъ назначенъ комитетъ для надзора за постройками.

„Когда я въ 1881 г. посѣтилъ Сибирь“, сказалъ онъ, „я нашелъ, что названный комитетъ изстратилъ 74.318 руб. на постройку двухъ избъ и, получивъ за это время 61.090 руб. жалованья, не представилъ тюремному управленію ни одного плана“. (Этотъ фактъ доказанъ въ отчетѣ тюремнаго управленія за 1882 г., стр. 72 и 73).

„Что-же случилось вслѣдствіе этого разоблаченія?“ спросилъ я.

„Я предложилъ отмѣнить эту комиссію“, отвѣтилъ онъ.

„И ее отмѣнили?“

„Да“.

„Но я не видалъ въ нерчинскомъ горномъ участкѣ никакой новой тюрьмы, кромѣ маленькой избы въ Покровскѣ, которая мнѣ показалась новой, и неоконченной тюрьмы въ Горномъ Зерентуѣ: на что-же израсходовалъ комитетъ 74.000 руб., и почему не закончили даже этой тюрьмы?“

„Эту задержку можно объяснить себѣ тѣмъ, что планъ этой тюрьмы много разъ подвергался измѣненію. Сначала думали устроить тюрьму изъ кирпича, но потомъ рассчитали, что кирпичная тюрьма для трехсотъ арестантовъ обойдется въ 160.000 р., между тѣмъ, какъ хорошая деревянная постройка будетъ стоить лишь 52.000 р.; притомъ каменное

Американскій путешественникъ не можетъ себѣ никакъ объяснить равнодушія и бездѣйствія, которыя онъ замѣчаетъ въ управленіи нерчинскимъ горнымъ участкомъ. Сотни каторжниковъ живутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ грязныхъ, переполненныхъ камерахъ; планы новыхъ тюремъ по цѣлымъ годамъ путешествуютъ изъ Нерчинска въ Петербургъ и обратно, и если ужъ дозволятъ построить новый и болѣе удобный тюремный замокъ, то работы замедляются безъ всякой основательной причины. Я разъ спросилъ горнаго инженера при кутомарскомъ заводѣ: „Почему вы не имѣете усовершенствованныхъ желѣзныхъ машинъ, почему вы не приобрѣтете парового насоса, подъемныхъ машинъ и аппаратовъ для снабженія шахтъ чистымъ воздухомъ?“

„Милостивый государь“, сказалъ онъ, „знаете-ли вы, сколько стоитъ здѣсь желѣзо? Мы должны привозить его на подводахъ изъ Петровскаго завода, за 600 верстъ отсюда; поэтому пудъ желѣза стоитъ у насъ 5 рублей 50 копѣекъ. Развѣ при такихъ условіяхъ можно приобрѣсть желѣзные машины?“

„Неужели вблизи нельзя найти желѣзной руды?“ спросилъ я.

„Да, но ея никогда не разрабатывали“, отвѣтилъ онъ.

„Почему-же вы не устроите доменныхъ печей, чтобы добыть желѣзо, въ которомъ вы такъ нуждаетесь? Вѣдь болѣе половины вашихъ арестантовъ ничего не дѣлаютъ; почему вы не употребите въ дѣло этой даровой рабочей силы?“

„Мы не имѣемъ права начать разработку рудника безъ позволенія изъ Петербурга.“

„Почему вы не испрашиваете его? По какой причинѣ

зданіе не имѣетъ рѣшительно никакихъ преимуществъ передъ деревяннымъ, такъ какъ арестанты все время заняты работой на рудникахъ“.

Но ни отъ г. Галкина, ни отъ его секретаря я не получилъ удовлетворительнаго объясненія нерадивости и медлительности, характеризующихъ тюремное управленіе Забайкальскаго края. Они увѣряли, что дѣлали все, что стояло въ ихъ власти, чтобы ввести улучшения въ доверенныхъ имъ тюрьмахъ, и что всѣ неурядицы они переняли отъ своихъ предшественниковъ и не имѣли еще времени ввести коренныхъ реформъ. Можетъ быть имъ пришлось бороться съ большими препятствіями, я же считаю всѣ эти неурядицы лишь послѣдствіемъ равнодушія и неспособности чиновниковъ, отличающимъ бюрократическую форму правленія.

вы не принимаетесь за эту работу? Подобное веденіе дѣлъ не можетъ никому принести пользы.“

Въ отвѣтъ онъ только пожалъ плечами, желая этимъ показать, что это его вовсе не касается.

Изъ тюрьмы въ Горномъ Зерентуѣ мы поѣхали прямо въ Савенскіе рудники, которые находились на покрытомъ снѣгомъ, пустынномъ скатѣ, миля за двѣ отъ деревни. Шахтовые зданія были обыкновенной величины, но въ одномъ изъ нихъ находилась маленькая паровая машина, единственная, которую я видѣлъ въ Забайкальскомъ краю. Въ то время, какъ г. Фростъ набрасывалъ снимки съ шахтовыхъ зданій, я осмотрѣлъ весь горный заводъ, но нашелъ, что изъ-за этого вовсе не стоило спускаться внизъ по покрытымъ льдомъ лѣстницамъ. Шахта была глубиной въ 100 ф., воздухъ былъ сыръ, галереи были до того низки, что я нигдѣ не могъ выпрямиться во весь ростъ. На заводѣ работали только 35 арестантовъ; они несли въ маленькихъ плетенкахъ руду къ выходной шахтѣ, высыпали ее въ деревянные ящики и поднимали послѣдніе каждый разъ съ помощью какого-то неуклюжаго стараго ворота на поверхность. Мнѣ не вѣрится, чтобы даже туземцы, эксплуатировавшіе триста лѣтъ тому назадъ эти рудники, имѣли болѣе примитивные снаряды. Я спросилъ смотрителя: „Почему вы не употребляете большаго числа людей въ дѣло? Я пришелъ только-что изъ тюрьмы, гдѣ я видѣлъ болѣе 150 человѣкъ безъ всякой работы.“

„Въ нашихъ галереяхъ мѣста хватаетъ лишь для 35—40 человѣкъ“, отвѣтилъ онъ.

„Но вы можете расширить горный заводъ. Найдется довольно мѣста для 100 человѣкъ. Если у васъ есть довольно руды, то почему вы не расширите разработку ея? Вы были-бы должны сдѣлать ходы шире, исправить ваши машины, употребить лошадиныя силы и вообще усовершенствовать техническую часть производства.“

„Уставщикъ“ не отвѣтилъ мнѣ ни слова, а посмотрѣлъ только на меня удивленно, какъ бы сомнѣваясь, въ своемъ-ли я умѣ.

Въ нерчинскомъ горномъ участкѣ находилось во время нашего посѣщенія 952 арестанта, которые были размѣщены въ семи поселеніяхъ: въ Александровскомъ заводѣ 180, на Алгашскихъ рудникахъ 150, въ Покровскомъ горномъ за-

водѣ 70, на Кадаинскихъ и Смирновскихъ рудникахъ 184, въ Савенскомъ заводѣ и на рудникахъ въ Горномъ Зерентуѣ 360 каторжниковъ. Только третью часть изъ нихъ употребляли на работы въ рудникахъ, остальные-же проводили время въ недобровольной праздности, не смотря на то, что работы было вездѣ болѣе, чѣмъ достаточно.

На мои доводы чиновники отвѣчали, что у нихъ нѣтъ въ рудникахъ достаточно мѣста для столькихъ арестантовъ, что нѣтъ достаточного конвоя, чтобы вестъ такія большія партіи каторжниковъ изъ тюрьмы на рудники и обратно, что арестантовъ можно только съ разрѣшенія свѣше употреблять для этой цѣли; насчетъ постройки новыхъ тюремъ они говорили, что имъ постройка новой тюрьмы на казенный счетъ обходится несравненно дороже, чѣмъ на подрядѣ¹⁾.

По моему мнѣнію всѣ вышеприведенные доводы сибирскихъ чиновниковъ были пустыми отговорками. Каждый американецъ съ 10—15.000 долларовъ и съ разрѣшеніемъ отъ правительства построилъ-бы при каждомъ рудникѣ по тюрьмѣ и съ помощью арестантовъ удвоилъ-бы въ пять лѣтъ доходъ отъ рудниковъ безъ всякихъ расходовъ со стороны казны.

Послѣдній горный заводъ въ Восточной Сибири, который мы осмотрѣли, былъ Савенскій заводъ. Въ понедѣльникъ утромъ, 23-го Ноября, мы отправились на Нерчинскій заводъ, большое село, миль за десять отъ Горнаго Зерентуя; на слѣдующій день мы пустились въ обратный путь. О подробностяхъ этого скучнаго и утомительнаго путешествія я умолчу. Мы проѣзжали по пустынной, покрытой снѣгомъ мѣстности, термометръ показывалъ отъ 18—33° С. ниже нуля. Ухабистая дорога, тряскія телеги и тарантасы, холодъ, голодъ,—все это возбудило въ насъ такое отвращеніе

¹⁾ Этотъ доводъ характеризуетъ безчестность мѣстныхъ чиновниковъ, которые завѣдуютъ постройкой казенныхъ зданій. Мнѣ извѣстно много случаевъ, когда мѣстныя власти, утаивъ всю сумму, выданную на постройку тюрьмы, извѣщали начальство, что зданіе готово, не смотря на то, что его вовсе еще не начали строить, какъ это случилось при постройкѣ Укирской этапной тюрьмы (см. „Восточное обозрѣніе“, № 2, 12 Января 1884 г., стр. 8). Одинъ извѣстный сибирскій фотографъ показалъ мнѣ фотографическій снимокъ съ какого-то казеннаго зданія, который онъ долженъ былъ по приказанію мѣстныхъ властей отослать въ Петербургъ, какъ доказательство того, что деньги, выданные правительствомъ на постройку зданія, не были употреблены на что-нибудь иное и что зданіе это было построено согласно плану.

къ жизни—по крайней мѣрѣ къ такой жизни,—что мы-бы отдали всѣ земныя блага за теплую ванну, хорошій обѣдъ и за теплую, чистую постель.

Въ четвергъ утромъ, въ четыре часа, мы достигли почтовой станціи Бянкинской, лежащей на берегу Шилки; переложивши нашъ багажъ изъ телѣги въ сани, мы продолжали нашъ путь по льду при температурѣ въ 29° С. ниже 0. Уже нѣсколько дней мы терпѣли большой недостатокъ въ пищѣ; я укутался въ три тяжелыхъ овчинныхъ тулупа, и выглядѣлъ въ такомъ одѣяніи, какъ какой-то тюкъ въ мѣховой шапкѣ и съ необритымъ, грязнымъ, посинѣвшимъ отъ холода лицомъ. Но несмотря на всѣ мои шубы, холодъ пробиралъ меня до мозга костей; г. Фростъ, у котораго было только два пальто, страдалъ еще болѣе меня. Поздно послѣ обѣда мы достигли наконецъ Нерчинска; наши лошади были до того измучены, что не могли болѣе везти насъ, и мы должны были слѣзть съ саней и идти за ними, какъ замороженные арктическія муміи.

Въ Нерчинскѣ мы остановились въ первый разъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца въ гостиницѣ; но, что касается чистоты и удобства, то ея нельзя было сравнить даже съ „земскими квартирами“, въ которыхъ мы жили въ горномъ участкѣ. Эта гостиница была хуже всѣхъ, которыя я когда-либо видалъ въ Сибири. Въ сѣняхъ, раздѣлявшихъ всю избу на двѣ части, находились полки, такъ что эти сѣни служили въ тоже время и кладовой. Комната, которую намъ отвели, была сыра и холодна, воздухъ былъ душенъ; отъ обоевъ остались только тамъ и сямъ клочья; грязный полъ осѣлъ и вездѣ были видны щели; ни одной постели, гдѣ бы могъ выпастись усталый путешественникъ, ни одного зеркала. Единственнымъ слугою былъ какой-то подростокъ въ красной фланелевой рубашкѣ; мѣдный тазъ съ водой, который подаль намъ этотъ мальчикъ, служилъ навѣрное совершенно другимъ, менѣе благороднымъ цѣлямъ, и было видно, что его еще никогда не подвергали основательной чисткѣ. Не смотря на то, что мы привыкли къ грязи и неопрятности, мы ужаснулись, увидавши эту комнату, но такъ какъ въ городѣ не было другой гостиницы, то намъ приходилось покориться своей участи. Хозяинъ этой гостиницы былъ ссыльный полякъ, по имени Клементовичъ; я подумалъ тогда, что, если гостиница Клементовича въ Польшѣ была въ такомъ же состоя-

ніи, какъ и эта, то опъ только за это былъ бы уже достоинъ ссылки въ Сибирь въ интересахъ путешественниковъ. Послѣ завтрака, состоявшаго изъ чая, ржаного хлѣба и оладьевъ мы переодѣлись и пошли осмотрѣть достопримѣчательности города и передать рекомендательныя письма.

Городъ Нерчинскъ съ населеніемъ въ 4.000 человекъ, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Нерчи, въ двухъ миляхъ отъ впаденія ея въ Шилку. Этотъ городъ превосходитъ своимъ богатствомъ всѣ восточносибирскіе города съ такимъ же населеніемъ. Въ немъ имѣются банкъ, двѣ — три школы, больница на 20 кроватей, библіотека, музей, общественный садъ съ фонтаномъ и 50—60 лавокъ; его торговля мѣхами и товарами, привозимыми изъ Европейской Россіи, достигаетъ 1.000.000 долларовъ. Болѣе всего въ городѣ поражаетъ путешественника дворецъ богатаго горнозаводчика Бутина, самый роскошный домъ не только въ Сибири, но даже почти во всей Россіи. Братья Бутины находились тогда въ денежныхъ затрудненіяхъ, и ихъ домомъ завѣдывалъ администраторъ. Рекомендательное письмо одного изъ братьевъ Бутиныхъ доставило намъ доступъ въ этотъ очаровательный дворецъ. Попасть изъ избы Клементовича въ этотъ замѣчательный дворецъ было для меня чистымъ чудомъ; когда я увидѣлъ въ роскошной залѣ самое большое зеркало въ мірѣ ¹⁾, я сталъ протирать себѣ глаза, чтобы удостовѣриться, что я не сплю. Кто бы ожидалъ найти въ глуши Восточной Сибири такой богатый домъ съ паркетными полами, шелковыми занавѣсами, дорогими обоями, съ мягкими персидскими коврами, позолоченной мебелью, крытою атласомъ, старыми фламандскими картинами, статуэтками, съ галлереей фамильныхъ портретовъ, писанныхъ знаменитымъ художникомъ Маковскимъ, съ оранжереей, состоящей изъ померанцевыхъ деревьевъ, пальмъ и др. Въ большихъ европейскихъ городахъ насъ не поражаетъ подобная роскошь, но въ сѣвѣрной забайкальской пустынѣ, за 3.000 миль отъ европейской границы, она буквально ошеломляетъ путешественника. Не смотря на то, что

¹⁾ Это большое трюмо г. Бутинъ купилъ на парижской выставкѣ въ 1878 г.; тогда его считали самымъ большимъ зеркаломъ въ мірѣ. Его привезли моремъ въ сибирскую гавань Николаевскъ, а отсюда на баркѣ, которую выстроили нарочно для этого, по Амуру и Шилкѣ въ Нерчинскъ. Но въ роскошной бальной залѣ Бутиныхъ оно вполне на мѣстѣ и лишь усиливаетъ общее впечатлѣніе.

я не увидѣлъ этого дома, въ которомъ хозяева уже нѣсколько мѣсяцевъ не жили, въ полномъ блескѣ, я все таки утверждаю, что рѣдко въ своей жизни встрѣчалъ я подобное соединеніе пышности съ тонкимъ вкусомъ. Самая большая комната въ домѣ—бальная зала длиною въ 65 ф., шириною въ 45 ф.; на большой галлерей, на которую нужно было подниматься по великолѣпной лѣстницѣ, находился оркестріонъ величиной съ большой церковный органъ; этотъ замѣчательный музыкальный инструментъ игралъ до семидесяти различныхъ пьесъ. Богатая библіотека была удачно подобрана; она содержала массу книгъ, газетъ и журналовъ на четырехъ языкахъ. Тамъ же находилась большая коллекція сибирскихъ рудъ и минераловъ. Невдалекѣ отъ дома помѣщалась контора гг. Бутиныхъ, въ которой замыслились тѣ смѣлыя предпріятія, которыя положили прочное основаніе ихъ богатству. Въ ихъ золотыхъ рудникахъ, фабрикахъ, винокурныхъ и верфяхъ находили занятіе сотни рабочихъ.

Послѣ обѣда мы посѣтили гг. Чарушина и Кумецова, двухъ „политическихъ“, которыхъ по истеченіи ихъ срока наказанія на рудникахъ поселили въ Нерчинскѣ, гдѣ они жили съ своими семьями въ относительномъ довольствѣ. Оба они были образованные любезные люди, и мы провели у нихъ во время нашего пребыванія въ Нерчинскѣ много пріятныхъ часовъ. Въ карскомъ поселеніи они испытали много горя, но въ Нерчинскѣ съ ними обходились очень вѣжливо и внимательно, имъ даже разрѣшили запрещенныя другимъ „политическимъ“ занятія, какъ, напр., преподаваніе. Ихъ переписка состояла все еще подъ контролемъ полиціи, но лично они не подлежали болѣе такому тягостному и мучительному надзору полиціи, какъ раньше, и мнѣ показалось ихъ жизнь хоть и довольно тяжелой, но все же сносной. До ссылки г. Чарушинъ провелъ 4½ года въ одиночномъ заключеніи и 2½ въ неприступныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости. Его обвиняли въ революціонной пропагандѣ среди фабричныхъ рабочихъ одного изъ предмѣстій Петербурга. Въ 1878 г. онъ былъ сосланъ въ Сибирь, и за нимъ послѣдовала добровольно его жена; она жила въ маленькой жалкой избушкѣ у нижней золотопромывальни, пока г. Чарушина не освободили по истеченіи срока „испытанія“. Г. Чарушинъ былъ одинъ изъ тѣхъ „политическихъ“, которые должны были по указу Лорисъ-Меликова отъ 1-го января 1881 г.

возвратиться изъ „свободной команды“ въ тюрьму; въ его домѣ застрѣлился наканунѣ Новаго Года несчастный Е. Семеновскій.

Въ воскресенье утромъ, 29-го ноября, мы выѣхали изъ Нерчинска, распростившись сердечно съ Чарушиными, которыхъ мы искренно полюбили за радушіе и привѣтливость, и отправились отсюда на саняхъ въ Читѣ, главный городъ Забайкальскаго края.

Ледяныя сосульки на ноздряхъ нашихъ лошадей, металлическое скрипѣніе снѣга подъ полозьями саней, синія очертанія горъ вдаль,—все это указывало на крайне пониженную температуру, и, поэтому, я вовсе не удивился, увидавъ, что ртуть остановилась на 33°С. Ночью сдѣлалось такъ холодно, что мы почти не могли перенести стужи. При перепряжкѣ лошадей мы не встрѣчали никакихъ препятствій; только въ деревнѣ Туриноповоротной, не доѣзжая миль 50 до Читы, мы насилу добились лошадей, такъ какъ всѣ жители этой деревни безъ исключенія были пьяны, по улицамъ летѣли санки съ молодыми парнями, пѣвшими и кричавшими во все горло; вездѣ видны были дѣвушки, которыя, нѣжно обнявшись и пошатываясь, распѣвали пѣсни; почтовая изба была наполнена разгоряченными виномъ людьми, которые, какъ мнѣ казалось, пріѣхали изъ окрестностей къ какому-то торжеству въ деревнѣ и желали теперь отправиться домой; нигдѣ нельзя было найти ни почтмейстера, ни ямщика; староста же былъ до того пьянъ, что не могъ держаться на ногахъ даже съ помощью палки. Мы не могли ни отъ кого добиться причины этого повального пьянства. Изъ несвязныхъ рѣчей находившихся въ почтовой избѣ „путешественниковъ“ я узналъ, что даже мѣстный священникъ „запустилъ до того за галстухъ“, что его должны были въ саняхъ отправить домой. Мы имѣли очень мало шансовъ на то, что получимъ лошадей, если почтмейстеръ, священникъ, ямщикъ и всѣ остальные жители деревни были пьяны „до положенія ризъ“; я не видалъ ни одного трезваго человѣка, который въ состояніи былъ-бы запречь нашихъ лошадей. Кромѣ насъ и какого-то грудного младенца, не было ни одного трезваго человѣка во всемъ домѣ. Отецъ этого ребенка, молодой, красивый офицеръ шелъ, пошатываясь по комнатѣ, желая, навѣрное, собрать свой багажъ для отъѣзда; онъ снялъ со стѣны свою саблю и передалъ ее торжественно

своей супругѣ съ просьбой уложить ее въ сани. Не смотря на то, что и его жена была отуманена винными парами, она отвѣтила ему довольно ясно, что, такъ какъ у нея на рукахъ ребенокъ, то ему остается только вынести свою саблю самому. Онъ прижалъ съ театральнымъ пафосомъ саблю къ груди и сказалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ онъ самъ уложить саблю, свою первую невѣсту, въ сани, но при этомъ онъ выпустилъ свою „первую невѣсту“ изъ рукъ, и безъ помощи своей „второй невѣсты“ онъ навѣрное забьлъ-бы ее захватить.

Часовъ въ 8 вечера мнѣ удалось, наконецъ, найти старосту и отрезвить его настолько, что онъ понялъ, что если онъ намъ не подастъ лошадей, то это будетъ имѣть для него очень непріятныя послѣдствія. Послѣ того, какъ я истощилъ на немъ все мое краснорѣчіе, онъ насъ записалъ въ станціонную книгу слѣдующимъ образомъ: „Г. Кеннанъ и его спутникъ изъ Сосѣднихъ Штатовъ“; вышедши на лѣстницу, онъ крикнулъ, что у него было силы: „Андрей, Николай! Лошадей! Да скорѣй-же!“ Въ отвѣтъ на его крикъ послышался только дикій хохотъ пьяной толпы. Съ комическимъ жестомъ безпомощности онъ воскликнулъ жалобнымъ тономъ: „Они всѣ пьяны! Это чисто наказаніе божье!“

Къ девяти часамъ шумъ и гамъ мало-по-малу утихъ; явился почтмейстеръ, старавшійся скрыть свое нетрезвое состояніе подъ маской строгаго оффиціального тона; онъ спросилъ сердито, что обозначаетъ весь этотъ безпорядокъ, и гдѣ находятся кучера; молодой офицеръ, который пришелъ въ состояніе величайшей нѣжности, перецѣловалъ женщинъ въ комнатѣ и отправился къ санямъ; за нимъ послѣдовала его жена съ ребенкомъ и съ саблей на рукахъ. Два пьяныхъ священника слѣзли передъ дверьми съ дрожки и, пересѣвши на почтовые сани, съ совершенно пьянымъ мужикомъ на облучкѣ, продолжали свой путь. Когда мы уже было потеряли всякую надежду еще въ этотъ вечеръ отправиться въ путь, явился, наконецъ, одинъ совершенно трезвый ямщикъ и объявилъ почтмейстеру дѣловымъ тономъ, что лошади для насъ заложены. Пьяный чиновникъ, желая дать ему почувствовать всю важность своего сана сталъ осыпать несчастнаго ямщика цѣлымъ потокомъ брани и оштрафовалъ его на 50 коп.;—навѣрное, за его трезвость или за то, что онъ осмѣлился запречь лошадей! Мы сложили нашъ багажъ въ

сани и выѣхали изъ этой лишившейся разсудка деревни. Когда мы потеряли ее изъ виду, я спросилъ ямщика: „Что здѣсь случилось? Все населеніе, кажется, находится подъ хмѣлькомъ?“

„Здѣсь освящали новую церковь“, отвѣтилъ онъ серьезно.

„Освящали церковь!“ повторилъ я изумившись. „Развѣ здѣсь вездѣ освящаютъ подобнымъ образомъ церкви?“

„Я не знаю“, отвѣтилъ онъ. „При этомъ пьютъ иногда. Послѣ молебна состоялось гулянье, и нѣкоторые при этомъ напились“.

„Нѣкоторые? Вы хотите навѣрное сказать, всѣ? Вы единственный трезвый человѣкъ во всей деревнѣ. Какъ объяснить это?“

„Я не христіанинъ“, отвѣтилъ онъ хладнокровно, „я бурятъ“¹⁾.

Я невольно долженъ былъ, какъ христіанинъ, хоть и не православный, замолчать передъ этимъ ироническимъ отвѣтомъ.

Единственный трезвый человѣкъ во всей деревнѣ съ населеніемъ въ 300—400 человѣкъ былъ язычникъ, и этого язычника приговорилъ христіанскій чиновникъ къ штрафу въ 50 коп. за то, что онъ не напился пьянымъ, какъ другіе добрые граждане и не выказалъ этимъ своего уваженія къ новому зданію и къ „святой православной церкви“.

Во вторникъ, 1-го декабря, часовъ въ десять утра мы пріѣхали въ Читѣ и остановились въ гостиницѣ „Владивостокъ“, маленькой одноэтажной избѣ, хозяина ея звали Бячинскимъ. Въ Читѣ находилась, какъ я уже разъ упомянулъ, довольно обширная и очень интересная колонія политическихъ ссыльныхъ. Мы познакомились съ нѣкоторыми изъ нихъ еще во время нашего перваго пребыванія въ Читѣ, но такъ, какъ мы желали достигнуть еще передъ наступленіемъ зимы карскихъ рудниковъ, то мы рѣшились пробыть въ Читѣ по возвращеніи съ рудниковъ еще 10—16 дней. Большинство этихъ сосланныхъ были ссыльно-поселенцы, которые отбыли срокъ своего наказанія на карскихъ рудникахъ, и которыхъ правительство считало особенно опасными. Вслѣдствіе этого, а также потому, что мы обратили на себя уже на Карѣ вниманіе мѣстныхъ властей нашими

¹⁾ Почти всѣ Буряты буддисты.

сношеніями съ „политическими“, я рѣшился поддерживать съ властями самыя лучшія отношенія. Капитанъ Николинъ сообщилъ, вѣроятно, вице-губернатору въ Читѣ о нашихъ тайныхъ связяхъ съ карскими „политическими“, и мы состояли подъ строгимъ надзоромъ полиціи. Прежде всего я посѣтилъ полковника Свѣчина, который исполнялъ должность начальника края въ отсутствіи губернатора Барабаша, рассказалъ ему о нашемъ пребываніи въ карскомъ поселеніи со всѣми подробностями, умолчавши, конечно, о нашихъ сношеніяхъ съ „свободной командой“, и упомянулъ также о нашихъ планахъ и намѣреніяхъ. Онъ былъ очень вѣжливъ и не задавалъ излишнихъ вопросовъ, и я совершенно успокоился, когда я, почтительно поклонившись ему, вышелъ изъ его пріемной. Оставалось только предполагать, что онъ или не зналъ, какъ близко я сошелся со всѣми ссыльными вѣреннаго ему края или не придавалъ нашимъ сношеніямъ съ „политическими“ никакого значенія.

Черезъ нѣсколько дней по нашемъ прибытіи въ Читу, насъ пригласилъ купецъ Немировъ, съ которымъ я совершенно случайно познакомился, на какомъ-то любительскомъ спектаклѣ съ благотворительной цѣлью. Желая появляться какъ можно чаще въ „благонадежномъ“ обществѣ, я принялъ съ удовольствіемъ это приглашеніе. Въ антрактахъ мы прогуливались въ фойе, гдѣ насъ представили многимъ военнымъ и частнымъ лицамъ; вице-губернаторъ привѣтствовалъ насъ очень любезнымъ образомъ; вся публика обратила на насъ свое вниманіе, какъ на знатныхъ иностранцевъ, находившихся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ властями. Мы надѣялись поэтому, что никто не подумаетъ, что эти „знатные иностранцы“ пріѣхали въ Читу единственно съ цѣлью познакомиться съ мѣстными нигилистами, террористами и революціонерами.

Между офицерами, съ которыми меня познакомили въ антрактѣ, былъ одинъ полковникъ Новиковъ. Послѣ обычныхъ при представленіи фразъ онъ спросилъ меня безъ околичностей: „Я слыхалъ, что вы были на карскихъ рудникахъ?“

„Да“, отвѣтилъ я, непріятно пораженный этимъ вопросомъ: „Я пріѣхалъ прямо съ рудниковъ“.

„Что-же вы нашли тамъ хорошаго?“ спросилъ онъ, пристально посмотрѣвши на меня.

Я не зналъ положительно, что ему отвѣтить, но все таки рѣшился отзывать о мѣстныхъ чиновникахъ, если это не противорѣчило моей совѣсти, по возможности хорошо и, поэтому, отвѣтилъ безъ запинки, что я познакомился тамъ съ очень хорошимъ человѣкомъ, майоромъ Потуловымъ.

„Гм, гм!“ произнесъ презрительно полковникъ: „Онъ показалъ вамъ все навѣрное въ розовомъ свѣтѣ?“

„Нѣтъ, тамъ есть много вещей, которыхъ нельзя показывать въ розовомъ свѣтѣ“, отвѣтилъ я, чувствуя себя болѣе и болѣе не по себѣ.

„Побывали вы въ тюрьмахъ?“ спросилъ онъ.

„Да“, отвѣтилъ я: „мы осмотрѣли большую часть изъ нихъ“.

„Показали вамъ „босую команду“?“

„Я не знаю, что вы называете „босой командой“?“

„Босой командой“ называется камера, въ которой находятся много совершенно голыхъ арестантовъ. Когда я въ первый разъ производилъ ревизію карскихъ тюремъ, мнѣ показали камеру, въ которой находились 25 до нага раздѣтыхъ арестантовъ.“

„Что-же это должно обозначать?“

„Я не знаю“, отвѣтилъ полковникъ, пожавъ плечами. „У нихъ просто не было платья¹⁾. Показалъ вамъ вашъ „хорошій человѣкъ“ (презрительный намекъ на майора Потулова) также камеры для одиночнаго заключенія въ среднекарской тюрьмѣ?“

„Нѣтъ“, отвѣтилъ я, „а развѣ онъ особенно интересенъ?“

„Нѣтъ, онъ не представляютъ ничего особеннаго“, сказалъ полк. Новиковъ, повидимому, совершенно равнодушно: „только онъ очень низки, чтобы стоять, и очень коротки, чтобы лежать въ нихъ. Вамъ навѣрное показали только то, что вамъ хотѣли показать. Если-бы я тамъ былъ, то вы-бы увидѣли настоящее состояніе карскихъ рудниковъ, а не то только, что вамъ показалъ вашъ любезный хозяинъ.“

¹⁾ Позже я узналъ, что „босая команда“ состояла изъ арестантовъ, продавшихъ казенное платье, чтобы достать денегъ на водку или картежную игру. Въ наказаніе за это ихъ заключали въ одну камеру и отнимали всю одежду. Арестанты могли продать свое платье только съ вѣдома тюремнаго начальства и „босая команда“ служитъ поэтому скорѣе доказательствомъ подкупности чиновниковъ, чѣмъ жестокости тюремныхъ властей. Полк. Новиковъ же старался убѣдить меня въ противномъ.

Эти сообщенія полковника поставили меня въ тупикъ. Я не могъ никакъ понять, говорилъ-ли г. Новиковъ со мною искренно или старался узнать мое мнѣніе на счетъ карскихъ тюремъ и рудниковъ. Я боялся высказаться ему откровенно, чтобы не выдать самого себя. Но онъ не ожидалъ никакого отвѣта и продолжалъ: „Я былъ 3½ года командиромъ батальона казаковъ на Карѣ, и когда меня перевели оттуда, то я былъ такъ радъ, что отслужилъ торжественный молебенъ.“

„Видите вы мою бороду?“ спросилъ онъ меня внезапно, послѣ короткаго раздумья: „Она совершенно посѣдѣла вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя я принужденъ былъ ежедневно видѣть на Карѣ. Когда я отправился туда, я еще не былъ сѣдъ. Какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ?“

Я сказалъ, что ему, по моему мнѣнію, будетъ лѣтъ 55.

„Мнѣ только 45“, отвѣтилъ онъ горько, „и я не выглядѣлъ старше васъ, когда отправился на Кару“.

Онъ стоялъ молча, углубившись въ тяжелыя воспоминанія; я спросилъ у него, какого рода бѣдствія произвели на него такое подавляющее впечатлѣніе.

„Несчастныхъ арестантовъ били плетью и розгами они должны были терпѣть всевозможныя лишенія и труды, для того чтобы зрители могли обогащаться. Я вамъ приведу одинъ примѣръ той несправедливости, которую должны терпѣть эти несчастные. Во время моего пребыванія на Карѣ жена директора тюрьмы открыла, что ея возлюбленный, принадлежавшій къ „свободной командѣ“, вступилъ въ связь съ ея красивой горничной, также ссыльной. Въ своей бѣшености она представила мужу все дѣло въ такомъ свѣтѣ, что онъ приказалъ высѣчь дѣвушку. Она получила 150 ударовъ плетью, и когда она пожаловалась начальнику всѣхъ карскихъ тюремъ, она получила еще 90 ударовъ, и я былъ при этомъ и смотрѣлъ за приведеніемъ наказанія въ исполненіе. Какъ вы думаете, это пріятно? У меня мало волосъ (онъ провелъ рукой по головѣ), но всѣ волосы у меня стали дыбомъ при ужасныхъ сценахъ, которыя мнѣ приходилось видѣть въ рудникахъ. Чтобы тамъ жить, надо имѣть желѣзные нервы¹⁾).

¹⁾ Я думаю, что привелъ сообщенія г. Новикова дословно. Онъ произвели на меня очень сильно впечатлѣніе, и я записалъ ихъ тотчасъ же, какъ пришелъ домой изъ театра. Новиковъ былъ въ враждебныхъ

Пусть читатель не подумаетъ, что этотъ разговоръ велся шопотомъ въ отдаленномъ углу комнаты. Напротивъ, мы расхаживали по наполненному людьми фойе, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, и г. Новиковъ говорилъ такъ громко, что его всѣ слышали. Можетъ показаться очень страннымъ, что офицеръ въ чинѣ г. Новикова осуждалъ въ присутствіи иностранца въ такихъ строгихъ выраженіяхъ русскую пересыльную систему, но подобная откровенность не разъ изумляла и ставила насъ въ тупикъ. Въ тотъ же вечеръ мнѣ былъ представленъ еще одинъ офицеръ, который, между прочимъ, спросилъ меня, какія свѣдѣнія мы собрали въ карскомъ горномъ участкѣ. Не прошло еще и пяти минутъ, какъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, видали-ли мы камеры для одиночнаго заключенія въ средне-карскомъ тюремномъ замкѣ. Я ему отвѣтилъ, что намъ не удалось ихъ осмотрѣть, и онъ описалъ мнѣ ихъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и полк. Новиковъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что въ этихъ отвратительныхъ помѣщеніяхъ находятся часто также „политическіе“ и очень образованныя женщины. Въ такой конурѣ жила г-жа Россикова до тѣхъ поръ, пока тюремный врачъ не объявилъ, что она лежитъ при смерти.

Этотъ офицеръ пригласилъ меня къ себѣ, заявивъ, что если меня интересуетъ пересыльная система, то я у него найду драгоценныя матеріалы. Имени и чина этого офицера я не имѣю права привести, но могу сообщить только, что ему я обязанъ многими фактами, о которыхъ я рассказывалъ раньше. Онъ подтвердилъ всѣ сообщенія, сдѣланныя мнѣ карскими „политическими“, рассказалъ мнѣ о покушеніи на губернатора Ильяшевича и показалъ мнѣ крайне интересныя офиціальныя бумаги. Я совершенно увѣренъ въ томъ, что при всемъ этомъ онъ не имѣлъ другой цѣли, какъ познакомиться меня съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ на Карѣ.

Мы пробыли цѣлыя двѣ недѣли въ Читѣ и проводили большую часть дня съ „благонадежными“ гражданами и

отношеніяхъ со многими карскими офицерами, особенно съ майоромъ Потуловымъ, и выставилъ надѣланные имъ безпорядки, въ самомъ нехорошемъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе эти замѣтки очень интересны, такъ ихъ сообщилъ мнѣ важный русскій офицеръ, которому истина можетъ быть скорѣе извѣстна, чѣмъ постороннему. Впрочемъ, тотъ-же самый полковникъ Новиковъ сказалъ мнѣ, что онъ хотѣлъ-бы „политическихъ“ наказывать шпицрутенами.

чиновниками, чтобы отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, ночи же я посвящалъ „политическимъ“. Мы сходились въ столярной мастерской, въ двухъ-этажной избѣ, въ которой въ 1825 г. жили декабристы. Мы приходили обыкновенно довольно поздно. Фанни Моренисъ, умная и красивая дѣвушка, лѣтъ 20, исполняла обязанность хозяйки дома; г-жа Геллисъ завѣдывала самоваромъ, и обыкновенно въ половинѣ десятаго мы уже сидѣли съ „политическими“ у большого стола, пили чай, рассказывали о различныхъ приключеніяхъ и обсуждали политическіе и социальныя вопросы. Между ссыльными въ Читѣ находились много образованныхъ, талантливыхъ, симпатичныхъ мужчинъ и женщинъ, и я вспоминаю всегда съ грустью и въ то же время съ удовольствіемъ о тѣхъ часахъ, которые мы провели вмѣстѣ. Мы не всегда проводили время, обсуждая печальное положеніе дѣлъ въ Россіи, иногда г. Лазаревъ или Валувъ играли на старой гитарѣ какой-нибудь мелодическій русскій романсъ, иногда и мы пѣли съ воодушевленіемъ, хотъ и не особенно искусно, наши родныя „Bingo“, „The Bull-dog“, „Salomon Levi“ или какую-нибудь другую веселую студенческую пѣсню. Иногда пѣли мы русскую марсельезу, революціонную пѣсню „Есть на Волгѣ утѣсь“ или воинственную мелодію пѣсни „John Brown“.

Рано или поздно мы возвращались къ той темѣ, которая насъ болѣе всего интересовала—къ состоянію Россіи, революціонному движенію въ Россіи и къ жизни „политическихъ“ въ тюрьмѣ, на большой сибирской дорогѣ и въ рудникахъ. Здѣсь я услышалъ большую часть того, что я рассказалъ въ предыдущихъ статьяхъ, здѣсь я услышалъ въ первый разъ ужасную исторію харьковской центральной тюрьмы и рассказъ о голодовкѣ четырехъ женщинъ въ иркутской тюрьмѣ¹⁾. Я никогда не читалъ болѣе трогательныхъ и ужасныхъ рассказовъ; каждую ночь я возвращался домой до того взволнованный, что не могъ заснуть или отвлечь моихъ мыслей отъ слышаннаго. Я лежалъ по цѣлымъ часамъ на полу и переживалъ въ умѣ всѣ тѣ сцены и событія, которыя я слышалъ отъ „политическихъ“. Впечатлѣніе, которое получаешь, читая описанія этихъ страданій, этой жестокости и несправедливости, напечатанныя холодными, бездушными буквами, нельзя

¹⁾ Г-жи Ковальская, Россикова, Богомолецъ и Кутитонская.

сравнить съ тѣмъ, которое получаешь, слушая ихъ изъ дрожащихъ устъ мужчинъ и женщинъ, игравшихъ въ описанныхъ трагедіяхъ главную роль. Я не стыжусь сознаться, что часто при этихъ разсказахъ у меня наполнялись слезами глаза, и я безпомощно сжималъ кулаки,—слезы были-бы для меня часто большимъ облегченіемъ. Эти непрерывныя душевныя страданія казались мнѣ болѣе тяжелыми, чѣмъ физическія. Холодъ, голодъ и усталость можно переносить съ извѣстнымъ стоицизмомъ, подобныя же душевныя муки раздражаютъ въ крайней степени нервы и лишаютъ жизнь всякой прелести. Кромѣ того мы должны были постоянно опасаться ареста или обыска и не знали навѣрное, не стоимъ ли мы подъ надзоромъ полиціи. Въ сосѣдней комнатѣ жили четыре офицера, между ними жандармскій капитанъ и жандармскій полковникъ. Г. Фростъ слышалъ разъ черезъ тонкую перегородку, что они бесѣдовали о цѣли нашего сибирскаго путешествія и обсуждали вопросъ какъ-бы захватить наши бумаги или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть ихъ просмотру полиціи. На второй недѣлѣ нашего пребыванія въ Читѣ, я разъ вернулся домой въ два часа ночи, проведя весь вечеръ въ бесѣдѣ съ „политическими“.

На улицахъ царила мертвая тишина; ни одно окно въ гостинницѣ не было освѣщено; весь домъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ. Комната, въ которой жили четыре офицера, была отдѣлена отъ нашей лишь тонкой перегородкой. Въ послѣдней была продѣлана дверь, когда-то соединявшая оба номера, но теперь глухо забитая; она не доходила до самого пола, и какъ черезъ образовавшуюся при этомъ щель, шириною въ 3—4 дюйма, такъ и черезъ тонкую перегородку проникалъ изъ одной комнаты въ другую малѣйшій шорохъ. Страшно взволнованный моей бесѣдой съ ссыльными, въ особенности рассказомъ объ убійствѣ государственнаго преступника Сомова въ одесской тюрьмѣ, я не могъ уснуть, зажегъ свѣчку, улегся на полу головой къ стѣнѣ и началъ читать, чтобы отвлечь свои мысли отъ слышаннаго. Раздавалось лишь мѣрное дыханіе г. Фроста. Вдругъ эта глубокая тишина была прервана выстрѣломъ изъ револьвера, раздавшимся за перегородкой, и сейчасъ же послѣ этого стала осыпаться штукатурка перегородки какъ разъ надъ моей головой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ засѣла пуля. Г. Фростъ, разбуженный выстрѣломъ, вскочилъ съ кровати и спросилъ: „Что случилось?“

„Кто-то въ сосѣдней комнатѣ выстрѣлилъ прямо въ перегородку“—отвѣтилъ я.

„Который часъ теперь?“

„Половина третьяго; успокойтесь и слушайте!“

Прошло двѣ минуты. Мы прислушивались съ напряженнымъ вниманіемъ, но не могли услыхать за перегородкой ничего подозрительнаго. Безмолвіе царило во всемъ домѣ, а между тѣмъ я зналъ, что въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ, находились четыре офицера. Не совершилъ-ли одинъ изъ нихъ самоубійства? Это была первая мысль, которая пришла мнѣ въ голову—но почему не поднялись другіе и не зажгли огня? Выстрѣлъ долженъ былъ разбудить весь домъ, и тишина, послѣдовавшая за выстрѣломъ, была еще таинственнѣе, чѣмъ онъ самъ.

„Не спросить ли ихъ, въ чемъ дѣло?“—спросилъ попомъ г. Фростъ.

„Предоставимъ это другимъ; мы вѣдь не ранены“, отвѣчалъ я также шопотомъ.

Я боялся попасть въ какую-нибудь исторію, которая дала бы полиціи право арестовать насъ и произвести обыскъ въ нашихъ вещахъ или же вызвать насъ въ качествѣ свидѣтелей для дачи показаній. Мнѣ казалось, что разумнѣе всего въ моемъ положеніи быть „тише воды, ниже травы“, какъ гласитъ русская народная поговорка, и спокойно дожидаться грядущихъ событій. Какое бы значеніе не имѣло это ночное происшествіе, но разъ выстрѣлъ не былъ направленъ въ насъ—что было очень невѣроятно,—намъ не было никакого дѣла до него.

Минуты черезъ три въ сосѣдней комнатѣ послышался трескъ взводимаго курка; затѣмъ кто-то шепотомъ спросилъ, сколько патроновъ еще осталось въ револьверѣ. Отвѣтъ былъ неясенъ; снова послышался шепотъ, и затѣмъ все смолкло, и наступила прежняя тишина. Мы никогда не могли узнать причины этого ночного выстрѣла. Я думаю, что наши сосѣди желали сыграть съ нами шутку, и если-бы меня спросили на слѣдующій день, слыхалъ-ли я выстрѣлъ, я отвѣтилъ бы, что выстрѣлы не въ диковинку въ американскихъ гостиницахъ; мы де удивились лишь тому обстоятельству, что не увидали на слѣдующій день трупа.

Знала-ли полиція про наши ежедневныя свиданія съ „политическими“? Что онѣ не остались тайной для полиціи,

я заключаю изъ того обстоятельства, что единственное полученное мною за все время письмо изъ Читы, отъ мѣстнаго купца Немирова, пришло вскрытымъ.

До пріѣзда въ Читу я носилъ всѣ наиболѣе важныя и компрометирующія бумаги и замѣтки зашитыми въ кожаный поясъ, который я не снималъ съ себя; но съ теченіемъ времени онъ сдѣлался до того тяжелымъ, что я счелъ нужнымъ спрятать всѣ заключавшіеся въ немъ документы и бумаги гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Большую часть бумагъ я заключилъ между двойнымъ дномъ и стѣнами моего деревяннаго сундука, изготовленнаго специально по моимъ указаніямъ, такъ какъ я всегда предвидѣлъ возможность обыска со стороны русской полиціи. Я держалъ въ немъ чайную посуду, и такъ какъ его внѣшность была крайне непривлекательна, то я могъ спокойно держать его въ своей комнатѣ, не опасаясь воровъ и полиціи. Прочіе документы и письма, переданныя мнѣ политическими ссыльными для ихъ родныхъ, я скрылъ въ переплетахъ книгъ, которые были изготовлены нарочно для этой цѣли. Такъ какъ мы везли съ собой мало багажа, то я не захватилъ никакихъ книгъ; ссыльные въ Читѣ снабдили меня англійскимъ экземпляромъ „Давида Копперфильда“, экземпляромъ одного русскаго журнала, въ которомъ находилась статья о русской ссылкѣ, и старымъ томомъ логаринома. „Давидъ Копперфильдъ“ и логарифмы не могли возбудить подозрѣнія, если-бы даже произошелъ обыскъ, а благопріятный русскому правительству отзывъ о ссылкѣ долженъ былъ спасти номеръ русскаго журнала. Наконецъ я спряталъ одно особенно важное письмо въ четырехугольной дощечкѣ, на которой былъ укрѣпленъ писанный красками портретъ одного декабриста. Этотъ портретъ былъ найденъ въ домѣ одного декабриста въ Читѣ и, такъ какъ я собиратель интересныхъ античныхъ вещей, то это реликвія не могла возбудить подозрѣнія недовѣрчивыхъ жандармовъ. Мои бумаги были такъ хорошо спрятаны, что полиція могла ихъ открыть, лишь разломавъ на куски мой сундукъ или разорвавъ всѣ мои вещи.

Въ среду, 9-го декабря мы пропѣли въ послѣдній разъ съ нашими друзьями въ Читѣ прекрасную грустную пѣсню русскихъ революціонеровъ: „Есть на Волгѣ утесъ“, оставили каждому изъ нихъ какую-нибудь вещьцу на память и

съ тяжелымъ сердцемъ простились съ ними на всегда. Черезъ двѣнадцать часовъ мы въ бѣшенномъ галопѣ неслись по дорогѣ въ Иркутскъ. Байкальское озеро еще не покрылось льдомъ, но судоходство по немъ уже прекратилось; поэтому, намъ пришлось объѣхать весь южный берегъ озера по чрезвычайно живописной дорогѣ. Въ понедѣльникъ, 14-го декабря, послѣ обѣда, въ 50—60 миляхъ отъ Иркутска произошла задержка, потому что всѣ почтовые лошади были въ разгонѣ. Уже два мѣсяца мы были отрѣзаны отъ всего остального міра, въ теченіе десяти недѣль не получили ни одного письма изъ дома, не читали ни одной газеты; понятно, что мы съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда въ Иркутскъ. Чтобы не дожидаться, пока лошади прибѣдутъ обратно, мы рѣшились нанять мужика свезти насъ на саняхъ до ближайшей станціи. Мы не воображали, на какія муки обрекли мы себя этимъ. Холодъ былъ ужасенъ, дорога тянулась по гребнямъ довольно высокихъ горныхъ хребтовъ, покрытыхъ частымъ хвойнымъ лѣсомъ. Уже послѣ трехъ миль истощенныя голодомъ клячи отказались тащить нашъ экипажъ въ гору; приходилось оставить сани и идти пѣшкомъ, и это при температурѣ 30° С. ниже нуля. Въ два часа ночи едва живые достигли мы ближайшей станціи. На покрытыхъ льдомъ откосахъ послѣдняго холма я по крайней мѣрѣ двадцать разъ падалъ отъ усталости и истощенія. Во вторникъ, 15-го декабря, мы наконецъ добрались до Иркутска, направились прямо на почту, а оттуда въ гостиницу „Москва“. Не переодѣвшись мы принялись за чтеніе полученныхъ писемъ; ихъ было около 40—50 штукъ, нѣкоторыя изъ нихъ получились полгода спустя послѣ того, какъ были отправлены. Хотя температура достигала 34—37° С. ниже 0, Ангара все таки еще не замерзла по срединѣ. Такъ какъ постоянного моста черезъ Ангару не существуетъ, а паромы уже прекратили перевозъ, то намъ не оставалось ничего другого, какъ ожидать, пока эта быстрая рѣка совершенно покроется льдомъ. Прошло еще три недѣли въ такомъ ожиданіи, наконецъ наше терпѣніе лопнуло, и мы рѣшились на саняхъ отправиться верстъ 200 внизъ по теченію Ангары, гдѣ какъ намъ передавали пріѣзжіе крестьяне, рѣка покрылась сплошнымъ льдомъ. Мы продали нашъ старый тарантасъ и купили на полученные при этомъ деньги до-

рожныя сани; въ пятницу, 8-го января, мы на тройкѣ лошадей выѣхали изъ Иркутска по направленію къ устью Ангары.

Въ восьмидесяти вер. отъ Иркутска на правомъ берегу Ангары находится Александровская тюрьма, которая считается лучшей въ своемъ родѣ въ Россіи, хотя зданіе ея первоначально предназначалось подъ винокуренный заводъ, и даже одно время въ немъ производилась перегонка спирта. Въ 1864 г. зданіе завода было обращено въ тюремный замокъ и никогда не заключало меньше 1000 чел. арестантовъ; въ Александровской тюрьмѣ содержались даже каторжники. Такъ какъ иркутскій вице-губернаторъ описалъ мнѣ этотъ тюремный замокъ, какъ образцовое въ своемъ родѣ учрежденіе, то мнѣ было крайне интересно осмотрѣть русскую тюрьму, имѣющую притязаніе на этотъ почетный титулъ.

Послѣ восьмичасовой довольно пріятной поѣздки мы въ половинѣ девятаго достигли тюремнаго поселенія и остановились въ станціонномъ зданіи; напившись чаю, мы по обыкновенію улеглись на полу.

Въ субботу утромъ мы посѣтили начальника тюрьмы г. Сипягина, который уже былъ официально извѣщенъ о нашемъ пріѣздѣ, чтобы попросить у него разрѣшенія осмотрѣть Александровскую тюрьму. Г. Сипягинъ развитой и образованный мужчина, лѣтъ 35—40, принялъ насъ очень любезно и настоялъ на томъ, чтобы мы завтракали у него; послѣ завтрака мы втроемъ отправились въ тюремный замокъ.

Александровскій тюремный замокъ представляетъ собой двухэтажное кирпичное зданіе, крытое желѣзомъ, длиной въ 300 ф., шириной въ 100 ф. Тюрьма состоитъ изъ 75 камеръ для совмѣстнаго, 10 камеръ для одиночнаго заключенія, 5 „секретныхъ камеръ“ для заключенія особенно важныхъ преступниковъ. Во время нашего посѣщенія въ тюрьмѣ содержались 992 преступника, и въ „свободной командѣ“ при Александровской тюрьмѣ проживали 900 чел., уже отбывшихъ срокъ „испытанія“. Намъ прежде всего показали тюремную мукомольню. Она находилась въ самомъ нижнемъ этажѣ. Воздухъ въ ней былъ свѣжъ, и работа была хоть и утомительна, но не истощала чрезмѣрно преступниковъ; какъ только вертѣвшій ручку машины преступникъ обнаруживалъ усталость, его сейчасъ-же замѣняли другимъ. Директоръ тюрьмы заявилъ намъ, что работа на мельницѣ единствен-

ный тяжелый трудъ, который лежитъ на преступникахъ; ни одному не приходится работать болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Изъ мельницы мы направились въ камеры, которыя занимали большую часть всего зданія; цифра заключенныхъ въ ней колебалась между 15 — 75 чел. По величинѣ онѣ были не одинаковы, но обширны и вполне удобны для находившихся въ нихъ узниковъ; полы и нары содержались въ замѣчательной опрятности; воздухъ не оставлялъ желать ничего лучшаго; единственный замѣченный мною недостатокъ состоялъ въ отсутствіи матрацовъ и подушекъ. Во всѣхъ помѣщеніяхъ была устроена прекрасная вентиляція; въ нѣкоторыхъ камерахъ сами же арестанты заткнули вентиляторы разными лохмотьями. Корридоры, въ которые выходили камеры, были высоки, просторны и свѣтлы; воздухъ въ нихъ былъ почти такъ же свѣжъ, какъ на дворѣ. Послѣ осмотра камеръ мы направились въ кухню, гдѣ ежедневно готовилась пища болѣе чѣмъ на 1000 чел. и гдѣ я констатировалъ ту же опрятность, тотъ же порядокъ, который господствовалъ во всей тюрьмѣ. Я попробовалъ варившагося супу и хлѣба, и нашелъ ихъ довольно вкусными. Г. Сипягинъ сообщилъ мнѣ, что ежедневный арестантскій паекъ состоитъ изъ трехъ фунтовъ ржаного хлѣба, около 7 унцій мяса и трехъ унцій гречневой крупы, иногда только выдается арестантамъ картофель или какія-нибудь другія овощи; чай и сахаръ казной не отпускаются, но арестанты имѣютъ право покупать ихъ на собственные деньги.

Когда мы вышли изъ кухни, г. Сипягинъ спросилъ насъ, не желаемъ-ли мы осмотрѣть школы. Я конечно, попросилъ директора показать се намъ, такъ какъ мы даже не считали возможнымъ существованіе чего-либо подобнаго при русскихъ тюрьмахъ. Г. Сипягинъ предложилъ намъ подняться на второй этажъ, гдѣ находилась школа. Это была чистая, свѣтлая комната, которую сами ссыльные снабдили скамьями; тюремное начальство подарило школѣ классную доску, большой глобусъ, карты Сибири и Палестины и нѣсколько дешевыхъ литографій. Въ комнатѣ не было ни одного учащагося, но директоръ увѣрялъ, что ссыльные часто собираются въ комнатѣ, чтобы читать, пѣть или выслушивать проповѣди священника. Ощущался лишь крайній недостатокъ въ книгахъ. Положимъ, что ссыльные обладали нѣсколькими экземплярами Новаго Завѣта и брошюрами

духовнаго содержанія, которыя подарилъ тюремной школѣ г. Ланселль нѣсколько лѣтъ тому назадъ ¹⁾; но они желали имѣть учебныя книги и маленькую библіотеку. Изъ школы мы отправились въ тюремныя мастерскія, гдѣ работали 25—30 портныхъ, сапожниковъ и столяровъ; воздухъ въ мастерскихъ былъ смѣшанъ съ запахомъ еловыхъ стружекъ и русской кожи. Директоръ заявилъ, что ссыльнымъ позволяется заниматься той профессіей, къ которой они чувствуютъ склонность; изъ заработанныхъ денегъ они получали двѣ трети. Одна треть выдается ссыльнымъ немедленно по продажѣ изготовленныхъ ими вещей, другая по отбытіи срока наказанія, остальные деньги поступаютъ въ пользу казны. Осмотрѣвши тюрьму, которую мы нашли въ порядкѣ, и въ которой находилось лишь 42 пациента, мы вернулись въ домъ Сипягина. Директоръ былъ, повидимому, очень доволенъ, когда я ему откровенно сказалъ, что изъ пятнадцати осмотрѣнныхъ мною въ Сибири тюремъ Александровская тюрьма произвела на меня самое лучшее впечатлѣніе, и что тюремное начальство добросовѣстно исполнило свой долгъ, облегчивши, насколько это отъ него зависѣло, безотрадное положеніе ссыльныхъ. Положимъ, что Александровская тюрьма еще не представляетъ послѣдняго слова науки по своему устройству, но въ сравненіи со всѣми остальными сибирскими тюрьмами она можетъ, дѣйствительно, считаться образцовой.

Поздно вечеромъ того же дня г. Сипягинъ, капитанъ Маковский, тюремный врачъ, г. Фростъ и я еще разъ отправились въ тюрьму, чтобы посмотрѣть, въ какомъ состояніи она находится въ теченіе ночи. Ссыльные спали рядами на голыхъ нарахъ; когда мы входили въ какую-нибудь камеру, арестанты въ испугѣ пробуждались, но не испускали ни одного звука: такъ прошли мы черезъ шесть или семь камеръ. Во всѣхъ камерахъ были поставлены на ночь „параши“; воздухъ уже не былъ такъ свѣжъ, какъ днемъ, но далеко не такъ испорченъ, какъ въ другихъ сибирскихъ тюрьмахъ. Короче говоря, состояніе Александровской тюрьмы дѣлало честь ея директору г. Сипягину. Къ сожалѣнію, я

¹⁾ Это было единственное мѣсто въ Сибири, гдѣ я нашелъ слѣды тѣхъ книгъ и брошюръ, которыя раздавалъ г. Ланселль во время своего путешествія въ Сибирь.

очень рѣдко имѣлъ случай выносить при осмотрѣ тюремъ въ Сибири такое пріятное впечатлѣніе.

Въ понедѣльникъ утромъ мы распростились съ г. Сипягинымъ и съ его очаровательной и высокообразованной супругой, оказавшими намъ самое радушное гостепріимство, и продолжали нашъ путь. Дорога, которая идетъ все время по берегу Ангары и по склонамъ крутыхъ холмовъ, окаймляющихъ ее на востокъ, вслѣдствіе скопленія льда въ нижнемъ теченіи рѣки стояла подъ водой. Съ большимъ трудомъ подвигались мы впередъ. Выброшенные на берегъ льдины все больше и больше загораживали дорогу. Въ концѣ концовъ намъ пришлось съѣхать съ берега на тонкій прибрежный слой льда. За деревней Олонъ мы погнали нашу тройку вскачь, какъ вдругъ ледъ подъ тяжестью саней подломился; раздался страшный трескъ, и лошади вмѣстѣ съ санями погрузились въ стремительную Ангару. Къ счастью широкія сани зацѣпились за края образовавшейся проруби; мы не потеряли присутствія духа, и намъ удалось выбраться изъ саней. Отрѣзавъ постромки, мы стали вытаскивать изъ воды одну лошадь за другой, подняли съ помощью свѣжихъ лошадей наши сани и вернулись обратно въ Олонъ, чтобы произвести необходимыя починки. Посоветовавшись съ поселянами, мы рѣшили провести эту ночь въ деревнѣ; продолжая нашъ путь по слабому льду, покрывавшему Ангару, мы рисковали еще не разъ провалиться въ воду, и неизвѣстно, отдѣлались бы мы тогда такъ благополучно, какъ въ первый разъ. Поздно ночью удалось намъ достать проводника, который польстившись на 15 руб., обѣщанныхъ нами, согласился проводить насъ въ сосѣднюю деревню, лежащую по теченію Ангары. Дорога туда пролетала черезъ горы, но такъ какъ снѣгъ былъ неглубокъ, то я надѣялся добраться до этой деревни безъ всякихъ приключеній, и въ половинѣ одиннадцатаго мы тронулись въ путь. За все время моего путешествія по Восточной Сибири я не провелъ болѣе страшной ночи. Около полуночи поднялся бурянь, огромные хлопья снѣгу носились въ воздухѣ; морозъ достигалъ 25—30°; мы вскорѣ сбились съ дороги; г. Фростъ и я слѣзли съ саней и начали бродить по глубокому снѣгу, отыскивая проѣзжую дорогу, но все было напрасно. Около четырехъ часовъ утра я почувствовалъ страшную боль въ легкомъ и черезъ полчаса я уже не могъ болѣе держаться

на ногахъ. Предоставивъ г. Фросту и кучеру бороться съ разъяреной стихіей, я влѣзъ въ повалившіяся на бокъ сани, завернулся какъ можно теплѣе въ шубу и потерялъ сознание. Обо всемъ, что произошло послѣ этого, я не имѣю никакого понятія. На разсвѣтѣ я былъ разбуженъ громкимъ лаемъ. Высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ передъ собою деревню Пашки. Обогрѣвшись и напившись чаю, мы продолжали нашъ путь; въ тотъ же день мы достигли села Каменки и уже подъ вечеръ перебрались черезъ замерзшую Ангару на другой берегъ. Ночь мы провели въ уютномъ станціонномъ зданіи на большомъ сибирскомъ трактѣ.

59096